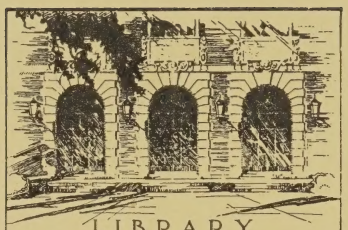
СОЧИНЕНІЯ

ЛАЖЕЧНИКОВА



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.73
L45
I1899
v.9-10

UNIVERSITY LIBRARY

UNIVERSITY OF ILLINOIS AT URBANA-CHAMPAIGN

The person charging this material is responsible for its renewal or return to the library on or before the due date. The minimum fee for a lost item is **$125.00, $300.00** for bound journals.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University. *Please note: self-stick notes may result in torn pages and lift some inks.*

Renew via the Telephone Center at 217-333-8400, 846-262-1510 (toll-free) or circlib@uiuc.edu.
Renew online by choosing the **My Account** option at:
http://www.library.uiuc.edu/catalog/

NOV 2 1 2006

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

БАСУРМАНЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1913

Печать Типографіи
Т-ва М-О-Вольфъ
1913

ПРОЛОГЪ.

«Божіею милостію, радуйся и здравствуй, господинъ и сынъ нашъ, князь великой, Дмитрій Ивановичъ, всея Руси... на многая лѣта!»

Слова митрополита по случаю вѣнчанія на великокняженіе Дмитрія Іоанновича, внука Іоанна III

Это было 27-го октября 1505 года. Будто къ вѣнчанію царя, Москва снарядилась и изукрасилась. Соборъ Успенскій, церковь Благовѣщенія, Грановитая палата, Теремный дворецъ, Кремль съ своими стрѣльницами, множество каменныхъ церквей и домовъ, разсыпанныхъ по городу, — все это, только-что вышедшее изъ-подъ рукъ искусныхъ зодчихъ, носило на себѣ печать свѣжести и новизны, какъ бы возникло въ одинъ день волею всемогущею. Дѣйствительно, все это было сотворено въ короткое время геніемъ Іоанна III Кто оставилъ бы Москву за тридцать лѣтъ назадъ бѣдною, ничтожною, похожею на большое село, огороженное дѣтинцемъ, не узналъ бы ея, увидавъ теперь. Также скоро и вся Русь поднялась на ноги по одному молодецкому оклику этого генія. Взявъ исполина-младенца подъ свою царскую опеку, онъ сорвалъ съ него пелены, и не по годамъ, а по часамъ, воспиталъ его

на богатырство. Новгородъ и Псковъ, не ломавшіе ни передъ кѣмъ шапки, сняли ее передъ нимъ, да еще принесли въ ней свою волю и золото; иго ханское свержено и переброшено за рубежъ земли Русской; Казань, хотя отыгрывалась еще отъ великаго ловчаго, но отыгрывалась какъ волчица, которой некуда утечь; удѣлы сплавлены и выкованы въ одинъ могучій особнякъ, и тотъ, кто все это сотворилъ, первый изъ русскихъ властителей воплотилъ въ себѣ идею царя.

Однакожъ, 27-го октября 1505 года, изукрашенная Москва готовилась не къ радостному, а печальному торжеству. Іоаннъ, изнемогая и духомъ и тѣломъ, лежалъ на смертномъ одрѣ. Онъ забылъ свои подвиги, онъ помнилъ только грѣхи свои и каялся въ нихъ.

Было время къ вечеру. Въ храмахъ горѣли одинокія лампады; сквозь слюду и пузыри оконъ свѣтились въ домахъ огни, зажженные вѣрою и нуждою. Нигдѣ народная любовь не теплила ихъ, потому что народъ не понималъ заслугъ Великаго и не любилъ его за нововведенія. Въ одномъ углу казеннаго двора, черная изба позднѣе другихъ домовъ освѣтилась слабымъ огонькомъ. На пузырную оболочку окна ея желѣзная рѣшетка съ ершами отбросила клѣтчатую тѣнь, которую, однакожъ, пестрила точка, то блестящая какъ искра, то вьющая струю пара. Знать, узникъ провертѣлъ отверстіе въ пузырѣ, чтобы украдкою отъ своего сторожа глядѣть на свѣтъ Божій.

Это была тюрьма, и въ ней, на этотъ разъ, томился молодой узникъ. Ему казалось не больше 20 лѣтъ. Такъ молодъ! Какія же раннія преступленія могли привести его сюда? По лицу его не вѣришь этимъ преступленіямъ, не вѣришь, чтобы Богъ создалъ

такую обманчивую наружность. Такъ пригожъ и благовиденъ, что, кажется, ни одинъ черный помыселъ не пробѣжитъ по спокойному челу, ни одна страсть не заиграетъ въ его глазахъ, исполненныхъ любви къ ближнему и безмятежной грусти. И между тѣмъ статенъ, величавъ; какъ встрепенется изъ дремоты своей, какъ тряхнетъ черными кудрями, видѣнъ забывшійся господинъ, а не рабъ. Руки его бѣлы, нѣжны, словно женскія. На косомъ воротникѣ рубашки горитъ изумрудная запонка; въ сырой, закопченной избѣ, на широкомъ прилавкѣ пуховикъ, съ изголовьемъ изъ *мисюрской* камки и съ шелковымъ одѣяломъ, а подлѣ постели ларецъ изъ бѣлой кости филигранной работы. Видно, не простой узникъ!

Не простой, да еще вѣнчанный... И чистъ дѣлами и помыслами, какъ житель неземной. Всѣ его преступленія — въ вѣнцѣ, котораго онъ не искалъ и который надѣла на него прихоть властителя; никакой крамолѣ, никакому злу не причастный, онъ виноватъ за чужія вины, за честолюбіе двухъ женщинъ, за коварство царедворцевъ, за гнѣвъ дѣда на сторонних, не на него жъ. Ему назначили царство, и отвели въ тюрьму! Онъ не понималъ, почему вѣнчаютъ его, и теперь не понимаетъ, за что его лишили свободы, свѣта Божьяго, всего, въ чемъ не отказываютъ и смерду. За него ближніе и молиться не смѣютъ вслухъ.

Это внукъ Іоанна III, единственное дитя любимаго сына его, злополучный Дмитрій Іоанновичъ.

То сидѣлъ онъ въ грустномъ раздумьѣ, облокотясь на колѣна и утопивъ пальцы въ чернокудрой головѣ, то вставалъ, то ложился. Онъ метался, какъ будто

дали ему отраву. Никого съ нимъ не было. Одинокій огонекъ освѣщалъ его бѣдное, несчастное жилище. Тишину избы нарушали капель съ потолка или мышь, подбиравшая крохи отъ трапезы узника. Огонекъ то замиралъ, то вспыхивалъ, и въ эти переливы свѣта, казалось, ползли по стѣнѣ ряды огромныхъ пауковъ. Въ самомъ же дѣлѣ, это были каракульки на разныхъ языкахъ, начертанныя углемъ или гвоздемъ. Едва можно было разобрать въ нихъ: «Mathcas», «Марѳа, посадница Великаго-Новгорода», «Будь проклятъ!», «liebe Mutter, liebe A...», и еще, еще какія-то слова, разорванныя струями, которыя текли по стѣнѣ, или стертыя негодованіемъ и невѣжествомъ сторожей.

Дверь темницы тихонько отворилась. Дмитрій Іоанновичъ встрепенулся.

— Аѳоня! это ты? — радостно спросилъ онъ; но, увидавъ, что принялъ вошедшаго за другого, присовокупилъ съ грустью: — Ахъ, это ты, Небогатый!.. Чтожъ нейдетъ Аѳоня?.. Мнѣ скучно, мнѣ тошнехонько, меня тоска гложетъ, будто змѣя подколодная лежитъ у сердца. Вѣдь ты сказалъ, что будетъ Аѳоня, когда огни зажгутъ въ домахъ?

— Аѳанасій Никитичъ никогда не кривитъ словомъ, не то, что глазомъ, — сказалъ дьякъ Дмитрія, Небогатый, приставникъ добрый, услужливый и, между тѣмъ, строгій въ исполненіи наставленій, данныхъ великимъ княземъ, какъ стеречь внука. (Надо знать, что въ это время онъ же, за болѣзнію Дмитріева *казначея и постельничаго*, исполнялъ ихъ должность. Честь честью князю, хоть и заключенному!..) — Успокойся, Дмитрій Ивановичъ, голубчикъ мой! Ужъ, конечно, скоро придетъ нашъ краснобай. Ты самъ вѣдаешь,

хилъ становится, худо видитъ, такъ бредетъ себѣ ощупью. А ты, покуда, милое дитятко мое, поиграй, потѣшься своими игрушками. Присядь себѣ хорошенько на постелюшкѣ; я подамъ тебѣ твой ларецъ.

И Дмитрій Ивановичъ, дитя, которому было за 20 лѣтъ, отъ скуки, его томившей, исполнилъ тотчасъ предложеніе своего дьяка, сѣлъ съ ногами на постель, взялъ костяной ларецъ къ себѣ на колѣна и отперъ его ключемъ, который висѣлъ у него на поясѣ. Понемногу, одна за другою, выходили на свѣтъ Божій дорогія вещицы, заключенныя въ этомъ ларцѣ. Княжичъ подносилъ къ огню то цѣпь золотую съ медвѣжьими головками, или чешуйчатый золотой поясъ, то жуковины (перстни) яхонтовыя и изумрудныя, то крестики, монисты, запястья, запонки драгоцѣнныя; любовался ими, надѣвалъ ожерелья себѣ на шею и спрашивалъ дьяка, идутъ ли они къ нему; бралъ зерна бурмицкія и лалы въ горсть, пускалъ ихъ будто дождь, сквозь пальцы, тѣшился ихъ игрою, какъ настоящее дитя, — и вдругъ, послышавъ голосъ въ ближней комнатѣ, бросилъ все кое-какъ въ ларецъ. Лицо его просіяло.

— Это Аѳоня! — молвилъ онъ, отдавая ларецъ дьяку, и слѣзъ съ постели.

— Запри, Дмитрій Ивановичъ! — сказалъ съ твердостью Небогатый, — безъ того не приму.

Проворно щелкнулъ ключъ въ ларцѣ; дверь отворилась, и вошелъ въ избу тюремную старичекъ небольшого роста, сгорбившійся подъ ношею лѣтъ; ими золотилось уже серебро волосъ его. Отъ маковки головы до конца вѣкъ лѣваго глаза врѣзался глубокій шрамъ, опустившій такимъ образомъ надъ этимъ гл

зомъ вѣчную занавѣску; зато другой глазъ вправленъ былъ въ свое мѣсто, какъ драгоцѣнный камень чудной воды, потому что блисталъ огнемъ необыкновеннымъ и, казалось, смотрѣлъ за себя и своего бѣднаго собрата. Сынъ не встрѣчаетъ ласковѣе отца нѣжнолюбимаго, какъ встрѣтилъ старика Дмитрій Ивановичъ. Радость горѣла въ очахъ царевича, въ каждомъ движеніи его. Онъ принималъ отъ гостя посохъ, стряхалъ съ него порошинки снѣга, обнималъ его, усаживалъ на почетное мѣсто своей постели. А гость былъ не иной кто, какъ тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ, купецъ безъ торговли, безъ денегъ, убогій, но богатый свѣдѣніями, собранными имъ на отважномъ пути въ Индію, богатый опытами и вымыслами, которые онъ, сверхъ того, умѣлъ украшать сладкою, вкрадчивою рѣчью. Онъ жилъ пособіями другихъ и не былъ ни у кого въ долгу: богатымъ платилъ своими сказками, а бѣдныхъ дарилъ ими. Ему позволено было посѣщать великаго князя Дмитрія Ивановича (котораго, однакожъ, запрещено было называть великимъ княземъ). Можно судить, какъ онъ наполнялъ ужасную пустоту его заключенія и какъ поэтому былъ дорогъ для него. Чтожъ давалъ ему за труды Дмитрій? Много, очень много для добраго сердца: свои радости, единственныя, какія оставались у него въ свѣтѣ, — и эту награду тверитянинъ не промѣнялъ бы на золото. Какъ-то разъ хотѣлъ царевичъ подарить ему дорогую вещицу изъ своего костяного ларца, но дьякъ съ бережью напомнилъ узнику, что всѣ вещи въ ларцѣ — его, что онъ можетъ играть ими, сколько душѣ угодно, да располагать ими не воленъ.

Вчера Аѳанасій Никитинъ началъ современную ему

повѣсть о *Нѣмчинѣ*, прозванномъ «*басурманомъ*». Нынѣ, усѣвшись, продолжалъ ее. Рѣчь его текла, какъ пѣсня соловушки, котораго можно заслушаться отъ зари вечерней до утренней, не смыкая глазъ. Жадно внималъ царевичъ разсказчику; рдѣли щеки его, и нерѣдко струились по нимъ слезы. Далеко, очень далеко уносился онъ изъ тюрьмы своей, и только повременамъ грубая брань сторожей за перегородкой напоминала ему горькую существенность. Между тѣмъ дьякъ Небогатый бѣгло поскрипывалъ перышкомъ; листы, склеенные вдоль одинъ за другимъ, уписывались чудными знаками и свивались въ огромный столбецъ. Онъ писалъ со словъ Аѳанасія Никитина: «*Сказаніе о нѣкоемъ Нѣмчинѣ, иже прозванъ бѣ бесерменомъ*».

Вдругъ, среди разсказа, вбѣжалъ въ тюрьму дворецкій великаго князя:

— Иванъ Васильевичъ готовится отдать Богу душу, — сказалъ онъ торопливо, — онъ сильно воспечаловался о тебѣ и послалъ за тобой. Поспѣшай.

Судорожно затрепеталъ княжичъ. По лицу его, которое сдѣлалось подобно бѣлому платку, пробѣжала какая-то дума; она вспыхнула во взорахъ его. О, это была дума раздольная!.. Свобода... вѣнецъ... народъ... милости... можетъ быть, и казнь... чего не было въ ней? Узникъ-дитя, только-что игравшій цвѣтными камушками, сталъ великимъ княземъ всея Руси!

Іоаннъ — еще земной властитель на смертномъ одрѣ; еще смерть не сковала устъ его, и эти уста могутъ назначить ему преемника. Мысль о будущей жизни, раскаяніе, свиданіе со внукомъ, котораго онъ самъ добровольно вѣнчалъ на царство и котораго при-

вели изъ тюрьмы, какую силу должны имѣть надъ волею умирающаго!

Княжичу подали шапку, и онъ, въ чемъ былъ, сопровождаемый дьякомъ и приставами, поспѣшилъ въ палаты великокняжескія. Въ сѣняхъ встрѣтили его рыданія ближнихъ и слугъ великаго князя.

— Сталось... дѣдъ умеръ! — подумалъ онъ, и сердце его упало, шаги запнулись.

Появленіе Дмитрія Ивановича во дворцѣ великокняжескомъ остановило на время общую скорбь, настоящую и мнимую. Неожиданность, новость предмета, чудная судьба княжича, состраданіе, мысль о томъ, что онъ, можетъ статься, будетъ властителемъ Руси, сковали на мигъ умы и сердца дворчанъ. Но и въ это время между бородками были умныя головы; тонкіе, дальновидные разсчеты, называемые нынѣ политикою, такъ же какъ и нынѣ, часто били навѣрное вмѣстѣ съ судьбою, хотя иногда, такъ же какъ и въ наши дни, подшибались могучею рукою Провидѣнія.

Разсчеты эти восторжествовали надъ минутнымъ недоумѣніемъ, плачь и рыданія опять начались и сообщились толпѣ. Только одинъ голосъ, посреди причитаній изученной скорби, осмѣлился возвыситься надъ ними:

— Поспѣшай, батюшка, родимый нашъ... за тобой послано ужъ не малое время... Иванъ Васильевичъ еще живъ... Благослови тебя Господь на великокняженіе!

Этотъ голосъ одушевилъ княжича; но когда ему надо было вступить въ *постельную хоромину*, гдѣ лежалъ умирающій, силы его начали упадать. Дверь отворилась; онъ приросъ къ порогу..

Іоанну оставалось жить нѣсколько минутъ. Казалось, смерть ждала только прихода внука его, чтобы дать ему отходную. У постели его стояли сыновья, митрополитъ, любимые бояре, близкіе люди.

— Сюда... ко мнѣ, Дмитрій!.. милый внукъ мой!..— сказалъ великій князь, увидавъ его сквозь смертный туманъ.

Дмитрій Ивановичъ бросился къ одру, припалъ на колѣна, лобызалъ хладѣющую руку дѣда, орошалъ ее слезами. Умирающій, будто силою гальванизма, приподнялъ голову, положилъ одну руку на голову внука, другою благословилъ его, потомъ произнесъ задыхающимся голосомъ

— Я согрѣшилъ передъ Богомъ и тобою... Прости мнѣ... прости... Господь и я вѣнчали тебя... будь... мо... имъ...

Лицо Василія Іоанновича искосило завистью и страхомъ.

Еще одно слово...

Но смерть стояла тутъ на сторонѣ сильнаго, и это слово не было произнесено на этомъ свѣтѣ. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ испустилъ послѣднее дыханіе, припавъ холодными устами къ челу своего внука. Сынъ его, назначенный имъ заранѣе въ наслѣдники, тотчасъ вступилъ во всѣ права свои.

Дмитрія оттащили отъ смертнаго одра, вывели изъ палатъ великокняжескихъ и отвели... опять въ темницу.

Тамъ, на его постели, отдыхалъ Аѳоня крѣпкимъ сномъ праведника. Выплакавъ свое горе, прилегъ подъ бокъ къ старцу и злополучный Дмитрій. Царевичъ и убогій тутъ уравнялись. Одному снился въ эту ночь

столы великокняжескіе и пышный вѣнецъ, горящій, какъ жаръ, на головѣ его, и пріемы пословъ чужеземныхъ, и смотръ многочисленной рати; другому — гостепріимная пальма и ручей въ степяхъ Аравіи. Убогій проснулся первый, и какъ изумился онъ, увидавъ подлѣ себя царевича! Грустно покачалъ онъ сѣдою головой, прослезился, и только-что началъ благословлять его, какъ послышалъ веселый, отважный возгласъ во снѣ Дмитрія Ивановича: «молодцы!.. на татаръ!.. на Литву!..»

И вслѣдъ за тѣмъ пробудился княжичъ. Долго протиралъ онъ себѣ глаза, озирался вокругъ себя, и потомъ, упавъ на грудь Аѳони, залился слезами:

— Ахъ, дѣдушка, дѣдушка! мнѣ снилось...

Скоро и все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ палатахъ великокняжескихъ, стало казаться ему соннымъ видѣніемъ. Только, припоминая себѣ этотъ тяжкій сонъ, онъ чувствовалъ на челѣ своемъ ледяную печать, которую наложили на него уста вѣнценоснаго мертвеца.

Пришла зима; все было въ *черной* избѣ попрежнему. Перемѣнились однѣ декораціи: утихъ однообразный шумъ капели, исчезла и свѣтлая точка на пузырѣ одинокаго окна; вмѣсто ихъ серебряная кора облѣпила углы стѣнъ и пазы потолка; а свѣтлую точку, сквозь которую узникъ видѣлъ небо съ его солнышкомъ и вольныхъ птичекъ, покрыла тяжелая заплатка. Но Аѳоня попрежнему навѣщалъ тюрьму. Онъ досказалъ свою повѣсть о нѣмцѣ, котораго называли «Басурманомъ», и доброписецъ Небогатый, передавъ ее исправно бумагѣ, положилъ свитокъ въ кованый сундукъ—внукамъ на потѣшеніе.

Прошло года три съ небольшимъ.

Вѣнчаннаго узника не стало въ тюрьмѣ, и Аѳанасія Никитина не видать уже было въ ней. Знать, Дмитрія Іоанновича выпустили на свободу?.. Да, Господь освободилъ его отъ всѣхъ земныхъ узъ. Вотъ что пишетъ лѣтописецъ:

«1509 года, 14-го февраля, преставился великой князь Дмитрій Іоанновичъ въ нужѣ, въ тюрьмѣ».

Герберштейнъ прибавилъ:

«Думаютъ, что онъ умеръ отъ холода или отъ голода, или задохнулся отъ дыма».

Этотъ прологъ требуетъ объясненія.

Вотъ оно.

Въ 1834 году, въ С.....мъ уѣздѣ продано было помѣстье одного изъ вельможъ екатерининскихъ. Богатая старинная библіотека, въ которой (такъ сказали мнѣ люди, достойные вѣры) находились историческія сокровища, распродана была кому попало. Пріѣхавъ на мѣсто, бросаюсь къ добычникамъ, чтобы силою золота исхитить у нихъ какую-нибудь непонятную рѣдкость. Надежда тщетная! я опоздалъ. Большая часть библіотеки—говорятъ мнѣ въ утѣшеніе—досталась ст.....му мяснику, который допродаетъ книги кипами, на вѣсъ [1]). Спѣшу къ нему, и получаю отвѣтъ, что все уже разобрано.

— Вотъ остатки, — промолвилъ онъ, указывая на

---

[1]) Совершенная правда! Даже въ Москвѣ объ этомъ знали библіоманы, и просили меня развѣдать, не сыщется ли какая историческая рѣдкость у мясника.

книжную рухлядь и полуистлѣвшіе столбцы, — посмотрите, не выберете ли себѣ чего?

Съ жадностью и трепетомъ принимаюсь за работу; погружаюсь въ пыль и ветошь бумажную... Тутъ ничего, тамъ столько же, далѣе вздоръ! Опять за розыски... опять утопаю въ нихъ... Время летитъ. Мясникъ поглядываетъ на меня, какъ на сумасшедшаго... Наконецъ (о, буди благословенно жилище его!) развертываю одинъ полуистлѣвшій столбецъ, пригнетенный сильными изъ книжнаго царства въ самый уголъ кладовой. Заглавіе очень заманчиво: «*Сказаніе о нѣкоемъ Нѣмчинѣ, иже прозванъ бѣ бесерменомъ*». Читаю текстъ — сокровище! Перебираю больные листы съ осторожностью врача — въ сердцѣ столбца итальянская рукопись... Въ ней все тѣ же имена, какъ и въ русской, съ прибавкою нѣсколькихъ новыхъ, большею частію иностранныхъ; герой повѣсти одинъ и тотъ же. Видно, писано человѣкомъ близкимъ къ нему: разсказъ дышитъ особенною къ нему любовью и возвышенными чувствами. На заглавномъ листѣ стоитъ только: «*Памяти моего друга Антоніо*». Это успѣлъ я наскоро разсмотрѣть въ чудномъ архивѣ мясника. Не могу скрыть восторга, и въ жару предлагаю бородатому Лавока самую пригожую, любую Іо изъ своего стада. Торгъ разомъ слаженъ; привожу столбецъ домой, дрожа за хилую жизнь его. Разбираю листы русской хартіи, какъ лепестки дорогого цвѣтка, готоваго облетѣть. Едва-едва успѣваю спасти отъ разрушенія половину ея. Итальянская рукопись болѣе уцѣлѣла. Изъ нихъ-то составилъ я «*Повѣсть о басурманѣ*», пополнивъ изъ исторіи промежутки, сдѣланные разрушительнымъ временемъ.

— «Уловки романиста! — скажутъ, можетъ быть, нѣкоторые изъ моихъ читателей и читательницъ, — уловки, чтобы заинтересовать насъ къ своему произведенію!

Вѣрьте или нѣтъ, мой почтеннѣйшій, и вы, любезнѣйшая изъ любезнѣйшихъ, а можетъ статься и прекраснѣйшая, говорите, если вамъ угодно, что я написалъ это предисловіе именно съ цѣлію представить картину Москвы, обновленной и украшенной великимъ Іоанномъ, — картину, которая не могла попасть въ мой романъ: возражать не буду. Говорите, что я это сдѣлалъ, желая помѣстить хоть гдѣ-нибудь романическое, интересное лицо Дмитрія Іоанновича, которое не могло быть поставлено на первомъ планѣ романа, занятомъ ужъ другимъ лицомъ, а на второмъ планѣ не умѣщалось; прибавьте, что я, вслѣдствіе всѣхъ этихъ потребностей, придумалъ и находку рукописей; говорите что вамъ угодно: очныхъ ставокъ дѣлать не могу, доказывать на бумагѣ справедливость моихъ показаній не въ состояніи, и потому, виноватый безъ вины, готовъ терпѣть ваше осужденіе. Чтожъ дѣлать? сказочникамъ не въ первый разъ достается за обманъ. Кажется, было кѣмъ-то говорено: лишь бы обманъ былъ похожъ на истину и нравился, такъ и повѣсть хороша; а розыски исторической полиціи здѣсь не у мѣста. Не оправдываюсь также въ двухъ, трехъ анахронизмахъ годовъ, или времени года, или мѣсяцевъ, сдѣланныхъ, когда я пополнялъ промежутки въ рукописяхъ. Они умышленны: легко это замѣтить. Указывать на нихъ въ выноскахъ почелъ я лишнимъ: стоитъ развернуть любую исторію русскую, чтобы найти, напримѣръ, что покореніе Твери случилось осенью, а

не лѣтомъ, что то и то случилось не въ одномъ году, что наказаніе еретиковъ было въ Новгородѣ, а не въ Москвѣ. Предоставляю дѣтямъ отыскивать эти вольныя и невольныя погрѣшности. Такихъ анахронизмовъ (замѣтьте: не обычаевъ, не характера времени) никогда не вмѣню въ преступленіе историческому романисту. Онъ долженъ слѣдовать болѣе поэзіи исторіи, нежели хронологіи ея. Его дѣло не быть рабомъ чиселъ: онъ долженъ быть только вѣренъ характеру эпохи и двигателя ея, которыхъ взялся изобразить. Не его дѣло перебирать всю меледу, пересчитывать труженнически всѣ звѣнья въ цѣпи этой эпохи и жизни этого двигателя: на это есть историки и біографы. Миссія историческаго романиста — выбрать изъ нихъ самыя блестящія, самыя занимательныя событія, которыя вяжутся съ главнымъ лицомъ его разсказа, и совокупить ихъ въ одинъ поэтическій моментъ своего романа. Нужно ли говорить, что этотъ моментъ долженъ быть проникнутъ идеей?.. Такъ понимаю я обязанности историческаго романиста. Исполнилъ ли я ихъ — это дѣло другое.

БАСУРМАНЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВЪ БОГЕМІИ

Разлилась, разлелѣялась
По лугамъ вода вешняя;
Унесло, улелѣяло
Чадо милое отъ матери.
Осталася родимая
На крутомъ, красномъ бережку;
Закричитъ она громкимъ голосомъ:
«Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое...»

Старинная пѣсня.

Знаете ли, гдѣ Бѣлая гора? — Не знаете, такъ я вамъ скажу: это въ Богеміи, близъ границъ саксонскихъ. Сюда поведу васъ теперь.

Вотъ, неподалеку отъ этой горы, сквозь мракъ черной, осенней ночи, мерещется на берегу Эльбы башня, омытая дождемъ. Вотъ, въ двухъ щеляхъ, которыя называются окнами, засверкалъ огонекъ, освѣтилъ смиренное зданіе и невѣрно протянулъ его въ рѣку. Волчья ночь! ни искорки на небѣ, ни отрадной бѣловатой полосы, обѣщающей утро. Мраку нѣтъ гра-

ницъ: кажется, и ночи этой не будетъ конца. Вѣтеръ, будто злой духъ, рвется въ башню; его завываніямъ вторитъ вой волковъ въ ближнемъ кустарникѣ. Рѣка, разстроенная въ своемъ теченіи, опрокинулась поперекъ, осадила положеніе башни и силится захлеснуть ее полою своихъ валовъ.

Въ башнѣ все тихо; сквозь рѣшетку и слюду оконъ едва слышится голосъ вѣтра, наигрывающій свои грустныя фантазіи. Огромная комната освѣщена пылающимъ въ очагѣ костромъ. Вездѣ замѣтна простота и даже бѣдность. Украшеніемъ служатъ только рога оленей и нѣсколько оружій, развѣшанныхъ по стѣнамъ. Противъ огня, опрокинувшись назадъ на спинку креселъ, дремлетъ восковое лицо старушки; очеркъ его, пощаженный временемъ, говоритъ еще, что она была смолоду красавица, несмотря на темныя, мѣстами, пятна, которыя, вѣроятно, болѣзнь оставила на немъ. Изрѣдка печальныя думы перебѣгаютъ по этому лицу; чаще проникнуто оно грустью, и вы, не видя на немъ слезъ, сказали бы, что душа ея вся въ слезахъ. Старушка должна быть хозяйка башни, которую называли нѣкогда замкомъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея старикъ сѣдовласый, высокій, худощавый — служитель, оруженосецъ или кастелянъ. Смотря на него, дѣлаешься добрѣе, благочестивѣе, становишься ближе къ небу. Гдѣ такіе старики въ домѣ, тамъ, полагать можно, благословеніе Божье. То, сидя на треножной скамейкѣ, онъ борется со сномъ и, повременамъ, побѣжденный имъ, ныряетъ головой, то подходитъ на цыпочкахъ къ очагу, чтобы поправить въ немъ огонь, то вслушивается къ сторонѣ двери. Посреди этой воплощенной зимы палъ цвѣтокъ, только-что распу-

стившійся: дѣвушка лѣтъ шестнадцати — по одеждѣ ея, по мѣсту, которое занимаетъ въ углубленіи комнаты, должно принять ее за служанку. Она сидитъ на низенькой скамейкѣ, за пряжею, вся убранная пылающимъ огнемъ. На пригожемъ лицѣ ея тоже замѣтна тревога. Взоры нерѣдко допрашиваютъ дверь; при малѣйшемъ стукѣ за нею, руки судорожно вздрагиваютъ и перестаютъ прясть. Все тихо въ башнѣ; только слышно, какъ жужжитъ веретено въ нетерпѣливыхъ рукахъ дѣвушки, какъ вѣтеръ жалобно проспится въ окно.

Ночь, а не спятъ обитатели бѣднаго замка! Видно, кого то поджидаютъ.

Раздался звукъ рога, и тотъ перехваченъ вѣтромъ. Никто не слыхалъ кромѣ дѣвушки.

— Батюшка!—сказала она, порвавъ свою прядь,— Якубекъ пріѣхалъ.

И служитель привсталъ во всю высоту свою.

И старушка, отдѣливъ голову отъ спинки креселъ, обратила къ нему взоры, исполненные слезъ.

Все въ комнатѣ стало ожиданіе.

Опять заигралъ рогъ, но рѣзче и живѣе прежняго, и на этотъ разъ взялъ верхъ надъ неугомонною стихіей.

На всѣхъ лицахъ означилась душевная тревога; грудь дѣвушки заволновалась.

— Чтожъ не посвѣтишь ему, Янъ? — сказала старушка.

— Остолбенѣлъ отъ радости, госпожа баронесса! — отвѣчалъ служитель, и спѣшилъ поднесть къ огню свѣтильню желѣзной лампы, налитой жиромъ, которую успѣла подать ему дѣвушка.

Но пріѣзжій, видно, былъ не мѣшокъ: дверь отворилась, и вошелъ въ комнату малый, лѣтъ двадцати, пригожій и проворный. Взглядъ любви на дѣвушку, поклонъ баронессѣ Эренштейнъ (такъ звали владѣтельницу бѣднаго замка), мокрую шляпу и большія рукавицы съ раструбами въ ноги къ своей любезной, рогъ съ плечъ долой, и началъ разстегивать лосиную броню, ограждавшую грудь его.

— Все ли здорово, нашъ малый?—спросила баронесса дрожащимъ голосомъ, и еслибъ не боялась унизить свое рожденіе, готова была броситься на шею вѣстнику.

— Слава Богу, милостивая госпожа, славу Богу! Поклоновъ отъ молодого господина нѣсть числа, — отвѣчалъ пріѣзжій. — Только ночь, хоть глаза выколи; ѣдешь, ѣдешь и наѣдешь на сукъ иль на пень. А нечистыхъ не оберешься на перекресткѣ у Бѣлой горы, гдѣ недавно убаюкали проѣзжихъ: такъ и норовятъ на крестецъ лошади, да вскачь съ тобою. Одинъ загналъ было меня прямо въ Эльбу.

Старый служитель покачалъ головой, давая ему знать, что онъ болтаетъ вздоръ.

— Ты прочелъ бы молитву Пресвятой Лоретской Дѣвѣ, — перебила баронесса.

— Молитвами Богородицы и спасся я отъ купанья... Когда бы не вашъ приказъ скакать сюда, лишь провожу молодого господина, да... — тутъ онъ умильно взглянулъ на дѣвушку, — да не усердіе обрадовать вѣсточкою о немъ, такъ ночевалъ бы въ послѣдней деревнѣ. А дождь, дождь такъ и лилъ, какъ изъ кадушки.

— Бѣдный Якубекъ! ты, чай, промокъ насквозь,—

сказала баронесса. — Погрѣйся у огня, — хотѣла она примолвить, но, увидѣвъ, что онъ вытащилъ изъ-за пазухи бумагу, исправно сложенную и перевязанную крестъ-на-крестъ зеленымъ шнуркомъ за восковою печатью, едва могла произнести: — письмо отъ *него!*

Дрожащими руками схватила она посланіе и прижала къ изсохшей груди: потомъ посмотрѣла на него, любовалась имъ и спрятала на груди, ощупывая, хорошо ли ему тутъ будетъ.

Почему жъ не спѣшила прочесть драгоцѣнное посланіе?

Потому... потому-что баронесса не умѣла читать (замѣтьте, это было къ концу XV вѣка).

Якубекъ съ радостнымъ видомъ вручилъ еще своей госпожѣ кошелекъ, туго набитый; за нимъ-то онъ такъ много хлопоталъ около себя.

— Такой добрый молодой господинъ, — сказалъ онъ, отдавая это бремя, — по всему видно было, боялся не столько за деньги, сколько за меня. Такой добрый! А не дастъ себѣ на ногу наступить. Видно, рыцарская кровь поговариваетъ въ немъ, даромъ лек...

Тутъ Янъ не выдержалъ и съ сердцемъ дернулъ разсказчика за рукавъ, такъ что тотъ закусилъ себѣ языкъ. Между тѣмъ баронесса держала кошелекъ и, смотря на него, плакала. Какую ужасную повѣсть прочли бы въ этихъ слезахъ, если бы перевесть ихъ на языкъ! Потомъ, какъ бы одумавшись, отерла слезы и начала разспрашивать Якубка, какъ доѣхалъ до Липецка сынъ ея (о немъ-то были всѣ заботы), что тамъ дѣлалъ, какъ, съ кѣмъ отправился въ путь.

Этихъ спросовъ только дожидался Якубекъ, чтобы прикусить языкъ.

— Ѣхали мы по-добру, по-здорову, — началъ онъ такъ, — только въ одномъ бору, частомъ и темномъ, какъ черная щетина, выставили было молодцы бѣлки своихъ глазъ, да мы были людны, сами зубасты, и показали имъ одни хвосты нашихъ коней. Да еще...

Встревоженная баронесса стала со страхомъ прислушиваться.

— Въ одной гостиницѣ... проклятая хозяйка, еще и молодая! подала намъ ветчины... повѣрите ли, милостивая госпожа, ржавчины на ней, какъ на старомъ оружіи, что лежитъ въ кладовой. Молодой господинъ не ѣлъ, проглотилъ кусочекъ сухаря, обмочивъ его въ воду; а меня дернуло покуситься на ветчину... такъ и теперь отъ одного помышленія...

— Говори дѣло, Якубекъ! — перебилъ сердито старый служитель, — коли станешь молоть всякій вздоръ, такъ рѣчи твоей не будетъ конца, какъ Дунаю.

— Пускай малый говоритъ себѣ, что вздумаетъ, — сказала баронесса, для которой и малѣйшія подробности путешествія были занимательны.

— Спасибо, господинъ Яне! — произнесъ смущенный разсказчикъ, отвѣсивъ поклонъ старому служителю: — поправили во-время деревенщину. Вотъ видите, вы живали при покойномъ баронѣ...

При словѣ «покойномъ» легкое содроганіе означилось на губахъ баронессы.

— Живали въ большихъ городахъ, видали императора и церковь святого Стефана, такъ слова даромъ не проронite, все равно что розенобель. А мы отродясь впервой выѣхали въ Липецкъ... ахти, что за городъ! — (тутъ, опомнясь, онъ кивнулъ головой и замахалъ рукою, какъ будто отгонялъ мухъ) — сыплемъ себѣ глупыя рѣчи,

словно мѣдные шеллехи. Вотъ видите, добрая госпожа! — продолжалъ онъ, обратясь къ старушкѣ, — ѣхали мы благополучно. Только дорогой его милость все скучалъ объ васъ, то и дѣло наказывалъ мнѣ и просилъ: «смотри, Якубекъ, служите вѣрно, усердно матушкѣ, какъ дѣти ея. Разбогатѣю — не забуду васъ. Объ Янѣ не безпокоюсь, — молвилъ онъ, — старикъ положитъ за нее душу свою. (Слеза блеснула на рѣсницѣ старика, между тѣмъ какъ улыбка судорожно промелькнула на губахъ). Но вы молоды...» Онъ говорилъ мнѣ все: *вы*, навѣрно, разумѣлъ тутъ и... гмъ! коли позволишь, господинъ Яне, сказать...

Тутъ онъ поклонился, взглянувъ очень умильно на дѣвушку. Покраснѣвъ, какъ пунцовый макъ, она что-то пошарила около себя и вышла будто за тѣмъ, чего не нашла.

— Я разгадаю эту загадку, — молвила баронесса ласковымъ голосомъ, — Антонъ разумѣлъ тутъ и Любушу.

— Добрый молодой господинъ! — продолжалъ парень, — обо мнѣ не забылъ... И по дорогѣ къ Липецку, и какъ отъѣзжать изволилъ, наказывалъ мнѣ строго-на-строго: «не забудь, Якубекъ, смотри, скажите матушкѣ, я обѣщалъ женить васъ... Матушка и добрый нашъ Янъ, вѣрно, не откажутъ мнѣ...»

— Я въ душѣ давно благословила васъ, мои друзья. Что скажетъ отецъ?

— Сына у меня нѣтъ, такъ ты будешь мнѣ сыномъ, — произнесъ старикъ. — Только благословенія не дамъ, пока не доскажешь вѣстей о молодомъ господинѣ безъ прибавокъ о себѣ.

Якубекъ едва не прыгалъ отъ радости, осмѣлился поцѣловать руку у баронессы, поцѣловалъ въ плечо

своего будущаго тестя; потомъ, принявъ степенный видъ, будто взошелъ на каѳедру, повелъ свой разсказъ о молодомъ Эренштейнѣ.

— Въ Липецкѣ насъ только и дожидались... насъ? то-есть, его милость, хотѣлъ я сказать... Въѣхали мы въ домъ. Господи! думалъ я, уже не самъ ли король королей тутъ живетъ! Десять башенъ поставь рядомъ, развѣ выйдетъ такой домъ: посмотришь на трубы, шапка валится, а войдешь въ него — запутаешься, какъ въ незнакомомъ лѣсу. Комнаты были готовы. Тотчасъ же пришелъ къ господину Антону посолъ московитскій, подалъ ему руку и говорилъ очень, очень ласково; и что государь его будетъ весьма радъ молодому нашему господину, что будетъ содержать его въ великой чести, милости и богатствѣ. Диву дался я! Господинъ ничего почти не понималъ изъ рѣчей посла, переводилъ ему все какой-то италіянецъ, жившій ужъ въ Московіи. А я, такъ и нижешь каждое словечко, будто на нитку, рѣдкое проронилъ, развѣ ужъ какое мудреное, не по-нашему сказано. Посолъ, ни дать ни взять, по-чешски говоритъ. Гадалъ я сначала, не по-чешски ли выучился. Анъ нѣтъ, и слуга его такъ говоритъ; вишь это такъ по-московски. Посолъ молодому господину самъ молвилъ: чехи съ москвитами были одной матери дѣтки, да потомъ войнами разбиты врозь. Этакъ, думалъ я, легко и мнѣ махнуть въ переводчики...

— Ты забылъ, — перебилъ смѣясь Янъ, — вѣдь переводчику надо разумѣть и по-таковски, по-каковски говоритъ тотъ, для кого переводишь... Понимаешь?

— И впрямь! Экой я простякъ!.. Вотъ, примѣрно сказать, быкъ съ бараномъ хотѣли бъ кой о чемъ пе-

реговорить другъ съ другомъ; по-бараньи-то понимаю, и баранъ меня, а по-быковски не знаю, и станешь втупикъ.

Невольно улыбнулась баронесса при этомъ сравненіи.

— Хорошо, хорошо! — сказалъ Янъ, — только договаривай о молодомъ господинѣ, а то разомъ залетишь за какой-нибудь вороной подъ небеса.

— Не заботьтесь, господинъ Яне, хоть и глазѣю по сторонамъ, а все-таки держусь крѣпко за полы молодого барона.

— Ужъ не вздумалъ ли дорогой называть Антона барономъ? — сказала старушка съ видомъ встревоженнымъ, — тебѣ это строго запрещено.

— Не хочу солгать, милостивая госпожа! Только разъ согрѣшилъ, нечаянно ослушался, сорвалось съ языка. Зато мигомъ оправился: «не подумайте, молвилъ я ему, что васъ называю барономъ потому, что вы баронъ; а этакъ у насъ чехи и дейтчи называютъ всѣхъ своихъ господъ, такъ и я за ними туда жъ по привычкѣ. Вотъ этакъ мы все честимъ и вашу матушку, любя ее». Нѣтъ! я себѣ на умѣ! Какъ впросакъ попаду, такъ другого не позову вытащить.

— Спасибо, Якубекъ! Ну, что-жъ вами было въ Липецкѣ?

— Вотъ нанесли отъ посла молодому господину шкуръ звѣриныхъ, московитскихъ: все куницы да бѣлки, и наклали въ горницѣ цѣлую гору. «Это все отъ великаго князя въ задатокъ», сказалъ переводчикъ. Куда намъ это! не успѣлъ, кажись, вымолвить господинъ мой, какъ налетѣли купцы, словно голодные волки, послышавъ мертвое тѣло, и начали торговаться.

Разомъ наклали кучку серебра и золота на столъ, да шкурки и унесли. Только вамъ изволилъ молодой господинъ прислать съ десятокъ куницъ, да мнѣ пожаловалъ бѣлочекъ съ десятокъ. — «Невѣстѣ твоей, молвилъ онъ, на зимній нарядъ». Тутъ пришелъ къ нему извозчикъ, что повезъ его, еврей...

— Еврей!.. — воскликнула баронесса, всплеснувъ руками и поднявъ глаза къ небу. — Мати Божья! храни его подъ милостивымъ покровомъ своимъ! Ангелы Господни! отгоните отъ него всякую недобрую силу!

— Я самъ было испугался, что поганый жидокъ повезетъ молодого господина; да какъ дѣло распуталось, такъ и у меня на груди стало легче. Извозчикъ, лишь увидалъ его, бросился цѣловать полы его епанчи. — «Ты мой благодѣтель, спаситель!» — говорилъ онъ. — «Помнишь, какъ въ Прагѣ школьники затравили было меня огромными собаками? Впились ужъ въ меня на смерть; а ты бросился на нихъ, повалилъ ихъ замертво кинжаломъ, да и школьниковъ поколотилъ. Никогда не забуду твоего добра; пускай тогда забудетъ меня Богъ Іакова и Богъ Авраама! Въ Москвѣ у меня много пріятелей, сильныхъ, знатныхъ людей: молви мнѣ лишь слово, къ твоимъ услугамъ! Нужно ли тебѣ денегъ? — скажи: Захарій, мнѣ надо столько и столько, и я принесу тебѣ ихъ во тьмѣ ночной, затаю свои шаги, свое дыханіе, чтобы не видали, не слыхали, что ты получаешь ихъ отъ жида». — Ничего не понималъ я изъ его рѣчи, только видѣлъ — еврей бьетъ себя въ грудь, и чуть не плачетъ, и опять примется цѣловать полы господской епанчи. А все это перевелъ мнѣ послѣ молодой господинъ, чтобы я вамъ пересказалъ слово-въ-слово. «Матушкѣ будетъ легче, если она

это провѣдаетъ», — молвилъ онъ: — «Захарію вѣрю; онъ меня не обманетъ. Да и посолъ за него ручается: онъ-де то-и-дѣло бываетъ въ Москвѣ и всѣ знаютъ его тамъ за честнаго человѣка. Съ нимъ и писать можно къ матушкѣ». Наконецъ собрались въ дорогу. Ѣхало ихъ много: тутъ были разные мастеровые... (легкая краска набѣжала на лицо баронессы) — и тѣ, что льютъ всякое дѣло изъ мѣди, и такіе, что строятъ каменныя палаты и церкви, — и не перечтешь всѣхъ, какіе были. Размѣстились по повозкамъ. Я проводилъ господина за городъ. И сталъ онъ мнѣ опять наказывать служить вамъ вѣрно, усердно, какъ бы онъ самъ служилъ вамъ, и сто разъ повторялъ это. За городомъ остановилась его повозка. Тутъ простился со мною; не почуждался обнять меня. — «Приведетъ ли Богъ увидѣться!» — молвилъ онъ, и заплакалъ. Послѣднее слово его все было объ васъ... Повозка тронулась, а онъ все стоялъ на передкѣ, и долго кивалъ мнѣ и махалъ рукою, будто просилъ передать вамъ его поклоны. Я не трогался съ мѣста, а онъ, мой голубчикъ, дальше и дальше, и скрылся, словно канулъ на дно... Отъ сердца что-то оторвало... Хотѣлъ бы воротить его, хотѣлъ бы еще разъ поцѣловать его руки; не тутъ-то было... Когда бы не вы да не Любуша, воля Господня! не удержали бы меня здѣсь...

Якубекъ не могъ болѣе сказать слова: горькія слезы мѣшали ему говорить; рыдала мать, плакалъ и старый служитель.

Всѣ трое, казалось, пришли съ похоронъ родного. Долго не ложились спать обитатели замка и почти всю ночь проговорили о молодомъ Эренштейнѣ. Наконецъ баронесса ушла въ свою почивальню, наказавъ Яну

позвать къ ней завтра отца Лаврентія. Это былъ діаконъ сосѣдняго моравскаго братства [1]), довѣренный чтецъ ея корреспонденціи.

И завтра пришло, и отецъ Лаврентій прочелъ баронессѣ слѣдующее письмо отъ ея сына.

«Дражайшая матушка, поспѣшаю увѣдомить тебя, что я благополучно прибылъ въ Липецкъ. Я здоровъ и доволенъ, сколько можетъ быть доволенъ сынъ, удаленный отъ матери, которую нѣжно любитъ. Не пеняй на мечтателя, что онъ покинулъ тебя: любовь къ наукѣ и ближнимъ и вмѣстѣ возможность быть тебѣ полезнымъ — рѣшили меня на такое дѣло. Ты сама благословила меня на него, добрая, милая матушка!

«Въ Липецкѣ ожидалъ ужъ насъ посолъ русскій: онъ не обманулъ меня и доставилъ мнѣ на первый разъ значительную сумму, которую получишь съ Якубомъ. Только для тебя дорожу деньгами: ими могу успокоить твою старость. Милости короля московитскаго, которыми посолъ обнадеживаетъ, дадутъ мнѣ средства и впредь быть тебѣ полезнымъ.

«Съ какимъ удовольствіемъ услышалъ я первые звуки языка московскаго или, какъ называютъ иначе, русскаго, еще съ большимъ удовольствіемъ, когда узналъ, что онъ нашему языку родной! Кое-что и теперь понимаю изъ разговора посла, съ которымъ ѣду. Жалѣю, что я по-чешски не знаю болѣе. Надѣюсь, что пріѣздѣ въ Москву, скоро выучиться говорить по-

---

[1]) Г. Булгаринъ посмѣивался надъ словомъ *діаконъ*, увѣряя, что этого званія не существуетъ у моравскихъ братьевъ. Отвѣтомъ моимъ да будетъ статья въ Энцикл. Словарѣ: *Братство*, и послѣ прочтенія ея, да будетъ ему стыдно, что онъ смѣется надъ своимъ незнаніемъ.

русски: это заставитъ моихъ новыхъ знакомцевъ скорѣй полюбить меня; а я ужъ и теперь люблю ихъ, какъ единоплеменниковъ.

«О чемъ Якубекъ тебя попроситъ, сдѣлай это для меня и для него.

«Дорожа твоимъ родительскимъ благословеніемъ выше всего, отправлюсь съ нимъ въ дальнѣйшій путь: оно вмѣстѣ съ тобою тутъ, у сердца моего. Цѣлую сто разъ твои руки, твой послушнѣйшій сынъ

«Антонъ Эренштейнъ».

Отецъ Лаврентій нѣсколько разъ вынужденъ былъ перечитывать письмо; всякій разъ было оно орошено слезами и спрятано у сердца матери.

Первые дни разлуки были для нея убійственны. Вездѣ бродила она по слѣдамъ милаго сына, воображая гдѣ-нибудь его встрѣтить. Вещи, имъ оставленныя, перебирала съ какимъ-то благоговѣніемъ. Запрещено было садиться на стулъ, на которомъ Антонъ обыкновенно сиживалъ во время стола, или сдвигать его съ мѣста. Этого не позволяли даже и отцу Лаврентію. Цвѣтокъ, сорванный Антономъ въ послѣдній день его отъѣзда, вложенъ, какъ святыня, въ листъ рукописной библіи, на которомъ онъ остановилъ свое чтеніе. И въ комнатѣ его все осталось въ томъ видѣ, въ какомъ было при немъ. Часто старушка мать ходили въ нее тайкомъ и плакала, сидя на кровати милаго странника. Ни одной жалобы къ небу, ни одного упрека; только молитвами объ его здоровьѣ и благополучіи денно и ночно провожала его.

А странникъ все далѣе и далѣе. Еще долго видѣлъ онъ голубое небо своей родины, въ которое душѣ

такъ хорошо было погружаться, горы и утесы, на немъ своенравно вырѣзанные, серебряную нить разгульной Эльбы, пирамидальные тополи, стоявшіе на стражѣ берега, и цвѣтущія кисти черешни, которыя дерзко ломились въ окно его комнаты. Еще чаще видѣлъ онъ во снѣ и на яву дрожащую, изсохшую руку матери, поднятую на него съ благословеніемъ.

Мы узнали, что Антонъ — сынъ баронессы Эренштейнъ. Скажемъ еще болѣе: отецъ его живъ, богатъ, знатенъ, занимаетъ важную должность при императорѣ Фридрихѣ III; но въ замкѣ богемскомъ знаютъ эту тайну баронесса да старый Янъ, — никто болѣе. Прочіе жители башни, самъ Антонъ, почитаютъ его умершимъ. Но для чего это? Зачѣмъ, въ какомъ званіи ѣхалъ молодой Эренштейнъ на Русь?

Антонъ былъ лекарь.

Сынъ барона, и лекарь?.. Странно, чудно! какъ согласить съ его настоящимъ званіемъ гордость тогдашняго нѣмецкаго дворянства? Чтобы судить, каково было сердцу баронскому терпѣть это, надо вспомнить, что лекаря были тогда, большею частію, жиды, эти отчужденцы человѣчества, эти всемірные паріи. Въ наше время, и то очень недавно, въ земляхъ просвѣщенныхъ, стали говорить объ нихъ, какъ о человѣкахъ, стали давать имъ осѣдлый уголокъ въ семьѣ гражданской. Какъ же смотрѣли на нихъ въ XV вѣкѣ, когда была учреждена инквизиція, жарившая ихъ и мавровъ тысячами? Когда самихъ христіанъ жгли, четверили, душили, какъ собакъ, за то, что они смѣли быть христіанами по разумѣнію Виклефа и Гусса, а не по наказу Пія или Сикста? Власти преслѣдовали жидовъ огнемъ, мечомъ и проклятіями; народъ, осте-

рвененный противъ нихъ слухами, что они похищаютъ дѣтей и въ день Пасхи пьютъ кровь, вымещалъ на нихъ за одно вымышленное злодѣяніе сторицею настоящихъ. Думали, — воздухъ, свѣтъ Божій заражены ихъ дыханіемъ, ихъ нечистымъ глазомъ, и спѣшили лишать ихъ воздуха, свѣта Божьяго. Палачи, вооруженные клещами и бритвами, еще до мѣста казни сдирали и рвали съ нихъ кожу и потомъ, уже изуродованныхъ, бросали въ огонь; зрители, не дождавшись, чтобы они сгорѣли, вырывали ужасные остатки изъ костра и влачили по улицамъ человѣческіе лоскутья, кровавые и почернѣвшіе, ругаясь надъ ними. Чтобы хоть нѣсколько продлить свое существованіе, жиды брались за самыя трудныя должности: изъ огня кидались въ полымя. Должность лекаря была одною изъ опаснѣйшихъ. Разумѣется, большая часть этихъ невольныхъ врачей морочила людей своими мнимыми знаніями; зато съ лихвою отплачивались имъ обманы ихъ или невѣжество. Отправлялся ли паціентъ на тотъ свѣтъ, отправляли съ нимъ и лекаря. Нуженъ ли примѣръ? Вотъ одинъ довольно громкій. Врачъ Петръ Леони, изъ Сполетты, истощивъ всѣ средства свои надъ угасающимъ Лаврентіемъ Медичисомъ, далъ ему наконецъ порошокъ изъ жемчугу и драгоцѣнныхъ камней. Это не помогло: великолѣпный Лаврентій отправился безъ возврата туда, куда отправляются и не великолѣпные. Чтожъ съ Леономъ? Друзья покойника недолго думали: убили тотчасъ врача, или, какъ говорятъ другіе, мучили его такъ, что онъ самъ бросился въ колодецъ, избѣгая новыхъ пытокъ. Сколько же такихъ мучениковъ погибло въ безвѣстности, недостоенныхъ помина лѣтописцевъ! Послѣ всего этого,

надо было не-жиду большое самоотверженіе, чтобы, для пользы науки и человѣчества, посвятить себя во врачи.

Судите, что чувствовалъ баронъ, видя своего сына лекаремъ.

Какъ же, для чего, почему это случилось?..

ГЛАВА ВТОРАЯ

МЩЕНІЕ

....Когда бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя.
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ столкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

Пушкинъ.

Въ Римѣ закладывали храмъ... Замѣчателенъ ли былъ этотъ день, можно судить, если скажу, что закладывали тогда храмъ Св. Петра. Въ этотъ день положенъ былъ краеугольный камень, идеалъ этого дивнаго зданія; но нужно было еще полвѣка, чтобы геній Браманте пришелъ осуществить его. Со всѣхъ сторонъ стекались итальянцы и чужеземцы, многіе изъ любопытства видѣть великолѣпное зрѣлище, иные по долгу, другіе изъ любви къ искусству или чувства религіознаго. Церемонія отвѣчала вполнѣ величію предмета: папа (Николай V, основатель и ватиканской библіотеки) не пожалѣлъ тогда своей казны. Толпа кардиналовъ, герцоговъ, князей, самъ преемникъ Петра, съ своимъ кортежемъ, легіонъ кондотьеровъ, блестящія латы, зна-

мена, орифламы, цвѣты, золото, пѣніе, — все это въ чаду куренія, какъ бы шествующее въ облакахъ, представляло чудное зрѣлище. Но кто бы подумать могъ, что бездѣлица едва не разрушитъ величія этой процессіи!

Въ толпу знатныхъ иностранцевъ, одинъ другого богаче одѣтыхъ, одинъ другого статнѣе, слѣдовавшихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи за папою, невѣдомо какъ, втерлась маленькая, уродливая фигурка итальянца въ какой-то скромной епанчѣ. Это былъ кусокъ грязи на мраморѣ художественнаго произведенія, нищенская заплата на бархатной тогѣ, визгъ лопнувшей струны посреди гармоническаго концерта. Казалось, уродецъ нарочно пришелъ въ этотъ блестящій кругъ мстить за свои природные недостатки. Блестящая молодежь, его окружавшая, начала перешептываться между собою, бросать на него косые взгляды, тѣснить его: уродецъ молча шелъ себѣ далѣе. Стали допытываться, кто бы такой былъ этотъ смѣльчакъ, осмѣлившійся испортить кортежъ, который старались такъ хорошо уладить, и доискались, что — врачъ изъ Падуи. «Лекарь? важная штука!.. Какой-нибудь жидъ!..» Въ это время нѣсколько хорошенькихъ личиковъ выглядывало изъ оконъ. Вотъ одна лукаво усмѣхнулась; вотъ, кажется, другая указала пальцемъ на толпу молодыхъ людей... Можно ли это стерпѣть? Участили косые взгляды, рожицы; посыпались перекрестнымъ огнемъ насмѣшки: кто наступилъ на ногу уродца, кто придавилъ его. Онъ, будто глухой, слѣпой, безчувственный, шелъ себѣ впередъ. «Отъ него воняетъ мертвечиной», — говорилъ одинъ. — «Мыломъ цирюльнымъ», — перебилъ другой. — «Отбрилъ бы его своею двугранной бритвой»,—прибавилъ третій, грозясь

палашомъ.—«Слишкомъ благородный металлъ для этой ракалiи!»—сказалъ молодой, красивый, статный нѣмецъ, который былъ всѣхъ ближе къ нему: — «для него довольно и палки». Тутъ маленькая фигурка рученкою схватилась было за бокъ, думая найти кинжалъ, но оружiя при ней не было. Изъ крошечнаго рта вырвалось слово: «Knecht!» вѣроятно потому, что нѣкоторыхъ наемныхъ нѣмецкихъ воиновъ называли тогда ландскнехтами. О, при этомъ словѣ надо было видѣть, что сдѣлалось съ молодымъ тевтономъ! По лицу его пробѣжали багровыя пятна, губы его затряслись; мощною рукою впился онъ въ затылокъ малютки, поднялъ его на воздухъ и бросилъ за черту процессiи. Это было сдѣлано такъ быстро, что могли только замѣтить руки и ноги, которыя, не болѣе двухъ, трехъ мгновенiй, барахтались на воздухѣ; слышали какое-то шипѣнiе, потомъ ударъ о мостовую, и потомъ ни вздоха, ни движенiя. «Славно, баронъ!» сказали товарищи атлета, сомкнувъ ряды и тихомолкомъ смѣясь, какъ бы ничего не бывало.

Несчастный, брошенный въ прахъ съ такою исполинскою силой, былъ падуанскiй врачъ Антонiо Фiоравенти. Въ этомъ маленькомъ созданiи высочайшiй разумъ сильно проявилъ себя. Говорили много объ его учености, о чудесахъ, которыя онъ дѣлалъ надъ больными, о добротѣ души и безкорыстiи его. Не знали однакожъ силы этой души, потому что никто еще не входилъ съ нею въ борьбу, ни люди, ни судьба. До сихъ поръ жизнь его была однимъ успѣхомъ: ученiе, деньги, слава — все ему далось, казалось, въ вознагражденiе за обиду, сдѣланную ему природою; и все это онъ скрывалъ подъ завѣсою дѣвичьей скромности. Уви-

давъ его въ первый разъ, нельзя было не смѣяться надъ его крошечною, уродливою фигурой; но, при каждомъ новомъ свиданіи съ нимъ, онъ незамѣтно росъ и хорошѣлъ въ глазахъ вашихъ: такъ очаровательны были его умъ и любезность. Путешествуя для подвиговъ добра и науки, онъ только-что пріѣхалъ въ Римъ и, такъ сказать, на первомъ шагу черезъ порогъ вѣчнаго города оступился очень несчастливо. Во время процессіи какая-то властительная дума увлекла его, безъ вѣдома его воли, въ кругъ блестящихъ иностранцевъ: жестоко же онъ былъ наказанъ за свое разсѣяніе.

Когда онъ пришелъ въ себя, все было тихо и пусто вокругъ; только передъ глазами его прыгали черные мальчики, и между ними на него наступалъ молодой германецъ. Голова его была такъ тяжела, мысли такъ смутны, что онъ едва понялъ свое состояніе. Собравшись съ силами, онъ потащился на свою квартиру, но образъ противника всюду слѣдовалъ за нимъ. Съ того времени этотъ образъ никогда не покидалъ Антоніо Фіоравенти: если бъ онъ былъ живописецъ, то положилъ бы его сейчасъ на полотно; онъ указалъ бы на него среди толпы народной; онъ узналъ бы его и черезъ тысячу лѣтъ.

Нѣсколько недѣль пролежалъ онъ въ сильной горячкѣ; въ бреду видѣлъ только нѣмца; по выздоровленіи, первый предметъ, который онъ могъ распознать умомъ своимъ, былъ ненавистный нѣмецъ. Съ силами его росло и желаніе мести; дарованія свои, науку, деньги, связи, жизнь — все посвятилъ онъ отнынѣ этому чувству. Тысяча средствъ, тысяча плановъ были придуманы, чтобы отмстить за оскорбленіе. Когда бы выполнить тогдашніе его помыслы, изъ нихъ всталъ бы исполинъ

до неба. Антоніо началъ беречь жизнь, какъ берегутъ отпущенную сталь меча, когда собираются на битву, Отмстить, а тамъ бросить эту жизнь въ когти дьяволу, если не дано ему было повергнуть ее къ престолу Бога! Тридцать лѣтъ исполнялъ онъ завѣтъ Господа: «любить ближняго, какъ брата»; тридцать лѣтъ стремился онъ по пути къ небу,—и вдругъ, судьба схватила его съ этого пути и повѣсила надъ пропастью ада; въ правѣ ли она была сказать: «держись, не падай!» Былъ одинъ, у котораго голова не вскружилась надъ этой бездной, но Тотъ былъ не человѣкъ, Тотъ ходилъ по волнамъ, какъ по сушѣ. Кто жъ виноватъ, если простой смертный не удержался?

Такъ говорилъ самъ съ собою Антоніо Фіоравенти, и мысленно точилъ орудіе мести.—«За дѣло!» сказалъ онъ наконецъ, лишь только былъ въ состояніи выйти изъ дому. Розысканія повели его вездѣ—во дворцы и на большія дороги, въ храмы и виллы, въ библіотеки и на кладбища. Нерѣдко видали его въ тайныхъ переговорахъ съ привратниками, въ дружественныхъ сношеніяхъ съ полиціей; чернь и знать—все было для него средство, лишь бы достигнуть цѣли своей. Подъ знойнымъ небомъ, въ дождь, въ грозу, стоялъ онъ на перепутьяхъ, поджидая, не увидитъ ли своего нѣмца. Да! онъ называлъ его *своимъ*, какъ будто купилъ несмѣтною суммою мести. Своими разспросами перерылъ всѣ кварталы, всѣ дома до дна; Римъ передъ нимъ обнажился, и когда онъ узналъ, что въ Римѣ не было его врага, онъ оставилъ «вѣчный городъ», бросивъ ему на прощаніе слово проклятія.

Но розыски его были не совсѣмъ напрасны: онъ досталъ списокъ всѣхъ иностранцевъ, которые пріѣз-

жали отъ разныхъ дворовъ къ закладкѣ храма. Часто пересматривалъ онъ его, перебиралъ сердцемъ разныя имена, въ немъ означенныя, училъ ихъ наизустъ; то одно имя, то другое, будто по предчувствію, отмѣчалъ кровавою чертою и упивался иногда радостью, какъ будто съ этимъ спискомъ имѣлъ во власти уже и тѣхъ самихъ, которые были въ немъ помѣчены. Чего не далъ бы онъ за магическую силу призвать ихъ всѣхъ на лицо къ себѣ!.. О, тогда бы отмѣтилъ онъ *одного* иною, кровавою чертою!

Три, четыре года, можетъ быть и болѣе, странствовалъ Антоніо Фіоравенти по Италіи и Германіи, отыскивая тщетно своего врага. Казалось, месть его наконецъ утомилась или стала разсудительнѣе. Онъ совершенно предался наукѣ. Сдѣлать важное открытіе по медицинѣ и тѣмъ пріобрѣсти себѣ великое имя, славу европейскую: этимъ-то именемъ, этою славою хотѣлъ онъ отомстить врагу своему. Напишутъ его портретъ: ненавистный нѣмецъ увидитъ его и узнаетъ; ему скажутъ, что это портретъ знаменитаго Антоніо Фіоравенти, того крошечнаго лекаря, котораго длинный тевтонъ такъ жестоко оскорбилъ... Онъ броситъ ему свою славу въ лицо: это своего рода пощечина для врага. О, такая месть — высокое чувство! Съ вѣрою въ искусство свое и жаждою новыхъ познаній онъ посѣтилъ важнѣйшія учебныя заведенія, наконецъ прибылъ въ Аугсбургъ. Здѣсь скоро разбѣжалась молва, что онъ исцѣляетъ умирающихъ, поднимаетъ изъ гроба; славили особенно его знаніе женскихъ болѣзней, которымъ онъ себя преимущественно посвятилъ; аугсбургскіе врачи, награжденные его совѣтами и тайнами, всѣ спѣшили дать ему первенство; его увлекали и въ

палаты и въ хижины, потому что онъ и бѣднѣйшимъ не отказывалъ въ помощи.

Разъ его призываютъ въ домъ барона Эренштейна. Баронъ, тридцати лѣтъ, красивый, знатный, богатый, увѣнчалъ эти дары судьбы женитьбою на дальней родственницѣ короля Подибрада, дѣвушкѣ очаровательной красы. Но не родство съ царемъ, не честолюбіе скрѣпляли этотъ союзъ: любовь страстная, готовая на всѣ жертвы, вела жениха и невѣсту къ брачному алтарю. Три года супруги, словно обрученные, не наглядѣлись, не наговорились досыта, не истощили пламенныхъ ласкъ одинъ другому; три года этой жизни были для нихъ однимъ медовымъ мѣсяцемъ. Въ началѣ четвертаго баронесса готовилась подарить своему супругу первый плодъ ихъ любви. Заранѣе истощили всѣ нѣжныя попеченія, всевозможныя причуды роскоши, чтобы принять на свѣтъ и возлелѣять это дитя, баловня фортуны; заранѣе астрологи, которыхъ было тогда множество, напророчили ему умъ, наружныя достоинства, славу, блага жизни донельзя и едва-ли не безсмертную жизнь. Съ одной стороны желанія, съ другой лесть и корысть окружили будущаго пришельца въ міръ алмазными дарами. Для барона же чувство быть отцомъ превышало всѣ блага, какими онъ только наслаждался на землѣ, выключая счастіе любить свою милою, прекрасную супругу и быть ею любиму. Итакъ, баронесса готовилась родить. Всѣ фазы беременности исполнились благополучно и обѣщали такое же окончаніе; но когда наступилъ роковой срокъ, оказалось противное. Три дня возрастали ея муки и опасность. Можно судить, что чувствовалъ въ это время баронъ. Искуснѣйшіе

врачи города были призваны на помощь; врачи употребили всѣ средства, какія только знали: ничто не помогло, и они отказались. Несчастная не могла долѣе выдержать: она пожелала смерти и спросила духовника. Между тѣмъ какъ посылали за нимъ, одинъ изъ врачей совѣтовалъ Эренштейну пригласить знаменитаго итальянца Фіоравенти, недавно прибывшаго въ Аугсбургъ. — «Если онъ не спасетъ», — сказалъ совѣтникъ, — «такъ никто не спасетъ. Итальянецъ едва ли не нашелъ средства воскрешать мертвыхъ».

Духовникъ шелъ съ дарами на лѣстницу; вслѣдъ за нимъ входилъ Антоніо Фіоравенти; навстрѣчу шелъ хозяинъ дома, блѣдный, дрожащій, съ растрепанной головой, съ запекшимися губами. Былъ полдень; солнце ярко освѣщало лѣстницу, всѣ предметы рѣзко означались. Первымъ дѣломъ барона, гордаго, спѣсиваго, родственника королевскаго, было броситься къ ногамъ итальянца и молить его о спасеніи супруги. Золото, помѣстья, почести, все сулилъ онъ ему, лишь бы спасти ту, которая для него была дороже самой жизни.

Антоніо взглянулъ на хозяина дома.

Боже! небесныя силы! это *онъ*... онъ самый, тотъ ужасный, ненавистный нѣмецъ, оскорбившій его такъ жестоко въ Римѣ. Ошибиться нельзя — тотъ самый, котораго преслѣдуетъ месть его столько лѣтъ, чьей крови хотѣлъ бы онъ напиться, продавъ себя хоть сатанѣ, — онъ самый теперь у ногъ его, въ его власти.

Фіоравенти захохоталъ въ душѣ своей адскимъ хохотомъ; волосы встали-бъ у того дыбомъ, кто могъ бы слышать этотъ смѣхъ. Руки его тряслись, губы дрожали, колѣна подгибались; но онъ старался оправиться и сказалъ съ сатанинскою улыбкою: «Хорошо, мы увидимъ».

Въ этихъ словахъ заключалась цѣлая вѣчность.

Баронъ не узналъ его: въ безуміи отчаянія могъ ли онъ помнить что-нибудь, пояснить себѣ что-нибудь? Онъ видѣлъ въ немъ только спасителя жены, своего ангела-хранителя, и готовъ былъ нести его на своихъ рукахъ въ спальню страдалицы.

— Поспѣшайте, ради Бога, поспѣшайте!—воскликалъ Эренштейнъ голосомъ, который могъ бы тронуть и тигра.

— Хорошо, мы увидимъ!—повторилъ сурово Фіоравенти, и, между тѣмъ, геній мести летучею молніею освѣтилъ бездну души его и начертилъ ему, что онъ долженъ былъ дѣлать.

Идутъ; пришли въ спальню страдалицы. Сбереженный полусвѣтъ позволялъ врачу различить черты ея и исполнять свои обязанности. Какъ хороша была она, несмотря на свои страданія! Врагъ счастливъ ею—тѣмъ лучше: еще чувствительнѣе будетъ мщеніе...

— Слава Богу! духовникъ! — сказала баронесса умирающимъ голосомъ.

— Нѣтъ, другъ мой, не онъ, — произнесъ, утѣшая ее, Эренштейнъ. — Не отчаивайся; вотъ знаменитый врачъ, который поможетъ тебѣ... предчувствія меня не обманываютъ... вѣрю твердо, и ты, мой милый другъ, вѣрь также...

— Ахъ, господинъ врачъ! спасите меня... — могла только выговорить умирающая.

Минута... двѣ... три... до пяти глубокаго, гробового молчанія; онѣ сочтены были на сердцѣ супруга ледяными пальцами смерти.

Наконецъ Фіоравенти подошелъ къ нему

— Она...

И врачъ остановился.

Эренштейнъ впился въ него глазами, жадными, какъ голодныя піявицы, слухомъ, острымъ какъ бритва, которая рѣжетъ волосъ; ротъ его былъ открытъ, но не произносилъ ничего. Онъ весь хотѣлъ сказать: жизнь или смерть?

— Она...

И врачъ опять остановился

Лицо барона стало подергивать.

— Она будетъ спасена, ручаюсь въ этомъ жизнью своей, — сказалъ съ твердостью Фіоравенти, и ужасная статуя барона сошла будто съ своего пьедестала.

Эренштейнъ озарился весь жизнью; молча онъ пожалъ руку Антоніо и тянулъ ее къ себѣ, чтобы прижать къ губамъ. Врачъ отнялъ руку.

— Она будетъ спасена, и вашъ ребенокъ также, — прибавилъ онъ шопотомъ, — только съ условіемъ отъ меня...

— Все, что угодно, — отвѣчалъ баронъ.

— Не думайте, что мое требованіе будетъ такъ легко для васъ.

— Ничего не пожалѣю; требуйте моего имущества, моей жизни, если хотите.

— Вотъ видите, я итальянецъ и лекарь: простымъ словамъ не довѣряю.. дѣло идетъ о моемъ благосостояніи... мнѣ нужна ваша клятва...

— Клянусь...

— Постойте... я видѣлъ тамъ духовника...

— Понимаю, вы хотите... идемъ.

Они вошли въ сосѣднюю комнату.

Тамъ стоялъ старецъ-священнослужитель съ свя-

тыми дарами, готовясь отрѣшить ими земного отъ земли и дать ему крылья на небо.

— Отецъ святой, — произнесъ торжественно баронъ, — будьте посредникомъ между мною и живымъ Богомъ, Котораго призываю теперь въ свидѣтели моей клятвы.

Священникъ, ничего не понимая, но увлеченный необыкновеннымъ голосомъ хозяина, возвысилъ чашу съ дарами и преклонилъ благоговѣйно бѣлую, какъ ленъ, голову

— Теперь говорите за мною, — прервалъ дрожащимъ голосомъ Фіоравенти, будто испуганный священнодѣйствіемъ, — но помните, что двадцать минутъ не болѣе осталось для помощи вашей супругѣ. Упустите ихъ — пеняйте на себя.

Эренштейнъ продолжалъ такимъ же торжественнымъ, глубоко изливающимся изъ души голосомъ, но такъ, чтобы его нельзя было слышать въ спальнѣ жены:

— Если моя Амалія будетъ спасена, клянусь всемогущимъ Богомъ, надъ пречистымъ тѣломъ Его единороднаго Сына, и да погибну я въ мукахъ адскихъ, да погибнетъ, какъ червь, родъ мой, когда я преступлю клятву эту...

Тутъ онъ обратилъ глаза на врача, ожидая его словъ.

Врачъ съ твердостью произнесъ:

— Если у меня родится сынъ, первенецъ...

Баронъ повторилъ:

— Если у меня родится сынъ, первенецъ...

— Году отдать его, сына моего, падуанскому врачу Антоніо Фіоравенти...

Баронъ остановился... къ сердцу его прилилъ горячій ключъ... Онъ взглянулъ на искусителя всею силою своихъ понятій... Этотъ взглядъ напомнилъ ему приключеніе въ Римѣ... Онъ узналъ своего противника и угадалъ свой приговоръ.

— Говорите же, господинъ баронъ! изъ двадцати минутъ убыло уже нѣсколько...

Эренштейнъ дрожащими устами продолжалъ:

— Году отдать его, сына моего, падуанскому врачу Антоніо Фіоравенти, тому самому, котораго я, лѣтъ за пять тому, оскорбилъ безъ всякой причины и у котораго я нынѣ, предъ Іисусомъ Христомъ, отпустившимъ грѣхи самому разбойнику, прошу униженно прощенія...

— Прощенія?.. А!.. Нѣтъ, гордый баронъ, нѣтъ теперь пощады!.. Пять лѣтъ ждалъ я этой минуты... Говорите: клянусь и повторяю мою клятву отдать моего первенца, когда ему минетъ годъ, лекарю Фіоравенти, съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлалъ изъ него современемъ лекаря; почему властью отца и уполномочиваю надъ нимъ господина Фіоравенти, а мнѣ не вступаться ни въ его воспитаніе, ни во что-либо до него касающееся. Если-жъ у меня родится дочь, отдать ее за лекаря... Одинъ онъ, Фіоравенти, имѣетъ право современемъ разрѣшить эту клятву.

— Нѣтъ, я этого не произнесу...

— Спасите меня, умираю!.. — послышался изъ другой комнаты ужасный голосъ госпожи Эренштейнъ.

И баронъ немедля проговорилъ всѣ слова Фіоравенти, одно за другимъ, могильнымъ голосомъ, какъ будто читалъ свой приговоръ казни. Холодный потъ капалъ со лба его; кончивъ, онъ упалъ безъ силъ на

стулъ, поддерживаемый вѣрнымъ служителемъ Яномъ и священникомъ, давно неравнодушными свидѣтелями этой ужасной сцены. Оба спѣшили подать ему помощь.

Между тѣмъ Фіоравенти бросился въ спальню.

Черезъ нѣсколько минутъ Эренштейнъ открылъ глаза, и первый звукъ, который онъ услышалъ, былъ крикъ младенца.

Все было забыто.

Онъ осторожно подошелъ къ дверямъ спальни и приложилъ къ нимъ ухо: родильница тихо говорила... она благодарила врача.

Врачъ возвратился и сказалъ:

— Господинъ баронъ! поздравляю васъ съ сыномъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БЫЛО ЛИ ИСПОЛНЕНІЕ?

О тайнѣ
Царской никто не узналъ, но всѣ примѣчали, что крѣпко
Царь былъ печаленъ — онъ все дожидался: вотъ приступъ за сыномъ;
Днемъ онъ покою не зналъ, и сна не вѣдалъ онъ ночью.
Время однако текло...
«Сказка о царѣ Берендеѣ» *Жуковскій.*

Госпожа Эренштейнъ, ничего не подозрѣвая, въ благодарность врачу, дала своему сыну имя, которое онъ носилъ. Маленькій Антонъ былъ пригожъ, какъ розанъ; съ каждымъ днемъ расцвѣталъ онъ болѣе и болѣе подъ лучомъ ея взоровъ, согрѣваемый ея нѣжными попеченіями; вмѣстѣ съ нимъ расцвѣтала и мать. Отецъ только наружно утѣшался имъ; мысль, что отдалъ его итальянцу, будто продалъ сатанѣ, что изъ него будетъ только лекарь, убивала всѣ радости его. Часто взглядъ на младенца, обреченнаго такому позору, исторгалъ слезы изъ глазъ барона; боясь, однакожъ, чтобы жена не замѣтила ихъ, онъ пожиралъ эти слезы. «Лекарь!.. Боже мой! Что скажетъ свѣтъ, что скажутъ родные, друзья, а пуще непріятели, когда узнаютъ о назначеніи баронова сына? Какъ объявить женѣ? Это убьетъ ее. Лучше бъ не родиться несчастному!»

— Милый другъ, — говорила однажды баронесса, держа на колѣнахъ прекраснаго малютку и вся пылая отъ любви къ нему, — не даромъ астрологи напророчили нашему сыну столько даровъ. Полюбуйся имъ: посмотри, какой умъ, сколько огня въ его глазахъ; онъ глядитъ на насъ, будто насъ понимаетъ. Кажется, такъ и горитъ на немъ звѣзда величія и славы! Кто знаетъ, какая высокая доля ждетъ его! Вѣдь и король богемскій, Подибрадъ, былъ простой дворянинъ.

Эти слова раздирали душу отца...

— Другъ мой! — говорилъ онъ, — грѣшно отцу и матери заранѣе пророчить судьбу дѣтей своихъ: эта самонадѣянность можетъ оскорбить Провидѣніе, Которое лучше насъ знаетъ, что дѣлать съ нимъ, къ чему его ведетъ.

— Правда, — отвѣчала мать, смущенная какимъ-то предчувствіемъ, а можетъ-быть и грустью, проницавшею въ словахъ и глазахъ мужа, — правда, эти пророчества могутъ оскорбить Господа. Будемъ только молиться Ему, чтобы Онъ не отнялъ его у насъ. О, тогда не переживу моего Антона.

И мать перекрестила младенца во имя Отца и Сына и Святого Духа, боясь, чтобы гордыя желанія ея въ самомъ дѣлѣ не навлекли на него гнѣва Божьяго, и прижимала его къ груди своей, въ которой сердце билось, какъ ускоренный маятникъ, и все было что-то не на мѣстѣ.

«Зачѣмъ живетъ этотъ сынъ, этотъ обреченникъ на горе и стыдъ родителей? Что ему въ жизни лекарской? Лучше бъ Господь прибралъ его теперь, во-время, на небо въ ликъ Своихъ ангеловъ!. Или, почему не приберетъ самого отца?.. Тогда клятвѣ не было бъ

исполненія: мать не давала ея; мать и сынъ будутъ счастливы».

Такъ думалъ отецъ и гордый баронъ. Не разъ приходило ему на мысль самовольно нарушить клятву. Никто не зналъ о ней, кромѣ стараго духовника и Яна; духовникъ схоронилъ свою тайну въ стѣнахъ какого-то монастыря, а въ вѣрномъ служителѣ умерла она. Но, сколько баронъ ни былъ базхарактеренъ, слабодушенъ, все-таки боялся вѣчныхъ мукъ. Клятва врѣзалась такими огненными буквами въ памяти его, адъ такъ сильно рисовался въ его совѣсти, что онъ рѣшился на исполненіе ужаснаго обѣта.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ все не открывалъ тайны своей супругѣ. Было много приступовъ, борьбы, рѣшеній, и всегда кончалось тѣмъ, что онъ откладывалъ объясненіе.

Амалія сдѣлалась вновь беременной: это обстоятельство принесло отраду растерзанной душѣ барона. Можетъ-быть, она подаритъ ему другого сына... Тогда первый пусть идетъ въ жертву неумолимому року, пусть будетъ лекаремъ!..

Годъ прошелъ, а мать все-таки ничего не знала объ ужасной тайнѣ. Ждетъ баронъ день, два... Фіоравенти не является за своею жертвой. Авось либо не будетъ!.. Тянутся недѣли... нѣтъ его. О, если бы умеръ?..

И баронъ молчалъ, благословляя каждый прошедшій день. Зачѣмъ же тревожить напрасно мать? Можетъ статься, Фіоравенти удовлетворилъ свою месть въ день рожденія ихъ сына; можетъ статься, великодушный Фіоравенти доволенъ и муками ожиданія, которыя заставляетъ терпѣть оскорбителя, и не желаетъ болѣе

исполненія своей клятвы. Добрый Фіоравенти! да будетъ надъ тобою благословеніе Божье!

Удержи благословеніе... Итальянецъ — не дитя, играющій своими чувствами, будто золотыми пузырями, которые лопаются въ воздухѣ.

Въ одинъ день — это было то самое число, тотъ самый часъ, когда случилось роковое приключеніе въ Римѣ (мщеніе разсчитано), Янъ, съ блѣднымъ лицомъ вошелъ къ своему господину. Янъ ничего не говорилъ, но этотъ понялъ его.

— Здѣсь?.. — спросилъ онъ служителя, поблѣднѣвъ какъ смерть.

— Приказалъ сказать, что онъ здѣсь, — отвѣчалъ Янъ.

Прошло опять нѣсколько дней, Фіоравенти не являлся за своею жертвою. Ужасные дни! Они отняли у барона нѣсколько годовъ жизни. Не узнало бы высшее дворянство, не провѣдали бы родня, знакомые, кто-нибудь, хоть послѣдній изъ его вассаловъ, что сынъ отдается въ лекаря, какъ отдаютъ слугу на годы въ ученье сапожному, плотничному мастерству?.. Эти мысли тревожили его гораздо болѣе самой жертвы.

Однажды приносятъ барону записку отъ Фіоравенти.

Милость или казнь объявляетъ?..

Развертываетъ дрожащими руками, и читаетъ, съ трудомъ переводя духъ:

«Я узналъ, что баронесса должна скоро разрѣшиться отъ бремени. Роды ея будутъ трудные — это мнѣ извѣстно. Предлагаю свои услуги».

Разумѣется, услуги эти приняты съ восторгомъ и благодарностью.

Фіоравенти отгадалъ: роды баронессы были трудны. Но онъ и въ этотъ разъ поздравилъ супруга съ ея жизнью и сыномъ, Фердинандомъ; только прибавилъ:— «теперь мы подѣлимся; одного вамъ, а другого мнѣ». Это объявленіе, съ твердостью сказанное, дало наконецъ знать отцу, что участь старшаго сына не перемѣнилась и что осталось только приготовить Амалію, по выздоровленіи ея. Сроку дано два мѣсяца. Эренштейнъ просилъ, сверхъ того, чтобы позволено было сдать ребенка въ какомъ-нибудь итальянскомъ мѣстечкѣ или селѣ, гдѣ не знали бы ни барона, ни врача.

Все это ему даровано, какъ милостыня, которую богачъ бросаетъ нищему. Еще одна щедрота: позволялось отцу и матери каждые три года видѣть по недѣлѣ, даже по мѣсяцу, своего сына, ласкать его, говорить имъ, что онъ ихъ сынъ, но подъ именемъ бѣдныхъ нѣмецкихъ дворянъ, Эренштейновъ, утверждая его однакожъ въ любви, въ уваженіи къ лекарскому званію. И еще одна статья условія: всякаго рода помощь или подарки отъ родителей рѣшительно будутъ пересылаемы назадъ. Баронъ на все согласенъ, тѣмъ болѣе, что условія ограждали до времени тайну отъ гласности, которой онъ страшился болѣе всего.

Въ это время на домъ барона нагрянуло новое несчатіе.

Несмотря на всѣ усилія разума, нѣкоторые вопросы на счетъ соединенія внѣшняго человѣка съ внутреннимъ останутся навсегда неразрѣшенными. Развѣ *тамъ* разгадаютъ намъ то, что и есть, можетъ быть, *тамошнее!*.. Законъ предчувствія въ числѣ этихъ вопросовъ. Кто, отъ царя до селянина, не испыталъ

надъ собою силы его, и, между тѣмъ, въ этой цѣпи людей, кто разрѣшилъ его процессъ?.. Приговариваюсь этимъ разсужденіемъ къ тому, чтобы сказать о предчувствіи, какое имѣла баронесса о своей потерѣ. Она видѣла во снѣ: разъяренный волкъ оторвалъ старшаго сына отъ груди ея, вскинулъ его къ себѣ на спину и унесъ... куда — ужъ не видала. Когда она проснулась, волненіе крови ея было такъ сильно, что молоко бросилось ей въ голову. Фіоравенти опять спасъ ей жизнь, но не могъ уничтожить слѣды ужасной болѣзни. Баронесса потеряла свою красоту; темныя пятна обезобразили ее. Одно несчастіе принесло ей другое — постепенное охлажденіе къ ней супруга, какъ мы сказали, отъ природы измѣнчиваго характера. Донынѣ онъ любилъ ее пламенно; не было жертвъ, на которыя не рѣшился бы для блага ея, даже для ея спокойствія. Но сердце его было сосудъ превращеній, не хуже Пинеттовыхъ: пламя могло въ нѣсколько часовъ обратиться въ ледъ, какъ и случилось. Отнынѣ всѣ попеченія его обратились на меньшаго сына. Если бы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дали ему на выборъ — лишиться Фердинанда или супруги, за спасеніе которой онъ отдалъ нѣкогда сына и отдалъ бы себя, то, конечно — въ душѣ своей согласился бы пожертвовать супругой, хотя бы этого явно не сказалъ. Таковъ онъ былъ во всѣхъ случаяхъ жизни; нынѣ, изъ тщеславія, готовъ играть своею жизнью на концахъ копьевъ, пуститься въ новый крестовый походъ, — завтра не догронется до булавки, не замараетъ ноги, чтобы спасти погибающаго; нынѣ у ногъ врага, котораго вчера билъ, цѣлуетъ у него руку, — завтра готовъ повторить съ нимъ римскую сцену, если бъ она опять представилась;

нынѣ сажаетъ васъ на первое мѣсто за своей трапезой, осыпаетъ васъ всѣми почетными именами, вытаскивая ихъ изъ словаря приличія и уваженія, — завтра, по первому намеку прохожаго цыгана, безъ всякихъ изслѣдованій, обратится къ вамъ спиной, заставитъ васъ ждать у воротъ своего замка, если вы имѣете въ немъ нужду, и встрѣтитъ съ своей баронской высоты словами: здорово, любезный *мой*! Такіе характеры нерѣдки.

По выздоровленіи баронессы, собрались ѣхать на поклоненіе св. Дѣвѣ Лоретской, въ благодарность за двукратное спасеніе баронессы отъ смерти. Изъ дѣтей взяли старшаго. Меньшаго оставили съ кормилицею и на попеченіи близкой родственницы. Фіоравенти сопутствовалъ имъ не безъ предосторожности. Онъ вызналъ характеръ барона и убѣжденъ былъ, что тотъ, кто изъ боязни ада исполнилъ ужасную клятву свою, не побоится (каковъ часъ!) отправить его на тотъ свѣтъ. И потому за врачемъ ѣхало нѣсколько служителей, хорошо вооруженныхъ. Подъѣзжая къ условленному мѣсту, баронъ оставилъ своихъ служителей въ послѣднемъ городѣ, взявъ съ собою только Яна и жену его. По пріѣздѣ въ село, гдѣ должно было сдать дитя барону, оставалось кончить эту драму, которая начинала ему надоѣдать, и приготовить Амалію къ разлукѣ съ старшимъ сыномъ. При этомъ случаѣ уснувшая любовь или состраданіе и совѣсть пробудились въ немъ. На немъ лица не было, когда онъ пришелъ къ женѣ съ объявленіемъ ужаснаго приговора.

— Ты боленъ, другъ мой? — сказала она, испуганная ужаснымъ состояніемъ. въ какомъ его увидала.

Онъ признался, что боленъ давно. Амалія упрекала его, зачѣмъ такъ долго скрывалъ отъ нея свою болѣзнь; вмѣстѣ съ своими поцѣлуями орошала его слезами, предлагала ему пособія, какія только знала самая нѣжная, попечительная любовь. Баронъ признался, что болѣзнь его душевная... что началась она со времени рожденія перваго сына. . бросилъ въ душу женщины, страстно его любящей, сомнѣніе, боязнь, утѣшеніе, гнѣвъ, борьбу долга съ привязанностію, преданность Богу, и когда перепыталъ всѣ чувства и утомилъ ихъ, между нѣжнѣйшими ласками предложилъ ей выборъ: лишиться мужа навсегда, или сына только разлукою временною. Наконецъ разсказалъ ей свою исторію съ Фіоравенти, это насланіе на него Божіе, напомнилъ ей ея муки, приготовленія къ смерти, явленіе итальянца и какимъ образомъ онъ, для спасенія ея, приступилъ къ ужасной клятвѣ, полагая, что корыстолюбивый врачъ хотѣлъ требовать только непомѣрной платы за свои труды. Не исполнить клятвы, — навлечь на себя гнѣвъ Божій, погибель на сына ихъ, на весь родъ; исполненіемъ покоряются они волѣ Всевышняго. Можетъ быть, Господь послалъ имъ ангела-утѣшителя въ лицѣ второго сына; итальянецъ, можетъ быть, сжалится надъ ними и, современемъ, отмѣнитъ свой приговоръ. Онъ ужъ и такъ оказалъ великодушіе, позволивъ видѣться съ сыномъ каждые три года.

Умно приготовлено, хорошо сказано, но какія утѣшенія побѣдятъ чувство матери, у которой отнимаютъ сына? Всѣ муки ея сосредоточились въ этомъ чувствѣ; ни о чемъ другомъ не хотѣла знать. Чтобы сохранить при себѣ свое дитя, она готова была отдать за него

UNIVERSITY
ILLINOIS LIBR

свой санъ, свои богатства, идти хоть въ услуженіе. Но неисполненіе клятвы должно принести ужасное несчастіе мужу ея, и она рѣшается на жертву.

Мать на все согласна, лишь бы ей сдать самой дитя свое: ее поддерживаетъ еще надежда выиграть что-нибудь для себя у жестокаго Фіоравенти. Не тигръ же онъ! Да и тотъ выпустилъ бы свою жертву изъ пасти, увидавъ отчаяніе матери. Она хотѣла прежде испытать, не тронетъ ли итальянца, никого не послушалась и повлеклась въ избушку, въ которой онъ остановился. Ее остановили у дверей. Въ униженіи стояла она часъ, два и три... Ничто не поколебало итальянца. Наконецъ ей вынесли записку:

«Госпожа баронесса! мое слово неизмѣнно. Молите Бога, чтобы я скоро умеръ, тогда развѣ вашъ сынъ не будетъ лекаремъ. Одно только, что я могу сдѣлать для матери, у которой отнимаю все ея благо, — это позволить ей видѣться съ Антоніо у меня не черезъ три года, какъ я сказалъ вашему супругу, а каждый годъ, но съ условіями, вамъ, конечно, ужъ извѣстными. Нарушеніе этихъ условій дастъ мнѣ право нарушить и мое снисхожденіе. Это моя послѣдняя уступка и мое послѣднее слово. Въ назначенный срокъ ожидаю моего воспитанника — Антоніо».

Сдали дитя, разстались съ нимъ... Мать не умерла съ горя: въ сердцѣ ея была надежда увидѣть сына черезъ годъ, а съ надеждою не умираютъ. При этомъ случаѣ лекарь, ничтожный человѣкъ, видѣлъ баронессу у ногъ своихъ... властелинъ духомъ остался властелиномъ.

Чета Эренштейновъ возвратилась въ Аугсбургъ безъ старшаго сына, будто умершаго дорогой.

Баронъ, успокоивъ свою совѣсть исполненіемъ клятвы, сдѣлавъ въ этомъ критическомъ положеніи все, что нужно было сдѣлать благоразумному супругу, и сдавъ Антона, казалось, сбросилъ съ себя тяжелый камень. Воображеніе начало мириться съ существенностью и расцвѣчать для него будущность. Мало-помалу сталъ онъ забывать старшаго сына; сперва думалъ о немъ, какъ о предметѣ, достойномъ состраданія; потомъ — какъ о предметѣ далекомъ, чуждомъ, наконецъ — ненавистномъ. Черезъ годъ позволено было отцу и матери видѣться съ Антономъ: поѣхала на это свиданіе одна мать. Еще два, три года, и сердце барона записало его въ умершіе. Онъ обратилъ свои надежды, свою любовь на меньшаго сына. Но страсть, которая овладѣла имъ отнынѣ, которой онъ далъ первое, безспорное мѣсто въ душѣ своей, было честолюбіе. Сражаясь всѣми возможными орудіями за каждую ступень, приближавшую его къ милостямъ верховнаго властителя, — уступая ему на каждой ступени отъ своихъ феодальныхъ правъ, онъ наконецъ достигъ одного изъ первыхъ мѣстъ при императорѣ Фридрихѣ III. Онъ сдѣлался любимцемъ его, переставъ быть человѣкомъ. Чѣмъ выше восходилъ онъ, тѣмъ болѣе удалялся отъ него отчужденецъ и наконецъ исчезъ для него, какъ едва замѣтная точка, которую поглотилъ мракъ ночи. Если иногда и посѣщали его заботы объ Антонѣ, такъ это для того, чтобы отдалить всякое подозрѣніе объ его постыдномъ существованіи.

Мать Антона осталась для него тою же нѣжною матерью, какою была въ первыя минуты его жизни. Что я говорю? — любовь ея возрасла съ его несчастно

судьбою. Изъ двухъ дѣтей, Антонъ былъ, конечно, ея любимцемъ; Фердинандъ пользуется всѣми правами рожденія, согрѣтъ каждый день у груди матери, растетъ въ нѣгѣ родительскихъ попеченій, избалованъ тщеславіемъ отца; угадываютъ его желанія, чтобы предупредить ихъ. Чего недостаетъ этому баловню судьбы съ самаго его рожденія? А другой, лишь увидѣлъ свѣтъ, обреченъ на изгнаніе изъ дома родительскаго, изъ отчизны, отчужденъ всѣхъ правъ своихъ, растетъ на рукахъ иноземца, посторонняго, врага его семейству; ласки, которыя расточаетъ ему мать, самое свиданіе съ нимъ, куплены у этого иноземца дорогою цѣною униженія. Какъ же не любить болѣе это дитя рока! Кажется, сама судьба старалась распредѣлить ихъ по рукамъ матери и отца, смотря на ихъ главныя отличія. Амалія несчастна, изгнанница изъ сердца супруга, — Антонъ также несчастенъ, также изгнанникъ; черты его — черты матери, характеръ — вылитъ въ форму ея души; онъ любитъ ее даже болѣе своего воспитателя; Фердинандъ осыпанъ фортуною, гордъ, тщеславенъ, шаткаго нрава, какъ и отецъ, похожъ на него лицомъ. Онъ замѣчаетъ холодность его къ матери, иногда грубое обхожденіе, и самъ, въ нѣкоторыхъ необузданныхъ выходкахъ противъ ея, показываетъ, что онъ достойный сынъ отца и наслѣдникъ всѣхъ его качествъ. Онъ терзаетъ животныхъ, бьетъ немилосердно, безъ причины, коня, на которомъ ѣздитъ, бьетъ служителей, исполняющихъ медленно его повелѣнія, трунитъ вслѣдъ отцу надъ придворнымъ лекаремъ и шутомъ, мейстеромъ Леономъ, какъ называютъ его при дворѣ, и разъ травилъ его своими собаками; онъ не любитъ ученія, привязанъ къ однѣмъ гимна-

стическимъ забавамъ. Сколько для матери причинъ, кромѣ несчастія, предпочитать этому сыну старшаго!

Годы ея существованія проходили въ святомъ исполненіи обѣтовъ, данныхъ воспитателемъ и родителями Антона, въ блаженствѣ срочнаго свиданія и въ слезахъ разлуки годовой, которая казалась ей вѣковою. Но чѣмъ болѣе забывала она свои несчастія въ любви къ милому изгнаннику, въ привязанности его къ матери, въ умѣ его и прекрасныхъ душевныхъ качествахъ, тѣмъ болѣе удовольствія, казалось, находилъ баронъ изобрѣтать для нея новыя горести. Ей приказано увѣрить Антона въ смерти отца его. Этотъ приговоръ объявилъ ей, что сынъ навсегда лишился отца. Можно судить, каково было матери объявить сыну ложную вѣсть. Однакожъ она исполнила волю своего мужа и повелителя, утѣшаясь надеждою на время, которое могло перемѣнить его чувства. Дитя, не зная отца, приняло вѣсть о смерти его, какъ о смерти чужого человѣка.

Фердинанду минуло двадцать три года. Онъ простудился, получилъ жестокую горячку и умеръ. Это несчастіе, посланное небомъ какъ бы въ наказаніе жестокому отцу и супругу, поразило его. Казалось, эта потеря должна была бъ возвратить его любовь къ старшему сыну. Нѣтъ, онъ и тутъ остался для него чуждъ попрежнему.

Между тѣмъ Антонъ росъ и воспитывался въ Падуѣ подъ именемъ бѣднаго нѣмецкаго дворянина Эренштейна. Пригожъ, уменъ, воспріимчивъ къ добру и просвѣщенію, выказывая во всѣхъ поступкахъ своихъ возвышенность чувствъ и какую-то рыцарскую отвагу, онъ былъ утѣшеніемъ Фіоравенти. Съ лѣтами пристра-

стился онъ къ наукѣ, которой воспитатель посвятилъ его. Юный ставленникъ предался ей со всею чистотою и ревностью души теплой и возвышенной. Не корыстные виды несъ онъ на алтарь ея, но пользу человѣчеству и успѣхи разума. Только онъ имѣлъ одинъ важный недостатокъ, бывшій выраженіемъ его души и вмѣстѣ времени, въ которое онъ жилъ — это пламенная мечтательность, до тѣхъ поръ неукротимая, пока не была удовлетворена. — «Вотъ таковъ точно и братъ мой Альберти, что въ Московіи, — говорилъ ему Фіоравенти, стараясь отвратить его отъ этого недостатка: — поѣхалъ строить храмъ въ дикую страну, гдѣ еще не знаютъ, какъ обжигать кирпичи и дѣлать известь! Бѣдный! существенность погубитъ его высокія мечты и, боюсь, убьетъ его». — «Завидую ему, — говорилъ молодой человѣкъ, — онъ не тащится шагъ за шагомъ по одной дорогѣ съ толпою. Онъ махнулъ крылами генія, и живетъ высоко, выше земныхъ. Если и упадетъ, по крайней мѣрѣ леталъ подъ небомъ. Утѣшительно думать, что онъ побѣдитъ вещественность и создастъ себѣ дивный, безсмертный памятникъ, которому и наша Италія будетъ нѣкогда поклоняться». — Эта мечтательность, думалъ Фіоравенти, перейдетъ съ лѣтами въ желаніе совершенствовать себя, и смотрѣлъ на своего питомца съ гордостью отца и воспитателя. Создать изъ него знаменитаго врача, подарить имъ обществу члена полезнѣйшаго, нежели барончика, — можетъ статься, незначущаго, — наукамъ новые успѣхи, исторіи новое великое имя: этою мыслью, этими надеждами убаюкивалъ онъ свою совѣсть.

На 25-мъ году Антонъ Эренштейнъ кончилъ свой медицинскій курсъ въ падуанскомъ университетѣ.

Антонъ—лекаремъ, мщеніе Фіоравенти удовлетворено. Въ это время онъ согласился на желаніе Антона путешествовать по Италіи. Молодой врачъ поѣхалъ въ Миланъ. Тамъ хотѣлъ онъ слушать у знаменитаго Николя де-Монтано уроки краснорѣчія и философіи, которыя считались непремѣнными спутниками всѣхъ знаній и отъ которыхъ не освобождались цари. Вмѣсто этихъ уроковъ, онъ услышалъ звуки бичей: ими потѣшался надъ ученымъ бывшій ученикъ его, самъ герцогъ миланскій, Галеаццо Сфорца. Вмѣсто многочисленныхъ слушателей де-Монтано, онъ видѣлъ невольныя жертвы сластолюбія, передаваемыя могучимъ злодѣемъ на позоръ своимъ придворнымъ рабамъ и ласкателямъ: видѣлъ, какъ, ругаясь надъ человѣчествомъ, кормили людей пометомъ. Въ Римѣ тотъ же развратъ: костры, кинжалъ и ядъ на каждомъ шагу. И далѣе, по пути Антона, вездѣ возмущенія, нѣсколько подвиговъ нѣсколькихъ избранниковъ, и вездѣ торжество глупой черни и развратной силы. Могъ ли равнодушно видѣть это дѣвственникъ на позорищѣ свѣта, съ своею любовью ко всему прекрасному и благородному? Исполненный негодованія, онъ возвратился въ Падуу. Одно, что онъ утѣшительнаго принесъ домой изъ своего путешествія — такъ это воспоминаніе о знакомствѣ съ Леонардомъ да-Винчи, полюбившимъ его какъ родного сына. Случай сблизилъ ихъ. Художникъ, встрѣтясь съ нимъ, такъ пораженъ былъ соединеніемъ на лицѣ его красоты наружной съ душевною, что старался заманить его въ свою мастерскую. Не въ одной фигурѣ Небеснаго Вѣстника на полотнѣ Леонарда да-Винчи могли бъ вы узнать Антона. У этого знаменитаго художника учился онъ анатоміи. Изъ Италіи

посѣтилъ онъ мать свою, въ бѣдномъ богемскомъ замкѣ, на берегу Эльбы, который она купила именно для свиданія съ сыномъ и будущаго пребыванія своего, и который, говорила она ему, есть единственное родовое достояніе ихъ. Здѣсь пробылъ онъ близъ года, посѣщая иногда Прагу и его университетъ, тогда знаменитый.

Вскорѣ по возвращеніи его въ Падуу, Фіоравенти получилъ письмо изъ Московіи съ посломъ русскимъ, бывшимъ въ Венеціи. Письмо это было отъ его брата, Рудольфа Альберти, прозваннаго Аристотелемъ, знаменитаго зодчаго, который находился, съ нѣкотораго времени, при дворѣ московитскаго великаго князя Іоанна III Васильевича. Художникъ просилъ доставить врача въ Москву, гдѣ ожидали его почести, богатства и слава.

Фіоравенти началъ пріискивать врача, охотника въ страну далекую, мало извѣстную. Никогда не думалъ онъ предлагать это путешествіе своему воспитаннику: и молодость его, и разлука съ нимъ, и варварская страна—пугали старика. Воображеніе его не разыгрывалось болѣе; только разсудокъ и сердце имѣли надъ нимъ волю. И чего жъ тамъ искать Антону? Участь его навсегда обезпечена состояніемъ воспитателя, спокойствіе ограждено обстоятельствами, имя сдѣлаетъ онъ себѣ скорѣе въ Италіи. Мѣсто врача при великомъ князѣ московитскомъ годится для бѣднаго искателя приключеній, а этихъ искателей, по урожаю времени, можно найти съ дарованіями и ученостью. Но лишь только письмо Аристотеля не сдѣлалось тайною для Антона, въ пламенной головѣ забушевали мечты. «Въ Московію!» отозвалось въ душѣ его, какъ будто

на зовъ, знакомый съ первыхъ лѣтъ младенчества. Она и прежде, въ лучшихъ мечтахъ своихъ, просила дали, неизвѣстнаго, новыхъ земель и людей. Антонъ желалъ быть тамъ, гдѣ не ступала еще нога врача. Можетъ статься, допроситъ онъ тамъ природу суровую, еще свѣжую, какими силами задержать долѣе на землѣ временнаго жильца ея, можетъ статься допытаетъ дѣвственную почву о тайнѣ возрожденія, откроетъ на ней родникъ живой и мертвой воды. Кто хотѣлъ бы глубже проникнуть въ природу человѣка, дозналъ бы въ этихъ желаніяхъ и другія побужденія. Не играла ли въ немъ рыцарская кровь; духъ мечтательной отваги не шепталъ ли его сердцу свои надежды и обѣты? Какъ бы то ни было, онъ съ радостью вызвался ѣхать въ Московію; потомъ, услыхавъ отказъ воспитателя, сталъ неотступно просить, умолять его объ этомъ.

— Наука зоветъ меня туда, — говорилъ онъ, — не лишите ее новыхъ пріобрѣтеній, можетъ быть важныхъ открытій. Не лишите меня моей славы, которая для меня одно съ счастіемъ.

И за этими убѣжденіями послѣдовалъ отказъ.

— Знаешь ли,—сказалъ съ сердцемъ Фіоравенти,— что врата въ Московію, что врата адовы: переступишь черезъ нихъ, назадъ не воротишься.

Но вдругъ, неожиданно, по какой-то тайной причинѣ, не сталъ больше противиться желанію Антона. Со слезами благословилъ онъ его въ путь.

— Кто знаетъ,—говорилъ онъ,—не есть ли на то воля судьбы! Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ тамъ ожидаетъ тебя честь и слава!

Въ Падуѣ скоро узнали о намѣреніи Антона Эрен-

штейна пуститься въ такое далекое путешествіе, и никто этому не дивился. Сыскались даже и завистники.

Правда, самое время, въ которое жилъ Антонъ, настроивало умы къ преслѣдованію неизвѣстнаго, служило его мечтамъ извиненіемъ. Вѣкъ глубокаго разврата былъ вмѣстѣ и вѣкомъ высокихъ талантовъ, смѣлыхъ предпріятій, великихъ открытій. Рылись въ утробѣ земной, питали въ горнилѣ огонь неугасимый, сочетали и разлагали стихіи, зарывались живые въ гробы, чтобы добыть философскій камень, и нашли его въ безчисленныхъ сокровищахъ химіи, завѣщанныхъ потомству. Николай Діасъ и за нимъ Васко-де-Гама исполински шагнули черезъ одну часть свѣта въ другую и показали, что милліоны предковъ ихъ были пигмеи. Генію третьяго снился новый міръ съ новыми океанами, и онъ на яву сходилъ за нимъ и принесъ его человѣчеству. Порохъ, компасъ, книгопечатаніе, дешевая бумага, регулярныя войска, сосредоточеніе народовъ и власти, геніальное разрушеніе и геніальныя созданія,—все было дѣломъ этого изумительнаго вѣка. Ужъ въ это самое время смутно носились по Германіи и во многихъ мѣстахъ Европы идеи преобразованія, которыя вскорѣ должны были усилиться гоненіями западной церкви, разложиться въ логической головѣ Лютера и вспыхнуть въ этомъ міровомъ кратерѣ, изъ котораго огненная лава и пепелъ потекли съ такою грозною быстротою на царства и народы. Идеи эти ходили тогда по толпамъ, сновались, задержанныя рвали преграды, и еще сильнѣе бѣжали впередъ. Тревожный, любознательный характеръ Антона былъ выраженіемъ его вѣка. Онъ поддался мечтамъ

пламенной души, и искалъ только, куда нести ее и запасы науки.

Московія, дикая, но возрождающаяся, съ своими безпредѣльными снѣгами и лѣсами, съ таинственностью своего азіатизма, была для многихъ новооткрытою землею, богатымъ рудникомъ для генія человѣка. Московія, начинавшая осиливать внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, нуждалась, на первый разъ, въ наружномъ, вещественномъ образованіи.

Изъ семьи художествъ и искусствъ первые гости, пришедшіе къ ней на зовъ ея, были: зодчество, живопись, литье пушекъ и колоколовъ. Въ ратномъ дѣлѣ силу огнестрѣльнаго оружія начали брать на помощь въ силѣ мышцъ; храмы требовали болѣе великолѣпія; князья и бояре искали въ жилищахъ своихъ болѣе удобства и безопасности отъ пожаровъ. Всѣ эти потребности двигалъ и удовлетворялъ Іоаннъ III Васильевичъ, смотрѣвшій уже на Русь свою очами и мыслью царя. Можетъ быть, обручальное кольцо послѣдней отрасли Палеологовъ скрѣпило еще болѣе врожденную любовь его къ великолѣпію царской жизни, если не любовь къ искусствамъ и художествамъ. Софія разсказывала ему о чудныхъ палатахъ и храмахъ Италіи, о блескѣ тамошнихъ дворовъ, и этими разсказами указала ему средства осуществить идеи наружнаго величія, которыя смутно еще носились въ головѣ и сердцѣ властителя. Никогда потребности русскихъ, въ этомъ отношеніи, не могли быть лучше удовлетворены. Въ Италію тѣснилась ученая Греція, испуганная мечомъ оттомановъ; въ свою очередь, Италія спѣшила подѣлиться съ другими избыткамъ сокровищъ и дарованій, принесенныхъ къ ней потомками Фидія и Архимеда.

Бѣдность, отвага и любовь къ прекрасному—всюду разносили эту добычу. Зодчіе, литейщики, живописцы, рѣзчики, серебреники — отправлялись гурьбою въ Москву.

Не слышно еще было, чтобы какой извѣстный врачъ посѣтилъ Московію. А сколько добра могъ бы онъ тамъ сдѣлать!.. Врачуя, всего легче, удобнѣе просвѣщать; человѣкъ всегда охотнѣе повинуется своему благотворителю. «Народъ русскій юнъ, свѣжъ, слѣдовательно, готовъ принять все прекрасное и высокое»,—думалъ Антонъ. «Въ Московію, Антонъ! туда, съ твоею пламенною душою, съ твоими дѣвственными надеждами и учеными опытами, туда, въ эту восточную Колумбію!»

Изъ Падуи провожали молодого врача любовь ученыхъ наставниковъ, желаніе ему всякаго успѣха и любовь всѣхъ, кто только зналъ его. За нимъ летѣли и сожалѣнія пламенныхъ итальянокъ. Сколько тайныхъ консультацій ему было готовилось! И, конечно, не наука, не бакалаврскій дипломъ были причиной этихъ сожалѣній. Боже мой, какая наука!.. пара голубыхъ глазъ, исполненныхъ огня и привлекательной задумчивости, ленъ кудрей, нѣжный и волнистый, какъ руно агнца, бѣлизна сѣверныхъ жителей, станъ, прекрасно изваянный? еще что бы, да еще юношеская стыдливость, которую такъ пріятно побѣдить. А что вѣренъ былъ вкусъ итальянокъ—это доказывали и соотечественники ихъ. Встрѣчая нѣмецкаго бакалавра, художники останавливали на немъ зоркій, восторженный взглядъ: взглядъ Леонарда-да-Винчи умѣлъ цѣнить прекрасное. Однакожъ, несмотря на соблазны итальянскихъ сиренъ, на пламенный вызовъ

ихъ очей и бесѣдъ, на букеты цвѣтовъ и плоды, которые онѣ, по тамошнему обыкновенію, бросали въ него изъ оконъ своихъ, Антонъ Эренштейнъ вынесъ изъ Италіи сердце, свободное отъ всякой страсти или порочной связи.

Фіоравенти простился съ своимъ воспитанникомъ не безъ горькихъ слезъ, проводя его до богемскаго замка. Онъ снарядилъ его не только всѣмъ нужнымъ на путешествіе, но и для представленія себя въ блестящемъ видѣ при дворѣ московитскаго государя.

Если можетъ быть рай на землѣ, такъ Антонъ испыталъ его цѣлый мѣсяцъ въ богемскомъ замкѣ. О! конечно, не промѣнялъ бы онъ этого бѣднаго жилища, дикой природы, на берегахъ Эльбы, ласкъ убогой матери, которой старость могъ онъ успокоить своими трудами и любовью; нѣтъ, не промѣнялъ бы всего этого на великолѣпныя палаты, на старанія знатныхъ родителей пристроить его ко двору императора, на раболѣпную прислугу многочисленныхъ вассаловъ, которыхъ онъ властенъ былъ бы травить собаками.

И, вѣрный своему обѣту, съ мыслью быть полезнымъ матери, наукѣ и человѣчеству, мечтатель покинулъ этотъ рай. Мать благословила его на далекое путешествіе въ край неизвѣстный. Она боялась за него, но видѣла, что Московія сдѣлалась для него обѣтованною землею, и могла ли отказать его желаніямъ?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАМЫСЕЛЪ

Постигнутъ ты судьбы рукой,
И жизнь тебѣ мученье;
Но всѣмъ бѣдамъ найти конецъ
Я способы имѣю.
Къ тебѣ нежалостливъ Творецъ:
Прибѣгни къ Асмодею...
И грудью буду я стоять
За друга и за брата.
«Громобой» — *Жуковскій.*

Такъ на взаимную пошло у нихъ услугу.
Хмельницкій.

Наступилъ день Герасима-грачевника, 4 го марта, когда показываются крикливые вѣстники благодатной весны; но тогда грачи еще не прилетали, потому что зима была лѣнивая или спѣсивая, не трогалась съ мѣста, не уступала своего владычества счастливой соперницѣ. Только-что разсвѣтало. У плотины мельницы, стоявшей на Неглинномъ прудѣ, съѣхались два всадника, повидимому два боярина. Они стали держать путь въ Кремль, къ Боровицкимъ воротамъ. Казалось, нельзя было соединить двухъ существъ, такъ не сходныхъ по наружности. Несмотря на это, проницательный взоръ угадалъ бы въ нихъ душу, вылитую по одному образцу, съ небольшими развѣ отмѣтками, для которыхъ природа такъ изобрѣтательна.

Помните ли вы Петрова въ «Робертѣ-Діаволѣ»? И какъ не помнить! Я видѣлъ его въ этой роли только разъ; и до сихъ поръ, когда вздумаю о немъ, меня преслѣдуютъ звуки, будто отзывы изъ ада: *«да, покровитель!!»* — и этотъ взглядъ, отъ обаянія котораго душа ваша не имѣетъ силъ освободиться, и это шафранное лицо, исковерканное бѣснованіемъ страстей, и этотъ лѣсъ волосъ, изъ котораго, кажется, выползти готово цѣлое гнѣздо змѣй. Одѣньте только этого Петрова въ старинное русское платье, опоясанное серебрянымъ ремнемъ, въ богатую шубу на пышной лисицѣ, въ высокую горлатную шапку, и вы тотчасъ ознакомитесь съ однимъ изъ ѣхавшихъ по плотинѣ Неглиннаго пруда. Подъ нимъ былъ могучій конь, осѣдланный богатымъ черкасскимъ сѣдломъ, гремящій узорчатою сбруей, писанной серебромъ, пополамъ съ рыбьими зубами. Другой всадникъ былъ маленькій, худенькій — глаза поникшіе, съ постнымъ лицомъ, съ смиренными, робкими движеніями, казалось, воды не замутитъ, привѣтливый, низкопоклонный. Сущій агнецъ!.. Но если онъ изъ своей раковины выползалъ изподтишка на свѣтъ Божій и высматривалъ кругомъ искоса, сквозь рѣсницы сонныхъ, едва полураскрытыхъ глазъ, то увѣрьтесь, онъ видѣлъ свою жертву по-ястребиному, тотчасъ хваталъ ее, и опять скрывался въ своей нечистой скорлупѣ. Снимая шапку, довольно поношенную (а это дѣлалъ онъ съ товарищемъ очень часто, въ виду каждой церкви, передъ которою русскій Бертрамъ творилъ наскоро, слегка, крестныя знаменія, между тѣмъ какъ смиренникъ означалъ ихъ глубоко, протяжно, ударяя себя въ грудь), — снимая свою шапку, онъ обнажалъ голову,

едва окаймленную какими-то ощипками сѣдыхъ волосъ. Подъ масть имъ, опушка его шубы была такъ вытерта, что трудно было бы угадать звѣря, давшаго ей мѣхъ съ плечъ своихъ. Тощая клячонка, съ приличною сбруей, едва подъ нимъ переваливалась. Лѣтами онъ далеко ушелъ отъ товарища. Этому могло быть съ небольшимъ 40 лѣтъ; онъ красовался во всей силѣ жизни; напротивъ, тотъ казался хилымъ старикомъ. Одинъ былъ бояринъ, другой — бояринъ и дворецкій великаго князя. Молодцамъ этимъ дана была по шерсти и кличка: перваго звали Мамономъ, второго Русалкой.

— Все ли Богъ милуетъ, Михайло Яковлевичъ? — спросилъ Мамонъ.

— Твоими молитвами, батюшка Григорій Андреевичъ! — отвѣчалъ Русалка, — а то — гдѣ бы? по тяжести грѣховъ моихъ меня бы и земля не снесла.

— Безгрѣшенъ одинъ Господь.

— Господь на небеси, да еще, прибавить изволь, господинъ нашъ и всея Руси великій князь.

— Видно, нелюбье свое взялъ назадъ!

Тутъ Мамонъ лукаво посмотрѣлъ на своего товарища; этотъ, безъ малѣйшей тѣни досады, отвѣчалъ:

— Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Однимъ пожалуетъ нынѣ, другимъ завтра, одно потонетъ, другое всплыветъ на верхъ — умѣй только ловить, родной мой!

— Ловишь, а тутъ изъ-подъ руки у тебя подхватываютъ. Что мы съ тобой нажили? Избушку на курьихъ ножкахъ да прозваніе шептуновъ... Велика пожива! Посмотришь, то ли съ другими боярами? Хоть бы недалеко взять Образца! Построилъ себѣ каменныя

палаты на диво, поднялъ такъ, что и черезъ Кремль поглядываютъ.

— Идетъ слухъ, будто мѣритъ корабленники зобницами [1]). Мудрено-ль?. нахваталъ въ Новгородѣ—буди не въ осужденіе его милости сказано — упаси насъ Господи отъ этого грѣха! (Здѣсь онъ перекрестился). Добыча воинская — добычка праведная!

— Нѣтъ грѣха бодливому сломать рога. Спѣсивъ шелонецъ, никого въ уровень себѣ не ставитъ.

— Къ слову молвить: чѣмъ сынъ твой не чета его дочкѣ родомъ и почетомъ, умомъ-разумомъ и пригожествомъ?

Вспыхнули очи Мамона. Онъ только-что сваталъ дочь воеводы Образца за своего сына, и получилъ отказъ: неслись ужъ слухи, потому что мать самого Мамона была волшебница, которая и сожжена [2]). Отъ словъ Русалки, ему казалось, шапка на головѣ его загорѣлась; онъ придавилъ ее могучею рукой и, горько усмѣхнувшись, сказалъ:

— Ты ужъ вѣдаешь?..

— Развѣ я одинъ!

— Не ты одинъ! Да... другіе... многіе... вся Москва.

— Земля слухомъ полнится, батюшка Григорій Андреевичъ!

— Чай, смѣются!.. Чай, говорятъ: куда сунулся сынъ колдуньи!.. Что... говорятъ?.. Скажи, голубчикъ, пожалуйста.

— Грѣхъ таить... похвалялся самъ Образецъ.

---

[1]) Хлѣбная мѣра того времени.

[2]) Княземъ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ.

— Похвалялся? собачій сынъ!.. А ты, ты, задушевный, не сказалъ словечка за меня?..

— Распахнулся, разразился, батюшка Григорій Андреевичъ, такъ что воеводѣ заочно было жарко; положилъ всю душу свою, все разумѣніе на языкъ... говорилъ, что Образецъ самъ свахъ къ тебѣ заслалъ, да...

— Самъ, не самъ, что до того!.. Смотри, *пятенщикъ* мой [1]), — прибавилъ Мамонъ, грозя кулакомъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ домъ воеводы Образца, — глубоко выжегъ ты *пятно* на груди моей! Вырву его хоть съ полостью мяса, насыщу его зельемъ... зельицемъ на славу!.. поставлю не на простой мисѣ, на серебряной... кушай себѣ на здоровье да похваливай повара! Ты пособишь, Михайла Яковлевичъ... А?.. Вѣстимо, такъ?.. Пиръ за пиръ! Вѣдь и тебя употчивалъ онъ хмѣльнымъ на своемъ новосельѣ.

Очередь дошла до Русалки. Лицо его подернуло; онъ началъ похлопывать вѣками. Видно было, что и его тронуло за живое. Онъ однакожъ молчалъ, скрѣпя сердце. Товарищъ его продолжалъ, бросая на него насмѣшливые взгляды.

— А братчина была на весь міръ! Не одну бочку меду выкатили изъ погребовъ, не одна почетная голова упала подъ столъ. И корабленники разносили гостямъ на память новоселья... Былъ ли ты званъ, дворецкій великокняжескій?

Ничто не могло такъ расшевелить жадную душу

---

[1]) Пятенщикъ, ставившій клеймо на лошадяхъ и собиравшій за то пошлину въ казну или на монастыри, которымъ эта пошлина предоставлялась граматою.

дворецкаго, какъ напоминаніе о потерянной выгодѣ. Встревоженный, онъ отвѣчалъ со вздохомъ:

— Гдѣ намъ между шелонскихъ богатырей! Мы не драли кожи съ плѣнныхъ новгородцевъ (онъ намекалъ на князя Даніила Дмитріевича Холмскаго); мы не водили сына-птенца, безсильнаго, неразумнаго, подъ мечи крыжаковъ — на насъ не будетъ плакаться ангельская душка — мы не убивали матери своего дѣтища (здѣсь онъ указывалъ на самого Образца). Гдѣ намъ! Мы и цыпленка боимся зарѣзать. Такъ куда же соваться намъ въ ватагу этихъ знатныхъ удальцовъ, у которыхъ, прости Господи, руки по локоть въ крови!

— Да, мы не рѣжемъ, а натянемъ лукъ и пустимъ каленую стрѣлу въ коршуна, что занесся высоко. Любо какъ грохнетъ на земь!.. Грѣха таить нечего, обоимъ намъ обида кровная! Униженіе паче гордости. Дѣло овечье протягивать голову подъ ножъ. «Око за око, зубъ за зубъ» — гласитъ писаніе. Мы грѣшные люди: по моему, за одинъ глазъ вырвать оба, за одинъ зубъ не оставить ни одного, хоть бы пришлось отдать душу сатанѣ!

Русалка плюнулъ, перекрестился и прошепталъ:

— Прости, Господи!

— Не молитвы, а думы хитрой жду отъ совѣтника и друга. Твоя голова не горитъ, нейдетъ кругомъ, какъ моя. Ты для меня разъ, въ другой я для тебя, будутъ и за насъ, мы за нихъ, круговая порука, хоть стономъ пойди земля! И въ другихъ странахъ, сказываютъ наши ѣздоки, знатные люди не иначе крѣпко держатся.

Коварно улыбнулся Русалка и примолвилъ:

— Не утаю отъ тебя, задушевный... Я ужъ несъ къ господину нашему думку на сердцѣ; на первый разъ охнетъ отъ ней воевода, будто ударили его ослопомъ! Вѣдаешь, ѣдетъ къ намъ отъ нѣмцевъ лекарь Антонъ, вельми искусный въ цѣленіи всякихъ недуговъ. Остается ему три дня пути...

— Чтожъ изъ этого?

— Вотъ что, задорная голова! У Образца новыя каменныя палаты, поставленныя на славу и, прибавить изволь, на его голову. Деревянный свой, трухлый дворъ онъ сломалъ: перейдти ему некуда. Нашему господину и великому князю потребно, чтобы врачъ ради всякаго недобраго — случая, отъ чего Господи оборони Ивана Васильевича на всякъ часъ живота его — слова изъ рѣчи не выкинешь, отъ слова не сдѣлается, — потребно, говорю я, чтобы врачъ находился неподалеку отъ его хороминъ. Изъ нихъ въ палаты Образца будто́ рукой подать. То и подобаетъ лекаря Антона, поганаго нѣмчина...

— Поставить въ каменныя палаты воеводы, — перебилъ Мамонъ радостнымъ голосомъ, — отобрать у него лучшія клѣти, оружейную, постельную, сѣни... Нѣмчинъ для него въ домѣ хуже нечистаго; того ладаномъ выкуришь да святой водой выгонишь, а этого, засадитъ разъ Иванъ Васильевичъ, не выживешь никакою силою. Придется хозяину хоть въ удавку! Но позволитъ ли великій князь?

— Берусь за это. Тебѣ нельзя замолвить и словечка: о твоемъ размирьи съ Образцомъ если не знаетъ еще нашъ господинъ...

— Такъ узнаетъ нынѣ же, и черезъ тебя... не правда-ль?

— Не утаю, батюшка, повѣдаю... Нынѣ я на тебя, завтра ты на меня, скажемъ другъ на друга, только такія дѣла, за которыя Грозный потрясетъ по маковкѣ, а корня не тронетъ. Ты цѣлъ, я цѣлъ, а мы свое дѣльце сдѣлали. Но рѣчь, кажись, мы вели о нѣмчинѣ. Ты вѣдаешь, Образецъ въ набережныхъ сѣняхъ обидѣлъ посла нѣмецкаго. Грозно повелъ тогда на него очами Иванъ Васильевичъ; не сдобровать бы воеводѣ, да шелонская битва была на горячей памяти и... цѣлъ остался онъ. А прислушайся ушкомъ у сердца великаго князя: ухъ, кипитъ, гудитъ въ немъ нелюбье. И будетъ легче ему, хоть окипь сбросить на рьянаго боярина и за почетнаго нѣмчина отплатить ему нѣмчиномъ же. Стоитъ только намекнуть...

Остановилъ Мамонъ своего коня, скинулъ шапку и, опустивъ ее низехонько, также поклонился, сколько могъ ниже, какъ бы признавая его сатанинское первенство.

Этотъ, ухмыляясь, слегка приподнялъ свою и примолвилъ:

— Мы сочлись ужъ, если признаешь мою услугу. Будемъ говорить душа въ душу. Вѣдь ты началъ дѣло о князѣ Лукомскомъ и толмачѣ его?

— Видитъ Богъ, въ угоду Ивану Васильевичу и ради добра землѣ Русской... Литвинъ подосланъ своимъ государемъ Казиміромъ известь Ивана Васильевича... холопъ на него показалъ... зелье нашли... чего лучше, чтобы придраться къ Литвѣ, гдѣ пристань держатъ для всякаго, кто только осерчаетъ на нашего господина!

— Пыталъ я Лукомскаго и толмача, латынщика Матифаса... не признались! Призывалъ бабъ лихихъ; давалъ лизать зелье, одной всыпалъ насильно добрую

задачу въ горло, давалъ въ хлѣбѣ собакѣ; ни баба, ни собака не околѣли.

— Ну чтожъ послѣ, родной?.. — спросилъ Русалка со страхомъ.

— Послѣ?.. Для тебя... отъ одной маковой крупинки разорвало ту же собаку! Все скрѣпилъ золотою петлей! Не бойся, тебя во лжецы не поставлю, Михайло Яковлевичъ!

Въ свою очередь, дворецкій снялъ исщипанную шапку и, низко поклонясь, примолвилъ:

— Самъ Господь заплатитъ тебѣ!

— Полно, не грѣши, Михайло! Свои люди, сочтемся. Услужи мнѣ только Образцомъ.

Дворецкій показалъ съ чувствомъ на церковь Спаса, къ которой они подъѣзжали. Вышки великокняжескихъ хоромъ выглядывали ужъ изъ-за нея. Чтобы не подозрѣвали въ нихъ какого сговора, они поѣхали — одинъ по набережной Кремля, другой къ Никольскимъ воротамъ. Разставаніе ихъ было только до великокняжескаго двора, гдѣ они должны были свидѣться.

На поклоны прохожихъ, знавшихъ, что они сильные люди, Мамонъ едва приподнималъ свою шапку, Русалка отвѣчалъ низкими поклонами. Одни молодые удальцы, которымъ терять было нечего, кромѣ своей головы, провожали перваго именемъ «наушника», которое онъ и оставилъ за собою въ потомствѣ [1]), второго подстрѣливали только слегка насмѣшками. Надо сказать, что Мамонъ былъ особенно нелюбимъ народомъ за то, что, во время нашествія ордынскаго хана

---

[1]) Такимъ же именемъ исторія опятнала боярина Ивана Васильевича Ощеру.

Махмета на Русскую землю, склонялъ великаго князя на робкія мѣры и во всякое время шепталъ ему обо всемъ, что дѣлалось въ семейной жизни и на міру. Русалка умѣлъ избѣгнуть этой ненависти, потому что поступки свои скрывалъ подъ благовидною личиною усердія и необходимости и находилъ оправданія передъ великодушіемъ народа въ изученной бѣдности, привѣтѣ ко всякому и христіанскомъ смиреніи. Между тѣмъ пріятель его, гордый, напыщенный, топталъ въ грязь общее мнѣніе и хвастался своимъ ремесломъ, которое приближало его къ великому князю, милостямъ его и власти дѣлать зло.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВЕЛИЧАНІЕ

Великій князь жилъ тогда въ деревянныхъ хоромінахъ, на такъ называемомъ *Старомъ мѣстѣ*, за церковью Благовѣщенія, недавно отстроенною. Кромѣ того стоялъ трухлый дворъ великокняжескій за церковью Михаила Архангела (тогда еще деревянною), на *Ярославскомъ* мѣстѣ. Все это предположено было одно за другимъ сломать. *Золотая палата* и *Теремный, дворецъ* уже созидались въ головѣ Ивана Васильевича; и чтобы осуществить свои намѣренія, ожидалъ онъ только искусныхъ зодчихъ, которые должны были вскорѣ пріѣхать съ нѣмецкимъ врачомъ. Хоромины великокняжескія состояли изъ нѣсколькихъ клѣтей, углубленныхъ или выдавшихся изъ главнаго строенія. Онѣ отличались, по назначенію своему или расположенію, названіями: сѣнника, избы средней, западной, брусяной, постельной, столовой, гридни, повалуши, теремовъ, и такъ далѣе. Со всѣхъ сторонъ окружали ихъ переходы подъ навѣсами и съ глухими перилами, которые примыкали къ дѣмовой церкви и часовнямъ; главный изъ этихъ переходовъ велъ къ церкви Благо-

вѣщенія, потому такъ и называемой: на дворѣ великокняжескомъ правитель народа не начиналъ и не оканчивалъ дня безъ молитвы въ домѣ Божіемъ. Даже больные и женщины не увольнялись отъ этого долга; окна изъ упокоевъ ихъ устроены были такъ, что они могли изъ нихъ слушать церковную службу и молиться на мѣстныя иконы храмовъ. (Такимъ образомъ почти и у каждаго богатаго человѣка была церковь на своемъ дворѣ). Нѣсколько крылецъ, изъ которыхъ *Красное* отличалось каменными уступами и рѣзными украшеніями, сходило на площадь. *Набережныя сѣни* выступали впередъ особенною палатою. Зодчество тогдашняго времени было немудрое, дѣтское; затѣи его состояли только въ нѣкоторыхъ наружныхъ прикрасахъ. Фронтоны, какъ и вообще богатыхъ церквей русскихъ, представляли обращенныя къ небу сердца, главы — такъ же. Взгляните на рисунки индійскихъ храмовъ, именно зиговъ [1]), и вы найдете въ нихъ первообразъ нашихъ храмовъ. Мастера особенно любили щеголять другъ передъ другомъ въ развивѣ столбиковъ, въ узорочной рѣзьбѣ на подзорахъ и надъ *красными* окнами. Рѣзьба эта на деревѣ была такъ искусна, что едва причудливая кружевница могла лучше сдѣлать изъ нитокъ. Впрочемъ, ветхому жилищу великокняжескому придавали какую-то мрачность ржавое желѣзо рѣшетокъ, ограждающихъ окна, тусклый матъ ихъ слюды, оправленной въ свинецъ, преклонные теремки, уходящіе въ ветхій гробъ свой — крышу, по которой время разбросало клочки зеленаго и порыжѣлаго моха. Мы сказали, что хоромины стояли на пло-

[1]) «Худ. Газета», 1838. № 8.

щади. Четыре улицы, немного пошире тогдашнихъ обыкновенныхъ, загроможденныя церквами, похожими на часовни, и домами наподобіе богатыхъ избъ въ Новгородской и Псковской губерніяхъ, — вотъ вамъ и дворцовая площадь! Надо прибавить, что нѣкоторые домишки, несмотря на присутствіе дворца, безчинно выходили изъ ряду, чтобы похвалиться волею своего господина. Цѣлый *городъ*, заключавшійся въ оградѣ Кремля, походилъ на муравейникъ домовъ и церквей, по которому дитя провело, въ разныя стороны, какъ попало, нѣсколько дорожекъ. На этихъ-то дорожкахъ крыша одного дома почти сходилась съ крышею другого, такъ что смѣльчакъ могъ бы, не хуже хромоногаго бѣса, сдѣлать по нимъ изрядное путешествіе. Отъ этой тѣсноты пламя такъ часто пожирало цѣлую Москву.

Но въ ветхихъ хороминахъ, за церковью Благовѣщенья, жилъ первый господинъ *всея* Руси. Въ нихъ замыслилъ и заложилъ онъ будущее могущество ея; сюда, встревоженные признаками этого могущества, государи присылали своихъословъ ему поклониться и искать съ нимъ связей. Подходя къ этимъ хороминамъ, царедворцы русскіе усерднѣе слагали молитвы Архистратигу небеснаго воинства, да помилуетъ ихъ отъ гнѣва грознаго земного владыки.

Солнце не высоко играло надъ землею, а на дворѣ великокняжескомъ все ужъ давно принялось за дневныя заботы. Вездѣ суетились дворчане, учрежденные Іоанномъ по образцу европейскихъ дворовъ, по которымъ онъ далъ названія русскія, сообразно ихъ должностямъ (распоряженіе, къ сожалѣнію, отмѣненное Петромъ I). Дворецкій Русалка преобразился въ новую одежду.

Онъ успѣлъ ужъ побывать у маленькихъ дѣтей Іоанна и отнести имъ игрушки; успѣлъ сдѣлать разныя угожденія и Софіи, супругѣ великаго князя, и Еленѣ, супругѣ сына его, несмотря, что онѣ не ладили одна съ другою; кого изъ дворскихъ потѣшилъ ласковымъ словомъ, кого шуточкой. Онъ вездѣ поспѣвалъ, всѣмъ заправлялъ, и мало что приводилъ въ дѣйствіе положенное, обычное, старался еще упредить желанія и прихоти своего властителя на весь слѣдующій день. Обязанности дворецкаго ограничивались дворомъ великокняжескимъ; но онъ, волею и неволею, расширилъ кругъ ихъ за предѣлы его. На Русалку налагали иногда самыя трудныя, щекотливыя порученія, нерѣдко опасныя и грязныя; на иныя онъ иногда самъ вызывался, желая доказать, что онъ хотя и хилъ наружностью, но богатырь лукавствомъ и умомъ. Такихъ слугъ любилъ Іоаннъ, и на нихъ-то намекалъ, говоря: «мнѣ хоть бы песъ, да яйца несъ». Замѣчая ихъ обманы, онъ наказывалъ ихъ то грознымъ словомъ, то посохомъ или временною опалою, а чаще закрывалъ глаза на тѣ проказы ихъ, которыя не вредили ни лицу его, ни государству.

Съ посохомъ великаго князя и его горлатною шапкой второго наряда, дворецкій ожидалъ его у дверей средней избы, отдѣлявшей повалушу отъ брусяной, въ которой находился Русалка. Голыя стѣны этой избы красовались только съ четырехъ сторонъ иконами огромнаго размѣра, въ кивотахъ, съ подвѣсками изъ камки, унизанной или золотыми *дробницами* или *угорскими* (венгерскими) *пенязями* (Pfennig). Въ обширной комнатѣ не было никакой мебели, кромѣ дубоваго стола, украшеннаго искусною рѣзьбой, и двухъ ска-

меекъ съ суконными полавочниками; подъ каждой стояла *колодка* (скамеечка для ногъ) и подостланъ былъ кизылбахскій (персидскій) коверъ или подножье, какъ называли наши предки. Все было тихо, какъ въ склепѣ. Неподвижно стоялъ Русалка, прикованный слухомъ и всѣми помыслами къ двери, черезъ которую долженъ былъ выйти великій князь. Вдругъ въ средней избѣ прокричалъ кто-то смутно, словно больной, сердитый старикъ, страннымъ, охриплымъ голосомъ:

— Царь Иванъ Васильевичъ! Царь Иванъ!

Тутъ Русалка улыбнулся, съежилъ плеча и покачалъ головою, будто хотѣлъ сказать: то-то потѣха! Потомъ приложилъ ухо къ двери. Вотъ, что тамъ говорили.

— Хе, хе, хе! Ѳоминишна, это твое дѣльце,—сказалъ мужской голосъ. — Ты навела меня на татаръ, а теперь вижу, куда гнешь... Спасибо, спасибо!

Скрипнула дверь, и послышался голосъ женщины:

— Пора! тебѣ ужъ вся Русь кланяется этимъ именемъ, да и римскій цесарь называетъ тебя своимъ братомъ.

— Царь Иванъ, царь Иванъ! — закричалъ опять старикъ.

— Довольно, — прервалъ владычный голосъ мужчины, — у меня и безъ того много царя сидитъ въ головѣ: не угомонишь ничѣмъ. На сердцѣ пора, да на дѣлѣ не то; давно глазъ видитъ, да зубъ нейметъ... Вся Русь?.. Гдѣ она? гдѣ это царство, сильное, владычное, дружное, словно одно тѣло, у котораго руки и ноги дѣлаютъ, что похочетъ голова?

— Ты угомонилъ татаръ, покорилъ Новгородъ и раскинулъ свою державу такъ широко, что можешь

назваться царемъ русскимъ, — прервала Софья Ѳоминишна.

— Да, раскинулъ широко, и что захватилъ, то держу крѣпко; а тутъ на сердце налегли свои и вяжутъ меня. Подлинно, кровные! Кругомъ затынили меня Ярославъ, Ростовъ, Угличъ, Рязань; не крѣпка и калитка моего царства на чужой Вереѣ... ѣдучи въ свой Новгородъ, запинаюсь всегда о Тверь... Выгляника въ окно, люба моя; не увидишь ли изъ него чужаго княжества, чужой трети! Подивись на каменныя палаты, на чудные домы Божіи моего стольнаго града, на хоромины наши... Чай, во фряжской землѣ такихъ не видано?.. Охъ, охъ, охъ! инда зазорно было мнѣ посла нѣмецкаго.

— Храмъ Пречистой на диво построитъ намъ Аристотель; скоро будутъ къ намъ новые палатные мастера... построятъ и тебѣ дворецъ, и твоимъ боярамъ палаты. Лѣтъ черезъ пятокъ Москву не узнаешь.

— Прежде свалимъ тыны, срубимъ заставы, а тамъ, если Господь продлитъ живота, построимъ себѣ и царскія палаты. Тогда буду царемъ всея Руси не однимъ прозвищемъ; тогда скажу: видно, Богъ избралъ на то своего раба Ивана! Да, буду царемъ!

Съ этимъ словомъ распахнулась дверь, и великій князь быстро вошелъ въ брусяную избу, гдѣ стоялъ Русалка, успѣвшій приготовить свою личину по надобности.

Иванъ Васильевичъ собрался принимать епископа тверского и одного изъ именитыхъ людей тамошнихъ, присланныхъ шуриномъ и великимъ княземъ тверскимъ, Михайломъ Борисовичемъ. Послы пріѣхали отъ *меньшого* брата, разжалованнаго уже изъ *равнаго*, для пе-

реговоровъ и извиненій по случаю перехваченной переписки его съ Казиміромъ, королемъ польскимъ. Для этого пріема великій князь московскій одѣлся, поверхъ нѣсколькихъ платьевъ разнаго наименованія, въ богатый становой кафтанъ, съ выводами на немъ людей: чѣмъ пышнѣе стояла одежда, тѣмъ краше и великолѣпнѣе считалась. Черные волосы его рѣзко выпадали изъ-подъ *тафьи* (татарскаго колпака), жемчугомъ шитой. На груди висѣла золотая цѣпь съ большимъ крестомъ изъ кипарисоваго дерева, въ которомъ хранились частицы мощей. Перстень на среднемъ пальцѣ правой руки сіялъ своею золотою, филиграновой оправой, а не камнемъ въ ней, который не отличался ничѣмъ отъ голыша. Но этого камня не отдалъ бы Иванъ Васильевичъ за дорогіе самоцвѣты: это былъ талисманъ—подарокъ отъ союзника и друга, крымскаго хана Менгли-Гирея, въ свою очередь получившаго его изъ Индіи. Вотъ что, по словамъ лѣтописца, писалъ къ русскому великому князю Менгли-Гирей, посылая этотъ даръ: «Тебѣ вѣдомо, что въ эндустанской землѣ *кердеченомъ* зовутъ *однорогъ* звѣрь, а рогъ его о томъ дѣлѣ надобенъ: у кого на рукѣ, какъ ѣдячи, то лизати, и въ лизати, и въ той яствѣ, что лихое зеліе будетъ, и человѣку лиха не будетъ». Изъ этого-то будто рога частичка была вставлена въ перстень, и потому Иванъ Васильевичъ никогда не скидалъ его, свято храня завѣтъ своего союзника, а, можетъ быть, съ намѣреніемъ предупредить всякое покушеніе на отраву.

Съ одной стороны быстрый, огненный взоръ изъ-подъ черныхъ, густыхъ бровей на дворецкаго—взоръ, который рѣдкій могъ выдержать и отъ котораго женщины слабаго сложенія падали въ обморокъ. Казалось,

имъ окинулъ онъ своего слугу съ ногъ до головы и обрѣлъ душу его. Съ другой стороны, глубокій, едва не земной поклонъ, которымъ Русалка хотѣлъ, казалось, скрыться отъ испытующаго взора, вручение посоха и цѣлованіе властительной руки. Шапку не принялъ Иванъ Васильевичъ и далъ знать, чтобы онъ положилъ на одну изъ скамеекъ.

— Слышалъ ли, дворецкій, чѣмъ величала меня заморская птица? — спросилъ великій князь, прояснивъ свое нахмуренное чело.

Въ самомъ дѣлѣ, странный голосъ, слышанный дворецкимъ, былъ крикъ попугая, поднесеннаго великой княгинѣ Софьѣ Ѳоминишнѣ нѣмецкимъ посломъ. Дочь Палеологовъ, награжденная отъ природы силою ума и воли, въ которой отказано было ея братьямъ, знала очень хорошо, какая бездѣлица нужна была, чтобы рѣшить супруга на исполненіе великаго дѣла, созрѣвшаго въ могучей душѣ его. Она первая гласно не захотѣла быть рабыней татаръ. Выпросивъ для себя Ордынское подворье и, такимъ образомъ, выгнавъ ихъ изъ Кремля, Софья навела на мысль, что они сдѣлались не даромъ уступчивы и что также легко будетъ выгнать ихъ изъ Русской земли. Теперь же, когда Іоаннъ, унизивъ Казань, покоривъ Новгородъ и развѣдавшись съ ордою, замышлялъ объ освобожденіи своего государства отъ удѣлизма, стѣснявшаго его внутри и находившаго ему враговъ извнѣ, хитрая и честолюбивая Софья искала разныхъ средствъ усладить для него подвигъ несправедливый, но необходимый. И потому втайнѣ выучила заморскую птицу величать Іоанна именемъ царя, которое столько льстило ему.

— Видно, вѣщая птица, господине!—отвѣчалъ хитрый царедворецъ, подставляя къ окну скамейку, а потомъ подъ ноги великаго князя колодку, обитую золотомъ, и коверъ.

Все это исполнялось по движенію глазъ и посоха властителя, столь быстрому, что едва можно было за нимъ слѣдовать. Но дворецкій и тутъ не плошалъ. Откуда взялась прыть у хилого, стараго, въ которомъ, повидимому, едва душа держалась.

На полавочникѣ были вышиты львы, терзающіе змѣя, а на алтабасной (парчевой) колодкѣ двуглавый орелъ. Эта новинка не избѣгла замѣчанія великаго князя: черные очи его зажглись удовольствіемъ. Долго любовался онъ державными звѣрями и птицею и, прежде нежели сѣлъ на скамейку и съ бережью положилъ ногу на колодку, ласково сказалъ:

— И ты нынѣ, старый песъ, видно, сговорился съ Ѳоминишной потѣшить меня!

Дворецкій низко поклонился, охоливъ кулакомъ свою ощипанную, остроконечную бородку.

— Охъ, охъ! — продолжалъ великій князь, — легко припасти всѣ эти царскія снадобья, обкласть себя суконными львами и алтабасными орлами, заставить попугаевъ величать себя, чѣмъ душѣ угодно; да настоящимъ-то царемъ, словомъ и дѣломъ, быть не легко! Самъ вѣдаешь, чего мнѣ стоитъ возиться съ роденькой. Засѣли за большой столъ на большихъ мѣстахъ, да крохоборничаютъ! И лжицы не даю, и ковшами обносятъ, а все себѣ сидятъ, будто приросли къ однимъ мѣстамъ.

— Чтожъ, господине, коли чести не знаютъ...

— Такъ по шапкѣ, да изъ-за стола вонъ! Воистину

такъ, пора... Пускай себѣ кричатъ: грѣха не ставитъ, родныхъ обираетъ... дастъ на томъ свѣтѣ отвѣтъ. Нѣтъ, не дамъ. Прежде нежели я братъ, дядя, шуринъ, я государь всея Руси. Когда явлюсь на страшный судъ Христовъ, Онъ навѣрно спроситъ меня: печаловался ли ты о землѣ Русской, надъ которою Я поставилъ тебя владыкою и отцомъ; соединилъ ли воедино, укрѣпилъ ли эту Русь, хилую, разрозненную, ободранную? Вотъ что спроситъ Онъ, а не то, что пилъ ли изъ одного ковша съ братьями и сватьями, тѣшилъ ли ихъ, гладилъ ли по головкѣ за то, что они съ своими и чужими сосали кровь русскую!

Иванъ Васильевичъ замолчалъ и посмотрѣлъ на дворецкаго, какъ бы вызывая его на отвѣтъ.

Этотъ понялъ его и сказалъ съ низкимъ поклономъ:

— Пожалуй меня, господине, князь великій, своего слугу, молвить глупое слово.

— Молви умное, а за глупое скажу тебѣ дурака.

Опять поклонъ; Русалка приправилъ его слѣдующею рѣчью:

— Вступающимъ въ бракъ Господь наказываетъ оставить отца своего и матерь и прилѣпиться къ женѣ. Въ такой же бракъ вступилъ и ты, государь всея Руси, принявъ по рожденію и отъ святительской руки въ дому Божьемъ благословеніе на царство. Приложеніе сдѣлай самъ, господине! Умнѣе на твою рѣчь сказать не сумѣю; я не дьякъ и не грамотѣй.

— Грамота у тебя въ головѣ, Михайло!.. Ладно!..

Произнося послѣднее слово, великій князь оперся подбородкомъ на руки, скрещенныя на посохѣ, и погрузился въ глубокую думу. Такъ пробылъ онъ нѣсколько минутъ, въ которыя дворецкій не смѣлъ по-

шевелиться. Нельзя сказать, что въ эти минуты тихій ангелъ налетѣлъ; нѣтъ, въ нихъ пролетѣлъ грозный духъ брани. Рѣшена судьба Твери, бывшей сильной соперницы Москвы.

Наконецъ Иванъ Васильевичъ сказалъ:

— Позови ко мнѣ Мамона и дьяковъ моихъ.

Приказъ этотъ былъ немедленно исполненъ. Дворецкій тотчасъ возвратился съ своимъ пріятелемъ, намъ уже извѣстнымъ, и тремя новыми лицами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ДОМОСТРОИТЕЛЬ И ДОМОЧАДЦЫ

Вился, вился ярый хмѣль,
Слава!
Около тычинки серебряныя;
Слава!
Такъ бы вились князья и бояре,
Слава!
Около царя православнаго.
Слава!

Вошедши въ брусяную избу, всѣ они сотворили крестныя знаменія передъ образомъ Спасителя, потомъ низко-пренизко поклонились великому князю. Казалось, по росту ихъ, вышли они одинъ изъ другого, какъ дорожный приборъ стакановъ. Самый большой былъ дьякъ Ѳедоръ *Курицынъ*. Это былъ мужчина цѣлою головою выше Мамона, лѣтъ подъ 50, но казался старѣе своихъ лѣтъ. Непрерывныя умственныя заботы и труды сгорбили его и изнурили до болѣзненнаго состоянія. На обнаженной головѣ оставались только за ушми, будто для образчика, двѣ, три пары осиротѣвшихъ русыхъ локоновъ: лицо его изнывало, но мутные глаза издавали огонь ума; на изрытомъ челѣ Господь видимо утвердилъ знаменіе высокихъ помысловъ. Его употреблялъ великій князь по дѣламъ

дипломатическимъ. За нимъ слѣдовалъ Мамонъ. Потомъ дьякъ *Володимеръ Елизаровъ Гусевъ*, дѣлецъ, законникъ, достойный памяти потомства за сочиненіе «Судебника». Остального точно выпустили изъ пазухи Курицына: такой онъ былъ крохотный. Можетъ быть, въ странѣ лилипутовъ поставили бы его фланговымъ въ гвардію; не мудрено, что онъ прослылъ бы тамъ и великимъ человѣкомъ, потому что умѣлъ бы чѣмъ давить меньшихъ. Но между нашими огромными современниками пришелся бы мелкому егерю подъ мышку. Такъ-то все сравнительно получаетъ названіе! Зато одна часть его помрачала цѣлое. Онъ едва ли не осуществилъ карликовъ нашихъ сказокъ, о которыхъ говорится, что они съ ноготокъ, а борода у нихъ съ локотокъ. Исполинская, дивная борода! По ней дьякъ и названъ былъ Бородатымъ. Не думайте, однакожъ, что всѣ достоинства его ограничивались этимъ волосянымъ украшеніемъ. Нѣтъ, онъ сохранилъ и до насъ свое имя другими качествами, а именно: умѣлъ *говорить по лѣтописцамъ*, которыхъ твердо изучилъ, такъ что съ выученнаго не сбила бы его пушка, и красно по тогдашнему, то есть витіевато и напыщенно, описывалъ походы своего господина. Ему же поручено было обученіе придворнаго клира духовному пѣнію — какъ говоритъ историкъ не нашихъ временъ: «на разные роды древняго доброгласія». Однимъ словомъ, это былъ придворный человѣкъ-колибри: пѣлъ сладко, не тяготилъ вѣтки, на которую садился, и былъ счастливъ на своемъ гнѣздышкѣ не боясь, что за нимъ погонится коршунъ, которому отъ него нечѣмъ было поживиться.

— Ну, что... дѣло съ литвинами?—грозно спросилъ

Мамона великій князь. Очи его вызывали на кровавый отвѣтъ.

— И князь Лукомскій и толмачъ его Матифасъ показали, что хотѣли отравить тебя по насылу Казиміра, — отвѣчалъ Мамонъ съ твердостью. — Пыталъ я давать зелья лихимъ бабамъ; отъ одного макова зернышка пучило ихъ, а собаку разорвало.

Иванъ Васильевичъ скинулъ тафью, перекрестился и произнесъ съ благоговѣніемъ, смотря на образъ Спасителя:

— Благодарю Тя, Бога и Спаса моего, что сподобилъ меня, Своего грѣшнаго раба, избавиться отъ насильственной смерти.

Потомъ, лизнувъ перстень свой «*кердечень*», присовокупилъ:

— Спасибо и Менгли-Гирею!.. А то, пожалуй, далеко ли дьяволу до наущенія, и черезъ кровныхъ подсыпятъ. Нынче своихъ бойся болѣе чужихъ.

— Помилуй, государь, отецъ нашъ! допустимъ ли мы, твои вѣрные холопы! — воскликнули въ одинъ голосъ дворецкій и Мамонъ.

— Око Господне блюдетъ законныхъ владыкъ, — сказалъ Гусевъ, — тебя же особо, господине князь великій, для устроенія и блага Руси.

И крохотный дьякъ Бородатый пропѣлъ въ носъ свой панегирикъ.

Курицынъ молчалъ.

Казалось, Иванъ Васильевичъ не слыхалъ увѣреній своихъ царедворцевъ и продолжалъ:

— Превысокій, благородный, славный краль!.. христіанскій краль!.. Хуже бесермена!.. Не беретъ силою, такъ зеліемъ... Посмѣй отнынѣ лаять, что я затѣваю

съ нимъ размирье изъ корысти, хоть и безъ того было бы, что̀ поговорить о правахъ моихъ на древнюю отчину нашу, Литву!.. Смотри, однако, Мамонъ, не было ли кривды въ твоемъ допросѣ? не мстилъ ли, не дружилъ ты кому?

— Цѣловали со мною крестъ семь добрыхъ *видоковъ*, дѣтей боярскихъ. Не согрѣшили ни передъ Богомъ, ни предъ тобою, господине!

— Ладно!.. А что, Володимеръ Елизаровичъ, какое наказаніе положено по твоему судебнику тому лихому человѣку, что посягаетъ на чужую голову?

— Въ судебникѣ уложено, — отвѣчалъ Гусевъ: — «А доведутъ на кого татьбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное лихое дѣло, и будетъ вѣдомо лихой, и боярину того велѣти казнити смертною казнью, а истцевъ доправити; а что ся останетъ, ино то боярину и дьяку...»

— Законники, во-первыхъ, о себѣ помнятъ. Небось, о пошлинахъ боярину и дьяку не забыли! Написано ли что у тебя о государскомъ убойцѣ и крамольникахъ?

— И въ помышленіи такого случая не имѣлъ.

— То-то!.. Вы, законники, все пишете листы за листомъ, да не дописываете. А тамъ судьи праведные начнутъ пополнять, да пояснять, да посулы брать за темные недосказы. Законъ долженъ быть уложенъ, словно открытая ладонь, безъ перстаницы (великій князь развернулъ свой кулакъ); всякій темный человѣкъ довидитъ, что на ней, и зернышко маково не укроется. Коротка, да ясна, и, коли нужно, сильно хватаетъ!.. А то, пожалуй, надѣнутъ на законъ дырявую рукавицу, да еще сожмутъ въ кулакъ: отга-

дывай, четъ или нечетъ! Покажутъ то или другое, коли надо!

— Виноватъ, господине, князь великій! мы вотъ что прибавимъ въ судебникѣ: «А государьскому убойцу и крамольнику живота не дати».

— Быти по сему: живота не дать, кто самъ посягаетъ на чужую голову! — Тутъ онъ обратился къ Курицыну, но, вспомнивъ, что онъ не сроденъ къ порученіямъ о казняхъ, примолвилъ, махнувъ рукой: — забылъ я, что курица пѣтухомъ не поетъ. (При этихъ словахъ въ глазахъ дьяка проникло удовольствіе) Мамонъ, это твое дѣло! Скажи моему тіуну московскому, да дворскому, чтобы литвина толмача сожгли на Москвѣ-рѣкѣ. Сжечь ихъ, слышишь ли? чтобы другимъ неповадно было и помышлять о такихъ дѣлахъ.

Дворецкій поклонился и, охоливъ свою ощипанную бородку, произнесъ:

— На дняхъ будутъ сюда фряжскіе палатные мастера и нѣмчинъ-лекарь. Пречистая вѣдаетъ, можетъ, и межъ ними есть какіе лихіе люди. Коли дозволишь молвить, что на разумъ нашло.

— Говори.

— Пригоже было-бъ имъ на первый разъ острастку дать: для того и казнить злодѣевъ при нихъ...

Великій князь, немного подумавъ, отвѣчалъ:

— За лекаря Антона ручается мнѣ Аристотель: учился у брата его; палатные мастера — фрязы, люди добрые, смирные... Однако... кто вѣдаетъ?.. Мамонъ, вели подождать казнить до пріѣзда нѣмчина-лекаря; да смотри, чтобы на злодѣяхъ желѣза не спали!..

Здѣсь махнулъ Мамону рукой, чтобы шелъ исполнять его приказъ.

— Къ слову молвить, господине, — сказалъ Русалка, когда вышелъ его пріятель, — у кого прикажешь поставить нѣмчина?

— Поближе къ хороминамъ моимъ, ради всякаго случая.

— Аристотель говоритъ, ему зазорно жить въ нашихъ избахъ... а палаты каменны по близости только и есть, что у воеводы Василія Ѳедоровича Образца. Ты самъ приказалъ на память себѣ привесть...

Великій князь понялъ мысль дворецкаго и, усмѣхаясь, отвѣчалъ:

— Пригоже, Михайло, сильно пригоже!.. Боярину это будетъ нелюбо, да и то сказать, не умретъ же отъ нѣмецкаго духа. Пускай его почуетъ, откуда непогода!

Замолчавъ, онъ съ грозною важностью взглянулъ на Курицына. Этотъ началъ было говорить:

— Послы отъ тверского...

— Князя, хочешь ты сказать? — перебилъ Иванъ Васильевичъ, — не признаю болѣе тверского князя. Что, спрашиваю тебя, что обѣщалъ онъ намъ договорною граматою, въ которой былъ посредникомъ епископъ его, нынѣ къ намъ прибывшій?

— Что онъ разрываетъ союзъ съ королемъ польскимъ Казиміромъ и безъ вѣдома твоего не будетъ имѣть съ нимъ сношеній, ни съ твоими недоброжелателями, ни съ русскими бѣглецами, что клянется за себя, за дѣтей своихъ вовѣки не поддаваться Литвѣ.

— У тебя *листъ* къ королю Казиміру отъ нашего шурина и доброжелателя, котораго называешь еще *великимъ* княземъ тверскимъ?

— У меня, государь.

— О чемъ тамъ говорится?

— Князь тверской возбуждаетъ короля польскаго противъ государя всея Руси.

— Теперь—суди насъ Богъ, а правда на моей сторонѣ! Ступай, и объяви посланнымъ ко мнѣ Тверью, что я не принимаю ихъ. Было имъ отъ меня слово милости: они надругались надъ нимъ. Что я имъ?.. Ветошь, которую они топчутъ нынѣ въ грязи, а завтра ставятъ вмѣсто пугала въ своихъ садахъ? Или болванъ?.. нынѣ-де поклоняются ему, а завтра бросаютъ въ поганое болото съ причитаніями: выдыбай, батюшка, выдыбай!.. Нѣтъ, не на того напали!.. Пускай ведутъ измѣнническую рѣчь съ королемъ польскимъ, и величаютъ его своимъ государемъ, а я самъ приду сказать Твери, кто настоящій ихъ господинъ. Нѣтъ терпѣнья мнѣ болѣе съ этими крамольниками!

Говоря это, великій князь разгарался болѣе и болѣе, наконецъ ударилъ посохомъ въ полъ, и посохъ переломился на-двое:

— Къ дѣлу, вотъ разметная наша грамата! — прибавилъ онъ. — Еще послѣднее слово. Покажи имъ эту трость: если бы погнулась, такъ была бы цѣла!..

Курицынъ, получивъ роковые обломки, вышелъ. Любомудръ того времени, смотря на нихъ, покачалъ головой и подумалъ:—«Такъ рушится сильная соперница Москвы!»

— Милости ко мнѣ велики, — продолжалъ великій князь, немного успокоившись:—Ростовъ и Ярославль отказываются отъ древнихъ правъ своихъ. Поспѣшимъ ковать желѣзо, пока горячо. Слово духъ, а что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ,—говоритъ

мнѣ всегда мой мужичокъ съ ноготокъ, а борода съ локотокъ.

Исполинская борода, вслѣдствіе поклона ея крохотнаго обладателя, едва не упала на полъ.

— Не тебѣ, однако, бородка, покончить это дѣло. А тебѣ вотъ что: отправь гонца къ воеводѣ Данилѣ Холмскому, въ его отчизну, съ словомъ моимъ, чтобы онъ немедля прибылъ въ Москву; да сходи къ Образцу и скажи ему, я жалую его, моего слугу: ставлю къ ему лекаря-нѣмчина, который-де на дняхъ прибудетъ къ намъ, да накажи, принялъ бы его съ хлѣбомъ-солью да съ честью. Вотъ сколько я на тебя нагрузилъ.

— По усердію и силѣ,—отвѣчалъ Бородатый:—по нимъ возмогу снесть и кентари твоихъ приказовъ.

— Ладно! А ты, Елизаровичъ, съѣзди въ Ростовъ и Ярославль и закрѣпи законнымъ узломъ благое дяніе... разумѣешь?

— Разумѣю, господине!

Такъ выпроводилъ великій князь всѣхъ своихъ дѣльцовъ-домочадцевъ кромѣ дворецкаго. Гусева почтилъ онъ Елизаровичемъ: зато и обязанность его была нелегкая—понудить грозою и ласкою князей ростовскаго и ярославскаго къ уступкѣ Ивану Васильевичу своихъ владѣній, о которой они когда-то намекали. Русалка остался и умиленно посмотрѣлъ на великаго князя, какъ бы хотѣлъ доложить ему, что имѣетъ надобность нѣчто сказать.

— Ты что?—спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Позволишь ли молвить потаенное слово?.. Думалъ было схоронить на душѣ, не разгнѣвить бы тебя, господине; да Пречистая третій день во снѣ является, все понуждаетъ: скажи, скажи...

- Ну, къ бѣсу! говори безъ ужимокъ; время дорого.

— Вѣдомо ли тебѣ: жидовская ересь чернокнижника Схаріи перешла изъ Новгорода, прозябаетъ здѣсь, въ Москвѣ, многіе пастыри духовные заражены ею, ближніе твои бояре впали въ эту ересь, главный за нихъ печальникъ дьякъ твой Курицынъ, котораго столько жалуешь своими милостями... Вѣдомо ли тебѣ, что они вводятъ въ соблазнъ православныхъ и даже— онъ осмотрѣлся кругомъ, не подслушалъ бы кто, и прибавилъ тише,—даже твою невѣстку.

— Вѣдомо, — отвѣчалъ спокойно Иванъ Васильевичъ,—они занимаются наукою любомудрія—во здравіе! Пускай себѣ, лишь бы своего дѣла не запускали! А если всѣ бабьи пересуды слушать, такъ и щей горшка не сварить, не только-что царствомъ править. Чтожъ до Курицына, то запрещаю тебѣ, и кому бы ни было, говорить о немъ худое. Никогда не забуду, что онъ для меня сдѣлалъ: крѣпкая дружба съ Менгли-Гиреемъ, союзы съ королемъ венгерскимъ и съ господаремъ молдавскимъ—все это его забота. И если я силенъ этими союзами и могу теперь надежно тягаться съ Литвою, такъ за это поклонъ, да еще низкій поклонъ Курицыну. Вѣдайте, добро и худо помню до гробовой доски и умѣю благодарить за то и другое. Выполни, шептунъ, десятую долю его, и ты спознаешь меня.

— Изъ усердія къ твоему лицу, господине, князь великій, доложилъ тебѣ... не смогъ умолчать... православный народъ гласно вопіетъ противъ тебя...

При этихъ словахъ раскалились очи у Ивана Васильевича. Онъ воспрянулъ съ своей скамьи, вцѣпился

могучею рукой въ грудь Русалки и, тряся его, задыхаясь, вскричалъ:

— Народъ?.. Гдѣ онъ?.. Подай мнѣ его, чтобы я могъ услышать его ропотъ и задушить, какъ тебя душу. Гдѣ этотъ народъ, говори?.. Отколь онъ взялся?.. Есть на свѣтѣ русское государство, и все оно, Божьею милостью, во мнѣ одномъ... Слышь, бездѣльникъ? Поди объяви это вездѣ: на торжищахъ, въ церквахъ, во всѣхъ сотняхъ, во всѣхъ концахъ, вели это прокричать, и, коли мало голоса человѣческаго, вели это прозвонить колоколамъ, прогремѣть пушкамъ.

Онъ оттолкнулъ отъ себя дворецкаго и началъ ходить большими шагами по избѣ.

— Православный народъ?.. Не тотъ ли, что ползалъ два вѣка у ногъ татаръ и поклонялся ихъ деревяннымъ болванамъ, цѣловалъ руки у Новгорода, у Пскова, у Литвы, падалъ въ прахъ передъ первымъ встрѣчнымъ, кто на него только дубину взялъ?.. Я первый отрезвилъ его отъ поганаго хмѣля, поднялъ на ноги и сказалъ ему:—«Встань, опомнись, не трусь!»— И этотъ смердъ хочетъ вопіять противъ своего господина! Нынѣ оставлю этотъ народъ, и что съ нимъ станется? Сгинетъ, аки червь подъ ногою перваго удалого прохожаго!.. Поди, объяви Курицыну мою милость; скажи, что я жалую его, моего вѣрнаго слугу, золотымъ кафтаномъ... слышь? съ плечъ моихъ! И скажи такъ, чтобы твой народъ это зналъ... Теперь вонъ, поганый шептунъ!

Дворецкій бросился въ ноги своему властителю.

— Помилуй, государь, отецъ нащъ! грѣхъ попуталъ,—вопилъ онъ.—Возьми свое нелюбье назадъ, а я тебѣ службу сослужу: будешь мною доволенъ... Князь

верейскій сильно захворалъ... съ этою вѣстью нарокомъ пріѣхалъ ко мнѣ родичъ мой... Поспѣши, батюшка, гонца, пока не отдалъ Богу душу.

Вѣсть эта судорожно пробѣжала по сердцу великаго князя; онъ былъ ею поряжонъ, и не мудрено. Сынъ князя верейскаго жилъ изгнанникомъ въ Литвѣ: надо было царственному домостроителю захватить скорѣе отчизну его, чтобы не помѣшали недруги.

— Хвораетъ?—спросилъ онъ, перемѣнясь въ лицѣ,—шибко хвораетъ, говоришь ты?

— Родичъ мой сказываетъ, врядъ ли подымется.

— Да, Михайло, ты можешь сослужить мнѣ службу; никогда не забуду. Ты голова неглупая... не придумаю, какъ нынѣ оплошалъ... Лукавый, видно, попуталъ тебя въ бабьи сплетни... правду молвить, въ первой... А, можетъ быть, и не спросту!.. Встань... Ты вѣдь никому не говорилъ еще о болѣзни верейскаго?

— Видитъ Богъ, никому! Зарой меня живого въ землю, коли я кому промолвился. Знаю я, да ты, господине, да родичъ мой, и тому наказалъ, что прямо въ петлю и меня и себя потащитъ, коли обмолвится.

— Такъ ты, мой люба,—великій князь погладилъ его по головѣ, какъ наставникъ умнаго ученика,—махни нынче же, сейчасъ, тихомолкомъ въ Верею... Скажемъ—захворалъ... Скачи, гони, умори хоть десятокъ лошадей, а въ живыхъ заставай князя Михайлу Андреевича... какъ хочешь, заставай!.. Улести лаской, духовною рѣчью, а если нужно пугни... и привози ко мнѣ скорѣй душевную грамату, передаетъ-де великому князю московскому свою отчину, всю безъ остатка, на вѣчныя времена, за ослушаніе сына.

А виновенъ былъ этотъ несчастный сынъ, женатый

на племянницѣ Софіи Ѳоминишны, дочери Андрея Палеолога, только въ томъ, что Софія подарила ей какое-то дорогое узорочье первой жены Іоанновой, котораго великій князь обыскался. Это узорочье нужно было великому князю только для придирки: въ замѣнъ снизалъ онъ Руси богатое ожерелье, въ которомъ красовались Верея, Ярославецъ и Бѣлоозеро.

— Не учить тебя стать!—продолжалъ Иванъ Васильевичъ. — Тебѣ сто рублевъ, слышь, сто рублевъ, и отъ меня спасибо!

Говоря это, онъ дрожалъ.

Сто рублей плясали ужъ въ душѣ жаднаго дворецкаго, но не сбили его съ лукаваго толка.

— А коли онъ протянетъ ножки до меня?—спросилъ онъ.

— Не можетъ, не долженъ... слышь? или не пріѣзкай назадъ.

— У меня и мертвый подпишетъ.

Тутъ Русалка досказалъ что-то мимикой.

Съ ласковымъ словомъ и стами рублями впередъ былъ онъ отправленъ въ Верею. И грозы надъ нимъ какъ не бывало!.. Отчего жъ оплошалъ онъ съ докладомъ о жидовской ереси? Неужели въ самомъ дѣлѣ оплошалъ? О! нѣтъ, это была тонкая продѣлка. Надо было ему поддержать членовъ Схаріевой секты, подкупившихъ его. Для достиженія этой цѣли всего лучше было оговорить ихъ же и стать на сторонѣ противниковъ, то есть народа; такимъ образомъ онъ представлялъ завистливой власти государя, что есть другая власть, которая осмѣливается ему противиться, хоть словомъ. Какъ разсчитано, такъ и случилось; великій князь вознегодовалъ на своихъ цензоровъ. На случаи

же личной бѣды, Русалка имѣлъ въ запасѣ вѣсть о болѣзни верейскаго князя. И тамъ и тутъ остался онъ въ выигрышѣ: отъ сектаторовъ получилъ благіе дары, отъ Ивана Васильевича сто рублевъ—важная сумма въ то время! — и прирощеніе его милостей. За толчкомъ онъ не гнался.

ЛАВА СЕДЬМАЯ

ЖИЛЬЦЫ КАМЕННЫХЪ ПАЛАТЪ

Господиновъ дворъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ, на осьми столбахъ.
Посреди двора, посреди широка,
Стоятъ три терема,
Три терема златоверхіе:
Въ первомъ терему красно солнышко,
Во второмъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Въ третьемъ терему часты звѣздочки.

Внутри *города*, именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще въ наше время стоялъ каменный шатеръ для храненія пушекъ, въ свою очередь сломанный, красовался домъ московскаго воеводы и боярина Василія Ѳедоровича Симскаго, по прозванію Образца. Дворъ его одною стороной граничилъ къ площадкѣ, на которой стояла церковь Николы-льнянаго, при поворотѣ внизъ Константино-Еленовской улицы, а другою стороною къ кремлевскоій стѣнѣ. Этотъ домъ былъ каменный, строенъ на славу иноземными мастерами и прозванъ ими *палатомъ* (palais), почему и наши съ этого времени стали называть каменные дома палатами. Тогда ихъ было только два, Образцовъ и московскаго головы [1]).

---

[1]) Дмитрія Владиміровича Ховрина.

Особенно на палаты воеводы ходили дивоваться толпы. Нѣсколько недѣль не было отъ нихъ отбою. Да и какъ не дивиться? Дитя, единица ли онъ, или толпа единицъ, любитъ игрушки; а домъ Образца былъ большая каменная игрушка, невиданная на Руси. Мало, что стѣны построены съ иную улицу московскую: откуда ни поглядишь на него, вездѣ затѣи, выведенныя будто волшебной рукой. Окна глубоко и украдкою уходятъ въ домъ, какъ бы съ бережью для глазъ хозяина неся туда свѣтъ; надъ каждымъ окномъ и подъ нимъ вѣтви пальмовыя, что кидали въ день Ваіи подъ ноги Христу, да еще виноградныя кисти, отъ которыхъ упился Ной. Такъ зрители объясняли наружныя украшенія дома. Все это высѣчено изъ камня, покорнаго могучему искусству. Выпуклости выкрашены желтою краскою, а пустыя между ними мѣста голубою. Чудо какъ хорошо! Кровля изъ нѣмецкаго желѣза, выбитаго такъ тонко, какъ листъ на деревѣ, жаромъ горитъ. Посмотришь во дворъ, и тамъ чудеса! Два крыльца сходятъ съ обѣихъ сторонъ дома, словно хотятъ обнять дворъ. Они держатъ свою покрышку, окаймленную подзорами, на витыхъ столбикахъ, какихъ нѣтъ и у хороминъ великокняжескихъ. Теремокъ прилѣпленъ вверху у самой крыши, художествомъ ли человѣческимъ или силою недоброю, и виситъ на воздухѣ, будто ласточкино гнѣздо. Внизу его придѣланъ, ни дать, ни взять, опрокинутый колоколъ. Въ теремку съ трехъ сторонъ окна съ мелкими круглыми стеклышками (диковина немалая въ тогдашнее время). Когда ударитъ въ нее солнышко, онъ кажется фонаремъ, въ которомъ горятъ множество свѣчей. Взглянешь въ окно къ сторонѣ кремлевской

стѣны, видны пушечный сарай, Красная площадь, лавки, Варьская улица и Спасъ въ Чигасахъ за Яузою. Взглянешь въ середнее окно — Великая улица на берегу Москвы-рѣки, рѣка въ излучинахъ своихъ отъ монастыря Симонова до Воробьева села и все Замоскворѣчье, какъ на блюдечкѣ; ближе, подъ тобою, по городской горѣ взбираются избы одна надъ другою, держась за Константино-Еленовскую улицу, и видно все на дворахъ, будто на своемъ; еще ближе подъ тобою — яблонный садъ: кажется, вотъ всѣ былинки въ немъ перечтешь. Изъ третьяго окна *красная* сторона *города*, отъ великокняжескихъ хороминъ по Тайнинскія ворота, со всѣми церквами своими, будто про тебя написана на листѣ. А когда бы видѣли вы сокольню на дворѣ: мастеръ пустилъ изъ нея стрѣлу съ яблокомъ — играетъ себѣ на небѣ!

Палаты эти долго казались хитрымъ дѣломъ лукаваго. Хозяинъ ихъ, воевода, сподвижникъ Данилы Дмитріевича Холмскаго при покореніи Новгорода, первый по немъ въ ратномъ дѣлѣ, былъ, конечно, не трусъ. Прозваніе *Образца* дано ему было за то, что онъ бился всегда впереди своихъ дружинъ. Но когда надо было ему пробираться въ новый домъ, по сердцу его пробѣжала дрожь. Онъ скорѣе готовъ былъ встрѣтиться одинъ съ десятью нѣмецкими латниками или татарами, или вольницею новгородской, чѣмъ съ нечистою силою, даже въ одномъ лицѣ. Правда, къ его успокоенію и семейства его были приняты всѣ мѣры противъ нечистаго духа, котораго могли занести въ домъ поганые иноземные строители. Курили и курили ладаномъ такъ, что можно было въ немъ задохнуться, пѣли молебны съ окропленіемъ богоявленскою водой двора, жилого и

нежилого строенія, водрузили надъ воротами и надъ всѣми входами мѣдные кресты съ святыми изображеніями, и чаще съ изображеніемъ св. Никиты, который дубинкою побиваетъ бѣса, и водворили Божье милосердіе. Такимъ образомъ, казалось, оградили новое жилище свое и отъ будущаго навожденія нечистой силы. Новоселье отпраздновали въ день *Симеона-лѣтопроводца*, то есть перваго сентября, который считался и первымъ днемъ новаго года. Не забыли, однакожъ, передъ тѣмъ главнаго *хозяина* — домового генія, котораго и понынѣ въ деревняхъ называютъ этимъ именемъ: безъ него, говорятъ, и домъ не стоитъ. Старшая въ домѣ женщина сходила на пепелище прежняго жилья, вынула изъ печурки на черепокъ горящихъ угольевъ, *кого-то* пригласила оттуда и завернула въ скатерть. Ворота настежь; Образецъ со всѣми домочадцами вышелъ на встрѣчу, неся хлѣба-соли; поклонъ въ поясъ, еще и еще, потомъ униженно, поникнувъ сѣдою головой и указывая *кому-то* путь въ новый домъ, приговаривалъ: «дѣдушка, милости просимъ съ нами на новое мѣсто». Тутъ отворились двери, стряпуха выпустила *кого-то* изъ скатерти въ новую печурку, горящіе уголья туда-жъ (не забыта и пища для таинственнаго огня), хлѣбъ-соль поставленъ на браномъ столѣ, наѣхали гости, и пошло веселье. Домовой пенатъ водворенъ; чего бояться? Лишь бы не разсердить его неугодой какой! Затѣмъ проходила зима по добру, по здорову. Только разъ прогнѣвался было *хозяинъ:* не взлюбилъ боярскаго вороного жеребца, недавно купленнаго: часто по ночамъ ерошилъ его, ѣздилъ на немъ, словно сотня кошекъ, вытыкалъ войлокъ изъ его гривы, дулъ ему нестерпимо въ ноздри

и въ уши. Догадались скоро, что *хозяину* масть не по шерсти. Въ угожденіе ему, продали коня и не стали болѣе держать вороныхъ. Повѣсили также въ конюшнѣ медвѣжью голову, чтобы бездомные духи не входили въ споръ съ *хозяиномъ* за жилое владѣніе, не осилили его. Съ того времени домашній духъ успокоился, а съ нимъ и жильцы каменныхъ палатъ, охраняемые его чадолюбивымъ надзоромъ.

Да, Русь была тогда полна *чарованія!* Родные предразсудки и повѣрья, остатки міра младенческаго, миѳическаго, — духи и геніи, налетѣвшіе толпами изъ Индіи и глубокаго Сѣвера и сроднившіеся съ нашими богатырями и дурачками, — царицы, принцы, рыцари Запада, принесенные къ намъ въ котомкахъ италіянскихъ художниковъ, все это населяло тогда дома, лѣса, воды и воздухъ, и дѣлало изъ нашей Руси какой-то поэтическій, волшебный міръ.

Духи встрѣчали новорожденнаго на порогѣ жизни, качали его въ колыбели, рвали съ дитятею цвѣты на лугахъ, плескали въ него играючи водой, аукались въ лѣсахъ и заводили въ свой лабиринтъ, гдѣ наши Тезеи могли убить лѣшаго Минотавра, не иначе, какъ выворотивъ одежду и заклятіемъ, купленнымъ у лихой бабы, или, все равно, русской Медеи. Духи поселялись въ глаза, чтобы взглядомъ испортить кого, падали разсыпною звѣздою надъ женщиною, предавшеюся сладкимъ, полуночнымъ грезамъ, тревожили недобраго человѣка въ гробу, или, проявляясь въ лихомъ мертвецѣ, ночью выходили изъ домовища пугать прохожихъ, если православные забывали вколотить добрый колъ въ ихъ могилу. Всѣ необыкновенные случаи, всѣ недуги и сильныя страсти были дѣломъ духовъ.

Въ атмосферѣ, напитанной этимъ чарованіемъ, жило и семейство Образца. Изъ кого жъ оно заключалось, тотчасъ увидимъ.

Прочтите лѣтописи того времени, и вамъ не одинъ разъ встрѣтится имя Образца въ войнахъ противъ Новгорода, ливонцевъ и татаръ. Посмотрѣли бы вы Василія Ѳеодоровича, когда шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ осыпали голову его снѣгомъ; вы и тогда сказали бъ: этотъ взоръ, въ проблески одушевленія, долженъ былъ нападать на врага орлинымъ гнѣвомъ; эта исполинская рука, вооруженная мечомъ, должна была укладывать подъ собою ряды мертвецовъ; эта грудь широкая, мохнатая, эта вся геркулесовская обстановка — созданы оплотомъ боевымъ. Заплативъ дань отечеству, какъ воинъ, и за то почтенный саномъ боярина, тогда еще очень рѣдкимъ, онъ заплатилъ дань великому князю, какъ царедворецъ, построеніемъ, въ угоду ему, каменныхъ палатъ. Въ нихъ жилъ онъ на покоѣ, не тревожимый доселѣ Іоанномъ, любимый друзьями, уважаемый народомъ; добрый отецъ, грозный и попечительный господинъ, въ нихъ хотѣлъ онъ дать сладскій отдыхъ послѣднимъ годамъ своимъ и приготовить себя заранѣе къ вѣчности дѣлами вѣры и добра. Возвышаясь надъ толпою саномъ и богатствомъ, онъ не отдѣлялся отъ нея предразсудками. Ближняго любилъ по закону Христову, но въ этомъ имени заключалъ однихъ своихъ земляковъ; что было только не русское, считалъ наравнѣ съ собакою. Итальянцевъ или фрязовъ, какъ тогда ихъ называли, еще терпѣлъ онъ въ своемъ дому и удостоивалъ своей бесѣды, потому что они строили или сбирались строить домы Божіи; болонскаго художника Рудольфа Фіоравенти,

иначе Аристотеля, уважалъ, какъ розмысла, будущаго зодчаго Успенскаго собора, и болѣе какъ отца мальчика, крещенаго по-русски. Но нѣмцевъ, поганыхъ нѣмцевъ, ненавидѣлъ всею силою души суровой, хотя не злой. Это чувство къ нимъ, взявшее свой источникъ въ народномъ предразсудкѣ, было еще усилено особеннымъ случаемъ. Имъ не могъ онъ простить смерть милаго, любимаго дѣтища, убитаго въ глазахъ его. Этому сыну только-что минуло 16 лѣтъ, только-что совершили надъ нимъ обрядъ *постриги*, когда онъ увлекъ его изъ-подъ крыла матери въ бой противъ ливонцевъ, которыхъ называли тогда нѣмцами [1]). Какъ онъ любовался воинской красотой его, осѣненной шлемомъ, его юношескимъ пыломъ и отвагой, обѣщавшими знатнаго полководца! И эта краса, эти утѣшенія и надежды скошены вдругъ махомъ поганаго меча! Прошло много лѣтъ, и все еще мечтался старцу образъ прекраснаго юноши, когда онъ, истекая кровью, приподнялъ изъ праха голову, обвитую сумракомъ смерти, перекрестился и бросилъ отцу взоръ... прощальный взоръ. Кони вражескіе тутъ же его затоптали. О! этого взора не забудетъ отецъ и на смертномъ одрѣ: не забудетъ онъ матери, требовавшей у него отчета, куда онъ дѣвалъ милое дѣтище. Мать не долго пережила эту потерю. Зато съ тѣхъ поръ Образецъ мститъ всѣмъ нѣмцамъ ненавистью къ нимъ сильною, неумолимою. Убійцѣ сына онъ не размозжилъ головы шестопером; нѣтъ, взявъ его в плѣнъ, онъ привязалъ

---

[1]) «*Поганые нѣмцы* не стали на срокъ на *Обидномъ* мѣстѣ» «*нѣмцы* прислали съ святымъ словомъ», «*нѣмецкія* божницы» — это все говорится въ лѣтописяхъ о ливонцахъ и ихъ церквахъ.

къ хвосту коня, и по пнямъ, по камнямъ, примчалъ въ лѣсъ на съѣденіе волкамъ. Не скрываетъ онъ своей ненависти къ нѣмцамъ при самомъ великомъ князѣ; разъ при немъ назвалъ въ лицо поганымъ басурманомъ [1]) нѣмецкаго посла, рыцаря Поппеля. Едва могли затушить гнѣвъ Ивана Васильевича по этому случаю. Великій князь, любившій, чтобы уважали то, что онъ удостоивалъ своего вниманія, и ненавидѣли то, чего онъ не жалуетъ, хранилъ на сердцѣ память объ этомъ оскорбленіи, несмотря на великія заслуги Образца.

Еще былъ сынъ у воеводы, Иванъ Хабаръ-Симской (замѣтьте, въ тогдашнее время дѣти часто не носили прозванія отца, или называемыя такъ — впослѣдствіи назывались иначе: эти прозвища давались или великимъ княземъ, или народомъ, по случаю подвига или худого дѣла, сообразно душевному или тѣлесному качеству). Иванъ Хабаръ, двадцати двухъ или трехъ лѣтъ, чернобровый, черноглазый, статный, красивый, однимъ словомъ — типъ русскаго молодца, пыталъ не разъ отвагу свою противъ непріятеля, ходилъ съ сурожанами охотникомъ на Вятку и противъ Мордвы на *лыжахъ*, тратилъ эту отвагу въ передѣлкахъ со своими, въ ночныхъ похожденіяхъ, въ жизни молодеческой, разгульной. — «Эй, Иванъ! не сносить тебѣ головы», — говаривалъ ему отецъ. — «Станетъ на мой вѣкъ и одной, батюшка!» — былъ отвѣтъ его. Нерѣдко старикъ закрывалъ глаза на проказы сына, въ надеждѣ, что

---

[1]) Этимъ прозвищемъ, которое составилось изъ слова «бесерменъ», невѣрный, стали честить нѣмцевъ уже при отцѣ Іоанна III; можетъ быть, и прежде. Смотр. «И. Р. Н.» Полев. Т. V, стр. 134.

кипучая, буйная душа его переволнуется и, какъ бурные, весенніе потоки, войдетъ въ свои берега. Грани же, положенной Богомъ, никто не переступитъ, думалъ онъ: судьбы своей не объѣдешь. Молодой конь перебѣсится, все-таки будетъ конь; кляча и смолоду все кляча.

Но лучшая утѣха и надежда, ненаглядное сокровище старика, была дочь Анастасія. О красотѣ ея пробѣжала слава по всей Москвѣ, сквозь стѣны родительскаго дома, черезъ высокіе тыны и ворота на запорѣ. Русскія цѣнительницы прекраснаго не находили въ ней недостатковъ, кромѣ того, что она была немного тоненька и гибка, какъ молодая береза. Аристотель, который на своемъ вѣку видѣлъ много италіянокъ, нѣмокъ и венгерокъ, и потомъ имѣлъ случай видѣть ее,— художникъ Аристотель говаривалъ, что онъ ничего прекраснѣе ея не встрѣчалъ. «Синьорина Анастасія»,— прибавлялъ онъ, — «по бѣлизнѣ своей дитя снѣжнаго сѣвера, но по зною темнокарихъ глазъ, по нѣгѣ, разлитой по всей ея наружности, ни дать, ни взять, — соотечественница моя. Если бы я былъ живописецъ, то олицетворилъ бы ею пылающую зарю, когда она готова броситься въ объятія своего лучезарнаго жениха». Художникъ всегда останавливался передъ неіі съ особеннымъ восторгомъ. Іоаннъ *младой*, первый сынъ великаго князя отъ первой жены, вбѣжалъ разъ, нежданный, въ садъ Образца за Хабаромъ-Симскимъ, котораго очень любилъ, увидалъ тамъ сестру его и остановился передъ ней, весь не свой, какъ бы опаленный молніею. Онъ намѣренъ былъ на ней жениться, но честолюбивый его отецъ, искавшій въ бракѣ своихъ дѣтей не сердечныхъ, а политическихъ связей,

повель его къ вѣнцу съ Еленою, дочерью Стефана, господаря молдавскаго (перекрещеннаго по-нашему въ воеводу волошскаго, почему и называли ее у насъ Еленой Волошанкой). Старушки-вѣди (все знающія, все вѣдающія, ворожейки) открыли кому-то, что княжичъ, именно съ того времени, началъ грустить и сохнуть. Никогда не переставалъ онъ питать къ Хабару нѣжнѣйшей привязанности, въ которой, можетъ быть, скрывалось другое чувство.

Анастасія вся, и тѣломъ и душою, была какая-то дивная. Съ малолѣтства ея Провидѣніе наложило на нее печать чудеснаго. Когда она родилась, упала звѣзда надъ домомъ; на груди было у ней родимое пятнышко, похожее на кресть въ сердцѣ. Десятилѣтней снились палаты и, сады, видомъ не виданные на землѣ, и лица красоты неописанной, и голоса, которые пѣли, и гусли самогуды, которыя играли, будто надъ ея сердцемъ, такъ хорошо, такъ умильно, что и разсказать не можно. А когда она, во время этихъ сновъ, просыпалась, то чувствовала у ногъ своихъ легкое бремя, и казалось ей, кто-то лежитъ у нихъ, свернувъ бѣлыя крылья. И было ей сладко и страшно, и все вмигъ исчезало. Часто задумывалась она, часто грустила, сама не зная о чемъ. Нерѣдко, простершись передъ иконою Божіей Матери, плакала; но эти слезы старалась утаить отъ людей какъ святыню, которую невидимо посылали ей свыше. Все чудесное любила она, и потому любила сказки, эти изустные романы, эти народныя поэмы того времени. Съ какою жадностью слушала ихъ отъ своей мамки! Зато какихъ диковинокъ не развивала въ нихъ краснорѣчивая старушка передъ юнымъ, пламеннымъ воображеніемъ

своей питомицы! Анастасія предавалась этой поэзіи, нерѣдко забывала сонъ и пищу; нерѣдко самые сны доканчивали ей недосказанную сказку, еще живѣе, нежели мамка, еще краснорѣчивѣе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СКАЗОЧНИКЪ И ВѢСТНИКЪ.

Мы сказали ужъ, что наступилъ день Герасима-грачевника. Было время за полдень. Василій Ѳедоровичъ Образецъ, по русскому обычаю, отдохнувъ послѣ обѣда, спѣшилъ умыться, чтобы освѣжить горѣвшее отъ сна лицо. Это сдѣлано безъ сторонней помощи: мѣдный рукомойникъ, подаренье знаменитаго Аристотеля, повѣшенъ надъ лоханью, чистою, будто сейчасъ вышла изъ рукъ деревщика. Чудный даръ! тронешь снизу прутикъ, и вода бьетъ изъ него ключемъ. Браный утиральникъ, обшитый тонкими кружевами, рукодѣлье Анастасіи, спдѣлъ на гвоздѣ, всегда къ услугамъ хозяина. Роговой гребень, помоченный въ квасу съ медомъ, пройдя по бѣлымъ прядямъ волосъ его, пригладилъ и умастилъ ихъ. Хорошо ли была сдѣлана уборка, нельзя было самому знать, потому что въ тогдашнее время зеркалъ мало кто и видывалъ. Тотъ же Аристотель подарилъ было Анастасіи кусочекъ зеркала; да какъ жильцы каменныхъ палатъ посмотрѣлись въ него и—наше мѣсто свято!—оборотили въ стекло свои лики, да какъ увидѣли, что нечистый от-

водить глаза и шутитъ надъ ними, такъ закинули волшебное стеклышко въ поганое болото, не сказавъ про то фрязу. Убравшись, помолился старецъ, надѣлъ *лѣтникъ* и перешелъ въ *клѣть*, которую называлъ своею оружейною. Это была горница, довольно пространная. На стѣнѣ, красовавшейся переплетами кирпичей, висѣли желѣзные шишаки, грубой работы, *колонтари* (латы), писанные серебромъ, и простые, желѣзные, на которыхъ ржавчина въѣлась кровавыми пятнами, *кончары* (оружіе въ родѣ меча и кинжала, немного поменѣе перваго и поболѣе второго), изъ коихъ нѣкоторые были съ искусною золотою насѣчкою и украшеніями, изобличающими Востокъ, *палицы*, *сулицы* (метательныя копья), *шестоперъ*, знакъ воеводства, какъ нынѣ маршальскій жезлъ, и нѣсколько желѣзныхъ щитовъ съ конусными выемками. Въ углу стоялъ на искосѣ образъ Георгія-побѣдоносца. Отъ стѣнъ нѣсколько отсторонились двѣ лавки, покрытыя суконными полавочниками; между ними вытягивался дубовый столъ, дѣвственной чистоты, съ рѣзными ножками и ящиками, а на немъ стояли *оловянникъ* и серебряная стопа и лежала серебряная *черпальница*. Передъ столомъ, на почетномъ мѣстѣ, чванилась своею узорочностью диковинная *сѣдальница*, въ родѣ складныхъ креселъ, изобрѣтенія и мастерства какого-то Фряза.

Образецъ напѣнилъ стопу янтарнаго меду и едва осушилъ ее, какъ докладчикъ — кольцо, застучалъ въ столбъ приворотный и послышался сторожевой лай. Видно было по лицу хозяина, что пришли къ нему жданные. Это вскорѣ оправдалось; посѣтители вошли къ нему безъ доклада. Одинъ былъ старичекъ неболь-

шого роста, начинавшій уже горбиться подъ ношею лѣтъ; темные волосы слабо тѣнили серебряные кудри его; отъ маковки головы до конца вѣкъ лѣваго глаза врѣзался глубокій шрамъ... но вы ужъ, вѣроятно, узнали странника и сказочника, Аѳанасія Никитина. Скажемъ только, что онъ здѣсь казался десятью годами моложе, нежели мы его видѣли въ тюрьмѣ Дмитрія Іоанновича, хотя былъ промежутокъ между этимъ и тѣмъ временемъ болѣе 20 лѣтъ. Еще прибавить надо: здѣсь лицо его носило свѣжіе слѣды полуденнаго солнца, принесенные изъ недавняго путешествія въ Индію, и потому сильный загаръ въ концѣ зимы давалъ ему какую-то чуждую русскимъ физіономію. Не знаю, упомянулъ ли я въ первомъ разсказѣ о немъ, что добродушіе прижилось на этомъ лицѣ. Другой гость былъ дитя лѣтъ подъ четырнадцать, пригожее, живое. Въ большихъ голубыхъ глазахъ его вы могли ясно видѣть, что умъ былъ всегда на стражѣ у этого любимца Божьяго; онъ поднималъ голову съ какою-то благородною самонадѣянностью и осанкой. Кудри его бѣлокурыхъ волосъ худо повиновались ножницамъ — остриженные въ кружокъ, по-русски, они, на зло имъ, вились своенравно и образовали на головѣ родъ вѣнка. И старикъ и мальчикъ носили русское платье, только первый очень бѣдное, другой, напротивъ, изъ тонкаго нѣмецкаго сукна, съ опушкою соболя. Несмотря на это видимое превосходство состоянія, послѣдній давалъ первому почетъ вездѣ, гдѣ только имѣлъ случай показать ему свое уваженіе. Оба, вошедши въ клѣть, сотворили три крестныя знаменія передъ иконой, произнеся: «Господи помилуй!» и потомъ поклонились хозяину, съ привѣтствіемъ: «Подай, Боже, здравія!»

Старичекъ остановился у дверей и положилъ близъ нихъ свой посохъ.

— Здорово, Андрюша, — сказалъ Василій Ѳедоровичъ, сидя, съ роскошнымъ самодовольствомъ, на креселкахъ своихъ, кряхтѣвшихъ подъ дородною тяжестью его, и поцѣловалъ въ маковку мальчика, къ нему подошедшаго; потомъ, обратясь къ старику, промолвилъ: — добро пожаловать, Аѳоня! Садись-ка на большое мѣсто: сказочнику и страннику вездѣ почетъ. Потѣшь же насъ нынѣ словомъ о томъ, какъ въ *Индусахъ* войну ведутъ, оллоперводигеръ.

Употребляя это варварское слово, Образецъ подшучивалъ надъ сказочникомъ, любившимъ въ своихъ повѣстяхъ примѣшивать очень часто какія-то непонятныя слова, которыя называлъ индустанскими.

— Воевода на упокоѣ, какъ старый соколъ, хоть и летать на охоту не въ мочь, а все рвется туда крылами соколиными. Будетъ, бояринъ, по твоему сказанному, какъ по писанному. Хлѣбъ-соль твою не уронимъ въ грязь, — отвѣчалъ старикъ, помѣщаясь съ бережью на лавку.—Не замарать бы полавочника, батюшка? кажись, сукнецо-то заморское.

— Постелемъ и другой тогда; не занять взять. Ну, что твой отецъ, Андрюша? — прибавилъ Образецъ, держа мальчика между колѣнъ и положа ему руку на плечо.

— Все груститъ что-то: Иванъ Васильевичъ даетъ ему мало мѣста подъ Успенье.

— А ему, небось, хотѣлось цѣлый городъ захватить.

— Вѣдь онъ храмъ Богу, Создателю міра, будетъ строить, такъ надо ему просторъ, — отвѣчалъ мальчикъ съ гордостью

— Люблю Андрея за умную рѣчь, — воскликнулъ бояринъ съ умиленіемъ. — Однако время терять попусту не для чего. Слетай къ своей крестной матери и позови ее сюда, слушать-де разсказы странника Аѳанасія Никитина.

И Андрей, сынъ зодчаго Аристотеля, полетѣлъ исполнять волю боярина. Изъ клѣти, которую будемъ звать оружейною, желѣзныя двери, запиравшіяся сзади крюкомъ, а на этотъ разъ отворенныя, вели въ темные переходы; отсюда, по лѣсенкѣ съ перилами, можно было пробраться въ теремъ Анастасіи. Съ другой стороны, изъ заднихъ покоевъ боярина, на правомъ крылѣ дома, вилась къ тому же терему другая лѣстница, и обѣ, будто играючи, сходились въ теплыхъ верхнихъ сѣнцахъ, раздѣлявшихъ покои Анастасіи отъ клѣти ея мамки.

Андрей, достигнувъ этихъ сѣнцевъ, постучалъ въ дверь, обитую войлокомъ, и настроивъ свой голосъ, сколько могъ грубѣе и вмѣстѣ жалобнѣе, завопилъ:

Дѣтушки, мелкота,
Отворите ворота:
Я, мать ваша, пришла,
Молока принесла...

Изъ-за двери послышался пріятный голосъ:

— Перепугалъ ты меня, волченокъ!.. Что тебѣ?

Тутъ посланный разсказалъ, зачѣмъ пришелъ. Слышно было, какъ щелкнулъ крючекъ, и вслѣдъ за тѣмъ вышла Анастасія, неся подушечку съ кружевнымъ издѣліемъ. Радость живописалась на прекрасномъ лицѣ ея.

— Здорово, голубчикъ, — сказала она, поцѣловавъ своего крестника въ голову. Онъ взялъ отъ нея поду-

шечку, и оба, какъ птицы, перелетѣли въ оружейную клѣть.

— По-добру ль, по-здорову, дѣдушка? — спросила Анастасія, поклонясь низенько страннику, и спѣшила съ своимъ рукодѣльемъ умѣститься близъ него на лавкѣ. Крестникъ расположился на колодкѣ у ногъ Образца.

— Вашими молитвами плетемся понемногу, шажкомъ, да съ оглядкою, — отвѣчалъ Аѳанасій Никитинъ.—Ты все ли попрежнему катишься, моя жемчужина перекатная, ты ль у батюшки, у родимаго, на ладонушкѣ? Усѣлись ли вы, мои милостивцы, и готовы ли опять слушать о моемъ грѣшномъ хожденіи за три моря, за синія, волновыя, а первое море — не забудьте — Дербентское, или Дорія хвалынская, второе море — Индѣйское, Дорія индустанская, третье море — Черное, Дорія стамбульская.

Моря эти были конькомъ тверчанина; они, казалось, служили въ его разсказахъ то позой, то припѣвомъ.

— Усѣлись, — сказалъ Образецъ, и все въ клѣти сдѣлалось вниманіе.

Какъ хорошо расположились эти четыре фигуры! Какъ пригожъ этотъ старецъ, безъ бурныхъ страстей, безъ упрека оканчивающій свой земной путь! Кажется, такъ и видишь его въ бѣлой, чистой одеждѣ, готоваго предстать передъ верховнаго Судью. Образецъ надо всѣми господствуетъ лѣтами, широкою, могучею осанкой и патріархальнымъ видомъ. Перекрестивъ руки на посохъ, онъ закрылъ ихъ бородой, пушистою, какъ тонкое руно агнца; румянецъ здоровья, приправленный стопою крѣпкаго меда, сквозитъ сквозь снѣгъ

ея, густо покрывшій щеки. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ слушаетъ разсказчика: это удовольствіе прикорнуло на устахъ его, ярко просвѣчиваетъ въ его глазахъ. Изрѣдка насмѣшливая улыбка перебѣгаетъ по губамъ, но видно, что это — невинное дитя иронiи, вызванное на свѣтъ отъ души незлобной хвастовствомъ Аѳони, а безъ этого грѣшка, знаете вы, ни одинъ сказочникъ не обходится. То покоя спину на отвалѣ креселъ, онъ закрылъ глаза и, положивъ широкую мохнатую руку на голову Андрюши, тихонько, нѣжно перебираетъ мягкій ленъ его волосъ. На лицѣ его удовольствіе любопытства смѣнилось умиленіемъ; онъ не дремлетъ, но, кажется, забылся въ сладкихъ грезахъ; старцу мечтается милый, незабвенный сынъ, котораго онъ ласкалъ. Когда онъ открылъ глаза, на бѣлыхъ рѣсницахъ остались слѣды трогательной бесѣды его съ неземнымъ гостемъ. Но когда онъ замѣтилъ, что слеза, измѣнившая его тайнѣ душевной, возбудила собесѣдниковъ и встревожила дочь, прежнее удовольствіе снова озарило его лицо и водворило общее радостное вниманіе. Какъ хорошъ и этотъ сказочникъ Полифемъ, этотъ чудный выродокъ между невѣжествомъ своихъ соотечественниковъ, гонимый духомъ любознательности съ колыбели Волги къ истоку Ганга, съ торговаго прилавка, подъ сѣнью Спасова дома, въ храмъ, гдѣ поклоняются золотому волу, не понимающій, что онъ совершилъ подвигъ, который могъ бы въ странѣ просвѣщенной дать ему славное имя. Онъ разсказываетъ свой подвигъ то съ простодушіемъ, то съ лукавствомъ младенца. О! и этотъ, конечно, будетъ въ числѣ тѣхъ избранниковъ, которыхъ Господь любилъ ласкать и о которыхъ говоритъ, чтобы

не возбраняли имъ подходить къ Нему. А дочь Образца, юное, прекрасное твореніе, возбуждающее чувство удивленія въ художникѣ, который понимаетъ красоту, и, между тѣмъ, не знающая, что она такъ хороша, невинная, неопытная, и, между тѣмъ, полная жизни, готовой перебѣжать черезъ край! Посмотрите, какъ руки ея, не доплетя задѣланнаго узора, поднялись и остались въ этомъ положеніи. Она вся вниманіе, она ходитъ съ странникомъ рука объ руку по берегамъ Ганга; лицо ея горитъ будто отъ тамошняго солнца; глаза, вслѣдъ за воображеніемъ, пожираютъ пространство. А это дитя, переброшенное изъ померанцевыхъ рощей Авзоніи, изъ гондолы, качаемой подъ гармоническую пѣснь любви волнами Адріатики, на снѣжные сугробы Московіи, чтобы найти въ ней новое отечество съ его вѣрою и обычаями? Съ какимъ удовольствіемъ поддается онъ ласкамъ Образца, которыя, понимаетъ онъ очень хорошо, принадлежатъ не ему! Съ какимъ вниманіемъ слушаетъ разсказы странника! Ни дѣтскія приманки, ни дары и игры, такъ обольстительныя въ его лѣта, не могли бъ оторвать его отъ умной бесѣды со старшими. Онъ ужъ не по лѣтамъ сильно сочувствуетъ всему доброму, великому и доблестному. Будто молодой конь на зовъ военной трубы, онъ готовъ, кажется, по первому призыву долга ринуться въ битву съ неправдою и насиліемъ. Какъ тепла эта семейная картина! какимъ полусвѣтомъ домашняго счастія, тихихъ, невинныхъ нравовъ, освѣщена она, будто патріархальное семейство подъ лучомъ лампады, горящей передъ образомъ Божественнаго Младенца!

Мы сказали, что все сдѣлалось вниманіе; надо по-

яснить, что прежде, чѣмъ настоящій разсказъ оковалъ общее вниманіе, былъ еще слѣдующій прелюдій.

Когда слушатели усѣлись, Аѳанасій Никитинъ спросилъ дочь Образца, помнитъ ли, что прежде имъ разсказано.

— Оборони Боже, забыть!—отвѣчала Анастасія: — ты такъ хорошо разсказываешь, дѣдушка, будто все на яву, въ очахъ моихъ дѣется. Пожалуй, я тебѣ повторю вкратцѣ: Пошелъ ты изъ своей родины, изо Твери, отъ святого Спаса златоверхаго, съ его милостью, отъ великаго князя Михайлы Борисовича и отъ владыки Геннадія; потомъ поплылъ Волгою, въ Калязинѣ взялъ благословеніе у игумена Макарія; въ Нижнемъ-Новгородѣ ждалъ татарскаго посла, что ѣхалъ во свояси отъ нашего великаго князя Ивана съ кречетами; тутъ же пристали къ вамъ наши русскіе, что шли по твоему въ дальнюю сторону, и съ ними потянулъ ты Волгою. На какой-то рѣкѣ напали на васъ татары и поднялась у васъ съ ними сѣча кровавая, и многіе изъ васъ положили тутъ головы, здѣсь-то порубили тебѣ, бѣдняжкѣ, черепъ и глаза. Не даромъ я этихъ татаръ не люблю, какъ будто сердце вѣщуетъ и мнѣ отъ нихъ бѣду.

— По мнѣ поганѣе нѣмцевъ народа нѣтъ! — перебилъ бояринъ, пользуясь этимъ случаемъ, чтобы излить на нихъ свою ненависть.

Анастасія продолжала:

— Море Дербентское, сказывалъ ты, дѣдушка, бездонное. Когда русалки полощутся въ немъ и чешутъ его своими серебряными гребнями, летишь по немъ, какъ лебедь бѣлокрылый; а залягутъ съ лукавствомъ на днѣ и ухватятся за судно, стоишь на одномъ

мѣстѣ, будто прикованный: ни вѣтерокъ не вздохнетъ, ни волна не всплеснетъ; днемъ надъ тобою небо горитъ, и подъ тобою море горитъ; ночью Господь унижетъ небо звѣздами, какъ золотыми дробницами, и русалки усыплятъ воду такими-жъ звѣздами. А какъ взбѣленятся онѣ и учнутъ качать судно, такъ подымутъ его высоко, высоко, кажись можно звѣздочку схватить, и потомъ окунутъ на дно и разобьютъ въ щепы о камень, если не успѣешь прочесть: «Помилуй мя, Боже!» Отъ одного помышленія сердце обмираетъ, а все-таки поплескалась бы на этомъ морѣ сизой утицей, бѣлою лебедушкой.

— Ахъ, ты моя ластовица сладкоглаголивая, щекотливая, — прервалъ странникъ: — ты словно летала со мною по морямъ. Правда, много горя и бѣдъ претерпѣлъ я, грѣшный рабъ Божій! Да и то къ слову молвить: «охота пуще неволи». Вотъ я не больше былъ Андрея Аристотелева, а едва-ль не все Тверское царство обошелъ. Бывало, что лѣто, то уйду съ богомольцами, куда они поплетутся, или пристану къ обозу купеческому. Подросъ, и замысламъ моимъ не было конца. Идти, да идти далеко, на край свѣта, поглядѣть своими очами, что дѣлается на Божьемъ мірѣ, какіе звѣри, птицы, люди живутъ въ разныхъ странахъ! Все это хотѣлось мнѣ посмотрѣть, словно, прости Господи, какой духъ во мнѣ сидѣлъ и приказывалъ мнѣ странствовать! Да и нынѣ, вотъ какъ сижу на святой Руси, въ палатахъ бѣлокаменныхъ, въ теплѣ, на суконныхъ полавничкахъ, у боярина хлѣбосольца, и пью его меды сладкіе, сознаться ли вамъ, мои милостивцы, и нынѣ сердце просится за тридевять земель въ тридесятое царство. Былъ я на Востокѣ сол-

нечномъ, хотѣлось бы теперь на Западъ, да немощи одолѣли... Однако воротимся къ нашему грѣшному странствію, за три моря, за синія, оллопеводигеръ, а первое море...

Нетерпѣливая Анастасія перебила его рѣчь:

— Помнимъ, дѣдушка, помнимъ, много ты бѣдъ и горя претерпѣлъ. У кого изъ васъ что было на Руси, тотъ пошелъ на Русь, а у кого ничего не было ни на душѣ, ни за душой, поплелъ куда глаза его понесли. Ты пошелъ въ Баку, гдѣ горитъ изъ земли огонь неугасимый. Господи, Господи, какъ мудрено земля твоя устроена! А потомъ взялъ ты *великъ день* въ Гурмузѣ, гдѣ солнце палитъ человѣка, будто варомъ обдаетъ. И пришелъ ты наконецъ въ стольный градъ великаго султана Индусовъ. А въ той странѣ есть обезьяны, съ руками и съ ногами и со смысломъ человѣческимъ, только что не говорятъ по-нашему. Обезьяны тѣ живутъ въ лѣсу и есть у нихъ князь обезьянской; когда кто ихъ обидитъ, жалуются князю своему: придутъ на градъ, дворы разваляютъ и людей побьютъ. Еще въ той сторонѣ есть птица *гукукъ*, летаетъ по ночамъ и кличетъ: *кукъ, кукъ;* на которой хороминѣ сядетъ, тутъ человѣкъ умретъ. А если кто захочетъ ее убить, у ней изо рта огонь выйдетъ.

Вдругъ, при этихъ словахъ, послышалось: тукъ, тукъ, будто кто клювомъ долбилъ, а потомъ крикъ ворона (можетъ статься, и вороній). Разсказчица онѣмѣла; всѣ, кромѣ Андрюши, озирались другъ на друга и сотворили крестное знаменіе, приговаривая: «съ нами сила крестная! Господи, спаси отъ бѣды!»

Веселый видъ мальчика и умныя шутки его скоро разсѣяли ихъ страхъ. Когда они пришли въ себя,

Аѳанасій Никитинъ, покашливая, перенялъ разсказъ отъ дочери хозяина.

— Индустанская земля людна вельми и пышна вельми, — началъ онъ...

— Ты опять отобьешься отъ рѣчи, какъ въ Индусахъ войну ведутъ, — перебилъ воевода, желавшій, чтобы разсказомъ о ратныхъ дѣлахъ отвели совсѣмъ душу его отъ грустнаго впечатлѣнія, сдѣланнаго на нее крикомъ ворона.

— А вотъ сейчасъ, милостивецъ, къ этому-то рѣчь и веду. А первое-то море Дербентское...

— Или Дорія Хвалынская, оллоперводигеръ, — прервалъ смѣясь Андрюша, — мы это, дѣдушка, давно знаемъ.

Воевода погрозилъ на него пальцемъ; Анастасія навела странника на настоящій разсказъ его, который онъ такъ продолжалъ:

«Салтана носятъ на кровати золотой; надъ нимъ теремъ аксамитный съ маковицей золотой, а надъ ней горитъ яхонтъ, съ куриное яйцо. Передъ салтаномъ ведутъ до 20-ти коней въ саняхъ золотыхъ, за нимъ на коняхъ 300 человѣкъ, да пѣшихъ 500, да трубниковъ, варганниковъ и свирѣльниковъ по 10-ти человѣкъ. А коли выѣзжаетъ на потѣху съ матерью и съ женою, съ нимъ человѣкъ на коняхъ 10 тысячъ и пѣшихъ 50 тысячъ, слоновъ 300, наряженныхъ въ доспѣхи золоченые, съ *городками* [1]) на нихъ кованными, а въ городкахъ по 6-ти человѣкъ въ доспѣхахъ, съ пушками и съ пищалями. А на большихъ слонахъ по 12-ти человѣкъ, да на всякомъ по два *прапорца* [2]), къ

[1]) Башенками.

[2]) Знамя.

зубьямъ повязаны великіе мечи по *кентарю* [1]), а къ рылу великія желѣзныя гири; промежь ушей сидитъ человѣкъ въ доспѣхахъ, съ крюкомъ желѣзнымъ, которымъ его правитъ. Передъ нимъ идутъ по сту трубниковъ и плясцовъ, да коней простыхъ 300 въ саняхъ золотыхъ, да обезьянъ за нимъ 100, да позорныхъ женщинъ 100. А на салтанѣ кафтанъ весь саженъ яхонтами, шапка—верхъ алмазъ великой: при солнцѣ такъ и слѣпитъ глаза, словно *блиставица* [2]); *сайдакъ* [3]) золотой усыпанъ яхонтами, да три сабли на немъ золотомъ кованы, сѣдло золотое и *снасть* [4]) золотая, и все золото. За нимъ благой сонъ идетъ, весь въ камкѣ наряженъ, цѣпь желѣзная во рту, обиваетъ коней и людей, кто бы ни наступилъ близко на салтана. Въ его же салтанскомъ дворѣ семеро воротъ, а въ воротахъ сидитъ по сту сторожей, да по сту писцовъ кафаровъ: кто пойдетъ, они записываютъ, и кто выйдетъ, записываютъ. А дворъ его чуденъ вельми, все на вырѣзѣ да на золотѣ, и послѣдній камень вырѣзанъ да златомъ описанъ вельми чудно. Бутханы [5]) ихъ безъ дверей и ставлены на востокъ. Бутъ [6]) вырѣзанъ изъ камня изъ чернаго, вельми великъ; хвостъ у него черезъ него, руку правую поднялъ высоко, да простеръ ее, аки Устенеанъ [7]), царь цареградскій; въ лѣвой рукѣ у него копье, а на немъ нѣтъ ничего;

---

1) Quintal, вѣсъ.
2) Молнія.
3) Колчанъ.
4) Сбруя.
5) Храмы.
6) Идолъ.
7) Юстиніанъ.

видѣніе у него и задъ обезьянскіе. Передъ *бутомъ* стоитъ волъ вельми великой, вырѣзанъ изъ чернаго камня и весь позолоченъ; у него рога окованы мѣдью, на шеѣ 300 колокольцовъ, а копыта подкованы мѣдью. И цѣлуютъ его въ копыто, и сыплютъ на него цвѣты. Внутрь въ бутханъ ѣздятъ на волахъ. Индѣяне же вола зовутъ отцомъ, а корову матерью. Анамазъ же [1]) ихъ на востокъ: обѣ руки поднимутъ высоко и кладутъ на темя, потомъ ложатся ницъ на землѣ—то ихъ поклоны. Индѣяне не ѣдятъ никакого мяса: ни яловины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины. Когда ѣдятъ что, кроются отъ бесерменъ, чтобы не посмотрѣлъ кто въ горнецъ и въ яству; а только посмотритъ кто, и они той яствы не вкушаютъ. А ѣздятъ, покрываются платомъ, чтобы никто не видѣлъ ихъ. Когда жъ ѣсть садятся, умываютъ руки и ноги, и ротъ пополаскиваютъ. А кто у нихъ умретъ, и они тѣхъ жгутъ, да и пепелъ сыплютъ на воду...»

И много, много разсказывалъ одноглазый странникъ о нравахъ и обычаяхъ индійцевъ, и дошелъ онъ наконецъ до того, какъ въ Индусахъ войну ведутъ. Тутъ застучалъ докладчикъ, кольцо—и оборвалъ нить его разсказа. Послышался конскій топотъ и вслѣдъ за тѣмъ суета слугъ на дворѣ и въ сѣняхъ. Въ оружейную вбѣжалъ Хабаръ-Симской и хотѣлъ что-то говорить, но отецъ предупредилъ его:

— Не въ басурманы ли готовишься, Иванъ, что входишь въ клѣть, не перекрестивъ лба, не поклонясь добрымъ людямъ? Голова что ли свалится съ плечъ отъ этого поклона?

---

[1]) Моленіе.

Сынъ Образца, покраснѣвъ, спѣшилъ сотворить передъ иконою три крестныя знаменія и поклониться страннику и Андрею; потомъ сталъ въ уважительномъ положеніи и сказалъ:

— Дѣло было къ спѣху... пріѣхалъ отъ Ивана Васильевича дьякъ Бородатый.

— Давно ли буйная головушка стала бояться государевыхъ дьяковъ? Развѣ набѣдовалъ что?

— Если бы такъ, не сталъ бы кланяться о помилованіи, хоть бы великому князю!

— Съ такимъ обычаемъ немудрено попасть подъ топоръ.

— Тогда развѣ ударю челомъ, и то матери сырой землѣ. А теперь нагрянула бѣда, только не на меня, а на домъ нашъ. Дьякъ пріѣхалъ по приказу государя и повѣдалъ мнѣ...

Бояринъ не далъ договорить сыну.

— Пусть самъ повѣдаетъ мнѣ... Видно, длинна борода, да умъ коротокъ. Прикажи холопамъ звать государева посланника и самъ встрѣть его съ почетомъ.

Пока отецъ съ сыномъ переговаривались, сказочника, Анастасіи и крестника ея не стало въ оружейной. Бояринъ, переодѣвшись въ лучшую одежду, нежели въ какой былъ, возвратился въ оружейную, чтобы принять дьяка. Этотъ не заставилъ себя долго ждать. Сначала показалась исполинская борода, а потомъ маленькій человѣчекъ, провожаемый Хабаромъ, который ухаживалъ за нимъ съ ужимками.

— Господинъ нашъ, князь великой, всея Руси государь, Иванъ Васильевичъ,—заговорилъ, или, лучше сказать, запѣлъ дьякъ въ носъ,—отъ пресвѣтлаго лица своего избралъ меня, своего недостойнаго холопа, ска-

зать тебѣ, боярину: ѣдетъ къ намъ отъ нѣмцевъ лекарь Онтонъ, вельми искусный въ цѣленіи всякихъ недуговъ; остается ему до Москвы только три дня пути; а поелику великій государь соизволилъ, чтобы врачъ, ради всякаго недобраго случая... отъ чего сохрани... каковой отпахни отъ него ангелы и архангелы крылами своими, яко... отъ чего... каковой...

Ораторъ смѣшался, потерявъ нить своей рѣчи; но, подумавъ немного, продолжалъ твердымъ голосомъ:

— Великій государь соизволилъ, чтобы врачъ тотъ, нѣмчинъ Онтонъ, находился неподалеку отъ пресвѣтлаго лица его. И потому жалуетъ тебя, бояринъ, своею милостью, уложилъ отвести того нѣмчина постоемъ на твоихъ палатахъ, изобравъ въ нихъ лучшія хоромины съ сѣнцами...

Надо было видѣть, что дѣлалось на лицѣ боярина при слушаніи этого приказа. Онъ поблѣднѣлъ, губы его дрожали. Нѣмчинъ, поганый нѣмчинъ, басурманъ, латынщикъ, одинъ изъ убійцъ сына его, будетъ жить съ нимъ подъ одною кровлею, осквернитъ святыню его дома, опозоритъ его старость!.. А дѣлать нечего; примешь страшнаго постояльца, да еще съ хлѣбомъ-солью, съ должнымъ почетомъ. Таковъ наказъ великаго князя. Еслибъ Образецъ не зналъ, что Иванъ Васильевичъ любитъ то и гнуть, что противится, и не нашелъ еще желѣзной души, которой не выковалъ по своему, то и въ такомъ случаѣ не смѣлъ бы не послушаться. Имя государево, второе по Богѣ, держитъ грозно и честно по старинѣ, по наказу родительскому.

— Я и все мое Божье да государево, — отвѣчалъ бояринъ, скрѣпя сердце: — выбирай въ дому моемъ клѣти, которыя тебѣ полюбятся.

— Только не свѣтлицу сестры моей,—воскликнулъ Хабаръ: — не останется тотъ живъ, кто чужой заглянетъ въ нее.

— Молчи, — закричалъ грозно бояринъ, — «курицу яйца не учатъ». — Потомъ, оборотясь къ дьяку, промолвилъ: — исполняй волю нашего господина.

Скоро выборъ сдѣланъ, потому что онъ заранѣе былъ назначенъ Русалкою. Половина къ сторонѣ кремлевской стѣны, гдѣ помѣщались сѣнцы, оружейная и подлѣ нея угловая горница, были назначены подъ постой лекаря. Сверхъ того обычай требовалъ угостить государева посланнаго. Пошли нехотя ходить стопы. На этотъ разъ сладкіе меды казались боярину зеліемъ; ничѣмъ не могъ онъ запить тоски своей. Крохотный дьякъ, которому надо было бы тянуть наперстками, окунулся, какъ муха, на дно десятой стопы.

Покойся, малютка, до радостнаго пробужденія!

Воевода ушелъ на свою половину (которую будемъ отнынѣ звать хозяйскою) и отдалъ сыну приказъ уложить дьяка и выпроводить съ честью домой, когда онъ протрезвится. Таковъ былъ законъ гостепріимства, хотя бы гость былъ для хозяина хуже татарина. Но разгульная голова — Хабаръ разсудилъ иначе.

— Погоди, — сказалъ онъ, смотря на опьянѣлаго дьяка,—погоди, вѣщій воронокъ! я окарнаю тебѣ крылья, чтобы впередъ не леталъ къ намъ съ худыми вѣстями.

И Хабаръ отыскалъ у сестриной мамки крѣпкіе свивальники и простыню, опуталъ ею дьяка и свилъ его, какъ младенца. Исполинская борода его расчесана и выставлена во всей гордой красѣ. Когда все это было сдѣлано, умильная, пышная, испеченная рожица малютки улыбнулась. Нѣтъ, этой улыбки Хабаръ не

отдалъ бы за богатые дары; за нее готовъ онъ былъ просидѣть цѣлый мѣсяцъ въ черной избѣ. Въ охапку дитя свое, и прямо со двора. Лишь только увидали на улицахъ вспеленатаго малютку съ ужасной бородой, встрѣчные, поперечные, торговавшіе, работавшіе, все бросилось къ ней, и составили шумную, веселую процессію. Восклицанія, смѣхъ, хохотъ, крики огласили воздухъ. Настоящій праздникъ Момуса! Толпы расли и расли и наконецъ запрудили улицу. Только тѣ, которые находились поближе къ главному виновнику этого торжества, могли понять, что они видѣли; но чѣмъ далѣе кто былъ отъ него, тѣмъ чуднѣе получалъ о немъ вѣсти. Иной кричалъ: «родился мальчикъ съ саженной бородой!» Другой — «упала съ неба звѣзда бородатая!» Кто — «нашли урода, живую голову съ бородою!» И не укласть отъ Москвы до Цареграда всѣхъ диковинокъ, которыя выдавали о бородѣ! Старость видѣла въ этой бородѣ кончину міра и пришествіе антихриста, молодость рада была посмѣяться надъ невидальщиной. Толкали другъ друга, дрались, платили деньги, лишь бы увидать бороду. Вмѣшались недѣльщики (тогдашняя полиція); угрозы ихъ, палки, наконецъ самое имя великаго князя — ничто не помогло. Процессія шла себѣ далѣе и остановилась не прежде, какъ у избы дьяка Бородатаго, который успѣлъ отрезвиться, но не могъ придти въ себя отъ шуму и сборища, его окружавшаго, не могъ придумать, что съ нимъ дѣется. Долго не хотѣли дворчане впустить къ себѣ своего господина и, только убѣжденные его голосомъ и подлинностью бороды, приняли его съ бережью на свои руки. Шутка эта дошла скоро и до хоромынъ великокняжескихъ.

Между тѣмъ, какъ происходила эта потѣха, затѣянная удалымъ Хабаромъ, какой ужасъ наполнилъ домъ отца его, когда узнали домочадцы, что между ними поселится нѣмчинъ! Еще болѣе усилился этотъ страхъ вѣстями съ разныхъ сторонъ объ ужасномъ постояльцѣ. Одни увѣряли — «онъ держится жидовской ереси»; другіе — «онъ самъ жидъ и везется въ русскую землю своимъ братомъ, евреемъ»; иные прибавляли — «онъ колдунъ, моритъ и воскрешаетъ зельями, костями мертвыхъ, нашептываетъ судьбу надъ кровью младенцевъ, въ черепѣ человѣческомъ, приворачиваетъ къ себѣ крюкомъ, сдѣланнымъ изъ когтей нечистаго...» Чего еще страшнаго не говорили о немъ? И обликъ-то у него долженъ быть нечеловѣческій, какая-нибудь харя съ клыкомъ и съ совиными ушами! Каковъ постоялецъ!.. Пришли черные дни на Образца и семейство его. Самъ онъ будто во второй разъ потерялъ сына и овдовѣлъ; сынъ негодуетъ и пылитъ, что горный потокъ шумитъ; дочка, наслышавшись ужасовъ, то дрожитъ, какъ осиновый листъ, то плачетъ, что рѣка льется Не смѣетъ она и выглянуть изъ волоковаго окна своего терема. Зачѣмъ Василій Ѳедоровичъ строилъ такой красивый домъ? зачѣмъ строилъ его такъ близко отъ государевыхъ палатъ? Видно, во всемъ этомъ соблазнилъ его лукавый: хотѣлъ похвастаться невидальщиной. Грѣхъ попуталъ!.. Что станется съ нимъ, сыномъ и дочерью? Лучше бъ не родиться никому изъ нихъ!..

А вся бѣда отъ того, что у боярина въ домѣ станетъ постоемъ нѣмчинъ!

Придумали однакожъ все возможное, чтобы поганый духъ съ православнымъ не сообщался. Опять окро-

ленiе! опять куреніе, такъ что сквозь сизую пелену дыма трудно различать предметы! Опять моленія съ земными поклонами объ огражденіи отъ бѣсовскаго навожденія! Вотъ и мѣдный крестъ съ шумомъ и завываніемъ прибитъ надъ отдѣленіемъ постояльца, какъ будто послѣдній гвоздь, которымъ приколачиваютъ крышу надъ гробомъ милаго человѣка. Этого мало: нечистыя уста басурмана могутъ ли, должны ли прикасаться къ той посудѣ, изъ которой вкушаютъ православные, крещеные! Статочное ли дѣло! Купили новыя оловянныя мисы, черпальцы, чары, скляницы, и прочее, и прочее, что нужно было для стола нѣмчина. Все это не должно ужъ переходить на половину православную, и послѣ выѣзда его обречено всесожженію. Дворъ разгородили высокимъ тыномъ, сдѣлали другія ворота на половину басурманскую. Для услуги лекарю Онтону назначили паробка, лѣтъ подъ двадцать, а почему именно его — была важная причина. Онъ былъ безъ роду, безъ племени, круглый сирота: эта причина заставила бы нашихъ предковъ еще болѣе заботиться о немъ. Нѣтъ, не потому обрекли его на жертву, будто на съѣденіе *змію-горынычу*, а потому, что онъ былъ *недокрещенецъ* (другого имени ему не знали). Въ то время, какъ его крестили, поднялась ужасная гроза, и великое таинство не было окончено. Это натвердили ему съ малолѣтства. Какой вѣры былъ онъ, самъ не зналъ, и потому не ходилъ никогда въ церковь. Какъ нарочно — готовый слуга басурману!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРІѢЗДЪ И ВСТРѢЧА

Не надобно думать, чтобы тогдашнія дороги (т. е. въ XV вѣкѣ) походили на нынѣшній шоссе отъ Москвы до Петербурга.
«Клятва при Гр. Гос.,» *Полевого.*

По Смоленской дорогѣ, верстахъ въ семи отъ Москвы, ныряло въ снѣжныхъ сугробахъ нѣсколько саней, длинныхъ-предлинныхъ, съ бесѣдками изъ обручей, обтянутыхъ парусиной, наподобіе тѣхъ повозокъ, какія видимъ и нынѣ у пріѣзжихъ къ намъ изъ Польши жидовъ. Высокія худощавыя лошади, не русской породы, казавшіяся еще выше отъ огромныхъ хомутинъ, испещренныхъ мѣдными полумѣсяцами, звѣздами и яблоками, давали знать о мѣрѣ своего хода чуднымъ строемъ побрякушекъ такого же металла. На передкахъ сидѣли, большею частью, жиды. Кажется, я ужъ сказалъ, что въ тогдашнее время не было выгодной должности, которую бы не брали на себя потомки Іудины. Они мастерски управляли бичомъ и кадуцеемъ, головой и языкомъ; одинъ мечъ имъ не дался. Особенно на Руси, несмотря на народную ненависть къ нимъ, во Псковѣ, въ Новгородѣ и Москвѣ шныряли евреи: суконники, извозчики, толмачи, сектаторы и

послы. Удача имъ вывозила изъ Руси соболей, не удача оставляла тамъ ихъ голову.

Въ авангардѣ, изъ-подъ ощипаннаго малахая и засаленнаго тулупа, торчала, какъ флюгеръ, остроконечная бородка и развѣвались пейсики, опушенные морозомъ. Сѣрые, какъ у сыча, глаза, казалось, пытали даль. Въѣхавъ на Поклонную гору, еврей проворно соскочилъ съ передка. Передъ нимъ прекрасный день запоздалой зимы разстилалъ окружность на нѣсколько десятковъ верстъ. Онъ протеръ глаза еще разъ, остановилъ лошадей, подскочилъ къ бесѣдкѣ и, ударивъ по ней бичомъ, сказалъ такимъ радостнымъ, торжественнымъ голосомъ, какъ бы дѣло шло объ открытіи на безбрежномъ океанѣ обитаемаго острова:

— Kucke, kucke, geschwind, Herr! (Посмотри скорѣе, скорѣе, господинъ!). Вотъ Москва!..

— Москва?.. — спросилъ кто-то изъ повозки такимъ же радостнымъ, но дрожащимъ голосомъ, и вслѣдъ за тѣмъ вынырнула изъ бесѣдки голова, покрытая мѣховымъ беретомъ, и выглянуло пріятное, разрумяненное морозомъ, лицо молодого человѣка. — Москва? — повторилъ онъ, спустя нѣсколькими тонами ниже, — да гдѣ же она?..

— Вотъ, вотъ на горѣ, межъ лѣсомъ, — отвѣчалъ еврей; но, замѣтивъ, что на лицѣ его спутника набѣгало неудовольствіе обманутаго ожиданія, онъ прибавилъ съ смущеніемъ: — Азе на васъ трудно угодить, господинъ! Вамъ, мозетъ быть, хотѣлось бы Іеруса лима!.. Зацѣмъ зе вы не зили во времена Соломона? А мозетъ статься, вамъ хоцется Кролевца, Липецка или еще цего?

— Да, по твоимъ словамъ, честный Захарій, чего-

нибудь подобнаго! — отвѣчалъ насмѣшливо молодой путникъ, и погрузился въ даль.

Онъ все искалъ Москвы, столицы великаго княжества, съ ея блестящими дворцами, золотыми главами величественныхъ храмовъ, золотыми шпилями стрѣльницъ, вонзенныхъ въ небо, и видѣлъ передъ собою, на снѣжномъ скатѣ горы, безобразную груду домишекъ, частью заключенную въ сломанной оградѣ, частью переброшенную черезъ нее: видѣлъ все это обхваченное черною щетиною лѣса, изъ котораго кое-гдѣ выглядывали низенькія каменныя церкви монастырей. Рѣка, въ лѣтнее время придававшая городу много красоты, была тогда окована льдами и едва означалась извилинами снѣжныхъ береговъ своихъ. Правда, Москву обсѣли кругомъ многочисленныя села и слободы и пригородки, отдѣленные отъ нея то полями, то лѣсомъ, и кое-гдѣ державшіеся за нее нитями длинныхъ *концовъ;* правда, что мысль о соединеніи всѣхъ этихъ слободъ, пригородковъ и селъ должна была изумить огромностью будущей русской столицы; но первое впечатлѣніе, полученное черезъ глаза, было сдѣлано, и Москва заключилась для нашихъ путниковъ въ томъ тѣсномъ объемѣ, который и донынѣ, посреди города, сохранилъ имя *города.* Можетъ статься, въ это самое время Антонъ вспомнилъ душистый воздухъ Италіи, тамошніе дворцы и храмы подъ куполомъ роскошнаго неба, высокія пирамиды тополей и виноградныя лозы своего отечества; можетъ статься, онъ вспомнилъ слова Фіоравенти: «*пройдя черезъ эти ворота, назадъ не возвращаются*»; вспомнилъ слезы матери — и грустно поникнулъ головой.

Изъ этихъ думъ вырвали его голоса, кругомъ раз-

давшіеся: «Москва, Москва, синьоръ Антоніо! — и повозку его обступили человѣкъ пять, разныхъ лѣтъ, въ зимнихъ епанчахъ. Школьники, возвращающіеся домой на вакацію, не съ большею радостью привѣтствуютъ колокольню роднаго села.

— Да какой негодный городишка! — сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Кочевье дикарей! — примолвилъ другой.

— Замѣтьте, и дома ихъ строены, какъ шатры, — присовокупилъ третій: — первое бѣдное основаніе зодчества!

— Мы все это исправимъ! — Недаромъ же и звали насъ сюда! — Мы построимъ дворцы, палаты, храмы. — Опояшемъ городъ великолѣпною стѣной. — Взнесемъ бойницы. — Начинимъ ихъ пушками... О! черезъ лѣтъ десятокъ не узнаютъ Москвы...

— А что дѣлаетъ нашъ Фіоравенти-Аристотель? покуда видимъ груды кирпичей на горѣ и подъ горою.

— Собирается на дѣло!.. — воскликнулъ насмѣшливо одинъ изъ спутниковъ, покручивая усъ.

— Десять лѣтъ думаетъ, а въ одиннадцатыи придумаетъ...

— Зато и творитъ вѣковое, а не поденничаетъ, — перебилъ Антонъ съ благороднымъ гнѣвомъ. — Кто изъ васъ помогалъ ему выпрямить колокольню въ Ченто? Вы только зѣвали, когда онъ сдвигалъ del tempio la Magione [1])! Вырастите до него, и тогда помѣряйтесь съ нимъ. А теперь... берегитесь!.. онъ однимъ геніальнымъ взоромъ васъ задавитъ.

— Люблю Антоніо за обычай, — воскликнулъ одинъ

---

[1]) Колокольню Св. Маріи въ Болоньѣ.

изъ толпы, среднихъ лѣтъ, до сихъ поръ хранившій насмѣшливое молчаніе, — люблю Антоніо! Настоящій рыцарь, защитникъ правды и прекраснаго Товарищъ, дай мнѣ руку, — присовокупилъ онъ съ чувствомъ, протягивая руку Эренштейну, — ты сказалъ доброе слово за моего соотечественника и великаго художника.

Начавшіе хвастливый разговоръ замолчали, пристыженные рѣчью своего товарища. Вѣроятно, не смѣли они затѣять съ нимъ споръ, изъ уваженія къ его лѣтамъ или дарованіямъ; а передъ упреками Антона смирялись потому, что могли всегда имѣть въ немъ нужду, да и рыцарскій духъ его не терпѣлъ жестокихъ возраженій. Тотъ, который подалъ ему руку въ знакъ своего удовольствія, былъ будущій строитель *Грановитой палаты* [1]). Другіе спутники были *стѣнные* и *палатные мастера* и литейщики.

И вотъ стали они подъѣзжать къ Москвѣ.

Прошло первое непріятное впечатлѣніе обманутой мечты, и Антонъ утѣшился. Развѣ для мертвыхъ зданій пріѣхалъ онъ въ страну отдаленную? развѣ любопытство влекло его туда? Любовь къ человѣчеству, къ наукѣ, къ славѣ — вотъ что указало ему путь въ Московію. Человѣкъ слабый требовалъ себѣ на-помощь человѣка болѣе мощнаго, и онъ шелъ на зовъ его. «Кому дано, съ того и спросится», говоритъ самъ Христосъ. «Свѣтъ, которымъ онъ надѣленъ, долженъ передать другимъ, покуда онъ въ долгу у человѣчества. Можетъ быть, труды великіе ожидаютъ его, а безъ труда нѣтъ подвига».

---

[1]) Алевизъ.

Воображеніе, настроенное этими утѣшительными мыслями, представило ему панораму Москвы черезъ стекло болѣе благопріятное. Онъ привелъ въ нее весну съ ея волшебною жизнью, заставилъ рѣку бѣжать въ ея разнообразныхъ, красивыхъ берегахъ, расцвѣтилъ слободы садами и дохнулъ на нихъ ароматомъ, ударилъ перстами вѣтерка по струнамъ чернаго бора и извлекъ изъ него чудные аккорды, населилъ все это благочестіемъ, невинностью, любовью, патріархальными нравами, и Москва явилась передъ нимъ, обновленная поэзіей ума и сердца.

Въ такомъ расположеніи духа въѣхали они въ село Дорогомилово. Мальчишки, игравшіе на улицѣ въ снѣжки, встрѣтили путешественниковъ восклицаніями на разные голоса. Иные кричали: «Жиды! собаки! Христа распяли!» другіе: «Татаре-бояре! бояре-татаре [1])!

— Что кричатъ эти мальчики? — спросилъ Антонъ своего извозчика, понимавшаго русскій языкъ.

— А цто они крицатъ? — отвѣчалъ жидъ, — по-нѣмецки это знацило бы: «здравствуйте, дорогіе гости».

И вслѣдъ за тѣмъ дорогихъ гостей привѣтствовали комьями снѣга. Потомъ высыпали изъ домовъ разноцвѣтныя всклоченныя бороды, бараньи шапки, лапти, овчинные въ заплатахъ тулупы, рогатыя кички, и все это съ лицами, очень неблагопріятными для путешественниковъ. Правда, выглядывалъ кое-гдѣ карій глазъ изъ-подъ черныхъ бровей красавицы, готовой навесть и праведника на грѣхъ; улыбка малиновыхъ губъ выставляла на показъ рядъ жемчужныхъ зубовъ; высту-

[1]) И донынѣ въ нѣкоторыхъ деревняхъ Тверской губерніи встрѣчаютъ этимъ привѣтствіемъ проѣзжихъ, вѣроятно, въ память прежнихъ своихъ властителей, татаръ.

пали и статные молодцы, которыхъ Наполеонъ съ гордостью завербовалъ бы въ свои легіоны; но и между ними ненависть къ иноземцамъ означалась рѣзкими насмѣшками. Не для путешественниковъ, однакожъ, выступили они толпами изъ домовъ; нѣтъ, они стремились въ Москву, какъ будто на потѣху, на которую боялись опоздать.

— Поспѣшайте, окаянные басурманы! — кричали они проѣзжимъ, — насилу-то владыки образумились жарить васъ... Поспѣшайте, и вамъ мѣсто будетъ!

Еврей выгадывалъ недоброе изъ этихъ угрозъ. Зная однакожъ, что показать страхъ—напроситься на бѣду, отвѣчалъ съ твердостью:

— Кому дурно, а намъ будетъ хорошо! Мы веземъ къ великому князю строителей церковныхъ.

— Исполать господину нашему Ивану Васильевичу! якшается нынѣ на свою голову съ жидами да съ басурманами! — закричалъ одинъ изъ толпы

— Валитъ домы Пресвятой Богородицы, а на мѣсто ихъ ставитъ палаты и терема боярскіе да псарскіе, да сады садитъ,—прибавилъ другой.—Бѣда земская, да и только.

— Ино мѣсто свято, гдѣ былъ домъ Божій, и по-сю пору не огорожено, — подхватилъ третій, — собаки, прости Господи, бѣгаютъ по немъ...

— Отъ того и пожары московскіе.

— И страшныя видѣнія на небесахъ.

Такъ говорилъ въ то время народъ русскій, недовольный нововведеніями и сближеніемъ съ иностранцами, но говорилъ тамъ, гдѣ зналъ, что рѣчи его не дойдутъ до великаго князя, который не любилъ, чтобы ему поперечили или охуждали его дѣла. Роптали заочно.

въ глуши, но въ самой Москвѣ бояре и народъ ходили тише воды, ниже травы. Антонъ, не понимая рѣчей слободскихъ жителей, догадывался, однакожъ, по недоброжелательству, которое выражали ихъ лица, по суровости взглядовъ, бросаемыхъ на проѣзжихъ, что тутъ живутъ не кроткія дѣти временъ патріархальныхъ.

Дорога ввела ихъ въ боръ, опоясавшій городъ. Кресты деревянные, довольно частые, то по дорогѣ, то поодаль въ глуши лѣса, возбуждали въ итальянцахъ мысль о набожности русскихъ; но къ этой мысли примѣшалось бы и чувство ужаса, когда бъ они знали, что подъ крестами похоронены несчастные, зарѣзанные ножомъ или удушенные петлею. Не только въ отдаленное время, но еще и въ концѣ XVIII столѣтія, лѣса, окружавшіе Москву, укрывали шайки разбойниковъ, и душегубства были нерѣдки.

Мостъ черезъ Москву-рѣку, устроенный на козлахъ, качался отъ повозокъ, будто эластическій. Немного далѣе, за селомъ *Чертолинымъ* (нынѣ Пречистенка) въѣхали они въ посадъ *Занеглинье*. И тутъ ничто не предвѣщало столицы великаго княжества. Смиренные домики, избушки на курьихъ ножкахъ, кое-гдѣ лачуги, на-скоро складенныя на пепелищахъ послѣ недавняго пожара, церкви и часовни во множествѣ, но всѣ деревянныя и бѣдныя, съ огромными навѣсами кругомъ, какія и нынѣ видимъ еще кое-гдѣ въ степныхъ деревняхъ; тотъ же народъ въ овчинныхъ шубахъ безъ покрыши, множество нищихъ, калѣкъ, юродивыхъ у часовенъ, на перекресткахъ, все это не было утѣшительнымъ предметомъ для нашихъ путешественниковъ.

Лишь только подъѣхали они къ Кучкову валу, идущему отъ Срѣтенскаго монастыря по Москву-рѣку, на

рѣкѣ, за Великой улицей (набережной, къ сторонѣ Кремля), поднялся дымный столбъ, все гуще и гуще, такъ что новыя струи дыма образовали исполинскую, витую колонну, съ украшеніями небывалаго ордена, подпиравшую небо. Художники нѣсколько минутъ любовались этимъ чуднымъ явленіемъ, которому пламенное воображеніе юга придавало творческую существенность, и мысленно снимали его на бумагу. Напротивъ, Антонъ разсматривалъ его съ какимъ-то грустнымъ предчувствіемъ, хотя соглашался съ товарищами, что не пожаръ причиною этого явленія.

У въѣзда въ Великую улицу встрѣтило путниковъ нѣсколько приставовъ, посланныхъ отъ великаго князя, вмѣстѣ съ переводчикомъ, поздравить ихъ съ благополучнымъ пріѣздомъ и проводить въ назначенные имъ дома. Но, вмѣсто того, чтобы вести ихъ черезъ Великую улицу, пристава велѣли извозчикамъ спуститься на Москву-рѣку, оговариваясь невозможностью ѣхать по улицѣ, заваленной будто развалинами домовъ, послѣ недавняго пожара.

При спускѣ на рѣку путешественники могли ужъ разглядѣть, что дымный столбъ образовался изъ костра, зажженнаго на самой рѣкѣ. Не праздникъ ли какой, остатокъ временъ идолопоклонства? Не пляска ли вокругъ огня? А, можетъ быть, не сожигается ли по-индѣйски неутѣшная вдова?.. Народъ кричитъ, смѣется, плещетъ рукавицами; видно, готовится для него потѣха.

У самаго костра, за невозможностью ѣхать далѣе по тѣснотѣ народной, остановили повозки. Чудное зрѣлище ожидало гостей.

Пылалъ костеръ сажени двѣ въ ширину. Въ про-

тивной сторонѣ послышались радостныя, торжественныя восклицанія Множество людей везло на себѣ что-то огромное. Не колоколъ ли? Но какъ скоро двуногая упряжь разступилась, увидали клѣтку съ рѣшеткою изъ толстой, желѣзной проволоки, и сквозь нее двухъ человѣкъ. Одинъ былъ молодой, другой старикъ. Отчаяніе въ глазахъ ихъ, моленія, пылающій костеръ, желѣзная клѣтка, радость черни... о! навѣрно, готовится казнь. Западню съ полозьевъ долой, и прямо на пылающій костеръ. Огонь, задавленный тяжкимъ бременемъ, нетерпѣливо закурился; днище начало коробиться и вскорѣ затрещало. Изъ клѣтки послышался стонъ. Сердце путниковъ оледенѣло, волосы встали дыбомъ. Антонъ и его товарищи просили приставовъ освободить ихъ отъ печальнаго зрѣлища. Имъ на это отвѣчали только, что въ примѣръ другимъ совершается казнь надъ мерзкими, богопротивными измѣнниками, литвиномъ, княземъ Иваномъ Лукомскимъ, и его сообщникомъ, толмачомъ Матифасомъ, которые хотѣли отравить великаго государя, господина всея Руси, Ивана Васильевича. Антонъ сталъ, черезъ переводчика, объяснять съ жаромъ свою просьбу. Отвѣта не было.

— Всемогущимъ Богомъ, — кричали осужденные, кланяясь народу, — нашимъ и вашимъ Богомъ клянемся, мы невинны, Господи! Ты видишь, мы невинны, и знаешь нашихъ оговорщиковъ передъ великимъ княземъ... Мамонъ, Русалка, дадите отвѣтъ на томъ свѣтѣ!.. Иноземцы, несчастные, зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Берегитесь... Во имя Отца и Сына и...

Дымъ обвилъ ихъ своими складками и задушилъ слова на устахъ несчастныхъ.

— Экъ мычатъ! — кричали зрители.

Москворѣцкій мостъ, въ виду котораго происходило ужасное зрѣлище, кряхтѣлъ подъ народомъ; перила, унизанныя имъ, ломились отъ тяжести напора. Напрасно старики и недѣльщики остерегали смѣльчаковъ, слышались только отважные голоса русскаго фатализма: «двухъ смертей не бывать, одной не миновать». И вслѣдъ за тѣмъ перила затрещали и унесли съ собою десятки людей на ледъ Москвы-рѣки. Многіе ушиблись до смерти.

Въ это время огонь выбѣжалъ на свободу изъ-подъ клѣтки и распустилъ по ней свои многоцвѣтистые побѣги. По днищу разлился пламенный потокъ. Сквозь пламя означились двѣ темныя фигуры. Онѣ крѣпко обнялись... пали... и вскорѣ отъ нихъ ничего не осталось, кромѣ пепла, которымъ вѣтеръ засыпалъ очи зрителей. Желѣзная клѣтка вся озолотилась; по оранжевымъ прутьямъ ея бѣжали кое-гдѣ звѣздочки, и лопались, какъ потѣшный огонь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВѢСТОВЩИКЪ

Что ты за человѣкъ?—
— Художествъ столько я имѣю за собою,
Что, кажется, рожденъ всеобщимъ быть слугою.
Весь свѣтъ моя родня, я свѣтъ прошелъ кругомъ,
Достатка не имѣвъ, кормлюся языкомъ;
Живу же, какъ и всѣ, согласно съ нашимъ вѣкомъ,
То плутомъ иногда, то честнымъ человѣкомъ.

Хмельницкій.

— Пріѣхалъ! пріѣхалъ! — раздалось въ палатахъ Образца, и все, что было живущаго въ домѣ, кромѣ сына его, испуганное, блѣдное, дрожащее, сперва ахнуло, потомъ засуетилось. Хотѣли идти—ноги подкашивались; хотѣли приказывать, передавать приказанія—губы издавали звуки безъ словъ. Наконецъ опомнились, отворили ворота. Чтожъ? это еще не онъ, не страшный постоялецъ, а великокняжескіе слуги съ хлѣбомъ-солью отъ Ивана Васильевича. Несли на блюдахъ по нѣскольку паръ куръ, гусей, индѣекъ, свинину, перепечи, ведерко фряжскаго вина и—всего не исчислишь на листѣ, что принесли какъ будто для продовольствія цѣлой десятни. Привели также и коня, богато убраннаго, въ даръ лекарю. Распоряжался этимъ поѣздомъ бояринъ Мамонъ, напросившійся на него,

чтобы имѣть случай всею тяжестью лица своего налечь на сердце Образца. Когда этотъ узналъ о появленіи ненавистнаго человѣка въ своемъ домѣ, тотчасъ отдалъ приказъ домочадцамъ не дѣлать никакой встрѣчи лекарю. Сыну жъ строго запрещено вступать въ ссору со врагомъ ихъ, тѣмъ болѣе, что Хабаръ освобожденъ былъ за поручительствомъ отца изъ-подъ стражи, подъ которую взятъ за проказы свои. Зашипѣлъ санный поѣздъ у воротъ; процессія тронулась и стала на дворѣ въ два ряда, чтобы встрѣтить пріѣзжаго. Дѣйствительно, это былъ Антонъ. Выскочивъ проворно изъ саней, онъ благодарилъ Захарія за хорошее доставленіе его на Русь и хотѣлъ дать ему денегъ, но жидъ не принялъ ихъ, сказавъ только:

— Прошу вспомнить обо мнѣ, когда будетъ вамъ нужда въ чемъ; я слуга вашъ, пока живъ.

Любопытство такъ сильно въ человѣкѣ, что превозмогаетъ и страхъ. Несмотря на запрещеніе воеводы, всѣ слуги его бросились поглядѣть ужаснаго постояльца, кто въ ворота, кто въ щель забора, кто черезъ заборъ. Хабаръ, гордо подбоченясь, высматривалъ его у своихъ воротъ. Вотъ покажется ужасная харя съ мышиными ушами, вотъ выглянутъ клыки, вотъ захлопаютъ совиные глаза и осыплютъ васъ бѣсовскимъ огнемъ. И показался молодой человѣкъ прекрасной наружности, статный, ловкій, полный жизни юной и могучей. Въ голубыхъ глазахъ его, сквозь облако грусти, которое оставило зрѣлище казни, проникалъ лучъ доброты и привѣта; губы, осѣненныя тонкими усиками, дарили такою благорастворенною улыбкою, которую нельзя сочинить, а можетъ только вылить родникъ душевный, не возмущаемый нечистыми страстями. И здо-

ровье и морозъ, каждый на свою долю, наложили на щеки его по легкому слою румянца. Онъ скинулъ беретъ, и свѣтлые кудри полились по широкимъ плечамъ. Онъ произнесъ Мамону нѣсколько словъ по-русски, какъ сумѣлъ, и въ голосѣ его было столько привлекательнаго, что самъ лукавый духъ, расходившійся въ сердце боярина, прилегъ на днѣ его. Такъ вотъ ужасный постоялецъ, напугавшій Образца и домочадцевъ его! Вотъ онъ наконецъ! Если это бѣсъ, такъ онъ принялъ свой первородный, небесный образъ. Всѣ дворчане, смотрѣвшіе на него, остались твердо убѣждены, что онъ отвелъ имъ глаза.

— Скорѣе, Настя, посмотри, какъ онъ пригожъ!— говорилъ Андрюша дочери воеводы, у которой находился въ свѣтлицѣ, смотря въ волоковое окно, имъ отодвинутое.—Вѣрь послѣ глупымъ слухамъ! Батюшка говоритъ, что онъ мнѣ братъ. О, какъ я буду любить этого братца!.. Посмотри жъ, душенька.

И сынъ Аристотелевъ, увѣряя, клянясь, что онъ не шутитъ надъ своею крестною матерью, увлекъ ее, дрожащую, блѣдную, къ окну. Сотворивъ крестное знаменіе, съ трепещущимъ сердцемъ, она осмѣлилась взглянуть издали въ окошко и — не повѣрила глазамъ своимъ. Еще разъ взглянула... смущеніе, какое-то удовольствіе обманутаго опасенія, какое-то сладостное волненіе въ крови, никогда еще неиспытанное, приковали ее на нѣсколько мгновеній къ одному мѣсту. Но когда Анастасія опомнилась отъ этихъ впечатлѣній, ей стало стыдно, грустно, что поддалась имъ. Она ужъ раскаивалась въ нихъ. — «Чародѣй надѣлъ на себя личину»,—подумала Анастасія, вспомнивъ слова отцовскія. Съ того времени стала она чаще задумываться.

Наконецъ путешественникъ успѣлъ освободиться отъ церемоній пріема, благодаривъ щедро дворскихъ служителей. Великодушіе его не любило ни у кого оставаться въ долгу, хотя возможность часто противилась этому влеченію добраго сердца. Онъ остался одинъ и заперся въ своей комнатѣ. Здѣсь принесъ Творцу дань разумнаго творенія. И это причли ему въ худое. — «Онъ-де сзываетъ нечистую силу, чтобъ освободиться отъ святыни, которою его окружали въ новомъ жилищѣ».

Сдѣланъ осмотръ комнатамъ. Одна, угловая, была окнами на улицу и къ стѣнѣ кремлевской, другая, бывшая оружейная, — на дворъ. Новое жилище казалось ему довольно пріятнымъ.

Вскорѣ кто-то постучалъ у двери и доложилъ о себѣ, что онъ, Бартоломей, переводчикъ великаго государя и цезаря Іоанна, пришелъ съ извѣстіемъ объ исполненіи даннаго ему порученія. Ему отперли.

Вошелъ человѣкъ, лѣтъ сорока съ небольшимъ. Какъ у Бородатаго первенствовала борода, у этого бралъ первенство носъ, чудо изъ носовъ! Онъ къ корню сузился, а къ ноздрямъ расширился наподобіе воронки, и былъ весь испещренъ пунцовымъ крапомъ Губки, умильно вытянутыя впередъ, какъ-будто готовились наигрывать на флейтѣ; изъ-подъ опушки каштановыхъ усовъ и бороды онѣ казались... казались, — тьфу пропасть! уронилъ сравненіе, словно въ бездну, и какъ ни ловлю памятью, воображеніемъ, не могу поймать. Ну, господа, дѣлайте его сами. Маленькіе глаза переводчика выражали неравнодушіе къ женскому полу. И если бъ сорокъ лѣтъ съ походцемъ, проказы и частыя посѣщенія виноградниковъ господнихъ не

провели множества значительныхъ іероглифовъ по лбу его и не обнажили поляны на головѣ; если бъ не крапы на носу, и если бъ не одна нога, которая, любя подчиненность, всегда дожидалась выхода другой, то, право, можно бы господина переводчика назвать очень пріятнымъ мужчиной. По крайней мѣрѣ онъ самъ себя считалъ такимъ. Самонадѣянность эту подкрѣплялъ онъ разсказами о своихъ подвигахъ. Въ Липецкѣ, говорилъ онъ, одна дѣвушка отъ любви къ нему утопилась, а жена содержателя книгопечатни, красавицу въ полномъ смыслѣ, онъ было похитилъ, какъ быкъ Европу. За ними гнались, ихъ разлучили. Мужья цѣлаго города, составивъ заговоръ, посягали на его жизнь. *Вслѣдствіе* чего, прибавлялъ Бартоломей, вынужденъ онъ былъ перешагнуть Рубиконъ и бѣжать въ Московію. Здѣсь выучился онъ по-русски и началъ исправлять должность переводчика *нѣмецкихъ бумагъ* и толмача нѣмецкихъ рѣчей.

Размахнувъ пахи рысьей шубы, Бартоломей выказалъ свой опашень изъ *рудо-желтой* камки съ золочеными пуговицами. Правда, нога его заупрямилась было надъ своей запятой, но онъ скоро побѣдилъ ее, сталъ въ благопристойномъ положеніи и доложилъ, что Аристотеля не засталъ дома. По приглашенію Антона, онъ сѣлъ на лавку. Какъ штукарь выкидываетъ разомъ изо рта нѣсколько сотъ аршинъ разноцвѣтныхъ лентъ, сталъ онъ выкидывать безъ перерыву свои пестрые разсказы.

— Располагайте мною совершенно, — говорилъ онъ. — Вы, въ нѣсколько мгновеній, такъ меня очаровали, что я... что я... ну, право, если бъ вы были женщина, я влюбился бы въ васъ по уши. Увѣренъ,

и вы не были бъ ко мнѣ равнодушны, потому... извольте видѣть... какое-то сочувствіе непостижимое... не правда ли?

— О, совершенно правда, — отвѣчалъ, улыбаясь, Антонъ.

— Вслѣдствіе сего располагайте мною, какъ вамъ угодно. Если вамъ нужно что къ великому князю, одно слово, только одно слово... О, великій князь ко мнѣ очень милостивъ. Вотъ, напримѣръ, извольте видѣть, это шуба.

— Вижу.

— Да какая же это шуба! Вы иностранецъ; вы, конечно, цѣны не знаете этимъ вещамъ. Это рысь, рысь, высокопочтеннѣйшій господинъ, немного уступаетъ соболю, а соболь и самъ цезарь римскій считаетъ за драгоцѣнный подарокъ. Его можно только сравнить съ мягкими, пушистыми волосами женщины. А эта шелковая матерія нѣжна, отливиста, упруга, какъ женское колѣночко... А эти пуговицы... не правда ли? блестятъ, словно зажигательные глазки. Все это даръ великаго князя за умную службу, и точно великаго! Какой государь, если бъ вы знали! сколько новыхъ, небывалыхъ чиновъ понадѣлалъ, и каждый поставилъ на своемъ мѣстѣ! Вотъ я вамъ разскажу (здѣсь онъ началъ считать по пальцамъ): во-первыхъ — бояринъ, во-вторыхъ — воевода, въ-третьихъ — окольничій, великій дворецкій (замѣтьте, есть и младшіе), переводчикъ, и такъ далѣе: казначей, печатникъ, дьякъ, постельничій, сокольничій, конюшій, ясельничій, приказчикъ, шатерничій и многое множество другихъ чиновъ. Вы, конечно, попадете въ одинъ изъ первыхъ разрядовъ.

— Много чести. Лишь бы не въ разрядъ постельничихъ.

— И всѣмъ какая дача идетъ отъ казны! Сытно ѣдимъ, славно запиваемъ медами, тѣшимся себѣ, сколько душѣ угодно, умирать не надо. Славный государь! Жаль только, что привязанъ къ одной своей супругѣ. А то какой бы приготовилъ я ему букетъ прекраснѣйшихъ женщинъ (онъ поднялъ три пальца къ губамъ своимъ и чмокнулъ, какъ бы вкушалъ что-нибудь очень сладкое). Правда, я за тѣмъ и поѣхалъ въ Московію, что думалъ найти здѣсь Востокъ — настоящій Востокъ, вы меня понимаете...

— И, вѣроятно, ошиблись, — перебилъ Антонъ, покраснѣвъ какъ молодая дѣвушка. — Слышно, здѣсь запираютъ женщинъ, и для мужчины невозможна побѣда, какимъ бы ни обладалъ онъ даромъ обольщенія.

— О, не думайте этого! — воскликнулъ переводчикъ съ улыбкою самонадѣянности. — Гмъ! мы имѣли случаи... Но въ этихъ дѣлахъ надо быть скромнымъ. Самые обычаи не такъ строги, какъ разсказываютъ у васъ. Во-первыхъ, на пирушкѣ хозяйка, по приказанію мужа, всегда угощаетъ; она обязана цѣловать ихъ. Тутъ упоительные взгляды, крѣпкіе меды — отсутствіе мужа въ другіе города, по дѣламъ торговымъ и на войну, — и не одинъ Парисъ, хоть бы нашъ братъ, былъ причиною лютыхъ сердечныхъ пожаровъ. Какъ водится, женщина вездѣ женщина: таинство любви еще болѣе подстрекаетъ ее...

— Но дѣвушки здѣшнія? онѣ, конечно, не имѣютъ случая видѣться съ мужчинами.

— Явно нѣтъ, а для тайныхъ свиданій всегда находятъ случай. Водятъ хороводы въ садахъ, а въ са-

дахъ есть заборы, а въ заборахъ есть щели, сквозь которыя можно поговорить и даже сорвать поцѣлуй. Нѣмая бесѣда изъ окошка свѣтелки, тамъ преданная мамушка, услужливый дворникъ, задобренный песъ, и самая калитка затаитъ свой голосъ, чтобы помочь любви. У насъ, я хочу сказать у васъ, въ Германіи, замки и покрѣпче здѣшнихъ теремовъ, и стражи понадежнѣе здѣшнихъ дворчанъ, да и тутъ Купидонъ дѣлаетъ свое. Повѣрьте, высокопочтенный господинъ, его владычество тамъ и сильнѣе, гдѣ женщинъ держатъ за замками. Русскія пѣсни всего лучше это доказываютъ. Надо вамъ замѣтить, я собираю ихъ и уже написалъ къ нимъ цѣлый томъ предисловія. Мимоходомъ признаться, перелистывая его, удивляюсь, какъ могъ я такъ хорошо написать, и отъ восторга рыдаю надъ своимъ дѣтищемъ. Но я говорилъ о пѣсняхъ. Вотъ именно въ нихъ видите: то лихіе сосѣди подмѣтили свиданіе любовниковъ, то намутили отцу и матери; въ иной пѣсни жена хочетъ *потерять* своего стараго мужа, въ другой жалуется на невѣрность, въ третьей оставляютъ отца и матерь для какого-нибудь молодца-разбойника; — вездѣ любовь женщины, готовой на трудныя жертвы, вездѣ разгулье и молодечество мужчинъ. Хотите ли живыхъ примѣровъ?

— О, это ужъ лишнее!

— Нѣтъ, позвольте, я только намекну... извольте вѣдать, и мы посвящены въ нѣкоторыя таинства... Вотъ, недалеко ходить, вдова Селинова. Видите домъ сосѣдскій, при спускѣ Константино-Еленовской улицы. Вдовушка безъ ума отъ сына вашего хозяина.

— Не отъ того ли статнаго, гордаго молодца, который стоялъ у другихъ воротъ хозяйскаго дома?

— да, этого прекраснаго мужчины, сказалъ бы я, если-бъ не портилъ его высокій ростъ.

Антонъ усмѣхнулся, но, боясь оскорбить разсказчика, сдѣлался попрежнему внимателенъ. Переводчикъ продолжалъ:

— Если бы скромность не велѣла мнѣ положить палецъ на уста, мы могли бы передать вамъ много занимательнаго изъ здѣшнихъ шашень. Мы таки знаемъ кое-что... мы вхожи въ дома бояръ, видаемъ и женъ и дочекъ ихъ. Но прошу напередъ замѣтить, для полученія милостей тѣхъ и другихъ, надо перейти въ ихъ вѣру.

— Поэтому я никогда не буду пользоваться ихъ благосклонностью,—сказалъ Эренштейнъ,—какъ же вы?..

— Виноватъ, я окрестился по здѣшнему. Чтобы русскій васъ любилъ, это условіе необходимо. Безъ того прослывешь басурманомъ, латынщикомъ, нехристемъ, хоть бы вы были самымъ лучшимъ христіаниномъ; васъ будутъ бѣгать и гнушаться, вотъ точно какъ въ Индіи паріевъ. Гдѣ эта Индія, хоть убейте, не могу вамъ объяснить, а сказывалъ мнѣ о ней русскій путешественникъ Аѳанасій Никитинъ. Я буду имѣть честь вамъ его представить. Тамъ, извольте видѣть, есть часть народа, которыхъ называютъ паріями; эти паріи изъ рода въ родъ презрѣны всѣми, въ загонѣ, въ униженіи у всѣхъ, такъ что прикосновеніе къ нимъ есть ужъ бѣда; ихъ бѣгаютъ, какъ прокаженныхъ. Вотъ здѣсь именно, на такой степени, иновѣрцы. Только подъ грозною защитою великаго князя остаются они въ безопасности. Напротивъ, иноземецъ, принявшій здѣшнюю вѣру, въ большой чести и любви у русскихъ.

Хотѣлъ Антонъ перебить его, чтобы спросить подробнѣе о состояніи иноземцевъ на Руси, но книгопечатникъ не останавливался и продолжалъ печатать свои вѣсти не хуже цилиндрическаго станка.

— Но я, кажется, отдалился отъ своего предмета. Возвратимся къ хорошенькимъ женщинамъ: виноватъ, это моя слабая сторона, моя ахиллесовская пятка. И такъ, я говорилъ о вдовѣ Селиновой. Пріятель, другъ ея, какъ хотите, назовите, не совсѣмъ ей вѣренъ. Удалецъ познакомился недавно — съ кѣмъ бы, думали вы? — съ гречанкой Гайде, а Гайде — какъ бы вы думали? — ни болѣе ни менѣе, какъ возлюбленная Андрея Палеолога, греческаго царя и деспота морейскаго, шурина великаго князя. Вотъ въ какія сани русачекъ садится!.. Видите, тутъ надо почаще ощупывать свою голову, цѣла ли на плечахъ. Кстати замѣтить вамъ, русскій и любитъ махать туда, гдѣ опаснѣе. Мы, нѣмцы, разсчитываемъ и задаемъ, какъ перепрыгнуть ровъ или яму, а онъ ужъ на томъ краю, или сломалъ себѣ шею. Гайде, сказалъ я, гречанка, а я не сказалъ вамъ, какъ она хороша. Тьфу ты пропасть, гдѣ такія красотки родятся!.. (Глаза Бартоломея необыкновенно заблистали и запрыгали). Подумаешь, прости Господи, самъ чертъ выливалъ ее въ какой-нибудь дьявольской формѣ и всыпалъ ей въ черныя очи своего адскаго пламени. Такъ и мутятъ душу и гоняются за вами во снѣ. Прекрасна, дивно прекрасна! Однакожъ, я знаю одну московитянку еще пригожей Гайды — десяти гречанокъ не возьмешь за нее. И какъ бы вы думали, гдѣ бъ она жила? Здѣсь, въ домѣ, въ терему, надъ вашей головой. Дочка вашего хозяина! Ну, почтеннѣйшій господинъ, у ней звѣзды вмѣсто очей, щеки—

пылающая заря, а губки... губки... (тутъ разсказчикъ сталъ втупикъ, щелкалъ пальцами, хваталъ за воронку своего носа, но прибрать никакъ не могъ чего-нибудь подобозначащаго къ губамъ красавицы; махнувъ рукой, онъ принялся описывать далѣе) русой, шелковой косы ея, право, стало бы, чтобъ васъ, молодца, опутать, а ножки ея на одинъ глотокъ. Слышите ли? тукъ-тукъ надъ вами... это она касается пола своими ножками... прислушайтесь, какое очарованіе!

Вздохнувъ, Бартоломей послалъ отъ своихъ выпуклыхъ губокъ поцѣлуй на верхъ.

— А какъ зовутъ ее?—спросилъ, улыбаясь, Антонъ.

— Анастасія, если хотите нѣжнѣе — Настенька.

— Чтожъ? тутъ какъ?.. успѣхи есть?

— О, и подумать грѣхъ! До нея высоко, какъ до солнышка. Сказать про нее худое языкъ не поворотится. Горда и сурова, будто королева. Сердце Іоанна молодого и назначило было ей великокняжеское мѣсто, да судьбы расположили иначе...

Дверь распахнулась, и появленіе двухъ новыхъ лицъ подсѣкло разсказъ цитерскаго вѣстовщика, который былъ не безъ занимательности для Эренштейна.

— *Самъ* Фіоравенти-Аристотель, — сказалъ переводчикъ, и спѣшилъ встать съ своего мѣста.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

БАСУРМАНЪ

БАСУРМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ХУДОЖНИКЪ

Они были поэты, и ихъ вымыслы были такъ возвышенны, что они сами страшились ихъ и пали съ трепетомъ предъ своими твореніями.

Н. Надеждинъ.

— Антоніо! милый Антоніо! названный сынъ моего брата! какіе боги занесли тебя сюда?—восклицалъ художникъ, обнимая пріѣзжаго.

Это былъ высокій мужчина пожилыхъ лѣтъ; съ головы его бѣжали въ изобиліи черные съ просѣдью волосы, вдохновеніе блистало въ глазахъ; на высокомъ челѣ, этомъ престолѣ ума, замѣтно было небольшое углубленіе — слѣдъ перста Божьяго, когда Онъ остановилъ его посреди творческой думы на помазанникѣ своемъ; доброта просвѣчивала во всѣхъ его чертахъ.— «Хорошо ли пріѣхалъ? Здоровъ ли? Доволенъ ли своимъ жильемъ? Не надо ли чего? — Эти вопросы, одинъ за другимъ, сыпались отъ изліянія горячей, любящей

души такъ скоро, что Антонъ не успѣвалъ отвѣчать на нихъ. — «Сколько лѣтъ не видалъ тебя! Я знавалъ тебя еще малюткою — вотъ ты былъ немного повыше моего... Андреа!» — прибавилъ онъ, обратясь къ своему сыну, который, до сихъ поръ, неподвижно стоялъ у дверей и наблюдалъ въ какомъ-то умиленіи, съ какимъ-то восторгомъ свыше его лѣтъ, пріятную сцену свиданія своего отца съ незнакомцемъ. Голубые, умные глаза его горѣли непостижимымъ участіемъ къ Эренштейну. — «Андреа», — продолжалъ художникъ, — «что же ты стоишь какъ вкопанный? чтожъ не обнимешь нашего Антоніо? Онъ также мой сынъ — ты будешь ему меньшимъ братомъ».

И мальчикъ бросился съ чувствами недѣтскими на грудь названнаго брата. Антонъ принялъ его въ свои объятія и цѣловалъ въ голову.

— Ты будешь любить меня, милый Андреа; не правда ли?

— Я ужъ люблю тебя, Антоніо.

Между тѣмъ Аристотель далъ знать маленькому чиновнику межеумочнаго разряда, чтобы онъ оставилъ ихъ однихъ: присутствіе нечистаго созданія разстроивало ихъ союзъ. Это было немедленно исполнено съ такимъ проворствомъ и ловкостью, что Эренштейнъ не замѣтилъ, какъ онъ ускользнулъ. Въ этомъ случаѣ и коротенькая ножка, вмѣсто запятыхъ, дѣлала исполинскія восклицанія, боясь задержать своего повелителя.

— Письмо отъ моего второго отца, — сказалъ Антонъ, подавая его художнику: — въ чаду вашихъ дружескихъ ласкъ я едва не забылъ отдать его.

Письмо было такого содержанія:

«Вотъ сынъ моего сердца; заступи меня у Антоніо, любезный другъ: сказалъ бы я просто, безъ всякихъ объясненій, посылая его къ тебѣ. Но онъ такъ чудно поставленъ на землѣ, его жизнь такъ чрезвычайна, что я, скрывая его подъ твое крыло, долженъ объяснить, чего ожидаю отъ тебя при этомъ случаѣ. Дитя судьбы, юный, неопытный, такой же пламенный мечтатель, какъ и ты самъ, въ странѣ отдаленной, дикой, о которой имя только недавно дошло до насъ, онъ уже по этимъ правамъ болѣе имѣетъ нужду въ дружескихъ попеченіяхъ, твоихъ и сильномъ покровительствѣ. Ты любишь меня, горячо сочувствуешь всему прекрасному и, конечно, полюбишь моего Антоніо. Не хвалюсь его образованіемъ: я его образователь. Не хвалю тебѣ возвышенности его ума: ты самъ это увидишь. Сердце его чисто: сбереги, мой другъ, тайникъ этотъ, въ который могутъ глядѣться ангелы. Боюсь только одного: душа его такъ распаляется при мысли о высокомъ, о благородномъ, что заставляетъ его пренебрегать собственною пользою, всѣми выгодами жизни. Мнѣ ли тебѣ говорить: старайся охладить его кипучіе порывы— тебѣ, который мечтами и сердцемъ такой же пламенный юноша? Помни, мой другъ, месть моя отняла у него знатный родъ, богатства; одинъ Господь знаетъ, чего не отнялъ я у него и что далъ ему въ замѣнъ, и вознагради за меня Антоніо своею любовью, которая для него очень, очень дорога, дороже, нежели предполагать можешь.

«Вотъ тебѣ ключъ къ этой загадкѣ

«Когда я увезъ Антоніо годовымъ ребенкомъ, восторгъ мой былъ — восторгъ тигра, который выхватилъ свою жертву изъ круга охотниковъ, ходившихъ на

ловитву его. Я поклялся сдѣлать изъ моего питомца лекаря, и тогда провозгласить его барономъ Эренштейномъ. Пока не выполнилъ я своего обѣта, все содѣйствовало его исполненію, и сердце, переполненное местью, и любовь матери, и холодность отца. Но когда мой Антоніо сдѣлался лекаремъ наукою и практикой, сердце мое, побѣжденное его душевными качествами, любовью къ нему, оттолкнуло отъ себя гласность мщенія, которою я хотѣлъ оклеймить гордаго барона. «Кто давалъ тебѣ право — говорилъ тайный голосъ — наказывать безвиннаго за виноватаго? Твой ли это человѣкъ? Какими деньгами, какими побѣдами купилъ ты его? Его отецъ могъ быть твоимъ по правамъ мести; но сынъ тебѣ ничего не сдѣлалъ. Развѣ изъ себя самого хочешь создать судьбу?..» Повинуясь этому тайному голосу, я ограничилъ свое мщеніе только тѣмъ, что написалъ къ барону: «вашъ сынъ лекаремъ—не угодно ли вамъ его къ себѣ?» Между тѣмъ, посылая мое письмо черезъ вѣрнаго человѣка,—винюсь тебѣ—я дрожалъ, чтобы баронъ не образумился, чтобы совѣсть и природа не заговорили въ немъ сильнѣе честолюбія и... онъ не отнялъ бы у меня моего Антоніо, не разрушилъ бы очарованія всей его жизни. О! тогда отплатилъ бы онъ мнѣ местью за месть. Но я вскорѣ успокоился. Нашлось существо, созданное по образу и подобію Божію, носящее имя христіанина, которое... повѣришь ли?!.. и говорить языкъ не двигается... — нашелся отецъ, который отказывается отъ сына! И потому отказывается, что этотъ сынъ, если и перестанетъ быть лекаремъ, все-таки былъ лекаремъ. Во всемъ видѣнъ баронъ!.. Какъ теперь смотрю еще, стоитъ передо мною этотъ господчикъ на колѣнахъ, въ сле-

захъ, и умаливаетъ, чтобы я не бралъ его сына, годовой кусокъ баронскаго мяса. Бездушный человѣкъ!.. На его мѣстѣ я исполнилъ бы клятву, данную итальянскому врачу, но отдалъ бы сына мертваго или мертвому. Теперь, когда это дитя получило душу, просвѣщенную религіей и наукою, когда оно образовано, конечно, лучше, нежели бы было въ своемъ дому, между рабствомъ челяди и спесью родителя, — теперь предлагаю ему это сокровище, которымъ могли бы гордиться князья имперіи, — и баронъ приказываетъ мнѣ сказать черезъ довѣреннаго человѣка, что у него нѣтъ сына. Объ этомъ — прибавляетъ онъ — знаютъ императоръ, дворъ, свѣтскія и духовныя власти, и, если нужно отвергнуть клевету, такъ онъ надѣется на защиту ихъ. Въ жестокое доказательство, что онъ навсегда лишилъ Антоніо правъ на сердце, имя и достояніе родительское, онъ усыновляетъ Поппеля, сына умершей сестры, который воспитывался у него въ домѣ вмѣстѣ со вторымъ его сыномъ Фердинандомъ. Императоръ, сожалѣя, что онъ не имѣетъ дѣтей, одобрилъ его желаніе и утвердилъ выборъ; въ знакъ же своихъ милостей почтилъ племянничка саномъ рыцаря. Такимъ образомъ, баронъ связалъ себя и на будущее время. Нельзя ему перешагнуть черезъ слово императора. Если жъ — приказываетъ онъ сказать мнѣ — вздумаю распускать слухи, что у него сынъ лекаремъ, такъ онъ найдетъ способы заключить этого сына въ такое мѣсто, гдѣ плѣнникъ, конечно, не подастъ о себѣ голоса.

«Въ былое время, мощный тѣломъ и духомъ, я потягался бы съ гордымъ барономъ и жестокимъ отцомъ. Но теперь гляжу въ гробъ, мщеніе мое уступило при-

вязанности къ моему воспитаннику; убѣжденъ также, что Антоніо, узнавъ о своемъ рожденіи, самъ не захочетъ неволею въ сынки и наслѣдники, и я радовался, что попыткою у отца его очистилъ нѣсколько свою совѣсть, исполнилъ желаніе матери и пріобрѣлъ, какъ бы во второй разъ своего Антоніо. Всѣ мы вошли въ кругъ прежнихъ своихъ надеждъ, обязанностей и назначенія.

«Переговоры мои были въ ходу, когда я получилъ отъ тебя письмо, которымъ просишь отыскать врача ко двору московитскому. Узнавъ содержаніе этого письма, Антоніо съ восторгомъ вызвался занять предлагаемое мѣсто Имѣя другіе виды для него, я сначала наотрѣзъ отказалъ. Но когда получилъ отвѣтъ отъ барона, когда вслѣдъ за тѣмъ анонимъ увѣдомилъ меня, что если прозваніе воспитанника моего не будетъ перемѣнено, въ такомъ случаѣ его ожидаетъ заключеніе... Склонить Антоніо къ перемѣнѣ имени я не могъ надѣяться по врожденной гордости его и твердости характера, да и почиталъ недостойнымъ ни его, ни меня даже разговоръ объ этомъ. Смерть барона могла еще развязать роковой узелъ. Между тѣмъ мысль, что монастырь, башня, подземелье могли быть его удѣломъ, пугала меня. Ты знаешь, какъ это легко сдѣлать въ Италіи, въ наше время, когда на вѣсъ золота покупаются головы, болѣе знаменитыя. Вслѣдъ за тѣмъ мнѣ ужъ дано знать вѣрными людьми о покушеніи на свободу Антоніо. Опасенія измѣнили всѣ мои планы, и я благословилъ его на дальнее путешествіе. Старость, немощи, тяжесть грѣховъ сдѣлали меня такимъ робкимъ, я такъ люблю его, что готовъ даже согласиться навсегда разстаться съ нимъ, если можно будетъ утвер-

дить его благосостояніе въ Московіи, за которое ты напередъ ручаешься. По первому письму твоему, и въ случаѣ согласія Антоніо, я тотчасъ переведу туда все мое имущество, а самъ окончу дни въ монастырѣ. Едва ли не половина жизни моей была тяжкій, ужасный грѣхъ—удовлетвореніе мести. Пора думать о будущности.

«Какъ счастливъ Антоніо своими мечтами! Чудное дитя судьбы, онъ въ совершенномъ невѣдѣніи о томъ, что для него дѣлается и какъ о немъ хлопочутъ! Онъ не знаетъ ни о знатности и богатствѣ своего отца, ни о томъ, что этотъ извергъ отказывается отъ него. Счастливое невѣдѣніе! пускай въ немъ и остается. Это житель рая, пока онъ не вкусилъ запрещеннаго плода. Наша обязанность оставить его въ этомъ очарованіи.

«Вотъ почему, любезный другъ, передавая тебѣ сына моего сердца, передаю съ нимъ и свои опасенія, и свои надежды, и его судьбу. Помни, я должникъ у него весь, душой и тѣломъ, здѣсь и на томъ свѣтѣ».

Пока Аристотель читалъ письмо своего брата, молодой лекарь бесѣдовалъ съ Андрюшей, сидя у стола и окруживъ одною рукою гибкій, величавый станъ малютки. Несмотря на разстояніе лѣтъ, между ними установилась съ того времени постоянная дружба.

— Оба сюда, дѣти мои, сюда, къ сердцу моему,— сказалъ художникъ со слезами на глазахъ, прочитавъ письмо, и прижалъ ихъ обоихъ къ груди своей.

Снова разспросы и разсказы о жизни молодого Эренштейна, о воспитаніи его, о посѣщеніи всемірнаго города, о надеждахъ, которыя повлекли его на Русь. Художникъ то платилъ этимъ разсказамъ дань слезами, то, воспламеняясь любовью къ прекрасному, пожималъ

съ восторгомъ руку лекаря; иногда качалъ головой, какъ бы не совсѣмъ увѣренный въ исполненіи высокихъ надеждъ его. Но эта боязнь, эти сомнѣнія были мгновенны. Огонь, горѣвшій въ груди Эренштейна, скоро сообщался вновь душѣ художника, и Аристотель, забывая горькіе опыты, присоединилъ свои мечты къ его мечтамъ, созидалъ съ нимъ храмы наукѣ, любви къ человѣчеству, всему прекрасному, и обѣщалъ Ангону помогать ему во всемъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ Андрюша ихъ разговоръ и съ какою-то гордостью смотрѣлъ то на своего отца, то на любезнаго нѣмца, какъ онъ называлъ Эренштейна. Съ своей стороны, Эренштейнъ, любуясь его умною наружностью, читая въ глазахъ малютки готовый отзывъ на спросъ его души, наслаждался мыслью, что онъ дѣйствительно найдетъ въ немъ брата. И Аристотель восхищался, какъ счастливый отецъ, смотря на бесѣду ихъ взоровъ, изъяснявшую влеченіе другъ къ другу, на ласки, которыми они мѣнялись.

— Худая же была тебѣ встрѣча! — сказалъ Аристотель,—казнь литвянъ...

— О, я давно забылъ съ вами все дурное. Но ты напомнилъ мнѣ о казни, и въ глазахъ моихъ мерещатся эти несчастливцы. Какое жестокосердіе!

— Потише, молодой человѣкъ!.. Громъ съ неба такъ же убиваетъ, превращаетъ села въ пепелъ, но и растворяетъ воздухъ для доброй жатвы: ропщешь ли за то на небо? Частное зло ничтожно, когда спасается цѣлое. Не могу тебѣ удовлетворительно сказать, но думаю, и казнь литвянъ полезна не для одной личности Іоанна. Не ослабляетъ ли она происковъ Литвы, опасной соперницы Руси? Подозрѣніямъ великаго князя

есть основаніе. Во-первыхъ, слабость всегда подозрительна, а Іоаннъ не успѣлъ еще такъ укрѣпиться, чтобы не бояться за твердость сплачиваемаго имъ зданія. Во-вторыхъ, возрастающей силѣ Руси сосѣди ея стали завидовать не на шутку, и нѣтъ способовъ, тайныхъ и явныхъ, позволенныхъ и непозволенныхъ, которыхъ бы они не употребили, чтобы сокрушить ее въ лицѣ ея государя. Здѣсь видна тотчасъ цѣль строгихъ мѣръ, убѣжденіе въ справедливости ихъ; здѣсь наказанія дѣлаются явно, безъ всякихъ утонченностей. Иногда Іоаннъ играетъ въ темную... но какъ не простишь ему этихъ сокровенныхъ ходовъ, когда во всѣхъ послѣдствіяхъ видна польза его государства? Какое жестокосердіе, — говоришь ты, взглянувъ на казнь литвянъ! — Но развѣ скорѣй извинишь, что дѣлалось и дѣлается въ нашей Италіи? Развѣ легче огня въ желѣзной клѣткѣ ужасы и жестокія насмѣшки надъ человѣчествомъ, которыхъ ты наглядѣлся въ мелкихъ княжествахъ Авзоніи? Посмотри, что дѣлается въ Испаніи: тамъ учреждена какая-то инквизиція, которая, по одному доносу купленнаго шпіона, валитъ жертвы на костеръ и сожигаетъ ихъ крупнымъ и мелкимъ огнемъ. Не оправдываю нигдѣ жестокостей; но если онѣ въ земляхъ просвѣщенныхъ не даютъ отдыхать окровавленной сѣкирѣ, такъ извинительнѣй въ Московіи...

— Готовъ сдаться на твои доказательства, — сказалъ лекарь, — особенно когда вспомню, чего насмотрѣлся въ Миланѣ и Римѣ. Позволь однакожъ замѣтить мнѣ: ты защищаешь все здѣшнее такъ горячо, какъ будто Московія твое отечество...

Легкая краска выступила на лицо Фіоравенти-Ари-

стотеля. Казалось, онъ готовился разсказать исповѣдь своего сердца; но, озабоченный присутствіемъ сына, который не долженъ былъ слышать ее, предложилъ ему узнать о здоровьѣ синьорины Анастасіи.

— Она такая добрая, милая дѣвица, — прибавилъ Альберти, — такъ тебя любитъ.

Малютка тотчасъ понялъ, что его присутствіе мѣшаетъ искренности бесѣды, и спѣшилъ вырваться изъ объятій новаго брата, дружески ему кивнувъ.

— Знаешь ли, Антоніо?—промолвилъ онъ, остановясь у дверей,—синьоринѣ, къ которой я теперь иду, сказали, что ты съ рогами и съ какой-то ужасной харей.

— Въ самомъ дѣлѣ? — сказалъ краснѣя Антонъ, — постарайся жъ разувѣрить ее.

— Я ужъ въ этомъ успѣлъ. Разскажу послѣ, какъ все было.

Съ этимъ словомъ плутоватый мальчикъ выпорхнулъ изъ комнаты.

— Ты, можетъ быть, удивляешься,— сказалъ Аристотель, — что мой Андреа не чужой здѣсь въ домѣ. Прибавлю, спальня дѣвушки и божница [1]) хозяина ему равно доступны. Иностранцу? латынщику?—замѣтишь ты, имѣвъ ужъ случай испытать отвращеніе, которое питаютъ русскіе ко всѣмъ иновѣрцамъ. Нѣтъ, сынъ мой, сынъ итальянца, ревностнаго католика, не иностранецъ въ Московіи, онъ настоящій русскій, онъ окрещенъ въ русскую вѣру. И это по собственному моему желанію, безъ всякаго принужденія какой-либо власти.

---

[1]) Образная.

— Я думалъ, что книгопечатникъ Бартоломей...

Молодой человѣкъ не договорилъ; Аристотель прервалъ его:

— То-есть, ты думалъ, что онъ одинъ способенъ на такія перемѣны. Не стыдясь говорю: я то же сдѣлалъ съ моимъ сыномъ. Видѣлъ ты его, моего Андреа? понялъ ты это дитя, это сокровище, которое далъ мнѣ Богъ, этотъ завѣтъ жены, и какой, если бы ты зналъ!.. Фіоравенти его отецъ, Фіоравенти гордится имъ, какъ однимъ изъ лучшихъ своихъ созданій. Да, однимъ... потому что есть другое, которымъ—стыжусь тебѣ сказать — дорожу выше всего. Я самолюбивъ, эгоистъ, готовъ для своей славы, для своего имени, жертвовать Богъ знаетъ чѣмъ; однимъ словомъ, ты узнаешь меня короче—я безумецъ... Но въ безумной любви моей къ себѣ я не забылъ сына, я подумалъ и о благѣ его. Не скрою отъ тебя, мой другъ, Московія должна быть моимъ гробомъ: это законъ необходимости. Я нуженъ царю ея. Инженеръ, литейщикъ, кирпичникъ, каменьщикъ, зодчій, я все для него; и нѣтъ силъ, которыя исторгнули бы меня отсюда, нѣтъ чародѣйства, которое помогло бы мнѣ возвратиться въ отечество мое, пока не явятся люди, способные меня замѣнить. А они, Богъ вѣсть, когда будутъ!.. Великій князь осыпаетъ меня своими милостями, жалуетъ своею казною, ласкою, пріязнью; знаменитые полководцы его, высшіе синьоры, не смѣютъ входить къ нему безъ доклада,— я это дѣлаю во всякое время; взоръ, котораго дрожатъ сильнѣйшіе, еще ни разу не обращался на меня съ гнѣвомъ. Но этотъ же великій князь, этотъ милостивецъ и другъ, окружилъ меня такою желѣзною сѣтью, сквозь которую я не могу прорваться; каждый шагъ

мой, каждое дѣйствіе мое—ему извѣстны. Зная свою участь, я рѣшился посвятить ему свою жизнь, свои дарованія. Можетъ быть, я самъ не противъ этой необходимости, можетъ быть, я самъ искалъ ея. Пускай Московія будетъ моимъ гробомъ, лишь бы надъ этимъ гробомъ поставилъ я себѣ памятникъ, которому нѣкогда просвѣщенные народы придутъ удивляться! Въ этомъ созданіи я всего себя положу, и свое отечество, и свои знанія, и жизнь, и вѣчность свою. Но сынъ, котораго завѣщала мнѣ жена, сынъ, котораго я самъ такъ много люблю... я и объ немъ забочусь. Великій князь за мои заслуги поклялся не оставить мое дитя, когда меня не будетъ. Онъ ласкаетъ его и теперь, какъ не ласкаетъ дѣтей своихъ. Я хочу, чтобы Андрей Аристотелевъ былъ полководцемъ...

— Почему жъ не художникомъ по наслѣдству?

— Почему, почему?.. Вотъ видишь, и тутъ есть безумное самолюбіе!.. Я хочу, чтобы въ свѣтѣ былъ одинъ Фіоравенти-художникъ. Да, да, узнаешь меня короче, молодой человѣкъ! Не одну юность сожигаютъ огненныя мечты! И подъ этимъ пепломъ (онъ указалъ на свои сѣдые волосы) кроется, можетъ быть вулканъ-неукротимый... Но обратимся къ сыну. Зоркіе глаза Іоанна прочли въ душѣ моей, и Іоаннъ называетъ моего Андрея своимъ полководцемъ, бесѣдуетъ съ нимъ о ратномъ дѣлѣ, разжигаетъ его молодое сердце славою воинскою, а сыновьямъ своимъ строго наказываетъ, на поминъ души его, не забывать отцовскаго воеводу. Хорошо, думалъ я, умру — такъ онъ будетъ богатъ въ милости у царей русскихъ, но какими глазами, какимъ сердцемъ станутъ смотрѣть на иновѣрца, на басурмана, при дворѣ будущаго великаго князя бояре

духовные, народъ? Меня охраняетъ теперь отъ ихъ ненависти и презрѣнія имя строителя церковнаго, необходимость во мнѣ; теперь меня и другихъ иновѣрцевъ охраняетъ еще грозная воля Іоанна, передъ которою все падаетъ: и люди, и судьба. Но властители съ такимъ согласіемъ всемогущаго ума и воли родятся вѣками. Кто поручится за будущее?.. Къ тому жъ я хочу, чтобы и безъ насилія власти любили моего Андреа... хочу, чтобы все русское, всѣ состоянія, народъ окружилъ его привѣтомъ, какъ родного, какъ соотечественника. Тогда можетъ онъ подняться высоко... Недолго думалъ я Андреа принялъ русскую вѣру; крестнымъ отцомъ былъ ему Іоаннъ *младой*: онъ же будетъ сыну моему отцомъ, когда меня не станетъ.

— Прости жъ мнѣ за необдуманный упрекъ. Понимаю, я могъ бы сдѣлать то же для блага милаго, дорогого сердцу, существа. Но.. теперь другой вопросъ. Не сочти его дерзостью молодого человѣка, котораго всѣ права на твое снисхожденіе въ одномъ имени воспитанника твоего брата; прими этотъ вопросъ за знакъ любви къ прекрасному. Скажи мнѣ, какимъ великимъ памятникомъ зодчества въ Московіи хочешь передать свое имя будущимъ вѣкамъ?

Покраснѣлъ снова художникъ, пожалъ съ восторгомъ руку молодому врачу и съ трепетомъ губъ, поясняющихъ его душевное волненіе, отвѣчалъ:

— Да, ты поймешь меня, молодой человѣкъ! Твой пріѣздъ въ страну дикую, на краю Европы, безъ видовъ корысти, изъ одной любви къ человѣчеству, есть уже свидѣтельство прекрасной души. Цѣль моя также выполненіе идеи высокой, пзящной... (по крайней мѣрѣ

я такъ думаю... въ этомъ я по крайней мѣрѣ убѣжденъ). Тебѣ могу открыть мою душу, мои помыслы. Разскажу тебѣ и свои страданія и свои надежды, разскажу, какъ я боюсь умереть, не сдѣлавъ ничего достойнаго безсмертія, и чѣмъ хочу купить себѣ вѣчность на землѣ. Слушай же меня съ снисхожденіемъ, котораго прошу у твоего добраго сердца для моихъ слабостей. Ты знаешь, — продолжалъ Аристотель, — что я сдѣлалъ себѣ небольшое имя въ Италіи.

— Памятники художества, которые ты оставилъ въ ней, не дадутъ ему умереть, хотя бъ ты ничего болѣе не произвелъ.

— Нѣтъ, другъ мой, эти памятники болѣе смѣлые, нежели геніальные, очистятъ мнѣ небольшое мѣсто въ лѣтописяхъ художества. Опыты еще не подвиги. На подвигъ я только-что собрался. Когда я жилъ въ Италіи, смутно носился въ душѣ моей идеалъ, которому должно было осуществиться въ возможныхъ земныхъ размѣрахъ позднѣе, именно здѣсь, въ Москвѣ. Еще тогда не давалъ онъ мнѣ покоя. Преслѣдуя его, какъ призракъ, и не имѣя силъ выполнить, я изнемогалъ подъ бременемъ тоски невыносимой. И мудрено ль! я — человѣкъ, слабое, ничтожное созданье — хотѣлъ создать достойный храмъ Богу, дивному Богу, Творцу вселенной. Все, что ни принимался выполнить линіями, красками, образами, тѣлесными силами, казалось мнѣ безконечно малымъ передъ тѣмъ идеаломъ, который создала божественная часть меня. Тоска, муки невыразимыя! Я призвалъ на помощь прошедшее и настоящее, спрашивалъ каждый вѣкъ, требовалъ къ себѣ на лицо отжившіе и живущіе народы, сотни поколѣній, чтобы каждый изъ нихъ принесъ достойную

лепту на построеніе храма Богу. И на зовъ мой распались Парѳенонъ, Колизей, Альгамбра, Софія; полки окаменѣлыхъ мѳовъ сошли съ своихъ подножій, пошатнулись пирамиды Египта съ своихъ основаній и стали вокругъ меня, какъ столѣтніе дубы надъ муравьемъ, едва замѣтнымъ для глаза. «Какой храмъ создашь ты Богу, когда мы только гробы для человѣка? А надъ этими гробами трудились вѣки и милліоны людей!» — казалось мнѣ, спросили меня великаны древняго міра, и воображеніе мое замерло при этомъ вопросѣ. И вотъ, когда на зовъ мой явились города и народы, когда каждый изъ нихъ принесъ мнѣ по одной буквѣ для божественной поэмы, я не могъ даже сложить этихъ разнородныхъ буквъ въ одно гармоническое слово. Мудрено ль? Каждая буква была вдохновеніе; всѣ онѣ отозвались въ душѣ моей, какъ дивный хоръ, составленный изъ миріады ангеловъ, сопутствуемый бурею со всѣхъ концовъ свѣта. Голова моя закружилась, сердце замерло; я изнемогъ... Меня хотѣли даже запереть въ домъ сумасшедшихъ; можетъ быть, я этого и стоилъ. Долго былъ я въ болѣзненномъ состояніи. Наконецъ, спасенный помощью врача, любовью къ сыну, я опомнился и, на первый голосъ разсудка, рѣшился бѣжать изъ Италіи, гдѣ, думалъ я, самый воздухъ распаляетъ воображеніе до безумія. Турецкій султанъ звалъ меня, чрезъ дожа Марчелли, въ Константинополь. Что высокаго, изящнаго, говорилъ я самъ себѣ, создамъ для народа, врага Христова, для того, кому и въ будущемъ свѣтѣ обѣщанъ утонченный развратъ? Развѣ фонтаны и бани! развѣ сераль!.. Сераль, бани, когда основаніе храма живому Богу положено было въ сердцѣ моемъ?.. Я отвергнулъ

золото султана. Затѣмъ новый вызовъ. Этотъ былъ отъ здѣшняго государя, и съ предложеніемъ построить храмъ Пречистой Божьей Матери. Съ удовольствіемъ... что я говорю? съ восторгомъ принялъ я новое предложеніе. И вотъ я здѣсь. Здѣсь, другъ мой, думаю осуществить идеалъ, который столько лѣтъ смутно носился въ душѣ моей; теперь я согласилъ его съ возможностью, съ силами одного поколѣнія, съ волею и средствами одного царя. Я перевожу его ужъ на бумагу. Когда кончу чертежи, ты увидишь его, и скажешь мнѣ, достоинъ ли онъ своего назначенія. Тогда представлю его суду Іоанна, Софіи и митрополита. Но какихъ трудовъ, какой борьбы стоило мнѣ, чего еще будетъ стоить, чтобы привесть мою идею въ исполненіе! Чего долженъ я еще бояться отъ рѣшенія свѣтской и духовной властей, расположенныхъ къ моему дѣлу, но худо знакомыхъ съ прекраснымъ въ искусствѣ! Ахъ! если бы ты зналъ, какъ дорого купленъ мною каждый шагъ, подвигающій меня къ цѣли, сквозь какія груды мелочей, щепетильной вещественности, долженъ я очищать себѣ путь къ этой цѣли! Не хвастаясь скажу, надо было имѣть мою желѣзную волю, мою пламенную любовь къ искусству, чтобы не изнемочь подъ бременемъ обстоятельствъ. Представлю тебѣ только нѣсколько образчиковъ тѣхъ нуждъ, тѣхъ препятствій, съ которыми я долженъ былъ бороться. Вызванный сюда для построенія храма Пречистой, я нашелъ не только искусство зодчества, самую исполнительную часть ея, самые матеріалы — въ грубомъ младенческомъ состояніи. Прежде чѣмъ созидать, надо было мнѣ разрушать научить. Старая церковь Успенія, которая отчасти упала при русскихъ строителяхъ, дру-

гими частями еще крѣпко держалась, несмотря на усилія тысячи рукъ повалить ее. За показанную мною механику барана почли меня чародѣемъ. Не умѣли дѣлать кирпичей: сколько времени употребилъ я на обученіе этому дѣлу! Своими руками мялъ глину, дѣлалъ формы, показывалъ способы обжиганія. Не умѣли дѣлать извести, и эту самъ училъ растворять.

— Кирпичъ, известку?.. Когда самъ Богъ глядѣлся въ душѣ твоей?.. Тяжкая борьба духа съ веществомъ! я изнемогъ бы подъ ней.

— Тяжело было, это правда; но я не изнемогъ. О! у меня достало силы и на другія тяжкія испытанія. Наступила война съ Новгородомъ. Іоаннъ изъ зодчихъ переименовалъ меня въ *розмыслы*, то есть въ инженеры. Онъ требовалъ, чтобы я строилъ мосты для перехода войскъ черезъ рѣки, — я строилъ мосты. Онъ захотѣлъ, чтобы я лилъ пушки, колокола, — я вылилъ ихъ. Онъ изъявилъ желаніе, чтобы я управлялъ огнестрѣльными орудіями, — я выполнилъ его желаніе. Нужно было чеканить монету, — я чеканилъ для него монету. Однимъ словомъ, я сдѣлался всѣмъ, чѣмъ хотѣлъ Іоаннъ, чтобы я для него былъ. Не подумай, чтобы все это дѣлалъ я изъ любви, изъ преданности къ царю: люблю его, преданъ ему, какъ человѣкъ благодарный за милости его ко мнѣ, но другія чувства, другія побужденія управляютъ моими дѣйствіями. Я сдѣлался рабомъ его желѣзной воли, поденщикомъ ея, чтобы выиграть его милости и довѣріе, а милости и довѣріе его нужны мнѣ для исполненія моей идеи. Храмъ, который хочу создать, исполинскаго размѣра: для него нужна мнѣ едва ли не половина кремлевской высоты, сотни тысячъ рукъ, груды золота. Цѣною

тяжкихъ, едва ли не кровавыхъ трудовъ, шагъ за шагъ покупаю у моего властителя каждый аршинъ земли, сотню рукъ, горсть серебра. И покуда — признаться ли тебѣ, мой другъ? — одна борьба, одни труды, а побѣды и въ поминѣ нѣтъ! Я все еще далекъ отъ цѣли моей; я только выкупилъ надежду нѣкогда достигнуть ея. Кто знаетъ? можетъ быть, горькая существенность, крайность, невѣжество убьютъ мой подвигъ въ его зародышѣ; можетъ быть, смерть застигнетъ меня прежде, нежели я совершу его...

Здѣсь художникъ глубоко вздохнулъ, и слезы выступили на глазахъ его. Антонъ пожалъ ему руку, по сочувствію одной и той же любви къ прекрасному, хотя и въ разныхъ видахъ, и спѣшилъ облегчить сердце его горячими утѣшеніями, въ которыхъ художникъ такъ нуждался.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РУССКОЕ МОЛОДЕЧЕСТВО

На третій день Аристотель пришелъ къ молодому врачу, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ великому князю.

— Государь въ восхищеніи отъ твоего пріѣзда и горитъ нетерпѣніемъ тебя увидѣть, — сказалъ художникъ. — А чтобы лучше понравиться властителю, который любитъ окружать себя блескомъ созданнаго имъ двора, ты, придворный врачъ его, явись къ нему въ лучшей своей одеждѣ. Коня твоего приказалъ я снарядить; надо сказать тебѣ, что здѣсь стыдно знатнымъ людямъ ходить пѣшкомъ. Поспѣшай. Наши кони помогутъ намъ урвать часокъ у времени, чтобы взглянуть мимоходомъ на преходящій городъ. Такъ называю его, потому что будущая Москва готова встать на пепелищѣ нынѣшней.

Въ нѣсколько минутъ Эренштейнъ кончилъ щегольской уборъ свой, и онъ ужъ на лихомъ конѣ, въ сопутствіи Аристотеля и пристава, также верхами. Какъ хорошъ былъ онъ въ своемъ германскомъ нарядѣ! какъ пріятно отдѣлялся черный бархатъ епанечки,

опушенной мѣхомъ, отъ бѣлизны его лица, и выпадали струи его бѣлокурыхъ волосъ изъ-подъ фіолетоваго бархата берета, осѣненнаго пукомъ волнующихся перьевъ! Скромность его званія и врожденный характеръ не позволяли расточать на одеждѣ золото, которымъ воспитатель щедро одарилъ его, и потому проблескивало оно скупо, но со вкусомъ, только въ пряжкѣ берета, въ аграфѣ епанчи и въ поясѣ, державшемъ у бока его кинжалъ. Чтобы испытать свою лошадь, онъ сдѣлалъ на ней нѣсколько круговъ по двору. Какъ ловко сидѣлъ Антонъ на конѣ, какъ мастерски управлялъ имъ! И немудрено: въ воспитаніи его не было презрѣно ни искусство верховой ѣзды, ни искусство владѣть мечомъ, «потому что — говорилъ его воспитатель — все это необходимо врачу. Тебя зовутъ къ больному, за тобою прислали лошадь, какая попалась: скачи на помощь ближнему въ бурю, въ грозу, ночью, по худымъ дорогамъ. Жизнь твоя въ опасности; оскорбили твою честь, твое человѣческое достоинство: умѣй защитить и то и другое, умыть униженіе въ крови оскорбителя». Изо всего этого можно видѣть, что любая принцесса переименовала бы нашего лекаря въ свои пажи или паладины.

Пусто было на дворѣ боярскомъ, когда они выѣзжали. На этотъ разъ никто изъ челядинцевъ не смѣлъ смотрѣть на басурманина даже сквозь щели забора, потому что онъ всю ночь провозился съ нечистыми. Такъ изъясняли его заботы до пѣтуховъ объ устройствѣ походной его аптеки: онъ не далъ себѣ покоя до тѣхъ поръ, пока не приготовился выполнить свои обязанности тотчасъ же по первому призыву страждущаго. И вотъ какъ невѣжество перетолковало его по-

луночныя заботы! Пустотѣ его жилища, отчужденію отъ него хозяевъ дома, которые рѣшительно отказывались его видѣть, несмотря на привѣтливые его засылы къ нимъ, онъ грустно изумился.

— Ты пріѣхалъ въ страну народа младенца, — говорилъ ему въ утѣшеніе Аристотель, — не удивляйся, если онъ дичится всего новаго для него. Подожди, все передѣлаютъ терпѣніе, время, снисхожденіе, игрушки и лоза наставника-царя, если нужно будетъ, когда слишкомъ разблажится младенецъ. Впрочемъ, узнавши этихъ дикарей по-короче, ты найдешь въ нихъ много прекрасныхъ качествъ, полюбишь ихъ и пріобрѣтешь ихъ любовь. Увидишь, многое еще осталось въ нихъ прекраснаго отъ смѣси коренныхъ нравовъ съ тевтонскими, хотя татарщина заморила въ нихъ также много хорошихъ качествъ.

— Буду еще мечтать о любви ихъ, — сказалъ Эренштейнъ,—пока не совсѣмъ разочаруюсь.

Въ это мгновеніе Аристотель бросилъ быстрый, зоркій взглядъ на теремъ Анастасіи.

— Каково-жъ?—прервалъ онъ усмѣхаясь, — недаромъ молва, что ты чародѣй, обогнала тебя на пути сюда.

— Я не понимаю, что хочешь сказать.

— А вотъ что. Мой стариковскій глазъ поймалъ сейчасъ опытъ твоего чародѣйства. Ты не видалъ, а я видѣлъ очень хорошо, какъ одна изъ нашихъ московскихъ красавицъ, и, конечно, первая изъ нихъ, осмѣлилась взглянуть на тебя съ жаднымъ любопытствомъ изъ окна своего терема. Даромъ, что ей представили тебя уродомъ съ рогами и копытами!

— Гдѣ жъ, гдѣ жъ она?—спросилъ молодой человѣкъ краснѣя.

— Гдѣ она?.. Спроси-ка лучше, гдѣ молнія, когда она ужъ блеснула. Я видѣлъ только огненный взглядъ ея черныхъ итальянскихъ очей, и... боюсь... не было бъ грозы. Такъ скоро забыть страшную заповѣдь отца!.. Долго ль до бѣды?.. Одиночество... прекрасный молодой человѣкъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ... дѣвическое сердце... Охъ, охъ, синьора Анастасія, боюсь за тебя! Нѣтъ, боялся бы, хотѣлъ я сказать, если бы не увѣренъ былъ въ моемъ молодомъ другѣ.

Антонъ пожалъ ему руку, какъ бы въ благодарность за хорошее мнѣніе о немъ, и когда они выѣхали изъ воротъ, новость предметовъ, окружившихъ со всѣхъ сторонъ пріѣзжаго и чужеземца, отвлекла его мысли отъ синьорины Анастасіи. Нечего таить, она дѣлалась для него интересною, какъ таинственная героиня рыцарской повѣсти, скрываемая въ очарованномъ замкѣ.

Выѣхавъ изъ Флоровскихъ воротъ и переѣхавъ одинъ изъ трехъ деревянныхъ мостовъ, перекинутыхъ черезъ ровъ, сопутствующій каменной стѣнѣ отъ Неглиннаго пруда по Москву-рѣку, они очутились на Красной площади. Навѣсъ для пушекъ подъ именемъ пушечнаго двора, ряды балагановъ подъ именемъ лавокъ, которыя можно было снять и опять поставить въ нѣсколько часовъ, какъ лагерь, каменный домъ московскаго головы (Ховрина), множество деревянныхъ церквей, достойныхъ названія часовенъ — вотъ вамъ и площадь, называемая *Красною*. Далѣе все то же, что и прежде видѣлъ путешественникъ въ посадахъ. Но всѣ эти бѣдные храмы пылаютъ, освѣщенные религіознымъ усердіемъ. Въ окнахъ домовъ не проглянетъ

человѣческое лицо, развѣ изрѣдка таинственно зашевелится тонкая занавѣсь и изъ-за нея мелькнетъ атласная ручка или вспыхнетъ чародѣйный глазъ. По улицамъ встрѣчается то рабское униженіе, то грубое нахальство; прохожій или кланяется едва не до земли, или подъ грубую народную поговорку свищетъ вамъ вслѣдъ, такъ что морозъ по кожѣ подираетъ. Чувство одного привито владычествомъ татаръ, другого—воспитано грубостью нравовъ и дикостью природы. Между ними родное молодечество, кровь съ молокомъ, шапка набекрень, кушакомъ туго подпоясанное, готово поднять васъ на зубокъ или на кулакъ. Оно жъ готово отдать душу за крестоваго брата, за красную дѣвицу-полюбовницу, за все родимое — мать, землю, царя и вѣру. Эти оттѣнки русской народности или чужеземнаго вліянія старался Аристотель объяснить своему товарищу. Иностранцы—татары, жиды, итальянцы—попадались имъ нерѣдко навстрѣчу—цементъ, которымъ Іоаннъ сплачивалъ безъ разбора свое зданіе.

— Ты видишь до сихъ поръ домишки и часовни,— сказалъ Аристотель, стыдясь за смиренную наружность русской столицы, какъ бы за свой родной городъ,—ты увидишь и скромный дворецъ великаго князя и спросишь меня: «гдѣ жъ, наконецъ, Москва?» На это отвѣчу тебѣ: Москва, блестящая столица Іоанна, вся въ сердцѣ, въ думѣ его; а что онъ только задумаетъ, то должно исполниться, какъ мысль судьбы. Еще прибавлю: Москва въ художникахъ, которыхъ ты привезъ съ собою и пріѣхавшихъ до тебя. Не пройдетъ десяти лѣтъ, какъ она осуществится, и ты изумишься ея превращенію. Видишь, сколько иностранцевъ встрѣчается намъ: это все матеріалы для будущаго величія

и красоты Москвы. Посмотри, сколько разрушено домовъ и церквей за оградой кремлевской, и помысли, какую сильную, непобѣдимую волю долженъ имѣть правитель народа, который осмѣлился наложить молоты разрушенія на эту давность и святыню! За-то сколько ропоту произвело это обновленіе!.. Невѣжественная чернь не смотритъ на будущую пользу: обезпокоил только ея настоящее для собственнаго ея блага, — и она негодуетъ. Разскажу тебѣ, что предположено сдѣлать по моему очерку. Вотъ, подлѣ твоей квартиры, воздвигнутъ ворота Флора и Лавра, и надъ нимъ будетъ возвышаться прекрасная стрѣльница. Отъ нихъ потянется красивая стѣна: она опояшетъ всю сердину города и украсится множествомъ красивыхъ башенъ. Каменный домъ твоего хозяина и вотъ этотъ, головь московскаго, только первенцы большого семейства, которое не замедлитъ появиться въ свѣтъ. Зодчимъ, пріѣхавшимъ съ тобой, поручено воздвигнуть великолѣпный палластъ для пріема пословъ и дворецъ для великаго князя. Прибавь къ этому множество каменныхъ, великолѣпныхъ церквей, и соборный храмъ Успенія Богоматери, мнѣ порученный. Видишь огромные матеріалы, которые стѣснили Кремль и налегли на сердце его, и расчисли, что можно изъ нихъ сотворить: это половина только того, что готовлю для храма. Изъ этихъ грудъ геній Италіи долженъ поставить вѣчный памятникъ себѣ или торжеству надъ собой вещественности. Горе мнѣ, если побѣда будетъ за ней!

— Отдали отъ себя печальную мысль. Пусть надежда не гаснетъ въ душѣ твоей и освѣщаетъ для тебя въ будущемъ твое созданіе.

— Такъ прочь печальныя мысль!.. Видишь, вотъ эти сотни домишекъ, эти десятки церквей сломаются по одному слову Іоанна... Ахъ, другъ мой, это будетъ храмъ, настоящій храмъ Богоматери! Вступая въ него, потомки произнесутъ съ уваженіемъ имя Фіоравенти-Аристотеля... Да, Антоніо, я не умру въ немъ.

— Кто такъ пламенно говоритъ о будущности, презирая мірскія почести и корысть, конечно, произведетъ достойное безсмертія,—отвѣчалъ Антонъ съ восторгомъ.

Долго еще говорили они о построеніи храма, о прекрасномъ мѣстѣ, съ котораго онъ будетъ господствовать надъ всѣмъ городомъ, и въ такой бесѣдѣ подъѣхали на высоту у *Спаса на бору*, откуда можно было видѣть всю Занеглинную. Здѣсь взоръ молодого человѣка приковался къ двумъ точкамъ, которыя двигались съ двухъ противныхъ береговъ Неглиннаго пруда. Едва успѣлъ онъ различить, что это были два мальчика. Они столкнулись на срединѣ замерзшаго пруда и завязали рукопашный бой. Въ нѣсколько мгновеній на обоихъ берегахъ протянулись двѣ линіи.

— А! будетъ потѣха!—воскликнулъ Аристотель,—кстати увидишь образчикъ русскаго молодечества.

— Что это такое?—спросилъ Эренштейнъ.

— Борьба партій, — отвѣчалъ художникъ улыбаясь,—наши Гвельфы и Гибелины. Видишь, два мальчика завязали бой. Но эти искры брошены могучею рукою, и какъ скоро сшибились, ждать большого пожара. Подъѣдемъ ближе къ мѣсту дѣйствія.

И они поспѣшили на берегъ пруда, къ сторонѣ кремлевской.

Обѣ линіи, составленныя изъ дѣтей, сошлись стѣна на стѣну, съ ужаснымъ крикомъ, и смѣшались въ рукопашномъ бою. Пароль однихъ былъ: *занеглинные*, другихъ *городскіе*. Вслѣдъ за ними росли и росли новыя линіи, одна выше, сильнѣе другой, и наконецъ явились избранные бойцы. Все схватилось. Бились толпами, рядами, въ одиночку. Схватка была горячая, «какой давно не запомнятъ», говорили старики. Зрители, большею частью люди зрѣлыхъ и преклонныхъ лѣтъ, составили черное кольцо по берегамъ пруда. Изъ среды ихъ раздавались похвалы побѣдителямъ или нареканія побѣжденнымъ: одни стоили вѣнка лавроваго, другіе бича. Слышалось безпрестанно: «наша взяла! молодцы!» или «трусы! вороны! блинники!» Только тяжко ушибенные, выбившіеся изъ силъ, или младшіе, уступая мѣсто старшимъ и сильнѣйшимъ, выбывали изъ числа сражающихся. Видѣли изувѣченныхъ, но не слыхали ни одного стона. Даже родные, принимая ихъ изъ побоища, не жаловались, не показывали сильной горести. Бранили только трусовъ или хвалили удальцовъ. Оправившіеся отъ ушиба становились въ ряды зрителей и, вмѣстѣ съ ними, спѣшили принять живое участіе въ партіи своей возгласами хвалы или пристыженія.

Молодой врачъ предложилъ, черезъ Аристотеля, услуги свои увѣченнымъ. Вмѣсто отвѣта, отцы со страхомъ заслоняли отъ него дѣтей своихъ и начисто отказывались отъ этой помощи. Легче было видѣть ихъ уродами! Ужъ, конечно, пришедши домой, пускали четверговую соль и уголья на воду и спрыскивали ею свое дѣтище, на котораго поглядѣлъ недобрый глазъ басурмана.

Наконецъ толпы бойцовъ стали рѣдѣть, голоса утомляться. Но еще трудно было рѣшить, чья сторона взяла. Вдругъ съ береговъ пруда поднялись единодушные крики: «Мамонъ! Симской-Хабаръ!» И толпы, какъ бы обвороженныя, опустили руки и раздвинулись. Воцарилось глубокое, мертвое молчаніе.

— Какіе молодцы! — сказалъ Антонъ. — Если не ошибаюсь, лицо одного мнѣ знакомо.

— Немудрено: это сынъ твоего хозяина. Онъ прозванъ отъ народа *Хабаромъ*, что значитъ *выигрышъ, прибыль*. Едва ли былъ случай, чтобы сторона его проиграла на кулачномъ побоищѣ, почему онъ и заслужилъ это прозваніе. Нынѣ сыскали ему новаго противника и, повидимому, опаснаго. Посмотри, какой могучій, ловкій атлетъ! Отцы ихъ враждуютъ, сыновья теперь соперники; но здѣсь, на чертѣ, гдѣ они сходятся для единоборства, должны они сбросить всякую вражду, всякое непріязненное чувство другъ къ другу. Еще объясню тебѣ: цѣлью ударовъ ихъ должны быть части тѣла отъ шеи до пояса. Горе тому, чья рука посягнетъ на лицо противника! Это своего рода рыцарское игрище; благородство и здѣсь девизомъ сражающихся.

Въ самомъ дѣлѣ, лишь только выборные люди отмѣрили заповѣданный кругъ, за который бойцы не смѣли переступить, соперники скинули шапки и низенько поклонились на четыре стороны. Мамонъ увидѣлъ среди тысячей пылающій взоръ отца, и ничего болѣе, услышалъ съ неглинной стороны громкіе, хвастливые возгласы друзей. Симской-Хабаръ увидѣлъ спокойный, одобрительный взглядъ отца; городская сторона молчала, какъ стѣна каменная. Сынъ Образца

взглянулъ на гору кремлевскую, къ Спасу-на-бору... тамъ, въ высокомъ теремѣ, было открыто окно и въ немъ развѣвалось пунцовое покрывало. Онъ зналъ, чья рука выставила этотъ стягъ, и радостно подошелъ къ своему сопернику.

Сошлись оба молодца и поцѣловались. Роковая тишина!.. тысячи боятся дохнуть, боятся хоть на мигъ отвесть глаза отъ зрѣлища. Вотъ соперники помѣрялись взглядами... изготовились. Улыбка самонадѣянности блеснула на губахъ Хабара, легкое содроганіе пробѣжало по губамъ Мамона.

— Бѣдный Мамонъ! прозакладую сто противъ одного, что сынъ Образца побѣдитъ, — сказалъ Эренштейнъ, разгараясь болѣе и болѣе.—Каждое движеніе его есть твердый щитъ и ловкій мечъ. О, когда бы мнѣ можно было перекрестить острую сталь съ этимъ искуснымъ бойцомъ!

— Полегче, молодой врачъ! — отвѣчалъ Аристотель. — Кровь твоя говоритъ напрасно. Ты забылъ, что тебѣ суждено заживлять раны, а не дѣлать ихъ. Для успокоенія твоего прибавлю: здѣсь бой орудіями позволенъ только въ судныхъ дѣлахъ.

Громкій смѣхъ народа прервалъ это объясненіе: онъ сопровождалъ паденіе Мамонова сына, потерявшаго равновѣсіе въ тотъ мигъ, какъ занесъ сильный ударъ на своего противника, который умѣлъ мастерски его избѣгнуть. Недолго думалъ Симской: онъ подалъ руку побѣжденному и поднялъ его. Угрюмо, со стыдомъ, всталъ молодой Мамонъ и не поблагодарилъ даже великодушнаго соперника. Въ этомъ случаѣ онъ былъ достойный сынъ своего отца. Но народъ не потерпѣлъ этой неблагодарности. Со всѣхъ сторонъ разда-

лись неугомонные крики: «нечестно! поклонись! голова не свалится! поклонись!» И молодой Мамонъ вынужденъ былъ преклонить голову. Потомъ новый бой. Взоры каждаго бойца стали на стражѣ души; они слѣдятъ въ другомъ малѣйшее помышленіе, малѣйшій оттѣнокъ золи. Едва замѣтное движеніе руки, наклоненіе на волосъ плеча, груди, колѣна—есть торжество или опасность; мысль въ одинъ мигъ угадываетъ обманъ или намѣреніе, разсчитываетъ послѣдствія, пользуется, отражаетъ и сама готовитъ нападеніе. Пропусти этотъ мигъ, и торжество на сторонѣ противника. Послышался глухой ударъ — онъ отозвался въ сердцѣ зрителей — и молодой Мамонъ палъ, какъ подрубленное съ корня дерево. Кровь хлынула у него изо рта. Радостные крики раздались со стороны городскихъ; шумъ мельничныхъ колесъ, казалось, торжественно вторилъ имъ. Побѣдителя осадили привѣтствія; побѣжденнаго окружили родные и друзья и отнесли полумертваго домой.

Аристотель подъѣхалъ къ воеводѣ Образцу.

— Что сдѣлалъ бы ты, — спросилъ онъ его, — когда-бъ твой сынъ не поднялъ противника?

— Что? отрекся бы отъ него, — отвѣчалъ воевода, и увидавъ своего постояльца, къ нимъ подъѣхавшаго, спѣшилъ повернуть коня и удалиться.

— Чудный человѣкъ твой хозяинъ, — сказалъ Аристотель своему спутнику, — боится діавола, какъ дитя, напуганное сказками своей няньки, ненавидитъ иновѣрцевъ и считаетъ ихъ хуже всякаго нечистаго животнаго, изъ непріятеля на полѣ битвы готовъ сдѣлать чучелу, и между тѣмъ — чести, благородства необыкновеннаго! Своими руками убьетъ воина, который

оберетъ плѣнника, и готовъ сына убить, если-бъ онъ посягнулъ на дѣло, по его понятіямъ, низкое.

— Видно, мнѣ суждено узнать его достоинства черезъ другихъ, — сказалъ лекарь съ нѣкоторою досадой. — Хоть бы ты, почтеннѣйшій другъ, постарался свести меня съ нимъ.

— Время и время, и терпѣніе, — отвѣчалъ художникъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИСПЫТАНІЕ

Они вошли въ хоромины великокняжескія. Въ это время дворецкій съ низкими поклонами провожалъ жида, вышедшаго изъ внутреннихъ покоевъ. Нѣсколько дворчанъ встрѣтило художника и лекаря.

— Ты, вѣрно, пожелаешь узнать короче лица, окружающія великаго князя, — сказалъ Аристотель своему молодому товарищу. — По мѣрѣ ихъ появленія и по степени ихъ занимательности буду удовлетворять твое любопытство. Вотъ этотъ, что провожаетъ жида...

— Русскіе чуждаются и христіанъ, не-единовѣрцевъ, а государь ихъ сообщается съ жидами. — перебилъ Антонъ. — Вотъ каково!

— Для него всякое орудіе пригодно, лишь бы ему служило, — отвѣчалъ художникъ. — А этотъ жидокъ— повѣренный знаменитаго кафскаго еврея, Хози Кокоса, который доставилъ Іоанну дружбу крымскаго хана, а черезъ нее, ни болѣе, ни менѣе, спокойствіе Руси. Итакъ, худенькій, низенькій старичекъ, который его провожаетъ, синьоръ кастелянъ великаго князя, Русалка. Хитрецъ, какихъ мало! Нужно ли властителю

достигнуть нечистымъ путемъ цѣли, полезной для него и для государства, — онъ дѣлаетъ мостъ изъ своего кастеляна, и по немъ, не замаравъ даже ноги, достигаетъ, что ему нужно. Между тѣмъ самъ Русалка въ грязи отъ пятъ до головы. Еще недавно состряпалъ онъ мастерское дѣло: самую смерть остановилъ на нѣсколько часовъ у одра верейскаго князя, для того, чтобы онъ успѣлъ сдѣлать завѣщаніе въ пользу Іоанна. А это завѣщаніе — бездѣлица! — даритъ великому князю города: Ярославецъ, Бѣло-озеро, Верею, которые между владѣніями его были, словно бѣльмо на глазу. Не спрашивай, какимъ орудіемъ сдѣлана операція: довольно, что съ Руси снято бѣльмо. Этотъ — бояринъ Мамонъ. Ты ужъ его видѣлъ. Удачнѣе не могли дать ему названія. Берегись этого змѣя, — сказалъ бы я, — если-бъ онъ любилъ скрываться за розовыми кустами. Малютка подлѣ него — дьякъ Бородатый, историкъ походовъ великаго князя. На письмѣ такъ-же кудреватъ, какъ завитки его головы, говоритъ такъ же протяжно, какъ длинна его борода. Сердце голубиное, или, лучше сказать, печеное яблоко! На-дняхъ сынъ твоего хозяина сыгралъ съ нимъ дурную шутку. Вмѣсто того, чтобы выпроводить его по-добру, по-здорову изъ виноградниковъ господнихъ, въ которыхъ уложилъ его Образецъ у себя дома, Хабаръ спеленалъ его и сдѣлалъ изъ него потѣху для народа. Великій князь горячо вступился было за своего дьяка; но для этого спокойствіе, пища и питье, не отравленныя житейскою горечью, такъ дороги, что онъ рѣшился, во что-бъ ни стало, кончить дѣло мировою. Думалъ недолго добрякъ, и поднесъ великому князю описаніе чудныхъ похожденій бородатаго дитяти. Іоаннъ разсмѣялся, и, по

просьбѣ малютки, увѣрившаго, что его не оскорбили, а только посмѣялись надъ нимъ, простилъ сына Образца. Этотъ поступокъ тронулъ Симскаго. Онъ самъ явился къ оскорбленному съ повинною головой. Жаль, здѣсь нѣтъ Курицына: онъ жаждетъ съ тобою сблизиться. Это правая рука Іоанна; дипломатъ умный и благородный. Изслѣдованію высокихъ истинъ и міровыхъ тайнъ посвятилъ онъ немногіе часы, остающіеся у него отъ дѣлъ государственныхъ. Но — синьоръ кастелянъ выходитъ опять къ намъ изъ внутреннихъ комнатъ, вѣроятно, чтобы позвать насъ къ великому князю.

Въ самомъ дѣлѣ, Русалка пришелъ объявить имъ, что господинъ великій князь Иванъ Васильевичъ приказалъ имъ видѣть свои царскія очи, что и спѣшили они исполнить.

Они очутились въ небольшой комнатѣ Иванъ Васильевичъ, облаченный въ блестящую одежду, сидѣлъ на креслѣ изъ слоновой кости, въ которой искусная, тонкая чекань греческой работы представила разные случаи изъ священной и свѣтской исторіи. До него надо было взойти тремя ступенями, устланными *червчатою* камкой. По бокамъ стояли два боярина, и возлѣ одного скамейка, а на ней серебряный умывальникъ, блюдо и тонкое полотенце, кокетливо убранное кружевами. Надъ кресломъ висѣлъ портретъ женщины, очень пригожей. Это изображеніе, или, какъ называли предки наши, «*царевна, на иконѣ писанная*», было прислано въ Москву папою Павломъ II тогда, какъ шло сватовство великаго князя за дочь Палеолога. По двумъ стѣнамъ держались ставцы изъ дуба, *на вырѣзъ изъ злата*, въ которыхъ за стеклами стояла се-

ребряная *суда*, назначенная, казалось, для употребленія исполиновъ. Прибавьте къ этому двѣ кафельныя печи съ лежанками, разубранныя цвѣтами и грифами—вещь драгоцѣнная въ тогдашнее время. На столикѣ, въ простѣнкѣ между двумя окнами, сидѣлъ зеленый попугай въ своемъ красивомъ заточеніи, грустно повѣся носъ.

Когда Аристотель, служившій на этотъ разъ переводчикомъ, представилъ лекаря, Иванъ Васильевичъ зорко посмотрѣлъ на пріѣзжаго, немного привсталъ съ кресла и протянулъ ему руку, которую этотъ поцѣловалъ, ставъ на одно колѣно. Великому князю, тотчасъ послѣ осквернения его руки нечистыми устами, поднесли умывальникъ и блюдо, но онъ слегка кивнулъ боярину, исполнявшему эту обязанность, давая ему знать, что она не нужна.

— О, да какой молодой! — сказалъ онъ Аристотелю, — у него и бороды нѣтъ.

— Умомъ своимъ и наукою перегналъ онъ лѣта,— отвѣчалъ художникъ.

— Правда, у васъ, въ теплыхъ краяхъ, и люди спѣютъ раньше нашего. Вотъ, пріѣзжалъ ко мнѣ посолъ отъ краля римскаго, лицарь Николай Поплевъ, еще не моложе ль этого.

Потомъ разспрашивалъ онъ врача, доволенъ ли отпускаемыми припасами, не нужно ли ему чего, и когда Антонъ успокоилъ его на счетъ свой, завелъ съ нимъ бесѣду о состояніи Италіи, о папѣ, о политическихъ отношеніяхъ тамошнихъ государствъ и мнѣніи, какое въ нихъ имѣютъ о Руси. Умные вопросы свои и нерѣдко умныя возраженія облекалъ онъ въ грубыя формы своего нрава, времени и мѣстности. Довольный

отвѣтами Эренштейна, онъ не разъ повторялъ Аристотелю съ видимымъ удовольствіемъ:

— Правда твоя, изъ молодыхъ, да ранній!

Наконецъ обратилъ рѣчь на способы леченія Антономъ.

— Почемъ же узнать, какой у человѣка недугъ?— спросилъ онъ, обратясь къ лекарю.

— По тому, какъ даетъ о себѣ знать кровь въ рукѣ и каковъ языкъ, — отвѣчалъ Эренштейнъ.

— А вотъ мы сейчасъ попытаемъ,—сказалъ Иванъ Васильевичъ, и вслѣдъ за тѣмъ приказалъ, чтобы всѣ дворскіе люди поспѣшили въ гридню.

Прибѣжали всѣ одинъ за другимъ, блѣдные, дрожащіе, ожидая чего-то страшнаго отъ такого внезапнаго распоряженія. Имъ велѣно стать въ одинъ рядъ, открыть рты и протянуть руки. И тутъ соблюденъ былъ порядокъ мѣстничества, который былъ недавно введенъ и строго поддерживался. При этомъ инспекторскомъ смотрѣ надо было видѣть страхъ, написанный на ихъ длинныхъ лицахъ. Не менѣе перепугались бы они, если бъ имъ собирались дѣлать операцію. Однакожъ нельзя было удержаться отъ смѣха, смотря на коллекцію гримасъ, когда бѣдные паціенты высунули языки и протянули руки. Одинъ плачевно выпускалъ языкъ, какъ теленокъ, котораго готовятъ на закланіе; у другого дрожалъ онъ, будто жало у змѣи; третій открывалъ ротъ, какъ тощая кляча, которая зѣваетъ. Самъ врачъ невольно усмѣхнулся. Когда жъ несчастнымъ объявили, что будутъ свидѣтельствовать состояніе ихъ здоровья, многихъ, отъ мысли быть очарованными нѣмецкимъ кудесникомъ, бросило въ лихорадку; съ иными, послабѣе, едва не сдѣлалась другая болѣзнь. Мысленно прочли они

всѣ молитвы, которыя только знали; нѣкоторыхъ, несмотря, что взоръ Іоанна ударялъ въ нихъ своимъ грознымъ электричествомъ, отчаяніе заставило произнести вслухъ: «Господи, помилуй, отпусти раба твоего съ миромъ». Каждаго освидѣтельствовалъ Антонъ, каждому, съ помощію Аристотеля, сдѣлалъ вопросы, узаконенные наукой, и разрѣшилъ узы каждому, сказавъ, что онъ здоровъ и не требуетъ никакого лекарства. Соловей пересталъ пѣть, а они все еще слушали, то есть лекарь пересталъ ихъ свидѣтельствовать, а паціенты все еще высовывали языкъ и грозились кулакомъ. Властитель долженъ былъ приказать, чтобъ и тотъ и другой вошли въ обыкновенное свое положеніе. Сколько окропленій святою водой, сколько заклинаній ожидало ихъ дома! Страхъ долго держалъ этихъ многотерпцевъ въ когтяхъ своихъ, но сильнѣе всѣхъ навелъ онъ тревогу на Бородатаго и — кто бы подумалъ? — на Мамона. И вотъ какъ Антонъ захотѣлъ пошутить надъ ними, а болѣе надъ послѣднимъ, къ которому чувствовалъ отвращеніе.

— У одного совсѣмъ нѣтъ желчи,—сказалъ онъ,— у другого слишкомъ много. Современемъ это излишество и этотъ недостатокъ могутъ причинить имъ важную болѣзнь.

— А помочь можно этому? — спросилъ Иванъ Васильевичъ

— Да, государь, переведя кровь одного въ жилы другого,—отвѣчалъ Антонъ.

У Мамона губы поблѣднѣли и затряслись; борода крошечнаго дьяка запрыгала.

— Не шути съ властителемъ, — сказалъ Аристотель своему молодому другу. — Мудрено ль, что онъ

захочетъ испытать это ужасное средство надъ своими боярами!

— Впрочемъ, — продолжалъ врачъ, — способъ, о которомъ я упомянулъ, требуетъ большой осторожности и потому опасенъ. Въ послѣднюю свою болѣзнь папа Иннокентій VIII хотѣлъ прибѣгнуть къ нему. Сдѣлали сначала опытъ надъ тремя десятилѣтними мальчиками; но какъ опытъ не совсѣмъ удался, и дѣти умерли, то и святой отецъ не соизволилъ подвергнуться ему. Остается многожелчному быть какъ можно смирнѣе и уступчивѣй, а тому, у кого недостаетъ желчи, болѣе приводить кровь свою въ движеніе.

Знаніями и объясненіями врача остался великій князь очень доволенъ, почему и отдалъ Мамону приказъ, чтобы всѣ жители Москвы, въ случаѣ какихъ-либо недуговъ, немедленно являлись къ дворскому лекарю, или посылали за нимъ, показывали ему тотчасъ языкъ и подавали руку. Для ослушниковъ прибавлена оговорка.

— Къ дѣлу, у меня свой больной, — сказалъ Иванъ Васильевичъ, — не вылечишь ли его?

Онъ всталъ съ своего кресла и подошелъ къ попугаю. Придворный крылатый льстецъ былъ въ самомъ дѣлѣ боленъ; у него сѣлъ типунъ на языкѣ. На него указалъ Иванъ Васильевичъ лекарю, прибавивъ, что Ѳоминишна очень любитъ его.

Антонъ покраснѣлъ и колебался было, исполнять ли ему прихотливую волю великаго князя; но убѣжденный взоромъ Аристотеля и мыслью, что женщинѣ, слабому, нѣжному созданію, дорогъ ея любимецъ, отвѣчалъ:

— И этому надо посмотрѣть языкъ.

— Съ Новгородомъ и Ордою сладили,—сказалъ великій князь,—а тутъ не взыщи, не велика птичка, да не заставишь сдѣлать, чего не захочетъ. Развѣ послушается княгиню, которую очень любитъ.

— Любовь всегда сильнѣе власти,—отвѣчалъ Антонъ, увлеченный благородствомъ своего характера и хотѣвшій начать роль друга человѣчества и совѣтника царя, которую мечты начертали ему въ такомъ блистательномъ видѣ.

Можно было подумать, судя по крутому нраву Іоанна, что художникъ не переведетъ сентенціи неосторожнаго молодого человѣка, напротивъ, онъ исправно передалъ ее властителю. Аристотель въ этомъ случаѣ зналъ великаго князя, какъ знало его потомство, упрекавшее Василія Іоанновича въ томъ, что онъ не похожъ на своего отца, который *«противъ себя встрѣчу любилъ и жаловалъ говорившихъ противъ него»*. Надо прибавить, онъ любилъ встрѣчу противъ себя въ рѣчахъ, а не въ дѣйствіяхъ.

— Полно, такъ ли, молодецъ?—возразилъ великій князь усмѣхаясь.—Посмотри-ка, хоть попугай и посмышленнѣе другихъ птицъ, да и тотъ въ клѣткѣ, знать потому, что не совсѣмъ смышленъ. Вѣдь вы жъ, нѣмцы, его заперли. По-моему хороша любовь и ласка тамъ, гдѣ всѣ дѣти одной семьи нераздѣльной, устроенной, такъ разумны, что понимаютъ волю отца—онъ-де хочетъ отъ насъ смиренія и порядка для нашего же добра. А что скажешь, голубчикъ, коли въ отлучку хозяина блудныя дѣтки разбрелись изъ дому отцовскаго, самовольно каждый отгородилъ себѣ часть изъ общаго наслѣдія, мать и знать не хотятъ, да еще буйствуютъ противъ той, которая ихъ воспоила и воскормила. Въ

домѣ у отца пожаръ—ни одинъ нейдетъ заливать; разбойники пришли грабить его—дѣтки жъ смѣются. Кончилось тѣмъ, что плохой ихъ не обижалъ. Пришелъ отецъ: чѣмъ же ихъ унялъ, соединилъ и привелъ въ порядокъ? Лаской что ль?.. мать это ужъ пытала.

— Нѣтъ, умною властью, силою духа. Но когда отецъ привелъ дѣтей въ послушаніе и они почувствовали свою вину, тогда не любовь ли умиритъ всѣ стороны?

— Статься можетъ, только мы до этого не дошли, да и не скоро дойдемъ. Не правда ли, Аристотель? ты лучше нашихъ знаешь.

Аристотель подтвердилъ слова великаго князя, радуясь за умные его отвѣты, какъ наставникъ, что воспитанникъ его выпутался благополучно изъ трудностей экзамена. Какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, властитель схватилъ попугая за голову, мастерски придержалъ ее, и птица покорилась магически грозному взору его. Типунъ былъ счастливо снятъ врачомъ.

Леченіемъ попугая и свидѣтельствомъ дворскихъ людей не кончилось испытаніе лекаря. Великій князь приказалъ ему съ Аристотелемъ обождать въ средней избѣ. Не прошло получаса, какъ онъ вышелъ къ нимъ въ шубѣ и въ шапкѣ и далъ знать посохомъ, чтобы они слѣдовали за нимъ.

У Краснаго крыльца стоялъ *тапканъ* (крытая зимняя повозка), запряженный въ два *санника* (такъ назывались лошади въ зимней упряжи). Шлеи на лошадяхъ были изъ бархата, кольца и *пупыты* на шлеяхъ и на уздахъ золоченыя: все это выписанное изъ Литвы. Лошадьми управлялъ *возница*, сидя на одной изъ нихъ.

Когда усадили Ивана Васильевича въ *тапканъ*, который можно было познать за великокняжескій по двуглавому орлу, прибитому къ передку, нѣсколько боярскихъ дѣтей поѣхало верхомъ впередъ, съ возгласомъ: *пади! пади!* До шести боярскихъ дѣтей шло у боковъ оберегая ежеминутно экипажъ отъ малѣйшаго наклоненія и поддерживая его на себѣ при спускахъ, очень опасныхъ, потому что лошади запряжены были въ одни гужи, безъ дышла (замѣтьте, дышло у нашихъ, предковъ была вещь проклятая). Нѣсколько бояръ ѣхало сзади верхами, между ними художникъ и лекарь. Ѣхали шагомъ. Лишь только слышался громкій возгласъ: *пади!* — все, что шло по улицѣ, въ тотъ же мигъ скидало шапки и падало на земь.

— Этотъ раболѣпный обычай—сказалъ Аристотель своему молодому товарищу — перешелъ сюда со многими подобными отъ татаръ. Владычество ихъ въѣлось ржавчиной въ нравы здѣшніе, и долго русскимъ не стереть ея. Такъ побѣжденные невольно принимаютъ и характеръ своихъ побѣдителей, несмотря на ненависть къ нимъ!

— Счастливъ побѣжденный, — отвѣчалъ Эренштейнъ,—если его новый господинъ стоитъ на высшей степени образованія, нежели онъ самъ; горе ему, если онъ попадетъ подъ власть татарина! Сила чего не дѣлаетъ!

— Къ сожалѣнію, надо замѣтить, что и самое добро, самое просвѣщеніе не иначе можно ввести въ необразованныя массы, какъ силою умной, непреклонной воли. Для этой-то массы необходимъ человѣкъ-властитель, подобный тому, что ѣдетъ теперь передъ нами. Совѣтую и тебѣ, мой другъ, дѣйствовать для блага

здѣшняго человѣчества не иначе, какъ черезъ этотъ мотучій проводникъ.

— Да! ты и я прекрасно начали свои подвиги,— прервалъ Антонъ иронически. — Ты, собираясь на созданіе храма Божьей Матери, обжигаешь кирпичи и растворяешь известь, а я хоть не одѣленъ, подобно тебѣ, дарами небесными, но, пріѣхавъ сюда изъ такой дали, чтобы положить нѣсколько лептъ въ сокровищницу наукъ, я—лечу языки у попугаевъ и дѣлаю шуговскій смотръ языкамъ придворныхъ рабовъ. Начало не обѣщаетъ многого.

— Антоніо! Антоніо! ты ли это говоришь?.. Только два дня здѣсь, еще не у дѣла, а ужъ молодая кровь твоя бунтуетъ противъ разума, малѣйшія непріятности кидаютъ тебя далеко отъ прекрасной цѣли. Такъ ли идутъ въ битву для полученія вѣнца побѣднаго? Что сказалъ бы ты, бывши на моемъ мѣстѣ?.. Неужели я ошибся въ тебѣ?.. Какъ бы то ни было, не узнаю твердой души, которая, по словамъ твоимъ, готова идти въ схватку съ самою жестокою судьбою!..

— Винюсь, мой почтеннѣйшій другъ, винюсь: разсудокъ мой требуетъ еще опоры, воспитаніе мое не окончено. О, будь же моимъ руководителемъ, моимъ наставникомъ! Прости мнѣ безразсудныя слова мои, и припиши ихъ новымъ впечатлѣніямъ этихъ двухъ дней. Казнь литвянъ, ненависть ко мнѣ безъ причины моего хозяина, отчужденіе отъ меня почти всѣхъ московитовъ,—между тѣмъ какъ я заранѣе такъ горячо любилъ ихъ,—попугай, придворные, раболѣпство... все это вскружило мнѣ голову.

— Я предупреждалъ тебя, что ты попалъ среди народа-младенца, что ты находишься при вождѣ этого

народа, великомъ по многимъ отношеніямъ, но все-таки принадлежащемъ своей странѣ и эпохѣ. Вотъ и теперь — напередъ скажу тебѣ—мы подъѣзжаемъ къ тюрьмѣ. Увѣренъ, что онъ хочетъ показать тебѣ своихъ знаменитыхъ плѣнниковъ. На этотъ разъ извини въ немъ слабость владыки, который хочетъ похвалиться, какъ онъ умѣлъ силою своего духа и ума оковать ужасныхъ враговъ, державшихъ такъ долго Русь въ неволѣ и страхѣ. Это Геркулесъ, но Геркулесъ-младенецъ. Онъ радуется, что въ своей колыбели задушилъ змѣй, и любитъ показывать ихъ, мертвыхъ или умирающихъ! Еще прибавлю: помни время, въ которое мы живемъ, страну, гдѣ мы находимся... помни главу нашей церкви, Павла II, который самъ присутствовалъ на пыткахъ, самого Сикста IV, Стефана молдавскаго, названнаго сына его, который дѣлаетъ чучелы изъ своихъ плѣнниковъ, Галлеаца Сфорца... не скажу болѣе. Довольно и этихъ примѣровъ, чтобъ смирить твое негодованіе при зрѣлищѣ, ожидающемъ тебя.

Едва Аристотель успѣлъ сказать это, *каптанъ* въѣхалъ на *казенный дворъ*. Ощетинившись своими иглами, рогатки въ разныхъ мѣстахъ обезпечивали охраненіе этого мѣста. Боярскія дѣти летомъ съ коней, и крѣпость мигомъ разорвана. У крыльца *черной избы* подняли великаго князя изъ каптана. Стража засуетилась. Она состояла изъ боярскихъ дѣтей, *цѣловавшихъ крестъ* на вѣрное исполненіе своихъ обязанностей. Увидѣвъ великаго князя, они схватились за свои сѣкиры, стали по мѣстамъ и, скинувъ шапки, низко поклонились. Въ сѣняхъ все разомъ окинулъ зоркій взглядъ его. Далѣе, когда онъ вступилъ въ узенькіе переходы, глаза его заблистали дикою радостью: такъ хозяинъ знаменитаго

звѣринца собирается показать достойнымъ посѣтителямъ сильныхъ звѣрей, которыхъ онъ поймалъ и держитъ въ клѣткахъ Въ самомъ дѣлѣ, чуланы, гдѣ содержались плѣнники. походили на нечистыя клѣтки.

— Аристотель,—сказалъ великій князь,—растолкуй нашему дворскому лекарю, кто сидитъ въ этихъ клевушахъ, да вели попытать ихъ, долго ли проживутъ. Татаръ, смекаешь ты, надо мнѣ на всякій случай поберечь для переду: придется, можетъ быть, и пугнуть ими. А бабу-то, вѣдаешь, хоть бы нын[illegible] горту баранъ!..

Это откровенное объясненіе, искусно переданное врачу, дало его сердцу случай начать подвиги добра, на которые онъ собирался, ѣхавъ въ Москву. Въ первомъ отдѣленіи нашли они цѣлое семейство татаръ. Мужчины и женщины—мать и сынъ, мужъ и жены, братья и сестры — всѣ валялись кое-какъ, кто на лавкахъ, кто на полу. Нечистота и духота были нестерпимыя. Блѣдныя, истомленныя лица, униженный видъ, говорили живѣе словъ о несчастномъ ихъ положеніи.

— Повѣришь ли,—сказалъ Аристотель,—что этотъ худой, съ шафранными глазами, вотъ что привсталъ передъ великимъ княземъ, царь казанскій, Алегамъ? Царство его еще недавно было страшно для русскихъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ полководецъ московскій взялъ его въ плѣнъ и посадилъ на его мѣсто другого царя. Полюбуйся здѣсь превратностями судьбы человѣческой. Недавно повелѣвалъ съ своего престола сильному народу, теперь едва имѣетъ мѣсто, гдѣ преклонить голову. Къ предкамъ этихъ татаръ князья рус-

скіе ходили на поклоненіе, у нихъ испрашивали позволенія царствовать, у нихъ держали стремя, имъ платили дань, а нынѣ... О, конечно, сюда должны бы цари приходить учиться смиренію! Но — таково ослѣпленіе человѣка — ты видишь, съ какимъ торжествомъ смотритъ великій князь на своего плѣнника. О свободѣ его нельзя и не должно думать. Просьбы шабайскихъ и нагайскихъ князей, его родственниковъ, не имѣли никакого успѣха. Были объ этомъ частые переговоры съ Іоанномъ, при которыхъ посылали другъ другу *тяжелые поклоны* съ *легкими дарами;* но и отъ сношеній этихъ остался въ выигрышѣ одинъ Іоаннъ. Онъ вывѣдалъ безсиліе татарскихъ князей и, можетъ быть, нашелъ между ними жъ врага противъ нихъ же. Не знаю властителя, который бы лучше умѣлъ пользоваться обстоятельствами. Я сказалъ, что о свободѣ Алегама не должно и думать, но послѣ намека самого Іоанна можно постараться улучшить его положеніе.

Сообразуясь съ этимъ намекомъ, молодой врачъ сказалъ:

— Если великій князь желаетъ, чтобы его вѣнценосный плѣнникъ жилъ, онъ долженъ перемѣстить его съ семействомъ въ лучшее, болѣе просторное жилье и дать ему чаще дышать чистымъ воздухомъ. Безъ того не ручаюсь даже за нѣсколько недѣль его жизни

Иванъ Васильевичъ задумался.

— Да, этотъ нуженъ мнѣ еще, — произнесъ онъ вполголоса, и приказалъ Мамону, знавшему татарскій языкъ, какъ и многіе русскіе того времени, объявить Алегаму, что его отправятъ тотчасъ же съ двумя женами въ Вологду, а мать, братьевъ и сестеръ въ Каргополь, что на Бѣлоозерѣ. — Тамъ — прибавилъ онъ —

гуляй въ волю; отпущу ему и на кормъ по два алтына въ день.

Когда объявили это Алегаму, царь казанскій бросился великому князю въ ноги; его примѣру послѣдовало все семейство, кромѣ одной изъ его женъ. Она ухватилась было за одежду его, чтобъ удержать отъ рабскаго поклоненія, и съ негодованіемъ вскричала.

— Что ты дѣлаешь, царь казанскій?

Но Алегатъ былъ ужъ у ногъ Іоанна, и царица бросила на своего мужа взглядъ глубокаго презрѣнія.

Эта женщина была впослѣдствіи женою казанскаго царя Магметъ-Аминя. Она припомнила униженіе своего перваго мужа и успѣла таки возбудить второго противъ Іоанна.

Новое отдѣленіе, новые знаменитые плѣнники. И опять татары, опять живое свидѣтельство Іоаннова ума и воли, смирившихъ Востокъ. Заключенные были два брата, одинъ сѣдой старикъ, другой въ лѣтахъ, подвигающихъ къ старости. Сидя рядомъ и перекинувъ другъ другу руки около шеи, они молча, грустно смотрѣли другъ другу въ глаза. Въ нихъ видѣли они свое отечество, свое небо, своихъ родичей и друзей, все безцѣнное и утраченное для нихъ. Въ такомъ положеніи засталъ ихъ великій князь. Смущенные, они расплелись и остались сидя.

— Ты угадалъ бы, что это два брата, еслибъ я и не объяснилъ тебѣ, — сказалъ Аристотель: — отрывки того жъ могущества, которое едва не задавило Руси и потому не задавило Европы! Именно, это братья крымскаго хана Менгли-Гирея, лучшаго друга и союзника Іоанна, Нордоулатъ и Айдаръ.

— Друга, союзника? — спросилъ Антонъ съ изу-

мленіемъ, — какъ же согласить съ этимъ ихъ заключеніе?

— Скажу еще болѣе: Нордоулатъ, вотъ этотъ сѣдовласый, что такъ горько смотритъ на великаго князя, служилъ ему въ войнѣ противъ царя *Бѣлыой* или *Золотой* Орды, Ахмата, въ войнѣ, которою рѣшено: быть или не быть Руси рабою Востока, нахлынуть ли черезъ нее новому потоку варваровъ на Европу. Но...

Здѣсь послышался убѣдительный голосъ Андрюши, сына Аристотелева. Незамѣтно какъ очутился онъ подлѣ великаго князя, который ласкалъ его, гладя по головѣ.

— Подари мнѣ, Иванъ Васильевичъ, этихъ бѣдныхъ старичковъ,—говорилъ Андрюша жалобнымъ голосомъ, ласкаясь къ грозному владыкѣ.

Великій князь засмѣялся и спросилъ малютку, что сдѣлаетъ онъ тогда съ плѣнниками.

— Дамъ имъ свободу, чтобы они благословляли твое имя,—отвѣчалъ Андрюша.

— Изволь. Дать свободу и этимъ,—сказалъ Иванъ Васильевичъ, обратясь къ Мамону, — и отправить ихъ на покой въ Вологду. Назначить имъ тамъ хорошіе кормы. Это дѣлаю для сыновнина крестника.

Умное дитя ничего болѣе не просило.

Художникъ и лекарь думали, что великій князь рѣшился на этотъ великодушный поступокъ, понявъ бесѣду ихъ и убѣжденный краснорѣчивою горестью Нордоулата, нѣкогда его усерднаго слуги. Не изумился однакожъ Аристотель, когда Иванъ Васильевичъ, отведя его въ сторону, прибавилъ, такъ что онъ только могъ слышать:

Подстать замолвилъ о нихъ Андрюша. Ханъ Золо-

той Орды проситъ меня, черезъ посла своего, отпусти-де я къ нему Нордоулата. Ты, можетъ статься, встрѣтилъ давича поганаго еврея въ хороминахъ моихъ. Вотъ этотъ еврей укралъ у посла ханскаго листъ къ Нордоулату, и успѣлъ опять подкинуть его. Да я безъ писаннаго листа смекнулъ тотчасъ лукавые замыслы. А пріятель мой Менгли-Гирей лѣзъ было къ волку въ пасть. Трусъ! испугался угрозъ Золотой Орды, и отъ себя прислалъ просить меня, отпусти-де я къ нему брата, съ которымъ хочетъ заодно царствовать Докажу ему, что онъ вретъ; самому послѣ слюбится! Айдара зоветъ къ себѣ король польскій. Нордоулатъ уменъ. Айдаръ не таковъ, да все-таки опасенъ. Вороги мои хитро вздумали: среди бѣлаго дня, въ глазахъ лисеньки ставитъ для нея капканъ. Покажу имъ хвостъ. Что мы за дураки! пять пальцевъ на рукахъ счесть умѣемъ... Въ Менгли-Гиреѣ имѣю вѣрнаго друга, и куда хочу его посылаю. Посади, видишь, на его мѣсто позубастѣе, да поумнѣй. Вѣрнѣе посажу ихъ въ Вологду, гдѣ они и грамотки отъ своихъ не получатъ и куда не заглянетъ лукавое око татарина. А все-таки слово Андрюшѣ сдержу: въ Вологдѣ дадутъ имъ льготу.

Слова эти, переданныя Антону, всего лучше объяснили, по какой причинѣ содержатся братья Менгли-Гирея, союзника и друга Іоаннова, и нашли въ сердцѣ молодого человѣка извиненіе жестокой политикѣ.

Новое отдѣленіе.

Тутъ великій князь стукнулъ посохомъ въ рѣшетку. На этотъ стукъ оглянулась старая женщина, усердно молившаяся на колѣнахъ. Она была въ поношенной кикѣ и въ убрусѣ, бѣдномъ, но чистомъ, какъ свѣжій

снѣгъ, въ бѣдной ферязи—сѣдые волосы выпадали въ безпорядкѣ — и между тѣмъ можно было тотчасъ угадать, что это не простая женщина. Черты ея были очень правильны; въ мутныхъ глазахъ отражались умъ и какое-то суровое величіе. Она гордо взглянула на великаго князя.

— О комъ молилась ты, Марѳуша? — спросилъ великій князь.

— Вѣстимо объ умершихъ! — угрюмо отвѣчала она.

— О комъ же именно, если дозволишь спросить?

— Спроси объ этомъ у моего дѣтища, а твоего названнаго боярина, что ты зарѣзалъ, у Новгорода, что ты залилъ кровью и засыпалъ пепломъ

— О, го, го!.. Не забыла свою дурь, матушка, господыня великаго Новгорода.

— Была таки, голубчикъ.

При этомъ словѣ она встала.

— Не вздумаешь ли опять?

— Надъ чѣмъ?.. Я сказала, что молюсь объ умершихъ. Твою Москву съ ея лачугами можно два раза въ годъ спалить до-тла и два раза построить: татары два вѣка держали ее въ неволѣ... чахла, чахла, и все-таки осталась цѣла: промѣняла только одну неволю на другую. А господина Новгорода великаго разъ не стало, и не будетъ болѣе великаго Новгорода.

— Почемъ знать!

— Подними-ка бѣлокаменную въ сотню лѣтъ.

— Подниму и въ десятокъ.

— Вѣдь это не въ сказкѣ, гдѣ такъ же скоро дѣлается, какъ и сказывается. Созови ганзейскихъ купцовъ, которыхъ ты распугалъ.

— А, торговка, купцовъ-то жаль тебѣ болѣе самого Новгорода.

— Отъ моего торга не бѣднѣлъ, а богатѣлъ онъ.

— Брякну денежкой, такъ со всѣхъ концовъ свѣта налетятъ торгаши на мои гроши.

— Собери именитыхъ гражданъ, которыхъ ты заточилъ по разнымъ городамъ своимъ.

— Обманщики, плуты, бунтовщики, не стоятъ этого.

— Когда жъ сила виновата!.. Найди живую воду для убитыхъ тобой. Хоть бы ты и это все смогъ, воли, воли въ Новгородѣ не будетъ, Иванъ Васильевичъ, и Новгороду никогда не подняться. Будетъ онъ жить, какъ зажженный пень, что ни горитъ-то, ни гаснетъ. Вѣдь и я еще живу въ тюрьмѣ.

— Окаянная воля и сгубила васъ. Посмотрѣлъ бы, какъ повела бъ ты дѣломъ на моемъ мѣстѣ.

— Ты свое дѣло сдѣлалъ, великій князь московскій, я—свое.—Не насмѣхайся же надо мной, въ моемъ заточеніи, при послѣднихъ часахъ моихъ.

Марѳа Борецкая кашлянула и побагровѣла; она прижала къ губамъ конецъ убруса, но кровь пробила сквозь него, и Іоаннъ замѣтилъ то, что она хотѣла скрыть.

— Жаль мнѣ тебя, Марѳа,—сказалъ великій князь ласковымъ голосомъ.

— Зорокъ взглядъ!.. Что? радостно?.. Накинь этотъ убрусъ на Новгородъ... Саванъ богатый!..—усмѣхаясь примолвила она.

— Къ ней! къ ней!.. не могу... впустите меня къ ней! — закричалъ Андрюша, обливаясь слезами.

На лицѣ великаго князя перемѣшались сожалѣніе и

досада. Онъ однакожъ поднялъ крючокъ у двери и впустилъ къ Борецкой сына Аристотелева.

Андрей цѣловалъ у ней руки. Борецкая ничего не говорила... она грустно покачала головой, и горячая слеза упала на лицо малютки.

— Спроси, сколько лѣтъ проживетъ она, — шопотомъ сказалъ великій князь Аристотелю.

— Много, много — мѣсяца три, а можетъ быть только до весеннихъ водъ,—отвѣчалъ Антонъ:—ей не помогутъ никакія лекарства — кровь вѣрный передовой смерти.

Отвѣтъ былъ переданъ Ивану Васильевичу такъ тихо, что Борецкая не могла его слышать, но она махнула рукой и твердо вымолвила:

— Я знала прежде его...

— Послушай, Марѳа Исаковна, хочешь—переведу тебя на свободу въ другой городъ.

— Въ другой городъ?.. въ другую сторону?.. Богъ и безъ тебя позаботится.

— А я хотѣлъ было отправить тебя въ Бѣжецкій верхъ.

— Правда, тамъ была земля наша... Хоть бы умереть на родной землѣ.

— Такъ съ Богомъ! Молись тамъ на всей волѣ, строй себѣ церкви, одѣляй нищую братью — казну твою велю отпустить съ тобой — и не поминай великаго князя московскаго лихомъ.

Она улыбнулась. Видали ль вы въ устахъ человѣческаго черепа что-то похожее на улыбку?..

— Прощай, болѣе не увидимся, — произнесъ великій князь.

— Свидимся на судѣ Божьемъ, — былъ послѣдній отвѣтъ Борецкой.

Задумчиво отошелъ великій князь отъ тюрьмы ея, задумчиво, не оглядываясь, прошелъ мимо отдѣленій другихъ плѣнниковъ, и когда пахнулъ на него свѣжій воздухъ, онъ перекрестился на ближнюю церковь и примолвилъ:

— Будешь развѣ судить раба твоего, Ивана, а не князя московскаго.

Въ это время съ крыльца *черной избы* открылся передъ художникомъ видъ мѣста, на которомъ предполагалось строить храмъ Успенія. И онъ задумался, улетѣвъ туда мыслью и сердцемъ.

— Знаешь ли что, Аристотель?—сказалъ ему великій князь, положивъ ему руку на плечо, — наготовь мнѣ поболѣе такихъ рогатокъ. Ночью велю ими запирать улицы отъ пьяныхъ и недобрыхъ людей.

Будто съ неба въ грязь упалъ художникъ; онъ покраснѣлъ и поблѣднѣлъ, взглянулъ на своего товарища и — ни слова.

Дорогою разсказалъ онъ Антону, кто такая была Марѳа Новгородская, и почему съ нею умеръ на Руси духъ общины, изъ Германіи занесенный въ Новгородъ и Псковъ духомъ торговли; но не сказалъ, о чемъ были послѣднія слова великаго князя.

— Іоаннъ не всегда ли такъ отпѣваетъ своими милостями? — замѣтилъ лекарь.

Подлѣ нихъ Андрюша радостно гарцовалъ на лихомъ конѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПАЦІЕНТЫ

А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣе предъ всѣми обнаружу?.
Пушкинъ.

Съ этого времени Андрюша часто посѣщалъ Эренштейна. Онъ училъ его по-русски, и понятный ученикъ, съ помощью чешскаго языка, дѣлалъ быстрые успѣхи. Надо было видѣть, какою важностью школьнаго властелина вооружался малютка во время уроковъ, и какъ покорно слушалъ ихъ падуанскій бакалавръ. Иногда учитель хмурилъ брови, когда упрямый языкъ ученика, привыкшій къ италіянскому легкозвучію, не покорялся стеченію русскихъ согласныхъ. Уроки кончены—исчезали профессоръ и слушатель, и дружба съ улыбкою своей, съ живою бесѣдой и ласками, спѣшила ихъ замѣнить. Дружба? когда одному было за 25 лѣтъ, а другому половина съ небольшимъ того?.. Что нужды! Оба съ дѣтскою душою, оба съ порывами къ добру и непонятнымъ влеченіемъ другъ къ другу, они связались какою-то непонятною цѣпью, которую разорвать могла только судьба. Они называли

себя друзьями и не понимали, что посторонніе находили страннаго въ этомъ привѣтѣ между ними. Антонъ въ землѣ чужой былъ почти одинокъ. Художникъ, по множеству разнородныхъ занятій своихъ, могъ только рѣдко съ ними видѣться; хозяинъ дома и почти всѣ русскіе продолжали его чуждаться, скажу—гнушаться имъ: Андрей былъ на Руси одно любящее существо, которое его понимало, которое сообщалось съ нимъ умомъ, рано развившимся, и доброю, теплою душою. И для Андрюши молодой лекарь сдѣлался необходимостью, пятою стихіею. Безъ него было бъ ему душно въ свѣтѣ. Родившись въ Италіи, онъ помнилъ еще, будто изгнанникъ на бѣдную землю изъ другого, лучшаго міра, онъ помнилъ съ сердечнымъ содроганіемъ роскошь полуденной природы, тамошняго неба, тамошнихъ апельсинныхъ и кипарисовыхъ рощей, и ему казалось, что отъ Антона вѣетъ на него теплый, благоуханный воздухъ той благословенной страны. Еще что-то чудное влекло къ молодому нѣмцу... что такое, хоть убили бъ его, не могъ бы онъ вамъ сказать. Малютка любилъ горячо еще одно существо, доброе, прекрасное, но только менѣе, нежели Антона. Это была дочь Образца, Анастасія. Часто хаживалъ онъ отъ Эренштейна къ ней и отъ нея къ своему другу, и эти сношенія, сначала невинныя, безотчетныя, составляли между ними какой-то магическій, тройной союзъ.

Эренштейнъ никогда не видалъ Анастасіи, но слышалъ часто надъ потолкомъ своей комнаты шаги ея ножекъ; нерѣдко Андрюша разсказывалъ, какъ она хороша, мила, добра, какъ его любитъ, какъ его цѣлуетъ. Такое близкое сосѣдство съ прекрасною дѣ-

вушкою, которой слова маленькаго учителя и друга и воображеніе придавали всѣ наружныя и душевныя совершенства, ея заключеніе, таинственность, ее окружающая, и трудность увидѣть ее — все это возбудило въ сердцѣ Антона новое для него чувство. Онъ часто думалъ о ней съ особеннымъ удовольствіемъ, цѣловалъ чаще Андрюшу, когда этотъ разсказывалъ, что его цѣловала Анастасія, и нерѣдко видалъ во снѣ какую-то прекрасную женщину, которую называлъ ее именемъ. Однимъ словомъ, онъ полюбилъ ее, никогда ея не видавъ. Но вскорѣ назвалъ онъ это чувство глупостью, прихотью одиночества, и погасилъ его въ занятіяхъ своей науки, которой посвятилъ себя съ прежнимъ жаромъ и постоянствомъ. Если и поминалъ когда о Анастасіи, такъ это для шутки; самый стукъ шаговъ надъ собою прекрасной дѣвушки пріучился онъ хладнокровно слушать, какъ пріучаются къ однообразному стуку часового маятника. Посѣтители, вскорѣ осадившіе его со всѣхъ сторонъ, заставили его угрюмо отогнать отъ себя всякую мысль о ней.

Вотъ наконецъ являются къ нему московитскіе паціенты. Видно отбросили ненависть къ иностранцу и страхъ къ чародѣю, какимъ его до сихъ поръ почитали! Милости просимъ, милости просимъ. Наконецъ за дѣло, Антонъ! Сердце твое бьется сладкою надеждою помочь страждущему человѣчеству. Пусть осаждаютъ тебя днемъ и ночью, не даютъ тебѣ покоя: эти докуки, эти труды сладки для тебя; ты не промѣняешь ихъ на бездѣлье роскошнаго богача.

— Кто тутъ?

— Я, вашъ покорнѣйшій слуга, переводчикъ его высочества, Бартоломей, и не одинъ. Со мною покор-

нѣйшій пацiентъ, если дозволите, высокопочтеннѣйшій господинъ врачъ.

— Прошу пожаловать.

И ковыль-ковыль, вкатилось въ комнату умильно-пунцовое лицо книгопечатника, страшнаго побѣдителя всѣхъ женщинъ отъ Рейна до Яузы. Уцѣпясь за него крючьями своихъ пальцевъ, вплелся туда жь, какъ нарочно для контраста, живой скелетъ, обтянутый кожею, опушенный на головѣ и подбородкѣ тощими отрывками сѣдыхъ волосъ, окутанный въ шубу. Отъ него вѣяло тлѣніемъ. Этому давно сущему человѣку могло быть хожденія по землѣ лѣтъ восемьдесятъ. Казалось, въ глазахъ его, въ губахъ, въ голосѣ, въ каждой судорогѣ, замѣнявшей движеніе, говорила смерть: «не забудь, я тутъ, сижу крѣпко, льгота моя коротка». Но минувшій человѣкъ забылъ это, и пришелъ просить у Антона-лекаря, нѣмецкаго чародѣя, который даетъ юность и силу старикамъ, переводя въ нихъ кровь дѣтей, — пришелъ просить у него жизни еще хоть десятка на два лѣтъ. У него молодая жена, онъ богатъ; ему такъ нужно пожить. Антонъ самъ старикъ, ночью изъ окна ви,али его старикомъ; на день онъ оборачивается въ юнаго, цвѣтущаго молодца: кто жъ въ Москвѣ этого не знаетъ?..

Живой скелетъ умильно, хоть и со страхомъ, глядѣлъ на лекаря и еще умильнѣе указывалъ на мальчика, лѣтъ десяти, свѣжаго, розоваго, который стоялъ въ какомъ-то недоумѣніи у дверей. Кажется, лучше не надо: точно тѣ годы, тѣ примѣты, которыя нѣмецъ назначилъ великому князю для великой операціи перерожденія.

Антона самого бросило въ лихорадку.

— Нѣтъ, — подумалъ онъ, — никогда, никогда не рѣшусь на этотъ ужасный опытъ. И если бъ онъ даже удался... цѣною юной, цвѣтущей жизни этого дитяти продлить на два, на три года чувственную жизнь старичишки, который, можетъ статься, тяготитъ собою землю!.. Нѣтъ, никогда!

— Не боитесь ли, высокопочтеннѣйшій господинъ, — сказалъ Бартоломей, нѣжно осклабляясь, — чтобы, въ случаѣ смерти этого мальчика, не отвѣчали вы, или этотъ почтеннѣйшій господинъ?.. Не бойтесь, не бойтесь: этотъ мальчикъ—*холопъ*.

— Не понимаю, что такое холопъ,—возразилъ Антонъ,—знаю только, что онъ человѣкъ.

— Человѣкъ? гмъ, человѣкъ?.. я имѣю честь вамъ докладывать, что холопъ — рабъ. Повѣрьте, я самъ крайне остороженъ въ такихъ дѣлахъ и на этотъ счетъ заглянулъ въ судебникъ великаго короля всей Руси. Тамъ ясно сказано: «А кто осподарь огрѣшиться, ударитъ своего холопа или робу, и случится смерть, въ томъ намѣстницы не судятъ, ни вины не емлютъ». Въ переводѣ это значитъ (тутъ усердный толмачъ перевелъ текстъ по-нѣмецки). Въ случаѣ смерти мальчика, мы скажемъ, что господинъ его огрѣшился, и концы въ воду. Въ этомъ мы условились съ почтеннѣйшимъ барономъ, богатѣйшимъ и, прибавить надо, щедрѣйшимъ изъ смертныхъ. Условіе это запечатлѣно ужасною клятвой.

Во время этого живого разговора, который понялъ живой скелетъ по приведенному тексту, онъ судорожно подозвалъ къ себѣ мальчика, съ отеческою нѣжностью потрепалъ его, то-есть поскользилъ пальцами по пухлой щекѣ, потомъ преумильно взглянулъ

на лекаря, какъ бы хотѣлъ сказать: «посмотри, словно зрѣлая вишня!»

— Послушай, Бартоломей,—сказалъ съ твердостью молодой врачъ, — разъ-навсегда объявляю тебѣ: если осмѣлишься когда-либо придти ко мнѣ съ подобными предложеніями, я выкину тебя изъ окна.

Усерднѣйшій и нижайшій переводчикъ всякаго рода дѣлъ не ожидалъ такой встрѣчи: онъ смутился и жалобнымъ, чуть внятнымъ голосомъ, произнесъ, дѣлая на каждомъ словѣ и едва ли не на каждомъ слогѣ запятыя, какъ онъ дѣлалъ ихъ ногой:

— Вы.. сами высокопочтен...нѣйшій... молвили великому князю

— Правда, правда, я виноватъ. Но, чтобы утѣшить твоего хвораго старичка, я дамъ ему элексира долгой жизни — недавно изобрѣтенный. Скажи ему, жаль, что онъ не могъ употребить его лѣтъ двадцать ранѣе; тогда бы прожилъ двадцать лѣтъ болѣе. Но и теперь пускай принимаетъ его капель по десяти въ водѣ утромъ и вечеромъ... надѣюсь, онъ укрѣпитъ старичка... поддержитъ его хоть на время...

Пузырекъ съ элексиромъ переданъ ходячему скелету при переводѣ лекарскаго наставленія. Дрожащая, костлявая рука положила было ему на столъ корабельникъ (Schiffsnobel). Корабельникъ? легко сказать! Подарокъ царскій, судя потому, что и самъ Иванъ Васильевичъ посылывалъ роднымъ своихъ друзей, царицамъ, дѣтямъ ихъ по корабельнику, много по два. Несмотря на важность дара, лекарь возвратилъ монету, говоря, что возьметъ ее, когда лекарство подѣйствуетъ. Съ этимъ выпроводилъ отъ себя паціента и посредника.

Элексиръ, видно, дѣйствовалъ не такъ сильно, какъ надѣялся хилый старикъ. Онъ всю вину возложилъ на мальчика, своего холопа, котораго, по словамъ Бартоломея, поберегъ лекарь, и въ сердцахъ *огрѣшился*... палкою по виску. Намѣстницы въ томъ не судили и вины не имали, потому что законъ писали не рабы. Холопа похоронили, какъ водится. Черезъ недѣлю однакожъ Судья высшій призвалъ и господина къ Своему суду

На другой день, поздно вечеромъ опять стукъ, стукъ.

— Кто тамъ?

— Я... если смѣю доложить, вашъ нижайшій слуга, книгопечатникъ Бартоломей.

— Войдите.

— Я не одинъ... со мною...

— Помните наше условіе, господинъ Бартоломей.

— Могу ли забыть?.. Скорѣй высохни десница моя!.. Со мною молодая госпожа... не то, что дрянной, издыхающій старичишка, на котораго и плюнуть гадко... нѣтъ, молодая, прекрасная госпожа, у которой можно пальчики перецѣловать сто разъ... богатая вдова Селинова. Ждетъ на крыльцѣ. Позвольте?

— Просите.

— Вѣрно пришла посовѣтоваться на счетъ сына, родственника, кто знаетъ? — подумалъ Антонъ, и спѣшилъ накинуть на себя щегольскую епанечку.

Въ самомъ дѣлѣ, пригожая женщина, почти однихъ лѣтъ съ Эренштейномъ, вошла къ нему робко, дрожа всѣмъ тѣломъ и, между тѣмъ, вся пылая. Она не смѣла поднять глаза... скоро закапали изъ нихъ слезы, и она упала къ ногамъ лекаря.

— Помилуйте, встаньте... И безъ этого сдѣлаю все, что вы желаете, — сказалъ Антонъ, поднимая ее.

— Не встану, добрый человѣкъ, пока не сдѣлаешь, о чемъ прошу. Будь отецъ, братъ родной, помоги мнѣ; не то наложу на себя руки, утоплюсь.

И молодая, пригожая женщина, рыдая, обнимала его колѣна.

— Объясни жъ, Бартоломей, чего она хочетъ отъ меня.

— Вотъ въ чемъ дѣло, — отвѣчалъ съ ужимками книгопечатникъ.—Это самая та женщина... я, кажется, докладывалъ вамъ въ первый день вашего пріѣзда, высокопочтеннѣйшій господинъ... что любитъ сына здѣшняго хозяина.

Вдова Селинова, въ изступленіи, прервала его, забывъ, что лекарь худо понимаетъ по-русски.

— Правда, правда, для него забыла я законъ, когда былъ живъ покойникъ мой, забыла родъ и племя, лихихъ сосѣдей, стыдъ забыла, есть ли въ людяхъ другіе люди, кромѣ него. Ему вынула душу свою. Когда онъ сманивалъ меня, выводилъ меня изъ ума, онъ называлъ своимъ краснымъ солнышкомъ, звѣздою незакатною—такія рѣчи приговаривалъ: «въ ту пору мила друга забуду, когда подломятся мои скоры ноги, опустятся молодецкія руки, засыплютъ мои глаза песками, закроютъ бѣлу грудь досками». А теперь, еслибъ ты видѣлъ, добрый человѣкъ, теперь у моего камышка самоцвѣтнаго, лазореваго, ни лучья нѣту, ни искорки; у моего ли друга, у милаго, нѣту правды въ ретивомъ сердцѣ, говоритъ онъ, все обманываетъ. Полюбилъ мой сердечный другую полюбовницу, что живетъ въ терему у брата Ѳоминишны. А чѣмъ она, разлучница,

лучше меня? Развѣ тѣмъ получше, что стелетъ, убираетъ Андрею Ѳомичу постель шелковую съ перемѣнными друзьями, все съ налетными молодцами. Заворожила себѣ окаянная гречанка кудри моего друга. Съ той поры злодѣй надъ моею любовью издѣвается, на мои ласки говоритъ такой смѣшокъ: «любитъ душа волюшку, а неволя молодцу покоръ. Ты отстань, отвяжись отъ меня; не отвяжешься, я возьму изъ костра дрова, положу дрова среди двора, какъ сожгу твое тѣло бѣлое, что до самого до пепелу и развѣ прахъ по чисту полю, закажу всѣмъ тужить и плакати». Что ни дѣлаю, не могу отстать; по слѣдамъ его хожу, слѣды подбираю, сохну, разрываюсь. Видишь, рада бы не плакать: плачутъ не очи, разрыдалось сердце. Сжалься, смилуйся, добрый человѣкъ, отведи его чистою и нечистою силою отъ гречанки поганыя, привороти его опять ко мнѣ. Возьми за то ларцы мои кованы, казну мою дорогую, жемчуги бурмицкіе, возьми все, что у меня есть: отдай мнѣ только друга прежняго, ненагляднаго.

Когда Селинова кончила свою просьбу, Бартоломей перевелъ ее, какъ сумѣлъ. Покоряясь предразсудкамъ времени и сердцу своему, Антонъ не смѣялся надъ нею. Онъ самъ былъ твердо убѣжденъ, вслѣдъ за своими наставниками, что существуетъ тайная наука, которая разъединяетъ и совокупляетъ полюсы душевные. Сверхъ того, по добротѣ своей, могъ ли онъ смѣяться надъ чувствомъ, столь искреннимъ и сильнымъ, что заставило молодую женщину, забывъ стыдъ, придти молить незнакомца о помощи? Но какъ помочь? Къ сожалѣнію, Антонъ не зналъ тайной науки. Отказать же Селиновой—привести ее въ отчаяніе. Время, думалъ

онъ, принесетъ ей лучшее исцѣленіе: отдѣлаюсь временемъ, разскажу, что на исполненіе требуемой чары нужно два, три новолунія, смотря по обстоятельствамъ, нужно близкое знакомство съ Хабаромъ, съ гречанкою.

Такъ и сдѣлалъ онъ. Только, въ придачу къ своимъ обѣщаніямъ, бралъ ее за бѣлыя руки, сажалъ на скамью, утѣшалъ ее, обѣщалъ ей всякую помощь. И пригожая вдова, успокоенная ли его обѣщаніями, или новымъ чувствомъ къ пригожему иностранцу, или желаніемъ отомстить прежнему другу, вышла отъ лекаря почти утѣшенная. Недаромъ говоритъ старинная пѣсня: «молода вдова плачетъ, что роса падетъ; взойдетъ красно солнышко, росу высушитъ».

Пословица: «черезъ часъ по ложкѣ», вмѣсто того, чтобъ сбыться ей надъ паціентами, сбывалась надъ самимъ лекаремъ. Ужъ, конечно, не прописывалъ онъ никому такой горькой микстуры, какую Бартоломей заставлялъ его глотать при каждомъ своемъ посѣщеніи. На слѣдующій день опять пріемъ, опять появленіе переводчика. Съ нимъ бояринъ Мамонъ. Ничего добраго не обѣщаетъ соединеніе этихъ двухъ лицъ. Но книгопечатникъ порядочно напуганъ врачомъ: придетъ ли онъ снова просить о какомъ-нибудь вздорѣ?

Полно, такъ ли!.. Повадился кувшинъ по воду, гутъ ему и разбиться. Не деньги, не подарки любитъ переводчикъ за посредничество; нѣтъ, его страсть угождать другимъ, какъ бы то ни было, кому бъ то ни было, хоть со вредомъ себѣ. Онъ готовъ налгать на другого, на себя, лишь бы впутаться въ угожденіе. Что Антона *въ нѣмцахъ* знавалъ онъ самъ старичкомъ, худенькимъ, сѣденькимъ, лѣтъ ста, что Ан-

тонъ величайшій кудесникъ—дѣлаетъ стариковъ молодыми, привораживаетъ холодныя и невѣрныя сердца, заговариваетъ дерево, желѣзо, домъ, пожалуй цѣлый городъ—эти вѣсточки все сочиненьеце Бартоломея. О, коли выдумывать, такъ мы шутить не любимъ! Вѣрь, или не вѣрь, это не его дѣло. А что ему вѣрили, такъ доказывали все пацiенты, которыхъ приводилъ опъ къ молодому врачу Новымъ свидѣтельствомъ этому бояринъ Мамонъ. Самъ сынъ колдуньи, сожженноiї можайскимъ великимъ княземъ за сообщеніе ея съ нечистымъ, напуганный ужъ предложеніемъ лекаря помѣняться кровью съ маленькимъ дьякомъ, бояринъ прибѣгаетъ нынѣ къ чарамъ басурмана. Знать, нужда кровная. И не бездѣльная таки! Онъ пришелъ просить, во-первыхъ, привлечь до безумія сердце Анастасіи къ къ его сыну, во-вторыхъ, заговорить желѣзо въ пользу его самого и этого несчастнаго, горемычнаго сына, на случай судебнаго поединка.

— Что угодно барону?—спросилъ Антонъ.

Мамонъ былъ не трусливаго десятка, но оробѣлъ, когда надо было ему прибѣгнуть къ помощи сверхъестественноiї силы. Дрожа, онъ указалъ на толмача.

— У барона,—прервалъ Бартоломеiї, вспомнившій крутой нравъ лекаря и потому желавшіiї выпутаться по-добру по-здорову изъ подвига угожденія, на которое отважился,—у барона... какъ видите... завалъ въ печени.

— Я ничего не вижу,—перебилъ лекарь.

— Какъ вы узнаете, хотѣлъ я сказать. Потомъ по-временамъ головокруженіе и замираніе сердца, по-временамъ, что-то въ родѣ чахотки и опять по-временамъ что-то въ родѣ водяноiї, по-временамъ...

— По-временамъ не смерть-ли ужъ? Или всѣ эти болѣзни должны существовать въ воображеніи барона, или вы, господинъ переводчикъ — не взыщите — изволите перевирать. Сколько могу судить по глазамъ и лицу паціента, облитымъ шафраннымъ цвѣтомъ, у него просто развитіе желчи. И потому совѣтую ему главное: укротить какъ можно порывы гнѣва, и при этомъ употреблять (то и то...).

Здѣсь Антонъ совѣтовалъ ему употреблять настой изъ разныхъ травъ, очень извѣстныхъ, и которыя, вѣроятно, можно найдти въ окрестностякъ Москвы.

Бартоломей перевелъ это Мамону слѣдующимъ образомъ.

— Достань, бояринъ, на молодой мѣсяцъ двѣ молодыя лягушки разныхъ половъ, держи ихъ вмѣстѣ, гдѣ разсудишь, три дня и три ночи, днемъ подъ лучомъ солнца, ночью подъ лучомъ мѣсяца; потомъ зарой ихъ живыхъ вмѣстѣ въ полночь, когда совершится полнолуніе, въ лѣсу, въ муравейникъ, а на другую полночь вынь изъ лягушки мужеска пола крючокъ, что у ней подъ сердцемъ, а лягушку женскаго пола оставь въ муравейникѣ; этимъ крючкомъ вели сыну своему задѣть дѣвушку, имя рекъ...

Лекарь покачалъ головой и сказалъ.

— Ты обманъ.

— Обманъ! обманъ!—закричалъ кто-то за дверью— и бѣдный переводчикъ, окруженный со всѣхъ сторонъ незапнымъ нападеніемъ, трясясь какъ листъ, ни живъ, ни мертвъ, остановился на волшебномъ имрекѣ. Онъ не имѣлъ силъ пошевелить языкомъ, не смѣлъ оборотиться.

Дверь растворилась; изъ нея пахнуло на страдальца

смертнымъ холодомъ. Обличитель стоялъ за ней, слѣдственно все слышалъ. Онъ появился, вооруженный пламеннымъ мечомъ улики. Это былъ Андрюша Уверпуться некуда. Бартоломей посмотрѣлъ на своего судью... въ этомъ взглядѣ соединялась колѣнопреклоненіе, мольба, упованіе, щемленіе сердца, пытка. Этотъ взглядъ былъ такъ краснорѣчивъ, что Андрюша поколебался спасти несчастнаго. Но, вспомнивъ, что орудіемъ обмана былъ его другъ и что пора, однимъ разомъ, кончить всѣ продѣлки съ нимъ переводчика, онъ бросилъ этого на жертву обманутыхъ.

— Если господинъ придворный толмачъ — сказалъ сынъ Аристотеля — также вѣрно переводитъ великому господину нашему нѣмецкія бумаги и переговоры съ послами, можно поздравить Русь не съ одной парой лягушачьихъ глазъ. На колѣна сейчасъ, сей мигъ, господинъ Бартоломей, и моли о прощеніи. Счастливъ еще будешь, если лекарь и бояринъ великокняжескій вытолкаютъ тебя въ шею съ тѣмъ, чтобы ты никогда не являлся къ нимъ.

Покорный гнѣвному взору и приказу малютки, несчастный книгопечатникъ палъ на колѣна, скрестивъ жалостно руки на груди и потупивъ глаза въ землю. Онъ не имѣлъ слова въ оправданіе свое.

Андрюша объяснилъ другу своему и боярину, какъ онъ, преслѣдуя Бартоломея, котораго ужъ давно имѣлъ на счету лжеца, подслушалъ его переводъ, и какъ былъ переводъ вѣренъ. Изобличенный въ обманѣ, толмачъ признался и въ тѣхъ плутовскихъ слухахъ, которые распустилъ въ Москвѣ о нѣмецкомъ лекарѣ. Мамонъ бросился было на обманщика, чтобы хорошенько подушить его, но Эренштейнъ защитилъ бѣд-

няка, прося боярина удовольствоваться однимъ наказаніемъ страха и униженія. При этомъ случаѣ маленькимъ, краснорѣчивымъ переводчикомъ передано боярину, сколько ошибаются жители Москвы, почитая лекаря за колдуна, что наука снабдила его только знаніемъ естественныхъ силъ и употребленія ихъ для пользы человѣка; что хотя и существуютъ въ мірѣ другія силы, притягательныя и отталкивающія, изъ которыхъ человѣкъ, посвященный въ тайны ихъ разложенія и соединенія, можетъ дѣлать вещи, съ виду чудесныя для невѣдѣнія, однако онъ, Антонъ-лекарь, къ сожалѣнію, не обладаетъ познаніемъ этихъ силъ, а только самъ ищетъ ихъ. И потому долженъ онъ отказывать всякому, кто будетъ просить объ ихъ помощи. Но какъ врачъ, онъ надѣется, съ помощію Божьей и науки, которая также даръ Господень, исцѣлять больныхъ, и готовъ, безъ различія времени, погоды, безъ всякихъ видовъ корысти, служить всякому, кто будетъ только имѣть въ немъ нужду.

Тѣмъ кончилась и эта неудачная консультація.

— Видно, и мнѣ суждено обжигать кирпичи,— грустно сказалъ лекарь своему маленькому другу, когда бояринъ и за нимъ книгопечатникъ удалились.

— Поднять хвораго съ одра?—думалъ усмѣхаясь Мамонъ,—что поетъ намъ этотъ лекаришка!. Кому рокомъ уложено жить, тотъ изъ проруби вынырнетъ, изъ подъ развалинъ дома выпрыгнетъ и въ гробу встанетъ; кому суждено умереть, того и палка Ивана Васильевича не подниметъ. Выростилъ бы бороду, да спознался бъ съ лукавымъ! Вотъ этотъ, батюшка, и сотню нѣмецкихъ лекарей заткнетъ за поясъ. Лучше пойдти *къ лихой бабѣ* или къ жиду съ Адамовой книгой.

Между тѣмъ боярин, мотая себѣ на усъ невѣжество лекаря въ чародѣйствѣ, далъ также себѣ слово молчать объ этомъ.

— Пускай слыветъ онъ кудесникомъ, который знается съ нечистыми,—говорилъ самъ себѣ боярин, сходя съ крыльца,—похлопочу и я расплодить эти слухи. Чѣмъ ужаснѣе выставимъ поганаго нѣмчина, тѣмъ горьше будетъ для моего пріятеля постоялецъ его. А, Ненасыть!—сказалъ онъ, взглянувъ на высокаго, блѣднаго, какъ мертвецъ, мужика, стоявшаго на крыльцѣ:—ты зачѣмъ сюда?

— Къ Антону-лекарю, вѣстимо полечиться.

— Ступай, ступай; бѣсъ этотъ посильнѣе твоего, что сидитъ въ тебѣ,—разомъ поборетъ и выгонитъ.

Не успѣлъ еще бояринъ кончить этихъ словъ, какъ услышалъ изъ сѣнныхъ дверей голосъ Андрюши, зовущій больного.

Ненасытя звали такъ по роду болѣзни его. Онъ ѣлъ много, невѣроятно много, иногда столько, сколько могли бы съѣсть до-сыта четверо здоровыхъ, и все былъ голоденъ. Лицо его выражало болѣзненность глубокую; между тѣмъ глаза имѣли какую-то необыкновенную, двойственную живость и блескъ, какъ будто черезъ нихъ смотрѣли два существа, ошибкою природы помѣщенныя въ одномъ тѣлѣ. Эта двойственность глазъ поразила врача. Вотъ что, на спросы его, разсказалъ Ненасыть о своей болѣзни:

«Онъ извозничалъ. Разъ, въ ночные часы, случилось ему остановиться съ своимъ обозомъ на деревенскомъ постояломъ дворѣ, куда, почти вмѣстѣ съ нимъ, въѣхалъ на двухъ лошадяхъ купецъ изъ дальней стороны. Повидимому, этотъ человѣкъ очень любилъ

своихъ конеи, потому что самъ ѣлъ какъ монахъ первыхъ христіанскихъ временъ, а своему животу—такъ онъ называлъ коней—задавалъ то и дѣло овса и радовался, что они на этой стойкѣ много кушаютъ. Объ одномъ только горевалъ купецъ, почему судьба не надѣлила его такимъ богатствомъ, чтобы онъ могъ кормить ихъ ярою пшеницею, поить медовой сытой, холить на шелковыхъ лугахъ, любоваться ими, не обременяя ихъ ѣздою. Повидимому, онъ былъ простъ, или христіанинъ хорошій, потому что вѣрилъ честности ближняго, какъ своей душѣ. Эти замѣчанія, приправленныя обольщеніемъ лукаваго, соблазнили извозчика на худое дѣло. Лишь только купецъ съ отеческою заботливостью успѣвалъ задать любимцамъ своимъ доброе угощеніе и уходилъ въ избу, сытый и довольный за нихъ, извозчикъ провожалъ его глазомъ въ дверь, а самъ выгребалъ отъ нихъ овесъ своимъ лошадямъ. Купленный имъ на постояломъ дворѣ кормъ оставался у него въ запасѣ, лошадки его ѣли до отвалу, между тѣмъ кони купца, дорогіе, ненаглядные питомцы его, его радость и услада въ жизни, едва хватили нѣсколько зеренъ. Постояльцы съѣхали со двора, перекрестясь и пославъ другъ другу обычное христіанское привѣтствіе, довольные другъ другомъ. Какъ пріѣхали они, каждый съ своей стороны, такъ и разъѣхались въ разныя стороны. Съ того времени о купцѣ не было и слуху. Сначала извозчикъ въ душѣ своей досыта насмѣялся надъ нимъ; далѣе и далѣе, въ ней начало темнѣть и наконецъ сдѣлалось черно, какъ въ волчьей пасти. Тутъ было ужъ не до смѣха. Особенно съ одного дня пришло ему тошнехонько. Въ этотъ день находился онъ, по обыкно-

венію, въ дорогѣ. Было время вечернее. Духота и жаръ налегли на землю: такъ иногда во снѣ давитъ нечистый, и не имѣешь силъ отъ него освободиться. Небо, казалось, обито было раскаленнымъ желѣзомъ: вдали огни то бѣгали змѣйкою, то разсыпались кубаремъ. Песокъ по колѣна; горбатыя уродливыя сосны на стражѣ дороги. Думаешь, отъѣхалъ отъ нихъ; посмотришь, тутъ какъ тутъ, и киваютъ косматой головой, и лѣзутъ на тебя крючковатыми руками. Страшно! извозчикъ одинъ. Хоть бы повѣяло откуда жильемъ! Усталость, жажда мучатъ его. Въ груди у него горитъ, губы пересохли. Но вотъ молнія освѣтила стальную поверхность болотнаго озера, похожаго на помойную яму. Извозчикъ къ нему. Густая ржавчина подернула его кроваво-зеленой пеленой, которую рѣжутъ въ разныхъ направленіяхъ отвратительныя насѣкомыя, быстро скользя по ней, будто на конькахъ, или прорываютъ пузыри, вздуваемые подводными жителями. Страшно заглянуть въ эту лужу, не только что испить изъ ней. Чтожъ дѣлать? жажда пересиливаетъ отвращеніе. Извозчикъ черпнулъ шляпою воды; дунувъ по ней, погналъ нечистую пелену на край, перекрестился и, зажмуривъ глаза, выпилъ. Въ этотъ мигъ, невѣдомо почему—отчета дать не можетъ—вспомнилъ онъ о купцѣ и коняхъ его. Стало ему тяжко на сердцѣ; черезъ три дня онъ почуялъ, будто камень у него лежитъ на груди, подъ ложкой, и камень этотъ, словно живой, ворочается и сосетъ ему сердце.»

— А! понимаю, — радостно сказалъ Антонъ, какъ бы невидимо кто разгадалъ ему чудную задачу, надъ которою онъ ломалъ себѣ голову, — однакожъ, продолжай.

Извозчикъ продолжалъ переводя повременамъ духъ, будто отдыхалъ послѣ подъема тяжелой ноши. Прижавшись къ лекарю, слушалъ его Андрюша и переводилъ разсказъ по-италіянски. Антонъ съ жадностью подбиралъ каждое слово.

— Съ того часа — говорилъ Ненасыть — нигдѣ не нахожу себѣ мѣста, а пуще всего не могу наѣсться до-сыта, хоть бы съѣлъ ковригу хлѣба съ человѣчью голову и цѣлаго барана. Ходилъ къ вѣдямъ — вѣди тотчасъ узнали, что я выгребъ овесъ у чужихъ лошадей; пособить мнѣ ничѣмъ не могли. Гдѣ я ни былъ, вездѣ говорили то же; сколько денегъ ни потратилъ на снадобья, сколько овса ни прокормилъ чужимъ лошадямъ, какой службы ни служилъ я въ монастыряхъ, все не въ помощь мнѣ. Вездѣ называютъ меня «Ненасытемъ»; слово это сдѣлалось браннымъ; мальчики дразнятъ меня этимъ недобрымъ словомъ и бросаютъ въ меня каменьями. Видишь эту пятерню... (онъ показалъ свою исполинскую руку); могъ бы сплюснуть любого; да чтожъ въ томъ? (Ненасыть покачалъ головой) и не отмахиваюсь отъ нихъ. Въ груди у меня камень, тяжелѣй тѣхъ, что въ меня кидаютъ; тамъ, видно, засѣлъ... Слышишь, какъ ворчитъ, слышишь? и тамъ называютъ меня Ненасытемъ... Охъ, тяжело, какъ тяжело, хоть бы съ бѣлымъ свѣтомъ разстаться!.. Помоги, добрый человѣкъ выгони его изъ меня. Пойду къ тебѣ въ кабалу по окончаніе живота моего, хоть и говорятъ, что ты поганый латынщикъ, что ты нѣмецкій басурманъ хуже всѣхъ татарскихъ.

И Ненасыть, кончивъ свой разсказъ, плакалъ, горько плакалъ.

Сдѣлавъ ему надлежащее врачебное свидѣтельство Антонъ сказалъ:

— Да, въ тебѣ гнѣздится живая тварь. Съ Божіею помощію, я выгоню изъ тебя поганое животное, и ты будешь здоровъ. Молись Пречистой, и когда Фрязи Аристотель будетъ строить ей храмъ, въ очищеніе души своей отъ грѣха, который тебя тяготитъ, потрудись надъ основаніемъ алтаря.

Ненасыть обѣщалъ, и съ живою вѣрою отдалъ всего себя волѣ врача. Леченіе было успѣшно. На другой день вышла изъ него жаба, которую онъ, вѣроятно, проглотилъ въ зародышѣ со стоячею водой. Исцѣленный, онъ вездѣ разносилъ похвалу лекарю Антону и въ ежедневныхъ молитвахъ своихъ упоминалъ съ благодарностью имя нѣмца, прося Бога обратить его въ православіе. Люди русскіе толковали это врачеваніе по-своему.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОЧАРОВАНІ

Леталъ соловьюшка
По зеленому по кустарничку,
По чистому по березничку,
Залеталъ соловьюшка
Во зеленый садъ незнаючи;
Садился соловьюшка
На вѣточку не вѣдаючи:
Ужъ та ль вѣточка праманчивая,
Ужъ та ль зеленая прилюбчивая,
Соловью показалася,
Громкому понравилася,
Не хочетъ съ ней и разстаться.

Что дѣлалось въ это время на другой половинѣ каменныхъ палатъ? Пора и туда заглянуть.

Пребываніе басурмана въ палатахъ Образца одѣло ихъ какимъ-то мракомъ; казалось, на нихъ начерченъ былъ знакъ отверженія. Зато все въ домѣ кляло и ненавидѣло поганаго нѣмчина: каждый день ходили новые слухи о связи его съ нечистымъ или о его худыхъ дѣлахъ. То видали, какъ бѣсъ влеталъ къ нему черезъ трубу падучею звѣздою, или таскались къ нему по ночамъ молодыя вѣдьмы. То наказывали отцамъ и матерямъ прятать отъ него дѣтей, особенно пригожихъ; онъ-де похищаетъ ихъ, чтобы пить ихъ кровь, отъ которой молодѣетъ и хорошѣетъ. То повѣряли другъ другу за тайну, что онъ заговорилъ Мамону

желѣзо на случай судебнаго поединка, что онъ вызвалъ нечистый духъ изъ Ненасытя въ видѣ жабы, которую держитъ у себя въ скляницѣ для перваго, кто ему не понравится, что, проходя мимо церкви, боится даже наступить на тѣнь ея. Видали нерѣдко какъ дьякъ Курицынъ, величайшій изъ еретиковъ, посѣщалъ его, когда люди ложатся спать, и проводилъ съ нимъ цѣлыя ночи въ дѣлахъ бѣсовскихъ, и какъ въ полночь нечистый вылеталъ отъ него изъ трубы дымнымъ клубомъ. Умирали холопъ или рабыня въ домѣ—виноватъ былъ басурманъ; хворала домашняя скотина—*хозяинъ* домовой не полюбилъ басурмана. Вынуждены были достать *живого огня* (растираніемъ двухъ кусковъ дерева, замѣтьте, вечеромъ, когда въ домѣ не засвѣчали еще ни одного огня и залитъ былъ тотъ, который оставался въ печахъ); развели костеръ и заставили каждую скотину, перепрыгивая черезъ него, очищаться отъ навожденія вражьяго. Всѣ жильцы каменныхъ палатъ (разумѣется, на боярской половинѣ) приходили черпать изъ этого священнаго костра и зажигали въ немъ свои свѣточи. Новый *живой огонь* разбѣжался по дому и освѣтилъ его снова здоровъ. Хорошо еще, что сердце *хозяина* улеглось отъ очистительной потѣхи Съ этого времени четвероногіе пользовались вождѣленнымъ здравіемъ. Съ этого времени и въ палатахъ стали *мести на ночь*, чтобы ангеламъ-хранителямъ, въ ночную тишь, любо и привольно было обхаживать спящихъ, чтобы они не запнулись обо что и за то не разгнѣвались.

Образецъ не зналъ, какъ освободиться отъ такого постояльца, и не видѣлъ конца своему басурманскому плѣненію. Просить Ивана Васильевича о разрѣшеніи

узъ своихъ, не смѣлъ: Антонъ-лекарь каждый день болѣе и болѣе входилъ въ милость великаго князя. Въ горѣ своемъ бояринъ нерѣдко сравнивалъ себя съ многострадальнымъ Іовомъ, котораго всѣ язвы, казалось, готовъ онъ былъ принять вмѣсто этого плѣна.

Недокрещенцу, слугѣ Антона, очень понравилось у него. — «Свой своему поневолѣ брать», — говорили на половинѣ боярской, и паробку не позволяли ни подъ какимъ предлогомъ являться на эту половину. Самого Андрюшу, полюбившаго басурмана, принималъ Образецъ не такъ ласково, какъ бывало, и требовалъ, чтобы онъ, приходя къ нему, дѣлалъ умовеніе. Одна Анастасія любила попрежнему своего крестника, и еще болѣе прежняго находила удовольствіе съ нимъ бесѣдовать. О комъ же — отгадаете-ль? — о басурманѣ.

О басурманѣ?.. Можетъ ли статься!

Вотъ видите, добрые люди, Анастасія была очарована.

Волшебникъ околдовалъ ее съ перваго раза, какъ она увидѣла его: въ этомъ Анастасія твердо убѣждена была. Иначе какъ же объяснить, что чувствовала къ нѣмчину, который знается съ нечистыми? Кому ужъ, какъ не ей, твердили столько худого на счетъ басурмана! И чтожь? сколько мамка ни берегла ее отъ худого глаза, умывая водой, на которую пускала четверговую соль и уголья; какъ ни охраняли рои сѣнныхъ дѣвушекъ, что ни говорили ей въ остереженіе отецъ, домашніе и собственный разумъ, покоренный общимъ предразсудкамъ, но поганый нѣмчинъ, латынщикъ, чернокнижникъ, лишь съ крыльца своего, и Анастасія находила средства отдалить отъ себя мамку, дѣвичью стражу, предразсудки, страхъ, стыдливость—

и тутъ какъ тутъ, у волокового окна своей свѣтлицы.

Замѣтьте, волоковое окно есть особенная характеристическая принадлежность русскаго народа. Еще и въ наше время принудьте мѣщанина, крестьянина сдѣлать у себя на зиму двоіиныя рамы: онъ хоть и сдѣлаетъ ихъ, но все-таки оставитъ одно окно свободнымъ, которое можетъ отодвигать и задвигать, когда ему вздумается. Безъ этого окна онъ у себя дома, какъ въ тюрьмѣ: ему грустно, ему душно; онъ скорѣй согласится выбить стекло. Что ему до мороза, желѣзному сыну Сѣвера? Окутанный снѣгами, онъ и въ жестокій морозъ отворяетъ свое дорогое окошечко, и черезъ него любуется свѣтомъ Божіемъ, ночнымъ небомъ, усыпаннымъ очами ангеловъ, глазѣетъ на мимоходящихъ и ѣдущихъ, слушаетъ сплетни сосѣдей, прислушивается съ какимъ-то умилительнымъ соучастіемъ къ скрипучему оттиску шаговъ запоздалаго путника по зимней дорогѣ, къ далекому, замирающему въ снѣжной пустынѣ звону колокольчика—звукамъ, имѣющимъ грустную прелесть для сердца русскаго.

Въ заточеніи Анастасіи волоковое окно, замѣнявшее фряжское, было также ея усладою. Оно сдѣлалось роковымъ съ той поры, какъ она увидѣла черезъ него молодого, пригожаго иноземца. Невольно, несмотря на строгія запрещенія, глядѣла черезъ его скромное, одинокое стеклышко, или осмѣливалась даже отодвинуть его, такъ однакожъ, чтобы ея не было видно. Стеклышко было всегда чисто; а когда сердитый морозъ пушилъ его своимъ дыханіемъ, чего не дѣлала она, чтобы согнать съ него снѣжную оболочку!

Вотъ онъ, этотъ чародѣй, вотъ пригожій иноземецъ! Какъ огонь его голубыхъ глазъ пожираетъ пространство! какъ бѣлизна лица его споритъ со снѣгомъ, когда разливается по немъ огненная заря! Какой стройный, могучій станъ, молодецкая походка! Какъ пристала къ нему богатая его одежда! Сильно бьется сердце Анастасіи, будто хочетъ вырваться изъ груди и полетѣть къ нему, то расцвѣтетъ, то заноетъ. Она любуется имъ, провожаетъ его до воротъ, какъ вѣрная рабыня, проводомъ своихъ очей, глотаетъ горячіе слѣды его. Вотъ брякнуло кольцо — онъ исчезъ... Сердце замерло, какъ будто потонулъ онъ въ вѣчности. Грустно, такъ грустно, хоть бы бѣлаго свѣта не видать. Но придетъ опять очаровательъ!.. И Анастасія ждетъ его минуты, часы, иногда цѣлый день. Бѣдная лишилась и пищи, и если вкушаетъ ее, такъ для того только, чтобы скрыть отъ домашнихъ свою душевную болѣзнь. Да она больна, она очарована.

Часто спрашиваетъ себя о причинѣ своей тоски, требуетъ у сердца отчета, почему оно любитъ иноземца, басурмана, котораго гнушаются всѣ добрые люди и клянетъ отецъ, чью вѣру прокляли святые отцы на Соборѣ. Очарованіе!—говоритъ ей разсудокъ: другой причины нѣтъ и не можетъ быть. Нерѣдко прибѣгаетъ она къ Божіей Матери, съ горячими слезами молитъ Ее спасти отъ сѣтей лукавого. Минуты двѣ, три спокойна, и опять образъ пригожаго иноземца, словно живой, передъ нею, сидитъ съ нею рядомъ, держитъ ея руку въ своей. Сомкнула ли глаза, — то же самое неземное существо, котораго видѣла въ сонныхъ грезахъ дѣтства, то самое, только съ очами, съ улыбкою нѣмчина, лежитъ у ногъ ея, сложивъ бѣлыя

крылья. Проснется, и тоска въ сердцѣ, будто жало, сидитъ въ немъ. Часто слышитъ она очаровательные зруки (Антонъ игралъ на лютнѣ). Это самые тѣ небесные голоса, тѣ гусли-самогуды, которыя въ сонныхъ видѣніяхъ ея дѣтства такъ сладко пѣли надъ сердцемъ ея.

Иногда Андрюша приходитъ отъ лекаря къ своей крестной матери. Бесѣды съ крестникомъ всѣ о немъ одномъ, объ очарователѣ. Андрюша съ жаромъ разсказываетъ, какъ другъ его добръ, ласковъ, чувствителенъ, старается всѣми доводами сердечной ласки доказать ей несправедливость худыхъ слуховъ о немъ, клянется ей всѣмъ, что для малютки священнѣе въ мірѣ, что Антонъ не колдунъ, не басурманинъ-татаринъ, а христіанинъ, какъ русскіе, только не-русской вѣры. Анастасія хотѣла бъ вѣрить и не смѣетъ, не сможетъ. Онъ не чародѣй? Почему жъ она его любитъ, когда онъ не сказалъ ей словечка, не взглянулъ даже на нее хоть разъ!.. Что онъ христіанинъ и нерусской вѣры, не носитъ *тѣльника* (креста на груди), бѣдная никакъ не можетъ согласить, никакъ не въ состояніи понять этого. Только когда Андрюша собирается отъ нея опять къ лекарю, Анастасія даритъ на прощаніе своего крестника сладкимъ поцѣлуемъ и невольно, атласною ручкою, осѣняетъ его крестомъ. Не хотѣла ли передать то и другое иноземцу?..

И все о пригожемъ иноземцѣ, и вездѣ, во всякое время, только онъ.

Рѣшено, она больна, она очарована.

А молодой врачъ, весь преданный наукѣ, забылъ есть ли на свѣтѣ какая Анастасія.

Такъ прошло нѣсколько недѣль.

Пришелъ день Благовѣщенія. По городу разостлался звонъ колоколовъ. Почти все живущее на половинѣ боярской хлынуло въ храмы Божьи. Осталась Анастасія съ вѣрною мамкою, нѣсколько сѣнныхъ дѣвушекъ и другихъ дворчанъ. И мамка, и дѣвушки, и прочіе служители, всѣ по своимъ угламъ, затепливъ передъ иконами свѣчи, молились. Помолилась Анастасія, и сѣла потомъ у рскового окна. Какая-то святая тишина налегла на весь домъ: ни дверь не стукнетъ, ни кольцо въ ворота не брякнетъ, и слово неосторожное не канетъ въ эту глубокую тишь. Нарушить ее—святотатство. На половинѣ у Антона тоже спокойствіе и безмолвіе. Онъ грустно сидѣлъ у своего окна. Не вспомнилъ ли моленіе съ единовѣрцами въ храмахъ своего второго отечества, Италіи, дружеское пожатіе руки ученымъ мужемъ, привѣтливую улыбку и огненный взоръ дѣвы, ласки и благословенія матери? Не почувствовалъ ли грубое отчужденіе свое отъ семейной жизни въ Москвѣ и свое одиночество?

Тихо въ домѣ, какъ въ пустынѣ. Наконецъ онъ слышитъ надъ собой шаги... шаги дѣвушки и, какъ сказывали ему, прекрасной, милой, доброй. Сколько привлекательнаго роится около нея! Она одна, онъ также. Словно они одни въ домѣ, одни въ свѣтѣ. Не понимаютъ ли другъ друга? не сообщаются ли ихъ души чрезъ эту легкую перегородку, ихъ раздѣляющую? Почему знать!.. Говорилъ же онъ когда-то Андрюшѣ, что «между ними и Анастасіей существуетъ магическій, тройственный союзъ». Зачѣмъ разрушилъ онъ этотъ союзъ равнодушіемъ къ нему?.. Мечты о немъ могли бы расцвѣтить мрачные часы его жизни. Почему нѣтъ съ нимъ Андрюши чтобы пого-

ворить о прекрасной Анастасіи, перенять отъ него поцѣлуи ея и благословенія, и вновь скрѣпить этотъ тройственный союзъ?

Запѣли снова колокола; моленіе въ нѣкоторыхъ церквахъ кончилось.

Андрюша на поминѣ легокъ. Нынче его предупреждаютъ разнородное щебетаніе и чиликаніе птицъ. Весь запыхавшись, разрумяненный, влетаетъ онъ въ комнату. Въ рукахъ держитъ онъ торжественно трофей нынѣшняго дня — огромную клѣтку со множествомъ пернатыхъ. Все чижики, жаворонки, зяблики, все вѣстники благодатной весны. Это подарокъ Андрюшѣ отъ дѣтей великокняжескихъ. Бѣдные плѣнники такъ и бьются въ своемъ тѣсномъ заточеніи. — Что хочешь съ ними дѣлать? — говорилъ Антонъ.

— Окно, отвори окно! — кричитъ въ восхищеніи малютка. — Развѣ не знаешь! нынѣ Благовѣщеніе.

Антонъ съ удовольствіемъ покоряется волѣ своего маленькаго друга. Окно отворено, и черезъ него хлынулъ въ комнату свѣжій, весенній воздухъ; солнце бросило въ нее горсти ослѣпительнаго золота, какъ бы радуясь своему первому годовому празднику. Сотни птичекъ рѣяли въ воздухѣ туда и сюда, щебетали, пѣли на деревьяхъ, наигрывавшихъ уже почку [1]), на кровляхъ, на заборахъ. Никогда еще Антонъ не видалъ въ городахъ такого многочисленнаго собранія птицъ.

---

[1]) Г. Булгарину кажется это выраженіе не русскимъ. Пускай спроситъ онъ перваго ростовскаго огородника, перваго русскаго мужичка, и опять устыдится своего незнанія. Впрочемъ, гдѣ-жъ было ему ознакомиться съ народнымъ русскимъ выраженіемъ!

— Слышишь, какъ онѣ празднуютъ свободу свою, какъ онѣ благовѣстятъ? — сказалъ Андрюша. — Нынче выпускаютъ на волю крылатыхъ узниковъ; нынче выкупаютъ изъ тюрьмы и людей, которые содержатся тамъ за долги.

— Какое прекрасное обыкновеніе, — сказалъ лекарь, — оно мирятъ меня съ русскими Правду говоритъ твой отецъ. «подъ грубою оболочкою ихъ нравовъ скрывается много прекрасныхъ качествъ».

Между тѣмъ Андрюша отворилъ дверцы клѣтки.

— Ступайте и вы благовѣстить,—промолвилъ онъ, и плѣнники его, одинъ передъ другимъ, тѣсня другъ друга, спѣшили высыпать изъ своего заточенія. Многіе тотчасъ скрылись изъ виду; иные, какъ будто удивляясь неожиданной свободѣ своей, сѣли неподалеку, охорашивая крылышки и осматриваясь. Только на днѣ клѣтки, за особенною перегородкою, осталась одна птичка. Долго смотрѣлъ на нее Андрюша съ сожалѣніемъ и нерѣшительностью. — Эта пѣла у меня такъ хорошо цѣлую зиму, — грустно сказалъ онъ.

Антонъ ничего не отвѣчалъ, но посмотрѣлъ ему въ глаза, какъ бы упрашивая за бѣднаго плѣнника. Малютка, съ быстротой молніи, понялъ его.

— Правда, — промолвилъ онъ, —пѣвецъ веселилъ меня такъ долго, тѣмъ скорѣе и выпустить его надо. Но этому пускай дастъ свободу моя крестная мать: онъ такъ пригожъ.

И мальчикъ исчезъ съ своимъ дорогимъ пѣвцомъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ Антонъ услышалъ, что верху, въ свѣтлицѣ надъ нимъ, отворяютъ окно. Онъ высунулъ голову далеко изъ своего окна, взглянулъ на верхъ... Сперва мелькнула бѣлая ручка, изъ которой

выпорхнула пташка, а потомъ обрисовалось лицо женщины (онъ въ жизнь свою ничего прекраснѣе не видывалъ), и потомъ палъ на все его существо тяжкій, волшебный взоръ карихъ очей. И мигомъ исчезло прекрасное видѣніе. Будто обезумленный, онъ остолбенѣлъ, въ глазахъ его помутилось. Опомнясь, Антонъ старался привести свои мысли въ порядокъ. Что видѣлъ онъ? Земное ли существо, или жителя неба?.. Онъ помнитъ чудный очеркъ лица, и вспышку румянца по немъ, и томный, огненный взглядъ, и темнорусую, длинную косу, неосторожно выпавшую изъ окна, и бѣлую ручку. Все это врѣзалось въ его сердцѣ. Мы сказали ужъ, что онъ не любилъ ни одной женщины, тѣмъ сильнѣе было новое чувство, вдругъ охватившее его. Оно было вмѣстѣ и чувство одиночества, жизни на чужбинѣ, жажда души пламенной, любящей, но сокрытой доселѣ подъ холодною корою наружности и обстоятельствъ, жажда сообщиться съ душою, его понимающею, перенести свои ученыя надежды, едва ли не обманутыя, свое влеченіе къ прекрасному на живое существо. Родникъ сотни лѣтъ скрывался подъ тяжелымъ утесомъ; ударилъ въ этотъ утесъ молотъ грозы, и родникъ забилъ живымъ серебромъ. Попытайте остановить его. Вотъ вамъ любовь, какою любятъ въ первый и въ послѣдній разъ характеры сильные, необыкновенные. Можетъ быть, любовь романовъ, скажете вы, прибавьте—и XV вѣка, рѣзко отмѣченнаго печатью чрезвычайнаго и еще не сбросившаго съ себя желѣзной брони, закаленной въ огонь рыцарства.

Съ этого времени Анастасія для Эренштейна не существо воображаемое, имя это не соединеніе пу-

стыхъ звуковъ, не простое слово. Въ немъ соединена и красота земная, и красота небесная, доброта, умъ, чистота, сила души. Имъ славословитъ онъ природу, человѣчество, Бога; оно союзъ его съ Русью, ковчегъ его жизни и смерти Съ этого времени уединеніе его населяется; въ немъ живетъ Анастасія. Любовь его безотчетна. она вся въ своемъ источникѣ, въ сердцѣ; разсудокъ въ ней не участвуетъ Любовь его чиста, какъ безоблачное небо. Ни одинъ темный помыселъ не помутитъ этого чувствованія. Ничего не желаетъ онъ, кромѣ того, чтобы видѣть Анастасію, только смотрѣть на нее. Но боязнь ее оскорбить, навлечь на нее подозрѣніе, укрощаетъ въ немъ и это желаніе. Онъ не смѣетъ въ другой разъ открыть окно подъ свѣтлицей. Могутъ увидѣть отецъ, братъ, свои, посторонніе люди; могутъ подумать что-нибудь худое на счетъ дѣвушки. Но часто прислушивается онъ. не стукнутъ ли вверху окномъ? Нѣтъ, все тихо.

Выходя изъ дому и придя домой, не видитъ онъ болѣе Анастасіи; только иногда, возвращаясь къ себѣ, находитъ на крыльцѣ брошенную сверху вѣтку, перо попугая, которое было подарено Софьей Фоминишной маленькому любимцу великаго князя и перешло отъ Андрея къ дочери боярина. Разъ нашелъ онъ даже ленту изъ косы. Онъ понимаетъ, откуда дары, онъ понимаетъ эту нѣмую бесѣду, и счастливый, дорожитъ ею выше всѣхъ милостей Ивана Васильевича.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

БѢГЛЕЦЪ

А Иванъ Васильевичъ особенно жаловалъ своего дворскаго лекаря. То пришлетъ сказать ему свое милостивое слово, то съ приказомъ *видѣть его* царскія *очи*, то съ блюдомъ со стола своего или съ поставомъ нѣмецкаго сукна на платье. Нерѣдко бесѣдуетъ онъ съ нимъ. Антонъ начинаетъ довольно хорошо изъясняться по-русски; однакожъ служатъ имъ переводчиками большею частью или Андрюша, или Аристотель, способствующій и радующійся отъ души возвышенію братнина воспитанника. Бесѣды ихъ чаще всего о дѣлахъ Италіи, такъ знакомой Эренштейну. Особенно любитъ великій князь слушать разсказы о томъ, какъ латинское царство, прежде столь сильное, нынѣ чахнетъ, раздѣленное на мелкія республики, и старается изъ этихъ разсказовъ, льстящихъ силѣ его характера, выводить для себя полезные уроки. Антонъ передаетъ ему, въ какомъ порядкѣ, съ недавняго времени, учреждена во Франціи почта и, по ея примѣру, въ нѣмецкихъ земляхъ.—Иванъ Васильевичъ заводитъ у себя почты, ямы. Антонъ объясняетъ ему и другія ново-

веденія въ Европѣ, и великій князь собирается и ими воспользоваться при первомъ случаѣ.

Такимъ-то посредничествомъ современное, сильное развитіе человѣчества на Западѣ находитъ въ чуткой душѣ Іоанна отзывъ, хотя и грубый, безотчетный, безсознательный, черезъ дочь Палеолога, пословъ нѣмецкихъ и русскихъ, художниковъ, лекарей, путешественниковъ. На Западѣ кабинетская дѣятельность властителей, переговоры ихъ черезъ довѣренныхъ людей, гимнастика ловкаго, хитраго ума, получившіе названіе политики, дипломатіи, начинаютъ замѣнять силу войскъ: этими орудіями мастерски пользуется и Иванъ Васильевичъ. Тамъ народы и государи ихъ сосредоточиваютъ свои силы: то же дѣлаетъ и великій князь русскій, соединяя воедино удѣлы. Тамъ идея царя облекается въ важныя, великолѣпныя формы и обряды, дѣйствующіе на чувства массъ: дворъ, мѣста, цѣлованіе руки, блестящій пріемъ пословъ чужеземныхъ, столы, снаряженіе дворцовъ, гербъ, титулъ— дають этой идеѣ олицетвореніе и у насъ. На Западѣ учреждается регулярное войско: Іоаннъ также устраиваетъ полки. Я сказалъ уже объ основаніи почты. Мы увидимъ также, что духъ умственной пытливости, давшій XV вѣку Виклефа, Гусса и наконецъ Лютера, сообщился и нашей Руси подъ видомъ жидовской ереси. Однимъ словомъ: тогдашняя жизнь Европы, хотя и подъ формами грубыми, доходила и до насъ. Не мое дѣло объяснять здѣсь, почему эта жизнь, послѣ Іоанна III, не получила у насъ такого отчетистаго, послѣдовательнаго развитія.

Мы сказали, что Иванъ Васильевичъ сосредоточивалъ силы свои и Руси. Тверь отдѣляла его отъ сѣ-

верныхъ областей: онъ рѣшилъ правдою и неправдою уничтожить эту преграду и соединить сердце Руси съ ея сѣверомъ. Приготовивъ заранѣе ревностныхъ себѣ доброжелателей въ Твери и, какъ мы видѣли въ первой части романа, причину къ объявленію войны ея князю, Иванъ Васильевичъ кликнулъ рать, чтобы докончить однимъ ударомъ то, что подрывалъ такъ долго хитростью.

И вскипѣла земля Русская.

Всѣла московская рать на коня, другой велѣно идти изъ Новгорода. Русскіе при Иванѣ Васильевичѣ вкусили уже *ратной чести* не однажды; было и нынѣ много *охотниковъ* искать ея. Огнестрѣльными орудіями управлялъ Аристотель, отторгнутый отъ великаго труда своего; художникъ снова преобразился въ *розмысла*.

Чтобы поручить это войско достойному вождю, ожидали въ Москву знаменитаго воеводу, *служебнаго* князя Даніила Дмитріевича Холмскаго. Болѣзнь, мнимая или настоящая, задерживала его въ дальнемъ помѣстьѣ. Мнимая, сказалъ я, и то не мудрено, потому, что онъ родомъ тверчанинъ, потомокъ тверскихъ князей долженъ былъ не охотно повиноваться приказу своего владыки, идти противъ родины своей.

И дворскому лекарю приказано всѣсть на коня. Онъ долженъ былъ сопутствовать великому князю, который собирался самъ идти съ войскомъ. Иванъ Васильевичъ, подъ щитомъ военачальника своего, безопасно хотѣлъ заслужить имя покорителя Твери. Съ удовольствіемъ получилъ Эренштейнъ этотъ приказъ, дававшій ему способы разсѣять хоть нѣсколько свои чувства къ Анастасіи и обѣщавшій ему возможность показать свои услуги человѣчеству. Въ этихъ наде-

ждахъ проявлялся и врожденный духъ рыцарства, который смирить не могло ни воспитаніе, ни скромное, мирное званіе лекаря. Природа невольно тянула его къ тому назначенію, съ котораго совратило мщеніе Фіоравенти. Надежды его питалъ и Аристотель, желавшій воспитаннику своего брата новыхъ почестей, новаго возвышенія.

Послѣ дня, проведеннаго на площадяхъ, гдѣ собирались полки, Антонъ легъ спать; но заснуть не могъ, волнуемый ли мыслью объ Анастасіи, мелькнувшей передъ нимъ, какъ прекрасное, волшебное видѣніе, или мыслью о походѣ, который представлялся пламенному воображенію его, его благородному сердцу, въ очаровательной картинѣ. Вдругъ, посреди этихъ мечтаній, не дававшихъ ему уснуть, слышитъ онъ на улицѣ странные крики. Кричатъ: — «лови! лови! здѣсь, сюда! къ палатамъ Образца! головой за него отвѣчаемъ!»

Антонъ отворяетъ окно на улицу. Ночь такъ темна, что городъ, кажется, скрытъ подъ сводомъ земнымъ; предметы слились въ одну черную массу. Едва можетъ онъ различить движеніе нѣсколькихъ фигуръ, то перескакивающихъ черезъ рѣшетки (или рогатки), то исчезающихъ во мракѣ. Онъ слѣдилъ ихъ болѣе слухомъ, нежели глазами.

Вотъ ближе къ дому, что-то шевелится... что-то скребетъ по стѣнѣ и—передъ нимъ высокая, необыкновенно высокая фигура, загородившая собою почти все окно. Надобна нечеловѣческая сила и ловкость, чтобы взобраться по стѣнѣ на такую высоту. Эта мысль, внезапность чрезвычайнаго явленія, заставили Антона въ первую минуту испуга отодвинуться назадъ.

— Спаси, ради Господа, спаси!—говоритъ вполголоса неизвѣстный, и, не дожидаясь отвѣта, вскакиваетъ въ окно такъ быстро и сильно, что едва не сваливаетъ лекаря съ ногъ, потомъ осторожно запи раетъ окно.

Антонъ не знаетъ что подумать объ этомъ явленіи, да и не имѣетъ времени. Высокая фигура стоитъ передъ нимъ, будто на ходуляхъ, ощупываетъ его, беретъ его за руку, жметъ ее и, запыхавшись, говоритъ вполголоса:

— Спаси... меня ловятъ *недѣльщики*... меня хотятъ заковать въ желѣза. Друже мой, ты ли это, или Иванъ Хабаръ?

— Нѣтъ, но все равно... Чего хочешь?—отвѣчаетъ лекарь, догадываясь, что несчастный, убѣгая отъ преслѣдованій, ищетъ скрыться у своего друга, Образца. «Другъ воеводы — думаетъ онъ — не можетъ быть злодѣй».

— Нѣтъ?.. Боже мой, кто же ты?.. А! понимаю.. лекарь-нѣмецъ... я пропалъ.

И говорившій отшатнулся, какъ бы хотѣлъ броситься въ окно

Антонъ удерживаетъ его, и съ необыкновеннымъ одушевленіемъ отвѣчаетъ ему по-русски, какъ умѣетъ:

— Да, я лекарь, но христіанинъ такой же, какъ и русскіе. Не бойся. Повѣрь Божьей Матери.

— Добро, вѣрю Матушкѣ. По голосу твоему слышу, ты не злодѣй. Вотъ видишь, я — воевода, князь Холмскій. Можетъ быть, слыхалъ обо мнѣ.

— Аристотель много разсказывалъ мнѣ о славном побѣдителѣ Новгорода

— Этого-то побѣдителя, по приказу великаго князя, ловятъ теперь... хотятъ въ желѣза, въ тюрьму...

— Какъ-такъ? Тебя ждали нынѣ изъ помѣстья твоего, чтобы поручить тебѣ рать московскую, которая идетъ на Тверь.

— Я пріѣхалъ... былъ у Ивана Васильевича... Тверь моя родина... я отказался идти... Но слышишь? стучатъ въ ворота, будто бьютъ въ набатъ. Избавь отъ желѣзъ, отъ чернаго позора...

— О! когда такъ, спасу, хоть бы пришлось заплатить жизнью своею. Развѣ по мертвому тѣлу дойдутъ до тебя.

Дѣйствительно, въ ворота стучались такъ, что стѣны въ домѣ дрожали. Кричали:

— Отворяй ворота... именемъ господина великаго князя, отворяй... не то выбьемъ вонъ!

Стукъ, крикъ, шумъ увеличивались.

Все въ домѣ спало крѣпкимъ сномъ; все переполошилось и встало на ноги — бояринъ, боярышня и дворчане: псари, сокольники, птичники, бражничіе, повара, конюшіе, истопники, огородники, сѣнныя дѣвушки и проч., и проч., что составляло тогда дворню боярина. Мужчины кидались въ ужасѣ, кто куда попалъ, будто на пожарѣ, спрашивали другъ друга о причинѣ тревоги, зажигали свѣточи, толкали другъ друга. Слышали имя великаго князя, и думали, не самъ ли онъ по какимъ-нибудь наговорамъ пріѣхалъ забрать ихъ господина. Бояринъ испугался, ожидая чего-то чрезвычайнаго, и прибѣгнулъ съ молитвой къ небесной Заступницѣ. Анастасія была ни жива, ни мертва. Брата ея не было дома; онъ гдѣ-то проводилъ разгульную ночь.

Между тѣмъ Антонъ не дремалъ.

У него былъ огромный шкапъ съ аптекой. Разомъ ящики и стклянки вонъ, плѣнника туда.

— Что? дышать свободно?

— Свободно.

Плѣнникъ присѣлъ на корточки, но и такъ не умѣщался. Что дѣлать?..

— На колѣна. Вотъ такъ, хорошо. Съ Богомъ.

Дверцы на замокъ, ящики и стклянки подъ кровать.

Въ этомъ-то бѣдномъ шкапѣ, служившемъ басурману для храненія его зелій, въ такомъ-то унизительномъ положеніи, помѣстился правнукъ князя Всеволода Андреевича Тверского, вождь знаменитый, герой шелонскій, побѣдитель Новгорода и Казани, лучшій самоцвѣтъ въ вѣнцѣ Іоанна, слава и честь Руси. Тотъ, который заставлялъ бѣжать отъ себя тысячи воиновъ, непріятелей его отечества, который, стоя съ полками передъ страшнымъ Ахметомъ, въ роковую для Руси минуту, не послушался повелѣнія грознаго владыки отступить, теперь такъ испугался гнѣва Ивана Васильевича, что спрятался у нѣмчина въ шкапѣ.

Именемъ великаго князя отворяютъ ворота. Бояринъ Мамонъ тутъ, при этой экспедиціи. Онъ вездѣ, гдѣ только есть выполненіе жестокой воли, гдѣ злобной душѣ его есть упражненіе, достойное ея; вездѣ онъ, особенно гдѣ можетъ найти случай мстить врагу своему Предводя недѣльщиками, боярскими дѣтьми, онъ объявляетъ дворчанамъ Образца, что, по приказу Ивана Васильевича, велѣно имъ поймать *служебнаго* князя Даніила Дмитріевича Холмскаго, что они гнались за нимъ изъ дома его до палатъ боярина и что ему негдѣ укрыться, какъ въ этихъ палатахъ. Въ ру-

кахъ одного недѣльщика и желѣза, въ которыя должно сковать бѣглеца. Мамонъ требуетъ именемъ великаго князя, чтобы дозволили ему сдѣлать осмотръ во всемъ домѣ.

Смѣетъ ли Образецъ противиться этому грозному, священному имени, Образецъ, который держитъ это имя по старинѣ, по наказу родительскому, который блюдетъ его въ сердцѣ, какъ завѣтъ Бога?

Недѣльщики, боярскія дѣти, толпою, подъ начальствомъ неистоваго Мамона, вторгаются въ палаты, словно непріятели, вырываютъ свѣточи изъ рукъ холоповъ, шумятъ, голосятъ, гремятъ желѣзами, всюду проникаютъ въ клѣти и подклѣти, въ божницу и повалушу, на дворы, въ сады, въ жилыя и нежилыя строенія, вездѣ шарятъ, тычутъ мечами, все переворачиваютъ вверхъ дномъ. И до свѣтлицы Анастасіи доходитъ отчаянная ватага. Но здѣсь она встрѣчаетъ преграду — дѣвичью стыдливость, охраняемую любовью отца и брата; здѣсь, у дверей свѣтлицы, ожидаютъ Мамона самъ старикъ Образецъ и сынъ его, успѣвшій прибѣжать домой по первому извѣстію вѣрнаго служителя. Оба вооружены. Ихъ окружаютъ нѣсколько молодцовъ съ топорами, съ дубинами, готовыхъ по первому взгляду господина послать въ другой міръ безъ покаянія того, кого укажетъ имъ этотъ взглядъ. Въ виду этой живой твердыни запнулись шаги Мамона; онъ остановился передъ ней съ своею дружиной.

— Видитъ Господь, — сказалъ съ твердостью Образецъ, — въ терему моей дочери нѣтъ и не можетъ быть князя Холмскаго. Но сдѣлаешь шагъ впередъ, Мамонъ, и (старикъ затрясся) не введи въ грѣхъ кровавый.

Что? свидѣлись опять, пятенщикъ мой? — сказалъ Мамонъ съ адскою усмѣшкой.

Сѣдыя, густыя брови воеводы нахмурились; лучи раскаленныхъ глазъ его устремились на врага и, казалось, проницали его насквозь; исполинскою, жилистой рукой сжалъ онъ судорожно мечъ, грудь его поднялась, какъ разъяренный валъ, и, издавъ какой-то глухой звукъ, опустилась. Боярина смирила мысль, что будетъ пролита кровь при дверяхъ дочерниной комнаты. Онъ видѣлъ движеніе руки своего сына и, стиснувъ ее, предупредилъ роковой ударъ.

Эту грозную мимику понялъ Мамонъ; онъ спѣшилъ отступить.

— Мы еще не были въ клѣтяхъ лекаря, — сказалъ онъ, собираясь внизъ.

— Туда, и къ чорту, или къ своей матери колдуньѣ, а если замѣшкаешься, берегись оставить здѣсь поганыя кости свои! — закричалъ Хабаръ-Симской вслѣдъ ему.

Мамонъ остановился и, покачавъ презрительно головой, послалъ ему въ сердце адскую усмѣшку.

— Батюшка, позволь! — вскричалъ Хабаръ внѣ себя.

Образецъ опять остановилъ его и сказалъ съ твердостью.

— Постой, сынъ; вездѣ, гдѣ хочешь, лишь бы не здѣсь, у свѣтлицы твоей сестры.

— Слышишь?.. — былъ вопросъ Симскаго, полный жажды мести.

— Слышимъ-ста! — былъ глухой отвѣтъ Мамона.

Стукъ, бѣготня въ домѣ, крикъ, шаги вверху, у свѣтлицы Анастасьиной, все это отдается въ ушахъ и сердцѣ Эренштейна, трепещущемъ отъ неизвѣстности,

что дѣлается въ семьѣ боярина. Дорого заплатилъ бы онъ, чтобы тамъ быть. Но вверху все замолкло, шумъ оборачивается въ его сторону, приближается къ нему. Стучатся въ сѣняхъ. Онъ высѣкаетъ огня.

Какая досада, какая мука! слѣды огромныхъ ступней, ходившихъ по грязи, означились на полу и провели дорожку прямо къ шкапу

Что дѣлать?.. Платье, утиральники, что ни попадается въ руки—на полъ, и предательскіе слѣды уничтожены. Слава Богу!

Онъ только-что къ двери, слышитъ: что-то рухнулось въ шкапѣ такъ, что двери затрещали; потомъ смертное хрипѣніе, потомъ глубокій вздохъ и — гробовая тишина.

У Антона сердце оторвалось, волосы стали дыбомъ.

Что, если Холмскій, пораженный гнѣвомъ великаго князя, мыслью о заточеніи и казни, истерзанный страхомъ, измученный скоростью побѣга, усиліями взлѣзть на стѣну, всѣмъ, что его такъ ужасно и такъ внезапно разомъ обхватило,—если онъ испустилъ духъ?.. Можетъ быть, задохся въ шкапѣ... можетъ быть, ударъ! Ужасно!

Князя Холмскаго найдутъ мертвымъ у лекаря... Что скажетъ молва?.. И такъ слыветъ онъ чернокнижникомъ; назовутъ его убійцей. Потребуютъ его головы. Властитель, разгнѣванный укрывательствомъ бѣглеца, выдастъ ее народу. Антонъ знаетъ, что такое озлобленный народъ: лютость звѣря ничего передъ его жестокостью. Онъ имѣетъ довольно духу идти въ битву со смертью на одрѣ болѣзни, даже на плахѣ, которой онъ не заслужилъ; онъ готовъ идти въ битву, когда потребуетъ долгъ; но смерть въ когтяхъ разъяреннаго

народа — ужасна. И, что еще ужаснѣе, онъ будетъ невольной причиною смерти ближняго..

Посмотрѣть въ шкапъ, испытать врачебныя средства, нѣтъ возможности. Стучатся еще сильнѣе. Замѣшкаешься отворить, навлечешь на себя подозрѣніе и усилишь розыски. Кто знаетъ? могутъ выколотить дверь, и тогда застанутъ его очи на очи съ бѣглецомъ.

А Холмскій, можетъ статься, живъ!

Ни разумъ, ни сила духа и мышцъ, ничто человѣческое не спасетъ. Развѣ Богъ, одинъ Богъ! Все упованіе на Него.

Адъ въ груди; между тѣмъ Антонъ старается составить свое лицо прилично обстоятельствамъ. Стилетъ подъ мышку, лампаду въ руки, и дверь въ сѣни отворена.

Передъ нимъ Мамонъ и его дружина.

— Что вамъ отъ меня, въ ночное время? — грозно спрашиваетъ Антонъ.

— Не взыщи, господине лекарь, — отвѣчаетъ Мамонъ, почтительно кланяясь, — по приказу великаго князя ищемъ важнаго бѣглеца. Онъ бѣжалъ сюда къ палатамъ боярина, здѣсь и скрылся. Одному изъ нашихъ вздумалось только теперь сказать, будто слышалъ, какъ Холмскій лѣзъ по стѣнѣ, будто твое окно отворилось...

— Неправда! — перебилъ Эренштейнъ. — Ложь!.. Ему померещилось... я не укрыватель бѣглецовъ. . З что такое оскорбленіе?.. Кто это сказалъ?.. Я буду жаловаться великому князю.

— Не я, не я! — воскликнуло нѣсколько голосовъ. Между ними былъ голосъ и доказчика.

Думали, не подшутилъ ли надъ нимъ нечистый;

знали, въ какой милости властитель содержитъ лекаря, и опасались гнѣва Ивана Васильевича за то, что потревожили напрасно его любимца; опасались мщенія самого басурмана-колдуна, который потому ужъ чародѣй, что выучился такъ скоро изъясняться по-русски — и не было болѣе свидѣтельства, что бѣглеца видѣли у окна его. Мамонъ, по своимъ причинамъ, не настаивалъ.

— Однакожъ, — сказалъ Антонъ, — чтобы не оставить васъ въ подозрѣніи, я прошу, я требую осмотра.

И Мамонъ, за нимъ два недѣльщика, боязливо озираясь и творя шопотомъ молитву, вошли въ спальню лекаря.

Все осмотрѣно, и на постели и подъ постелей, во всѣхъ углахъ, Мамонъ подходитъ къ запертому шкапу и прислушивается у него жаднымъ слухомъ.

Эренштейнъ собралъ все присутствіе ума и духа, чтобы не обнаружить своего смущенія, въ прибавку еще усмѣхнулся, между тѣмъ какъ въ сердце и въ уши било молотами.

Ну, если бояринъ потребуетъ, чтобы отворили дверцы?.. Если Холмскій только въ обморокѣ и, очнувшись именно въ эту минуту, когда Мамонъ прислушивается, застонетъ, хоть вздохнетъ?..

Не въ состояніи дать себѣ отчета въ своихъ движеніяхъ, Антонъ запускаетъ руку поближе къ стилету.

Все замолкло; никто не шевельнется

— Никого! — сказалъ наконецъ Мамонъ.

— Никого! — повторили недѣльщики дрожащимъ голосомъ.

— Куда же онъ дѣвался?

— Поищемъ его около дома.

И ватага стремглавъ высыпала изъ комнаты лекаря съ запасомъ разныхъ страшныхъ замѣчаній. Иной видѣлъ кости человѣческія, измолотыя въ иготи, другой кровь въ скляницахъ, третій голову младенца (Богъ вѣдаетъ, что въ этомъ видѣ представилъ ему страхъ), четвертый слышалъ, какъ на голоса ихъ отвѣчалъ нечистый изъ какого-то ящичка, висѣвшаго на стѣнѣ (вѣроятно изъ лютни). Бѣдные, какъ еще остались живы и цѣлы!

Слава Богу, сыщики скрылись! Антонъ прислушивается, брякнули кольцомъ... ворота на запоръ... посыпались проклятія на Образца, на Холмскаго. Еще минуты двѣ, три, и все замолкло глухою тишиной.

Двери на запоръ, простыню на окно и... дрожащая рука, блуждая по замку, едва могла отворить шкапъ.

Глазамъ Антона представился старикъ необыкновеннаго роста, втрое согнувшійся. Онъ стоялъ на колѣнахъ, опустивъ низко голову, которою упирался въ боковую доску шкапа. Лица его не было видно, но лекарь догадался, что это голова старика, потому что чернь его волосъ густо пробрана была нитями серебра. Въ немъ не обнаруживалось малѣйшаго движенія. Съ трудомъ освободилъ Антонъ этого человѣка или этотъ трупъ отъ его насильственнаго положенія и еще съ большимъ трудомъ снесъ его на свою постель.

Къ пульсу... Милость Божія, пульсъ едва-едва бьется какъ слабый отзывъ жизни изъ далекаго міра. Этотъ признакъ возвращаетъ лекарю разумъ, искусства, силы, все, что было оставило его. Сдѣланы тотчасъ врачебныя пособія, и Холмскій открываетъ глаза. Долго не въ состояніи онъ образумиться, гдѣ онъ, что

съ нимъ; наконецъ, съ помощью возрастающихъ силъ своихъ и объясненій лекаря, можетъ дать отчетъ въ своемъ положеніи. Тронутый великодушною помощію Антона до того, что забываетъ его басурманство, онъ благодаритъ его со слезами на глазахъ.

— Господь заплатитъ тебѣ сторицею, — говоритъ онъ. — Ахъ! если бы ты окрестился по нашему, — прибавляетъ воевода, — отдалъ бы за тебя любую дочь свою.

Только теперь можетъ Антонъ разсмотрѣть его наружность, мощно изваянную: черты его лица, рѣзкія, грубыя, но и вмѣстѣ выражающія величіе и благородство души. Едва не на смертномъ одрѣ, подъ сѣкирою грознаго владыки, которая, того и гляди, готова упасть на его голову, онъ и тутъ, образумившись отъ перваго, нежданнаго удара, кажется такъ спокоенъ, какъ будто послѣ труднаго дня пришелъ отдохнуть подъ гостепріимный кровъ. Жизнь воеводы спасена, свобода обезпечена — надолго ли? Кто можетъ поручиться? Надо искать средствъ избавить его совершенно отъ гоненій великаго князя, или укрыть на время отъ нихъ, пока не прошелъ гнѣвъ владыки. Эренштейнъ даетъ себѣ слово стараться умилостивить Ивана Васильевича, собственнымъ своимъ вліяніемъ и вліяніемъ сильнаго Аристотеля. Въ этомъ случаѣ нужна величайшая осторожность. Укрыть же на время знаменитаго бѣглеца можетъ только Образецъ. Но какъ довести къ нему Холмскаго теперь, въ ночные часы? Слабый отъ пущенной крови, воевода не въ состояніи идти безъ чужой помощи, да и съ этою помощью нѣтъ возможности переправить его черезъ тынъ, отдѣляющій дворъ боярскій отъ басурманской половины.

Провести же его черезъ улицу и двое воротъ нельзя и думать. Стучать въ ворота, чтобы имѣть входъ черезъ нихъ, опасно. Можно ли ручаться, что Мамонъ не оставилъ около нихъ караула? Время однакожъ летитъ; вторые пѣтухи обвѣстили городъ, что наступила полночь. Нѣтъ возможности откладывать перемѣщеніе воеводы до утра, потому что къ лекарю изъ подклѣта явится его слуга и могутъ явиться посѣтители. Не опять же прятать воеводу въ шкапъ и опять начинать ту же страшную процессію, которой повтореніе могло бы стоить жизни одному или другому.

Надо же рѣшиться на что-нибудь, и Антонъ рѣшается пробраться на половину боярскую, какими путями вздумаетъ. Экспедиція хотя не дальняя, но затруднительная и опасная по отношеніямъ одной стороны къ другой. И потому запасся онъ своимъ надежнымъ стилетомъ, который прицѣпилъ къ поясу, и шестоперомъ, въ родѣ дубинки, вооруженной нѣсколькими металлическими когтями: это былъ подарокъ отъ Аристотеля, добытый въ войнѣ противъ новгородцевъ. Сверхъ того, Холмскій далъ ему *жуковину* — перстень съ родовымъ гербомъ, служившій печатью при засвидѣтельствованіи важныхъ актовъ. Онъ носитъ ее всегда на пальцѣ. Нынѣ эта жуковина могла увѣрить Образца, что лекарь дѣйствительно посолъ отъ его ратнаго товарища и друга. Съ такими орудіями брани и мира отправился Антонъ въ свою экспедицію, не забывъ исправно запереть знаменитаго бѣглеца.

Первую осаду сдѣлалъ онъ на тынъ, отдѣлявшій, какъ мы сказали, половину боярскаго двора отъ басурманскаго. Молодость и отвага творятъ чудеса, и онъ съ пособіемъ ихъ уничтожилъ эту преграду, то есть

перелѣзъ черезъ нее не безъ того, чтобы не запечатлѣть этотъ подвигъ нѣсколькими легкими ранами и потерей нѣсколькихъ клочковъ платья. Какъ билось его сердце, когда онъ подумалъ, что находится въ первый разъ и въ полночь, какъ тать, на половинѣ боярина, который питаетъ къ нему незаслуженное отвращеніе и, можетъ быть, ненависть! Свѣтъ отъ лампады трепеталъ въ верхней свѣтлицѣ. Тутъ живетъ Анастасія. Какъ близко это сокровище и вмѣстѣ какъ глубоко заперто отъ него за тридевятью замками! Объ этомъ могъ онъ думать очень недолго, потому что сейчасъ налетѣла на него огромная собака. Лай ея загорѣлъ на всю окрестность. Борьба была неровная; ей не дали много горячиться: стилетъ въ бокъ, шестоперъ по головѣ, и вѣрный сторожъ замолкъ навѣки. Антону жаль было бѣднаго пса, но миновать этой жертвы не было возможности. Не такъ ли въ обществѣ? Не встрѣчаютъ ли и тамъ благородныхъ несчастливцевъ, которые, служа другимъ для достиженія цѣли, падаютъ жертвами ихъ

Антонъ далѣе, и на красное крыльцо. Осторожно брякнулъ онъ кольцомъ въ желѣзную дверь, ведущую въ сѣни. Никого. Онъ попыталъ тронуть дверь, и она отворилась. Антонъ въ сѣняхъ. Поигравъ нѣсколько въ гулючки, онъ попалъ на новую дверь. И въ эту запросъ легкимъ стукомъ. Кто-то отвѣчалъ кашлемъ, дверь отворилась и—передъ нимъ старикъ, бѣлый, какъ лунь. Свѣточъ, который онъ держалъ въ рукѣ, освѣщалъ на лицѣ его грустную заботливость. Но какъ скоро онъ, сдѣлавъ рукою щитъ надъ глазами, разглядѣлъ того, кто передъ нимъ стоялъ, лицо его подернулось ужасомъ. Это былъ самъ Образецъ.

Безпокоясь о своемъ другѣ и ратномъ сподвижникѣ, онъ не могъ заснуть. Съ мыслью, не придетъ ли еще бѣглецъ искать у него убѣжища, онъ приказалъ дворчанамъ своимъ лечь спать (второпяхъ забылъ сказать, чтобы привязали собаку), а самъ отворилъ калитку съ улицы и оставилъ незапертыми двери въ сѣняхъ. Потомъ онъ то молился Божьей Матери, извѣстной подъ названіемъ «взысканіе погибшихъ», то, отворивъ окно, ловилъ малѣйшій звукъ, струившій ночную тишь, то сходилъ внизъ, къ сѣнямъ. Онъ слышалъ лай собаки, онъ слышалъ шорохъ шаговъ по каменному крыльцу, стукъ въ желѣзныя двери, и спѣшилъ выйти на встрѣчу своему другу.

И что же? передъ нимъ его ужасный постоялецъ. Онъ ли еще, или оборотень въ его видѣ? Чего ему надо у боярина, въ полночь, когда онъ и днемъ не бывалъ на боярской половинѣ?.. Блѣдный, весь дрожа, Образецъ съ трудомъ поднимаетъ отяжелѣвшую руку и творитъ крестныя знаменія, читая вслухъ: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!— говоритъ за нимъ Антонъ.

Повторимъ, что Эренштейнъ хотя еще не совсѣмъ хорошо изъяснялся по-русски, однакожъ понятно.

— Съ нами Богъ! — прибавляетъ онъ съ твердостью,—и въ доказательство этого послалъ мнѣ нынѣ Свою особенную милость. Твой другъ, князь Холмскій, у меня. Онъ ошибкою попалъ ко мнѣ. Не вѣришь? вотъ перстень его.

Бояринъ, крестясь, вглядывается въ жуковину и признаетъ ее; но, увидавъ кровь на рукѣ нѣмца, вскрикиваетъ въ ужасѣ:

— Господи, ужъ не раненъ ли онъ, не убитъ ли?

— Успокойся, это кровь твоей собаки. Къ дѣлу, бояринъ! Заря занимается. Въ послѣдній разъ спрашиваю тебя: хочешь ли укрыть у себя друга своего, или оставить его у меня, въ опасности?

— Хочу ли? вѣстимо! — отвѣчаетъ бояринъ, собравъ свои разсѣянныя мысли. — Ступай теперь тѣмъ путемъ, которымъ пришелъ. А мы съ сыномъ... (тутъ онъ задумался) сынъ впуститъ къ намъ князя черезъ желѣзную дверь, что изъ твоихъ хоромовъ на нашу половину.

Ни малѣйшей благодарности, хотя бы легкое изъясненіе добраго сердца, что оно понимаетъ прекрасный подвигъ. Суровой душѣ боярина эта благодарность стоила бы тяжкаго подвига. Онъ и такъ совершилъ его, разрушивъ ужасную преграду, которая отдѣляла православную половину отъ басурманской.

Князь Холмскій, о которомъ разсказывали, что онъ сдиралъ кожу съ непріятельскихъ воиновъ и собственною рукою убивалъ своихъ за грабежъ, былъ чувствителенъ къ добру, ему оказанному. Онъ не принялъ назадъ жуковины и просилъ лекаря оставить ее у себя на память великодушнаго поступка. Перстень, по металлу, не имѣлъ высокой цѣны, и Антонъ не посмѣлъ отказать.

Когда Хабаръ отворилъ желѣзную дверь, чтобы впустить черезъ нея князя на свою половину, онъ ласково поклонился иноземцу и сказалъ ему отъ души «*спасибо*!»

— Будешь имѣть нужду въ выручкѣ, — прибавилъ онъ, — кликни только Хабара.

Съ этого времени онъ сталъ питать къ нѣмчину доброе расположеніе. Мудрено-ль! благородному сердцу его подавало голосъ другое благородное сердце; къ тому же, юность, открытая, сообщительная, легко сбрасываетъ съ себя предубѣжденія, не разсчитываетъ такъ много, какъ старость, закоснѣлая въ предразсудкахъ, имѣющая болѣе опытовъ, а съ ними и болѣе подозрѣній. Образецъ и тутъ не хотѣлъ видѣть своего постояльца, зато не мало поворчалъ на него Холмскій. На всѣ убѣжденія друга онъ хранилъ глубокое молчаніе; въ его душѣ возставали противъ лекаря сильнѣйшія убѣжденія, воспитанныя ненавистью ко всему иноземному, неединовѣрному, проклятому — какъ онъ говорилъ — святыми Отцами на соборѣ, и еще болѣе проклятою душою суровою, угрюмою, съ того времени, какъ палъ отъ руки нѣмца любимый сынъ его.

Отъ Анастасіи таили подвигъ Антона-лекаря; но она какъ будто отгадала его, и на другой день, когда очаровательница выходилъ отъ себя, подарила его изъ окна пламеннымъ взглядомъ, который мелькнулъ попрежнему и попрежнему оставилъ глубокій слѣдъ въ душѣ его. Онъ осмѣлился ей поклониться; она кивнула ему и исчезла. Съ этого времени, когда они увѣрены были, что никто ихъ не видитъ, взоры ихъ стали вести разговоръ, которому давали краснорѣчивый смыслъ то вспышки Анастасьина лица, подобныя зарницѣ, предвѣщающей невидимую грозу, то взоры, отуманенные любовью, то блѣдность этого лица, говорившая, что не было ужъ спора разсудка съ сердцемъ. Антонъ берегъ свое сокровище, какъ алмазъ, не имѣющій цѣны, купленный втайнѣ, который у него тотчасъ

отнимутъ, какъ скоро онъ покажетъ его; только одинъ-на-одинъ любовался имъ, радовалъ имъ свои взоры, освѣжалъ свою душу.

Черезъ нѣсколько дней участь Холмскаго была рѣшена. Образецъ прибѣгнулъ къ ходатайству митрополита и другихъ духовныхъ властей. Такое посредничество должно было имѣть успѣхъ, тѣмъ болѣе, что *служебный* князь отдавался самъ въ руки своего властелина. Ходатаи молили великаго князя умилостивиться надъ воеводой, который былъ всегда вѣрный слуга Ивана Васильевича, доставилъ ему и всему православному краю столько добра и чести, который готовъ и нынѣ идти всюду, кромѣ Твери, куда только укажетъ ему господарь его и всея Руси. — «Великій грѣхъ палъ бы на твою голову, господине и сыну нашъ», — говорило одно духовное лицо, — «коли-бъ воевода пролилъ кровь своихъ родичей». Съ своей стороны Аристотель и дворскій лекарь искусно объяснили властителю, что слухъ о несправедливомъ гнѣвѣ его на знаменитаго воеводу можетъ повредить ему въ хорошемъ мнѣніи, которое имѣютъ объ немъ римскій цесарь и другіе государи; что гнѣвъ на воеводу великій князь даетъ поводъ другимъ подданнымъ своимъ быть измѣнниками отечеству; что Холмскаго не наказывать, а наградить надо за его благородный поступокъ, и что эта награда возбудитъ въ другихъ желаніе подражать такой возвышенной любви къ родинѣ. Сверхъ того, Аристотель доказывалъ, какъ легко покорить Тверь и какъ славно будетъ для Ивана Васильевича, не подвергая себя опасности, своимъ лицомъ рѣшить побѣду, такъ искусно приготовленную его же умною и хитрою политикой.

— Пускай слава этого великаго дѣла принадлежитъ тебѣ вполнѣ, — прибавлялъ Аристотель.

Іоаннъ не былъ храбрый воинъ. Когда дѣло шло о битвѣ, онъ любилъ держаться въ сторонѣ; пріятны ему были лавры, пожатые чужими руками. Но никто не откажетъ ему въ великомъ искусствѣ приготовлять войну, улучать для нея время и пользоваться имъ; а это стоитъ личной отваги и славы знаменитаго полководца. Въ настоящемъ случаѣ Іоаннъ, опираясь на сильную помощь своихъ доброжелателей, обѣщавшихъ ему отворить ворота города, лишь только онъ покажется, опирался на силу и храбрость московскихъ полковъ, на искусство своего розмысла, умѣвшаго такъ мѣтко *шибать* изъ пушекъ. Онъ увѣренъ былъ, что не закладываетъ своей безопасности въ дѣлѣ покоренія тверского княжества. Съ этою увѣренностью онъ объявилъ, что какъ скоро водополь спадетъ, онъ самъ съ сыномъ поведетъ войско противъ крамольнаго князя, нарушившаго святость договоровъ и родства. Вмѣстѣ съ этимъ простилъ Холмскаго. Милость эта не обошлась однакожъ безъ выгодъ для него. Зная, какъ воевода былъ ему нуженъ впередъ, и потому боясь, чтобъ онъ не вздумалъ вновь, при первомъ неудовольствіи, бѣжать въ Литву, гдѣ укрывали враговъ и измѣнниковъ Московскаго княжества, какъ Москва укрывала у себя враговъ и измѣнниковъ Литвы, требовалъ поручной записи. Въ тотъ же день восемь такихъ записей или поручныхъ кабалъ, однѣ въ *полутретьестъ* рубляхъ, были даны именитыми московскими людьми, большею частію боярами, въ томъ, что они обязывались заплатить великому князю эту сумму въ случаѣ, если бъ воевода вздумалъ отъѣхать или бѣжать въ чу-

жую сторону. Оцѣнкою въ 2000 рублей знаменитаго полководца Иванъ Васильевичъ остался доволенъ. Сверхъ того, князь Холмскій цѣловалъ крестъ, что ему *лиха* своему государю *не хотѣти никакого*.

И *осподарь* его, великій князь, *своего слугу пожаловалъ*, *нелюбье свое ему отдалъ*.

И тому дѣлу былъ навсегда *погребъ* (совершенное забвеніе). (Впослѣдствіи великій князь отдалъ дочь свою за сына Холмскаго. Такъ шли въ то время, рука объ руку, необыкновенный гнѣвъ, сопутствуемый желѣзами и казнью, и необыкновенныя милости, вводившія осужденнаго въ семью царей!) [1]).

---

[1]) Сынъ Холмскаго, въ царствованіе Василія Ивановича, сосланъ въ Бѣлоозеро и умеръ тамъ въ заключеніи. Виною его былъ только этотъ самый бракъ съ дочерью Іоанна III.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОСЛѢДНІЙ ВЪ РОДѢ

Глупому сыну не въ помощь богатство.
Пословица.

— Чу! шумъ. Не царь ли?
— Нѣтъ, это юродивый.
«Борисъ Год.» — *Пушкинъ.*

Какая ужасная, заповѣдная стѣна раздѣляла семейство Образца съ его постояльцемъ! Но добродушный, отважный Хабаръ разъ заглянулъ черезъ нее, и вотъ опять стучится у дверей и сердца Антона. Посѣщеніе вечеромъ. Время для тайнъ, сказали бы вы, и угадали бъ. Хабаръ тайкомъ отъ домашнихъ (Боже сохрани, если бы узналъ отецъ!) пришелъ просить лекаря объ одной больной. Онъ вѣритъ теперь, онъ убѣжденъ, что Антонъ можетъ дѣлать чудеса: это сказала ему прекрасная женщина, къ которой онъ ведетъ его. Во всякое время молодой лекарь поспѣшилъ бы на зовъ страждущаго, тѣмъ охотнѣй въ Москвѣ, гдѣ онъ еще, кромѣ попугая и Ненасытя, не имѣлъ на рукахъ ни одного больного, и гдѣ хотѣлъ бы искусствомъ своимъ пріобрѣсть довѣріе и любовь русскихъ. Теперь же особенно съ какимъ восторгомъ летитъ онъ

на помощь больной, когда зоветъ его братъ Анастасіи. Анастасіи? сколько очарованія въ этихъ словахъ! На лицѣ его отражается что-то ей принадлежащее, какое-то семейное сходство, какой-то слѣпокъ съ ея физіономіи, этого лица нашей души — слѣпокъ, сдѣланный не совсѣмъ вѣрно, но все-таки напоминающій подлинникъ. Онъ пришелъ къ Антону съ тайною просьбой, съ довѣрчивостью дружбы. Кто бы могъ поручиться за это дня два назадъ? Молодой лекарь едва самъ вѣритъ посѣщенію, и въ восторгѣ не знаетъ, какъ довольно обласкать своего минутнаго гостя, какъ изъяснить ему, что онъ не тотъ страшный, поганый нѣмчинъ, какимъ представляютъ его въ Москвѣ. Одинъ легкій спросъ у добраго сердца его, и онъ на эту довѣренность готовъ отвѣчать всякими жертвами: это доказалъ онъ ужъ очень хорошо помощію князю Холмскому. Собираясь въ Московію съ такою любящею душой, съ такими обольстительными мечтами о житьѣ въ новомъ краю, онъ, по пріѣздѣ своемъ, едва было не разочаровался, едва не узналъ своей тяжести и горести сиротства на чужбинѣ и несправедливости людей. И вдругъ Господь посылаетъ ему привѣтливый взглядъ чудной дѣвы, благодарность знаменитаго полководца, котораго благодѣтелемъ позволяетъ ему быть, посылаетъ ему теперь и дружескую тайну.

Добрый Антонъ! Онъ забылъ уже отвращеніе и ненависть къ нему русскихъ, онъ счастливъ.

Идутъ. По небу разсыпались міріады звѣздъ и перебираютъ лучами своими; но эти звѣзды горятъ не для насъ: у нихъ свой міръ, который онѣ грѣютъ и освѣщаютъ. Въ этотъ вечеръ не зажигалась наша зе-

мная лампада. Антонъ идетъ за своимъ вожатымъ въ темнотѣ, не зная куда его ведутъ; онъ знаетъ только, что они не вышли изъ *города* и что они идутъ по тѣснымъ, кривымъ улицамъ, потому что безпрестанно готовы наткнуться на уголъ дома. Едва могутъ разобрать предметы. Но вскорѣ окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ многочисленные, яркіе огни, при свѣтѣ которыхъ будто сошлись благочестивые мужи и жены на ночную духовную бесѣду, или на стражу царскаго жилища; воздухъ напитанъ благоуханіемъ ладана. Дѣйствительно, Антонъ съ своимъ вожатымъ находились у хороминъ великокняжескихъ, опоясанныхъ часовнями и церквами, горящихъ усердіемъ религіознымъ. Потомъ опять темнота.

— Осторожнѣй, — сказалъ Хабаръ едва слышнымъ голосомъ, взявъ его за руку, чтобы провести черезъ ущелье между домами, — осторожнѣй, господине лекарь, здѣсь слово можетъ накликать бѣду.

Скоро свѣжѣе пахнулъ на нихъ вѣтеръ. Этотъ вѣстникъ далъ знать Антону, что они освободились изъ ограды домовъ и находятся на возвышеніи. По звѣздамъ, повторяющимся въ отрывкахъ воды, какъ будто въ блескѣ вороненой стали, и по шуму мельничныхъ колесъ, онъ догадывается, что подъ горою Неглинный прудъ, на которомъ держатся еще кое-гдѣ опоздавшія льдины. Ему сейчасъ приходитъ на память кулачный бой на прудѣ и тутъ же, въ одной связи душевныхъ представленій, пунцовое покрывало, развѣвавшееся изъ терема. — «Этотъ теремъ долженъ быть недалеко» — думалъ онъ

Товарищъ остановилъ его.

— Здѣсь, — сказалъ Хабаръ, и только что хотѣлъ

въ калитку, какъ почувствовалъ, что кто-то крѣпко обхватилъ его ноги.

— Не пущу, — произнесъ глухо женскій голосъ, выражавшій отчаяніе, — не пущу, развѣ задушишь меня. Придешь, злодѣй, гречанки своей не застанешь въ живыхъ.

Вмѣсто отвѣта раздался могучій ударъ.

— Убей, не пущу тебя, — произнесъ опять голосъ отчаянія.

— Закричишь громче, убью! — сказалъ Хабаръ.

Свѣтъ изъ окна освѣтилъ слегка и мгновенно женщину молодую, пригожую, безъ кики и убруса, лежавшихъ поодаль отъ нея, съ распущенными косами. Она обвилась руками своими около ногъ Хабара и подъ градомъ ударовъ цѣловала его колѣна, а, можетъ быть, старалась, прилѣпясь къ нимъ устами, задушить отголосокъ своихъ страданій.

Это Селинова. Она хочетъ не гибели своего любовника, но только отвлечь его отъ опасной соперницы, и въ какую минуту? когда этой соперницѣ необходимо пособіе врача: можетъ пройти минута спасенія, и побѣда на ея сторонѣ. Ужасъ, негодованіе, отчаяніе переливаются на лицѣ Хабара. И для него наступило рѣшительное мгновеніе: надо восторжествовать во чтобъ ни стало, или погубить ту, для которой онъ пожертвовалъ Селиновой, ту, которая, повидимому, такъ дорога для него. Эта любимица, столько предпочтенная, столько дорогая, умираетъ, ждетъ его помощи, тутъ, въ домѣ, куда загородила ему путь ужасная ревность женщины. Онъ дѣлаетъ усиліе, отрываетъ Селинову отъ ногъ своихъ, какъ отрываютъ плющъ, въѣвшійся годами въ могучій дубъ, перебра-

сываетъ ее себѣ на плечо и, сказавъ Антону, чтобы онъ шелъ въ домъ черезъ отворенную калитку, уноситъ свою добычу.

И лекарь, съ грузомъ странныхъ, непріятныхъ впечатлѣній, входитъ на дворъ, на крыльцо. Лѣстница освѣщена фонарями: богатый, восточный коверъ бѣжитъ по ступенькамъ. Антонъ въ сѣни, въ прихожую. Видна необыкновенная суета въ домѣ. Страхъ написанъ на всѣхъ лицахъ; въ суматохѣ едва замѣтили лекаря. Слуги не русскіе. На какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ спрашиваютъ его, что ему надо. Онъ говоритъ по-русски — не понимаютъ, по-нѣмецки — то жъ, по-итальянски — поняли. «Господинъ Антоніо! господинъ лекарь!» — раздается по дому. Съ поспѣшностью ведутъ его и вводятъ въ маленькую горницу теремка, богато убранную въ восточномъ вкусѣ.

На постели разметалась молодая женщина; красота ея торжествуетъ и надъ болѣзнью. Мутные глаза издаютъ фосфорный блескъ, губы запеклись, двѣ черныя, длинныя косы вьются по бѣлоснѣжнымъ плечамъ и волнующейся груди, какъ два черные змѣя, которымъ смѣлая стопа придавила голову. Надъ нею, передъ иконой греческаго письма, осыпанною дорогими каменьями, горитъ лампада изъ цѣльнаго накра. Увидавъ молодого, пригожаго врача, больная, несмотря на свои страданія, старается оправить на себѣ одежды и уничтожить на лицѣ, въ своемъ положеніи, все непріятное, наброшенное на нее мучительною болѣзнью.

— Если еще время, возвратите мнѣ жизнь, господинъ врачъ. Я такъ молода, мнѣ еще хотѣлось бы пожить, — говоритъ она на итальянскомъ языкѣ, который вдвое слаще въ ея устахъ, и вслѣдъ за тѣмъ

подаетъ ему руку. Притянувъ его къ себѣ, прибавляетъ ему шопотомъ, на ухо. — Мнѣ дали яду, я это чувствую, только, ради Бога, не говорите никому.

Возлѣ постели мужчина, лѣтъ за сорокъ, низенькій, лысый, тщедушный, на козьихъ ножкахъ. Долженъ быть хозяинъ дома, потому что челядь, стоящая около него въ изумленіи и грусти, даетъ ему почетъ. Глаза его красны и распухли отъ слезъ. Ему бы дѣйствовать, подавать какую-нибудь помощь, а онъ плачетъ, хнычетъ, какъ старая баба.

— Спасите ее! — жалобно говоритъ онъ лекарю дурнымъ итальянскимъ языкомъ.—Когда бы я имѣлъ еще свою имперію, отдалъ бы ее за жизнь Гаиды. Теперь вознагражу васъ достойно, какъ деспотъ морейскій.

Кто бы могъ подумать? этотъ человѣкъ, съ клеймомъ физическихъ и душевныхъ немочей, этотъ плакса—послѣдняя отрасль византійскихъ царей, Андрей Палеологъ.

И вотъ что осталось отъ величія Римской имперіи!

Отецъ его, Ѳома, братъ послѣдняго изъ Константиновъ, съ однимъ сыномъ, именно Андреемъ, и дочерью Софьею, принцессою сербскою, искалъ убѣжища отъ побѣднаго меча оттомановъ сначала въ Корфу, потомъ въ Италіи. Другой сынъ предпочелъ остаться въ Константинополѣ — какъ говорили тогда наши, русскіе — *на хлѣбахъ* у поганаго царя, и не каялся: ему было сыто, тепло и спокойно у великодушнаго султана. Изгнанникъ Ѳома принесъ въ Римъ голову Апостола Андрея, права свои на престолъ византійскій и свои несчастія. Драгоцѣнную святыню принялъ отъ него первосвященникъ и обѣщалъ, вмѣстѣ

съ миланскимъ герцогомъ, возвратить ему потерянный вѣнецъ. Обѣщанія не исполнены, и онъ умеръ изгнанникомъ въ Дураццо, оставивъ по себѣ, въ лѣтописяхъ Италіи, нѣсколько строкъ, гдѣ говорится, что «онъ служилъ при какой-то великолѣпной церемоніи великолѣпнымъ *офиціантомъ*». Желая найти съ Востока врага невѣрному покорителю Константинова города и привлечь Русь подъ сѣнь своей тіары, папа Павелъ II сосваталъ дочь Ѳомы за русскаго великаго князя. Іоаннъ обманулъ разсчеты римскаго первосвященника. Пріѣздъ въ Москву Андрея, изъ простого ли желанія навѣстить сестру, или съ нехитрыми видами обольстить своего зятя правами на Византію, только послужилъ ему опытомъ, что одни тѣ права дѣйствительны, которыя можно поддержать великимъ умомъ, силою и деньгами. Не Ивана Васильевича было обольстить такою мишурой: онъ тотчасъ отгадалъ своего шурина и видя, что онъ ему въ тягость, не крѣпко честилъ его. Дружба султана, хоть и невѣрнаго и поганаго бесермена, зарубленная на мечѣ, льстила болѣе его видамъ. А ему папа, жидъ Хози, Стефанъ молдавскій, Баторій венгерскій, ханъ татарскій, всѣ были равно любезны, когда были ему нужны.

Мы сказали, что Андрей Палеологъ, погруженный въ слезы, стоялъ у кровати прекрасной, страждущей женщины, но не сказали, что эта женщина, отравленная злодѣйскою рукой, которую, вѣроятно, навела ревность соперницы, его любовница. За годъ тому назадъ она продана, противъ воли ея, корыстолюбіемъ родной матери.

Къ счастію ея, отрава не сильна, время не упущено. Сила врачебныхъ пособій, сдѣланныхъ ей Ан-

тономъ, уничтожаетъ силу яда. Гаида спасена. Это прекрасное созданіе, близкое къ уничтоженію, расцвѣтаетъ снова жизнью пышной розы; на губы, на щеки спѣшитъ свѣжая кровь изъ тайниковъ своихъ. Обѣими руками своими, отлитыми на дивованіе, беретъ она руку молодого врача, прижимаетъ ее къ груди и, обращая къ небу черноогненные глаза, изъ которыхъ выступили слезы, благодаритъ ими сильнѣе словъ.

Отъ такой небывалой благодарности Антонъ покраснѣлъ до бѣлка глазъ и смутился... Несвязно, едва внятно, изъясняетъ онъ свою радость, что возвратилъ къ жизни такое прекрасное существо. Вспомнивъ о братѣ Анастасіи, онъ не удивляется, почему гречанка предпочтена вдовѣ Селиновой.

Деспотъ морейскій отъ радости ходитъ около постели, какъ ученый котъ на цѣпочкѣ, и вдругъ, по первому взгляду, брошенному на него изъ жалости, впивается въ ручку, которую Гаида протягиваетъ ему неохотно, едва не съ презрѣніемъ.

— Теперь внизъ, къ собесѣдникамъ, къ друзьямъ моимъ,—говоритъ онъ, пощелкивая пальцами и увлекая за собою Антона,—мы отпразднуемъ здоровье нашей царицы. Если бы можно, я заставилъ бы весь міръ веселиться съ нами.

Врачъ невольно слѣдуетъ за нимъ, подаренный на прощаніе обольстительнымъ взглядомъ, которымъ такъ умѣютъ награждать женщины, увѣренныя въ своей красотѣ. Но едва успѣли они переступить черезъ порогъ комнаты, какъ сладкозвучный голосъ Гаиды отозвался слуху Палеолога. Онъ бросается къ ней на хрупкихъ ножкахъ своихъ.

— Слышишь? ему, моему спасителю,—говоритъ

она повелительнымъ голосомъ, отдавая Палеологу золотую цѣпь дорогой цѣны.

— То-то умница, — отвѣчаетъ онъ, — я хотѣлъ... да не зналъ, что подарить: раздумье брало. Ну, еще ручку на прощанье, хоть мизинчикъ.

— Некогда, тебя дожидаются; пошелъ! — сказала Гаида, и деспотъ — однимъ именемъ, спѣшилъ исполнить волю своей госпожи.

Антонъ вспомнилъ бѣдную мать свою, и принялъ царскій подарокъ. Онъ еще имѣетъ дорогое ожерелье отъ великой княгини Софіи Ѳоминишны за леченіе попугая, соболи и куницы отъ великаго князя. Все ей, милой, безцѣнной матери. Какъ она пышно разрядится и покажется сосѣдямъ! — «Это все мой добрый Антонъ прислалъ мнѣ», — скажетъ она съ гордостью матери.

Какъ скоро Гаида увѣрилась, что Палеологъ далеко, она велѣла всѣмъ женщинамъ своимъ выйти, потомъ позвала одну изъ нихъ.

— Ты давича подавала мнѣ пить? — спросила она ее, покачавъ головой въ видѣ упрека. — Что сдѣлала я тебѣ?..

Женщина была блѣдна, какъ смерть. Рыдая, она упала въ ноги своей госпожѣ и призналась во всемъ. Селинова подкупила ее: былъ данъ ядъ, но страхъ, совѣсть уменьшили долю его.

— Это останется между нами и Богомъ, — сказала Гаида, подавая ей свою руку. — Моли Отца всѣхъ насъ, чтобы Онъ тебя простилъ, а я тебя прощаю. Грѣшная раба Его смѣетъ ли осуждать другую грѣшницу?.. Но... идутъ. Встань, тебя могутъ застать въ этомъ положеніи...

И преступленіе навсегда осталось тайною между этими двумя женщинами, лекаремъ и Богомъ.

Явился Хабаръ. Преданность и любовь служителей обоего пола къ ихъ госпожѣ отворяли ему двери во всѣ часы дня, отводили отъ него подкупленный взглядъ сторожа; эти чувствованія стояли на часахъ, когда онъ посѣщалъ ее тайкомъ. Лицо его было пасмурно. Оно тотчасъ прояснилось при первомъ взглядѣ на него Гаиды.

— Ко мнѣ, сюда, безцѣнный мой, сокровище! — сказала она, и прижала чернокудрую голову молодца къ своей груди. — Безъ тебя я умерла бы. Вѣдь ты прислалъ мнѣ лекаря?

— Я, конечно, я. Пошелъ бы и въ преисподнюю для тебя, прости Господи! Ненаглядная моя, жемчужина моя!

— Теперь будешь ли называть лекаря поганымъ басурманомъ, колдуномъ?

— О, теперь готовъ побрататься съ нимъ. Чтожъ? скажи, не утай отъ меня, чѣмъ ты захворала, моя ластовица? Не зелье ли ужъ?..

— Да, зелье... только не отъ чужой руки... Сама, дурочка, всему виновата. Пожалѣла серебряную черпальницу да взяла мѣдную; въ сумракѣ не видала, что въ ней ярь запеклась,—и черпнула питья. Немного-бъ еще, говорилъ лекарь, и глаза мои закрылись бы на вѣки. Видитъ Богъ, свѣта мнѣ не жаль, жаль тебя одного. Поплакалъ бы надъ моей могилкой, и забылъ бы скоро гречанку Гаиду.

— Нѣтъ, не томилъ бы очей своихъ слезами, а велѣлъ засыпать ихъ желтыми песками. Сосватала

бы меня гробова доска съ другою, вѣковѣчною полюбовницей.

Нѣжная, страстная Гаида поцѣловала его поцѣлуемъ юга. Такъ земля полуденная, въ палящіе дни, жадно пьетъ небесную росу.

— Чу! — сказалъ Хабаръ, поднявъ голову, будто конь, послышавши звукъ бравной трубы, — шумятъ внизу. Иду.

— Пускай ихъ пируютъ себѣ! Мой названный царекъ теперь безъ ума отъ хмѣля; а ты, мой царь, мой господинъ, подари хоть два, три мгновенія ока своей рабынѣ.

— Пируютъ!.. А меня нѣтъ!.. Не могу... Прощай, голубица моя; темны ночи наши.

— Твое веселье—мое. Ступай.

И ринулся Хабаръ изъ объятій ея съ одного пира на другой.

Между тѣмъ лекарь былъ представленъ разнородному обществу, которое въ большой, продолговатой комнатѣ съ нетерпѣніемъ ожидало Палеолога. Тутъ были русскіе, греки, италіянцы, стѣнные и палатные мастера, литейщики, *дѣлатели* серебра и мѣди, бояре съ *вичемъ* и безъ *вича*, боярскія дѣти, дьякъ Бородатый, переводчикъ Бартоломей; тутъ были и изъ прочихъ крупныхъ и мелкихъ чиновъ, которыхъ Иванъ Васильевичъ надѣлалъ и поставилъ на свои мѣста, по разрядамъ, а теперь уравнивала вакханалія. Нетерпѣніе ихъ происходило не отъ желанія насладиться лицезрѣніемъ и бесѣдою великаго деспота морейскаго и претендента на византійскій престолъ, но отъ жажды иностранныхъ винъ, которыми любилъ онъ потчивать своихъ гостей. Безъ него оловянники, въ зѣвающемъ

положеніи, серебряныя, *писанныя* стопы и кузки, съ грустною, сухою миною, и ковши, будто отъ стыда обратившіеся навзничь, стояли на дубовомъ столѣ, одинокомъ, покинутомъ, какъ разоренный хлѣбосолъ, который не можетъ болѣе угощать сытными обѣдами. По числу многоемной *суды*, поставленной въ эффектномъ безпорядкѣ, по изобильному окропленію стола, по отуманеннымъ взорамъ и краснымъ носамъ гостей, можно было видѣть, что Вакхъ не дремалъ и чашники служили ему усердно Скамьи всего болѣе пострадали: онѣ стояли въ такомъ положеніи, какъ будто надъ ихъ линіями дѣлали разные причудливые опыты военныхъ маневровъ Полавочники то спущены были, какъ водопадъ, неровно стекающій, или какъ вытянутое крыло, то, немилосердно скомканные, служили изголовьемъ гостю уснувшему на полу.

Теньеръ нашелъ бы здѣсь для своей кисти обильную жатву. Иной изъ гостей, несмотря на пары, обвивавшіе его голову, чувствуя, что онъ находится у претендента на византійскій престолъ, старался чинно возсѣдать и придерживать губы, руки, ноги, все, что могло забыться въ жилищѣ такой высокой особы. Другой бродилъ около осиротѣвшаго стола и жалостно заглядывалъ то въ ту, то въ другую опустѣвшую стопу. Третій *всплъ* на скамейку, какъ на коня своего. Были такіе отчаянные, которые просто возлежали и трубили во славу деспота морейскаго. Но лишь только вошелъ Андрей Палеологъ, все очнулось, кто самъ, по какому-то магнетическому сочувствію, кто отъ толчка своего товарища, и вдругъ составилась около хозяина живописная, вопросительная группа. Каждый говорилъ, на какомъ языкѣ умѣлъ и какъ умѣлъ, и всякій хо-

тѣлъ предупредить другого своимъ усернымъ вопросомъ, отъ чего составилась такая кутерьма, хоть святыхъ выноси вонъ. Наконецъ можно было разобрать:

— Можно-ль поздравить съ выздоровленіемъ синьоры?

— Что, господине деспотъ, твоя голубица Гаида Андреевна?

И тутъ иностранецъ предупредилъ русскаго.

Зато русскій былъ смышленѣе въ выборѣ величія. Какъ звали отца Гаиды, кто его знаетъ! Деспотъ ей отецъ, братъ, другъ, все, все... Чего-жъ лучше, Андреевна! Поди-ка кто другой, выдумай!.. «Сейчасъ видно, что тонкая штука», сказала бы Гоголева городничиха

— Спасена! Спасена! — кричалъ деспотъ морейскій. — И вотъ спаситель!—прибавилъ онъ, указывая на Антона.

— Чѣмъ же поволила захворать сударушка?

— Покушала неловко... (тутъ онъ показалъ на желудокъ, дѣлая кислую ужимку)... Теперь все прошло,— все ладно, ребята! Ну-ка, по-византійски, за здоровье лекаря! Чашникъ, лучшаго фряжскаго вина!

На этотъ возгласъ оловянники очнулись, стопы и ковши тронулись и заговорили въ рукахъ пировавшихъ.

Русскіе гости возложили на себя крестное знаменіе.

— Во здравіе нѣмчина Онтона! — сказали нѣсколько голосовъ по-русски.

— Благъ ему отъ росы небесныя и отъ тука земного! — промолвилъ дьякъ Бородатый.

— За здоровье нашего Антона! онъ нашъ родной по воспитанію!—вскричали итальянцы.

— Нашъ грекъ привезъ его сюда, онъ сберегъ розу нашего царскаго сада, онъ и намъ не чужой!—воскликнули греки.

— Грѣхъ творимъ, Матвѣй Сидоровичъ,—сказалъ потихоньку одинъ бояринъ безъ *вича*, своему товарищу съ *вичемъ*,—вино такъ и въ горлѣ остановилось, словно колъ. Вѣдь поганый басурманъ—колдунъ... Добро бы фрязъ!

— А у меня, Сема, и рука не довела стопы до устовъ, словно невѣсть что подымаешь. Да вотъ, что-то и сосѣдушка задумался...

Сосѣдъ дрожа показалъ имъ свою стопу, до краевъ налитую.

— Посмотри-ка, не дразнитъ ли кто тамъ языкомъ?

И каждый, увидавъ въ винѣ свою рожу, свои растрепанные волосы, думалъ видѣть бѣса съ рогами.

— Выпили?—спросилъ деспотъ.

— Всѣ, всѣ!—закричали гости,—и ноготку не досталось.

— Вотъ-те порукой... великой... выпили...—повторили бояринъ съ *вичемъ* и его товарищи, зажавъ стопу тучною ладонью.

Когда Антону надо было благодарить осушеніемъ огромной стопы, которая уложила бы его подъ столъ, потому что онъ никогда еще не вкушалъ соку виноградного, онъ губами едва коснулся стопы. Извиненіемъ служили ему обязанности званія, призывающія его къ дѣлу во всякій часъ дня и ночи, и слабость здоровья.

— Врачъ все равно, что священникъ: оба даютъ

обѣтъ служить Богу, обѣщая служить человѣчеству; каждый у алтаря своего долженъ предстать чистымъ и непорочнымъ. Если же — прибавилъ Антонъ — могу своимъ присутствіемъ разстроить ваши удовольствія, такъ я готовъ удалиться.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хотимъ, ты у насъ лучшій гость! — кричалъ Палеологъ. — Посмотри, какъ мы съ друзьями пируемъ. Вина, скорѣй вина!.. Или у царя византійскаго недостало его?..

Въ это время переводчикъ Бартоломеи двигался, какъ маятникъ, то подойдетъ съ одной стороны къ Антону—не увидѣлъ, то съ другой—и тутъ не замѣтилъ. Наконецъ сталъ возлѣ уха его и зажурчалъ надъ нимъ такъ, что молодой человѣкъ вздрогнулъ.

— А, это ты?

— Какъ же, высокопочтеннѣйшій господинъ!.. Я, кажется, докладывалъ вамъ, что я здѣсь человѣкъ домашній, свой. Гмъ! не правда ли? какой умный, доблестный человѣкъ наслѣдникъ великаго Константина!

— Развѣ потому, что онъ доблестно осушаетъ ковши? И тутъ, кажется, скоро померкнетъ его звѣзда.

— Тише, тише, высокопочтеннѣйшій, не погубите меня... А видѣли красоточку? Что, солгалъ?.

- Впервой сказалъ правду.

— Если бъ?.. только намекните... это мое дѣло

И переводчикъ глупо-лукаво мигнулъ глазомъ.

— Много чести. Присоедините и этотъ вѣнокъ къ тѣмъ сотнямъ, которыми закидали васъ отъ Рейна до Москвы.

И Антонъ, посадивъ переводчика на мель, спѣшилъ отъ него къ палатнымъ мастерамъ, съ которыми пріѣхалъ изъ Германіи,

Въ самый разгаръ пира явился Хабаръ. Узнавъ, что многіе были недовольны лекаремъ за излишнее воздержаніе его:

— Я за него и за себя отвѣчаю! — воскликнулъ онъ.

И передъ нимъ поставили красаулю, въ которой налито было двойное число стопъ, выпитыхъ каждымъ въ его отсутствіе.

— Вотъ какъ у насъ, по-византійски, купайся въ винѣ!—кричалъ Андрей Палеологъ.

Ножки его путались, какъ мокрое лыко; нижняя челюсть, которая и безъ того выдавалась впередъ, опустилась еще болѣе, такъ что профиль его съ рѣзкими углами тупоумія, ложившійся на стѣнѣ, былъ уморительно смѣшонъ

— Вотъ какъ у насъ по-русски!—сказалъ Хабаръ, осушивъ ужасную красаулю.

Хмѣль всего скорѣе обнаруживаетъ характеры; не на днѣ колодца, а на днѣ стакана надо отыскивать истину. Отвага заискрилась въ глазахъ и словахъ Хабара; деспотъ морейскій тотчасъ высказалъ въ себѣ хвастунишку. Оба заняли главную сцену пира.

— Что же мы? — сказалъ Хабаръ, — пили за здоровье великаго князя, великой княгини и благороднаго хозяина, а не честили благороднаго братца его, Мануила Ѳомича, что стережетъ для него Константиновъ градъ на завѣтныхъ камешкахъ?

Сколько ни сквозило въ головѣ Ѳомича, онъ понялъ однакожъ насмѣшку и объявилъ, что братъ за бѣгство свое къ султану лишенъ ихъ отцомъ правъ на византійскій престолъ. Тостъ былъ отказанъ.

— О, братцы, тяжела ноша царская,—сказалъ де-

спотъ, печально нахохлившись и вздыхая: — я и самъ отъ нея отказался. Вѣдь византійская имперія не то, что ваше Московское княжество. Сколько въ ней морей и рѣкъ, и сколько великихъ городовъ! Самый меньшой городокъ больше Москвы. Не только-что конному, и птицѣ въ годъ не облетѣть *наше* царство. А вашу землишку и всю въ горсть захватишь.

— Наша земля и такъ въ длани Божіей, да въ могучей рукѣ нашего богатыря Ивана Васильевича, и эта ручка махаетъ широко! — произнесъ важно дьякъ Бородатый, пріосанясь и охорашивая свою бороду.

Торжественное удовольствіе блестѣло въ глазахъ маленькаго великокняжескаго Тита-Ливія.

— Спасибо!—воскликнулъ Хабаръ—выручилъ! Никогда еще такъ ладно и складно не говорилъ. Поцѣлуемся за то, и выпьемъ во славу и красованіе нашей землицы... Прибавь еще, матушка наша Русь святая растетъ не по годамъ, а по часамъ, а Византія малилась да малилась до того, что уложилась вся въ господинѣ великомъ, деспотѣ морейскомъ, Андреѣ Ѳомичѣ.

— А кѣмъ же вашъ московскій князекъ и мой неблагодарный зятекъ вышелъ въ люди, какъ не черезъ Ѳомичей?

Хабаръ и за нимъ нѣсколько боярскихъ дѣтей захохотали. Около спорнаго пункта составился кружокъ; Антонъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на эту борьбу, въ которой дѣятелями были съ одной стороны благородная любовь къ родинѣ и своему государю, съ другой — хвастливая слабость. Кто бы не пожелалъ побѣды первой сторонѣ и не ручался за нее!

— Да, да, таки съ того времени, какъ появилась на Руси сестра моя Софія Ѳоминишна, вы и свѣтъ

Божій взвидѣли, татары отъ васъ побѣжали, Новгородъ палъ, Москва стала походить на городъ; съ того времени Иванъ Васильевичъ самъ поумылся...

— Охъ! — вырвалось изъ богатырскоій груди Хабара. Казалось, онъ глазами хотѣлъ съѣсть византійскаго хвастуна.

Бояринъ съ окладистою, сѣдою бородоій вышелъ на сцену и произнесъ, низко поклонившись:

— Мы чествуемъ и кланяемся сестрицѣ твоей, а нашей господынѣ, великой княгинѣ Софьѣ Ѳоминишнѣ, за то, что она Русь нашу полюбила паче своей родной земли (да стоитъ ли упоминать объ этой соромной землѣ, которую поѣдаетъ поганый бесерманъ, аки татарская саранча). А тебѣ, господине, деспотъ аморейскій, непригоже заочно на нашего осподаря Ивана Васильевича ла... — бояринъ остановился, покачавъ головою, — непригоже и мнѣ твоей милости худое слово.

— Вашъ господарь, а мой зятекъ, и самъ обижаетъ меня, — считаетъ хуже бракованноій куницы. Выдалъ дочь мою за верейскаго князя и, изъ бабьева узорочья, прогналъ его въ Литву. Спасибо! Какая мнѣ честь во дворѣ великокняжескомъ? Въ какой льготѣ держитъ онъ меня? Какіе дары отъ него? Хуже, чѣмъ татарскому царевичу Даньяру!

— Дѣдъ и отецъ татарскаго царевича и онъ самъ трудились много христіанскаго дѣла ради, — молвилъ бояринъ, опять кланяясь: — коемуждо по заслугамъ.

— А я... я... эки вы дураки!

Бояринъ еще ниже поклонился и почесалъ голову..

— Знаете ли? у меня въ карманѣ византійская имперія

— Невеличка, — прервалъ Хабаръ, — коли въ твой карманъ умѣстилась, такъ я посажу за свою пазуху и пятокъ твоихъ царствъ.

Этотъ отвѣтъ сопровождался хохотомъ русскихъ, которые были помоложе, и многихъ иностранцевъ, понимавшихъ русскій языкъ. Кто изъ нихъ, будто нечаянно, толкнулъ деспота морейскаго, кто показалъ сзади, что готовъ щелкнуть его по лысинѣ. Греки печально головой качали. Бояринъ съ окладистою бородою сохранялъ важный, холодный видъ.

— Я могъ бы... я сулилъ вашему Ивану мое византійское царство.

— Летитъ журавль въ небѣ! — запѣлъ Хабаръ.

— Не мѣшай же мнѣ, щенокъ! — вскрикнулъ претендентъ, топая повелительно ножкой. — Знаешь ли? словечко сестрѣ, мигомъ тебя въ желѣза!

Вспыхнулъ Хабаръ и всталъ во всю молодецкую высоту свою со скамьи, на которой до сихъ поръ сидѣлъ передъ Палеологомъ. Онъ засучилъ правый рукавъ своего кафтана и, гордо подбоченясь лѣвою рукой, закрутилъ большой палецъ ея блестящимъ поясомъ.

Претендентъ, довольный своею отвагой, можетъ быть и первенькой, продолжалъ, похваляясь и горячась болѣе и болѣе:

— Не честилъ меня Иванъ, какъ подобаетъ честить царя и шурина своего, такъ я всѣ права свои на византійское *мое* царство подарилъ шпанскому королю Фердинанду и королевѣ Изабеллѣ.

— Ты забылъ, господинъ деспотъ,—сказалъ почтительно одинъ изъ грековъ, — что отдалъ сперва эти права французскому королю Карлу VIII, что онъ по

этому случаю наряжался въ константиновскую багряницу и торжественно величалъ себя Августомъ.

— Да! — сказалъ презрительно Андрей Палеологъ, — не угодилъ мнѣ, такъ я разгнѣвался на него и отдалъ другому. Такой же окаянный, какъ и русскій Иванъ...

— Лжешь!—вскричалъ Хабаръ, и вмѣстѣ съ этимъ далъ пощечину наслѣднику великаго Константина и Августа.

— Прекрасно, — сказалъ Антонъ, — кто не умѣетъ заставлять уважать себя, недостоинъ уваженія.

И бросилъ золотую цѣпь, подарокъ деспота, къ ногамъ его; она тяготила благороднаго молодого человѣка.

— Любо! — воскликнуло нѣсколько голосовъ, — за всю Русь нашу кланяемся тебѣ, Иванъ Васильевичъ Хабаръ.

— Охъ, охъ! — завопилъ деспотъ, придерживая щеку ладонью, — греки, мои греки, вступитесь за меня... Обида господину вашему!.. Униженіе!

Сдѣлалась суматоха. Кто брался за шапку и острилъ лыжи, кто утекалъ и безъ шапки. Знаменитая пощечина отдалась въ головѣ пирующихъ и отрезвила многихъ. Нѣсколько домочадцевъ, составлявшихъ дворъ деспота, бросились было, чтобы схватить Хабара, но отступили, испуганные ли его грознымъ, неподвижнымъ положеніемъ, или криками русскихъ, что они бревна цѣлаго не оставятъ въ домѣ, если только дотронется кто до ихъ товарища. Можетъ быть, дворчане боялись наказа Гаиды — беречь милого человѣка. Кончилось тѣмъ, что Андрей Палеологъ, въ надеждѣ пожаловаться великой княгинѣ, пошелъ жаловаться

своей возлюбленной, а гридня, за нѣсколько минутъ такая веселая и шумная, опустѣла и замолкла. Послѣдніе изъ нея вышли Хабаръ и постоялецъ отца его.

У воротъ перенялъ кто-то Хабара. Это была гречанка. Она пришла не пенять ему (смѣло ли это ея сердце?), но проститься съ нимъ—можетъ быть, надолго... можетъ быть, чтобы никогда не увидѣться. Какъ-то передадутъ это происшествіе Ивану Васильевичу; каковъ часъ найдетъ на грознаго властителя!

КОНЕЦЪ ДЕВЯТАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТАГО ТОМА

БАСУРМАНЪ стр.

Прологъ 1

Часть первая и вторая. 15

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

БАСУРМАНЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1913

1913

БАСУРМАНЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РѢШЕНІЕ БЕЗЪ АПЕЛЛЯЦІИ

По крытому переходу, который велъ отъ двора великокняжескаго къ церкви Благовѣщенія, еще тогда деревянной, возвращался Иванъ Васильевичъ съ утренней молитвы. Когда онъ выходилъ изъ храма Божьяго, по ясному челу его носились пріятныя впечатлѣнія, оставленныя въ немъ молитвою; но чѣмъ далѣе онъ шелъ, тѣмъ тяжелѣе гнѣвъ налегалъ на это чело и ярче вспыхивалъ во взорахъ. За нимъ, въ грустномъ раздумьѣ, слѣдовалъ красивый, статный молодецъ: это былъ сынъ его Иванъ.

Слѣдомъ ихъ шелъ бояринъ Мамонъ. Никто не смѣлъ нарушить угрюмое молчаніе великаго князя. Іоаннъ младой старался скрадывать шорохъ шаговъ своихъ, чтобы не оскорбить имъ слуха отца въ такое время, когда малѣйшее неловкое впечатлѣніе могло разрядить ужасную вспышку гнѣва. Онъ зналъ, го

гнѣвъ этотъ, не возбужденный потворствомъ или своекорыстіемъ приближенныхъ, могъ еще улечься, или, по-крайней-мѣрѣ, не имѣть роковыхъ послѣдствій. И потому берегъ онъ эту возможность, какъ искусный механикъ даетъ свободный пропускъ сердитымъ водамъ, накопившимся отъ непогоды, чтобы онѣ не прорвали плотины. На лицѣ боярина разыгрывались то удовольствіе злобы, то страхъ; и слухомъ и взоромъ жадно слѣдилъ онъ малѣйшее движеніе своего господина. Молчаніе ихъ похоже было на то, когда вынимаютъ изъ урны роковой жребій. Жребій былъ вынутъ: Иванъ Васильевичъ остановился въ серединѣ перехода и, обратясь къ сыну, сказалъ:

— Слышалъ, Иванъ, что сдѣлалъ твой любимый Хабаръ?

— Слышалъ, господине, — отвѣчалъ спокойно Іоаннъ младой.

— Легко вымолвить: заушилъ деспота морейскаго.

— А за что, сказали тебѣ, отче?

— Ни съ того, ни съ сего, вѣстимо хмѣльной! не впервой ему озорничать. Коли до нынѣшняго дня носилъ еще голову на плечахъ, такъ это ради тебя.

— Коли нынѣ снесетъ эту голову, такъ ради тебя, господине, и нашей православной Руси, — произнесъ съ твердостію Іоаннъ младой.—Когда пойдетъ на лобное мѣсто, я поцѣлую его въ эту голову.

— Какъ такъ?

Великій князь грозно посмотрѣлъ на Мамона; этотъ старался, сколько могъ, затаить свое смущеніе и встрѣтилъ его очи съ твердостью.

— Вотъ, какъ дѣло было, — продолжалъ Іоаннъ

младой съ спокойствіемъ истины.—Вчера, на пиру у Андрея Ѳомича, были созваны, будто на посмѣхъ, и бояре твои и смердъ, старые и молодые гуляки. Хмѣльной, онъ братался со всѣми, пилъ за здоровье непотребной гречанки и обнимался съ чеботаремъ, что шьетъ на нее черевики. Ты вѣдаешь, какъ онъ распутствомъ своимъ безславитъ родъ свой и наноситъ скорбь матушкѣ, великой княгинѣ Софьѣ Ѳоминишнѣ. Въ самомъ разгулѣ хмѣля сталъ порочить русскую землю, и что стоитъ она только греками, и что вся сила и краса ея отъ грековъ, безъ нихъ-де мы бы и татаръ не выгнали, и Новгородъ не взяли, и Москвы не снаряжали. Лаялся, будто ты, господине, не помнишь его милостей и худо честишь его; зато и подарилъ онъ шпанскому королю византійское царство свое, а не тебѣ...

— Ахъ! онъ собака!.. И конуру-то даютъ изъ милости, а даритъ царства. Одинъ братъ лижетъ мисы на поварнѣ у бесерменскаго царя и скоморошничаетъ у него; другой слоняется по угламъ да продаетъ первому глупцу кречетовъ за морями... Ну, чтожъ потомъ?

— Не посмѣю сказать, какъ онъ тебя облаялъ.

— Говори, я тебѣ приказываю.

— Молвилъ, что не отдалъ тебѣ Цареграда, тыде... Воля твоя, отче, языкъ не двигается...

— Иванъ, ты меня знаешь?

Этотъ вопросъ заставилъ бы и мертваго отвѣчать.

— Называлъ тебя псомъ, окаяннымъ. И Хабаръ далъ ему за то пощечину.

— И онъ не задушилъ его?..—закричалъ великій князь, и не могъ болѣе слова вымолвить. Глаза его

ужасно запрыгали, дыханіе остановилось въ груди, будто сдавленной тяжелымъ камнемъ. Немного успокоившись, онъ сказалъ сыну:—Воистину ли такъ?

— Спроси дьяка Бородатаго, бояръ постарше и понадежнѣе, что были на пиру, дворскаго лекаря Антона.

Иванъ Васильевичъ задумался.

— Нѣтъ, не надо. Ты мнѣ сказалъ, Иванъ: стану ли я допрашивать бояръ и дьяковъ?

Великій князь любилъ очень своего сына и увѣренъ былъ въ его благоразуміи и праводушіи.

— Ты же что? —произнесъ онъ, грозно обратясь къ Мамону, и вслѣдъ за тѣмъ ударилъ его посохомъ по лицу.

Мамонъ чувствовалъ, что жизнь его виситъ на волоскѣ, и отвѣчалъ съ твердостію

— Воленъ, осударь, казнить меня, а я доложилъ тебѣ, что слышалъ. я самъ на пиру не былъ.

— А чтобъ ты впередъ вывѣдывалъ повѣрнѣе, заплати за безчестье Симскому-Хабару сто рублевъ, да отнеси ихъ самъ, да поклонись ему трижды въ ноги. Слышь? . — Иванъ, — прибавилъ онъ, — вели, чтобы отнынѣ звали его во всякомъ дѣлѣ Хабаромъ. *Хабарно* [1]) русскому царю имѣть такого молодца. Не даромъ жалуешь его

— А какъ попался на пиръ лекарь Антонъ?—спросилъ великій князь своего сына, когда Мамонъ удалился.

— Захворала гречанка Андрея Ѳомича. Позвали его, и когда онъ сдѣлалъ ей легкость, притащили и

---

[1]) Выгодно.

его на пиръ Пить онъ отказался Говорятъ, деспотъ подарилъ ему за леченіе золотую цѣпь, а какъ молвилъ обидное о тебѣ слово, такъ лекарь бросилъ дары назадъ. А цѣпь была дорогая.

Видно было по глазамъ великаго князя, что это извѣстіе льстило ему Несмотря на то, онъ возразилъ:

— Неразумно, коли была дорогая.

Такъ развязалась участь Хабара: часомъ ранѣе нельзя было ручаться за жизнь его. Мамонъ увѣренъ былъ въ успѣхѣ своего доноса, имѣя на своей сторонѣ и важность преступленія, и покровительство Софіи. Хотя великая княгиня и не любила брата за слабость его характера и развратное поведеніе, такъ безстыдно выставляемое, однакожъ на этотъ разъ приняла живо къ сердцу неслыханное униженіе его, какъбы оно сдѣлано было ей. Но Иванъ Васильевичъ однажды рѣшилъ, и никакія связи не могли измѣнить его приговора. Безсильная противъ этого опредѣленія, Софія обрекла Хабара своему недоброжелательству и съ этого времени стала питать на лекаря неудовольствіе. Надо прибавить, что между ею и супругою Іоанна младаго начинало возрождаться какое-то завистливое соперничество, и потому дѣло, выигранное княжичемъ, тронуло ее за живое. Брату жъ ея, послѣ рѣшенія великаго князя, оставалось выѣхать изъ Руси.

Какъ же попалъ въ ходатаи Іоаннъ младой? Отвага и тутъ помогла Хабару. Съ первымъ просвѣтомъ зари онъ явился къ нему и разсказалъ все, какъ было на пиру деспота. Призваны для повѣрки его словъ малютка-дьякъ, бояринъ, возражавшій Андрею Ѳомичу, двое боярскихъ дѣтей и лекарь Антонъ. Всѣ подтвердили истину. Мы видѣли, что прямодушный, высокій

характеръ наслѣдника русскаго *стола* умѣлъ воспользоваться показаніями любимца своего и призванныхъ свидѣтелей и твердо стать на защиту истины и благороднаго подвига.

Не безъ тревоги сердечной Хабаръ и лекарь Антонъ, каждый на своей половинѣ, ожидали развязки этого происшествія. Одинъ хотя не каялся въ своемъ поступкѣ и повторилъ бы его, если бы опять представился такой же случай, хотя безстрашно готовъ былъ выдержать казнь, однакожъ боялся позора этой казни для престарѣлаго отца своего и сестры-невѣсты. Антонъ безпокоился о томъ же за него. Онъ начиналъ брать въ немъ живое участіе, сочувствуя его отвагѣ, грубой — это правда, но все-таки увлекательной по благородству ея источника: даже самымъ слабостямъ ея готовъ онъ былъ потворствовать. Желая заслужить любовь русскихъ, Антонъ и на вчерашнемъ пиру старался присоединиться къ ихъ сторонѣ, и радовался, что на этой сторонѣ были честь и правота. Съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ онъ, какъ молодые боярскіе дѣти, прощая ему ненавистное для нихъ имя басурмана, которое за нимъ ходило, отъ души расточали ему похвалы за то, что онъ отвергнулъ даръ деспота. Кто знаетъ? изъ этого желанія пріобрѣсть ихъ любовь, можетъ статься, не отдѣлился бы отъ нихъ въ дѣлѣ отваги, не столь похвальномъ. Винить ли его въ этомъ случаѣ? Пускай молодой человѣкъ на его мѣстѣ броситъ въ него камень!.. Можно судить, что онъ чувствовалъ, видя, какъ обстоятельства ежедневно болѣе и болѣе спрягали съ нимъ судьбу Хабара.

Любовь къ Анастасіи, усиленная препятствіями, конечно, играла важную роль во всѣхъ этихъ сердеч-

ныхъ тревогахъ и въ участіи къ ея брату. Безъ цѣли, безъ отчета, часто подавляемая разсудкомъ, любовь эта всетаки дѣлала успѣхи. Она пустила еще сильнѣе побѣги отъ слѣдующаго обстоятельства.

Когда Антонъ возвращался съ Хабаромъ домой, заря, обѣщавшая прекрасный день, ужъ занималась. У воротъ своихъ они простились друзьями. Смотря на ихъ прощаніе, никто не подумалъ бы, чтобъ одинъ изъ нихъ считался въ семьѣ другого за служителя сатаны Сыну Образца сбереженъ былъ входъ въ калитку преданнымъ служителемъ. Антонъ отперъ свою ключомъ, который имѣлъ при себѣ. На крыльцѣ остановился онъ, чтобъ вздохнуть послѣ скорой ходьбы и подышать свѣжимъ, весеннимъ воздухомъ Сады по скату городской горы и рощи замоскворѣцкія оперялись, казалось, они покрыты были зеленою сѣтью; Москва-рѣка, свободная отъ ледяныхъ оковъ своихъ, отдергивала пологъ тумана, чтобы показать и спесивую красоту полногрудыхъ водъ своихъ и свѣжую зелень своихъ береговъ. Сквозь улетающіе, фантастическіе покровы этого тумана виднѣлись то блестящій въ лучахъ вѣнецъ Донского монастыря, то бѣлая риза Симонова Только-что успѣлъ Антонъ бросить жадный взглядъ на эту картину, для него новую, надъ нимъ стукнуло завѣтное окно. Смотритъ, и не вѣритъ глазамъ своимъ: не видѣніе ли ужъ? У окна Анастасія, въ такіе часы, когда и птицы еще лѣниво расправляютъ свои крылышки. Точно, она, только блѣдная, грустная! Антону кажется, что глаза ея заплаканы, что она покачала ему головой, какъ бы упрекала его... Онъ скинулъ беретъ и сталъ передъ ней, скрестивъ руки, будто молилъ ее о чемъ-то; но роковое окно

задвинулось, и опять скрылось его прекрасное видѣніе.

Не зная что подумать объ этомъ грустномъ явленіи, Антонъ постоялъ нѣсколько минутъ на крыльцѣ; но видя, что окно вновь не отодвигается, и боясь нескромныхъ свидѣтелей, вошелъ къ себѣ. — «Анастасія печальна, проводитъ ночи въ слезахъ», — думалъ онъ; и вспоминая всѣ знаки ея участія къ нему, иноземцу, ненавистному для отца ея, съ грустнымъ и вмѣстѣ сладкимъ чувствомъ, съ гордостію и любовію, относилъ къ себѣ и нынѣшнее явленіе. Онъ заснулъ, когда солнце было уже высоко, но и во снѣ не покидалъ его образъ Анастасіи.

Вмѣстѣ съ его сердцемъ разберите сердце дѣвушки, воспитанной въ семейномъ заточеніи, не выходившей изъ кельи своей свѣтлицы и за ограду своего сада, и вдругъ влюбленной; прибавьте къ тому, что она каждый день видитъ предметъ своей любви; прибавьте заклятіе отца и мысль, что она очарована, что она, земная, не имѣетъ возможности противиться сверхъ-естественнымъ силамъ, которыхъ не отогнала даже святыня самой усердной, самой пламенной молитвы. Перебравъ все это, станете ли удивляться, что она уже не противится этимъ силамъ и совершенно предалась очарованію? Жадно слѣдя шаги милаго постояльца, Анастасія замѣтила вчера уходъ его изъ дому съ братомъ ея, — съ братомъ, который ведетъ разгульную жизнь, котораго отецъ журитъ иногда за ночныя похожденія. Не мудрено, онъ и любимца ея научитъ этой разгульной жизни. Долго ждала она Антона, и Антонъ не возвращался: никогда еще онъ такъ не опаздывалъ. Въ груди ея заговорила ревность — она упрекала

брата, упрекала милаго иноземца, съ которымъ не говорила еще слова, но котораго считала уже своимъ; тосковала, сердилась, бранила себя за холодность, плакала. И вотъ, наконецъ, онъ идетъ — пускай видитъ ея слабость, пускай знаетъ, что она плакала, и по немъ!

Не даромъ слывутъ наши пословицы золотыми. Одну изъ нихъ очень кстати примѣнить къ сердечному состоянію нашихъ влюбленныхъ: «дѣвушка въ терему, что запрещенный плодъ въ раю». Можно бы и такъ сказать: «что подъ деревомъ съ запрещеннымъ плодомъ въ раю».

Бѣдная пташка къ полдню была испугана появленіемъ злого коршуна, который такъ часто кружилъ надъ ея гнѣздомъ. Опять Мамонъ въ домѣ Образца, но теперь не такъ, какъ гордый вѣстникъ отъ великаго князя, а какъ приговоренный, въ сопровожденіи двухъ недѣльщиковъ и двухъ вооруженныхъ боярскихъ дѣтей. Прежде чѣмъ взяли его изъ дому, отобрали на немъ оружіе.

Именемъ господина, великаго князя, спрашиваютъ сына воеводы, Симскаго-Хабара. Не безъ сердечной тревоги готовъ онъ выслушать свой смертный приговоръ. Вмѣсто того объявляютъ ему, что бояринъ Мамонъ, по волѣ Ивана Васильевича, принесъ ему сто рублей безчестья и пришелъ земно бить челомъ. Да, пришелъ этотъ Мамонъ, гордый, ужасный въ своемъ мщеніи, просить у врага прощенія. И могъ ли онъ не придти? его прислалъ великій князь Иванъ Васильевичъ. Страшны были его шафранное лицо, исковерканное душевною бурей, его глаза, налитые кровью, лѣсъ черныхъ волосъ, вставшихъ на дыбы. Въ такомъ видѣ

представилъ бы художникъ сатану, скованнаго высшею силою.

И пришелъ онъ, и подалъ Хабару сто рублей.

— Сто рублей счетомъ, — сказалъ онъ твердымъ голосомъ, и палъ униженно предъ своимъ врагомъ, — разъ, другой. Тутъ онъ коварно, адски усмѣхнулся, палъ въ третій разъ. — То было княжее, а это мое, — сказалъ онъ, приложился къ ногѣ Хабара и оставилъ на ней кровавый, глубокій оттискъ зубами. — Вотъ это мое пятно, — повторилъ онъ и адски захохоталъ.

— Не даромъ звали его Мамономъ, — вскричалъ Хабаръ — такъ сильно былъ онъ пораненъ, и первымъ движеніемъ его было вырвать клокъ изъ бороды противника.

Ихъ тотчасъ розняли.

— *Поля, позываю* тебя *на поле!*—вскричалъ Мамонъ.

— На поле! — вскричалъ Хабаръ, — давно пора! Богъ да судитъ насъ!

И враги, поцѣловавъ крестъ, выбравъ каждый своего *стрянчаго* (секунданта) и *поручника*, разстались съ жаждою крови одинъ другого.

Образецъ, не желавшій видѣть униженія своего врага, не былъ при этой сценѣ. Когда-жъ узналъ развязку ея, благословилъ сына на судъ Божій. Несмотря на грозныя запрещенія духовныхъ властей, считалось постыднымъ дѣломъ отказаться отъ *поля*, на которое каждый за убой *волень* былъ вызвать. А запрещеніе духовныхъ отцовъ было ужасно [1]). «Аще который человѣкъ позовется на поле, да пріидетъ къ

---

[1]) См. «Посланіе митрополита Фотія къ новгородцамъ» въ 1410 году.

какому попу причаститись, ино ему святова причастья нѣтъ, ни цѣлованія крестнова. А кто утепетъ, лезши на поле, погубитъ душу, по великова Василія слову душегубецъ именуется, въ церковь да не входитъ, ни дары не пріемлетъ, ни Богородицына хлѣба, причастія же святова не пріемлетъ 17 лѣтъ. . Убитова не хоронить». Каковъ наказъ для нашихъ православныхъ, набожныхъ предковъ! Но честь (только подъ другимъ именемъ), которая и для нихъ была дороже всего, надъ всѣмъ брала верхъ.

Когда донесли великому князю объ этомъ позывѣ, онъ сказалъ:

— Теперь не мое дѣло, а дѣло «Судебника»

Въ «Судебникѣ» стоялъ слѣдующій законъ:

«Кто у кого бороду вырветъ и послухъ опослушествуетъ, ино ему крестъ цѣловати и битися на полѣ».

Противъ закона, уложеннаго самимъ великимъ княземъ съ сыномъ и боярами, нельзя было идти; только приказано полю быть не прежде, какъ полки воротятся изъ Твери. Для дѣла ратнаго еще нуженъ былъ такой молодецъ, какъ Хабаръ.

Слово «*поле*» омрачило домъ Образца, и безъ того несвѣтлый; это слово отозвалось, будто ударъ ножа, въ сердцѣ Анастасіи, знавшей, что она виновница ужасной вражды между отцомъ ея и Мамономъ и, можетъ быть, виною братниной смерти. Слово «*поле*» долго ходило по домамъ, какъ въ наши дни ходить роковая карточка съ черными каймами и съ изображеніемъ мертвой головы. Прохожіе, идя мимо домовъ Образца и Мамона, слышали ужъ въ нихъ пѣнье по усопшемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТѢЛЬНИКЪ

— Ахъ! няня, няня, я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!
— Дитя мое, ты нездорова;
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси.
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь...—Я не больна:
Я... знаешь, няня... влюблена.

Пушкинъ.

Довѣренность Хабара къ лекарю Антону была такъ велика, что онъ просилъ его полечить отъ раны, сдѣланной живымъ оружіемъ. Рана была довольно глубокая; но молодцуль, завороженному въ русскихъ снѣгахъ, въ фатализмѣ воспитанія, вѣдать опасенія и боль? При операціи, сдѣланной ему Антономъ, онъ не по морщился, какъ бы пчела слегка ужалила его. Благодаря живительной силѣ молодости, здоровья и пособію врача, исцѣленіе было скорое. Но и до выздоровленія онъ показалъ себя товарищамъ удальцамъ и, окутанный плащемъ-невидимкою ночи, укралъ у претендента на византійскій престолъ нѣсколько горящихъ поцѣлуевъ его Гаиды. Одно, что въ этомъ случаѣ безпокоило Хабара, такъ это грусть сестры, которой причиною, думалъ онъ, живое участіе къ нему. Другой причины онъ и не подозрѣвалъ.

Анастасія, имѣя теперь возможность отнести вину своей грусти къ походу, разлучавшему ее съ братомъ, и къ страшному поединку, не удерживала себя болѣе, не таила болѣе слезъ въ груди. Вскорѣ увѣрили ее, что *поля* не будетъ, что великій князь грозною волею своею помирилъ враговъ, Хабаръ удовлетворенъ, по законамъ за *кровавую рану*, нѣсколькими полтинами, и тому дѣлу былъ *положенъ* навсегда *погребъ*. Это убѣжденіе успокоило ее на счетъ брата и между тѣмъ обратило на одинъ предметъ всѣ помыслы, всѣ способности ея души, которыя раздѣлили было по себѣ два предмета, равно ей драгоцѣнные.

Равно ли? Богъ знаетъ! Заглянувъ окомъ своимъ въ глубину ея сердца, Онъ увидѣлъ бы въ немъ перевѣсъ на сторону басурмана. Такъ очарованіе овладѣло этимъ сердцемъ!

Анастасія цѣлый день видѣла, слышала, какъ полки собирались въ походъ. Бывало она веселилась, смотря изъ окна своей свѣтлицы на движеніе ихъ, торжественное, полное жизни: она утѣшалась мыслью, что, съ уходомъ изъ Москвы на войну бо́льшей части молодцовъ, ей свободнѣе будетъ съ подругами гулять и водить хороводы въ садахъ. Нынѣ же видъ этихъ полковъ былъ ей несносенъ. Казалось, они кругомъ осадили ее и преслѣдовали даже въ домѣ родительскомъ. Открывала ли окно своей свѣтлицы на Москву-рѣку — по великой улицѣ тянулось воинство густою массою. Отворяла ли другое окно — видѣла, какъ у церквей *городскихъ* духовенство благословляло *стяги*, какъ отцы, матери и *родичи* безпрестанно входили въ домы Божьи для *пострига* дѣтей и для служенія молебствій о благополучномъ походѣ; какъ Іоаннъ младой дѣлалъ смотръ

полкамъ. Открывала ли, при случаѣ, окно на дворъ постояльца? тутъ ничего не видѣла,—слезы туманили очи ея. И сидя въ углу своего дѣвичьяго заточенія, она не могла забыться: кругомъ отзывался топотъ конницы по деревяннымъ мостовымъ и вторгался въ ея свѣтлицу. Со всѣхъ сторонъ осажденное вѣстью о разлукѣ, сердце ея надрывалось тоскою невыносимою.

Въ наше время хорошее воспитаніе, гдѣ оно есть, уроки матери и наставницы, избранное чтеніе, изученіе съ малолѣтства Закона Божія съ нравственнымъ примѣненіемъ къ жизни, связи общественныя, — все это остерегаетъ заранѣе сердце дѣвушки отъ подводныхъ камней, мимо которыхъ оно должно плыть, пріучаетъ умъ ея быть всегда на стражѣ противъ обольщеній и различать ложь отъ истины, пагубное отъ полезнаго.

Чтожъ ограждало сердца нашихъ прабабушекъ отъ обольщенія, кромѣ стѣнъ и заборовъ? Какое благоразумное воспитаніе, какіе уроки и примѣры? Какія свѣтскія отношенія, повторяя опасность любви, знакомили съ этою опасностью, приготовляли сердце дѣвушки къ должной оборонѣ? Мать, частое обращеніе къ Богу и святымъ Его, это правда, замѣняли многое. Но руководство матери, большею частью, ограничивалось строгимъ наказомъ беречься недобраго глаза, ограждать себя крестомъ и молитвою отъ навожденія діавольскаго. И что добраго успѣвала создать родная въ сердцѣ дочери, то нерѣдко разрушали неблагоразумныя бесѣды мамки и сѣнныхъ дѣвушекъ, сказки о похожденіяхъ красавцевъ-царевичей, пѣсни, исполненныя сладости и тоски любви. Заборы были высоки, свѣтлицы и терема дѣвицъ крѣпко-накрѣпко защищены; но разъ слу-

чай помогъ влеченію сердца, или, просто, неопытности; разъ эта преграда разрушена, и грѣхъ, если не страсть, торжествовалъ надъ всѣмъ: надъ связями семейными, надъ стыдомъ дѣвическимъ, надъ святынею. Сколько примѣровъ, что дочери боярскія, обольщенныя налетными молодцами, убѣгали съ ними въ дремучіе лѣса и тамъ дѣлили съ ними грубую, злодѣйскую жизнь! Пѣсни, эти вѣрнѣйшія легенды нравовъ, лучше всего это подтвердятъ.

Какъ бы то ни было, по щучьему ли велѣнію, по навожденію ли нечистаго, по закону ли природы, Анастасія вся предалась своей любви, не думая ужъ защищаться отъ того, что почитала очарованіемъ. Такъ же, какъ и подруги ея, жила она въ дѣвическомъ заточеніи, воспитана была въ тѣхъ же предразсудкахъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же сказокъ и пѣсенъ, какія смущали ея подругъ. Но, замѣтьте, она не имѣла надъ собою ни ока матери, ни ежедневнаго благословенія ея, зато каждый день находила случай видѣть молодого, очаровательнаго иноземца, съ которымъ дѣлила ихъ только деревянная преграда. А такія ли преграды уничтожаетъ сердце!

Итакъ, Анастасія, преданная любви своей, разрывалась, что будетъ долго въ разлукѣ съ очарователемъ. Какъ ни заглядывала въ свое сердце, какъ не старалась вытѣснить изъ него латынщика, паписта, чернокнижника—не могла. А хоть убейте ее, она не знала, что такое латынщикъ, папистъ. Что-нибудь да страшное! Вѣроятно, слуга нечистаго, изъ роду проклятыхъ на святомъ соборѣ. Однакожъ крестникъ ея, Андрюша, не разъ увѣрялъ ее, клялся всѣми святыми, что Антонъ *хрестьянинъ*, вѣруетъ въ Бога, Пречистую и

угодниковъ Божіихъ. Какъ бы испытать его и вмѣстѣ какъ бы спасти отъ адскихъ мукъ? Думать и думать объ этомъ, и сердце внушило ей подвигъ великій, тяжкій для дѣвицы, воспитанной въ строгомъ православіи. Что дороже тѣльника (креста, носимаго на тѣлѣ, на груди) могло быть для нея? Эта святыня, благословеніе матери, не покидала ее съ самаго крещенія, охраняла ее отъ нездоровья и всякихъ бѣдъ, отъ стрѣлы громовой, летящей днемъ, отъ навѣта звѣзды, разсыпающейся во тьмѣ ночной, соединила ее съ небомъ, со всѣмъ, чѣмъ пламенная вѣра населяла небеса, съ ангеломъ-хранителемъ ея. Этотъ святой талисманъ, залогъ чистоты ея мыслей и чувствъ, обручалъ ее съ распятымъ Господомъ: онъ долженъ былъ идти въ завѣтное наслѣдіе къ ея потомству, какъ шелъ къ ней отъ бабушки и прабабушки ея, или сопровождать ее въ гробъ, непорочную, богобоязненную. Она должна была представить его на страшномъ судѣ безъ пятенъ, безъ ржавчины смертныхъ грѣховъ. И съ этою святынею, съ этимъ завѣтомъ родной и неба рѣшается она разстаться: его-то рѣшается отдать басурману для спасенія его души. А свою погубить?.. Нѣтъ, она сдѣлаетъ святое дѣло, обративъ латынщика въ вѣру крещеную, православную. Сколько мукъ, сколько борьбы и моленій стоитъ ей этотъ подвигъ!.. и все-таки она рѣшилась совершить его.

Для исполненія ея намѣренія нуженъ былъ Андрюша, крестникъ ея и повѣренный сердечныхъ тайнъ. Она стала ожидать его съ нетерпѣніемъ: время было дорого.

Отецъ и братъ уѣхали на Кучково поле смотрѣть, какъ Аристотель будетъ *шибать* изъ огромной пушки,

только-что вылитой имъ на славу. Большая часть дворчанъ туда же отправилась. Андрюша пришелъ навѣстить друга своего Антона, но не засталъ его дома. Андрюша собирается также въ походъ. Надняхъ готовится онъ къ *постригу* (на который согласился великій князь, несмотря, что ему не было еще узаконенныхъ 16 лѣтъ); можетъ быть, до похода не удастся ему увидѣть свою крестную мать, которую онъ всегда такъ любилъ. Ему жаль крестной матери, пригожей, ласковой, цѣлующей его такъ сладко, какъ, бывало, цѣловала его мать, и онъ пришелъ проститься съ нею. Сердце сердцу вѣсть даетъ.

Какъ приступить Анастасія къ тому, что хотѣла передать своему крестнику? И собиралась сказать, и боялась. Она была блѣдна, какъ мертвецъ, и вся дрожала, будто собиралась признаться въ ужасномъ преступленіи. Андрюша замѣтилъ ея состояніе, и спросилъ:

— Не больна ли ты?

— Неможется,—сказала Анастасія, и потомъ, немного погодя, сдѣлавъ надъ собою необыкновенное усиліе, взяла Андрюшу за руку, крѣпко пожала ее и спросила его: — Любишь ли ты свою крестную мать?

— Отца развѣ люблю больше тебя и Антона,—отвѣчалъ малютка, цѣлуя ея руку

По врожденной дѣвушкѣ стыдливости и потому, что это противно было русскимъ обычаямъ, она никогда не позволяла ему цѣловать свою руку; теперь только слегка отдернула ее, встала, посмотрѣла, нѣтъ ли кого у дверей въ сѣняхъ, и когда увѣрилась, что никто не можетъ слышать ея бесѣды съ Андрюшей, просила подтвердить ей, любитъ ли онъ лекаря.

— Опять скажу не знаю, чего бы я не сдѣлалъ для него и для тебя, — отвѣчалъ Андрюша голосомъ живого соучастія.

— Если такъ, я хотѣла тебя попросить вотъ о чемъ. Говорилъ ты мнѣ, что Антонъ крещеный?

— Говорилъ.

— Что онъ вѣритъ по-нашему въ Господа Бога и Матерь Божію и въ святыхъ угодниковъ?

— Готовъ и теперь поклясться, что это правда.

— Почему жъ, сказываютъ, не носитъ онъ *тѣльника?*

— Мой другъ говоритъ: у него крестъ въ сердцѣ.

— Не пойму, что-то мудрено для меня. Вотъ видишь, если все это правда, если онъ не связался съ нечистою силой, надѣнетъ ли онъ мой *тѣльникъ?*

Глаза мальчика необыкновенно заблистали.

— Не люби меня, не пускай къ себѣ на глаза, — сказалъ онъ, — если другъ мой не надѣнетъ твоего креста и не будетъ носить его.

— Пожалуй... дамъ ему свой тѣльникъ.. только смотри, Андрюша, голубчикъ мой..

Она не договорила; но онъ понялъ душою, что въ ея словахъ былъ запросъ о жизни и смерти.

Дрожащими руками, вся пылая, Анастасія скинула съ себя тѣльникъ. Это былъ большой серебряный крестъ съ грубымъ изображеніемъ на немъ, чернью распятаго Спасителя; къ нему привязана была и ладанка. Смотря боязливо на дверь, она надѣла его Андрюшѣ на шею и спрятала глубоко на груди его. Все это старалась сдѣлать такъ поспѣшно, какъ бы боялась одуматься; но пальцы ея путались въ шелковомъ гайтанѣ; гайтанъ съ трудомъ отставалъ отъ нихъ.

— Скажи ему, чтобъ онъ крестился по-нашему, вставая отъ сна и на сонъ грядущій, — примолвила Анастасія.—Но... смотри, Андрюша, не выдай меня, не погуби.. отцу не открой... побожись.

Она говорила только: «отцу», увѣренная, что крестникъ и безъ просьбы никому другому не скажетъ.

И Андрюша, дрожа, будто участникъ въ преступленіи, скрѣпилъ тайну, ему ввѣренную, самою ужасною клятвою, какую только зналъ.

— Можетъ быть,—прибавилъ онъ, смутно понимая душевную тревогу своей крестной матери и желая ее и себя утѣшить,—можетъ быть, Настя, мы введемъ его этимъ тѣльникомъ въ нашу вѣру. Господь знаетъ, даръ твой не будетъ ли у него на груди, когда будешь стоять съ нимъ въ церкви подъ вѣнцомъ.

— Нѣтъ, Андрюша, не говори мнѣ про вѣнецъ... не для того это дѣлаю... мнѣ жаль только, что онъ басурманъ... хотѣла бы спасти его на томъ свѣтѣ отъ смолы горячей...

— Ахъ, Настя, если не ему идти въ рай, такъ кто же будетъ въ немъ?

Послышался кашель мамки. Заключившіе тайный союзъ спѣшили оправиться отъ смущенія и потомъ проститься. Андрюша обѣщалъ еще увидѣться съ крестною матерью до похода.

Когда онъ ушелъ, Анастасіи стало на груди холодно, очень холодно, какъ будто кусокъ льду на ней лежалъ. Она погрузилась въ страшныя думы. Въ первый еще разъ пришла ей на мысль трудность скрыть отъ мамки, что на ней нѣтъ тѣльника. Куда его дѣвала? Гдѣ могла потерять? Забывшись, она шептала про-себя невнятныя слова, потомъ шарила на себѣ

крестъ и, не находя его, готова была хоть броситься въ воду. Она промѣняла благословеніе матери на грѣхъ смертный; она продала себя сатанѣ. Бѣдная! видно, доведена до этого чародѣйною силой!..

— Что съ тобою, родная моя? — спрашивала ее мамка,—ты вся горишь, ты сидя вздрагиваешь и говоришь сама съ собою непонятныя рѣчи.

— Худо можется, матушка, сама не знаю съ чего.

— Не сглазилъ ли кто тебя? Не нанесло ли вѣтромъ? Выпей-ка, душка, богоявленской водицы — немочь будто рукою сниметъ.

Анастасія послушалась своей мамки, съ крестомъ и молитвою выпила воды и стало ей какъ будто легче. На долго ли?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛИЦАРЬ ПОПЛЕВЪ

Здѣсь мѣсто разсказать, какое новое лицо пришло участвовать въ драмѣ нашего героя и, можетъ быть, разыграть въ ней одно изъ важнѣйшихъ дѣйствій. Это былъ имперскій рыцарь Николай Поппель, племянникъ и пріемышъ барона Эренштейна. Пригожъ, статенъ, ловокъ, самонадѣянъ и гордъ, онъ имѣлъ всѣ наружныя достоинства и всѣ блестящіе пороки, чтобы понравиться придворному одинакихъ съ нимъ свойствъ. Эренштейнъ, усыновляя его, угождалъ тѣмъ себѣ и императору, который оказывалъ особенную благосклонность Поппелю за путешествіе въ Московію, землю чудесъ, какъ этотъ разсказывалъ. Императоръ благодарилъ барона за достойный выборъ. Послѣ того смѣлъ ли баронъ, весь во власти честолюбія, думавшій только о возвышеніи своемъ, допустить до себя и мысль, чтобъ признаніемъ сына-лекаря, отчужденнаго отъ него съ малолѣтства, омрачить на вѣки фамильный щитъ свой, который онъ самъ сочеталъ съ щитомъ одной вѣнчанной особы; смѣлъ ли открытіемъ обмана раздражить своего повелителя? Сердце его очерствѣло въ

битвахъ за придворные вѣнки, и голосъ природы не былъ ему слышенъ въ хорѣ страстей, напѣвавшихъ ему свои пѣсни на одинъ и тотъ же мотивъ. Казалось, все согласилось, чтобы въ немъ питать эту мелкую страсть и подавить малѣйшую искру совѣсти, все, и дворъ, при которомъ онъ влекъ, съ своими собратами, колесницу фортуны чрезъ развалины феодализма, и самый возничій этой колесницы. Дворъ погрязалъ въ суетности, императоръ малодушіемъ своимъ дивилъ чужія земли и умѣлъ заставить своихъ подданныхъ презирать себя. Этотъ императоръ былъ Фридрихъ III, сильный средствами имперіи, но ничтожный своею особой. Помните, какъ онъ испугалъ было первосвященника римскаго, внезапно нагрянувъ къ нему наканунѣ праздника Рождества Христова; какъ вся эта продѣлка, заставившая Римъ вооружиться, кончилась тѣмъ, что Фридрихъ цѣловалъ руки и ноги у папы, держалъ у него стремя, читалъ всенародно Евангеліе въ одеждѣ церковнаго причетника и наконецъ уѣхалъ, осмѣянный тѣми самыми, которые такъ испугались было его? Величіе души и слабости государя сообщаются его двору и даже расходятся по массѣ народной: это давнымъ-давно сказано и не разъ повторено. Мудрено ли, что къ характеру барона, слабому, шаткому, безпрестанно погруженному въ омутѣ эгоизма и тщеславія, прилипла новая тина отъ порочной власти? Если онъ и думалъ иногда о сынѣ, такъ это для того только, чтобы не допустить вѣсти объ его плебейскомъ существованіи до ушей императора и придворныхъ. Къ чести нашего времени, такіе характеры кажутся намъ уродливыми; но въ XV вѣкѣ и гораздо послѣ еще они были не рѣдки.

Слыша о любви Антона къ наукѣ, слыша о привязанности къ нему врача Фіоравенти, баронъ радовался тому и другому: то и другое должно было разрушить навсегда унизительную связь съ отчужденнымъ. Самоотверженная любовь баронессы къ сыну не пугала ея супруга: съ этой стороны онъ былъ обезпеченъ клятвою Амаліи, что она не посмѣетъ открыть происхожденіе Антона и искать правамъ его законнаго утвержденія. На этомъ условіи позволено ей было видѣться съ сыномъ въ бѣдномъ богемскомъ замкѣ. Послѣ свиданія съ нимъ, она попытала еще тронуть жестокосердаго отца. Но, не успѣвъ въ этомъ и раздраживъ мужа только своею настойчивостью до того, что онъ началъ еще грубѣе поступать съ нею, она удалилась въ свой богемскій замокъ. Тамъ заключила себя, какъ въ монастырѣ, проводя дни въ молитвахъ о благополучіи любимца своего. Выборъ Поппеля въ наслѣдники ихъ имени и состоянія жестоко огорчилъ было ее; но вѣсти изъ Московіи черезъ соотечественниковъ жида Захарія, вѣрнаго въ выполненіи своей благодарности, вѣсти о милостяхъ тамошняго царя къ Антону, о почестяхъ и богатствѣ, которыя его ожидаютъ, утѣшили бѣдную мать. Съ этого времени всѣ мысли ея и чувства обратились на востокъ. Московія сдѣлалась для нея дороже ея отечества: страну эту, которую доселѣ почитала варварскою, начала она представлять себѣ какимъ-то эдемомъ, — одно имя ея приводило ее въ сладкій трепетъ; всѣ слухи о ней собирала она съ жадностью, отыскивая въ нихъ хоть малѣйшій слѣдъ милаго сына. Тамъ хорошо ему безъ баронства, тамъ нечего ему опасаться. Почему жъ Антону и не остаться въ Московіи? По первому при-

зыву его и она рѣшится ѣхать въ эту землю, которую уже передвинула сердцемъ ближе къ себѣ; тамъ и смерть будетъ сладка въ глазахъ того, кѣмъ теперь жизнь только и дорога.

Мы видѣли, что спокойствіе барона на счетъ отчужденнаго сына было нарушено извѣстіемъ Фіоравенти о посвященіи его въ лекари; видѣли, какъ баронъ вышелъ изъ оборонительнаго положенія и сталъ дѣйствовать наступательно орудіями ужасными, заставившими укрыть Антона подъ защиту русскаго великаго князя. Между тѣмъ слухи о милостяхъ московскаго государя къ лекарю Эренштейну еще болѣе встревожили гордаго отца и заставили его стать на новой, усиленной стражѣ. Онъ началъ опасаться, чтобы Антонъ, посредствомъ сношеній Іоанна съ императоромъ, которыя становились чаще, не вздумалъ, по наущенію Фіоравенти, искать потерянныхъ правъ своихъ и не обнаружилъ всего, что въ тайнѣ его рожденія и воспитанія было такъ горько и унизительно для сердца баронскаго. И потому, узнавъ, что императоръ намѣренъ отправить въ Московію новаго посла для скрѣпленія дружескихъ сношеній съ ея государемъ, онъ старался, чтобы порученіе это сдѣлали племяннику и пріемышу его Поппелю. На это Фридриха III тѣмъ легче было склонить, что Поппель былъ,—какъ мы уже, кажется, сказали,— за нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Московіи, и, слѣдственно, зналъ хорошо тамошняго властителя и дворъ его. Тогда племянникъ барона посѣщалъ эту страну болѣе какъ счастливый искатель приключеній. Къ случаю только поручено ему было отъ короля римскаго, Максиміліана, узнать, что за страна находится на востокѣ, о которой слухи стали доходить и до цесарскаго дома, и

которой дѣла начинали по-немногу вязаться съ дѣлами Европы. Такъ какъ онъ пріѣзжалъ въ Москву безъ свиты, русскіе не вѣрили, чтобы онъ былъ посломъ отъ нѣмецкаго государя. Однакожъ онъ могъ похвалиться милостями великаго князя, которому пріятно было у новосозданнаго двора своего видѣть иностранцевъ, пріѣзжавшихъ удивляться его могуществу, и разносить потомъ вѣсти объ этомъ могуществѣ въ своихъ земляхъ. На этотъ разъ *лицарь Поплевъ*, какъ называли его на Руси, пріѣхалъ въ Москву настоящимъ посломъ отъ императора, съ дарами и уполномочіемъ.

Не посвященный въ семейныя тайны дяди, онъ, между тѣмъ, и отъ него былъ уполномоченъ узнать, что за самозванецъ Эренштейнъ находится лекаремъ при дворѣ Іоанна, и стараться всячески, не вредя ему, увѣрить московитскаго государя, что лекарь Антонъ низкаго происхожденія и присвоилъ себѣ самовластно дворянское прозваніе, столь знаменитое въ Германіи. Если же Антонъ безумышленно вздумалъ принять имя Эренштейна и смиренно носить его, не хвастаясь родствомъ и не предъявляя никакихъ правъ на баронство, то поручено было Поппелю оставить его въ покоѣ. Кому же вѣрнѣе было сдѣлать такое порученіе, какъ не избранному въ наслѣдники имени и состоянія гордаго барона? Конечно, рыцарь Поппель, вооруженный такимъ полномочіемъ и такими богатыми надеждами, долженъ былъ храбро защищать свои права. Надо было только опасаться, чтобы онъ, по легкости характера своего, не переступалъ даннаго полномочія. Онъ пріѣхалъ въ Москву за два дня до смотра огромной пушки.

Въ день его пріѣзда посѣтилъ Антона дьякъ Кури-

цынъ. Всякое посѣщеніе этого умнаго, любознательнаго дьяка означалось или милостью и ласковымъ словомъ великаго князя, или предостереженіемъ отъ чего-либо недобраго. Все это говорилъ и дѣлалъ онъ будто во имя какого-то таинственнаго лица, которое *приказало* ему быть хранителемъ Антона и попечителемъ о его благосостояніи. Приказалъ? Кто же могъ это быть, какъ не великій князь! Однакожъ это былъ не онъ. Если же Курицынъ и не несъ какого-нибудь душевнаго и вещественнаго гостинца, такъ самая бесѣда его, исполненная жажды познаній, была всегда пріятнымъ подаркомъ для Эренштейна. Такимъ образомъ пустыня Антонова населялась болѣе и болѣе любовью, радушіемъ и дружбою, которыя, думалъ онъ въ первые дни своего пріѣзда, не посѣтятъ его никогда на Руси. Одно, что его сильно огорчило, такъ это суровое отчужденіе отъ него самого Образца.

Дьякъ, увѣдомивъ его о пріѣздѣ Поппеля, прибавилъ, что онъ долженъ, по приказанію таинственнаго господина своего, котораго называлъ иногда и наставникомъ, стать съ этого времени у Антона на усиленной стражѣ. Вмѣстѣ съ этою оговоркой подалъ ему письмо. Оно было писано знакомою рукою моравскаго *брата*. Боже! письмо отъ матери. Посланіе нѣсколько разъ расцѣловано прежде, нежели дрожащія руки Антона переломили печать. Имъ извѣщали милаго сына, сколько радуются благополучію его, намекая также, что, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, которыя составляютъ фамильную тайну, мать желала бы, чтобъ Антонъ оставался подолѣе въ Московіи, куда и она пріѣхала бы, еслибъ онъ нашелъ себѣ осѣдлость въ этой сторонѣ. Баронесса наказывала ему быть

осторожнымъ съ посломъ императора, рыцаремъ Поппелемъ.

«Этотъ человѣкъ для тебя опасенъ, — прибавляла нѣжная мать, — его усыновилъ баронъ Эренштейнъ, дальній нашъ родственникъ, который въ милости у императора, гордъ, тщеславенъ до безмѣрности, и почтетъ себя и весь родъ свой оскорбленнымъ, услышавъ, что однофамилецъ его лекаремъ».

Какою нѣжною любовью благоухало письмо! Антонъ читалъ и перечитывалъ нѣсколько разъ всѣ выраженія, которыя только женщина, мать или другое любящее существо умѣетъ расточать съ такимъ простымъ, сильнымъ краснорѣчіемъ. Эти выраженія не отыскиваются въ умѣ и воображеніи: они просто выпадаютъ на перо изъ сердца. Такъ дорогія жемчужины легко выкатываются изъ своей колыбели при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней, между тѣмъ какъ самыя бѣдныя, незрѣлыя добывать надо, раскрывая съ трудомъ крѣпко сомкнутыя уста раковины. Любящій мужчина скажетъ *почти* то же, но все не *то*, можетъ быть умнѣе, но никогда такъ вкрадчиво-сладко. Мать убѣждала Антона остаться на Руси; она сама хотѣла пріѣхать къ нему. Почему-жъ не такъ? думалъ молодой человѣкъ, разгаравшійся отъ этой мечты, которой подлаживало сердце. Воля ея не есть ли воля судьбы? Властитель Руси *держитъ его въ великой чести;* Іоаннъ младой—наслѣдникъ престола, добрый, великодушный, надежда Руси, особенно расположенъ къ нему; русскіе, по крайней мѣрѣ многіе, перестаютъ питать къ нему отвращеніе и современемъ его полюбятъ; вотъ и межъ ними пріобрѣлъ онъ себѣ друзей. Воспитателя можетъ онъ навѣстить когда-нибудь. Было еще одно

существо, которое день-отъ-дня становилось для него дороже, которое въ его мечтахъ ластилось около него, прижималось къ груди, и такъ убѣдительно, такъ нѣжно упрашивало остаться съ нимъ. Вы угадаете, что это была Анастасія. Для нея промѣняетъ онъ родину, чудное небо Италіи, ея землю, эту роскошную, цвѣточную колыбель, въ которой вѣтерокъ, упитанный ароматами и нѣгою, качаетъ баловня природы подъ лодъ тассовыхъ октавъ; для нея промѣняетъ колизей, мадоннъ, академіи, все это на зеленое небо сѣвера, на глубокіе снѣга, угрюмыя сосны и брусяныя избы съ невѣжествомъ, въ нихъ обитающимъ. Чтожъ? родину принесетъ ему мать; чудное небо Италіи найдетъ онъ въ глазахъ Анастасіи; пламя полудня на устахъ ея; всѣ радости, все возможное счастіе въ ея любви. Но онъ не единовѣрецъ ей; поэтому и дано ему унизительное имя басурмана, которое равняетъ его, въ глазахъ русскихъ, съ татариномъ. Только принявъ русскую вѣру, можетъ онъ уничтожить всѣ преграды, все разстояніе, которое отдѣляетъ его такъ рѣзко отъ семейства Образца; только съ этимъ условіемъ рука Анастасьина можетъ ему принадлежать. Но тогда будетъ онъ отступникомъ для своихъ видовъ. Никогда на это не рѣшится.

«Нѣтъ, не мнѣ владѣть этимъ сокровищемъ», — говорилъ онъ самъ съ собою.

И, между тѣмъ, сладкія думы, роясь въ головѣ и сердцѣ пламеннаго мечтателя, сулили ему какія-то непонятныя надежды. Самыя препятствія, самая странность любви нѣмца къ русской дѣвушкѣ разжигали еще болѣе любовь его.

«Будь остороженъ съ Поппелемъ, умоляю тебя,

милый другъ»; эти слова матери наводили мрачную тѣнь на письмо ея и сердце его. Странно! и Курицынъ предупреждалъ его о томъ же.—«Виноватъ ли»,—говорилъ Антонъ дьяку въ искренней бесѣдѣ съ нимъ,—«что я родился Эренштейномъ и что судьбѣ угодно было произвести на свѣтъ какого-то одноименнаго мнѣ, чванливаго барона! Богъ съ нимъ, не набиваюсь къ нему въ родство и даже готовъ забыть о немъ, какъ будто и не слыхалъ никогда. Баронъ бездѣтенъ и усыновилъ Поппеля: не боятся ли эти господа, чтобы я когда-нибудь предъявилъ свои права на наслѣдство? О! пусть будутъ они спокойны на этотъ счетъ. Я довольно гордъ, чтобы отринуть всѣ возможныя почести и богатства, хотя бы присуждалъ мнѣ ихъ законъ, не только что униженно, происками вымаливать эти почести и богатства. Имя мое есть моя законная собственность; не перемѣню его для угожденія какому-нибудь чопорному барону. Оно почетно для меня не потому, что имперскій баронъ носитъ его, а потому, что я его ношу. Званіе мое не положило на него пятна, и я буду умѣть заставить уважать его, если-бъ кто и осмѣлился унизить. Не оскорблю самъ прежде никого,—мать моя и люди, желающіе мнѣ добра, могутъ въ этомъ увѣриться,—но не попущу оскорбленія себѣ. И природа и воспитаніе научили меня платить кровью за обиду чести: не даромъ эту обиду называютъ кровною! Буду остороженъ съ Поппелемъ: этого хочетъ мать. Какъ можно подалѣе отъ него! Но если чванливый господчикъ самъ наскочитъ на меня, пускай не пеняетъ».

Лицаря Поплева приняли на этотъ разъ въ Москвѣ съ особенными почестями, какъ посла императорскаго.

Приставы встрѣтили его за 10 верстъ отъ города. Поздравить его съ благополучнымъ прибытіемъ былъ наряженъ поѣздъ, составленный изъ великаго дворецкаго, дьяка Курицына и нѣсколькихъ бояръ. При этой церемоніи находился неизбѣжный Бартоломей, который обязанъ былъ переводить имъ слово-въ-слово рѣчи посла. Блескъ золотыхъ одеждъ былъ ослѣпителенъ; казалось, солнце радовалось въ нихъ. Депутація прибыла къ послу на подворье. Пріемъ и рѣчи бояръ выражали глубокое уваженіе, но смиренная простота ихъ и церемоніальный этикетъ раздували только тщеславіе рыцаря и ослѣпляли его. Простачковъ этихъ онъ готовился провесть. Всѣхъ лукавѣе казался ему и почиталъ себя Бартоломей. Между тѣмъ мужички— какъ называлъ ихъ заочно посолъ — умѣли тотчасъ проникнуть его насквозь и запастися вѣрною описью его умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ.

Посолъ, въ чаду своего величія, чванился, ломался, говорилъ необдуманно и неприлично. Онъ часто поправлялъ свои усики, игралъ золотою бахромою своей епанчи, гладилъ съ чадолюбіемъ бархатъ одежды и брянчалъ острогами, точь-въ-точь какъ мальчикъ передъ бывшими своими товарищами, школьниками, надѣвшій въ первый разъ офицерскій мундиръ.

— Вотъ, когда я пріѣзжалъ къ вамъ, — говорилъ онъ кобенясь,—вы, господа бароны, не повѣрили, что я посолъ великаго императора. У него, сказывали вы, слугъ мало; онъ не бросаетъ корабельниками, не даритъ насъ бархатами. Теперь видите? — Онъ указалъ на множество дворянъ-слугъ, стоявшихъ за нимъ въ почтительномъ отдаленіи и богато одѣтыхъ.

— Видимъ, господине лицарь Поплевъ, — отвѣчалъ

дворецкій. — Пожалуй, не вмѣни намъ въ вину прежняго нашего невѣрія: люди простые, глупые, живемъ въ глуши, не знаемъ заморскихъ обычаевъ.

— Благородныхъ, высокоблагородныхъ корабельниковъ нужно ли? Я могу устлать ими вашу *Великую* улицу. Венеціанскимъ бархатомъ окутаю всѣ чины ваши.

Депутація униженно поклонилась золотому тельцу.

— Грамата ль, по вашему *листъ*, нужна вамъ отъ моего великаго императора, обладателя полувселенной, и вотъ (онъ указалъ на серебряный ковчежецъ, стоявшій на столѣ) я привезъ грамату свѣтлѣйшему вашему князю. Вы плохо честили меня, но вашъ государь далеко видитъ очами разума: онъ тотчасъ понялъ рыцаря Поппеля. Зато мой повелитель предлагаетъ великому князю, своему дражайшему другу, пожаловать его въ короли.

— Нашъ осподарь, великій князь всея Руси, Иванъ Васильевичъ,—отвѣчалъ дьякъ Курицынъ съ твердостью и выпрямясь,—хочетъ дружбы цесаря, а не милостей: равный равнаго не жалуетъ. Говорю къ слову; а коли твоей милости довѣрено что отъ твоего императора, то высокія слова его не намъ слышать, а нашему осподарю, великому князю всея Руси, — не намъ и отвѣчать.

Поппель немного покраснѣлъ и спѣшилъ скрыть свое смущеніе въ побрякушкахъ остроговъ. Слова дьяка замкнули ему на время уста и заставили его задуматься. И было надъ чѣмъ: онъ увѣрилъ Фридриха, что Іоаннъ, хотя и государь сильный, богатый, почтетъ однакожъ за милость, если императоръ нѣмецкій пожалуетъ его въ короли. Но дѣло было сдѣлано: онъ

везъ предложеніе о томъ великому князю, и все еще надѣялся обольстить честолюбивое сердце его званіемъ короля. Когда прошло смущеніе Поппеля, онъ изъявилъ желаніе своего государя получить въ даръ отъ Ивана Васильевича живыхъ лосей и вмѣстѣ одного изъ *вогулятъ* [1]), которые ѣдятъ сырое мясо, и прибавлялъ, что императоръ *злобилъ* на него, почему онъ въ первую поѣздку свою не привезъ такихъ звѣрей и людей. Потомъ, приподнявъ чванливо голову, спросилъ дворецкаго:

— Давно ли находится въ Московіи лекарь Антонъ?

— Съ Герасима-грачевника, — отвѣчалъ дворецкій.

— И всемочнѣйшій, начальнѣйшій Іоаннъ допускаетъ побродягу до своего лица!

— Осударь нашъ, великій князь всея Руси держитъ лекаря Онтона въ великой чести и часто жалуетъ его видѣть свои царскія очи, а отъ нихъ и смердъ просвѣщается.

— Жаль, очень жаль. Это просто жидокъ, обманщикъ; я зналъ его въ Нюрембергѣ. Онъ сначала лечилъ тамъ лошадей, потомъ вздумалъ спознаться съ нечистымъ и пустился въ чернокнижіе.

Переводчикъ усмѣхнулся и, обратясь къ боярамъ, сдѣлалъ движеніе рукой, какъ бы хотѣлъ сказать «вотъ, видите, я вамъ говорилъ».

— Потомъ, — продолжалъ Поппель, — началъ лечить людей, и разомъ переморилъ десятка съ два. Его хотѣли повѣсить, да онъ какъ-то успѣлъ скрыться и убѣжать въ вашу землю.

---

[1]) Вогуличи, жители Угорской земли, незадолго до того покоренной Іоанну, нынѣ обитатели Березовскаго уѣзда, Тобольской губерніи.

Бояре съ ужасомъ посмотрѣли другъ на друга. Одинъ дьякъ Курицынъ не показалъ на лицѣ малѣйшаго знака удивленія или страха: только губы его означали глубокое презрѣніе. Не стоило тратить словъ противъ рыцаря; мужъ не вступаетъ въ споръ съ мальчикомъ. Бартоломей ковыльнулъ ножкой и, сдѣлавъ изъ своей фигуры вопросительный знакъ, промолвилъ:

— Жидокъ?.. Должно быть несомнѣнно такъ, высокопочтеннѣйшій посолъ! Я тотчасъ увидѣлъ, лишь взглянулъ на него, и сказывалъ объ этомъ встрѣчному и поперечному. Поганый жидокъ! Да, да, несомнѣнно! И говоритъ въ носъ на израильскій ладъ, и такой же трусъ, какъ обыкновенно бываютъ изъ еврейской породы. Иногда чванливъ, только-что не плюетъ на небо, въ другой стоитъ на него лишь прикрикнуть хорошенько, тотчасъ задрожитъ, какъ листъ тополевый.

— Радуюсь, что здѣсь вы по крайней мѣрѣ проникли его, почтенный переводчикъ.

— Теперь и многіе разумѣютъ его ничтожнымъ лекаришкой; по мнѣ и вся Москва затрубила про него. Безъ хвастовства сказать, высокомощнѣйшій посолъ, мнѣ стоитъ только намекнуть, ужъ во всѣхъ концахъ города кричатъ: быть по сему; дворской переводчикъ это сказалъ. О, Русь меня знаетъ, и я знаю Русь!

— Прошу васъ и мнѣ быть полезнымъ въ передачѣ моихъ словъ.

— Не преминую, не преминую. Разнесу новыя вѣсти о немъ на крыльяхъ усердія (тутъ онъ ковыльнулъ хромою ногой) и любви къ высокой истинѣ (опять запятая). Какъ благодарили бы здѣсь васъ, благороднѣйшій изъ благороднѣйшихъ рыцарей, если бъ

вы успѣли склонить нашего государя, чтобы вышвырнуть жидка за рубежъ Московіи!

— Это легко сдѣлать. Я открою глаза Іоанну: я предложу ему другого лекаря. Есть у меня одинъ на примѣтѣ, не этому обманщику чета. Именно майстеръ Леонъ, придворный врачъ императора, — такой весельчакъ, балагуръ,—и чудно знаетъ свое дѣло. Вообрази, разъ императоръ хотѣлъ испытать, до чего простирается его искусство; велѣлъ потравить его собаками. Собаки истерзали его, но сами издохли, а онъ? — думаешь умеръ, по-крайней мѣрѣ слегъ? Нѣтъ, замѣнилъ всѣ раненыя мѣста живьемъ и на другой день, смѣясь, явился ко двору, будто ни въ чемъ не бывалъ.

— Чудо!—воскликнулъ переводчикъ, и спѣшилъ передать депутаціи подвигъ врачебнаго искусства.

Бояре перекрестились отъ изумленія и ужаса; одинъ Курицынъ, въ знакъ сомнѣнія, покачалъ головой.

— А какъ зовутъ здѣшняго... ну... жидка-то?.

— Онтонъ-лекарь,—отвѣчалъ дворецкій.

— Есть, надѣюсь, у него какое прозвище?

— Кажись, Герштанъ, господине.

— То есть Эренштейнъ,—присовокупилъ переводчикъ.

— Эренштейнъ? Да знаетъ ли онъ, въ чью епанчу нарядился!.. Во всей имперіи, я думаю, во всемъ мірѣ есть одинъ только баронъ Эренштейнъ; онъ находится при моемъ императорѣ Фридрихѣ III, владѣетъ великими землями и богаче многихъ удѣльныхъ князей русскихъ. Дѣтей онъ не имѣетъ, и я, рыцарь Поппель, какъ вы меня видите, удостоенъ имъ и императоромъ въ наслѣдники знаменитаго имени и состоянія барона Эренштейна.

— Всемогущій вѣдаетъ, кого почтить столь высокими милостями,—сказалъ переводчикъ.

— Мы проучимъ этого самозванца! мы вышколимъ его!—прервалъ Поппель горячась и кобенясь; потомъ обратился къ депутаціи и промолвилъ, почтительно поклонясь:—На первый разъ позвольте откланяться вамъ, именитые мужи, и просить васъ передать высокомощнѣйшему, свѣтлѣйшему государю всей Руси мою благодарность за высокую честь, которую онъ оказалъ мнѣ, прославъ васъ ко мнѣ съ поздравленіемъ. Чувствую во глубинѣ души эту честь, и постараюсь достойно заслужить ее.

Бояре почтительно откланялись, оставивъ у посла, какъ водилось, двухъ приставовъ для почета и не менѣе для присмотра за его дѣйствіями. Поппель махнулъ переводчику, чтобы онъ остался.

— Сходи, любезный, къ лекарю Антону, — сказалъ онъ Бартоломею,—и скажи ему, что я, посолъ римскаго императора, приказалъ ему, подданному императора, тотчасъ явиться ко мнѣ.

— Не лечитъ ли ужъ кого изъ вашихъ слугъ? Боже сохрани! Разъ вздумалъ одинъ здѣшній баронъ, старичекъ, полечиться у него: какъ пить далъ—отправилъ на тотъ свѣтъ! Да и мальчикъ баронскій, слуга, котораго онъ любилъ, какъ сына, лишь приложился къ губамъ мертваго, чтобы съ нимъ проститься послѣднимъ христіанскимъ цѣлованіемъ, тутъ же испустилъ духъ. Такъ сильно было зелье, которое Антонъ далъ покойному!

— О, не безпокойся, я и кошки своей не поручу ему. Исполни только мое желаніе.

Весь не свой, будучи одержимъ бѣсомъ знамени-

тости, явился Бартоломей къ лекарю Антону. Тонъ, видъ, осанка, походка, несмотря, на хромоту, все въ немъ означало какую-то важность, невиданную, неслыханную въ немъ доселѣ. Это изступленіе не укрылось отъ Эренштейна. Онъ помѣрилъ его съ ногъ до головы, осмотрѣлъ кругомъ и засмѣялся.

Переводчикъ началъ говорить, задыхаясь отъ усталости, но сохраняя все свое ужасное величіе:

— Посолъ всемощнѣйшаго, всесвѣтлѣйшаго императора нѣмецкаго Фридриха III, благороднѣйшій рыцарь Поппель, по прозванію баронъ Эренштейнъ (здѣсь онъ иронически посмотрѣлъ на Антона), приказалъ тебѣ, лекарю Антону, немедленно явиться къ нему.

— Приказалъ?.. мнѣ?.. немедленно?..—сказалъ Антонъ, продолжая смѣяться отъ всей души. — Ты, видно, ослушался, господинъ великій посолъ великаго посла?

— Передаю тебѣ, что слышалъ своими ушами.

— Правда, есть чѣмъ и слышать!.. Нѣтъ ли у него больныхъ?

— Нѣтъ.

— А если я не пойду, крѣпка ли будетъ голова, на плечахъ моихъ?

— Не ручаюсь. Берегись, Антонъ-лекарь!

— Такъ поди, скажи ты, всесвѣтный переводчикъ, своему свѣтлѣйшему послу и рыцарю и барону, что онъ невѣжа; что если желаетъ меня видѣть, пусть явится ко мнѣ, Антону-лекарю, по прозванію Эренштейну, просто—безъ баронства. Да еще кстати передай дураку, бывшему книгопечатнику Бартоломею, что если онъ осмѣлится заглянуть ко мнѣ хоть од-

нимъ глазкомъ, такъ я ему обрублю его длинныя уши. Слышишь ли?

Здѣсь онъ могучей рукой заставилъ переводчика сдѣлать искусный пируэтъ, отворилъ дверь и толкнулъ за нее презрѣнное существо, такъ что ножки его залепетали по полу, будто считали ступени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДАРЫ

Сохрани мой талисманъ:
Въ немъ таинственная сила!
Онъ тебѣ любовью данъ.
Пушкинъ.

Москва, разметавшаяся по слободамъ, по садамъ и концамъ, заключала въ себѣ между ними то рощи, то поля, то луговины. Самыя обширныя изъ полей были *Воронцово* и *Кучково*. На первомъ стоялъ теремъ великокняжескій съ садами,—любимое лѣтнее жилище московскихъ вѣнценосцевъ: здѣсь тѣшились они соколиною охотой; отсюда выѣзжали на ловлю дикихъ звѣрей въ дремучіе лѣса, облегавшіе Яузу съ востока; отсюда могли любоваться на Кремль свой, и Замоскворѣчье съ Даниловскимъ монастыремъ, и городище за Яузою. Прямо черезъ эту рѣку, шумную, пересѣкаемую многими мельницами, глядѣла очи-въ-очи на теремъ великокняжескій святыня Андроньевской обители. *Васильевъ лугъ* (тамъ, гдѣ нынѣ Воспитательный домъ), большею частью болотистый, отсѣкалъ *Великую* улицу и выше *Варьскую*. *Кучково поле* начиналось отъ *Срѣтенской* церкви, съ именемъ которой пробуждается воспоминаніе объ освобожденіи нашемъ отъ ига

татарскаго. Высокій валъ провожалъ его до кузницы Занеглинья, и тутъ, разставаясь съ нимъ, служилъ оградою этому посаду съ прудомъ его и кидался въ Москву-рѣку. Путается воображеніе въ преслѣдованіи другихъ границъ Кучкова поля, ежегодно стѣсняемаго новыми нитями улицъ, которыя сновалъ умножавшійся людъ московскій. Географія того времени такъ неотчетлива, такъ неясна, что терпѣніе самого Бальби нашло бы въ ней камень преткновенія.

Чего не было на Кучковомъ полѣ? И тучныя пажити, и богатыя нивы, и рощи, и дымящіяся болота. Тамъ, между улицами, паслись стада, блистали подчасъ ряды косцовъ, мелькали жницы въ волнахъ жатвы, кричали перепелъ и коростель, соловей заливался въ пламенныхъ пѣсняхъ и стонъ зарѣзаннаго умиралъ неуслышанный. Въ тотъ день, въ который хотимъ посѣтить Кучково поле,—день весенній, озаряемый играющимъ солнышкомъ—на лугу, раскинувшемся отъ Срѣтенской церкви до болота (гдѣ нынѣ Чистые пруды), народъ пестрѣлъ многочисленными толпами и ожидалъ чего-то съ радостнымъ нетерпѣніемъ. Самъ великій князь съ сыномъ своимъ и дворскими людьми (къ которымъ успѣлъ присоединиться Андрюша) стояли верхами подлѣ рощи, осѣнявшей стѣны монастыря, и, казалось, раздѣляли это нетерпѣніе. Въ виду ихъ, у болота, построенъ былъ деревянный городокъ, въ который хотѣли *шибать* изъ огромной пушки, вылитой Аристотелемъ [1]). Нѣсколько смѣльчаковъ, очертя голову, забрались чѣмъ-свѣтъ въ

[1]) Самая огромная пушка того времени, царь-пушка, была вылита Дебосисомъ.

эту крѣпостцу и тамъ притаились, боясь, чтобы недѣльщики не выгнали ихъ оттуда, то-есть, чтобъ не спасли ихъ отъ смертной опасности. Въ рощѣ стоялъ пѣшкомъ и *лицарь Поплевъ*, закрываясь приставами и Бартоломеемъ отъ взоровъ великаго князя, которому еще не представлялся. Онъ спросилъ переводчика не видать ли гдѣ лекаря Антона, успѣвшаго такъ досадить ему своимъ непослушаніемъ. И чтожъ съ нимъ сдѣлалось, когда переводчикъ показалъ ему на статнаго, пригожаго нѣмца, въ бархатной епанечкѣ, обложенной золотомъ, управлявшаго рьянымъ конемъ! Великій князь нерѣдко обращался къ своему лекарю и, повидимому, очень милостиво съ нимъ разговаривалъ. Горько же ошибся Поппель, составивъ себѣ заранѣе въ воображеніи портретъ Антона, котораго намалевалъ маленькимъ, тощимъ, неуклюжимъ, съ рыжею бородкой. По лицу его выступили багровыя пятна, глаза налились завистью и злобою; онъ искусалъ себѣ губы. Ему казалось, что онъ видитъ въ молодомъ нѣмцѣ своего соперника и при повелителѣ Руси, и въ соисканіи его фамильныхъ правъ. Лекарь помрачилъ его пригожествомъ, осанкой, одѣтъ не бѣднѣе посла императорскаго и даже съ большимъ вкусомъ. Только остроговъ у него недостаетъ (и это замѣтилъ Поппель!..), чтобы походить совершенно на знатнаго рыцаря; но и остроги можетъ пожаловать ему великій князь. Съ этого времени Антонъ обреченъ на униженіе. Втоптать его въ грязь, уничтожить,—вотъ обѣтъ, который даетъ себѣ благороднѣйшій изъ благороднѣйшихъ рыцарей!.. Бѣдный Антонъ, и тутъ опять виноватъ ты, зачѣмъ родился такъ благовиденъ.

«Ѣдетъ, ѣдетъ!» — закричалъ народъ, и вслѣдъ за

этими возгласами, со стороны кузницъ, чернѣвшихъ на обоихъ берегахъ Неглинной рѣчки, потянулась пестрая толпа и надъ ней зѣвнула огромная, мѣдная пасть. Это была пушка необыкновенной величины и толщины. Она, казалось, возлегла на плеча народа, который ее тянулъ, и тяжело переваливалась съ боку-на-бокъ. Радостные крики сопровождали и встрѣчали ее. За нею Аристотель слѣдовалъ верхомъ; тѣ изъ народа, которые были поближе къ нему, превозносили его могущество, цѣловали даже его ноги.—«Эку ты матушку сотворилъ!»—говорили они съ восторгомъ, пораженные идеей силы, которую онъ отлилъ.—Попытайте такъ успѣшно тронуть толпу идеей изящнаго!

Когда пушка пришла на назначенное, мѣсто Аристотель приказалъ затинщику-нѣмцу (обыкновенно нѣмцы исправляли должность артиллеристовъ) снять ее съ передковъ; потомъ, прицѣлясь въ *городокъ*, установилъ ее на колодѣ (станкѣ или лафетѣ), и велѣлъ затинщику всыпать въ нее *затинъ* и вкатить ядро едва ли не съ человѣчью голову. Народу сказано отойдти подалѣе. *Пальникъ* горѣлъ ужъ въ рукѣ самого Аристотеля; онъ готовился положить его на завтраку и—остановился. Мрачная дума пробѣжала по лицу, рука дрогнула. Что, если пушку разорветъ?.. Не за себя боится онъ, нѣтъ, а за свое созданіе, за храмъ, который съ нимъ погибнетъ! Онъ поднялъ глаза къ небу, перекрестился, приложилъ пальникъ къ пушкѣ — мѣдная пасть послала отъ себя вспышку дыма, грянулъ ударъ. Окрестность повторила его въ многочисленныхъ перекатахъ. Казалось, основанія земли поколебались. Часть народа пала ницъ, думая,

что по полю катится огромная желѣзная колесница. Еще ударъ сильнѣе, еще, и народъ, попривыкшій къ этому грому, началъ вставать и осѣняться крестомъ отъ напасти молніеносной. Смотритъ — городокъ ужъ весь въ огнѣ. Лишь только Аристотель объявилъ, что *шибать* болѣе не будетъ, громкія восклицанія огласили воздухъ, и художникъ очутился на рукахъ радостной толпы. Въ такомъ торжествѣ отнесли его къ великому князю. Иванъ Васильевичъ былъ внѣ себя отъ радости, надѣлъ мастеру на шею золотую цѣпь, поцѣловалъ его въ макушку головы и назвалъ *золотоносцемъ*. Народъ радовался таковому благоволенію къ человѣку, который отливалъ колокола для призыва къ молитвѣ, лилъ пушки на голову *ворогов* и собирался строить домъ Пречистой.

Вдругъ изъ горѣвшихъ развалинъ городка поднялись веселые возгласы; вѣтерокъ отпахнулъ дымную занавѣсь, и показались, одна за другою, двѣ головы отчаянныхъ молодцовъ, засѣвшихъ въ крѣпостцѣ. Провидѣніе хранило ихъ. Кромѣ незначительнаго поврежденія рукъ и ногъ, съ ними не случилось никаихъ бѣдъ.

— Ай да, ребята, ай да, молодцы! — кричалъ имъ народъ.

Изъ этой-то похвалы жертвовали они своею жизнью! Таковъ искони русскій человѣкъ.

Великій князь, радуясь удачному шибанію изъ пушки и обѣщаясь употребить ее при осадѣ Твери, простился съ Аристотелемъ и поскакалъ въ *городъ*; за нимъ послѣдовалъ весь поѣздъ дворчанъ его, въ томъ числѣ и лекарь Антонъ. Отъ лошадей ихъ поднялось облако пыли и, несясь на рощу, окутало посла императорскаго. Чернь едва замѣтила его и оставила безъ вни-

манія: одно зрѣлище по превосходству отвлекло отъ другого. Угрюмый Поппель, нахлобучивъ на глаза беретъ и вонзивъ остроги въ коня, отплатилъ на бѣдномъ животномъ свою досаду. Пріѣхавъ домой, онъ заперся съ своими мрачными думами.

Напротивъ, Антонъ былъ весь радость, весь торжество. Нынѣшній день великій князь особенно благоволилъ къ нему. Были на то двѣ причины: онъ зналъ, что Аристотель, слуга ему столь полезный, столь необходимый, любилъ Антона, какъ сына, и старался въ этомъ случаѣ показать свое доброе расположеніе художнику на близкихъ ему; Іоаннъ слышалъ уже объ оскорбительномъ отзывѣ посла на счетъ его придворнаго лекаря, и хотѣлъ милостивымъ своимъ обращеніемъ къ обиженному отплатить заносчивому рыцарю. Подъѣзжая вмѣстѣ съ Андрюшей къ своему жилищу, Антонъ не думалъ болѣе о невзгодѣ, набѣжавшей на него съ нѣмецкаго подворья. Онъ однакожъ не столько радовался милостямъ великаго князя, какъ голосу сердца, сулившаго ему что-то особенно пріятное. Предчувствіе это подтверждали загадочныя слова Андрюши, который обѣщалъ, какъ скоро они домой пріѣдутъ, сдѣлать ему такой дорогой, безцѣнный подарокъ, какого онъ себѣ и вообразить не можетъ. «Анастасія въ долѣ этой тайны», думалъ молодой человѣкъ, и стремилъ впередъ коня своего. Когда ворота на его половинѣ отворились, онъ, не дождясь, чтобы приняли высокую подворотню, отважно перескочилъ черезъ нее.

— Говори скорѣй, скорѣй, милый Андрюша, что у тебя за тайна? — спрашивалъ Антонъ, лишь только вошли они въ горницу.

Дитя приняло важный видъ.

— То, что я хочу передать тебѣ — не шутка, — сказалъ онъ трогательнымъ голосомъ и слегка вздрагивая: — говорятъ, въ этомъ дѣлѣ спасеніе твоей души.

— Объясни жъ, не мучь меня.

— Здѣсь, въ Москвѣ, разносятся слухи, что ты связался съ нечистымъ. Знаю, это неправда, это клевета глупыхъ и злыхъ людей. Ты, просто, латынской вѣры, какъ отецъ мой, какъ и я былъ, все христіанинъ же. Однако, видно, вѣра русская почему-нибудь лучше вашей: безъ того бъ не заставили меня перемѣнить на нее прежнюю Ты говоришь, у тебя крестъ въ сердцѣ. Мы, съ Настей, этого не понимаемъ, и очень огорчаемся нашимъ невѣдѣніемъ. Хочешь утѣшить насъ? (Андрюша вынулъ тяжелый серебряный тѣльникъ изъ-за пазухи и снялъ его съ шеи). Возьми вотъ этотъ крестъ, на которомъ изображеніе Спасителя, надѣнь его и носи. Это крестъ Анастасіи, благословеніе ея матери. Она сняла его для тебя, для спасенія твоей души и во здравіе тебѣ. Пускай охраняетъ онъ тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ и проведетъ... въ нашъ русскій храмъ. Ахъ! если бы въ одно время встрѣтилъ тамъ мою крестную мать.

Андрюша говорилъ это, и слезы падали по горѣвшимъ щекамъ краснорѣчиваго миссіонера. Не выдержалъ и молодой другъ его: онъ обливалъ драгоцѣнный даръ слезами, осыпалъ его жаркими поцѣлуями. Перекрестясь, Антонъ надѣлъ тѣльникъ.

— Видишь, — говорилъ онъ, — я надѣлъ крестъ ея съ радостью, съ восторгомъ, скажи это Анастасіи, скажи, что я каждый день буду молиться на него, что я никогда не покину этого креста, развѣ снимутъ

его съ меня мертваго!.. Нѣтъ, нѣтъ, что я дѣлаю, что я говорю, безумный? — присовокупилъ онъ, опомнясь отъ перваго восторга.

Въ головѣ его блеснула ужасная мысль. Онъ любилъ Анастасію чистою, пламенною любовью, съ какою цѣлью, самъ не зналъ; но теперь куда велъ его тѣльникъ? Не обручалъ ли его съ Анастасіей, какъ жениха съ невѣстой,—съ русской, которая не иначе можетъ быть его, какъ тогда, когда перемѣнитъ онъ вѣру! Чтобы получить Анастасію, надо сдѣлаться отступникомъ... Крестъ тяжелый надѣвалъ онъ. Но смѣлъ ли отъ него отказаться?.. Въ какомъ видѣ представится онъ ей тогда? Чернокнижникомъ, нечистымъ, въ связи съ дьяволомъ!.. Неужели броситься въ роковую будущность?.. Онъ подумалъ также, что Анастасія, изъ любви къ нему, лишаясь креста, благословенія матери, будетъ каяться въ своемъ поступкѣ, что мысли объ этомъ лишеніи истерзаютъ ее. И, между тѣмъ, онъ оставилъ крестъ у себя хоть на день: завтра же отдастъ назадъ черезъ Андрюшу. Этимъ докажетъ Анастасіи, что не имѣетъ связей съ нечистымъ и хорошій христіанинъ; отдавъ же тѣльникъ, успокоитъ ее. Такъ онъ мирилъ совѣсть и долгъ свой съ любовью.

— Не скрою отъ тебя, — сказалъ онъ своему маленькому другу, приступая къ этому подвигу, — что Анастасія сдѣлала неосторожно, прославъ мнѣ такой драгоцѣнный подарокъ тайкомъ отъ отца, хотя въ ея поступкѣ было только желаніе сестры спасти душу брата. И я необдуманно можетъ быть насказалъ, чего тебѣ и не надо было бы слышать. Вотъ и ты, бѣдняжка, попалъ въ эту тревогу, которая не по тебѣ!..

Всему я причиною. Прости мнѣ, милый другъ, милый братъ мой!.. Ты не знаешь пагубныхъ страстей, которыя терзаютъ человѣка и могутъ помрачить разсудокъ до того, что высокое Божіе твореніе уподобится животному. И не знай этихъ страстей, чистое, прекрасное созданіе! Годы твои—годы райскіе; горе тому, кто растравитъ ихъ!.. Вотъ видишь, я взялъ крестъ и надѣлъ съ благоговѣніемъ христіанина, но завтра возвращу его. Не хочу доставить ей причинъ къ раскаянію: благословеніе матери должно быть для нея дорого. Тоска ея отравитъ для меня сладость подарка: онъ будетъ напоминать мнѣ только, что это жертва тяжкая, что она уноситъ съ собою ея здоровье, ея спокойствіе. А для сохраненія того и другого готовъ самъ на всѣ жертвы, на всѣ муки. Узнай повѣрнѣе, нынче жъ, если можно, теперь, нѣтъ ли для нея какой опасности; вглядись хорошенько въ лицо ея, не замѣтишь ли на немъ слѣда болѣзни, тѣни унынія; вслушайся въ ея рѣчи, въ ея голосъ... не утай отъ меня ничего. Отъ меня скажи ей все, что ты видѣлъ, слышалъ теперь; благодари ее за драгоцѣнный даръ; скажи, что отнынѣ буду креститься русскимъ крестомъ, буду молиться русскими молитвами. Не правда ль, ты научишь меня русскимъ молитвамъ? Начну и кончу ихъ воспоминаніемъ о ней.

Все это говорилъ Антонъ, прерывая рѣчь то поцѣлуями дорогому миссіонеру, то вынимая изъ груди крестъ и прижимая его къ губамъ своимъ. Малютка въ первый разъ видѣлъ друга своего въ такомъ тревожномъ состояніи: губы его судорожно произносили слова, глаза горѣли какимъ-то изступленіемъ, щеки пылали. Этой душевной тревоги испугался Андрюша;

онъ каялся уже, что, исполнивъ порученіе крестной матери, лишилъ, можетъ статься, ихъ обоихъ спокойствія и здоровья. Какъ могъ, старался онъ успокоить своего друга, обѣщаясь ему сдѣлать все, что онъ желалъ. Но докучливые свидѣтели помѣшали ему въ тотъ же день переговорить съ Анастасіей о великой тайнѣ ихъ.

Опасенія Антона были пророческія; гроза вскорѣ скопилась надъ головою очарованной дѣвушки.

Въ полночь старая мамка осторожно встала и посмотрѣла, каково спитъ ея питомица. Бѣдная вся горѣла, лебединая грудь ея тяжко подымалась. Мамка хотѣла прикрыть ее куньимъ одѣяльцемъ. Смотритъ ястребиными глазами: — «ахти, Мать Пресвятая Богородица! тѣльника-то на ней нѣтъ»! — едва не вскрикнула старуха. — «Господи, Господи, куда жъ дѣвался тѣльникъ! Искать кругомъ — нѣтъ. Можетъ статься, оборвался гайтанъ, и онъ лежитъ у голубушки подъ изголовцемъ. Ждать-пождать утра». Мамка цѣлую ночь не смыкала глазъ. Наутро искала тѣльника на кровати, подъ кроватью — не видать. Стала замѣчать, не спохватится ли Анастасія Васильевна. Нѣтъ, ни словечка объ этомъ. Только одѣваясь, дитя боярское въ смущеніи закрывало отъ нея грудь свою. Мамка осмѣлилась спросить о тѣльникѣ: Анастасія зарыдала и наконецъ, на всѣ увѣщанія, обѣты и клятвы не говорить отцу, сказала, что, вѣроятно, потеряла крестъ, гуляя на дняхъ въ саду, что искала и не могла найти. Съ какими муками могло сравниться состояніе Анастасіи при этомъ случаѣ! Да и мамкѣ было не легко. Сказать боярину, поставятъ ей въ вину, что не видала, какъ тѣльникъ пропалъ; не сказать, голову

снести. Сказать и не сказать, на этомъ старуха едва не рехнулась. Кончилось тѣмъ, что, убоясь огорчить свою питомицу и въ надеждѣ отыскать пропажу, она утаила бѣду отъ боярина, грознаго и неумолимаго въ подобныхъ случаяхъ.

Едва не забылъ я сказать, что въ этотъ самый день рыцарь Поппель приходилъ къ Аристотелю жаловаться на дерзость лекаря, порученнаго, какъ онъ слышалъ, вниманію художника.

— Онъ сдѣлалъ должное, — отвѣчалъ художникъ.

— Жидокъ! ослушался посла императорскаго! — вскричалъ заносчивый Поппель.

— Клевета, недостойная простого мужа, не только сановника государственнаго!.. Уберегите ее для бывшаго книгопечатника Бартоломея. Одинъ глупецъ повѣритъ ей.

— По крайней мѣрѣ, цирюльникъ!

— Скажи вѣрнѣе — врачъ при дворѣ московскаго государя! Знай, воспитанникъ брата моего такой же благородной крови, какъ и ты, и имѣетъ равныя съ тобою права на уваженіе.

— Развѣ потому что баронится! Не хочешь ли, господинъ художникъ, вывесть его въ настоящіе бароны?

— Легче всего. Стоитъ ему только потребовать, что ему принадлежитъ.

— Право?.. И, конечно, въ бароны Эренштейны?

— Во что онъ есть, безъ сомнѣнія.

— Московская новость! По крайней мѣрѣ ее не знаютъ при дворѣ моего государя.

— Если нужно будетъ, и тамъ ее узнаютъ, какъ древнее, кровное право.

Поппель горячился болѣе и болѣе, и задыхался отъ гнѣва; художникъ говорилъ съ приличнымъ хладнокровіемъ и твердостью.

— Знаешь ли ты самъ, что это право мое, и я готовъ защищать его мечомъ.

— На этотъ разъ мечъ рыцаря переломится о законъ и слово императора.

— Именемъ его величества я потребую отъ тебя объясненій твоимъ загадкамъ.

— Дамъ ихъ, когда сочту нужнымъ! Уважаю твоего государя наравнѣ съ другими вѣнценосцами, но не подчиняюсь его власти. Я гражданинъ Венеціи, и здѣсь подъ сильною защитой русскаго государя, Іоанна, именемъ третьяго.

— Мой мечъ заставитъ тебя объясниться.

Аристотель засмѣялся.

— И сейчасъ, если имѣешь хоть искру благородства.

Поппель схватился за рукоять меча.

— Потише, молодой человѣкъ,—сказалъ съ важностью художникъ, положа свою руку на плечо рыцаря,—умѣрь свою горячность; она ничего не поможетъ твоему дѣлу. Не заставь думать, что орудіе чести въ твоихъ рукахъ только опасная игрушка въ рукахъ ребенка, и что императоръ нѣмецкій нарядилъ ко двору московскому представлять свое лицо не разумнаго мужа, а задорнаго мальчика. Образумься, господинъ рыцарь! Взгляни на мои сѣдины; по лѣтамъ моимъ я могъ бы быть отцомъ тебѣ, а ты зовешь меня на безумную драку? Какая слава могучею рукой

юноши сразиться съ хилою рукою старика! Будетъ чѣмъ похвастаться!.. И въ моемъ домѣ! Не назовутъ ли насъ обоихъ безумными? Повѣрь, я не обнажу меча; ты можешь напасть на безоружнаго и промѣнять имя рыцаря на имя разбойника. Что я не трусъ, скажутъ тебѣ государь московскій и лучшіе воеводы его. И потому совѣтую тебѣ употребить свое оружіе и свой пылъ на лучшее дѣло и искать болѣе равной битвы. Еще прибавлю тебѣ, господинъ рыцарь: насиліе, каково бы оно ни было, ускоритъ только нарушеніе правъ, которыми ты незаконно награжденъ. Будь благоразуменъ и не горячись: можетъ быть, сама судьба поможетъ тебѣ на зло справедливости.

Сказавъ это, Аристотель просилъ рыцаря оставить его и не отвлекать отъ важнаго дѣла, порученнаго ему великимъ княземъ: въ противномъ случаѣ хотѣлъ позвать изъ сѣней приставовъ, имѣвшихъ надзоръ за посломъ.

Рыцарь Поппель былъ заносчивъ, а не храбръ; у такихъ людей не бываетъ истинной храбости: онъ выказывалъ только ея формы, которыя могутъ обманывать одну неопытность.—«Какъ хорошо сложенъ этотъ мужчина!»—говорятъ, любуясь прекрасными формами иного денди на склонѣ лѣтъ.—«Вата, сударь, одна вата и искусство, болѣе ничего»!—скажетъ вамъ его слуга, и разоблачитъ передъ вами этого поддѣльнаго Антиноя. Такова была и храбрость Поппеля. Пристыженный, съ добрымъ урокомъ и мутною идеей о соперникѣ, который готовился оспаривать права его на наслѣдство знатнаго имени и богатаго состоянія, вышелъ онъ отъ художника. Но и тутъ не хотѣлъ признаться въ побѣдѣ надъ нимъ. Поднявъ гордо носикъ, какъ утлая

ладья, брошенная могучимъ валомъ на берегъ, онъ запѣлъ въ дверяхъ веселую пѣсенку:

У Карла было у Великаго
Семь незаконныхъ дѣтей:
Всѣмъ снился вѣнецъ золотой—
Лишь одному онъ достался.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОХОДЪ

Куда бѣжать, тоску дѣвать?
Пойду къ лѣсамъ тоску губить,
Пойду къ рѣкамъ печаль топить,
Пойду въ поле тоску терять...
Въ густыхъ лѣсахъ она со мной!
Въ струяхъ рѣки течетъ слезой!
Въ чистомъ полѣ траву сушитъ!
Отъ батюшки, отъ матушки,
Скрываюся, шатаюся.

Мерзляковъ.

Молодость, словно крѣпкій медъ, бьетъ черезъ край, пока не установится. Разгулу ея посвятилъ Хабаръ цѣлую ночь, въ которую то вино, то съ друзьями тяжба за первенство на игрищахъ, то любовь — попеременно вызывали на бой его могучія силы. И вездѣ вышелъ онъ побѣдителемъ.

Утренняя звѣзда проводила его изъ воротъ деспота морейскаго; алая заря улыбнулась ему дома.

Вскорѣ на боярской половинѣ началось необыкновенное движеніе. Туда и сюда суетились дворчане, несли оружіе изъ кладовой, пытали доброту коней, снаряжали обильнымъ вытьемъ и пирогами оружейнаго, конюшаго и прочихъ холоповъ, которые должны были идти въ походъ вмѣстѣ съ сыномъ воеводы. Во время этой суеты послышался усиленный конскій топотъ, и

вслѣдъ за тѣмъ многочисленный поѣздъ остановился у воротъ. Всѣ, составлявшіе его, подобраны молодецъ къ молодцу, перо къ перу. Щеки — что твоя малина, въ глазахъ огонь соколиный: взглянутъ на друга—рублемъ дарятъ, взглянутъ на недруга—крови хотятъ. Они въ коротенькихъ кафтанахъ изъ нѣмецкаго сукна; подъ низенькими шапочками, которыя щегольски заломились на одинъ бокъ, сказываются буйныя головушки; ремень, отороченный серебромъ, стягиваетъ ихъ станъ; у боку длинный ножъ и кинжалъ въ ножнахъ, *описанныхъ на златѣ*, сзади—ослопъ, только-что молодцу на подъемъ. Отъ нихъ отдѣлились человѣка три, слѣзли съ лошадей и дали о себѣ знать кольцомъ приворотнаго столба. Это были *головы* и *сотники*, избранные отъ нѣсколькихъ *десятенъ сурожанъ* и *суконниковъ*, которые *охотились искать ратной чести* подъ Тверью. Они, съ дозволенія великаго князя, пріѣхали бить челомъ Хабару-Симскому, чтобы онъ взялъ ихъ подъ свое воеводство. Сынъ Образца, извѣстный удальствомъ въ пирахъ и на городскихъ побоищахъ, не менѣе славился ратной отвагой. Онъ водилъ уже разъ охотниковъ противъ Мордвы *на лыжахъ* и добылъ съ ними хорошую долю славы для себя и для нихъ. Въ его наѣздѣ на Мордву видны были однакожъ не одна отвага, удѣлъ каждаго рядового ратника, но и быстрый, сметливый взглядъ вождя, умѣнье пользоваться средствами непріятельской страны, нравами тѣхъ, противъ кого воевалъ, и искусство внушать любовь къ себѣ и порядокъ въ воинахъ, подчинившихся ему добровольно. Князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій, поручавшій ему отдѣльный отрядъ подъ Казанью, послѣ этого опыта предсказывалъ въ немъ *знатнаго* полководца. Достоинства

эти умѣлъ оцѣнить Иванъ Васильевичъ, и за нихъ-то извинялъ въ Хабарѣ буйныя вспышки молодости, хотя говорилъ обыкновенно, при такихъ случаяхъ, что прощаетъ его въ уваженіе любви къ нему Іоанна младого. И нынѣ Хабаръ съ радостью принялъ начальство надъ охотниками. Всѣ они были угощены изъ братины, которую самъ старый воевода обнесъ по нимъ, пожелавъ каждому того, что каждый изъ нихъ шелъ добывать. Завтра положено было собраться у церкви *Іоанна, списателя лѣствицы*, «*что подъ колоколами*», отслужить тамъ молебенъ, потомъ въ приходской церкви *Николы льняного*, и оттуда прямо *всѣсть* на коня. Образецъ обѣщалъ испросить для нихъ у Ивана Васильевича милость—пустить ихъ въ передовые, съ тѣмъ, чтобы они, вмѣстѣ съ государевыми *окольничимъ* и *путнымъ*, очищали путь отъ всякаго недобраго человѣка и случая.

На другой день, ни свѣтъ, ни заря, все въ домѣ Образца было уже на ногахъ. Когда пришелъ часъ снаряжать сына въ походъ, лицо воеводы осѣнилось грустью. Это была не порывистая грусть, подобная весеннимъ водамъ, которыя неистово мечутся въ разныя стороны, вопятъ на всю окрестность и вдругъ исчезаютъ, какъ бы ихъ не бывало. Нѣтъ, печаль отца походила на бѣлый ключъ, который едва замѣтно бьетъ изъ-подъ тяжелаго камня и между тѣмъ отъ вѣка питаетъ широкую рѣку. Много мрачныхъ думъ въ прошедшую ночь посѣтило душу старца. И было ему надъ чѣмъ задуматься. Онъ потерялъ ужъ на войнѣ одного сына: милый юноша и теперь нерѣдко въ одеждѣ ангельской посѣщаетъ его и, указывая, съ тоской невыразимою, на рану, которая точитъ ему грудь, кажется, говоритъ: «отецъ, больно, очень больно!» За

нимъ слѣдовала мать. Сколько драгоцѣнныхъ потерь! И нынѣ старецъ, глядящій имъ вслѣдъ, отпускаетъ на войну послѣдняго сына. Если война и побережетъ его, такъ его ждетъ *поле* въ Москвѣ. Если падетъ — кто останется подпорою сестры, еще не пристроенной? Но безчестье хуже смерти: «мертвые срама не имутъ» — искони завѣтное слово русскихъ. И безъ того позора не пережить! Вся надежда на *судъ Божій*; милости Господни неизреченны. Съ упованіемъ на нихъ Образецъ идетъ въ *божницу*, куда, по приказанію его, слѣдуютъ за нимъ Хабаръ и Анастасія.

Идутъ молча, объятые чувствомъ благоговѣнія. Пришли въ божницу. Единственное окно ея завѣшено. Въ сумракѣ, слабо побѣжденномъ таинственнымъ свѣтомъ отъ лампады, среди глубокой тишины, изрѣдка нарушаемой вспышками свѣтильни, смотрятъ на васъ со всѣхъ сторонъ темные лики Спасителя, Божіей Матери и святыхъ угодниковъ. Отъ нихъ, кажется, повѣяло холодомъ не здѣшняго міра. Здѣсь никуда не укроешься отъ ихъ взоровъ: со всѣхъ сторонъ слѣдятъ они васъ въ малѣйшіе изгибы мыслей и чувствованій. Истомленныя лица, тощіе члены, сухія ребра — плоть, уморенная въ молитвахъ и постѣ, страданія — крестъ, все говоритъ здѣсь о побѣдѣ воли надъ страстями. Сами примѣръ тѣлесной и душевной чистоты, они требуютъ ее отъ приходящихъ въ божницу, это святое собраніе ихъ.

Къ нимъ-то прибѣгала Анастасія въ тревогѣ сердечной, отъ нихъ просила себѣ помощи противъ искушеній нечистаго, и не было помощи ей, слабой волею, предавшейся страсти, которую принимала за неземного обольстителя!

Образецъ три раза со крестомъ и молитвою повергнулся передъ иконами, три раза повергнулись за нимъ сынъ и дочь. Послѣ этого благоговѣйнаго вступленія, старецъ прочелъ псаломъ: «Живый въ помощи Вышняго». Такъ и донынѣ у насъ на Руси, православный воинъ, идя на брань, почти всегда вооружается этимъ надежнымъ щитомъ [1]). Хабаръ съ сильнымъ чувствомъ повторялъ слова отца. Все приготовляло Анастасію къ чему-то страшному: она трепетала, какъ голубица, застигнутая въ полѣ, гдѣ негдѣ ей укрыть себя передъ грозой, готовой надъ ней разразиться. Когда молельщики встали, Образецъ взялъ съ искоса небольшой образъ Георгія-побѣдоносца, литый изъ серебра, съ ушкомъ для ношенія на груди.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа,—сказалъ онъ твердымъ голосомъ, держа лѣвой рукой образъ, а правою сотворивъ три крестныя знаменія,—этимъ Божіемъ милосердіемъ благословляю тебя, единственный и любезный сынъ мой, Иванъ, и молю, да подастъ тебѣ святой великомученикъ Георгій побѣду и одолѣніе надъ врагомъ. Береги это сокровище, аки зеницу ока, не покидай его никогда, развѣ Господь попуститъ врогу отнять его у тебя. Знаю тебя, Иванъ, не у живого отнимутъ, а развѣ у мертваго. Помни на всякій часъ благословеніе родительское».

Анастасія побѣлѣла, какъ снѣгъ, и вся дрожала; на грудь ея налегъ тяжелый камень, въ ушахъ ударяло молотомъ. Ей слышалось, будто всѣ лики свя-

---

[1]) Я знавалъ нѣсколько знаменитыхъ полководцевъ 1812—14 годовъ, которые носили на груди этотъ псаломъ, зашитый въ ладонку вмѣстѣ съ крестомъ.

тыхъ, одинъ за другимъ, грозно повторяли слова отца ея. Онъ продолжалъ:

«Велико дѣло это благословеніе. Кто его не помнитъ или ни во что считаетъ, отъ того Самъ Отецъ небесный отвратитъ лицо Свое и на вѣки отступится, забвенъ тотъ будетъ и во царствіи небесномъ, и адово будетъ достояніе. Блюди свято слова мои».

Каждое слово Образца падало на сердце Анастасіи, какъ смола горячая. Ей казалось, она призвана на страшный судъ Христовъ услышать проклятіе отца и свой вѣчный приговоръ. Она не выдержала и горько зарыдала, свѣтъ помутился въ глазахъ, ноги стали подкашиваться. Образецъ услышалъ ея рыданія и прервалъ свое напутствіе.

— Настя! Настя! что съ тобою?—спросилъ онъ съ живымъ участіемъ дочь, нѣжно любимую.

Она не въ силахъ была ничего вымолвить и упала на руки брата. Перекрестясь, бояринъ положилъ образъ на прежнее мѣсто, и потомъ спѣшилъ окропить дочь свою богоявленскою водой, которая всегда стояла въ запасѣ въ божницѣ. Анастасія очнулась, и когда увидѣла себя окруженною отцомъ, братомъ, въ какомъ-то темномъ, тѣсномъ склепѣ, закричала дикимъ голосомъ и обращая вокругъ себя мутные взоры.

— Свѣтъ мой, дитя мое милое, голубица ты моя, что съ тобою? — говорилъ отецъ. — Опомнись; ты въ божницѣ. Знать, попортилъ тебя недобрый глазъ. Помолись-ка Пречистой: Она, милосердая, избавитъ тебя отъ напасти.

Отецъ и сынъ подвели ее къ иконѣ Божіей Матери: братъ съ трудомъ поднялъ ея руку, и она, дрожа, сотворила крестное знаменіе. Тяжело, глубоко вздох-

нула она, ледяными устами приложилась къ образу и потомъ показала рукой, чтобы ее скорѣе вывели. Ей чудилось, что Пречистая покачала ей съ упрекомъ головою.

Когда Анастасію привели въ ея свѣтлицу, ей сдѣлалось легче. Ржаніе коня у крыльца Антонова заставило ее содрогнуться и опомниться. Оно навело ея мысли на милаго чужеземца и опасность, какой подвергла бы себя и его, если бы обнаружила тайну тѣльника. Чувство раскаянія пересилено любовью, и мѣсто его заступило лукавое желаніе отвесть подозрѣніе отца и брата отъ настоящей причины ея болѣзни, когда бы это подозрѣніе и могло существовать. Она собиралась обманывать, но еще не умѣла. Слова: разлука съ братомъ, опасенія войны, грусть одиночества, слова несвязныя, холодныя, замирали на устахъ ея. Легко было увѣрить и безъ словъ, что всѣ эти причины были настоящія. Голубь, ключевая вода, бѣлопутный снѣжокъ, представлялись въ умѣ отца и брата не чище Анастасіи. Образецъ убилъ бы того, кто бъ осмѣлился сказать противное; его зашибло бы смертнымъ ударомъ, если бъ онъ самъ противное узналъ. Въ головѣ его хоть и вертѣлась мысль о *порчѣ*, можетъ статься и басурманомъ, но чтобы сама Анастасія осмѣлилась быть въ сердечномъ заговорѣ съ нимъ, этого и въ помышленіи у боярина не было. Какъ бы то ни случилось, успокоенные нѣсколько ея выздоровленіемъ, воевода и сынъ его возвратились въ божницу, не безъ страха однакожъ, что благословеніе, прерванное такъ ужасно, вѣщуетъ для нихъ худое. Отецъ боялся, не причиной ли этого несчастнаго случая гнѣвъ Божій на сына его за разгульную жизнь. Взявъ

въ помощь слова святыхъ отцовъ, примѣры чистоты, и непорочности знаменитыхъ русскихъ воиновъ, удостоившихся славы земной и вѣнца нетлѣннаго на небесахъ, онъ убѣждалъ Хабара исправиться.

— На тебѣ болѣе, нежели на комъ другомъ, — говорилъ Образецъ, — лежитъ тяжкій отвѣтъ за грѣхи мои. Тебя Господь наградилъ разумомъ, силою тѣлесной, отвагой. Овому талантъ, овому два, тебѣ ихъ дано много, и всѣ ихъ топчешь въ грязи. Князь Холмскій хвалитъ воинскія способности твои, обнадеживаетъ, что ты современемъ замѣнишь меня. Старики, бывшіе ратные товарищи мои, твои соратники, мое сердце, все говоритъ мнѣ, что имя Хабара-Симскаго еще слышнѣе будетъ на Руси, нежели имя Образца-Симскаго. Твой отецъ, твой господинъ—великій князь, твоя родная земля ожидаютъ этого отъ тебя. Не посрами моей сѣдой головы, не потревожь костей монхъ, когда лягу въ гробу, праха матери и брата своего. Не забудь, у тебя сестра невѣста въ порѣ; твой позоръ можетъ падать на нее, на весь родъ твой. Помни, тебя ждетъ здѣсь *поле, судъ Божій*; къ нему долженъ ты предстать съ чистымъ покаяніемъ, омытый отъ всякія скверны. Иванъ, пора тебѣ одуматься, пора также вспомнить, что мнѣ осталось жить недолго. Скоро перейду и я въ иной міръ. Что прикажешь тогда сказать родной своей...

Въ голосѣ старца дрожали слезы, хотя въ строгихъ очахъ не было ихъ. По лицу Хабара слезы бѣжали ручьемъ. Онъ палъ въ ноги отцу и далъ ему обѣтъ именемъ Господа, именемъ матери, исправиться отнынѣ и тѣмъ заслужить любовь родителей здѣсь на землѣ и за гробомъ. Въ свидѣтели бралъ угодниковъ Божіихъ.

Обѣтъ былъ искрененъ, силы и твердости воли доставало на исполненіе его.

Лица отца и сына просіяли, такъ же радостно было и въ душѣ ихъ. Вмѣстѣ съ ними, казалось, освѣтилась ярче и божница, и лики святыхъ привѣтнѣе на нихъ глядѣли.

Наконецъ заблаговѣстили къ обѣднѣ. Печально звучали колокола: они почти каждый домъ извѣщали о разлукѣ съ однимъ изъ дорогихъ жильцовъ его. Анастасія превозмогла себя и, не дожидаясь, чтобы братъ пришелъ съ нею проститься, сама сошла къ нему. Хабаръ, котораго Иванъ Васильевичъ назвалъ посыльнымъ воеводой, былъ ужъ въ полномъ вооруженіи. Дядька его съ гордостью смотрѣлъ то на своего *воспитомца*, то на сіяющіе доспѣхи его, словно на свое твореніе. Одного онъ выпѣсталъ на славу, другіе, также на славу, вычистилъ нынѣ, какъ скло. Въ прощаніи брата и сестры сказалась любовь самая нѣжная, самая трогательная. Нѣсколько разъ желѣзная броня его была орошена слезами, нѣсколько разъ грубые наручники печатлѣли слѣды его объятій на нѣжномъ тѣлѣ Анастасіи. Всѣ дворчане толпою собрались у крыльца и напутствовали боярскаго сына благословеніями. Отецъ проводилъ его до церкви.

На встрѣчу имъ кто-то борзо скакалъ на статномъ конѣ, клубя подъ собою пыль. Народъ останавливался передъ нимъ и скидалъ шапки. По богатому вооруженію его, по стальному, украшенному бирюзою, шлему, по серебряной насѣчкѣ латъ и меча, осыпаемыхъ лучами солнца, вы приняли бы его за знатнаго юношу, только-что постриженнаго. Но по лицу, росту, ухваткамъ, видѣнъ былъ въ немъ дитя, который утѣ-

шался конемъ и нарядомъ своимъ, какъ игрушкой. Это былъ Андрюша, сынъ Аристотелевъ, — самъ игрушка великаго князя. Онъ ѣхалъ отъ церкви Благовѣщенія, гдѣ совершали надъ нимъ обрядъ *пострига*. Видъ его поразилъ Образца: онъ напомнилъ ему милое дѣтище. Таковъ былъ младшій сынъ его, когда собирался съ нимъ на войну противъ крыжаковъ. Бояринъ спѣшилъ войти въ церковь и молитвами заглушить въ сердцѣ своемъ печальный голосъ природы. Прощаясь съ послѣднимъ сыномъ, онъ крѣпко обнялъ его.

— Господь съ тобою, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, и эти слова сопутствовали Хабару во весь походъ, привѣчали его, лишь только онъ открывалъ глаза, и смыкала ему вѣжди на сонъ грядущій. Этими словами онъ былъ вооруженъ крѣпче, нежели желѣзными латами и мечомъ своимъ.

Андрюша успѣлъ видѣться съ Анастасіей, пока бояринъ не возвратился изъ церкви. Въ сѣняхъ верхней свѣтлицы мамка встрѣтила его и, поздравивъ съ постригомъ, ласково, осторожно спросила: «не видалъ ли голубчикъ-*молодикъ* барышнина тѣльника». Можетъ статься, она обронила его, Андрюша нашелъ, захотѣлъ пошутить надъ ней и спряталъ. При этомъ неожиданномъ вопросѣ, маленькій воинъ вспыхнулъ, какъ порохъ, но спѣшилъ оправиться и сказалъ съ сердцемъ:

— Шутишь что ли надо мною, мамка?

И начала она клясться и божиться, что говорила вправду, только просила не сказывать объ этомъ ни Анастасіи, ни боярину.

— Знаешь, какой онъ грозный, — прибавляла она, — тотчасъ снесетъ голову съ бѣдной старушки. А кабы ты вѣдалъ, мой птенчикъ, мое паливное яблочко, какъ

мать твоя крестная горюетъ, мечется во всѣ стороны, не пьетъ, не ѣстъ, а во снѣ только и говоритъ что о тѣльникѣ, да кажись, прости Господи, и поганаго басурмана прибираетъ. Знать, ангелъ-хранитель отступился отъ моего дитятки.

Старушка ждала отвѣта отъ Андрюши—Андрюша былъ уже въ свѣтлицѣ своей крестной матери. Здѣсь встрѣтили его улыбкою, привѣтомъ, задушевными ласками, но подъ этими розами не укрылась отъ вниманія малютки змѣя-тоска; она проникала невольно въ словахъ, въ движеніяхъ Анастасіи. Недолго повертѣлся онъ въ свѣтлицѣ. Съ добычей грустныхъ замѣчаній сошелъ онъ къ лекарю, и все разсказалъ ему. Какъ поразилъ Антона этотъ разсказъ! Онъ бранилъ себя, проклиналъ, зачѣмъ послушался двухъ дѣтей, воспользовался слабостью неопытной дѣвушки и взялъ отъ нея даръ, который могъ бы погубить ее навѣки. Разстаться съ нимъ, напечатлѣть на немъ прощальный поцѣлуй и молить Бога, чтобы крестъ пришелъ вовремя осѣнить грудь Анастасіи отъ всякихъ бѣдъ и напастей — вотъ что Антонъ спѣшилъ сдѣлать. Молитва его услышана, тѣльникъ полученъ вовремя.

Затрепетала Анастасія, увидавъ свой крестъ. «Видно, не снесъ его!..» подумала она, и какое-то отчаяніе ею овладѣло. Легче-бъ, если бы отецъ узналъ о потерѣ тѣльника! Что сдѣлалось съ ней? Ея помыслы бывало, не отвергли-бъ небесные жители, въ сердце ея могла бы глядѣть сама Божественная Дѣва! А теперь въ душѣ кипятъ черныя страсти; рука едва не оттолкнула тѣльника, губы едва не произнесли: пропадай же, душа моя!.. но ангелъ-хранитель остановилъ ее на краю пропасти. Она схватила крестъ и со

слезами на глазахъ прижала къ груди. Крестный сынъ ея, урывками и украдкой отъ сторожкихъ глазъ и слуха мамки, передалъ ей свой разговоръ со старушкой, мучительныя опасенія Антона, чтобы не узнали о пропажѣ драгоцѣннаго креста, опасенія на счетъ ея здоровья и спокойствія; Андрюша разсказалъ все, все, что ни говорилъ другъ его, и Анастасія не могла не благодарить того и другого. Она обѣщала себѣ быть благоразумнѣй и осторожнѣй, хотѣла дать обѣщаніе перестать любить, но не могла. Тѣльникъ перешелъ съ груди милаго басурмана на грудь ея и, вмѣстѣ съ словами Андрюши, только-что раздулъ прежнее пламя.

Хитрая мамка, несмотря что ничего не слыхала изъ бесѣды крестной матери и сынка, догадалась, что между ними кроется тайна. Догадки эти усилились, когда она, раздѣвая свою воспитанницу, увидѣла на груди ея серебряный тѣльникъ, который старалась Анастасія, будто нарочно, выказать. Передать прямо эти догадки боярину она не смѣла: могли быть неудовольствія для нея самой, для Анастасіи, для Андрюши; не залить бы скоро пожара этихъ непріятностей. Однакожъ надо было предупредить новыя. Для успѣха въ этомъ, стоило умненько, да хитренько, намекнуть боярину, что Андрюшѣ непригоже ходить въ свѣтлицу боярышни. Ему, дескать, хоть и четырнадцать годковъ — дѣтская пора! къ тому жъ онъ такой разумникъ, такой смиренникъ, — однакожъ Андрюша *постригъ* по милости великаго князя Ивана Васильевича; а съ именемъ пострига вертится у каждаго въ головѣ: коли онъ на войну готовъ, такъ не дитя! Кто пойдетъ справляться съ его годками? Злые языки разомъ на-

мекнутъ недоброе, хоть и не посмѣютъ сказать. Честь дѣвическая должна быть какъ скло: отъ нечистаго дыханія оно не загрязнится, но потускнѣетъ. Какъ задумала мамка, такъ и сдѣлала. Бояринъ хвалилъ ее за разумный совѣтъ и обѣщалъ, какъ скоро Андрюша возвратится изъ похода, запретить ему входить въ опочивальню Анастасіи и позволять ему говорить съ нею только при отцѣ и братѣ.

Все улажено какъ нельзя лучше. Самъ Антонъ, виновникъ семейной тревоги, до сихъ поръ скрытый, старался отдалить малѣйшія подозрѣнія отъ прекраснаго созданія, за честь котораго готовъ былъ отдать жизнь свою. Онъ не искалъ болѣе случая видѣться съ Анастасіей. На другой день долженъ онъ былъ отправиться въ походъ вмѣстѣ съ великокняжескимъ поѣздомъ: онъ теперь же потребовалъ своего коня и ускакалъ со двора боярскаго съ тѣмъ, чтобы переночевать у Аристотеля, и ужъ оттуда въ путь, обѣщаясь не вступать ногою въ тотъ домъ, гдѣ жила Анастасія. — Время, — думалъ онъ, — разумъ, невозможность видѣться, побѣдятъ сердечную тревогу, можетъ быть прихоть дѣвушки, заключенной въ четырехъ стѣнахъ. По крайней мѣрѣ ей возвращу свокойствіе.

Оставшись одинъ съ самимъ собою, онъ оглянулся на путь, пройденный имъ на Руси въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Зачѣмъ онъ пріѣзжалъ въ нее? Не для того ль, чтобы посвятить себя служенію наукѣ и человѣчеству, чтобы совершить *подвигъ* на пользу ихъ? Чтожъ совершилъ этотъ жрецъ высокаго и прекраснаго? Вылечилъ попугая, мастерски щеголялъ, успѣлъ понравиться великому князю и отравилъ сердце неопытной дѣвушки. Чудные, знаменитые подвиги! Сто-

ило изъ-за нихъ пріѣзжать такъ далеко! Въ Италіи онъ былъ хоть свободенъ, а теперь онъ не въ силахъ разорвать свои цѣпи. Онъ не можетъ возвратиться на родину, онъ промѣнялъ ее на чужую землю; на Руси отнынѣ долженъ жить и умереть. Къ дому русскаго боярина, его недруга, прикованы сердце, мысли, все существо его; въ этомъ домѣ—все благо и несчастіе его жизни, здѣсь его судьба. Вотъ отчетъ, который далъ себѣ Антонъ въ своемъ настоящемъ положеніи.

Въ борьбѣ съ своею страстью, онъ обѣщалъ вызвободить себя изъ неволи ея и умирить всѣ голоса, возставшіе противъ него изъ глубины его совѣсти. Обѣщалъ, да! Посмотримъ, у кого изъ молодыхъ людей, почти одинакихъ лѣтъ, достанетъ силы воли совершить свой обѣтъ — у русскаго ли разгульнаго молодца, или у степеннаго падуанскаго бакалавра.

Ворота на половинѣ басурманской заперли замкомъ. Анастасія это видѣла. Слухъ и сердце ея жадно слѣдили топотъ лошади, замиравшій вдали, ловили послѣдній звукъ подковы, какъ послѣднее біеніе пульса милаго человѣка, котораго теряютъ на вѣки. Онъ исчезъ... Бѣдная ужаснулась своего одиночества, сердце ея замерло. Ей казалось, отецъ, братъ, родные — весь міръ покинулъ ее, несчастную сироту. О! съ какою радостью помѣнялась бы теперь на муки нынѣшняго утра и прошедшихъ дней, лишь бы ей знать, что *онъ* тутъ, недалеко отъ нея, въ одномъ съ нею домѣ, что ей можно будетъ увидѣть его, встрѣтить его взоры, хоть ждать его возврата!

Необыкновенный шумъ разстроилъ печальныя мысли Анастасіи; топотъ конницы залилъ прилегающія улицы.

— Слышишь? *играютъ въ набатъ* [1])! — вскричала мамка, бросаясь къ окну. — Посмотри, ластовица ты моя, большой полкъ идетъ. На ратникахъ жаромъ горятъ колонтари и шеломы. Вотъ и самъ воевода полка. Въ рукахъ у него шестоперъ изукрашенъ самоцвѣтами. На небѣ одно солнышко, а тутъ что ни камышекъ, то солнышко. Да какой же молодой, пригожій! Ахти, мать моя, да это княжичъ Иванъ! Охъ, охъ, кабы не Олена Волошанка, быть бы тебѣ княгинеи; царь-государь миловалъ бы тебя, цѣловалъ бы во малиновы уста. Стала бы ты, моя голубица, покоить и меня на старости лѣтъ, подъ кунье одѣялице, на лебяжьи пуховики укладывать, въ золотъ атласъ рядить, медами крѣпкими поить. Надо же было на бѣду подвернуться Волошанкѣ да помутить наше счастіе, отнять у насъ женишка, дорогого, незамѣннаго. Пріѣхалъ сюда на Русь, только что жидовскую ересь къ намъ привезла съ дьякомъ Курицынымъ. Чтобы дьяку поганому да ей тутъ же ни пути, ни дороги! Посмотри, сударикъ-то мой, Иванъ Ивановичъ, какъ грустенъ да пасмуренъ, словно вчера овдовѣлъ. Все по тебѣ тужитъ, моя родная. Поровнялся со дворомъ нашимъ, не утерпѣло молодецкое сердце, посмотрѣлъ-таки сюда умильно. Вотъ и стягъ государевъ везутъ на возу. Смотри, какъ полощется по вѣтерку. Крестись же, родная, на ликъ Спасителя...

Старушка сама усердно творила кресты, и Анастасія, несмотря въ окно, сидя на своей кровати, машинально крестилась. Мамка продолжала:

— Ликъ-то золотомъ шитъ. Сказываютъ, Софья

---

[1]) Бьютъ въ литавры.

Ѳоминишна сама вышивала. Эки молодцы, будто писаны! Не угадать: можетъ статься, одинъ тебѣ и суженый, Настасья Васильевна. Это что?.. Господи, свѣты мои! Посмотри, не морочатъ ли меня глаза на старости. Ахти, это онъ, воистину онъ, голубчикъ нашъ, соловушко нашъ, Афанасій Никитичъ. Босыя ноженьки его спутаны желѣзами, а ручки заложены назадъ и *залиты оловомъ*.

Дѣйствительно, сказочника Аѳанасія Никитина вели скованнаго, за карауломъ недѣльщиковъ. Въ чемъ же бѣднаго вина? за что такое наказаніе? А вотъ за что: Иванъ Васильевичъ, провѣдавъ, что онъ тверской уроженецъ, знаетъ каждый пригорокъ и каждый кустъ около Твери, велѣлъ ему *языкомъ* идти съ полками, да подойдя подъ Тверь сказывать, о чемъ его спросятъ. На это Аѳанасій Никитинъ отвѣчалъ:

— Воля Божія на небеси, а великаго князя Ивана Васильевича на земли; прикажи онъ мнѣ утопиться — утоплюсь, только на родной градъ на Спаса златоверхаго, врагомъ не пойду. Скорѣй своей кровью захлебнусь, чѣмъ соглашусь навести войско на кровь моихъ родичей и братьевъ.

И на тѣ слова *опалился зьло* Иванъ Васильевичъ.

— Вѣдь онъ не воевода, князь Холмскій!—закричалъ онъ ярымъ голосомъ: — торгашъ, лапотникъ! Сковать его въ желѣза и неволею вести на Тверь. Коли не хочетъ указывать намъ дорогу туда, такъ мы ему укажемъ и подалѣе.

По этой-то причинѣ шелъ сказочникъ Аѳанасій Никитинъ въ желѣзахъ. И желѣза мѣрно гремѣли по улицѣ, и мамка стала подъ нихъ причитывать жалобную пѣснь. На эти звуки, раздирающіе душу, Ана-

стасія встрепенулась. Она вынула изъ своего костянаго ларца нѣсколько *пуль* и велѣла мамкѣ снести къ бѣдному плѣннику.

— Отнесу, матушка, — говорила мамка, все еще заглядывая въ окно, чтобы не потерять удовольствія зрѣлища,—отнесу, хоть бы самъ Иванъ Васильевичъ стопталъ меня конемъ своимъ. Да вотъ и нашъ басурманъ... Онъ что тутъ?.. Побѣжать, родная, побѣжать, не опоздать.

Лишь только мамка вышла изъ терема, Анастасія осторожно взглянула въ окно и увидѣла, что милый Антонъ предупредилъ ее.

Онъ не выдержалъ, онъ еще разъ хотѣлъ проѣхать мимо дома Образца, проститься съ жилищемъ *ея*, если не съ *ней*, можетъ быть навсегда, догналъ большой полкъ, идущій въ походъ, увидалъ бѣднаго Аѳанасія Никитина, съ которымъ познакомился его Андрюша и который не разъ бесѣдовалъ съ нимъ о жизни и природѣ на Западѣ, и спѣшилъ подать стражѣ его горсть серебра. Аѳанасій Никитинъ съ благодарностью взглянулъ на лекаря, но недѣльщикъ отворотился отъ басурмана, и серебро разсыпалось по деревянной мостовой. Въ это время подбѣжала мамка, подала недѣльщику деньги своей боярышни; этотъ перекрестился и принялъ ихъ. Со стыдомъ и негодованіемъ отъѣхалъ Антонъ. Можно вообразить, съ какими чувствами дочь Образца смотрѣла на эту сцену. Все отвращалось отъ басурмана, а она, несчастная, очарованная неземною силою, такъ много, такъ неодолимо любила его.

Разсыпанныя деньги долго лежали на мостовой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗАИМКА

Тише ѣдешь, далѣ будешь.
Пословица.

Полки дѣлали самые малые переходы. Они не дошли еще до Клина, а охотники были уже подъ Тверью. Сотни этихъ удальцовъ, подъ воеводствомъ Хабара, наводили страхъ на нее; то являлись въ посадахъ съ гиканьемъ и крикомъ, съ вѣстью о разореніи и гибели, то исчезали въ тверскихъ лѣсахъ, унося съ собою и слѣды свои. Мало того, что Хабаръ успѣлъ переговорить съ тверчанами, которые были преданы Іоанну и куплены имъ заранѣе въ собственныхъ домахъ ихъ; мало, что вывѣдалъ всѣ слабыя стороны непріятельской засады: онъ переплылъ Волгу и установилъ сообщеніе съ войскомъ, которое шло изъ Новгорода, подъ начальствомъ тамошняго намѣстника. Возвратясь на правый берегъ, далъ знать великому князю Ивану Васильевичу, что съ своими сотнями московскихъ удальцовъ берется взять Тверь. Въ помощь просилъ только Аристотелеву пушку. Такъ обнашивалъ Хабаръ-Симскій яснаго сокола, свою ратную удаль, вмѣстѣ съ достойными пайщиками ея.

Иванъ Васильевичъ, котораго по всей справедливости можно было назвать *медлителемъ*, приказалъ черезъ гонца сказать *свое* ласковое *слово*, *первое* Хабару, а *второе* всѣмъ охотникамъ, и извѣстить ихъ, что онъ *идетъ*. И пошелъ онъ, попрежнему, черепашьимъ ходомъ. Перваго, кто осмѣлился слишкомъ громко роптать на эту медленность, великій князь московскій пожаловалъ,—построить ему на перекресткѣ дорогъ высокія хоромы на двухъ столбахъ съ перекладиной. Аѳанасію Никитину снарядили такой же почетъ. Онъ готовился умереть съ твердостью христіанина, но лишь только хотѣли накинуть на него роковую петлю, его освободили и отпустили на всѣ четыре стороны. Сдѣлано ли это по просьбѣ Іоанна младого, или по собственному побужденію великаго князя—неизвѣстно. Разумѣется, тверчанинъ побрелъ въ противную отъ Твери сторону, чтобы не быть свидѣтелемъ пожара и разоренія родного города. На дорогу бояре и простые воины снабдили его щедрыми дарами, а лекарь Антонъ бальзамомъ для рукъ, болѣвшихъ отъ горячаго олова, которымъ онѣ были залиты. Кто встрѣчалъ его, не слыхалъ отъ него жалобы ни на великаго князя, ни на судьбу свою. Молясь и за князя и за простыхъ людей, а болѣе за сохраненіе родного города отъ гибели, и славя одного Господа, онъ поспѣшилъ въ Москву доканчивать недосказанныя сказки.

Великій князь московскій обыкновенно располагалъ станы въ большихъ селахъ. Тутъ останавливались съ нимъ Іоаннъ младой, дворчане, большой полкъ съ государевымъ стягомъ, Аристотель съ огнестрѣльнымъ орудіемъ и неразлучный касимовскій царевичъ Даньяръ.

Этого онъ особенно любилъ и жаловалъ за вѣрную, испытанную его службу Руси. На немъ особенно хотѣлъ онъ показать, какъ выгодно татарамъ переходить подъ покровительство русскаго властителя. Прошло ужъ болѣе недѣли, какъ полки выступили изъ Москвы. Было время дня, когда селнце гонитъ росу и прохладу утреннюю. День былъ прекрасный; все въ природѣ улыбалось и ликовало появленіе лѣта: и ручьи, играющіе въ лучахъ солнца, все въ золотѣ и огнѣ, и вѣтерокъ, разносящій благовоніе съ кудрей деревъ, и волны бѣгущей жатвы, какъ переливы вороненой стали на рядахъ скачущей конницы, и хоры птицъ, на разный ладъ и всѣ во славу Единаго. Эта волшебная улыбка, это ликованіе природы растопили и желѣзную душу Ивана Васильевича. Переѣхавъ рѣчку, за селомъ Чашниковымъ онъ велѣлъ разбить шатеръ свой на высотѣ, и полкамъ тутъ же вокругъ расположиться *заимкой*. Онъ въѣхалъ на высоту, скинулъ свой *корзнъ* (военный плащъ) и сошелъ съ лошади. Все это дѣлалось съ помощью различныхъ дворскихъ чиновъ: обряды наблюдались и въ полѣ; и въ полѣ хотѣлъ онъ казаться царемъ.

— Вотъ здѣсь построилъ бы я себѣ село, сказалъ Иванъ Васильевичъ, любуясь окрестностью.

И было въ самомъ дѣлѣ чѣмъ любоваться.

Вообще надо замѣтить, что человѣкъ, по врожденной склонности къ красотамъ природы,—можетъ быть, наслѣдственной отъ первобытнаго жильца земли, — царь ли онъ, или селянинъ, любитъ располагать свои жилища на красивыхъ мѣстахъ. Одна нужда, одна неволя загоняютъ его на безводныя равнины, въ лѣса, по сосѣдству болотъ. Въ выборѣ мѣстности для рус-

скихъ городовъ и царскихъ увеселительныхъ селъ особенно замѣтна эта любовь. Иванъ Васильевичъ, любуясь живописною картиной, которую развернулъ передъ нимъ великій художникъ, вспомнилъ свои села: Воробьево, Коломенское, Островъ, свое Воронцово-поле, гдѣ онъ встрѣчалъ весну и провожалъ лѣто въ удовольствіяхъ соколиной охоты и прогулокъ по садамъ. Пока разбивали шатеръ его, онъ сѣлъ на складное кресло, которое всегда за нимъ возили. Вокругъ него стояли Іоаннъ младой и нѣсколько ближнихъ дворскихъ людей. Между ними замѣтенъ былъ сутуловатый татаринъ, который свободнѣе другихъ обращался съ великимъ княземъ. Это былъ касимовскій царевичъ Даньяръ, предметъ особыхъ попеченій его [1]). Въ виду ихъ, подъ гору бѣжали Андрюша и 17-лѣтній сынъ царевича, Каракача: одинъ — типъ европейской красоты, съ печатью отеческой любви Творца къ своему творенію на всей его наружности, другой — узкоглазый, смуглый, съ высунутыми скулами, звѣрообразный, какъ будто выползъ на свѣтъ изъ смрадной тины тропиковъ вмѣстѣ съ гадами ихъ, съ которыми смѣшалъ свою человѣческую породу. Каракача поймалъ голубя и собирался разрубить его ножомъ; Андрюша вступилъ въ борьбу за крылатаго плѣнника: уступая татарину въ силѣ, но гораздо сметливѣе и ловче его, онъ успѣлъ выхватить во-время жертву и пустить ее на волю. За минутною ссорой послѣдовала мировая, заключенная уступкою какой-то монеты, которая очень нравилась татарскому царевичу. Оба, сбро-

[1]) Во многихъ граматахъ того времени видна примѣчательная заботливость о его благосостояніи.

снвъ съ себя тяжесть вооруженія, спѣшили освободиться отъ жара, ихъ томившаго, въ студеныхъ водахъ рѣчки. Товарищество во дворѣ великокняжескомъ, куда они каждый день ходили, будто въ школу, сближало ихъ и заставляло забывать различіе ихъ вѣръ и нравовъ (Каракача былъ еще магометанинъ).

— Отважные ребята!—сказалъ Иванъ Васильевичъ, обратясь къ царевичу татарскому и художнику, — будутъ знатные воеводы у сына моего, коли Богъ не дастъ мнѣ самому ихъ дождаться.

Эта похвала навела удовольствіе на лица обоихъ отцовъ.

— А когда жъ окрестимъ твоего сына?—спросилъ великій князь царевича.

— Придетъ пора, будетъ время, батька Иванъ, — отвѣчалъ Даньяръ.—Ты самъ не спѣшишь, да здорово дѣлаешь.

— По фряжской пословицѣ, что меня Аристотель научилъ: —«тише ѣдешь, далѣ будешь». Я и тебя не неволю. Отецъ твой и ты служили мнѣ вѣрно, хоть и не крещеные были. Ради спасенія души молвилъ только о крещеніи.

— Глупо еще дѣтко. Вотъ коли въ чистомъ полѣ срубитъ двѣ головки тверскія, такъ батырь; пора крестить и жену взять.

— Добро! а я ему и невѣсту готовлю, красота писаная! Будетъ однихъ лѣтъ съ твоимъ сыномъ

— Кто жъ такая, батька?

— Дочь воеводы Образца.

При этихъ словахъ легкое содроганіе пробѣжало по губамъ Іоанна младого, Антонъ вспыхнулъ и поблѣднѣлъ. Иванъ Васильевичъ все это замѣтилъ.

— За нее отдамъ свое дѣтко, — сказалъ царевичъ съ видимымъ удовольствіемъ.—Говорятъ, славна дѣвка! тафьи вышивать умѣетъ; почернимъ ей зубки да выкрасимъ ноготки, и хоть сейчасъ къ нашему пророку Махмуту въ рай.

Иванъ Васильевичъ очень смѣялся этому назначенію.

Шатеръ для него разбитъ, стража приставлена. Возлѣ соорудили и походную церковь полотняную (въ ней же постлали сперва кожу, а на ней *платъ*, на которой и ставили алтарь; когда жъ снимали церковь, палили мѣсто подъ нею огнемъ). Великій князь вошелъ къ себѣ въ палатку съ сыномъ, и всѣ дворчане разошлись по своимъ мѣстамъ.

Тверскую дорогу и поле съ сѣверной стороны оградили рогатками, телѣгами и стражей. Полки (были одни конные въ тогдашнее время) усѣяли окрестность такъ, что шатеръ великаго князя составилъ средоточіе ихъ. А какъ располагались тогда полки? что за *загмки*, станы были тогда? Просто разбивали шатеръ для каждаго изъ воеводъ, тутъ же ставили возъ съ полковымъ стягомъ; близъ него, на возахъ — огнестрѣльный снарядъ, состоящій изъ пищалей, и пушки, если случались. Лошадей пускали табунами на луга или засѣянныя поля, какъ попало; сами ратники располагались *десятнями* (артелями) въ виду воеводы, варили себѣ въ *опанищахъ* (мѣдныхъ котлахъ) похлебку изъ сухарей и толокна, пѣли пѣсни, сказывали сказки, и все подъ открытымъ небомъ, несмотря на дождь и снѣгъ, на морозъ и жаръ. Что имъ было до нападенія стихій? Природой и воспитаніемъ они закованы были отъ нихъ въ желѣзную броню. Лошади, рожденныя въ степяхъ

азіатскихъ, не хуже своихъ всадниковъ терпѣли непогоды и довольствовались тощею пищей.

Грустенъ, мраченъ лежалъ Антонъ въ шатрѣ Фіоравенти-Аристотеля. Во время похода онъ старался заглушить голосъ сердца занятіями своего званія. Онъ углублялся въ рощи, опускался на дно овраговъ, собиралъ тамъ растенія, которыхъ врачебную силу ужъ зналъ, и тѣ, которыя неизвѣстны были въ южныхъ странахъ: эти готовилъ онъ въ даръ мѣсту своего воспитанія. Останавливался ли въ деревнѣ, тогда черезъ *паробка* своего узналъ о вѣдяхъ и колдунахъ, о которыхъ слыхалъ отъ Аристотеля, что они хранятъ врачебныя тайны, передаваемыя изъ рода въ родъ. Нѣкоторыя изъ этихъ тайнъ успѣлъ онъ вывѣдать съ помощью ужасной власти великаго князя или золота. Такъ, возвратясь къ своимъ ученымъ занятіямъ, онъ, казалось, ставилъ крѣпкую, высокую ограду между собой и Анастасіей, которой образъ часто осаждалъ его. Предразсудки Образца, его отвращеніе къ нему, воспитаніе, отечество, вѣра, множество другихъ препятствій, около него роившихся при первой мысли о союзѣ съ ней, приходили на помощь наукѣ и разсудку, чтобы побороть чувство, которое его одолѣвало. Но когда Антонъ услышалъ имя Анастасіи въ устахъ нечистаго магометанина, — имя, которое онъ произносилъ съ благоговѣйною любовью въ храмѣ души своей, съ которымъ онъ соединялъ все прекрасное земли и неба; когда услышалъ, что дарятъ уроду-татарину Анастасію, ту, которою — думалъ онъ — никто не вправѣ располагать, кромѣ него и Бога, тогда кровь бросилась ему въ голову, и онъ испугался мысли, что она будетъ принадлежать другому. Ни-

когда еще эта мысль не представлялась ему въ такомъ ужасномъ видѣ. Такъ страстный любитель искусствъ, поэтъ-художникъ въ душѣ, ходившій каждый день въ картинную галлерею поклониться *одной* Мадоннѣ, видитъ вдругъ, что ее продаютъ съ молотка. Вотъ ужъ неземную оцѣнили торгаши; свѣтскіе люди, презрѣнные ростовщики, жиды, перебираютъ ея достоинства, находятъ въ ней погрѣшности. Любитель отдалъ бы за нее все свое имущество, отдалъ бы себя, но онъ имѣетъ мало *вещественнаго*, онъ самъ нейдетъ въ цѣну, и божественная должна принадлежать другому. Въ его душѣ отзывается уже крикъ аукціониста: «кто больше?» — съ замираніемъ сердца видитъ онъ — поднятъ уже роковой молотокъ... Въ такомъ состояніи былъ Антонъ.

За чтожъ онъ любилъ Анастасію?.. Онъ съ нею никогда не говорилъ, а для такой пламенной, глубокой любви, какова его, мало одной красоты наружной. Конечно, мало; но онъ видѣлъ въ глазахъ ея красоту душевную, пламенную любовь къ нему, что-то непостижимое, неразгаданное; можетъ быть, свое прошедшее въ мірѣ иномъ, доземельномъ, можетъ быть свое будущее, свое второе *я*, съ которымъ онъ составитъ одно въ той *обители*, которыхъ Сынъ Божій назначилъ *многія* въ дому Отца Своего. Расторгнетъ ли онъ это сочетаніе, этотъ бракъ двухъ душъ, отдастъ ли онъ другому свое второе *я* на земное поруганіе? Нѣтъ, этому не бывать.

Аристотель глазами отца видѣлъ, какъ быстрый румянецъ и необыкновенная блѣдность лица Антонова измѣнили тайнѣ его сердца, когда великій князь заговорилъ о дочери боярина, какъ потомъ неодолимая

грусть пожирала его. Встревоженный, онъ искалъ развлечь своего молодого друга и началъ разбирать съ нимъ характеръ Іоанна.

— Да, — сказалъ художникъ-розмыслъ: — qui va piano, va sano, эту родную пословицу перевелъ я когда-то великому князю на русскій ладъ. Іоаннъ много утѣшался ею, и немудрено: она выводъ изъ всѣхъ его подвиговъ. И потому хочу я выбрать ее девизомъ для медали великаго устроителя Руси.

— Не слишкомъ ли во зло употребляетъ онъ эту осторожную медленность?—возразилъ Антонъ, вызванный на поле разсужденій, отъ котораго душою былъ такъ далекъ. — Ты сказалъ мнѣ, что Іоаннъ хитрою политикой своей заранѣе все приготовилъ къ покоренію Твери. Мнѣ кажется, судя по обстоятельствамъ, стоитъ ему только нагрянуть на нее страхомъ своего имени и войска, и тотчасъ достигнетъ цѣли, для которой онъ теперь тратитъ время.

— Сколько я понимаю его намѣренія, Іоаннъ желаетъ, чтобы великій князь тверской догадался бѣжать изъ своей столицы, оставивъ ему безъ боя вѣрную добычу. Тотъ ждетъ все помощи изъ Литвы и думаетъ, что Новгородъ, недавно покоренный, не пришлетъ Іоанну своего войска. Этотъ навѣрное знаетъ, что помощи Твери ниоткуда не бывать; словомъ, своей желѣзной волей онъ приказалъ Новгороду идти на врага, и, покорный этой волѣ, Новгородъ стоитъ ужъ съ своей ратью у стѣнъ Отрочьева монастыря. Можетъ статься, великій князь, какъ ты говоришь, дѣйствительно разсчитываетъ слишкомъ осторожно: не спорю,—онъ рожденъ не воиномъ, а политикомъ. Медленность, прибавь къ этому и прозорливость, всегда уда-

вались ему; всѣ успѣхи его были слѣдствіемъ того, что онъ умѣлъ выждать удобное *для себя* время. Видно, онъ и теперь боится, или не хочетъ промѣнять на новыя, неиспытанныя орудія старое, которое ему никогда не измѣняло. Не даромъ говоритъ Стефанъ, господарь молдавскій: «Дивлюсь свату моему: сидитъ дома, веселится, спитъ покойно и все-таки бьетъ враговъ. Я всегда на конѣ и въ полѣ, и не сумѣю защищать земли своей». Да, онъ не суетится, не гарцуетъ безпрестанно на бранномъ конѣ, не кричитъ о своихъ завоеваніяхъ и намѣреніяхъ, а готовитъ тихомолкомъ, втайнѣ, дѣла великія, которыхъ исполненіе изумляетъ другихъ государей. «Удача! счастіе!» кричатъ его недоброжелатели или завистники. Удача?.. Она безъ генія можетъ разъ, другой увѣнчать государственнаго дѣлателя, полководецъ ли онъ, совѣтникъ царя или царь; но тотъ жестоко бываетъ наказанъ, кто понадѣется на нее безъ другихъ важныхъ пособій. Нѣтъ, почти всѣ успѣхи Іоанна принадлежатъ силѣ духа, твердости воли, уму хитрому, ловкому, искусству приготовлять для себя обстоятельства и пользоваться ими. Исторія, конечно, причтетъ его къ малому числу великихъ дѣлателей, которые перемѣняютъ судьбу царствъ и устраиваютъ ее на нѣсколько вѣковъ. Имя устроителя Руси, конечно, принадлежитъ Іоанну. И когда бъ не жестокій нравъ его, врожденный и усиленный воспитаніемъ и мѣстностью, то мы могли бы гордиться счастіемъ служить ему. Не намъ, слабымъ смертнымъ, пророчить его будущность: старость брюзгливая, болѣзненная, обыкновенно притупляетъ способности ума и усиливаетъ худыя склонности. Но какова бъ ни была она, Русь должна за

все, что Іоаннъ сдѣлалъ ужъ для нея, произноситъ имя его съ благоговѣніемъ. Если хочешь искать въ его царствованіи пятенъ,—отъ нихъ же слабость человѣческая не избавляетъ ни одного правителя народнаго,—такъ строгая истина укажетъ тебѣ покуда на одно, и не бездѣльное. Это пятно не вытравить жаркимъ оправданіемъ людей, ему преданныхъ; его не изгладятъ упрямые софизмы будущихъ умниковъ и тщеславная сила ихъ краснорѣчія. Черное не сдѣлаешь бѣлымъ.

Увлеченный любопытствомъ, Антонъ просилъ художника объяснить ему, за что строгая истина могла-бъ призвать Іоанна къ суду потомства. Аристотель спѣшилъ исполнить его желаніе.

— Что такое были для Руси монгольскія орды?—началъ снова Аристотель: —двухвѣковая судьба, которая налегла на эту несчастную страну всею тяжестью своего могущества. Востокъ, переполненный своимъ населеніемъ, готовъ былъ внести вмѣстѣ съ нимъ стихіи варварства, гдѣ бъ ему ни приглянулось. Ангелы Божіи спѣшили сдѣлать изъ Руси оплотъ для Запада, въ которой только-что раскидывался цвѣтъ образованности и куда манили завоевателей богатыя добычи. Итакъ, Русь была несчастною жертвой для спасенія другихъ. Когда назначеніе ея исполнилось, ей дана, еще до Іоанна, передышка. Іоанну готовилась слава освободителя своего отечества отъ двухвѣковаго ига. Вотъ какъ это было: Ахматъ, царь Золотой Орды, съ многочисленною ратью явился на Руси. По обыкновенію своему, великій князь не дремалъ. Въ богатой сокровищницѣ своего ума и воли онъ отыскалъ надежныя средства отразить ужаснаго непріятеля и

приготовилъ ихъ, какъ нельзя лучше. Одушевленіе народа, увѣренность его въ побѣдѣ, бодрость и сила войска, неискусные разсчеты Іоанновыхъ непріятелей, ошибки самого Ахмата, все соединилось, чтобы ручаться за торжество Руси. И чтожъ, когда наступилъ роковой часъ ударить, когда самъ Ахматъ видимо колебался, наступать ли ему или защищаться, Іоаннъ упалъ духомъ, — да, упалъ духомъ, это настоящее слово, — сталъ медлить, отлагать нападеніе. Правда, наступила для него рѣшительная минута, потерять ли ему плоды своихъ побѣдъ, выигранныхъ умомъ, или утвердить ихъ, быть или не быть Руси свободной. Но въ такія именно минуты и познается величіе правителя народнаго. Когда онъ самъ себѣ былъ лучшимъ совѣтникомъ въ пріисканіи великихъ мѣръ, когда успѣшно, надежно приготовлены были эти мѣры, онъ пріѣхалъ отъ войска въ Москву подъ предлогомъ совѣщаній съ матерью, съ духовенствомъ и боярами. Мать, духовенство, большинство бояръ, голосъ Божій — голосъ народа, убѣждали его сразиться съ непріятелемъ. Онъ не послушался тѣхъ, у которыхъ пріѣзжалъ просить совѣта, а послушался низкихъ царедворцевъ, умѣвшихъ пользоваться слабостью своего властителя; ихъ тайныя рѣчи льстили его упавшему духу. Вмѣсто того, чтобы утверждать народъ въ надеждѣ и бодрости, онъ только пугалъ его нерѣшительностью и рѣзкими мѣрами обезопасить свое семейство. Врагъ былъ еще очень далеко: чего-жъ было ему опасаться за близкихъ ему? Когда царь защищаетъ права и честь своего народа на войнѣ, царица должна оставаться съ народомъ, залогомъ его спокойствія, — по крайней мѣрѣ до послѣдней крайности, если у ней недостаетъ духа

умереть съ честью этого народа. Напротивъ, Іоаннъ спѣшилъ заблаговременно отправить Софію, дѣтей своихъ, изъ Москвы, далеко, въ сѣверныя области. Чудная политика, чтобы успокоить народъ!.. Осталась въ столицѣ, въ Вознесенскомъ монастырѣ, мать великаго князя, хилая старушка, и эта голова, клонившаяся ко гробу, служила народу порукою его спокойствія, около нея столпилось упованіе Москвы. Чтожъ было бъ, когда осталась Софія?.. Народъ ожидалъ, что великій князь, по примѣру Донского, поспѣшитъ ѣхать къ войску, а онъ спѣшилъ жечь посады, обвѣстивъ народъ этимъ печальнымъ знаменіемъ, что ждетъ непріятеля въ Москву. Присутствіе его въ войскѣ, которое съ нетерпѣніемъ желало видѣть его посреди себя, было лучшимъ ручательствомъ за побѣду. Вмѣсто того, чтобы ѣхать къ нему, онъ звалъ къ себѣ — опять для совѣта — начальника войска, князя Холмскаго, и сына своего Іоанна. Въ какое же время? Когда первый своимъ умомъ, мужествомъ, опытностью, славнымъ именемъ побѣдителя Новгорода, былъ главною силою войска, когда второй, любимый Русью, былъ его душою. Оставить дружину въ этотъ рѣшительный, роковой часъ казалось имъ ужаснымъ преступленіемъ, за который они должны дать отвѣтъ Богу, и оба исполнили свое дѣло: оба не послушались приказанія Іоаннова. Льстецы великаго князя обвиняли ихъ, но самъ Іоаннъ лучше понялъ ихъ подвигъ и свой проступокъ, — онъ не взыскалъ за ослушаніе и никогда не мстилъ за него. Наконецъ онъ прибылъ къ войску, и тутъ старался быть вдали отъ мѣста дѣйствія. Сталъ опять дожидаться,—чего? Чтобъ духъ воиновъ утомился бездѣйствіемъ, потерялъ бодрость —

и дождался. Войско бѣжало при первомъ движеніи Ахмата. Но Провидѣніе было на сторонѣ Руси. Ахматъ, думая, что хитрый Іоаннъ завлекаетъ его въ засаду, самъ бѣжалъ; узнавъ же о разореніи татарами его улусовъ, оставилъ вовсе Русь, чтобы защитить свои собственныя земли. И это *счастіе*, эти разсчеты свыше совѣтники Іоанновы причли къ его предусмотрительности, къ его утонченнымъ и переутонченнымъ разсчетамъ. Слова ничего не доказываютъ, если дѣла противорѣчатъ. Народъ справедливѣе славилъ одну милость Божію. «Не оружіе и не мудрость человѣческая спасла насъ, а Господь небесный», говорилъ народъ вслѣдъ за духовными пастырями, и говорилъ вѣрно. Исторія не панегирикъ: она скажетъ то же. Передаю это тебѣ не для того, чтобы омрачить величіе Іоанна; устроитель своего государства, и съ этимъ важнымъ проступкомъ, будетъ всегда великъ въ глазахъ современниковъ и потомства [1]).

— Ну, кончилъ ли объ Ахматѣ?—спросилъ кто-то рѣзкимъ голосомъ, пошевеливъ полу шатра.

Аристотель невольно вздрогнулъ и смутился: это былъ голосъ великаго князя.

Полы ставки раздвинулись, и Іоаннъ, показавъ между ними свое лицо, подернутое ироническою усмѣшкой, продолжалъ:

— Не мало стою здѣсь, а только и слышу въ рѣчи твоей: Іоаннъ, да Ахматъ, да Софья, и опять Ахматъ,

[1]) Романистъ, можетъ быть, не у мѣста увлекся описаніемъ Іоаннова проступка. Оправданіемъ мнѣ служитъ можетъ, что я желалъ принесть должную дань ислипѣ, водившей перомъ Карамзина при описаніи Іоаннова проступка, который защищаетъ г. Полевой, безъ всякихъ историческихъ и логическихъ доказательствъ.

да Іоаннъ. Не трунишь ли надъ старыми грѣхами моими?.. Крыться не хочу: было время, и я оплошалъ, оробѣлъ, самъ не знаю какъ. Кто этому теперь повѣритъ?.. Правду молвить, и было чего бояться! Въ одинъ часъ могъ потерять, что улаживалъ годами и что замышлялъ для Руси на нѣсколько вѣковъ. Господь выручилъ. Но.. по нашей пословицѣ, «кто старое помянетъ тому глазъ вонъ». Оправь меня въ этомъ дѣлѣ передъ нѣмцемъ. Спи здорово, Аристотель!

Съ этимъ словомъ Иванъ Васильевичъ опустилъ пологъ и удалился, оставя собесѣдниковъ въ немаломъ смущеніи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРОВОДЫ

Что привезъ-то я тебѣ, сватъ, дары,
Золотой ларецъ, въ немъ стрѣлы калены,
Гребешокъ самохватъ о двухъ зубахъ.
Молодцу на подъемъ, посмотрись какъ въ стекло
Что гостинцемъ однимъ сердце потѣшу,
А другимъ-то гостинцемъ спать уложу.

Старинная пѣсня

Войско Іоанново наводнили окрестность тверскую на нѣсколько десятковъ верстъ О прибытіи его возвѣщено ударомъ огромной пушки—только однимъ; отъ этого удара лихорадка забила дома и сердца тверитянъ. Молчаніе, наступившее потомъ, было еще ужаснѣе: такъ лежащему на смертномъ одрѣ природа даетъ минутный отдыхъ передъ его кончиной. Ночь одѣла городъ и окрестность своимъ мракомъ, но скорс послѣдняя заискрилась въ тысячѣ огняхъ, словно богатый парчевой покровъ, который готовятъ на знатнаго мертвеца. Что дѣлала Тверь въ эту ночь? — Что дѣлаетъ несчастная, готовясь на вдовство, безсильная отнять своего родного, своего ненагляднаго у врага всемогущаго? Только рыдаетъ и бьетъ себя въ перси.

Утро слѣдующаго дня освѣтило сотни займищъ московскихъ, на поляхъ встала безграничная колон-

нада дымовъ. Полканъ-пушка выставилъ впередъ широкую грудь свою; вотъ онъ громко привѣтствовалъ первый лучъ солнца, и его пробужденіе отозвалось въ посадѣ Твери; оно сокрушило нѣсколько домишекъ и раздавило подъ однимъ цѣлое семейство. Вслѣдъ за этимъ богатыремъ проснулись задорные ребятишки его и залепетали по-своему: подожди, Тверь, вотъ и и мы зададимъ тебѣ нечестье, коли ты чести не знаешь. По крайней мѣрѣ такъ толковали тверскіе мѣльчаки, приходившіе поглядѣть изъ-за крайнихъ гыновъ посада на непріятельскій станъ. Они видѣли, какъ заєтрѣльщики нѣмцы утверждали пищали на станкахъ и желѣзныхъ вилахъ, какъ ратники плели изъ хворосту осадные плетни и заливали ихъ смолою, какъ *десятни* (отряды), вооруженные луками, бердышами и рогатинами, описывали Тверь серпомъ со стороны Москвы. Они видѣли все это и разносили по домамъ ужасныя вѣсти. «Не устоять Твери», кричали по улицамъ небывалые юродивые: «жатва приспѣла, жнецы наготовѣ». Черный воронъ вмѣстѣ съ ними прокричалъ городу смерть на крестѣ Спаса златоверхаго и на гребнѣ великокняжескаго терема. Не менѣе вѣщіе князья и бояре, тайные доброжелатели Ивана Васильевича, распускали между народомъ и защитниками Твери о невозможности противиться силѣ московскаго князя.—«Ударитъ грозный владычною рукою, такъ сравняетъ съ землей; посыплетъ милости, что твое солнышко послѣ дождя», — говорили они. Пришелъ день, и они явились къ великому князю московскому съ покорною головой.

Тверь была ужъ покорена безъ боя. Но великій князь ея, Михайло Борисовичъ, и бояре, оставшіеся

ему вѣрными, хотѣли еще защищаться. Они заперлись съ войскомъ въ *городкѣ*, который съ одной стороны омывала Волга, съ другой Тьмака; ворота задѣланы, изъ *костровъ* (башенъ) выглянули пищали, зубцы перенизаны воинами, вооруженными смолой, каменьемъ, стрѣлами. Твердыня мертвая и живая готова принять осаждающихъ кровавымъ гостинцемъ. Слабая защита, когда надежда отступилась отъ защитниковъ и измѣна шепчетъ имъ на сердце роковое слово гибели.

Иванъ Васильевичъ стоялъ въ деревнѣ Кольцовѣ, откуда могъ видѣть Тверь какъ на ладони. Явился къ нему Хабаръ-Симской за повелѣніемъ. Онъ зналъ, что Михаіло Борисовичъ, дрожа за свою безопасность, а болѣе молодой супруги своей, внуки короля польскаго Казиміра, собирается въ слѣдующую ночь бѣжать изъ городка. Хабаръ брался захватить ихъ, и въ этомъ дѣлѣ отдавалъ голову свою порукой.

— Что мнѣ въ нихъ? — сказалъ Иванъ Васильевичъ:—кормы заключеннымъ мнѣ и такъ накладны. Пускай бѣгутъ въ Литву: измѣнники Руси измѣнниками и останутся. Отрѣзанный ломоть не прирѣжешь силою. Пустить Михайла Борисовича на всѣ четыре стороны, зналъ бы Казиміръ, что тверской его пріятель и сватъ мнѣ не опасенъ. Тверь и безъ заложника будетъ крѣпка за мною.

И въ этомъ случаѣ разсчеты его были вѣрны. Наединѣ поговорилъ онъ еще что-то съ Хабаромъ: разговоръ ихъ остался тайною.

У Хабара во всѣхъ заимкахъ были пріятели. Много чуднаго поразсказалъ онъ имъ о Твери. — Въ одно ухо нырнулъ, въ другое вынырнулъ, — говорилъ

онъ, — и Спасу златоверхому успѣлъ поклониться. Удальцы тверчане продавали и покупали мою голову, да я молвилъ имъ: «не задорьтесь, ребята, попусту, не надсаживайте напрасно груди; жаль мнѣ васъ, и безъ того чахнете: продана моя буйная головушка золотой маковкѣ Москвѣ, дешево не отдастъ, дорого вамъ нечѣмъ самимъ заплатить.»

— Ну, что, много ли полонилъ красотокъ тверскихъ? много ли бочекъ выкатилъ на волю изъ тюремъ боярскихъ?—спрашивали московскія удалыя головы.

— Полонилъ я только одну красавицу, разумную думушку,—отвѣчалъ Хабаръ:—она шепнула мнѣ полюбовное слово и вамъ велѣла молвить: родные-то мы, братцы, по святой по Руси, родные скоро будемъ и по батюшкѣ Ивану Васильевичу. Приду я къ вамъ, мои кровные, припаду къ вашимъ ногамъ: примите меня, друженьки, во свою семью. Вамъ раскрою бѣлу грудь мою: выроньте въ нее сѣмя малое, слово ласково разрастется широкимъ деревцомъ. Снимите вы голову, не плачьте по волосамъ; помилуйте, буду въ вѣкъ вамъ рабыней-сестрой.

— На то и пономарь, чтобъ къ обѣднѣ звонить, а намъ, ребятишкамъ, не въ попы же идти!—возражали прежніе товарищи Хабара-Симскаго.—Любо ль будетъ приходу, какъ станетъ зельемъ снаряднымъ кадить, кистенемъ по лбу крестить.—Попалъ ты, Хабаръ, въ воеводы, не въ уроды. Думушку ты постную изъ кельи взялъ напрокатъ; не твоя она, не срослась съ тобой, дружокъ: слышишь, зашумѣла, прокатилась, и слѣдокъ простылъ. Дума-то твоя родная, молодецкая, что разгулъ буйнаго вѣтра въ степяхъ, что размашка сокола въ вольныхъ кругахъ: эта съ тобой, словно

берегъ съ водой. Дѣвица ль, вдова ль хороша, то и наша сестрица-душа; поцѣлуешь въ уста — что хмѣлина твоя, поцѣлуешь въ другой—*сердобольникъ* [1]) что твой, а заглянешь въ стопу, и горе за лобъ. — Ты, Хабаръ, воевода Ивана Васильевича на конѣ боевомъ, а нашъ—протянувшись подъ лавкой, столомъ.

Такъ помѣнялись молодцы посылками на русскій ладъ. Бочки меду, добытыя въ окружныхъ погребахъ боярскихъ, красовались въ станѣ и глядѣли очень умильно на Хабара; рѣчи товарищей разжигали въ немъ прежнюю удаль. Но онъ помнилъ свой обѣтъ отцу, свои обязанности, какъ воинъ отрядный, и отблагодарилъ друзей только одною красаулей.

Отъ нихъ зашелъ онъ въ шатеръ Аристотеля. Съ нимъ долженъ былъ повидаться и поговорить на счетъ освѣщенія будущей ночи. Живой разсказъ его о веселой жизни въ *охотникахъ* воспламенилъ молодого лекаря и Андрюшу; оба умоляли посыльнаго воеводу взять ихъ съ собой въ ночную экспедицію. Хабаръ помнилъ услуги лекаря во дворѣ Палеолога и невольно любилъ его, несмотря на басурманство. По добротѣ души своей, сынъ Образца готовъ былъ на услуги всякаго рода. Онъ согласился принять его въ свой отрядъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы Антонъ одѣлся и остригся по-русски. Этотъ вызовъ льстилъ сердцу Антона: «*она* узнаетъ объ этомъ преобразованіи, *она* увидитъ его въ русской одеждѣ», думалъ молодой человѣкъ, дитя душою, и самъ подалъ ножницы Хабару. Пали кольца его прекрасныхъ, длинныхъ волосъ къ ногамъ посыльнаго воеводы,—и чрезъ нѣсколько мгно-

---

[1]) Такъ называютъ шиповникъ въ Тверской губерніи.

веній нѣмецъ-лекарь преобразился въ красиваго русскаго молодца. Нашли для него доспѣхи, шлемъ, латы, мечъ-кладенецъ. Воинственный нарядъ такъ шелъ къ нему, какъ будто онъ не скидалъ его никогда. Видно было, что онъ родился для ремесла воина и судьба ошибкою указала ему другое назначеніе.

— Ты берешь у меня обоихъ дѣтей моихъ,—сказалъ розмыслъ Хабару, принеся позволеніе великаго князя «молодымъ ребятамъ поохотиться», — смотри, береги ихъ, какъ родныхъ братьевъ.

На прощанье подарилъ онъ каждому изъ нихъ желѣзныхъ яблокъ, начиненныхъ порохомъ, кто сколько могъ взять, объяснивъ способы храненія и употребленія ихъ. Онъ только-что ихъ пріобрѣлъ и назвалъ «потѣшными». Яблоки эти должны были ужасно дѣйствовать на воображеніе нашихъ предковъ, видѣвшихъ бѣса во всякомъ орудіи, которое превышало ихъ понятіе; сравнивая ихъ съ нынѣшними гранатами, можно догадываться и объ ужасныхъ слѣдахъ, которые они оставляли по себѣ.

Кто посѣщалъ Жолтиковъ монастырь по дорогѣ, провожающей Тьмаку, останавливался, конечно, не разъ полюбоваться ея живописными излучинами. Васъ не поразятъ здѣсь дикіе, величественные виды, напоминающіе поэтическій мятежъ стихій въ одинъ изъ ужасныхъ переворотовъ міра; вы не увидите здѣсь грозныхъ утесовъ, этихъ ступеней, по коимъ шли титаны на брань съ небомъ и съ которыхъ пали, разбросавъ въ неравномъ бою обломки своихъ оружій, донынѣ пугающіе воображеніе; вы не увидите на слѣдахъ потопа, остывшихъ, когда онъ стекалъ съ остова земли, вѣкового дуба, этого Оссіана лѣсовъ, воспѣва-

ющаго въ часъ бури побѣду неба надъ землей; вы не услышите въ ревѣ потока, брошеннаго изъ громовой длани, вѣчнаго отзыва тѣхъ богохульныхъ криковъ, которые поражали слухъ природы въ ужасной борьбѣ созданія съ своимъ Творцомъ. Нѣтъ, васъ не поразятъ здѣсь эти дикія, величественныя картины. Скромная рѣчка, будто не смѣющая разыграться, — смиренный лепетъ водъ ея, мельница тихо говорящая, берега, которые возвращаются къ дорогѣ, лишь только, забывшись немного, убѣжали отъ нея,—лужокъ, притаившійся въ кустахъ, темный боръ, который то вздыхаетъ, какъ отшельникъ по небѣ, то шепчетъ словно молитву про себя, то затянетъ томный, сладкозвучный мотивъ, будто псалмопѣвецъ, въ глубокой думѣ перебирающій золотыми струнами своихъ гуслей; въ виду два монастыря, жилище архипастыря, кругомъ глубокое уединеніе: все напоминаетъ вамъ по вашему пути, что вы идете въ духовную обитель.

Вотъ здѣсь-то у самой дороги, провожающей рѣчку Тьмаку, стояла во время, которое описываемъ, небольшая мельница (на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и нынѣ стоитъ она). Колеса молчали: тверчанамъ и окружнымъ чернымъ людямъ, занятымъ военною тревогою, было не до житейскихъ заботъ,—не до молотья муки, когда въ жерновахъ судьбы выдѣлывалась участь цѣлаго княжества. Было время къ ночи, и потому единственные жильцы мельничной избушки, хозяинъ ея, старикъ сѣдовласый, и мальчикъ лѣтъ 12-ти, пріемышъ его, нѣмой, укладывались спать. Тишину ихъ уединенія нарушалъ только переговоръ рѣчки, которая, съ жалобою на свое заключеніе, слезилась кое-гдѣ сквозь плотину. Вдругъ мальчикъ сталъ прислушиваться, зама-

халъ рукою и замычалъ. Слухъ нѣмого былъ чрезвычайно остеръ; жалкіе звуки всегда вѣрно давали знать о приближеніи посѣтителя или прохожаго. И нынѣ эти предвѣщанія, заставившія старика выглянуть въ окно, вскорѣ оправдались. Послышался топотъ конницы. Старикъ зажегъ лучину, и свѣтъ отъ нея, выпадавшій изъ окна на лѣвый берегъ рѣчки, безпорядочно освѣтилъ толпу всадниковъ. Одинъ изъ нихъ сошелъ съ лошади и просилъ мельника голосомъ, не смѣвшимъ громко обнаружиться, чтобы онъ показалъ имъ дорогу черезъ плотину. Просьба эта была немедленно исполнена, и всадники, которыхъ мельникъ насчиталъ десятковъ до десяти, перебравшись черезъ плотину, расположились на правомъ берегу Тьмаки. Болота и выкопанные между ними рвы охраняли съ этой стороны отъ нападенія непріятеля. Оставшіеся на лѣвомъ берегу всадники, можетъ быть до двадцати, засѣли на мельничномъ дворѣ и въ самой избушкѣ. Это была тверская дружина, которую князь Михайло Холмскій (родственникъ московскаго воеводы, *служебнаго* князя Данилы Дмитріевича), одинъ изъ вѣрнѣйшихъ слугъ своего государя, почти неволею набралъ и отрядилъ сюда. Ратники, ее составлявшіе, пришли будто на погребальную процессію, и не мудрено: ихъ нарядили не защищать своего князя въ стольномъ градѣ, у гробовъ его вѣнчанныхъ предковъ, подъ сѣнью Спаса златоверхаго, а проводить человѣка, который пересталъ быть ихъ государемъ и добровольно, безъ боя, оставляетъ ихъ на произволъ другого, уже побѣдителя однимъ своимъ именемъ. Не простившись по-добру по-здорову съ своими подданными, ночью, какъ тать, украдывая отъ нихъ великаго князя и святость всего,

что съ этимъ именемъ соединяется, онъ бѣжитъ робкимъ изгнанникомъ въ землю литовскую, искони вражескую. Этимъ постыднымъ бѣгствомъ не разрѣшаетъ ли ихъ присягу? Довольно и этой мысли, чтобы потерять бодрость. Къ ней примѣшались убѣжденія и подкупъ Іоанновыхъ недоброжелателей, слухи о милостяхъ, которыми сильный и богатый московскій великій князь, неминуемый ихъ властитель, станетъ осыпать тѣхъ, кто скорѣй перейдетъ на его сторону, и слухи о казняхъ, которыя падутъ на упрямыхъ и опоздалыхъ. Не прошло часа, какъ большая часть ихъ, одинъ за другимъ, подъ разными предлогами, выбралась за кусты, направила путь свой вверхъ по лѣвому берегу рѣчки и въ удобномъ мѣстѣ перебралась въ займища московскія. Они потому только этого прежде не сдѣлали, что изъ города не было возможности перебраться туда безопасно. Какой-нибудь десятокъ храбрыхъ воиновъ, оставшихся въ кустахъ, не измѣнилъ покуда своему долгу. И была важная тому причина, — сонъ ихъ одолѣлъ. Они предались ему, затрубя во славу князя Михаила Борисовича и Ивана Васильевича, безъ различія, кто кому приснился.

Голова этой дружины ничего не подозрѣвалъ; онъ сидѣлъ спокойно въ избѣ, обращая рѣчь то къ мельнику, то къ *сотскимъ* и *десятскимъ*, которые съ нимъ были, или прислушивался. Къ полночи поджидалъ онъ условнаго знака со стороны старицкой дороги.

— Что это, сынишка твой?—спросилъ онъ мельника, указывая на мальчика.

— Пріемышъ, батюшка. Вотъ въ *Успожино говѣйно* [1]) минетъ три года, нашелъ я его въ монастыр-

[1]) Успенскій постъ.

скомъ лѣсу. Словечка не выронилъ, — знать, *обошелъ* его *лѣсовикъ*. Съ того денечка нѣмъ, аки рыба. Ни роду, ни племени не обыскалось, такъ я ему, вѣдаешь, сталъ родной.

Тутъ начались разсказы тверскихъ воиновъ о разныхъ нѣмыхъ, которые такими сдѣлались, потому что ихъ *обошелъ* лѣсовикъ.

— А что лѣсовикъ съ твоимъ *хозяиномъ* ладитъ?— спросилъ опять голова.

— Грѣхъ молвить, помянуть его лихомъ незачто; да и насъ непрочто обиждать; палаты его брусяныя бережемъ, безчестья ему не кладемъ.

— Чай, въ гостяхъ у тебя, дѣдушка, бывалъ?

— Не безъ того, родимый.

— Самъ зашелъ, или ты позвалъ его милость? угостилъ ты его калачомъ или пестомъ?—смѣясь спросилъ одинъ изъ сотскихъ, вольнодумецъ, esprit-fort того времени, сидѣвшій у самаго окна.

— Не шути про него шутокъ, бояринъ: какъ аукнется, такъ и откликнется, — отвѣчалъ мельникъ.

Въ это мгновеніе что-то сильно заскребло у окна, и сотскому послышались тысячи шаговъ въ лѣсу.

Этими звуками подрало по кожѣ храбраго воина.

— Смотри-ка! — вскричалъ голова, надсѣдаясь со смѣху, — на сотскомъ лица нѣтъ, кошки испугался.

— На то и голова ты, что удалѣе насъ,—отвѣчалъ съ сердцемъ сотскій, отодвинувшись отъ окна.

— Ну-ка, старина,—сказалъ голова, обращаясь къ мельнику, — распояшься, разскажи-ка намъ, какъ лѣсовикъ побывалъ у тебя въ гостяхъ.

— Пожалуй, коли это милости твоей въ угоду. Было это въ запрошлое лѣто о Николѣ съ *мостомъ*,

въ ночную пору, хоть-бы теперь, — въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать. Морозъ былъ лютый, осерчалъ, аки голодный звѣрь, носу не высунешь на дворъ, такъ и хватаетъ когтями; избушка моя то и дѣло надувалась да охала, словно кто ее дубиной по ребрамъ колотилъ. Часъ мѣста спустя, и поотдало малое толико. Откуда ни возьмись вихорь, застоналъ, завертѣлъ, поднялась и мятелица, аки рать конная скачетъ и гонитъ одна другую, аки нити у проворной мотальщицы на воробѣ, не знать, съ неба ли падаетъ снѣгъ, али съ земли подымется, зги Божьей не видать. Пріемышъ мой спалъ; мнѣ было не до сна, — того и гляди крышу снесетъ и по бревну животы размечетъ. Щепаю себѣ лучину, а сердце такъ и ходитъ ходенемъ. Вдругъ слышу, что-то сзади меня пахнуло холодомъ, инда поперекъ меня хватило, смотрю, стоитъ передо мной старикъ — высокій, сѣдой, голова встрепанная, аки у сосны, борода по колѣно, не менѣе доброй охапки чесанаго льну, бѣлехонька, словно у нашего брата, коли сутокъ двое безвыходно помелешь; глаза сѣрые, такъ и нижутъ тебя насквозь, тулупъ шерстью вверхъ. Нечего грѣха таить, языкъ отнялся, ноги словно кто ихъ пригвоздилъ къ землѣ. — «Не бось», — молвилъ онъ, — «зашелъ къ тебѣ погрѣться; съ той поры, какъ выростилъ лѣсокъ, такой погоды не видывалъ».—И сталъ онъ грѣться у печурки, растопыривъ свои костлявые пальцы. Погрѣвшись немало-немного, учалъ собираться во-свояси. — «Спасибо», — молвилъ онъ, — «николи не забуду твоего добра». — Съ того времени, осударь ты мой, не видывалъ его. Только слово свое лѣсовикъ сдержалъ. Мужички, что ѣздятъ ко мнѣ муку молоть, не нахва-

лятся добрымъ человѣкомъ: въ непогодь встрѣтитъ ихъ у лѣсу да проводитъ до меня; у котораго кляченка зартачится, лишь руку подложитъ къ санямъ, такъ пошла себѣ, будто къ ней жеребца припрягли. И дорожки-то ко мнѣ всегда гладки да катки, словно по первому бѣло-путу, и...

Вдали послышался стонъ, и повторился.

— Не ваши-ль сторожа на большой дорогѣ окликаютъ насъ? — спросилъ голова.

— Прискакалъ бы сюда посыльный — сказалъ сотскій.

— Посмотри-ка въ окошко.

Сотскому стыдно было ослушаться. Съ предчувствіемъ чего-то худого отодвинулъ онъ волоковое окно, и вдругъ съ крикомъ отпрянулъ назадъ. Не одинъ онъ, многіе ратники, самъ голова, видѣли, какъ посыпались искры въ окно и выглянулъ въ него сѣдой старикъ, съ длинною, бѣлою бородой.

Никто не смѣлъ пошевелиться. Окно стояло открыто. Двухъ, трехъ мгновеній не прошло, показалась опять ужасная личина старика. На этотъ разъ онъ крикнулъ гробовымъ голосомъ:

— Убирайтесь вонъ отсюда, да черезъ плотину. Къ моему лѣсу не подходить, не то косточекъ не соберете.

И скрылся.

Дрожь проняла воиновъ; казалось, и взглянуть боялись другъ на друга, не только что подняться съ мѣста, такъ перепугалъ ихъ лѣсовикъ. Они сидѣли на лавкахъ, словно омертвѣвшіе.

Вслѣдъ за тѣмъ покатился кубаремъ огонекъ и захохоталъ, будто сотни вѣдьмъ на шабашѣ. Казалось,

по лѣсу деревья ломались. Въ стѣну такъ ударило, что стѣны задрожали, косякъ у окна разлетѣлся въ щепы и осколкомъ своротило лицо у одного ратника. Тутъ бросились всѣ вонъ изъ избы, на ногахъ, на четверенькахъ, падая другъ на друга, перелѣзая другъ черезъ друга, бросались на дворъ за лошадьми, толкались съ тѣми, которые спали на дворѣ и, встревоженные со сна, выбѣгали куда попало, хватались за первую лошадь, какая попала, брались за узду, за хвостъ. Перепуганныя лошади кидались со двора на плотину, въ лѣсъ, съ грохотомъ падали въ воду; хозяева ихъ, стѣсняясь на плотинѣ, толкая другъ друга, падали туда-жъ. Суматоха была ужасная. Дружина, лежавшая на правомъ берегу рѣчки въ кустахъ, также переполошилась. Не зная что за тревога, бѣжали на плотину, сшибались съ встрѣчными, отъ страха рубили другъ друга и по воздуху Вслѣдъ имъ лѣсовикъ сверкалъ своими огненными очами то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ; пламя сыпалось кубаремъ, ранило, мертвило бѣгущихъ; адскій хохотъ разсыпался за ними и перекатывался по водамъ и лѣсу въ сотняхъ отзывовъ. Черезъ нѣсколько минутъ отъ дружины, которая должна была охранять проводы великаго князя тверскаго, осталось на мельницѣ и въ окружности ея, на нѣсколько *человѣчьихъ саженъ*, только съ десятокъ раненыхъ, убитыхъ, утопленныхъ въ рѣкѣ, погруженныхъ въ болота. Прочіе всѣ по-добру, по-здорову уплелись прямо къ великому князю московскому. Во время своего бѣгства видѣли они, какъ въ разныхъ концахъ Твери зажглися огненные языки и начали перебѣгать по кровлямъ, они слышали, какъ пушечные громы порывались все болѣе и болѣе въ посады и по-

днялись вопли набата. Скоро присоединились къ этому отпѣванію тверскаго княжества крики осаждающихъ и стоны народа.

Кругомъ мельницы наступила тишь. Но мельникъ, обезумленный всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ, ни живъ, ни мертвъ, стоялъ все еще на одномъ мѣстѣ, посреди избы, и творилъ молитвы. Въ такомъ положеніи застали его новые гости. Это были двое вооруженныхъ молодцовъ; они несли торжественно на рукахъ маленькаго лѣсовика и посадили его на лавку. Между ними начался такой смѣхъ, что они вынуждены были подпереть себѣ бока.

— Ну, спасибо, дѣдушка, пособилъ намъ, — сказалъ маленькій лѣсовикъ.

Старикъ ничего не понималъ изъ этого явленія и не зналъ, что отвѣчать.

— Исполать тверскому храброму воинству! — сказалъ одинъ изъ пришедшихъ ратниковъ: —бѣжало отъ лошадинаго хвоста.

Тутъ Андрюша (ибо это былъ онъ, опушенный бѣлыми хвостами, которые отрѣзали на этотъ случай отъ двухъ лошадей и припутали ему на скорую руку къ подбородку и на голову), тутъ Андрюша снялъ всѣ атрибуты лѣсовика и явился передъ мельникомъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Къ этимъ нежданнымъ гостямъ присоединилось еще нѣсколько десятковъ изъ удалой дружины Хабара-Симскаго, и пошли разсказы о томъ, кто и какъ дѣйствовалъ въ этой чудной побѣдѣ. Насмѣявшись досыта и заплативъ мельнику лошадьми, которыя остались на дворѣ, за поврежденіе избушки и за будущіе похороны убитыхъ, охотники спѣшили къ другому дѣлу. Андрюша и двое ратни-

ковъ, которымъ онъ былъ порученъ, отряжены къ Хабару съ донесеніемъ объ удачѣ; остальные присоединились къ сотнямъ, разставленнымъ въ лѣсу такъ, что по первому условному знаку могли собраться, куда этотъ знакъ призывалъ ихъ.

Между тѣмъ Хабаръ-Симскій съ лекаремъ Антономъ и нѣсколькими десятками ратниковъ дѣлалъ свое дѣло. Они сняли два дозора (по нынѣшнему пикеты), немногочисленные, стоявшіе у выѣзда изъ посада затьмацкаго и поближе къ бору, и передали бѣжавшихъ засадѣ охотниковъ, которые, въ свою очередь, приняли и проводили ихъ порядкомъ къ Жолтикову монастырю. Перебравъ смертныя ступени по этой лѣстницѣ, тверскіе всадники на концѣ ея не досчитались у себя многихъ. Когда посыльный воевода убѣдился этими проводами и донесеніемъ Андрюши, что дружина московская обезпечена со стороны затьмацкой, онъ сталъ дозоромъ съ малымъ числомъ своихъ удальцовъ на томъ самомъ мѣстѣ, у выѣзда изъ посада, на которомъ стояли сбитые тверчане. Отсюда закинулъ неводъ всадниковъ по Тьмаку съ одной стороны и по Волгу съ другой. Дорогой рыбкѣ нельзя было ускользнуть. Ожидали тони богатой.

— Ѣдутъ,—сказалъ Андрюша, котораго отвага, ничѣмъ неудержимая, занесла ближе къ посаду,—я первый услыхалъ, скажите это отцу моему и Ивану Васильевичу.

Въ самомъ дѣлѣ, послышался бѣгъ лошадей, и вскорѣ нѣсколько всадниковъ зароилось въ темнотѣ и поровнялось съ Хабаромъ.

— Кто ѣдетъ? — вскричалъ онъ.

— Свои, — смѣло отозвался одинъ изъ всадниковъ.

— А вы? — спросилъ дрожащій голосъ.

— Твои провожатые, господине, — отвѣчалъ Хабаръ, догадавшійся, что это былъ голосъ великаго князя тверского, хилого старика, и свиснулъ посвистомъ соловья-разбойника.

На этотъ знакъ разставленная имъ цѣпь собралась около него въ нѣсколько мгновеній. Темнота не позволяла различать лица.

— Ко мнѣ ближе, господине, — сказалъ Хабаръ, — подлѣ меня путь тебѣ чистъ.

Великій князь Михайло Борисовичъ отдѣлился отъ своихъ дворчанъ и подъѣхалъ подъ крыло Хабара, ведя за собою другого всадника.

— Ради Бога, поберегите мою княгиню, — сказалъ онъ. — Господи, прости мои прегрѣшенія!

— Обо мнѣ не безпокойся, — отозвался смѣлый женскій голосъ.

Къ сторонѣ княгини подъѣхалъ Антонъ. Такимъ образомъ драгоцѣнный залогъ былъ подъ мечами двухъ сильныхъ молодцовъ, которые, въ случаѣ нужды, могли поспорить о немъ, одинъ съ двоими. Дворчанъ великаго князя окружила дружина Хабара. Холмскій, ничего не подозрѣвая, ѣхалъ въ нѣсколькихъ саженяхъ позади. Онъ безпокоился болѣе мыслью о погонѣ изъ города и нерѣдко останавливался, чтобы прислушаться, не скачутъ ли за ними.

Тронулся поѣздъ; молчаливъ былъ онъ. Только изрѣдка Михайло Борисовичъ нарушалъ это молчаніе, умоляя ѣхать тише, чтобы дать ему вздохнуть, и творя жалобнымъ голосомъ молитвы.

Лишь только стали они подъѣзжать къ бору, загрохотали пушки къ сторонѣ московской, въ го-

родѣ ударили въ набатъ и начали посады освѣщаться.

Лошадь у Михайлы Борисовича оступилась, но Хабаръ успѣлъ схватить ее за узду, поддержалъ ее и тѣмъ спасъ великаго князя отъ паденія.

Предметы начали выступать изъ мрака.

Великій князь взглянулъ на своего спутника, взглянулъ на спутника великой княгини и опять на своего. Лица незнакомыя, оба съ мечами наголо, кругомъ его дворчанъ все чужіе! Онъ обомлѣлъ: смертная блѣдность покрыла щеки его; несчастный старикъ готовъ былъ упасть въ обморокъ, и остановилъ своего коня. Молодая княгиня, ничего не понимая, смотрѣла съ какимъ-то ребяческимъ кокетствомъ на своего пригожаго оруженосца. Она была въ мужской одеждѣ,—прекраснѣе мальчика не видано, — но литвянка умѣла ловко выказать, что она женщина.

Передъ Холмскимъ развернулась вся эта ужасная игра: государь его былъ въ плѣну.

— Мы въ засадѣ,—закричалъ онъ,—други, выручимъ нашего великаго князя, или умремъ съ нимъ!

На этотъ голосъ дворчане вынули свои оружія и стали было выпутываться изъ сѣтей, которыми ихъ окружили.

Хабаръ свиснулъ, и лѣсъ родилъ сотню молодцовъ.

— Не горячись попусту, князь, если хочешь добра и живота своему господину, — крикнулъ онъ, задерживая лошадь Михайлы Борисовича.—Не проливай крови напрасно, побереги голову его; не то разомъ слетитъ.

Онъ еще разъ свиснулъ, и другая сотня выступила изъ бору.

— Видишь, вашихъ ни одного, моихъ родятся тысячи, коли надо. Тверская дружина, что ты поставилъ на мельницѣ, вся разбѣжалась и передалась уже нашему великому князю. Ни теперь, ни впередъ, Михайлѣ Борисовичу нечего ждать отъ Твери. Знай москвичей: они умѣютъ добывать честь и славу своему государю и, коли нужно, умѣютъ провожать съ честью и чужихъ князей.

Что можно было дѣлать горсти противъ неравнаго числа? Послѣдніе защитники великаго князя опустили оружіе, князь Холмскій склонился на переговоры.

Хабаръ оборотился къ великому князю тверскому.

— Время дорого для тебя и бывшей твоей Твери, Михайло Борисовичъ,—сказалъ посыльный воевода,— видишь, какъ она затеплилась. Это пламя отъ гнѣвныхъ очей Ивана Васильевича; оно сокрушитъ домы Божіи, домы богатыхъ и бѣдныхъ: погаси это пламя, ты одинъ можешь. Тверчане были твои дѣти: неужели отецъ, оставляя ихъ, хочетъ отъ нихъ проклятія, а не благословеннаго помина? Слышишь вопли ихъ? Они на прощаніе молятъ тебя о милости: спаси жилища ихъ, дѣтей, женъ, спаси ихъ отъ неповинной крови и огня. Поставь вмѣсто этихъ огней, что ходятъ по кровлямъ, слово милости, какъ свѣчу передъ образомъ Господа нашего.

Въ началѣ этихъ убѣжденій страхъ и нерѣшительность изображались на лицѣ Михайлы Борисовича; наконецъ, тронутый, онъ сказалъ:

— Чтожъ мнѣ дѣлать? научи.

— Вотъ что. Пошли тотчасъ съ моимъ гонцомъ князя Холмскаго въ Тверь и вели ему скорѣе, именемъ твоимъ, отпереть ворота городскія великому

князю московскому Ивану Васильевичу и бить ему челомъ отъ тверчанъ, какъ своему законному государю.

— Съ кѣмъ же я и княгиня останемся?—сказалъ робкій старецъ.

— Насъ тебѣ нечего опасаться. Мы не въ плѣнъ пришли взять князя тверского, а проводить съ честью Михайлу Борисовича, шурина великаго князя московскаго. Въ плѣну и безъ того довольно князей у нашего господина: Иванъ Васильевичъ велѣлъ то же сказать тебѣ. Мои молодцы, сурожане и суконники московскіе, проводятъ тебя до перваго яму и до второго, коли тебѣ полюбится. Выбери самъ провожатыхъ, сколько въ угоду тебѣ. За одинъ волосъ твой будутъ отвѣчать головой своей. Порукою тебѣ въ томъ Пречистая Матерь Божія и Спасъ милостивый.

Здѣсь онъ перекрестился.

— Коли не вѣришь, я, Хабаръ-Симскій, отдаюсь безъ оружія *опащикомъ* [1]) князю Холмскому.

— За Хабара я поручителемъ,—сказалъ Холмскій.

Кто на мѣстѣ великаго князя тверского, бездѣтнаго, безнадежнаго, окруженнаго измѣною, въ его старыхъ лѣтахъ, не согласился бы на предложеніе московскаго воеводы?

Скинувъ шапку и тафью свою, трижды осѣнясь крестомъ, вѣнчанный старецъ, въ виду зарева своего стольнаго города, передалъ домъ святого Спаса и великое княжество Тверское властителю всея Руси. Трогательна была рѣчь его, словно духовное завѣщаніе умирающаго. Слезы текли по блѣдному, изне-

---

1) Заложникомъ, аманатомъ.

моженному лицу, и нѣсколько разъ рыданія прерывали ее.

Проѣзжая мимо Жолтиковскаго бора, вспомните, что подъ мрачнымъ навѣсомъ его совершилась эта передача.

— Кабы у меня было поболѣе такихъ слугъ,— сказалъ Михайло Борисовичъ, обнимая Хабара на прощанье,—Тверь была бы крѣпка за мною.

Литвянка обратила голову, чтобы не показать слезъ, выпадавшихъ изъ ея глазъ, потомъ протянула руку Хабару въ знакъ своего благоволенія. Этотъ не поцѣловалъ руки и сказалъ съ гордостью:

— Не взыщи, у чужой господыни руки не цѣлую.

Покраснѣла княгиня до бѣлка глазъ, и дуги ея черныхъ бровей сошлись отъ негодованія.

— Ну, такъ мнѣ эту хорошенькую ручку, — воскликнулъ Андрюша, слѣзши съ лошади и снявъ свой шлемъ.

Бѣлую ручку подали ему съ большимъ удовольствіемъ и обняли пригожаго воина-мальчика

— Кто жъ проводитъ насъ? — сказала княгиня, обративъ съ живымъ участіемъ на Антона огненные глаза свои.

Хабаръ спѣшилъ отрядить достаточное число охотниковъ, которые должны были сопутствовать бывшему тверскому властителю до перваго яма; самъ спѣшилъ съ Холмскимъ въ городъ, чтобы остановить разливъ пламени и напрасное кровопролитіе. Антонъ поѣхалъ съ ними; пора было ему исполнять обязанности врача (объ этомъ онъ едва ли не забылъ). Онъ былъ очень радъ, что избавился обворожительныхъ очей Казими-

ровой внучки, не опасныхъ, но затруднительныхъ. Вмѣсто него неизбѣжный Андрюша напросился въ проводники. Зато на первомъ привалѣ, въ рощѣ, колѣна прекрасной литвянки служили ему изголовьемъ: утомленный, заснулъ онъ на нихъ, какъ на колѣняхъ матери, сномъ крѣпкимъ, сномъ ангельскимъ. И жаркій, тревожный поцѣлуй не возмутилъ его чистыхъ видѣній.

На другой день княгиня и князь убѣждали Андрюшу проводить ихъ еще верстъ съ десятокъ. Онъ согласился.

Князь ѣхалъ въ повозкѣ, высланной къ нимъ на встрѣчу съ перваго яма. Княгиня ѣхала съ Андрюшей верхомъ. Прекрасныя дѣти, конечно братъ и сестра! сказали бы вы, смотря, какъ они рѣзвились, обгоняли другъ друга, останавливались въ рощахъ слушать пѣніе пташекъ. Казимірова внучка забыла о потерянномъ царствѣ и, казалось, радовалась своей свободѣ, будто птичка, выпущенная изъ золотой клѣтки. Въ Твери сокрушало ее тюремное заточеніе; все тамъ было ей такъ чуждо; въ Литвѣ ожидаютъ ее родина, друзья, родные, жизнь привольная. Мысль эта веселила ее, молодую, живую, еще гостью на пиру жизни.

Когда Андрюша прощался съ изгнанниками, его уговаривали ѣхать съ ними въ Литву.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—не могу, я русскій.

Остальную повѣсть о покореніи Твери докажу вамъ словами историка [1]).

«Тогда епископъ, князь Михайла Холмскій, съ другими князьями, боярами и земскими людьми, со-

---

[1]) И. Г. Р., т. VI, стр. 173.

хранивъ до конца вѣрность своему законному властителю, отворили городъ Іоанну, вышли и поклонились ему, какъ общему монарху Россіи. Великій князь послалъ бояръ своихъ и дьяковъ взять присягу съ жителей, запретилъ воинамъ грабить... въѣхалъ въ Тверь, слушалъ литургію въ храмѣ Преображенія, и торжественно объявилъ, что даруетъ сіе княжество сыну, Іоанну Іоанновичу, оставилъ его тамъ и возвратился въ Москву. Черезъ нѣкоторое время онъ послалъ бояръ своихъ въ Тверь, въ Старицу, Зубцовъ, Опоки, Клинъ, Холмъ, Новгородокъ, описать всѣ тамошнія земли и раздѣлить ихъ на сохи для платежа казенныхъ податей. Столь легко исчезло бытіе Тверской знаменитой державы, которая отъ временъ святого Михаила Ярославича именовалась *великимъ* княженіемъ и долго спорила съ Москвою о первенствѣ!»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

РАЗРЫВЪ-ТРАВА

Глухимъ предчувствіемъ томимый,
Оставя спутниковъ своихъ,
Пустился въ край уединенный
И ѣхалъ межь пустынь лѣсныхъ,
Въ глубоку думу погруженный, —
Злой духъ тревожилъ и смущалъ
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шепталъ:
«Убью!.. преграды всѣ разрушу ..»
«Русланъ и Людмила»

Въ повѣсти нашей видѣли мы двѣ враждующія партіи: боярина Мамона противъ семейства Образца, и рыцаря Поппеля противъ лекаря Эренштейна; не говорю уже о тайныхъ, ненавистныхъ нападкахъ отца на сына, возмущающихъ душу. Однимъ внушалъ способы нападенія самъ демонъ злобы и зависти; другіе, исполняя только свой долгъ, отражали ихъ силою и благородствомъ духа. Покуда, первые ничего не успѣли, если исключить басурманскій духъ, котораго засадилъ въ домъ Образца Мамонъ на горе его и бѣду нѣжно-любимой дочери. Они воспользовались отсутствіемъ великаго князя и главныхъ противниковъ своихъ, чтобы сыскать новыя, вѣрнѣйшія орудія съ адской закалкой. Всѣ средства были перепытаны въ умѣ и сердце изо-

брѣтательныхъ на зло. И на него родятся геніи. Мщеніе любви присоединило въ этой партіи новое лицо, вдову Селинову. Изъ жертвы она дѣлается жрецомъ, остритъ ножъ на гибель Хабара, ищетъ ядовъ, чтобы известь его. Между ними вертится всесвѣтный переводчикъ, готовый услужить *и нашимъ*, *и вашимъ*, и даже своему непріятелю, лишь бы услужить. Все кругомъ Антона и Анастасіи ковало на нихъ ковы, а они, простодушные, невинные, ничего не подозрѣвали, ничего не вѣдали, что около нихъ дѣлается, не видѣли, не слышали демонскихъ угрозъ.

Бартоломей не замедлилъ свести Поппеля съ Мамономъ. Вѣтренный, вздорный рыцарь и злой бояринъ скоро сошлись. Этотъ имѣлъ въ немъ надобность и старался тѣшить его тщеславіе особенными знаками уваженія и ловкою игрою угожденій. Тому нужно было на чемъ достойно опереть свое тщеславіе, и онъ доволенъ былъ, найдя эту опору на плечѣ боярина, клеврета Іоаннова. А тайное влеченіе другъ къ другу подобныхъ душъ? и его надо считать сильной амальгамой въ этой связи. Золото не иначе можетъ сообщаться съ нечистымъ металломъ, какъ посредствомъ другого благороднаго металла; а тутъ ковачу нетрудно было разомъ соединить два однородныя вещества. Разница была только въ легкости и тяжести того и другого. Вмѣстѣ соединенные, они представляли одно нечистое цѣлое, на которомъ незамѣтна была и спайка неискуснаго ремесленника. Чего жъ искалъ Мамонъ въ рыцарѣ?

Вы помните, бояринъ готовился на судебный поединокъ съ своимъ смертельнымъ врагомъ. Онъ зналъ, что иноземцы искусные бойцы на мечахъ (это не-

давно доказалъ одинъ литвинъ, побѣдившій въ полѣ знаменитаго русскаго бойца единственно ловкостью, отъ чего Иваномъ Васильевичемъ, съ того времени, и строго запрещено было русскимъ биться съ иноземцами); онъ слышалъ, что въ свитѣ посла находится такой мастеръ, и возымѣлъ неодолимое желаніе брать у него уроки. Этого нельзя было сдѣлать безъ дозволенія Поппеля. Сойдясь съ нимъ черезъ переводчика, рыцарь съ удовольствіемъ далъ не только это позволеніе, но и самъ — знаменитый боецъ, какъ себя величалъ — вызвался усовершенствовать его въ искусствѣ управлять мечомъ.

— Сынъ Образца долженъ погибнуть, — говорилъ онъ.

— А за что? — спросили бы, — вѣдь вы не знаете его даже въ лицо.

— За что?—отвѣчалъ бы онъ,—за что?.. я желаю добра другому... я сказалъ, что тотъ долженъ погибнуть, и этого перемѣнить нельзя. Вотъ увидите.

Право, бываютъ такіе чудаки; бываетъ еще и то, что отъ такихъ словъ, сказанныхъ наобумъ и потомъ поддержанныхъ коварствомъ и силою, безвинно гибнетъ несчастный, опутанный со всѣхъ сторонъ сѣтьми, — гибнетъ съ нимъ и честь его, и память.

Сначала благородный рыцарь усердничалъ Мамону изъ желанія ему добра, и зла человѣку, котораго онъ не зналъ, потомъ онъ усилилъ это доброжелательство, узнавъ въ противникѣ молодого человѣка съ воинскими достоинствами и съ заслугами отечеству. Завистнику всегда кажется, что тѣнь великаго человѣка можетъ упасть на него и его заслонить отъ глазъ толпы, хотя они идутъ и разными путями; а завистнику то и дѣло

кажется, что толпѣ нѣтъ другой работы, какъ смотрѣть на его величіе. Надо высокаго человѣка долой, и какъ можно скорѣе!.. Наконецъ отъ этой мысли, двигавшей усердіемъ рыцаря къ Мамону, перешелъ онъ къ желанію дѣлать зло Хабару изъ желанія себѣ добра. Онъ обѣщалъ помогать его мщенію; въ замѣну благородный, признательный Мамонъ, узнавши, что лекарь Антонъ помѣха для его благополучія, клятвенно обѣщалъ ему сбыть эту ничтожную пѣшку, лишь бы самому остаться побѣдителемъ на *полѣ*. И самъ простодушный основщикъ знакомства ихъ, всесвѣтный угодникъ Бартоломей, не могъ никогда и помыслить, что на его основѣ выткутся такіе яркіе узоры.

Мало было для Мамона обыкновенныхъ, естественныхъ пособій человѣка, чтобы сокрушить врага, онъ искалъ ихъ въ мірѣ сверхъестественномъ, прибѣгалъ за ними къ демону. Онъ слышалъ, что адепты жидовской ереси, имѣющіе свое гнѣздо въ Москвѣ, владѣютъ тайнами кабалистики или чернокнижія, творящими чудеса, и рѣшился прибѣгнуть къ силѣ этихъ чаровѣдцевъ.

Мы говорили ужъ, что пытливая любознательность XV вѣка, доходившая до изступленія, тревожила тогда почти все народонаселеніе Европы. Заслуги ея неисчислимы: кто ихъ не знаетъ? Но мало было для нея, что она увѣковѣчила мысль, освободила ее отъ кабалы давности, отъ власти папизма, дала человѣку на моряхъ неусыпнаго вожатаго и свела для него громовержца на землю; мало, что подарила человѣчеству новый міръ на его родной планетѣ; нѣтъ, эта всепожирающая пытливость ума захотѣла еще завоевать небо и похитить у него тайны, никому и никогда недоступныя. Эта за-

раза неминуемо должна была перенестись и на Русь черезъ дипломатическія сношенія, родственныя связи съ однимъ западнымъ дворомъ и черезъ искателей приключеній и личныхъ выгодъ. Подъ формами жидовской ереси, она дѣйствительно перенеслась къ намъ. Сначала Кіевъ получилъ ее отъ жида Схаріа, «умомъ хитраго, языкомъ остраго», потомъ Новгородъ отъ него же; отсюда побѣда перенесла ее въ Москву. Новыя, свѣжія сѣмена ея ввезены потомъ въ поѣздѣ Елены, дочери Стефана великаго (какъ звали его у насъ, воеводы волошскаго). «Сталася та бѣда изъ Угорьскія земли»,— говоритъ лѣтописецъ. Дьякъ Курицынъ, умный, тонкій, но любознаніемъ увлеченный до простодушнаго слѣпаго довѣрія, привилъ къ сердцу своему эту заразу въ Венгріи и разнесъ, куда только могъ. Въ этомъ случаѣ на мудреца, по пословицѣ, нашла какая-то дѣтская простота, и только въ этомъ случаѣ; дипломатическія заслуги его Іоанну III, достойно оцѣненныя, ручаются за его ловкій, глубокій умъ. И опять надо сказать, причиною этого простодушнаго довѣрія была та же любознательность, всепожирающая, та же пытливость ума, которая овладѣла и геніальными единицами, и грубыми массами XV вѣка. Знаніемъ кабалистики хвалился Схаріа. Онъ разгадывалъ тайны жизни и смерти, а жаждою разрѣшить ихъ часто мучился умный дьякъ, и потому бросился онъ въ этотъ хаосъ, взявъ вожатаемъ своимъ хитраго жида. Сильный примѣръ дьяка, примѣръ самой супруги Іоанна младого, Елены, обольщенной ложнымъ ученіемъ, коварство и ловкость миссіонеровъ, легковѣріе, умъ и глупость, соединясь вмѣстѣ, образовали наконецъ ту жидовскую ересь, которая угрожала было въ Новгородѣ и Москвѣ

поколебать краеугольный камень нашего благополучія. Духовные и женщины, князья и смердъ, богатый и бѣдный, стремились толпами въ эту синагогу, несмотря на увѣщанія и даже проклятія церковныхъ пастырей, истинныхъ ревнителей о спасеніи душъ. Такъ сильна была зараза, что самъ первосвятитель московскій, митрополитъ Зосима, принималъ въ ней ревностное участіе. Въ его палатахъ было нерѣдко сборище еретиковъ. «Мы увидѣли,—пишетъ Іосифъ Волоцкій,—чадо сатаны на престолѣ угодниковъ Божіихъ, Петра и Алексія, увидѣли хищнаго волка въ одеждѣ мирнаго пастыря» [1]). Великій князь смотрѣлъ на ересь, какъ на дѣло любознанія, столь сроднаго человѣку. Что оно не имѣло опасной цѣли, въ этомъ увѣрить его успѣли приближенные, или сами члены тайнаго скопища, или подкупленные ими, а болѣе всего любимецъ его Курицынъ, давшій ему столько опытовъ своей преданности и вѣрности. Дѣло было ведено такъ хитро, что Иванъ Васильевичъ, при всей дальновидности своей, и не подозрѣвалъ противнаго. Надо еще сказать, терпимость, рѣдкая въ то время, блистала крупнымъ самоцвѣтомъ въ вѣнкѣ этого геніальнаго человѣка. Она-то, вмѣстѣ съ ревнивымъ самовластіемъ, которое нарочно шло наперекоръ народу, вопіявшему иногда безъ толку противъ его полезныхъ нововведеній, была причиною, что великій князь оставался глухъ на всѣ представленія духовныхъ о примѣрномъ наказаніи еретиковъ.

Антона привезъ въ Москву жидокъ. Воображалъ ли молодой бакалавръ, что самъ провозитъ въ русскій стольный городъ основателя секты на Руси. Извозчикъ

---

1) И. Г. Р., т. VI

его не иной кто былъ, какъ Схаріа. Правда, онъ успѣлъ дорогой замѣтить въ своемъ возничемъ необыкновенный умъ, увлекательное краснорѣчіе, познанія химическія и рѣдкую любознательность; но лукавство умѣло все это такъ перемѣшать, что часто за самою умною бесѣдой слѣдовали самые глупые вопросы и объясненія, путавшія сначала догадки Антона. Никогда, во всю дорогу, еврей, даже двусмысленно, не искалъ поколебать въ молодомъ человѣкѣ основанія вѣры. Онъ видѣлъ, что попалъ на разумъ ясный, твердый, отъ природы логическій и искушенный въ горнилѣ науки. Тогда еще Антонъ не зналъ любви; а для ней, какъ вы изволите знать, и Геркулесъ взялся за прялку, Ришелье наряжался шутомъ, и проч. и проч.; такъ диво ли, что и нашъ бакалавръ растерялъ на Руси всѣ доводы логики, данной ему отъ Бога и усовершенной въ академіи. Но тогда, говорю я, то есть по пути въ Московію, умъ его, какъ мощный атлетъ, готовъ былъ встать въ полномъ вооруженіи, съ какой бы стороны и какъ бы сильно ни было нападеніе. И потому хитрый еврей въ дѣлѣ религіи держался самъ въ оборонительномъ положеніи противъ Антона; зато спѣшилъ вознаградить себя съ другой стороны. Онъ воспользовался длиннымъ путемъ, чтобы занять у падуанскаго бакалавра разныя свѣдѣнія въ химіи, которыми этотъ успѣлъ себя обогатить.—«Вѣрно, умный плутъ хочетъ играть на Руси роль магика», — говорилъ самъ себѣ Антонъ, сдѣлавъ наконецъ выводъ изъ всѣхъ его поступковъ и разговоровъ. Главы секты никогда въ немъ не подозрѣвалъ. И въ Москву пріѣхавъ, Схаріа не старался ввести Антона между своими адептами: онъ боялся и тутъ, чтобы сила логическихъ доводовъ и одушевленное

краснорѣчіе не разстроили зданія, которое созидалъ онъ съ помощію такихъ хрупкихъ лѣсовъ. Если молодой бакалавръ и познакомился съ Курицынымъ, такъ бесѣды ихъ ограничивались однимъ естествознаніемъ. Схаріа умѣлъ этого такъ остеречь въ дѣлѣ религіи, что онъ, боясь въ молодомъ человѣкѣ нескромности, свойственной его лѣтамъ и опасной по близости его къ великому князю, никогда не говорилъ съ Антономъ о предметахъ религіозныхъ. Этимъ наружно ограничивалась связь лекаря съ главою еретической секты и съ печальникомъ о ней на Руси. Ниразу Схаріа не посѣтилъ Антона, ниразу не засылалъ даже къ нему: чувство благодарности, тонкое, осторожное, берегло его даже отъ малѣйшаго подозрѣнія, что онъ знается съ жидомъ. И такъ ужъ басурману напрасно достается за еретичество и чернокнижіе! Чтожъ было бы ему, когда бъ его увидали въ сношеніи съ врагомъ Христа! Но сердце этого презрѣннаго жида хранило благодѣянія молодого бакалавра, какъ святой завѣтъ, оно-то строго наказало Курицыну беречь его, какъ зеницу своего ока, какъ любимое дитя свое, внушать великому князю все доброе о немъ, помогать ему, въ случаѣ нужды, деньгами, силою своего вліянія, огнемъ и мечомъ, чѣмъ хотѣлъ, лишь бы уберечь драгоцѣнную голову отъ житейскихъ бурь. Оно-то, черезъ агентовъ при дворѣ императора и въ свитѣ самого Поппеля, узнало объ опасности, угрожавшей сыну барона Эренштейна, и приказало дьяку стать около него на усиленной стражѣ. И дьякъ, покорный ученикъ Схаріа, исполнялъ со всею точностью и усердіемъ наказъ своего наставника и второго отца, какъ онъ называлъ его. Еврею извѣстно было все, что дѣ-

лалось въ домѣ Образца, на половинахъ боярской и басурманской. Какъ это узнавалъ онъ, не вѣдалъ и самъ Курицынъ, который относилъ и эту загадку къ тайнамъ чернокнижія. Между тѣмъ Схарія зналъ и о любви Антона къ дочери боярина, испугался этой любви, которая могла погубить молодого чужеземца, и сталъ неусыпно слѣдить его и все, что его окружало. По такимъ отношеніямъ сдѣлался онъ благосклоннѣе къ дому Образца, котораго прежде не жаловалъ, потому что не могъ поколебать его твердаго религіознаго основанія. Въ дѣлѣ вражды двухъ партій онъ сталъ на той сторонѣ, которой Антонъ принадлежалъ связями сердечными.

Пріѣздъ Схаріа въ Москву былъ для единомышленниковъ его настоящимъ торжествомъ. Говорили, что онъ досталъ книгу, полученную Адамомъ отъ самого Бога, и самое Адамову голову, что онъ вывезъ новыя тайны, которыя должны изумить человѣчество. Эти слухи поразили и Мамона. Попытки его у чародѣйства Антона не удались. И потому рѣшился онъ прибѣгнуть къ чернокнижію всемогущаго волхва-еврея. Отсутствіе Ивана Васильевича развязывало ему на это руки. Правда, труденъ былъ доступъ къ великому магику, котораго жилище не было никому извѣстно, кромѣ самыхъ близкихъ его. Говорили, что онъ вездѣ и нигдѣ. Тѣмъ труднѣе былъ доступъ для тѣхъ, кто, не посвящая себя въ его ученіе, просто искалъ чародѣйской помощи. Мамонъ же находился только въ числѣ послѣднихъ. Однакожъ, съ помощію большихъ денегъ и ревностнаго усердія друзей, ему наконецъ назначенъ день пріемный.

Ночью водили его съ завязанными глазами по ули-

цамъ и, послѣ многихъ запутанныхъ обрядовъ, ввели въ домъ. Съ трудомъ шелъ онъ по лѣстницѣ, вившейся улиткой. Въ одномъ мѣстѣ предупредили его, чтобы онъ, какъ можно ниже, нагнулъ голову; но сколько онъ ни старался сгорбиться, по ней чѣмъ-то ударило такъ сильно, что искры посыпались изъ глазъ. Потомъ его остановили и не велѣли трогаться съ мѣста, подъ опасеніемъ быть задавлену. Тутъ изумили его какіе-то сладкіе, нечеловѣческіе звуки, которые то возвышались, то утихали, и напослѣдокъ, замирая, готовы были его усыпить. Лишь только онъ склонился было къ невольной дремотѣ, загрохотали громы и послышался сѣрный запахъ. Полъ подъ нимъ заколебался, и ему казалось, что онъ проваливается сквозь землю. Дрожь его проняла. Онъ хотѣлъ перекреститься, но остерегся, вспомнивъ, что самое легкое означеніе креста погубитъ его. Вскорѣ спала съ него повязка, и онъ очутился въ колеблющихся облакахъ сизаго тумана или дыма, въ которомъ, казалось ему, носился онъ. Мало-по-малу облака начали рѣдѣть, затеплились огненныя, багровыя пятна, и онъ сталъ освобождаться отъ своего таинственнаго покрова. Мамонъ очутился въ огромной комнатѣ; передъ нимъ стоялъ необыкновенной величины столъ, покрытый парчей, на которомъ золото разсыпалось на безчисленныя частицы, такъ что глазамъ больно было смотрѣть. На столѣ стояли семь свѣчей изъ воску яраго, дѣвственной бѣлизны, въ золотыхъ подсвѣчникахъ; на немъ же лежали: огромная раскрытая книга, столь ветхая, что, казалось, одно прикосновеніе къ ней должно было превратить ее въ прахъ, и черепъ человѣческій. Мамонъ замѣтилъ голову змѣи, выглядывающей изъ гла-

зной впадины черепа. За столомъ, на нѣкоторомъ возвышеніи, сидѣлъ старикъ. Взоръ строгій изъ-подъ пушистыхъ бровей, смуглое лицо, бѣлая борода по колѣна; черная, широкая мантія, исписанная кабалистическими знаками кроваваго цвѣта, все это должно было поразить пришедшаго.

— Намъ извѣстно, зачѣмъ пришелъ ты, — сказалъ таинственный старецъ голосомъ, будто выходившимъ изъ могилы: — ты долженъ биться на полѣ съ заклятымъ врагомъ своимъ, Хабаромъ-Симскимъ, и просишь у насъ побѣды надъ нимъ. Не такъ ли?

Мамонъ отвѣчалъ, что таинственное лицо, котораго онъ назвать не знаетъ, читаетъ въ мысляхъ его, и палъ издали въ ноги передъ грознымъ существомъ.

— Вѣра твоя въ наше могущество сильна, — произнесъ таинственный старецъ. — Только-что явился ты къ намъ, раскрылась сама собой книга нашего прародителя Адама и указала, какъ тебя спасти отъ желѣза. Слушай: Духи ночные произвели на свѣтъ чудодѣйную *разрывъ-траву*. Сила ея разрушаетъ крѣпчайшее желѣзо. Прикосновеніе ею къ мечу изломаетъ его въ куски. Она скрывается отъ ока человѣческаго во глубинѣ непроходимыхъ лѣсовъ: стерегутъ ее вѣчно по два змія, которые на день и на ночь смѣняются. Орелъ, царь птицъ, одинъ имѣетъ даръ и силу достать ее изъ-подъ этой стражи. Вели слугамъ своимъ сыскать въ окружныхъ лѣсахъ орлиное гнѣздо съ птенцами. Теперь самая пора, когда они оперяются. Изготовивъ сѣть, сплетенную изъ прутьевъ, толщиною съ клинокъ меча, прикажи подстеречь, когда орелъ и орлица полетятъ на добычу для своихъ дѣтенышей. Останется орлица, спугнуть ее. Тогда должно прикрѣ-

пить сѣть надъ гнѣздомъ такъ, чтобы птицамъ-старикамъ нельзя было пролѣзть къ дѣтямъ, ни давать имъ пищу. Эти низкія, приготовительныя обязанности сдѣлаютъ твои слуги: такъ сказано въ Адамовой книгѣ. Между двухъ зарей орелъ достанетъ *разрывъ-траву*, разобьетъ ею сѣть и спрячетъ траву въ гнѣздо на другой подобный случай. Теперь наступитъ череда твоихъ подвиговъ. Чувствуешь ли въ себѣ довольно силы и бодрости, чтобы сразиться безъ чужой помощи, одинъ съ двумя орлами, именно у гнѣзда, гдѣ ты долженъ самъ найти и взять *разрывъ-траву?* Помни, когда будешь совершать этотъ подвигъ, духа человѣческаго, кромѣ твоего, не должно быть ближе ста саженъ, ни одинъ человѣкъ не долженъ видѣть, какъ ты будешь брать чародѣйную траву; сражайся орудіемъ, какимъ вздумаешь, но безъ брони. Смотри, подвигъ не свыше ли твоихъ силъ?

— Готовъ хоть на стаю орлиную, лишь бы одержать мнѣ побѣду надъ врагомъ ненавистнымъ, — отвѣчалъ Мамонъ.

Таинственный служитель невидимыхъ духовъ увѣрилъ его въ несомнѣнной побѣдѣ, лишь бы досталъ онъ *разрывъ-траву*, и далъ ему наставленіе, какъ прикрѣпить ее незамѣтно къ концу меча посредствомъ вещества, которое бы не было изъ металла и походило цвѣтомъ на желѣзо.

— Теперь, — промолвилъ онъ, — ступай и исполни все предреченное, не отступая на волосъ отъ нашихъ приказаній и съ вѣрою въ наше могущество, которое получили мы отъ самого отца рода человѣческаго.

По данному заранѣе наставленію, Мамонъ положилъ на столъ горсть серебра, и палъ опять на землю.

Тутъ снова пошли ходить струи дыма, сгущались болѣе и болѣе и наконецъ затмили всѣ предметы. Исчезли и таинственный старикъ и книга Адамова; только мелькали внизъ и вверхъ семь огненныхъ пятенъ, и черепъ скалилъ свои желтые зубы. Голова у Мамона закружилась, и онъ упалъ безъ памяти. Придя въ себя, очутился на берегу Яузы, гдѣ его ожидали холопы и лошадь его.

На другой день жажда мщенія рано пробудила Мамона. Первою мыслью, первымъ дѣломъ его, разослать ловчихъ и сокольниковъ по окрестнымъ лѣсамъ. Богатая награда назначена тому, кто отыщетъ гнѣздо съ орлиными птенцами. Не прошло недѣли, какъ одинъ изъ его посланныхъ привезъ ему желанную вѣсть. Верстахъ въ двадцати отъ города къ сѣверу, въ заповѣдныхъ лѣсахъ, по указанію ближнихъ крестьянъ, отыскано гнѣздо съ двумя орлиными дѣтьми, которыя только-что начали одѣваться перьями.—«И на родившаго ихъ удостоился взглянуть,—говорилъ счастливый ловчій:—такого матерого орла сродясь не видалъ. Какъ подымется, крыльями застилаетъ солнце». — Обѣщанная награда, и съ придачею, выдана. Теперь стало дѣло за желѣзною сѣтью и умѣньемъ прикрѣпить ее ко гнѣзду. Посланы исполнители; голова ихъ порукою за точное исполненіе.

Между тѣмъ бояринъ на яву и во снѣ сражается съ орломъ. Исчислены всѣ случаи нападенія со стороны царя птицъ, изучены всѣ мѣры защиты противъ него, всѣ способы его уничтожить. Мамонъ ладилъ и съ медвѣдями; мохнатый не чета птицѣ, хоть и державной, а не одинъ миша легъ подъ его ловкою и могучею рукой. Онъ заранѣе торжествуетъ побѣду

надъ орломъ и надъ Хабаромъ. Грудь его ширится отъ радостныхъ поисковъ, сердце растетъ.

Вслѣдъ за посланнымъ отправился онъ самъ съ нѣсколькими сокольниками, чтобы ближе быть къ мѣсту дѣйствія. Заповѣдный лѣсъ, гдѣ найдено гнѣздо, стоялъ недалеко отъ лѣваго берега Москвы-рѣки [1]). На этомъ берегу разбили боярину бѣлотонкій шатеръ. Ловчіе расположились кругомъ. Другого, болѣе спокойнаго духомъ, заняла бы живописная панорама, которая обступила боярина. Сколько предметовъ для души доброй, любящей, не изгнанной еще изъ рая чистыхъ помысловъ и наслажденій! Рѣка игриво раскидалась серебряною битью и образовала множество разнообразныхъ мысовъ, луковъ и заливовъ; творческая кисть Великаго Художника разбросала то зелено-шелковые луга, то зеркальныя озера, ненаглядныя для своего неба, то гряды или пышные букеты деревъ, то мрачный боръ, который укрѣпился на высотѣ зубчатой стѣной, или робко сошелъ съ горы уступами, или излился внизъ чернымъ потокомъ. Кто знаетъ берега Архангельскаго и Ильинскаго, согласится со мною, что было чѣмъ полюбоваться. Именно въ этихъ мѣстахъ находился бояринъ. Но душа его летала далеко за другою добычей и, какъ голодный вранъ, не могла успокоиться, пока не напилась крови. Когда бъ онъ въ силахъ былъ, скликалъ бы всѣхъ хищныхъ птицъ окрестныхъ лѣсовъ на свой кровавый пиръ, гдѣ лучшей яствой предложилъ бы трупъ врага.

---

[1]) Въ 1818 году, въ подмосковныхъ дачахъ князя Юсупова, пойманы были два молодые орла, удивлявшіе своею величиной. Они подарены были владѣльцемъ графу Остерману-Толстому.

Посреди этихъ черныхъ думъ Мамонъ слышитъ надъ собою роковое слово «готово». Встрепенувшись, весь дрожа, онъ требуетъ отъ своихъ посланцовъ, чтобы повторили его. Святотатецъ, онъ знаменуется крестомъ, этимъ знаменіемъ смиренія и чистоты душевной, богохульникъ смѣетъ молить Господа объ успѣхѣ своего дѣла. Онъ разспрашиваетъ подробно, что, какъ было, какъ исполнено его приказаніе; онъ слушаетъ съ жадностью донесеніе ловчихъ, и когда конченъ разсказъ, все еще хотѣлъ бы его слушать, и опять заставляетъ повторить себѣ.

Когда дворчане Мамоновы провѣдали, что онъ идетъ одинъ на орловъ (не зная, однакожъ, для какой цѣли), всѣ, въ ноги ему, стали умолять не пускаться въ такую неравную битву. Не изъ любви это дѣлали,—бояринъ и для нихъ былъ злодѣемъ,—нѣтъ, а изъ страха за себя. Пускай бы шелъ хоть на вѣрную смерть, лишь бы ихъ не велъ къ отвѣту. Повѣрятъ ли, чтобы онъ не приказалъ имъ слѣдовать за нимъ, когда предстояла такая видимая опасность. Моленія служителей напрасны; бояринъ рѣшился на бой.

Завтра, чѣмъ-свѣтъ, онъ долженъ отправиться на мѣсто дѣйствія.

Силится сомкнуть глаза, и не можетъ. Къ полуночи забывается немного, но странныя видѣнія тревожатъ его и полусоннаго. То воронъ клюетъ ему утробу и, вынувъ сердце, каркаетъ и хохочетъ надъ нимъ. То вереница уродливыхъ видѣній пляшетъ кругомъ, налегаетъ на него, схватываетъ такъ, что сердце отрывается, и носитъ его по бездоннымъ пропастямъ. То холодная, скользящая змѣя клубомъ сви-

лась у него, соннаго на груди, не можетъ удержаться, спалзываетъ, опять взбирается на грудь, положила ему голову въ открытыя уста, и онъ выпилъ ее медленнымъ, томительнымъ глоткомъ. И всякій разъ, при этихъ страшныхъ видѣніяхъ, Мамонъ просыпается. Сердце замерло, волосы дыбомъ. Хоть бы откуда-нибудь услышать привѣтный крикъ пѣтуха! Онъ будитъ людей своихъ и, не вѣря глазамъ, спрашиваетъ, не занимается ли заря. — «Все еще гуляетъ зарница», — говорятъ ему, и онъ опять ложится, опять засыпаетъ. Тутъ является ему мать въ желѣзной клѣткѣ, объятой пламенемъ; сквозь огненныя складки она высунула свое желтое, изсохшее лицо, погрозила ему обгорѣлыми лохмотьями своего рукава и сказала: *не ходи*. Онъ снова проснулся. Надъ нимъ кто-то стоялъ. — «Разбой!» — крикнулъ онъ ужаснымъ голосомъ.

— Бояринъ, помилуй, это я, — молвилъ ловчій, — пришелъ сказать, потянулъ вѣтеръ съ восхода солнечна, заря хочетъ заниматься.

И поднялся Мамонъ, и сталъ въ раздумьѣ, какъ путникъ передъ хрупкими жердями, которыя должны перевесть его черезъ бездну или сбросить въ нее.

Онъ вышелъ изъ шатра. Заря подбирала ужъ тѣнь къ тѣни изъ палевыхъ и пунцовыхъ шелковъ своихъ. Дворчане стояли во всей готовности къ походу. Осѣдланные кони ржали.

— Коня и охотничій снарядъ! — вскричалъ Мамонъ.

Въ одинъ мигъ онъ снаряженъ лукомъ, туломъ, кистенемъ, ножомъ, другимъ. По приказанію чернокнижника, брони не надѣлъ. Впереди сильнаго поѣзда въѣхалъ онъ въ лѣсъ.

Ѣдутъ сначала по тропамъ слабо пробитымъ, потомъ и онѣ исчезаютъ въ пышномъ мохѣ, который никогда не оставляетъ на себѣ слѣда живаго существа. Знаки на деревьяхъ, сдѣланные посланцами боярина, одни служатъ указателями Деревья растутъ и ширятся болѣе и болѣе; гордыя, могучія, они захватили густыми верхами все пространство, дѣлившее ихъ другъ отъ друга, и кажется, условились не пускать расти въ своемъ обществѣ тощія деревца и кусты, эту чернь, которая осмѣлилась попасть между ними. Однѣ вершины ихъ пользуются свѣтомъ, подъ ними все мрачно. Только изрѣдка лучъ солнца, пробираясь украдкою сквозь ихъ вѣтви, обвиваетъ стволъ оранжевою лентой, кропитъ мохъ росою золотой, разстилаетъ по кустамъ зыблющуюся сѣтку. Подъ этотъ лучъ то прилегла ящерица, зеленая какъ ярь, то змѣя нѣжитъ свою леопардову спину. Все тихо въ лѣсу тишиною смертною. Пѣвчей птички ни одной. Лишь гады, послышавъ человѣка, пищатъ и шипятъ, или деревья, тронутыя вѣтеркомъ, спѣшатъ передать другъ другу какую-то таинственную вѣсть. Кое-гдѣ всадники должны пробивать живой плетень грудью коней. Вотъ ѣдутъ они версты съ двѣ. — «Близко ль?» — спрашиваетъ Мамонъ. — «Саженъ человѣчьихъ съ двѣсти», — отвѣчаетъ одинъ изъ ловчихъ. Отъѣхали еще нѣсколько, и бояринъ велитъ остановиться. Получивъ объясненія, по какому направленію ѣхать далѣе до завѣтнаго дерева, давъ приказаніе скакать тотчасъ на помощь, лишь только подастъ онъ голосъ, и, перекрестясь, онъ отправляется одинъ добывать *разрывъ-траву*.

Конь, почуя свое одиночество, храпитъ и упирается; по шерсти его перебѣгаютъ измѣнчивые

отливы. Но одно движеніе, одинъ возгласъ могучаго всадника, и конь дрожа стремится далѣе.

Вотъ наконецъ и завѣтное дерево. На немъ наруб-лены ступени. Это вязъ, который вѣка растили. Кудрявая голова въ полной силѣ, между тѣмъ какъ у подошвы время прорыло глубокое дупло, и жилистые корни просятся вонъ изъ земли. Разбросанныя кругомъ головы и остовы животныхъ и птицъ указываютъ, что тутъ логовище крылатыхъ хищниковъ. На вершинѣ безобразная куча сухихъ прутьевъ, — колыбель орлиныхъ птенцовъ, цѣль путешествія боярина. Царь птицъ заклегталъ, послышавъ врага; въ звукахъ его голоса выражается скорбь и отчаяніе могущества. Воздухъ наполняется его жалобами. Мамонъ слѣзаетъ съ коня, привязываетъ его къ дереву, поодаль, и подходитъ къ завѣтному вязу. Худо ли была скована сѣть рукою, купленною обманщикомъ Схаріемъ, разломали ль ее орлы, или сами ловчіе, задобренные серебромъ жида, въ этомъ разсказчикъ не можетъ дать отчета. Знаетъ онъ только, что слѣды разорванной сѣти порадовали и ободрили боярина.

Орелъ сидѣлъ на суку.

Взвидѣвъ его, Мамонъ засучилъ рукава; дрожа отъ восторга, натянулъ тугой лукъ — прицѣлился — зазвучала тетива, запѣла стрѣла.. Но глаза, которые не боятся смотрѣть на солнце, предупредили стрѣлу: орелъ взлетѣлъ, зашумѣлъ и скрылся подъ защитою дальнихъ деревъ. Стрѣла, вонзившись въ огромную вѣтвь, застонала, сучья посыпались. Бояринъ вновь поджидаетъ орла, но онъ не летитъ; царь пернатыхъ самъ стережетъ его. Нетерпѣніе взяло Мамона. Тулъ и лукъ долой, ноги занесены на дерево. И орелъ опять

надъ нимъ. Очертивъ въ воздухѣ широкій вѣнецъ, онъ сѣлъ на родной вязъ, ближе къ дѣтямъ. Клегтаніе его будто звончатая труба, зовущая на бой. Вызванная этимъ голосомъ, мать выбралась изъ гнѣзда, гдѣ она притаилась было, повела кругомъ головой и, увидѣвъ непріятеля, отвѣчаетъ самцу жалобнымъ голосомъ. Казалось, они сговариваются защищать дѣтей или умереть. Мамонъ ходитъ ужъ по сучьямъ; вдругъ около него зашумѣло, будто градовая туча. Орлы вьются кругомъ, яростно клокочутъ, распускаютъ надъ нимъ когти и такъ дерзко близятся къ нему, что едва не хватаютъ его клювомъ. Онъ обороняется отъ одного, другая нападаетъ. Вотъ махнулъ по самцу кистенемъ—кистень, скользнувъ по крылу птицы, разбиваетъ надвое огромный сукъ и, увлеченный силою удара, падаетъ на землю. Испуганная лошадь шарахнулась въ сторону. Птицы, какъ бы озадаченныя этимъ ударомъ, даютъ себѣ отдыхъ. Мамонъ пользуется имъ, взбирается на сукъ, другой, третій, и вотъ ужъ недалекъ отъ цѣли. Но орлы не оставятъ дѣтей своихъ безъ защиты. Они засѣли между гнѣздомъ и непріятелемъ. Чародѣйный взглядъ ихъ впился въ Мамона и мутитъ его душу. Крылами своими они накрыли его, будто шатромъ. Вслѣдъ за движеніемъ его ножа самецъ перелетаетъ на другой сукъ, въ тылъ врагу. Мамонъ слѣдитъ ихъ взоромъ, между тѣмъ заноситъ ногу выше, одною рукою хватается за гнѣздо, хочетъ вонзить ножъ въ грудь самки; она въ сторону, подъ защиту сучьевъ, и только слегка ранена. На жалобный крикъ ея птенцы высовываютъ голову изъ гнѣзда; самецъ налетаетъ сзади на Мамона, впивается ему когтями въ спину и клювомъ деретъ ее. Ободренная примѣромъ

самца, и орлица съ другой стороны бросается на непріятеля. Начинается бой. Птицы хлещутъ, сѣкутъ его крыльями, рѣжутъ клювомъ, будто серпомъ, терзаютъ когтями. Но и Мамонъ отчаянно обороняется, нападаетъ, разитъ ножемъ. Кровь льется съ той и другой стороны. Крики дѣтенышей ободряютъ пернатыхъ бойцовъ. Охотнику нѣтъ ужъ надежды выпутаться изъ ужасныхъ когтей: онъ подаетъ отчаянный сигналъ, и лѣсъ съ трепетомъ повторяетъ его. Орлы обвертываютъ Мамона своими крыльями, спутываются съ нимъ, и всѣ трое, истощенные, истекая кровью, валятся съ дерева безобразнымъ клубомъ; остановленные вѣтвями, качаются на нихъ, будто въ воздушной колыбели, и наконецъ съ грохотомъ падаютъ на землю. Испуганный этимъ паденіемъ, конь рванулъ, порвалъ тесменные повода, и умчался.

Дворчане прибѣгаютъ, сѣкутъ орловъ ножами, бьютъ кистенемъ, и едва могутъ освободить своего господина, полумертваго, изъ ужаснаго плѣна. Обрубленныя ноги птицъ еще держатся за врага своего, впившись въ него когтями.

Гнѣздо разорено, птенцы убиты.

Боярина приводятъ въ чувство и уносятъ на носилкахъ въ ближнюю деревню. Благодаря крыльямъ птицъ, онъ избавился отъ смертельнаго ушиба. Но на тѣлѣ его не было почти мѣста безъ язвы.

Такъ кончилось похожденіе Мамона за *разрывомъ-травой*. Распущены слухи, что онъ въ побоищѣ съ медвѣдемъ былъ подъ лапою его, но все-таки его убилъ. За эту отвагу бояринъ удостоился отъ удальцовъ не одного лишняго поклона.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЛУКАВАЯ ПОСРЕДНИЦА

Но чувства прежнія свои
Еще старушка не забыла,
И пламя позднее любви
Съ досады въ злобу превратила.
«Русланъ и Людмила».

Анастасія, простившись съ братомъ и проводивъ сердцемъ милаго чужеземца, осталась въ глубокомъ одиночествѣ. Никогда еще она такъ сильно не чувствовала этого одиночества; грудь ея разрывалась, сердце надломило. Она понимала, что любитъ басурмана, но почему, за что, съ какою цѣлью любить— все-таки не могла дать себѣ отчета. Мысль быть вѣчною подругою его если и приходила ей въ голову, пугало ее самое: дѣвушка, воспитанная въ строгомъ православіи, могла ли соединить судьбу свою въ домѣ Божіемъ съ поганымъ нѣмцемъ? Дошли до нея новые слухи, распускаемые Бартоломеемъ,—этою пожарною трещеткой, которая наводила тревогу, сама не зная, что дѣлаетъ, — слухи, подтвержденные посломъ императорскимъ, что Антонъ-лекарь жидокъ, коновалъ и Богъ знаетъ какой недобрый человѣкъ. Они еще болѣе вооружили ея бѣдный разсудокъ противъ постояльца.

Но оторвать отъ него свое сердце, забыть его, изгладить его прекрасный образъ не могла: это было свыше силъ Анастасіи. Очарованіе побѣдило слабую волю. Эта мысль день-ото-дня все болѣе укрѣплялась въ ней.

Правда, Антонъ бралъ крестъ ея... Но надѣвалъ ли? Если и надѣвалъ, такъ видно не могъ снести благодати. А, статься можетъ, бралъ крестъ, чтобы ворожить надъ нимъ. Съ тѣхъ поръ въ груди у ней кипитъ словно смола; когда смотритъ на Антона, не можетъ отвесть отъ него глазъ, не можетъ досыта насмотрѣться; такъ и хотѣла бы вынуть душу изъ груди и отдать ему. Если бы могла слетѣть къ нему пташкой, готова бъ забыть дѣвическую стыдливость, отца, брата, и обняла бъ его и замерла бы на его груди. Вотъ теперь онъ далеко подъ Тверью, а она все видитъ его, будто онъ съ нею, будто волшебнымъ взглядомъ просится къ ней въ душу: не пустить не сможетъ. Закроетъ глаза,—очаровательтутъ какъ тутъ, и сидитъ съ нею, и шепчетъ ей прилучныя, приманныя слова, на которыя за отвѣтомъ развѣ на небо Господне сходить. Откроетъ глаза,—передъ ней стоитъ пригожій чужеземецъ, словно живой. Не открестится, не отмолится. Дѣвушки-подруги говорили ей (знать, слыхали отъ матерей), можно полюбить суженаго-ряженаго, и то когда увидишь его нѣсколько разъ, — можно полюбить мужа, когда поживешь съ нимъ годокъ, два. А этотъ никогда не былъ ей суженымъ: отчего жъ, лишь взглянула на него, предалась ему всею душою, всѣми помыслами? Хотя бы истоптала своими острыми каблуками, и тутъ не могла бъ отстать отъ него. Ходитъ ли она по саду — голову повѣсивъ, ищетъ какого-то цвѣта ненагляднаго, не здѣшняго. Ноженьки ея пута-

ются въ шелковой травѣ; возвращаясь домой, шепчетъ про себя:

— Всѣ цвѣты, цвѣты видѣла, одного цвѣта нѣтъ какъ нѣтъ, ужъ какъ нѣтъ цвѣту алаго, самаго моего прекраснаго! Иль его краснымъ солнышкомъ выпекло? иль его частымъ дождемъ выбило? иль его совсѣмъ въ саду не было?

Ни игры, ни хороводы и пѣсни не могутъ развлечь ея тоски. Посреди хороводовъ видитъ она милаго чужеземца; подруга ль жметъ ей руку, содрогается; пѣсни только-что разжигаютъ ея сердце и наводятъ на него новую грусть. Безъ надеждъ, безъ сладкой будущности, она только желаетъ одного — освободиться отъ тяжкаго очарованія. Но сказать о томъ не смѣетъ никому. Грѣшная только въ любви къ басурману, она часто изливается въ слезахъ молитвы, бьетъ себя въ грудь и кается въ тяжкихъ грѣхахъ, невѣдомыхъ ей самой.

Мамка замѣтила, что питомица ея груститъ, сохнетъ, спадаетъ съ лица: отецъ тоже сталъ примѣчать. Послали за старушками-вѣдями; гадали, ворожили на водѣ, на угольяхъ и четверговой соли, выводили таинственные круги на дверяхъ, клали жеребейки подъ мѣстныя иконы въ церкви Девяти Мучениковъ. Рѣшили наконецъ ворожейки, что она тоскуетъ по суженомъ, котораго переѣхалъ недобрый человѣкъ. Было много жениховъ; иные казались не по нраву боярина — вѣдь она одна у него, словно солнышко на небѣ, — другихъ разбивалъ Мамонъ чрезъ подкупленныхъ свахъ.

— Анастасія Васильевна съ изъянцемъ,—говорили онѣ· — у ней какое-то родимое пятнышко, тутъ ве-

снушка, здѣсь рубчикъ; нерѣдко находитъ куриная слѣпота: и устарокъ-то она, и житья недолгаго.

Очныхъ ставокъ наводить нельзя было, вѣрили на слово свахамъ, и женихи позамолкли. Отецъ и мамка ходили на богомолье, ставили мѣстныя свѣчи, теплили неугасимую лампаду, одѣляли щедро нищихъ, и все съ одною мыслью отогнать отъ милой Насти, свѣтарадости, того недобраго человѣка, который переѣхалъ ей путь къ счастію супружескому.

Вдова Селинова узнала черезъ знакомыхъ ворожеекъ и подругъ Анастасіи о нездоровьѣ ея. Ощупью ума лукаваго, чутьемъ сердца и опыта, она стала угадывать, что тутъ кроется тайна. Довѣдаться ея и сдѣлаться въ ней участницей, вотъ чего хотѣла добиться, во что бъ ни стало. По мужѣ она была дальняя родственница Образцу. Овдовѣвъ, рѣдко посѣщала домъ воеводы, остерегаясь будто дерзкихъ поступковъ Хабара; она была такъ молода, могла еще выдти замужъ и берегла свое доброе имя!.. При людяхъ образецъ скромности, слова свободнаго не проронитъ, очей не подниметъ на мужчину, отъ нескромныхъ рѣчей вся горитъ. Нерѣдко матери ставятъ ее въ примѣръ своимъ дочерямъ. Зато сбереженное наружно — расточаетъ тайно своему избранному любимцу. Все ему, и роскошь ночей, и дни съ сладкими воспоминаніями о нихъ, съ надеждами на другіе, и всякаго рода жертвы, какія могъ только требовать отъ нея удалый молодецъ, деспотъ въ любви, и какія могла только изобрѣсть въ угоду ему. Въ такихъ случаяхъ страсть бываетъ творцомъ высокимъ: передъ нею ничто Байронъ, Мицкевичъ, Пушкинъ. Все въ дань несетъ своему идолу поклонница его—золото, серебро, спокойствіе, красоту.

Но Хабаръ, разгульный, раздольный, остановитъ ли свою побѣду на одномъ предметѣ? Такая побѣда для него не тотъ же ли плѣнъ? Широко рукамъ, широко волѣ и сердцу,—вотъ его завѣтное слово. Помѣха прочь съ его дороги! не-то онъ изломаетъ того, кто поставилъ ее; попытайте накинуть на него цѣпи, — изорветъ богатырски. Онъ видѣлъ опасность въ любви Гаидиной, и добылъ эту любовь сквозь стражу деспота морейскаго, можетъ быть на концахъ ножей, изощренныхъ силою золота. Завтра готовъ потерять голову, а нынѣ возьметъ свое

Когда Селинова узнала, что у сердца его другая прилука, что жертвы другой ему угоднѣе, ревность закипѣла въ груди ея. Сначала пытала возвратить его новыми ласками, новыми жертвами, какъ покорная рабыня, терпѣла отъ него жестокое обращеніе, даже побои. Къ кому она ни прибѣгала, чтобы обратить къ себѣ невѣрнаго — и къ ворожеямъ, и къ жидовину, у котораго Адамова книга, и къ лекарю Антону! Даже не устыдилась просить помощи у переводчика Бартоломея. Какъ простодушное дитя, она готова была вѣрить даже и тому, что ей совѣтовали дѣлать, шутя надъ ней. Но когда всѣ эти средства не помогли, она хотѣла, во что бъ то ни стало, известь свою соперницу. Видѣли мы, что это ей не удалось. Теперь рѣшилась мстить Хабару, какими бы орудіями ни было, и для того, пользуясь его отсутствіемъ, вползла змѣей въ домъ Образца. Дворъ ея былъ почти обо дворъ Анастасьина отца; посѣщенія стали учащаться.

Бояринъ не зналъ и не хотѣлъ знать о связяхъ своего сына; тужилъ о его разгульномъ поведеніи и журилъ его изрѣдка въ надеждѣ, какъ мы сказали

прежде, что молодой конь перебѣсится. Только одно увѣщаніе, которое онъ сдѣлалъ ему при разставаніи, конечно, стоило всякихъ жестокихъ выговоровъ. Увидавъ въ домѣ своемъ вдову Селинову, онъ съ простодушною ласкою ввелъ ее къ дочери, какъ умную, скромную собесѣдницу. Съ каждымъ посѣщеніемъ вкрадывалась она глубже въ душу Анастасіи. То затѣвала въ садахъ новыя игры, то учила пѣснямъ, которыми подлаживалась подъ состояніе ея души, или указывала ей затѣйливые узоры для кружевъ, то подстилала ей сказочный коверъ-самолетъ. А Селинову поневолѣ заслушивались: и простая-то рѣчь ея была вся на пѣсенныхъ поговоркахъ; чтожъ, когда она разсказывала съ желаніемъ угодить? Между тѣмъ она пытала осторожно, искусно, не бьется ли сердце дѣвушки по комъ изъ сосѣднихъ молодцовъ, котораго могла увидѣть сквозь садовый тынъ. Тутъ узнала допросчица, что никто изъ денди того времени, остриженныхъ въ кружокъ, не плѣнилъ дочери Образца. Потомъ перевела она рѣчь на Іоанна младого. Извѣстно было, какъ Анастасія понравилась княжичу, наслѣднику московскаго стола, и какъ эта склонность нарушена замыслами великаго князя, который искалъ въ бракѣ своихъ дѣтей не сердечнаго союза, а политическаго.—«Не крушится ли она по такомъ дорогомъ, прекрасномъ женихѣ? не тоскуетъ ли о палатахъ великокняжескихъ, о вѣнцѣ свѣтломъ?» думала Селинова. И послѣ попытокъ съ этой стороны осталась ни при чемъ, какъ богатыри нашихъ сказокъ на перекресткѣ разныхъ дорогъ, не зная, которую избрать, чтобы доѣхать до цѣли своихъ поисковъ. Анастасія совсѣмъ забыла о княжичѣ: любовь его была нѣкогда принята

за шутку, такъ и теперь, вмѣсто шутки, она слушала напоминаніе о ней. Однакожъ нельзя было сомнѣваться, что у дочери Образца болитъ сердце, а не сама она больна. Опытный глазъ умѣлъ это различить. Кто жъ бы такой былъ предметъ ея любви? — думы объ этомъ сокрушали Селинову.

Разъ сидѣли онѣ вдвоемъ и плели кружева. Какой-то злой духъ шепнулъ ей заговорить о басурманѣ-постояльцѣ.

Вообразите себя брошеннымъ судьбою въ чужую землю. Кругомъ васъ всѣ говорятъ на языкахъ незнакомыхъ; рѣчь ихъ для васъ какая-то смѣсь дикихъ, странныхъ звуковъ. Вдругъ среди толпы упало слово на языкѣ родномъ. Не пробѣжитъ ли тогда судорожный трепетъ по всему существу вашему, не замретъ ли ваше сердце? Или представьте себѣ русскаго селянина въ концертѣ, гдѣ расточена вся творческая роскошь и премудрость иностранной музыки. Дитя природы слышитъ съ равнодушіемъ непонятные звуки. Но вотъ Воробьева соловьинымъ голосомъ затянула *«Не кукушечка во сыромъ бору куковала»*. Посмотрите, что дѣлается тогда съ полуспящимъ слушателемъ. Такъ и съ Анастасіей. До сихъ поръ Селинова говорила ей языкомъ чужбины, выводила для нея звуки непонятные. Но лишь только вымолвила слово родное, тронула струну сердечную, и всѣ струны ея существа отозвались такъ, что готовы были порваться. Анастасія затрепетала, руки ея блуждали по кружевной подушкѣ, лицо помертвѣло. Она не смѣла поднять глаза и отвѣчала кое-какъ невпопадъ.

— А! — подумала Селинова, — это недаромъ; вотъ съ какой стороны дуетъ непогода!

Объ замолчали. Наконецъ Анастасія осмѣлилась взглянуть на подругу, чтобы вывѣдать въ глазахъ ея, не замѣтила ль она ея смущенія. Взоры Селиновой опущены на рукодѣлье, на лицѣ не видно и тѣни подозрѣнія. Лукавица хотѣла мало-по-малу, незамѣтно, выиграть довѣренность неопытной дѣвушки.

— Такъ *онъ* куда жъ пошелъ? — спросила, немного погодя, молодая вдова, не называя о комъ спрашивала.

— Пошелъ съ великимъ княземъ въ походъ,—отвѣчала Анастасія краснѣя; потомъ, одумавшись, прибавила,—вѣдь ты меня спрашивала о братцѣ родномъ.

— Нѣтъ, радость моя, рѣчь-то у насъ была объ Антонѣ-лекарѣ. А куда какъ жаль что онъ басурманъ! такого молодца и между нашими москвичами поискать. Всѣмъ взялъ, и ростомъ и пригожествомъ; взглянетъ, словно жемчугомъ окатнымъ даритъ, кудри по плечамъ лежатъ, словно жаръ горятъ, бѣлъ, румянъ, будто красная дѣвица. Диву даешься, откуда такая красота, съ Божьяго ли изволенія, или не спросту, отъ нечистаго навожденія. Такъ бы и глядѣла на него, да кабы не грѣхъ молвить, и на томъ свѣтѣ досыта бъ не насмотрѣлась.

Отъ этихъ похвалъ помертвѣлое лицо Анастасіи вспыхнуло пожаромъ зари, когда она предвѣщаетъ бурю.

— Ты развѣ видала его? — спросила влюбленная дѣвушка дрожащимъ, замирающимъ голосомъ, оставивъ свою работу.

— Видала не разъ. На коня ли садится, — подъ нимъ конь веселится. Скачетъ ли, — что твой вихрь по вольному полю! — конь огнемъ пышитъ, подъ собой

земли не слышитъ. По лугу ль ѣдетъ, — лугъ зеленѣетъ; черезъ воду, — вода-то лелѣетъ. Не только видала, подивись, свѣтъ мой, я была у него въ хороминахъ.

Дѣвушка покачала головой; очи ея подернула тѣнь задумчивости; чувство ревности, тайкомъ отъ нея, закралось въ ея сердце.

— Да какъ же не побоялась идти къ нему? — сказала она: — вѣдь онъ басурманъ!

— Кабы ты знала, Настенька, чего не сдѣлаешь любя!

— Любя?.. — произнесла Анастасія, и сердце ея сильно застучало въ груди.

— Охъ, кабы не боялась, открыла бъ тебѣ тайну задушевную.

— Скажи, пожалуста, скажи; не бойся, вотъ тебѣ Матерь Божія порукой, твои слова умрутъ со мною.

И дѣвушка дрожащею рукой творила широкій крестъ.

— Коли такъ, повѣдаю тебѣ, что Богу одному сказала. Не поверхъ одного моря синяго ложится туманъ, черна мгла, не одну Господню землю кроетъ темна ноченька, осенняя; было времячко, налегала на мою грудь бѣда тяжкая, ретиво сердце потонуло въ тоскѣ со кручиною: полюбила я твоего братца Ивана Васильевича. (Отъ сердца дѣвушки отошло; она вздохнула свободнѣе). Ты не знаешь, свѣтъ мой, мое дитятко, что такая за примана любовь, и, дай Господь, не вѣдать тебѣ никогда. Придетъ ли темная ноченька, очей не смыкаешь; взойдетъ ли красна зоренька, встрѣчаешь въ слезахъ, и денекъ-то весь пасмуренъ.

Много людей на бѣломъ свѣтѣ, а видишь только одного, въ свѣтлицѣ своей на улицѣ, въ домѣ Божіемъ. Камень стоитъ въ груди, а свалить не сможешь.

Заплакала тутъ Селинова искренними слезами. Собесѣдница слушала ее съ жаднымъ участіемъ; ей описывали собственныя чувства.

— Вотъ, — продолжала молодая вдова, обратясь къ лукавой цѣли своей, — повѣдали мнѣ добрые люди: пріѣхалъ Антонъ-лекарь отъ нѣмцевъ, лечитъ дескать всякіе недуги, и отъ недобраго глаза, и съ вѣтру, и отъ своей глупости. Послушала я добрыхъ людей, пошла къ лекарю съ толмачомъ Бартоломеемъ.

— Чтожъ, сдѣлалъ тебѣ какую помощь нашъ Антонъ?

— Далъ мнѣ травку, пошепталъ надъ ней и велѣлъ мнѣ бросить черезъ голову. Повѣришь ли, свѣтъ мой, словно рукой сняло: груди стало легко, на сердцѣ весело. Тутъ взглянулъ на меня басурманъ, такъ и потянулъ къ себѣ очами. Но я взмолилась ему отпустить душу на волю, и онъ сжалился, отпустилъ. Съ той поры опять начала знать, что день, что ночь, видѣніе пропало, летаю себѣ вольною пташкой, щекочу пѣсенки съ утра до вечера и тоскѣ-кручинѣ смѣюсь за-глаза.

Лукавая рѣчь начинала волшебно дѣйствовать надъ слушательницей. Анастасія глубоко задумалась, стала безъ толку перебирать коклюшками и выводить такіе мудреные узоры, какіе могла развѣ вывести любимая ея кошечка, если бъ заставили ее плесть кружева. «Какъ бы ей избавиться ужасной тоски, ее снѣдающей», думала она, хотѣла посовѣтоваться объ этомъ съ Селиновой, и вдругъ какъ будто стало жаль ей

своей кручины. Было глубокое молчаніе. Молодая вдова прервала его:

— Настенька, свѣтъ мой!—начала она голосомъ такого трогательнаго, живаго участія, который невольно вызывалъ на откровенность.

Дочь Образца взглянула на нее глазами, полными слезъ, и покачала головой.

— Откройся мнѣ, какъ я тебѣ открылась,—продолжала Селинова, взявъ ея руку и сжимая у своей груди. — Я поболѣ тебя живу на свѣтѣ... повѣрь мнѣ, легче будетъ... Вѣдь по всему видно, что съ тобой, радость моя, дѣется.

И Анастасія, рыдая, вымолвила ей наконецъ:

— Охъ, душа моя, душенька, Прасковья Володиміровна! возьми булатный ножъ, распори мнѣ бѣлу грудь, и посмотри, что тамъ дѣется.

— Ужъ зачѣмъ брать булатный ножъ, ужъ зачѣмъ пороть бѣлу грудь, смотрѣть въ ретиво сердце! вѣдь по твоему бѣлу лицу всѣмъ дознать тебя, дитятко, какъ бѣло лицо потускнилося, какъ алы румянцы призакрылися, очи ясны помутилися. По всему дознать, полюбила ты сокола залетнаго, молодца заѣзжаго.

Анастасія ничего не отвѣчала; она не могла говорить отъ слезъ, закрывъ глаза руками. Наконецъ, обольщенная дружескимъ участіемъ Селиновой, увѣренная, что ей легче будетъ, если сдастъ тайну свою такой доброй подругѣ, разсказала ей любовь свою къ басурману. Эпизодъ о тѣльникѣ былъ выпущенъ изъ откровенной повѣсти, кончившейся все-таки убѣжденіемъ, что она очарована, околдована.

Бѣдная Анастасія!

Прекрасный цвѣтъ подснѣжникъ, росъ ты одинъ въ нѣгѣ родной долины! И красное солнышко приходило каждый день любоваться въ твои утреннія зеркала, и свѣтлый мѣсяцъ, послѣ знойнаго дня, спѣшилъ опахивать тебя крыльями своихъ вѣтерковъ, и Божьи ангелы, убаюкивая себя на ночь, разстилали надъ тобою парчевой пологъ, какого и у царей не бывало. Откуда ни возьмись буря, занесла издалече, съ чужбины, сѣмя повилики, рядомъ къ тебѣ, и повилика растетъ, ластится около тебя своею любовью, душитъ тебя, чудный цвѣтъ! Этого мало: червь приползъ къ твоему корню, впился въ него, и подточитъ васъ обоихъ, если не спасетъ благодѣтельная рука.

Торжествовала лукавая подруга: тайна великая, дорогая, ей принадлежитъ. Съ этимъ талисманомъ волшебница можетъ сотворить дивныя дѣла. Лишь махнула имъ въ умѣ своемъ, и бьетъ черезъ край мысль алмазная. Первое, что она почерпнула въ ея волшебныхъ струяхъ, было убѣжденіе Анастасіи, что она дѣйствительно очарована. Чтобы снять очарованіе, къ кому жъ прибѣгнуть, какъ не къ самому виновнику его? Можетъ быть, онъ сжалится надъ несчастною дѣвушкой, и избавитъ ее отъ несносной скорби, какъ избавилъ Селинову. Анастасія сама объ этомъ не разъ думала. Въ этомъ сошлись онѣ, какъ нельзя лучше. Но какъ дочери Образца пройти къ лекарю? Какъ сдѣлать, чтобы домашніе и посторонніе не видѣли, не вѣдали? Она тотчасъ умретъ, какъ скоро узнаютъ объ ея похожденіи. Усердная посредница все уладитъ. Изъ свѣтлицы Анастасьиной ведетъ лѣсенка къ желѣзнымъ дверямъ, отдѣляющимъ половину боярскую отъ басурманской; дверь эта замкнута однимъ желѣзнымъ

затворомъ. Добрый часъ выпадетъ — отецъ, братъ не будетъ дома; Селинова станетъ на стражѣ, и концы въ воду. Анастасія сойдетъ къ Антону-лекарю, упадетъ къ его ногамъ, обольетъ ихъ своими слезами... Очарованіе снято,—и красная дѣвица вспорхнетъ отъ него въ свою свѣтлицу, будто птичка, которую окарналъ было злой воронъ и у которой приросли вдругъ новыя крылья,—вспорхнетъ легко, весело, и зальется въ пѣсняхъ о своемъ дѣвичьемъ счастіи. Отъ одного помышленія объ этихъ замыслахъ—стало легче Анастасіи.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

БАСУРМАНЪ

БАСУРМАНЪ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СНЯТОЕ ОЧАРОВАНІЕ

У тоски моей нѣтъ крыльевъ полетѣть,
У души моей нѣтъ силы потерпѣть,
У любви моей нѣтъ воли умереть.

Мерзляковъ.

Анастасію нѣсколько времени утѣшала мысль, что снято будетъ съ нея очарованіе. Потомъ прекрасный образъ чужеземца сталъ опять тѣсниться въ грудь ея, и эта мысль начинала уступать прежней тоскѣ. Казалось, около нея начертанъ волшебный кругъ, изъ котораго она не могла выйти. Видно, заключена въ немъ до гроба. Теперь только и думъ, что о миломъ басурманѣ, только и дѣла, что ждать его. Съ именемъ этимъ она свыклась, его не чуждается болѣе, оно стало ей сладко, дорого, какъ имена отца, брата, если не дороже. Сидитъ пригорюнясь у окна своей свѣтлицы, и смотритъ, не скачутъ ли изъ Твери дворчане великокняжескіе. Съ содроганіемъ сердца внимаетъ бе-

сѣдамъ: не промолвитъ ли кто слова о басурманѣ? прислушивается даже къ голосу вѣтра: не принесетъ ли ей вѣтеръ полуночной вѣсточки о немъ? Онъ, княжичъ ея души, безпрестанно въ ея мысляхъ; о немъ тайно бесѣдуетъ она сама съ собою, и хотѣла бы, чтобы отецъ, домашніе, народъ, все твореніе говорило также объ Антонѣ. И между тѣмъ ни отъ кого о немъ не слышитъ. Скачетъ ли всадникъ, стукнетъ ли кто кольцомъ въ ворота, она трепещетъ, какъ осиновый листъ на вѣткѣ. Встрѣчаетъ день, провожаетъ его въ ожиданіи постояльца. Непріученная разсудкомъ и воспитаніемъ владѣть собою, она вся отдалась на волю своей страсти. Въ слезахъ, забывшись, умоляетъ милаго Антона скорѣе возвратиться и спасти ее отъ погибели, не боится грѣха молить о томъ же небесныя силы, не стыдится открывать свое мучительное нетерпѣніе лукавой посредницѣ.

Еще Тверь не была взята, а въ Москвѣ говорили ужъ о покореніи Твери. Кто привезъ эту вѣсть, никто не могъ сказать. Такъ часто въ народѣ есть какое-то чудное предчувствіе великихъ событій. Черезъ сутки гонецъ прискакалъ отъ господина всея Руси къ Софьѣ Ѳоминишнѣ и митрополиту, съ подтвержденіемъ этой вѣсти. Москва заликовала. Старшая сестра ея входила съ покорною головой въ разрозненную семью и водворяла въ ней согласіе и силу. По святому обычаю русскихъ, во-первыхъ дань Богу, — отслужили благодарственное молебствіе; потомъ дань господину, — когда Софья Ѳоминишна шла отъ Благовѣщенія, народъ привѣтствовалъ ее радостными восклицаніями. На улицахъ обнимались, поздравляли другъ друга, окружали гонца, не давали ему нигдѣ дороги, спрашивали о по-

дробностяхъ великаго событія, когда, какъ взята Тверь, кто положилъ животъ за матушку-Москву, кто отличился въ ратной удали. Разумѣется, на радости, также по русскому обычаю, во всѣхъ концахъ города многіе славили побѣду безъ памяти, то есть до того заглядывали въ ковши и стопы, что потеряли способность помнить что-либо. Гонца зазывали къ себѣ, угощали, честили, какъ будто онъ былъ виновникъ побѣды.

Въ его разсказахъ имя Хабара чаще другихъ повторялось, и повторялось, какъ имя знаменитаго богатыря. *Охотники* слѣдовали за нимъ въ почетномъ ряду изустнаго бюлетеня. — «Каковы-ста *мы!*» — говорили сурожане и суконники за торговыми прилавками, охорашиваясь и съ самодовольствомъ поглаживая бороды: — «*мы*-ста и нынче не ударили себя въ грязь; *мы* взяли Тверь». — Иные отъ души поздравляли ихъ, какъ настоящихъ побѣдителей, кланяясь въ поясъ; другіе вздумали оспаривать у нихъ побѣду, и затѣвали съ ними своего рода побоище, доходившее до пролитія крови и даже до убійства. Имя Андрея Аристотелева, къ общему удивленію, переходило также изъ устъ въ уста. — «Каковъ пострѣленокъ», — проговаривали старики, слушая о его похожденіяхъ: — «малъ, да удалъ, не дождутся годы, махнетъ въ воеводы». — «Не диво удальство его», — прибавляли другіе, — «отецъ нарваль ему какихъ-то потѣшныхъ яблочковъ изъ чортова сада: лишь кинетъ въ десятню, десятни не бывало. Сказываютъ, и Онтонъ-лекарь очертилъ его кругомъ, что ему лиха ни отъ огня, ни отъ стрѣлы вражьей». — Болѣе всего эти вѣсти лелѣяли сердце стараго воеводы Образца. Гонецъ прямо изъ двора митрополичьяго явился къ нему съ ласковымъ словомъ отъ господина

всея Руси и съ большимъ спасибо отцу за сына. На этотъ разъ природа побѣдила его твердость: слезы оросили лицо старца. Никогда собственная ратная слава такъ не льстила ему, какъ слава, добытая сыномъ. Сперва въ божницѣ своей, а потомъ въ дому Божьемъ, принесъ онъ трофеи сына ко кресту Того, Кѣмъ побѣждена самая смерть и Чьей защитѣ обязанъ былъ здравіемъ и успѣхами воина столь дорогого сердцу его.

То и дѣло начали пріѣзжать въ Москву передовые великаго князя; пыль не ложилась по улицамъ городскимъ. Прибыли и дворецкій вмѣстѣ съ путнымъ. Кончивъ свое дѣло на дворѣ великокняжескомъ, онъ посѣтилъ больного пріятеля и засталъ его, хотя и на одрѣ, изуродованнаго, но ужъ подававшаго надежду на выздоровленіе. Болѣзнь и досада, что не добыта разрывъ-трава, которая была подъ руками, растравила только злобную душу Мамона. Никогда горячка мщенія такъ сильно не пылала въ ней. Когда онъ услышалъ объ успѣхахъ Хабара, лицо его ужасно перекосило. Когда жъ дворецкій принесъ ему вѣсть, что великій князь хочетъ выдать дочь Образца за царевича Каракачу, онъ въ первый еще разъ воспрянулъ съ одра своего и воскликнулъ:

— Видитъ Богъ, пока я живъ, тому не бывать. Ее не отдали за моего сына, оставайся же она вѣчно въ дѣвкахъ. Постригись она, зарой себя живую въ землю, что мнѣ до того; а замужемъ ей не быть! Взгляни, друже, на меня, на сына: это все *ихъ* дѣло.

Сынъ Мамона, стоявшій у постели, былъ блѣденъ, какъ смерть; изъ чахлой груди его по-временамъ отда-

вался глухой кашель, отзывъ смерти, будто изъ-подъ склепа.

По приказанію боярина подали ему лучшіе серебряные кубки и стопы его. Не говоря ни слова, онъ положилъ ихъ за пазуху дворецкаго, въ карманы, куда только могъ. Этотъ не бралъ, отказывался, благодарилъ, опять отказывался, и все-таки принялъ. Онъ понялъ своего пріятеля, и унесъ съ собою тяжкую добычу, безмолвный, но краснорѣчивый залогъ мести.

Новый гость принесъ отраду истерзанной душѣ Мамона. Это была Селинова. Она протоптала дорожку чернымъ вѣстямъ между двумя враждующими домами. Долго колебалась она разсказать ему про очарованіе Анастасіи; но мысль объ измѣнѣ и насмѣшкахъ Хабара, мысль, что онъ скоро пріѣдетъ и будетъ опять у Гаиды, радостной, торжествующей надо всѣмъ, преодолѣли сожалѣніе, которое пробудили въ ней и совѣсть и пріязнь влюбленной дѣвушки. Она разсказала Мамону все, что узнала о склонности ея къ басурману. Злоба имѣетъ свой восторгъ: Мамонъ смѣялся навзрыдъ, услыхавъ дивную вѣсть, упавшую на него такъ неожиданно.

«Господинъ великій князь пріѣхалъ!» — разнеслось по городу, и по всѣмъ концамъ его зашумѣло, какъ въ рою пчелиномъ, когда возвращается матка, отлегавшая погулять съ своею охранной стражей. — «Господинъ великій князь пріѣхалъ!» — повторилось въ палатахъ Образца и сердце Анастасіи забилось ожиданіемъ. Не брата ждала она: о Хабарѣ пришло отцу извѣстіе, что, по волѣ Ивана Васильевича, онъ оставленъ на время въ Твери при Іоаннѣ младомъ. Трепетная, сидѣла она у окна своей свѣтлицы. И вотъ

наконецъ къ палатамъ прискакалъ всадникъ; онъ остановился у половины басурманской. На стукъ приворотнаго кольца, паробокъ Антона отворилъ ворота, сталъ вглядываться въ пріѣзжаго и наконецъ усердно раскланиваться съ нимъ.

Это не Антонъ. Тотъ въ нѣмецкой епанечкѣ, свѣтлые волосы его падаютъ кудрями по плечамъ, а этотъ молодецъ остриженъ въ кружокъ, въ русской одеждѣ, въ шеломѣ и латахъ. Щеки его горятъ, онъ весь въ пыли съ головы до ногъ. Между тѣмъ *паробокъ* принимаетъ коня его, служитъ ему, какъ своему господину, и даетъ знать, что онъ можетъ идти въ хоромы.

Сквозь отверстіе едва раскрытаго окна Анастасія взорами слѣдитъ незнакомца. Она не знаетъ, что подумать о появленіи его на мѣсто Антона-лекаря. Вотъ, онъ остановился на крыльцѣ, скинулъ шеломъ свой, украшенный вѣткою и перомъ попугая, утеръ платкомъ лицо свое и остановился на крыльцѣ, смотря съ грустью на окно свѣтлицы.

«Господи, это онъ!»—восклицаетъ Анастасія, краснѣя и блѣднѣя.

Да, это былъ Антонъ Эренштейнъ. Любовь пересилила его обѣтъ; онъ не смогъ выполнить его, онъ притащился опять къ очарованному дому, къ которому приковано было его сердце, все его существо.

— Кто такой, дитятко?—спросила вошедшая мамка, поймавъ свою воспитанницу на неосторожномъ восклицаніи.

— Онъ... мамушка... — посмотри, не братецъ ли пріѣхалъ... — отвѣчала испуганная дѣвушка, бросясь отъ окна.

Она не знала, что сказать; мысль, что своимъ восклицаніемъ могла возбудить подозрѣніе въ изобрѣтательномъ умѣ мамки, совершенно ее смутила.

— Стоитъ какой-то молодецъ на крыльцѣ у басурмана,—сказала мамка, качая головой,—только не братецъ твой родимый. Вотъ пошелъ въ хоромы къ Онтону-лекарю.

Антонъ, увидавъ морщиноватое лицо старушки вмѣсто Анастасьина, спѣшилъ войти къ себѣ...

Тутъ начались бѣдной дѣвушкѣ наставленія, какъ опасно смотрѣть на чужой дворъ, какъ можетъ испортить ее недобрый глазъ и пуще глазъ басурмана-чернокнижника, какія отъ того могутъ выйдти ужасныя послѣдствія: все это съ разными народными текстами, съ подкрѣпленіемъ свидѣтельствъ и примѣровъ. Настоящая пытка! Анастасія и безъ того горѣла на угольяхъ; теперь вытягивали у ней душу.—«Я думала, братецъ родимый»,—говорила она въ извиненіе свое, прося со слезами прощенія. Но, видя, что ничто не сдержало ужаснаго потока, готоваго захлебнуть ее, она голосомъ отчаянія объявила, что наложитъ на себя руки, если мамка не перестанетъ ее грызть или скажетъ объ этомъ происшествіи отцу ея. Угрозы подѣйствовали, какъ ушатъ холодной воды надъ сумасшедшимъ, который готовъ замахаться до смерти головой; мамка пріутихла и обѣщала подъ клятвою не говорить объ этомъ боярину. Между тѣмъ, при первомъ случаѣ, когда Анастасія сошла внизъ къ отцу, завѣтное окно было крѣпко-накрѣпко, глухо-наглухо заколочено. Въ такомъ видѣ свѣтлица сдѣлалась для нея хуже тюрьмы: у ней отняли послѣднее утѣшеніе, послѣднюю радость. Съ этого времени она не могла терпѣть

мамку и выгоняла ее отъ себя, какъ скоро та появлялась.

Что сдѣлалось съ бѣднымъ сердцемъ ея, съ бѣднымъ разсудкомъ? Крутыя мѣры противъ нея только усиливали ея любовь, а ей казалось, что съ пріѣздомъ Антона очарованіе дѣйствуетъ на нее сильнѣе, неотступнѣе. Мученія ея были нестерпимы; она готова была лишиться разсудка или, въ самомъ дѣлѣ, наложить на себя руки, какъ обѣщала мамкѣ. Селинова, посѣщая ее, то и дѣло подкладывала горючихъ веществъ подъ костеръ, и безъ того неугасимый, то и дѣло питала въ несчастной мысль, что она околдована. Надо было разрубить этотъ узелъ, который судьба затягивала на смерть.

Прошла недѣля въ такой душевной тревогѣ. Анастасія рѣшилась на тяжкій, но необходимый подвигъ. Она ждала только случая исполнить его. Случай этотъ наступилъ. Братъ еще не пріѣзжалъ изъ Твери, отецъ поѣхалъ къ пріятелю на пиръ по случаю какого-то домашняго праздника, мамка отправилась на *торгъ* для закупокъ; постоялецъ былъ дома,—это доказывали прилетавшіе изъ его комнаты печальные звуки его голоса и волшебнаго снаряда, которымъ онъ, между прочими средствами, очаровывалъ дочь Образца. Сердце ея замирало въ груди такъ, что дышать было тяжело. Рѣшалась идти, и боялась. Стыдливость, страхъ, любовь подъ видомъ тоски неизъяснимой долго боролись въ ней и привели ее въ лихорадочное состояніе. Наконецъ какое-то изступленіе овладѣло ею: она рѣшилась... и послала сѣнную дѣвушку просить къ себѣ Селинову. Эта знала зачѣмъ, и поспѣшила явиться.

Сѣнныя дѣвушки отпущены въ садъ погулять, въ хороводы поиграть.

Анастасія подала дрожащую руку Селиновой. Онѣ вышли изъ свѣтлицы и спустились по темной лѣсенкѣ, ведущей на половину басурманскую. Нѣсколько разъ дочь Образца просила свою подругу дать ей отдохнуть, не разъ скользила ея нога по ступенькамъ.

Передъ ними роковая дверь.

Анастасія остановилась у двери, она съ трудомъ перевела духъ. Сквозь туманъ ея мыслей представилась ей еще разъ одна, ужасная. Къ кому идетъ она, дѣвица, дочь боярина?.. Къ мужчинѣ, къ чужеземцу. Если бъ видѣлъ отецъ, братъ!.. Одинъ взглядъ ихъ убилъ бы ее на мѣстѣ. Еще время одуматься, можно еще воротиться. Она посмотрѣла на свою подругу, какъ бы умоляла ее о помощи. Лучъ свѣта, сквозь желѣзныя двери, падалъ на лицо ея. Селинова замѣтила ея нерѣшимость, и, вмѣсто того, чтобы удержать слабую, изступленную дѣвушку на роковомъ порогѣ, отодвинула желѣзный запоръ, дверь отворилась... Легкій толчокъ впередъ лукавой посредницы, и Анастасія на половинѣ басурманской, въ горницѣ, гдѣ самъ Антонъ-лекарь... Селинова успѣла осторожно спрятаться за дверь такъ, что онъ не замѣтилъ ея.

Антонъ, положивъ віолю на столъ, сидѣлъ, облокотясь на него, въ глубокой задумчивости. Шорохъ за дверью заставилъ его встрепенуться. Онъ сталъ прислушиваться... Шорохъ усилился за дверью. Что это значитъ? Не нападеніе ли какое? Странно, днемъ? изъ половины боярской?.. Оружіе на стѣнѣ, почти подъ рукою; стоитъ только сдѣлать шагъ и схватить. Бояться нечего. Развѣ сила одолѣетъ?.. Но

изъ какой причины? Развѣ изъ ненависти къ басурману?..

Вотъ, стукнули запоромъ... скрипнула дверь... отворилась...

Боже! Анастасія? . Она сама. Антонъ вскрикнулъ и всплеснулъ руками. Обезумленный ея появленіемъ, онъ не имѣлъ силъ двинуться съ мѣста.

Анастасія у ногъ его, молитъ его о чемъ-то... Наконецъ онъ едва можетъ разслушать слова: «сжалься, смилуйся надо мною... сними съ меня нечистую силу... не смогу болѣе нести... тяжело! душитъ меня!..»

Молодой человѣкъ поднимаетъ ее, беретъ за руки, сжимаетъ ихъ въ своихъ рукахъ, умоляетъ ее объясниться, говоритъ: «что ему должно быть у ногъ ея», и вмѣсто того, чтобы ждать объясненій, разсказываетъ ей въ самыхъ нѣжныхъ, пламенныхъ выраженіяхъ свою любовь, свои муки и опасенія. Изступленная, въ слезахъ, вся пылая, она кажется еще прекраснѣе, чѣмъ онъ видалъ ее прежде, издали. Нѣтъ, никогда въ жизни своей, въ Италіи, на родинѣ, на пути въ Москву, не встрѣчалъ онъ женщины, которую дерзнулъ бы хоть приблизительно сравнить съ нею. Только въ головѣ художника-поэта могъ осуществиться идеалъ ея. Онъ не знаетъ, что говоритъ, что дѣлаетъ; увлеченный своими чувствами, клянется ей въ вѣчной любви и осмѣливается напечатлѣть поцѣлуй на рукѣ ея.

И она, что пришла она сказать ему, о чемъ пришла его молить?. Гдѣ ея намѣренія, цѣль борьбы ея? Его голосъ, его рѣчи и ласки — все перевернули вверхъ дномъ. Она забыла прошедшее, она не понимаетъ настоящаго; но это настоящее такъ сладко. такъ

пріятно струится въ ея крови, что она не промѣнятъ его на всѣ протекшіе годы жизни своей. Языкъ ея хотѣлъ дать ему имена врага Божьяго, колдуна, очарователя, и не смѣетъ произнести этихъ словъ, будто богохульство. «Свѣтъ мой, радость моя», — желала бы она вымолвить, но и того пуще не сможетъ, хотя сердце втайнѣ и твердитъ эти имена. Рука ея въ его рукѣ; хотѣла бъ отнять,—не въ силахъ. Наконецъ она зарыдала и упала на грудь его.

Антонъ береть ее въ свои объятія, сажаетъ на скамейку, становится передъ нею на колѣна. Смутно понимая, что она хотѣла сказать ему словами «нечистая сила, очарованіе», и соображая съ этими словами слухи, распущенные о немъ по Москвѣ, клянется Господомъ Богомъ, Пречистою, всѣми святыми, что онъ христіанинъ, почитаетъ волшебство великимъ, смертнымъ грѣхомъ и никогда не думалъ дѣлать какія-либо чары надъ ней. Въ свидѣтели указываетъ ей на икону греческаго письма, поставленную въ его комнатѣ, крестится русскимъ крестомъ, вынимаетъ изъ груди и цѣлуетъ серебряный тѣльникъ, выпрошенный имъ у Хабара.

— Люблю тебя болѣе всего на свѣтѣ, — говоритъ онъ ей,—болѣе матери родной. Только и отрады хоть издали увидѣть тебя; сохну, какъ листъ осенній, безъ тебя, свѣтъ очей моихъ, жизнь моя! Не промѣняю взгляда твоего на всѣ груды золота, на богатство великаго князя, на почести бояръ его, всѣхъ вмѣстѣ. Поэтому и я околдованъ, и на меня насланы чары. Нѣтъ, безцѣнная, дорогая моя, это любовь, а не колдовство. Богу такъ угодно было, а не силѣ поганой. Потребуй отъ меня, чего хочешь, отдамъ тебѣ по куску тѣла моего, по каплѣ крови; прикажи, вымолви

только слово, и я исполню его. Ненавистенъ я тебѣ, вели мнѣ убѣжать въ землю далекую, — я убѣгу и изною тамъ въ тоскѣ по тебѣ, но исполню волю твою.

— Нѣтъ, — сказала Анастасія, вдохновенная любовью: — останься, только окрестись въ нашу вѣру.

Та, за честь которой онъ отдалъ бы свою жизнь, переступила порогъ мужской комнаты; этотъ поступокъ кинулъ пятно на дѣвственное покрывало ея. Антонъ видитъ бездну, надъ которою судьба поставила неопытную дѣвушку и его самого; зашли слишкомъ далеко, чтобы воротиться, и — онъ даетъ обѣтъ принять русскую вѣру. Условіемъ только рука ея. Отвѣта нѣтъ, но за нее говорятъ прекрасныя очи, подернутыя завѣсою черныхъ, длинныхъ рѣсницъ, румянецъ, играющій на щекахъ. Онъ обвилъ ея станъ своею рукою и прижалъ ее къ сердцу. Поцѣлуй замеръ на губахъ ея, поцѣлуй жениха невѣстѣ, обручившій ихъ на жизнь и на смерть. Анастасія не имѣла силъ противиться.

Дверь скрипнула: Анастасія опомнилась и вырвалась изъ его объятій.

— Кто жъ тамъ?—спросилъ въ ужасѣ молодой человѣкъ.

— Моя подруга... не бойся... — отвѣчала Анастасія, бросившись въ дверь.

Антонъ стоялъ, какъ вкопанный, на одномъ мѣстѣ, будто ошибло его громомъ.

— Подруга? поэтому честь дѣвушки въ залогѣ у третьяго лица, — думалъ онъ, и подтвердилъ въ душѣ своей роковой обѣтъ.

Желѣзная дверь вздохнула на своихъ петляхъ, стукнулъ запоръ, и всѣ бездушныя вещи пришли на свои

мѣста. Но какое превращеніе испытали трое существъ, разыгравшихъ прошедшее явленіе. Да, трое, потому что Селинова, готовая на отраву любовника и на самоубійство для него, готовая въ минуту мести на злодѣяніе и въ минуту великодушія на необыкновенныя жертвы, была такъ тронута любовью Антона и дочери Образца, что раскаялась въ своихъ гнусныхъ поступкахъ и намѣреніяхъ противъ нихъ. Она дала Анастасіи клятву молчать о ихъ свиданіи, оставила ее наслаждаться своимъ счастіемъ, которое, — знала она по опыту, — бываетъ такъ быстролетно на землѣ, и прямо побѣжала къ Мамону. Здѣсь, со слезами на глазахъ, ударяя себя въ грудь, призналась ему, что все сказанное насчетъ Анастасіи выдумано ею, все клевета, ложь, что она, истерзанная, измученная раскаяніемъ, готова подтвердить это подъ ужасною присягою, даже *подъ колоколами*, если понадобится. Раздраженный этимъ признаніемъ, сокрушенный имъ въ лучшихъ своихъ надеждахъ, Мамонъ грызъ себѣ кулаки и едва не вытолкалъ молодую вдову изъ дому своего.

Что жъ съ Анастасіей?.. Гдѣ она была, что слышала, что ощущала? — На рукѣ, на устахъ, въ груди, во всемъ ея существѣ горятъ слѣды, которые и въ гробъ возьметъ съ собою. Какъ пригожъ, какъ ласковъ!.. Нѣтъ, онъ не поганый басурманъ, не чернокнижникъ, а милый Антонъ, родной ея, суженый, сокровище ненаглядное. Что она чувствовала, и Антонъ то же чувствовалъ; что съ нею было, было и съ Антономъ: это не колдовство — это называютъ любовью. Глупенькая, она этого прежде не понимала! Неправду сказали ей и подруги ея про любовь: видно, онѣ сами не знали ея. Онъ окрестится въ русскую вѣру... бу-

детъ сватать ее... отецъ спроситъ: «Любъ ли тебѣ Антонъ?»—«Любъ мнѣ, какъ свѣтъ Божій»,—скажетъ она. Нѣтъ, она этого не посмѣетъ сказать отцу, онъ пойметъ изъ ея молчанія... Чего не говорилъ ей воркунъ, сизый голубчикъ! Въ ласковыхъ рѣчахъ отца, брата, подругъ не было такихъ рѣчей. Откуда взялъ онъ ихъ? Такъ радостно, такъ хорошо отъ нихъ было душѣ, ввѣкъ хотѣла бы слушать, и не наслушалась бы. Многихъ словъ не поняла: видно, тѣхъ приманныхъ, прилучныхъ словъ, что шепталъ онъ ей и во снѣ, на которыя за отвѣтомъ развѣ на небо Господне сходить! А какъ взялъ ее за руку, свѣта Божьяго не взвидѣла, въ глазахъ помутилось. Вотъ этакъ разъ мамка, смѣха ради, напоила ее хмѣльнымъ медомъ. Правда, въ глазахъ было мутно, да сердцу такъ хорошо не было, не знаешь, какъ ужъ и разсказать. А какъ поцѣловалъ ее въ уста... Господи, не помнитъ она, жива ли была или умерла на это время!

Анастасія—вся кипучій восторгъ, вся расцвѣтъ жизни, какъ полный праздничный фіалъ подъ вѣнцомъ своей искрометной влаги, какъ роза, вспыхнувшая изъ своей дѣвственной почки отъ пламеннаго луча полудня.

Что-жъ было съ Антономъ?.. Не дитя ли онъ, которому случай послалъ дорогую игрушку, ожиданную съ тоскою и страхомъ нетерпѣнія... Нѣтъ, онъ молодъ лѣтами, но мужъ душою, готовый выручить слово свое изъ борьбы съ властями земли, со всѣми наслаліями рока. Онъ не пойдетъ назадъ, хотя бъ стояла передъ нимъ бездна. Онъ далъ обѣтъ, и исполнитъ, развѣ смерти уступитъ. Въ сердцѣ его нѣтъ ужъ борьбы, есть одинъ долгъ, святой, неизмѣнный.

Кстати его рѣшенію помогаетъ мысль, что мать, воспитатель намекали ему, только-что не приказывали, въ каждомъ письмѣ остаться на Руси. Мать сама обѣщала, по какимъ-то важнымъ, но тайнымъ причинамъ, переселиться къ нему, если онъ найдетъ свою осѣдлость въ этой сторонѣ. Русь будетъ его вторымъ отечествомъ—въ такомъ случаѣ надо принять и исповѣданіе ея. Чтожъ? исповѣданіе христіанское, чистое отъ укоризны въ злоупотребленіяхъ и фанатизмѣ, въ которыхъ можно упрекнуть западную церковь. Цѣлые народы полудня волнуются за новыя религіозныя мнѣнія; Виклефъ, Гуссъ имѣютъ тысячи послѣдователей: за эти мнѣнія родина его пролила столько крови!.. Правда, тамъ дѣйствуетъ убѣжденіе, а здѣсь не корысть ли, не себялюбіе ль?.. Нѣтъ, и здѣсь не одна корысть, одна любовь. Спасеніе ближняго, друга, сестры, невѣсты отъ безчестья, отъ погибели здѣсь и на томъ свѣтѣ, спасеніе всего семейства ея отъ позора, престарѣлаго отца отъ преждевременной смерти, себя самого, можетъ быть, отъ ужаснаго грѣха убійства не есть ли тоже цѣль высокая, достойная и великихъ пожертвованій?.. Антонъ знаетъ, что этими жертвами не губитъ души своей; а хотя бъ пришлось и погубить ее для Анастасіи, для спасенія чести ея, которая была пущена въ такую ужасную игру, онъ не задумается. Такими доводами вооружался герой нашей повѣсти, чтобы успокоить свою совѣсть, немного мятежную. Нечего грѣха таить — многіе изъ нихъ диктовало ему сердце, страсть, а не разумъ, не сила воли. Не хотимъ его сдѣлать лучше, чѣмъ онъ былъ.

Получить руку боярской дочери не есть мысль

безразсудная. Одно условіе — исповѣданіе. Съ исполненіемъ этого условія иноземцу свободенъ входъ въ домъ Божій, помазанная святымъ елеемъ голова можетъ стоять подъ брачнымъ вѣнцомъ съ русскою дѣвицею. Сколько примѣровъ было, что татары новокрещенные женились на дочеряхъ боярскихъ! Отцы думаютъ спасти душу свою такими браками, которые, по мнѣнію ихъ, искупаютъ поганыхъ отъ огня вѣчнаго. Самъ великій князь одобрялъ подобные союзы русскихъ съ иноземцами и дарилъ новобрачныхъ помѣстьями. Богъ видитъ, не помѣстья прельщаютъ Антона: онъ отъ нихъ откажется.

Но рука Анастасіи обѣщана великимъ княземъ касимовскому царевичу Каракачѣ, но бояринъ Образецъ питаетъ къ своему постояльцу особенное недоброжелательство?.. Какъ предупредить ужасный союзъ съ татариномъ и разрушить препятствія, раздѣляющія его съ отцомъ Анастасіи? Къ кому ближе, успѣшнѣе прибѣгнуть для достиженія того и другого?.. Въ такихъ мысляхъ засталъ его Андрюша.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РОДИМЕЦЪ ХУДОЖНИКА

Любовникъ, когда онъ видитъ смерть обожаемой женщины, мать, разлученная навѣки съ дочерью, отецъ, отверженный неблагодарными дѣтьми, изгнанникъ, который не можетъ обнаружить клеветы, — всѣ эти несчастливцы не знаютъ тѣхъ страданій, какія испытываетъ художникъ, когда, непризнанный, онъ переходитъ въ вѣчность.

«Ролла во Флор.» — *Лафонъ*

— Милый, ахъ, милый Антонъ! спаси отца моего! — вскричалъ сынъ Аристотеля, вбѣжавъ въ комнату.

— Что съ нимъ сдѣлалось? — спросилъ лекарь, цѣлуя малютку. — Да ты самъ въ крови?

— Ушибъ немного високъ... упалъ съ лѣстницы... пройдетъ... Но отецъ, отецъ! ахъ, что съ нимъ будетъ! Вотъ ужъ сутки не пьетъ, не спитъ, все бредитъ, жалуется, что ему не даютъ подняться до неба... Давече, къ утру, закрылъ глаза; подошелъ я къ нему на цыпочкахъ, пощупалъ голову, — голова горитъ, губы засохли, грудь дышитъ тяжело... откроетъ мутные глаза, смотритъ и не видитъ, и говоритъ самъ съ собою непонятныя рѣчи. Теперь сидитъ на площади, на кирпичахъ, что готовятъ подъ Пречистую, махаетъ руками и бьетъ себя въ грудь.

— Успокойся. Это ничего, душа моя... какое-нибудь огорченіе художника. Пойдемъ къ нему и посмотримъ, что надо съ нимъ сдѣлать.

Они поспѣшили выдти и почти бѣгомъ направили путь свой къ развалинамъ Успенскаго собора.

Художника застали еще въ томъ положеніи, въ какомъ оставилъ его Андрюша. Голова его не была покрыта, вѣтерокъ развѣвалъ безпорядочно длинные волосы, въ мутныхъ глазахъ изображалось отчаяніе; золотая цѣпь съ гривною, даръ великаго князя, лежала задомъ напередъ. Между грудами камней онъ казался живою развалиной. Съ приходомъ лекаря ироническая улыбка пробѣжала по губамъ его.

— Откуда? — спросилъ онъ, обращаясь къ Антону. — Не изъ двора ль господина всей Руси? Что? чай, лечилъ попугаевъ, кошекъ великокняжескихъ? Польза впередъ изящнаго! Такъ и должно быть. Лечи, лечи, братъ, это здоровѣе, нежели тягаться за тайнами неба!.. И языки смотрѣлъ у царедворцевъ?.. А?.. Въ здоровомъ положеніи?.. Попрежнему намазаны медомъ, когда надо говорить горькую истину, попрежнему— ядомъ, когда надо защищать угнетенныхъ?.. Насыпалъ бы на нихъ негашеной извести, вытянулъ бы имъ горячими клещами до второго пришествія!.. Пигмеи!.. Что, господинъ лекарь, черпальщикъ живой и мертвой воды, теперь пришелъ посмотрѣть на униженіе художника, посмѣяться, какъ рука невѣжества свалила разомъ всѣ лучшія мечты его, которыми онъ хотѣлъ на небо?.. Смотри, любуйся!.. Чай, смѣшно?.. Не насмѣхайся заранѣе: подожди, та же участь ждетъ тебя!

— Мы пришли утѣшить тебя, помочь тебѣ своею

любовью, — сказалъ Антонъ, тронутый до слезъ. — Ты не узнаешь дѣтей своихъ?

— Помочь?.. Поздно!.. (Аристотель покачалъ головой). Нѣтъ у меня дѣтей!.. Посмотрите, вотъ было мое созданіе, мое дѣтище (онъ указалъ на разорванные клочки чертежа, разсыпанные кругомъ). Это гробъ его. Похороните меня здѣсь, съ нимъ вмѣстѣ... Гробъ, ничтожество, вотъ что меня ждетъ!.. Я хотѣлъ создать имъ храмъ, храмъ Богу, понимаете ли? Куда имъ! Имъ надо пушки, колокола, чѣмъ огромнѣе, тѣмъ лучше, чѣмъ звучнѣе, тѣмъ изящнѣй! Хорошо, смастерю имъ колоколъ, чтобы гудѣлъ про весь міръ о ихъ невѣжествѣ, чтобы зычалъ, какъ они завлекли меня сюда на приманку небесную и вмѣсто нея засыпали мнѣ глаза пескомъ, известью. Вылью имъ изъ мѣди пушку въ двѣ версты, поставлю ее противъ этого городишка — все въ развалины, все въ прахъ, и живое, и мертвое!.. О, тогда я останусь одинъ. Никто не помѣшаетъ мнѣ созидать храмъ. Я могу еще собрать части его: онъ тутъ еще (Аристотель ударилъ себя кулакомъ по головѣ и въ грудь), тутъ, пока я живъ. Тогда изъ развалинъ построю храмъ живому Богу: пускай народы придутъ издалече покланяться ему въ этой огромной пустынѣ!

Горько было Андрюшѣ слышать безумную рѣчь отца. Онъ сидѣлъ на камнѣ возлѣ него, цѣловалъ его руки и обливалъ ихъ слезами. Желая хоть сколько-нибудь поправить и заставить извинить безпорядокъ его наружности, унижающій родного старика въ глазахъ прохожихъ, онъ скинулъ, будто отъ жара, шапочку, чтобы подпариться ему, и поправилъ на немъ цѣпь. Аристотель взглянулъ на него съ участіемъ.

— Поправь, поправь, дитя мое, — сказалъ онъ, гладя сына по головѣ. — Это дорогая, высокая награда за обжигу кирпича, за мосты, за большую пушку! Тебѣ жъ достанется въ наслѣдство съ именемъ литейщика и муровщика!.. (Немного подумавъ и покачавъ головою). Не о такой наградѣ думалъ я, когда ѣхалъ сюда: цѣпью безсмертныхъ годовъ думалъ украсить свое имя; славное имя Аристотеля-Художника, создателя храма, хотѣлъ я оставить тебѣ въ наслѣдство. (Онъ остановился и заплакалъ). Благодарю Бога, удержался хоть тебя сдѣлать художникомъ. Помнишь, Антонъ, ты упрекалъ меня за это?

Лекарь видѣлъ въ слезахъ своего друга добрый знакъ; обрадованный также, что рѣчь склонилась на Андрюшу, онъ старался поддержать ее.

— Не упрекалъ, добрый другъ мой, — сказалъ онъ, — а спрашивалъ только о назначеніи твоего сына. Не будь неблагодаренъ къ милостямъ Творца: для фамиліи Фіоравенти Онъ былъ щедръ на великіе удѣлы. Братъ твой знаменитый врачъ; обѣтованная земля изящнаго, Италія, чтитъ въ тебѣ великаго художника; сыну твоему выпалъ жребій воина. Кто знаетъ, какими великими подвигами не означится этотъ жребій! Ты, конечно, поступилъ благоразумно, предоставивъ ему путь, открытый ему такъ широко самою судьбою и отважнымъ характеромъ его. Не всѣмъ идти по одной дорогѣ.

Въ это время на небѣ насупилась туча, вѣтеръ завылъ, будто прорванная плотина, и сталъ прохватывать художника. Онъ ощупалъ голову. Андрюша предупредилъ его и подалъ беретъ, который за нимъ несъ, когда отецъ выходилъ изъ дому, а потомъ положилъ

недалече отъ него, между камнями. Аристотель накрылъ голову.

— Будетъ сильный дождь, — сказалъ сынъ его.

— Укроемся у меня, — подхватилъ Антонъ, и подалъ руку художнику.

Этотъ не противился и, молча, какъ покорное дитя, послѣдовалъ за нимъ, но прежде посмотрѣлъ на лоскуты чертежа. Ему какъ бы жаль было, что ихъ намочетъ дождемъ. Андрюша понялъ взглядъ отца, подобралъ лоскуты и бережно положилъ ихъ къ себѣ за пазуху.

— Да, хорошо, умно сдѣлано! — говорилъ Аристотель грустнымъ голосомъ, идя къ своему другу.

Онъ остался ночевать у Антона и цѣлые сутки пробылъ въ тревожномъ состояніи духа и тѣла. Рѣчи его большею частію были несвязны. Наконецъ онъ сталъ приходить въ себя, а когда образумился, началъ охуждать свое назначеніе. Такъ, или почти такъ, говорилъ онъ своему молодому другу:

— Ты не знаешь, Антонъ, что такое жизнь художника! Еще дитя, онъ тревожится непонятными, тяжкими думами; ему геній-сфинксъ задалъ ужъ свои загадки; въ немъ засѣлъ ужъ Прометеевъ воронъ и растетъ вмѣстѣ съ нимъ. Товарищи играютъ, веселятся; они готовятъ на зрѣлые лѣта воспоминанія о райскихъ дняхъ дѣтства, которыхъ дважды не бываетъ: придетъ время, онъ будетъ помнить однѣ мучительныя грезы этого возраста. Настанетъ юность: для другихъ это время любви, связей, разгулъ, пиръ жизни; для художника ихъ нѣтъ. Дикарь, отступникъ общества, онъ бѣжитъ красавицъ, бѣжитъ веселія въ пустыню своей души, и тамъ, въ тоскѣ неизъяснимой,

въ слезахъ вдохновенія, на колѣняхъ передъ своимъ идеаломъ, молитъ его сойдти на землю, въ его скудельную обитель. И ждетъ онъ дни, ночи, и сохнетъ по красотѣ неземной. Горе ему, если она не посѣтитъ его! еще бо̀льшее горе, если посѣтитъ! Нѣжный составъ юноши не выдержитъ ея брачнаго поцѣлуя; ея удѣлъ — союзъ съ богами, и земной уничтожится въ ея объятіяхъ. Не говорю объ ученіи, о заготовкѣ механической. И тутъ на каждомъ шагу вещественность цѣпляется за тебя, ставитъ тебѣ преграды; проводитъ безобразную жилу на мраморѣ твоего болвана, мѣшаетъ сажу въ твой карминъ, путаетъ воображеніе сѣтью уродливыхъ чиселъ и формулъ, велитъ быть рабомъ у маляра или каменотесца. А что ждетъ тебя, когда выйдешь побѣдителемъ изъ этой школы механики, когда успѣешь сбросить съ себя тяжкую сумму тысячи ненужныхъ правилъ, которыя педантизмъ навалитъ на тебя, когда возьмешь на выборъ только тѣ законы, которые такъ просты и единичны?.. Что ждетъ тебя тогда? Опять вещественность! Бѣдность, нужды, трудъ заказной, оцѣнщики, соперники, эта вся голодная стая, которая разомъ налетитъ на тебя и готова разорвать, лишь только узнаетъ, что ты чистый сосудъ дара Божьяго. Душа твоя хочетъ творить, а тутъ желудокъ требуетъ куска хлѣба, вдохновеніе подвязало тебѣ крылья, а тѣло проситъ не только прикрыть наготу свою обычною покрышкой, но и тонкаго сукна, шелка, бархата, чтобы явиться передъ судьями твоими въ приличной одеждѣ, безъ которой тебя не примутъ, ты и твое произведеніе умрете въ неизвѣстности. Чтобы достать пропитаніе, одежду, надо *работать:* тебѣ торгашъ заказываетъ анбары и

погреба, синьоръ—конюшни и псарни. Вотъ наконецъ приготовилъ ты себѣ насущный хлѣбъ, одѣлъ прилично свои кости и мясо: вдохновеніе жаждетъ своей пищи, просится изъ твоей души въ образы, въ формы. Ты творишь, ты сводишь свой идеалъ въ исполненіе. Какъ быстро задвигались колеса твоего существа! Бытіе твое удесятерено, пульсъ твой бьется, какъ бы ты дышалъ атмосферой самыхъ высокихъ горъ. Ты тратишь въ одинъ день мѣсяцы жизни. Сколько ночей, проведенныхъ безъ сна, въ неразрывной цѣпи дней, исполненныхъ тревоги! Лучше сказать, нѣтъ дней, нѣтъ ночей для тебя, нѣтъ временъ года, какъ для другихъ людей. Кровь твоя то кипитъ, то леденѣетъ, лихорадка воображенія изнуряетъ тебя. Восторгъ тебя сожигаетъ, неудача исполненія бѣситъ, терзаетъ на части; тебя мучитъ то страхъ людскаго мнѣнія, то боязнь умереть, не кончивъ труда. Прибавь неотступную тѣнь славы, которая ходитъ вездѣ по пятамъ твоимъ и не даетъ тебѣ минуты покоя. Вотъ періодъ творчества! Творя ты жилъ у подножія высшей красоты. Земные окружаютъ твое произведеніе, судятъ, цѣнятъ, разбираютъ по суставамъ: покровители хвалятъ орнаменты, величину столбовъ, тяжесть груда; милостыне-раздаватели бросаютъ въ честь твою жетоны, или подползаютъ мышками подъ чертежи твои и во мракѣ ночей грызутъ ихъ. Нѣтъ, другъ мой жизнь художника — жизнь мученика!

Такъ говорилъ Аристотель, не давая Антону лать ему возраженія, за которыя этотъ нѣсколько разъ осторожно принимался. Когда жъ онъ успокоился, молодой человѣкъ осмѣлился отвѣчать ему:

— Незавидное изображеніе художника сдѣлалъ ты!

Позволь мнѣ сказать, ты снялъ одну черную сторону картины. Только два, три вопроса, и я замолчу.

— Ожидаю ихъ.

— Развѣ творя, или, какъ ты справедливо объяснился, живя у подножія высшей красоты, лобызая края ризы ея, не наслаждался ты въ одинъ мигъ восторгами, которыхъ простой смертный не купитъ цѣлою жизнью своей? Развѣ, выполняя свой идеалъ, не имѣлъ сладкихъ, райскихъ минутъ, которыхъ не хотѣлъ бы промѣнять на всѣ сокровища міра? Развѣ воспоминаніемъ этихъ минутъ не былъ ты счастливъ? Мало ли награжденъ отъ Бога?.. Не свыше ли милліона подобныхъ тебѣ?.. Ты грѣшишь, другъ мой!

— Правда, правда, Антоніо!—воскликнулъ художникъ, съ чувствомъ пожимая его руку:—всѣмъ этимъ я наслаждался. И если бъ мнѣ опять пришлось начинать жизнь свою, если бъ отдавали мнѣ на выборъ радости богача, побѣдителя, царя и мои прошедшія радости, я взялъ бы опять послѣднія, опять пошелъ бы смиренною тропою художника. Такъ, мнѣ дано, что мнѣ было надо, чего требовала душа моя еще до появленія въ этотъ міръ. Но — человѣкъ странное существо; самолюбіе, назови какъ хочешь, доводитъ его до безумія. Ему мало самому наслаждаться своимъ созданіемъ, онъ хочетъ, чтобы другіе, тысячи наслаждались имъ; мало ему хвалы современниковъ, онъ хочетъ, чтобы потомство, будущія поколѣнія, будущіе вѣки покланялись ему. Негодуя на краткость своей жизни, онъ стремится жить и за гробомъ. Мертвый, подъ могильнымъ камнемъ, онъ не услышитъ себѣ ни похвалы, ни осужденія; но терзается заранѣе, если обреченъ послѣднимъ, заранѣе наслаждается, мечтая,

какъ имя его будетъ переходить изъ устъ въ уста, когда онъ будетъ лежать въ землѣ.

— Прекрасное стремленіе!—сказалъ Антонъ.—Безъ него чѣмъ отличить бы человѣка отъ животныхъ? безъ него земля лишилась бы лучшаго своего украшенія, человѣчество — лучшихъ своихъ подвиговъ.

— Хорошо, хорошо, мой другъ! Мы пришли къ тому, съ чего бы должны начать. Чтожъ значитъ стремленіе къ прекрасному безъ исполненія, высокое, благородное желаніе жить въ вѣкахъ, чувство самопознанія, силы воли, дара въ себѣ, возможности творить достойное безсмертія и не имѣть возможности осуществить свое созданіе въ достойныхъ вѣковыхъ формахъ?.. Существенность, злая существенность, вотъ что меня мучитъ, пожираетъ! вотъ что приводитъ меня въ безуміе!.. Слушай, и осуди меня, если я достоинъ.—Сказывалъ я тебѣ, съ какими высокими, пламенными надеждами направилъ я путь свой въ Московію, отъ какихъ богатыхъ предложеній отказался, чтобы осуществить эти надежды. Ни дружба дожа Марчелли, ни усердные зазывы другихъ италіянскихъ властителей, ни моленія родныхъ и друзей, ни будущность въ неизвѣстной землѣ, которою меня пугали, ничто не остановило меня. Я оставилъ свое отечество съ его благословеннымъ небомъ, пошелъ въ землю далекую, на край свѣта, въ снѣжные сугробы, прельщенный обѣщаніями, которыя льстили моему сердцу, и собственною увѣренностью располагать здѣсь для *моего дѣла* средствами, какія только пожелаю. Здѣсь, единственный художникъ, лелѣемый властями, любовью, уваженіемъ народа религіознаго, готоваго на всѣ жертвы для дѣла церкви, я мечталъ осу-

ществить свое созданіе скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Наконецъ я здѣсь. Ты знаешь, какихъ труженическихъ услугъ стоило мнѣ пріобрѣтеніе милостей великаго князя. Ему служилъ я какъ поденьщикъ; лицо мое опалено порохомъ, спина преждевременно согнута, на рукахъ мозоли. Такими трудами дошелъ однакожъ до апогея царскихъ милостей. И любовь народа, черни пріобрѣлъ я до того, что получаю самъ вклады на построеніе церковное. Сынъ, котораго я отдалъ этому народу въ залогъ моей преданности, моей вѣрности ему, котораго окрестилъ въ русскую вѣру, помощь моя въ ратномъ дѣлѣ, строгая жизнь, приготовленіе грубыхъ матеріаловъ, литье пушекъ, колоколовъ, самое имя церковнаго строителя, все доставило мнѣ уваженіе и любовь русскихъ. Матеріаловъ для храма приготовилъ я много и могъ бы еще приготовить во время стройки; десятки тысячъ кирпичей ежедневно привозятся даромъ съ заводовъ монхъ. Бояре, имѣющіе избы вокругъ Успенія, охотно снимаютъ ихъ подъ церковное мѣсто: «подъ основаніе дома Божьяго готовы мы и себя положить», говорятъ они. Я могъ располагать еще тысячами усердныхъ рукъ. Казна Іоаннова, обогащенная побѣдами, въ которыхъ я не мало участвовалъ, открываетъ мнѣ свои средства. Всѣ, вмѣстѣ съ новымъ торжествомъ по случаю завоеванія Твери, давало мнѣ право приступить къ выполненію моего созданія. Недоставало только слова Іоанна: *да будетъ!* Вотъ третьяго дня велѣно мнѣ было представить ему чертежи свои. Приношу ихъ. Самъ великій князь, Софія и высшая духовная особа моими судьями. Съ трепетомъ сердца раскрываю чертежи, объясняю ихъ... Вижу неудовольствіе на лицѣ Іоанна, еще

бо̀льшее на лицѣ духовной особы; Софія смотрѣла на меня съ сожалѣніемъ и живымъ участіемъ. — «Помилуй,—сказалъ великій князь,—что это хочешь ты намъ выстроить?» — «Храмъ Божьей Матери, который былъ бы Ея достоинъ», — отвѣчалъ я. — «Храмъ?.. возразилъ Іоаннъ.—Мы хотимъ домъ Божій; а ты что намъ сдѣлалъ?.. Ѣздилъ ты во Владиміръ, видѣлъ тамъ соборную церковь?»—«Ѣздилъ и видѣлъ». — «Такую построй, господинъ Аристотель, только немного побольше и потолще; та для Владиміра, а намъ для Москвы, понимаешь? За-то молвимъ тебѣ отъ всей православной Руси доброе слово и безъ награды не оставимъ». — «Когда такъ, зачѣмъ же звалъ ты славнаго мастера изъ Венеціи?—сказалъ я съ сердцемъ, свертывая свои чертежи.—Велѣлъ бы построить муровщику любому!— «Вотъ ты и прогнѣвался! Постой, покажи опять свои листы». (И сталъ онъ снова разсматривать ихъ). «Воля твоя, мудрено что-то, *не про насъ писано.* Кажется, и на бумагѣ, того и гляди, задавитъ тебя».—Въ это время духовная особа посмотрѣла на чертежи и примолвила: — «Совершенная божница латинская!» — «Только не жидовская школа»,—возразилъ я. Духовная особа поблѣднѣла. Софія стала защищать меня, говоря, что такой храмъ будетъ на удивленіе чужеземцамъ, что въ самомъ Константинополѣ церковь въ честь ея святой едва ли будетъ равняться съ нимъ красотою и величіемъ. Великій князь покачалъ головой и призадумался. — «А сколько саженъ человѣчьихъ надо подъ церковь твою?»—спросилъ онъ.—«Двѣсти»,—отвѣчалъ я. — «Двѣсти? ты обезумѣлъ, Аристотель! Поэтому боярскіе хоромы помеломъ, церкви извѣчныя долой».— «Избы твоихъ бояръ и часовни, которыя вы называете

церквами, конечно, долой. Если хочешь быть великимъ государемъ, надо и дѣлать все великое, достойное удивленія народовъ». — «Ладно; да гдѣ мы возьмемъ столько кирпичей?» — «На моихъ заводахъ ихъ много приготовлено, приготовлю ихъ еще больше». — «Откуда жъ возьму для Кремля? Не забудь, мнѣ надо поставить стѣну, ворота, стрѣльницы». — «Гдѣ хочешь, государь, а я готовилъ кирпичъ подъ храмъ Пречистой, а не для твоихъ татарскихъ башенъ». — «Нѣтъ, этому не быть»! — вскричалъ въ гнѣвѣ Іоаннъ: — «ты обезумѣлъ, Аристотелъ, на тебя нашелъ родимецъ. Много тѣшилъ я тебя, а этому не бывать, — не въ мочь. Согну дубъ въ дугу, да какъ слажу, чтобы онъ выросъ до неба! И вся Русь только-что оперяется, а ты хочешь ощипать у нея послѣднія перья. Гнѣвайся или не гнѣвайся, хочу, чтобы соборъ Пречистой былъ построенъ по образцу владимірскаго, только попросторнѣй и потолще; чтобы это былъ домъ Божій, а не храмъ, не божница латинская». — «У тебя много фряжскихъ палатныхъ мастеровъ, прикажи имъ». — «Хочу, чтобы ты строилъ». — «Не стану». — «Въ цѣпи тебя!» — вскричалъ Іоаннъ, застучавъ посохомъ и пожирая меня разожженными очами: — «въ цѣпяхъ будешь строить». — «Буду въ цѣпяхъ строить свой храмъ, коли дозволишь». — «Хочу домъ Божій, по образцу владимірскаго». — «Не буду». — «Иль ты меня не знаешь?» — «Знаю и не буду». — Я думалъ, онъ ударитъ меня посохомъ, но только замахнулся, и не ударилъ. Я вышелъ отъ него, хлопнувъ за собою дверью. И вотъ тебѣ цѣль моихъ кровавыхъ трудовъ властителю, вотъ плоды моихъ вдохновеній, исполненіе моихъ лучшихъ надеждъ!.. Есть ли отъ чего съ ума сойти?

— Покуда вижу, ты ошибался на счетъ великаго князя, на счетъ средствъ его и Руси, — сказалъ Антонъ, взявшій на этотъ случай роль совѣтника. — Съ величіемъ его духа ты соразмѣрно придавалъ ему и любовь къ изящнымъ искусствамъ, которую привыкъ находить въ князьяхъ Италіи. Развѣ дикарь, какъ бы уменъ ни былъ, переходя изъ шалаша въ мраморныя палаты, не испугается и не бѣжитъ изъ нихъ?.. Теперь, если мое желаніе не слишкомъ самонадѣянно, позволь видѣть чертежи свои. Довѣрь ихъ не суду моихъ познаній, но любви къ прекрасному и холоднаго разсудка. Быть можетъ, знакомство съ высокими памятниками зодчества въ Италіи, знакомство съ великими художниками, образовали вкусъ мой до того, что ощупью его пойму то, что другіе поймутъ наукою

Образумившійся художникъ съ удовольствіемъ согласился на предложеніе своего молодого друга. Лоскуты чертежей, которыхъ было немного, тотчасъ разложены на столѣ и соединены клейкимъ веществомъ. Но лишь только Антонъ собирался разсматривать ихъ, явился посланный отъ великаго князя. Онъ имѣлъ дѣло до одного лекаря и вызвалъ его въ сѣни. Здѣсь изъяснилъ, какъ безпокоится Иванъ Васильевичъ на счетъ здоровья художника, котораго боялся потерять, и передалъ Антону приказъ явиться къ нему съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ (полагать надо — съ отвѣтомъ, что Аристотель скоро выздоровѣетъ: на то Антонъ и лекарь, чтобъ больные были здоровы; хоть умирай самъ, а немощный долженъ встать, особенно когда приказываетъ господинъ всея Руси).

— Вотъ, этотъ родимецъ — говорилъ посланный — случается съ нимъ не впервые. Было дѣло, Иванъ

Васильевичъ сломаетъ избы двѣ, три кругомъ Успенія, и позатихнетъ палатный мастеръ. А нынче не въ мочь стало господину нашему: сломай, видишь, всѣ избы, всѣ церкви извѣчныя и палаты, что въ городѣ. Самъ ты разсуди, человѣкъ разумный, статочное ли дѣло?

Антонъ не могъ не улыбнуться, слушая простосердечное объясненіе, но вмѣстѣ съ этимъ убѣдился, что требованія друга его превышаютъ возможность удовлетворить ихъ. Онъ увѣрилъ посланнаго въ безопасности художника, обѣщалъ сдѣлать ему нужную помощь въ случаѣ надобности и тотчасъ послѣ того явиться къ великому князю.

Возвратясь въ комнату, засталъ художника съ лицомъ нѣсколько прояснѣвшимъ. Посылка ли великаго князя, дававшая Аристотелю новыя надежды (онъ не могъ сомнѣваться, чтобъ эта посылка не была на счетъ его), или разсматриваніе чертежей сдѣлали въ немъ благодѣтельную перемѣну, можетъ быть то и другое вмѣстѣ, только лекарь засталъ на губахъ его улыбку, вполнѣ развернувшуюся. Но мало-по-малу стала она исчезать, и новыя тучи надвинулись на чело его.

— Правда, Антоніо, — воскликнулъ онъ, — я безумный!

Антонъ сталъ разсматривать чертежи. Что онъ увидѣлъ, того языкъ не перескажетъ. Можетъ быть, твореніе, подобное храму Св. Петра въ Римѣ, можетъ быть пантеонъ христіанскій, божественную комедію, сложенную изъ камня. Знакомый съ высокими произведеніями художества въ Италіи, приготовивъ свое воображеніе къ чему-то необыкновенному, онъ увидѣлъ, что созданіе Аристотеля перегнало и воображе-

ніе и существенность. Долго стоялъ онъ передъ рисунками, не бывъ въ состояніи дать отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ.

Преддверіе храма было мрачно; лишь только входили въ него, васъ обнималъ священный ужасъ; все тамъ было: тяжесть грѣха, уныніе, скорбь, сокрушеніе. Исполинскіе четвероугольные столбы изъ огромныхъ камней, истесанныхъ, источенныхъ ржавчиною вѣковъ, окрапленныхъ плѣсенью времени, наваленныхъ въ дивномъ, гармоническомъ безпорядкѣ, казалось, складены были всемогущею рукою природы, а не смертнаго; изъ сводовъ, согласнаго размѣра со столбами, грозно выглядывали каменные гиганты и готовы были задавить васъ; молитвенный стонъ долженъ былъ отдаваться подъ этими сводами, какъ вздохъ изъ чахлой груди не одного человѣка, а цѣлаго человѣчества. Сквозь небольшія, безпорядочныя разсѣлины, мѣстахъ въ двухъ, трехъ, свѣтъ солнца ронялъ скупо свой одинокій лучъ то на Божественный ликъ распятаго Христа, то на плащаницу Его, то на лицо Магдалины, облитое слезами. Но чѣмъ далѣе углублялись во внутренность храма, тѣмъ легче, отраднѣе становилось душѣ: тутъ размѣры, формы, образы, снимали свои вериги, забирали болѣе воздуха, облекались въ полусвѣтъ надежды, въ упованіе безсмертія. Наконецъ, приближаясь къ послѣднему отдѣлу, вы теряли болѣе и болѣе земли подъ ногами своими и погружались въ какой-то святой неизмѣримости. Тамъ возсѣдала благодать, тамъ все было эѳиръ, гармонія, блескъ, радость. Слова не перескажутъ того, что чувствовалъ Антонъ, разсматривая чертежи дивнаго, тройственнаго храма.

— Нѣтъ, — сказалъ наконецъ молодой человѣкъ въ восторгѣ, котораго не въ силахъ былъ скрыть,—нѣтъ великій художникъ; ты творилъ не на землѣ и только для земныхъ, которые развѣ долго послѣ насъ придутъ и силою Архимедова рычага замѣнятъ милліоны силъ человѣческихъ. Самое воображеніе не въ состояніи выдержать величіе этого созданія и, смущенное, падаетъ передъ нимъ: чтожъ, когда бъ оно было выполнено!.. Виноватъ, скажу тебѣ горькую истину: правъ, сто разъ правъ русскій властитель! Еслибъ онъ могъ постигнуть вполнѣ величіе этого зданія, онъ еще болѣе понялъ бы невозможность осуществить его. Брось, хоть на время, свои надежды—идея твоя далеко перегнала существенность. Й не такъ ли всегда на дѣлѣ? что создало небо, того землѣ не выполнить.

Блѣдный, дрожащій, внималъ ему Аристотель, какъ бы слушалъ свой смертный приговоръ. Онъ приготовился къ этому приговору и, услыхавъ его, не могъ образумиться.

— Высокій, геніальный мечтатель, житель неба, сошедшій на нашу бѣдную землю,—продолжалъ молодой человѣкъ, взявъ холодную руку художника и сжимая ее,—ты ошибся въ нашихъ земныхъ разсчетахъ, въ нашихъ размѣрахъ. Еще болѣе ошибся ты въ мечтахъ осуществить свое созданіе здѣсь, на Руси, въ теперешнее время. Ты удивляешься, что тебя здѣсь не поняли: мудрено ль? ты пришелъ слишкомъ рано. Подумай: Іоаннъ одаренъ душою сильною, волею желѣзною, онъ побѣждаетъ время и способы, но онъ не всемогущъ... Вдохнетъ ли онъ въ себя чувство прекраснаго, пламенную любовь къ нему до того, чтобы усыновить *теперь* твое дѣло? Пожертвуетъ ли сокро-

вищами своей казны, отказавшись отъ другихъ предпріятій, которыя почитаетъ для себя выгоднѣе, полезнѣе? Пожертвуетъ ли тысячами рукъ своего народа, сотнями домовъ своихъ бояръ, церквами, которыми дорожитъ православная Москва? Въ немъ идея силы, созданная для того, чтобы соединить воедино разрозненныя части великаго цѣлаго, исполняетъ свое назначеніе; но идея прекраснаго ему невнятна, или представляется ему смутно, и все-таки въ образахъ силы, твердости, узорочности. Послушай меня, сократи размѣры своего чертежа въ половину, если не на одну треть. И тогда еще геній изящнаго и высокаго признаетъ твое произведеніе своимъ, потомство будетъ ему удивляться. Но и тогда приготовь къ нему властителя русскаго опытомъ зданія, который пріучилъ бы Іоанна и народъ если не къ идеѣ изящнаго, то хоть къ идеѣ величія, который былъ бы посредникомъ между русскими и тобою. Построй ты сначала зданіе примиренія. Оно будетъ новою жертвою отъ тебя народу русскому. А тамъ, сократя размѣры своего храма, выбери мѣсто не въ Кремлѣ, а на одной изъ высотъ московскихъ окружностей. Тогда, полный властелинъ своего дѣла, укрѣпясь средствами человѣческими, съ помощью Божьей создашь памятникъ себѣ безсмертный. Для этого можно взять слово съ Іоанна.

— Слово Іоанна?.. — воскликнулъ Аристотель, и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— То, что я говорилъ тебѣ, до сихъ поръ говорилъ твоему разсудку. Теперь обращаюсь къ твоему сердцу. Отказываясь строить храмъ Пречистой, не отнимаешь ли у Ней одинъ изъ алтарей Ея? Тамъ, гдѣ бы Ей покланялись тысячи, гдѣ приносили бы Ей

достойную жертву, ты оставляешь мѣсто запустѣнія, безпорядка, нечистоты? Куда дѣвалось чувство христіанскаго смиренія?.. О, другъ мой, что сдѣлалъ ты съ чувствомъ благочестія, которое тебя всегда отличало?

Эти слова обдали художника невыразимымъ ужасомъ.

— Да, я обезумѣлъ! — воскликнулъ онъ, — воображеніе затмило мнѣ разсудокъ, самолюбіе погубило во мнѣ все доброе, все святое; не храмъ Господу хотѣлъ я строить, а себѣ, не Пречистой — хотѣлъ въ немъ себѣ поклоненія!.. Хуже чѣмъ язычникъ! Я уподобился израильтянамъ, вѣдавшимъ истиннаго Бога и падавшимъ передъ золотымъ тельцомъ. Ты образумилъ меня, юный, но разсудительный другъ! Да, я принесу смиренную жертву, но не великому князю, не русскому народу, а Матери Божьей. Ей даю обѣтъ построить храмъ, домъ Божій, какъ мнѣ приказываютъ строить, а не такой, какой хотѣло бы создать мое самолюбіе (художникъ перекрестился). Взгляни, Пречистая, милосердымъ окомъ на сокрушеніе моей воли и призри на меня, униженнаго грѣшника, съ высоты своей.

Съ трепетомъ святого восторга онъ схватилъ чертежи свои и изорвалъ ихъ въ мелкіе лоскуты, потомъ, рыдая, палъ передъ иконою Божіей Матери. Долго лежалъ онъ на полу, и когда поднялся, лицо его, казалось, просіяло. Онъ обнималъ своего молодого друга, цѣловалъ съ нѣжностью сына, какъ человѣкъ, пришедшій домой изъ дальняго, труднаго путешествія. Переломъ былъ силенъ, но онъ совершенъ. Голосъ вѣры сдѣлалъ то, чего не могла сдѣлать ни грозъ-

ная власть князей, ни сила дружбы, ни убѣжденія разсудка.

— Теперь, — сказалъ Аристотель, съ твердостью обратясь къ лекарю, — иди къ великому князю и скажи ему, что я не цѣпей убоясь, а исполняя обѣтъ Пречистой, завтра жъ начну строить домъ Божій, по образцу владимірскаго.

Извѣстіе объ излеченіи Аристотеля отъ *родимца*, какъ русскіе называли его припадокъ, обрадовало Ивана Васильевича. Онъ боялся, чтобы его розмыслъ и церковный строитель не сошелъ съ ума; добро бъ еще, когда бы не имѣли болѣе въ немъ нужды! Можетъ статься, и въ самомъ дѣлѣ художникъ былъ изъ числа тѣхъ геніальныхъ безумцевъ, которыхъ надо бы запереть, вмѣстѣ съ Тассомъ и Бетговеномъ, въ желтый домъ. Но, замѣтьте, тогда не было домовъ для призрѣнія умалишенныхъ. Радость свою не могъ скрыть Иванъ Васильевичъ, благодарилъ нѣсколько разъ лекаря и далъ ему слово, когда Аристотель выстроитъ церковь подъ Успенье такъ, какъ ему, великому князю, хочется, пожертвовать любимымъ мѣстомъ за городомъ и своею казною подъ новую церковь, которую можетъ палатный мастеръ созидать *по-своему*, лишь бы уменьшилъ размѣры чертежа.

На другой день, съ приличными духовными обрядами, заложенъ первый камень подъ основаніе Успенской соборной церкви. Вслѣдъ затѣмъ началъ Аристотель и строить ее по образцу владимірской. Съ удовольствіемъ замѣтилъ онъ, что типъ ея находится въ Венеціи, именно церковь Св. Марка. Но переломъ, сдѣланный въ немъ побѣдою религіозной воли надъ славолюбіемъ и лучшими его надеждами, былъ такъ

силенъ, что положилъ его на болѣзненный одръ, съ котораго не легко подняли его пособія врача и друга и любовь сына.

Въ такихъ обстоятельствахъ могъ ли Антонъ упомянуть ему о своихъ надеждахъ? А кого жъ ближе было ему выбрать въ сваты, какъ не Аристотеля?.. Выздоровленіе художника должно было рѣшить его участь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРІЕМЪ ПОСОЛЬСТВА

Въ Москвѣ и въ деревняхъ кругомъ необыкновенная тревога. Недѣльщики, боярскія дѣти ѣздятъ съ утра до ночи и *выбиваютъ* народъ. Русскій мужичокъ всею радостью радъ глазѣть по цѣлымъ днямъ хоть и на то, чего не понимаетъ, лишь бы не работать, а тутъ еще и палкой выгоняютъ въ городъ на цѣлыя сутки праздности. Валятъ тысячи со всѣхъ концовъ, и всѣ онѣ налягутъ на сердце Москвы: душно будетъ ей, родимой! Изъ этого народа хотятъ выставить декорацію московской силы.

И въ дворѣ великокняжескомъ не меньшая суета. На слѣдующій день пріемъ цесарскаго посла. Въ русскомъ царѣ, какъ начиналъ величать себя Иванъ Васильевичъ, возникало ужъ чувство достоинства, собственнаго и народнаго, и потому въ сношеніяхъ съ посломъ императора, заносчивымъ и взыскательнымъ, дворчане великаго князя торговались за малѣйшее преимущество. Нѣсколько дней сряду бояре ѣздили въ посольскій дворъ для переговоровъ о встрѣчѣ, проводахъ, сидѣніи, вставаніи, цѣлованіи руки, о числѣ по-

клоновъ, объ одномъ шагѣ впередъ или назадъ, и едва ли не о чиханьѣ. Вывѣдали, что Поппель будетъ говорить, и приняли свои мѣры для приличнаго отвѣта. Поппель требовалъ, чтобы великій князь бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ — въ этомъ отказано. Наконецъ, когда все улажено съ обѣихъ сторонъ, назначенъ день пріема.

Умы, или, сказать лучше, воображеніе народа, занято блестящимъ пріемомъ пословъ, какъ бы праздникомъ. Но подъ щитомъ церемоніальныхъ суетъ устроитель Руси готовилъ себѣ новое завоеваніе. Онъ пріобрѣталъ цѣлую область безъ меча, безъ союзовъ и переговоровъ.

У него былъ гость изъ Углича, братъ его родной, Андрей Васильевичъ старшій. Гостю обрадовались, на радушіе не были скупы. Лишь только пріѣхалъ онъ, провелъ весь вечеръ у великаго князя въ бесѣдахъ искреннихъ и веселыхъ. Онъ ожидалъ невзгоды за то, что не прислалъ Москвѣ вспомогательной дружины противъ ордынскихъ царей. Ничуть не бывало: никогда еще такъ дружелюбно не принимали его, никогда такъ задушевно не бесѣдовали съ нимъ. На другой день званъ онъ съ своими боярами обѣдать. Иванъ Васильевичъ встрѣчаетъ его, сажаетъ на почетное мѣсто, разсыпаетъ передъ нимъ ласки, ограненныя такъ искусно подъ блескъ дружбы, что угличскій князь принимаетъ ихъ за настоящіе самоцвѣты. Въ глазахъ, въ рѣчи хозяина не видно и тѣни лукавства; онъ не измѣняетъ себѣ до конца. Эта игра играется въ *западной* избѣ, которая, вѣроятно, такъ названа потому, что обращена лицомъ къ вечеру, но отнынѣ должна чазываться *западней*. Пора было захлопнуть

въ ней неосторожную жертву. Иванъ Васильевичъ выходитъ въ *повалушу* и не возвращается болѣе. Время обѣдать. Званыхъ не замедлили угостить на славу. Въ столовой гриднѣ всѣ дворчане Андрея Васильевича забраны подъ стражу. Ничего не подозрѣвая, ждетъ онъ, чтобы пришли его въ *столы звать*. И пришли бояре московскіе. Одинъ изъ нихъ [1]) хочетъ что-то передать ему и не сможетъ: слезы мѣшаютъ говорить. Наконецъ, прерываемый ими не разъ, онъ сказалъ: «Государь, князь Андрей Васильевичъ, пойманъ ты Богомъ, да государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, братомъ твоимъ старѣйшимъ». Андрей измѣнился въ лицѣ, всталъ съ своего мѣста, но, скоро оправившись, отвѣчалъ съ твердостью: — «Воленъ Богъ, да государь братъ мой, а Господь разсудитъ насъ въ томъ, что лишаюсь свободы безвинно». Выходя изъ гостепріимнаго жилища брата, несчастный промѣнялъ свой угличскій удѣлъ на казенный дворъ и цѣпи.

Въ тотъ же день разнесся по Москвѣ слухъ о заключеніи угличскаго князя: онъ привелъ въ ужасъ нѣсколькихъ избранниковъ Божьихъ, которые не побоялись гласно осуждать поступокъ великаго князя. Но большинство, чернь не разсуждающая, была противъ несчастнаго узника, называла его измѣнникомъ, предателемъ, врагомъ церкви и отечества. Успѣли надуть въ уши народу приближенные Ивана Васильевича, что угличскій князь пойманъ въ перепискѣ съ королемъ польскимъ, которому обѣщалъ голову Ивана Васильевича, что онъ для этого нарочно и прибылъ въ Москву со множествомъ бояръ своихъ, что онъ

[1]) Князь Иванъ Семеновичъ Ряполовской.

ужъ во дворѣ великокняжескомъ и посягалъ на жизнь старшаго брата, да встрѣтилъ неудачу по случаю предательства одного изъ своихъ людей. Тутъ же поминали и старыя вины его противъ Москвы, давно забытыя и прощенныя; о заслугахъ его Москвѣ никто не замолвилъ слова. И потому немудрено, что большинство было на сторонѣ силы, а не правды. На слѣдующій день готовился народу праздникъ, и о несчастномъ узникѣ скоро забыли. За него некому было вступиться, кромѣ Бога.

Вечеромъ того же дня, какъ угличскій князь схваченъ и заключенъ въ желѣза, Антона-лекаря позвали къ великому князю. Ивана Васильевича засталъ онъ въ тревожномъ состояніи.

— Послушай, лекарь, — сказалъ великій князь, — братъ умираетъ; помоги, пожалуй.

Антонъ обѣщалъ сдѣлать все, что можетъ.

— Братъ хоть и злодѣй мнѣ, — продолжалъ великій князь, — хоть и посягалъ на мою душу, на Москву, — зато и посаженъ въ желѣза, — да я лиха смертнаго ему не желаю, видитъ Господь, не желаю. Хочу только проучить его, наказать, аки отецъ наказываетъ. Хочу добра Москвѣ и братьямъ моимъ. Кому жъ и печальникомъ быть о нихъ! Вѣдь я старшій въ семьѣ. А съ Андреемъ отъ *малыхъ ногтей* возрасли вмѣстѣ.

И заплакалъ онъ слезами притворными. Но страхъ его былъ искрененъ. Онъ боялся, чтобы Андрей Васильевичъ не умеръ въ первый день заточенія и чтобы смерти этой не причли ему въ вину.

— Продержу его мѣсяцъ, два, и отпущу, — говорилъ онъ лекарю. — Ступай себѣ въ любую сторону. Хоть и злодѣй, да кровный!.. Помоги, Антонъ! Службы

твоей не забуду николи, сосватаю тебѣ невѣсту по сердцу.. дамъ тебѣ помѣстье... Отведи душу мою отъ скорби великой. Вотъ, дворецкій проводитъ тебя къ Андрею Васильевичу.

Антона изумилъ намекъ на невѣсту... Неужли великій князь знаетъ ужъ о любви его къ Анастасіи? кто могъ сказать о ней? Однакожъ долго изумляться было некогда; онъ поспѣшилъ къ заключенному и засталъ его въ опасномъ положеніи. Угличскій князь выдержалъ отважно первый ударъ; но когда измѣрилъ глубину своего несчастія, когда подвелъ свою будущность подъ участь прежнихъ важныхъ плѣнниковъ своего брата, онъ ужаснулся этой будущности. Вся кровь его прилила къ груди... Не наше дѣло описывать, какія мѣры принималъ Антонъ, чтобы помочь несчастному; довольно, если скажемъ, что онъ силою врачебныхъ средствъ, несмотря на сопротивленіе больного, сдѣлалъ ему нужное пособіе. Можетъ статься, онъ былъ виною, что протянулъ его тюремную жизнь еще года на два.

Радостно взыгралъ угличскій гость на небосклонѣ московскомъ, будто молодой мѣсяцъ, и, какъ молодой мѣсяцъ, тотчасъ погибъ на немъ. И на смертномъ одрѣ однимъ прощальнымъ ему звукомъ былъ звукъ желѣзъ.

Скорая помощь, оказанная угличскому князю, возвысила лекаря въ глазахъ русскаго властителя. Еще въ большей чести сталъ онъ держать его; дары слѣдовали за дарами, ласковымъ словамъ умѣли дать цѣну. Этими милостями воспользовался Антонъ, чтобы испросить облегченіе несчастному князю. Сняли съ него на время желѣза, но какъ скоро онъ выздоровѣлъ,

опять надѣли ихъ. Антона жъ увѣрили, что онъ совсѣмъ отъ нихъ освобожденъ, и съ того времени не позволяли лекарю видѣться съ заключеннымъ.

Въ антрактѣ этого ужаснаго происшествія сыграли посольскій пріемъ. Изъ посольскаго двора вели Поппеля объѣздомъ лучшими улицами, Великою, Варьскою, Красною площадью и главной улицею въ городѣ. Все это убито народомъ, какъ подсолнечникъ сѣменами. Оставлено только мѣсто для проѣзда посла, его дворянъ и провожатыхъ. Всѣ окна исписаны живыми лицами, заборы унизаны головами, какъ въ заколдованныхъ замкахъ людоморовъ, по кровлямъ разсыпались люди. Вся Москва съ своими концами и посадами прилила къ сердцу своему.

«Тише! заиграли въ набатъ! — Ѣдутъ, ѣдутъ!» — раздалось въ народѣ, и этотъ возгласъ перебѣжалъ въ нѣсколько мгновеній отъ посольскаго двора до *набережныхъ сѣней*, гдѣ назначенъ пріемъ. Груди сдавлены, на спины налегли ужасною тяжестью, раздались жалобы, крики. «Ничего! ѣдутъ, ѣдутъ!» И вотъ потянулся поѣздъ. Въ головѣ шествія всадникъ, ударяющій въ мѣдныя тарелки. За нимъ переливается чешуйчатымъ потокомъ отборная десятня всадниковъ въ шлемахъ и латахъ, съ мечами и бердышами. Далѣе тянется по два въ рядъ нѣсколько бояръ съ неподвижною важностью мандариновъ, въ блестящихъ одеждахъ, въ которыхъ солнышко играетъ и перебираетъ лучи свои. Нѣкоторые изъ нихъ какъ-будто несутъ на пышныхъ подушкахъ окладистыя бороды, расчесанныя волосокъ къ волоску, — такъ тучны они. Вотъ и самъ посолъ императорскій. На немъ бархатный малиновый беретъ, надѣтый на бекрень, съ пукомъ волнующихся перьевъ,

прикрѣпленный пряжкою изъ драгоцѣнныхъ камней; искусно накинута бархатная епанечка, обшитая кругомъ золотыми галунами. Поппель, прищурясь и важно подбоченясь, рисуется на конѣ, отягченномъ блестящею сбруей, которому то и дѣло поддаетъ пыла острогами своими. И дѣйствительно, можно бъ вставить его въ рамку на лобномъ мѣстѣ, такъ изученно описана вся конная фигура его! Лучшій, высокій моментъ его жизни!—торжественный въѣздъ Траяна въ Римъ послѣ побѣды надъ Даками, мостъ Аркольскій, верхи пирамидъ для Наполеона! За нимъ его дворяне въ одеждѣ, которая уступаетъ изяществомъ и богатствомъ своимъ одеждѣ посла, какъ мѣсяцъ уступаетъ солнцу. Посолъ и свита его безъ оружія, обрядъ, строго наблюдаемый недовѣрчивостью русскихъ. Въ хвостѣ шествія опять нѣсколько бояръ по два въ рядъ.

Вся эта процессія должна остановиться въ виду набережныхъ сѣней. Рыцарю Поппелю хотѣлось проѣхать къ самому крыльцу; но какъ у краснаго крыльца имѣлъ право сходить только великій князь, то распорядители поѣзда такъ искусно прибили къ этому мѣсту волны народа, что гордый рыцарь вынужденъ былъ сойти съ коня тамъ, гдѣ ему указано. Внизу каменной лѣстницы встрѣтилъ его окольничій съ низкими поклонами, съ пожатіемъ руки (обрядъ, перенятый отъ иностранцевъ) и съ обычнымъ привѣтствіемъ отъ имени своего государя,—посерединѣ лѣстницы бояринъ съ тѣми же обрядами,—у входа въ сѣни дьякъ Курицынъ, который ввелъ Поппеля въ сѣни. Низшіе великокняжескіе дворчане встрѣчали и вводили послѣдъ его. Но тутъ процессія вдругъ остановлена. Сдѣлалась суматоха; между боярами пошли переговоры, и раз-

несся шумъ, подобный жужжанію пчелъ, когда ихъ встревожитъ курево посреди ихъ трудовъ. Оказалось, что одинъ изъ бояръ надѣлъ кафтанъ не по чину и сталъ не на своемъ мѣстѣ. Тогда дворецкій униженно просилъ посла и свиту его воротиться на крыльцо и передѣлать церемонію. Поспоривъ и негодуя, рыцарь вынужденъ былъ исполнить желаніе великаго *кастеляна*. Процессія была переправлена набѣло. Въ первой палатѣ, отдѣленной отъ ея апогеи одною дверью, остановилъ ее дьякъ Курицынъ. Здѣсь стояли по обѣимъ сторонамъ боярскія дѣти и низшіе дворскіе чины, на которыхъ блестѣли одежды *перваго наряда*, выданныя имъ изъ кладовой великокняжеской. Иноземцамъ казалось, что они вошли въ палаты волшебныя, гдѣ люди окаменѣли, такъ неподвижно стояли дворчане, не смыкая глазъ, и такая была тишина. Остановка продолжалась нѣсколько минутъ, въ которыя слышно было одно нетерпѣливое брянчанье рыцарскихъ остроговъ. Наконецъ дверь отворилась, и послу съ его свитою сказано позволеніе войти въ *новую палату*. По обѣимъ сторонамъ, по два въ рядъ, стояли бояре, будто снопы золотые. Въ концѣ палаты, не отличающейся никакимъ убранствомъ, кромѣ какъ нѣсколькими богатыми иконами, возвышалось на *золотой всходницѣ* изъ нѣсколькихъ ступеней *сѣдалище*, или престолъ изъ орѣховаго дерева, весь рѣзной, греческой тонкой работы. Надъ нимъ икона горѣла въ лучахъ своихъ дорогихъ каменьевъ; у подножія ея двуглавый орелъ расправлялъ ужъ свои крылья. Балдахинъ приподнимался на разныхъ столбикахъ въ видѣ пирамидъ. У боковъ сѣдалища стояли двѣ скамьи, покрытыя суконными полавочниками, перваго наряда, со львами. На одной

лежала шапка, осыпанная жемчугомъ и дорогими самоцвѣтами, а на другой — чеканеный посохъ, крестъ, серебряная умывальница и двѣ кружки съ утиральникомъ. Нѣсколько шаговъ отступя, одиноко выставлялась пустая скамейка, и близъ нея пустое *стоянце*. На великомъ князѣ былъ кафтанъ становой по серебряной землѣ съ зелеными листьями, зипунъ изъ желтаго атласа, ожерелье изъ лалъ и яхонтовъ; грудь осѣнялась крестомъ изъ кипарисова дерева съ мощами; ноги, обутыя въ башмаки, отороченные золотомъ по бѣлому сафьяну, покоились на бархатной колодкѣ. Посреди сбора всѣхъ этихъ людей и вещей, посреди сіянія богатыхъ одеждъ, поражалъ васъ блескъ молніеносныхъ очей русскаго властителя. Поппель видѣлъ уже не разъ эти очи, но и теперь не могъ выдержать ихъ чарующаго взгляда, и потупилъ свои въ землю. Нѣсколько шаговъ впередъ, и—опять остановка, будто для того, чтобы приготовить къ чести видѣть пресвѣтлое лицо Іоанна. Наконецъ посла подвели ко *всходницѣ*. Здѣсь Курицынъ, обратясь къ великому князю съ низкимъ поклономъ, произнесъ: «Господине, великій государь всея Руси, рыцарь Николай Поплевъ, посолъ отъ цесаря римскаго, бьетъ тебѣ челомъ, дозволь ему *править* поклонъ отъ своего государя». Великій князь кивнулъ головой, и дьякъ передалъ послу дозволеніе. Справивъ поклонъ отъ императора Фридриха III и короля австрійскаго Максимиліана, Поппель взошелъ на вторую ступень всходницы и сталъ на колѣно. Иванъ Васильевичъ всталъ «да вспросилъ о здоровьи свѣтлѣйшаго и наяснѣйшаго Фредерика, римскаго цесаря, и краля ракусскаго и иныхъ, пріятеля своего возлюбленнаго. да и руку подалъ послу стоя,

да велѣлъ всѣсти ему на скамейкѣ, противъ себя близко». Рука, осквернённая цѣлованіемъ латынщика, очищена омовеніемъ, которое совершилъ дворецкій. Вслѣдъ за посломъ сѣли всѣ дворчане на своихъ скамьяхъ. Посидѣвъ немного, онъ всталъ, и бояре послѣдовали его примѣру. Тутъ поданъ былъ *вѣрющій листъ* на аскамитной подушкѣ. Великій князь показалъ, будто къ нему прикасается рукой, но не коснувшись далъ знакъ дьяку, который и принялъ листъ и положилъ съ подушкою на пустое *стояніе*. Затѣмъ дьякъ, обратясь опять къ Ивану Васильевичу съ обычнымъ поклономъ, произнесъ: «Господине, князь великій всея Руси, посолъ цесарской бьетъ тебѣ челомъ съ *поминками* отъ своего господина». Великій князь ласково кивнулъ послу; и дворяне цесарскіе, одинъ за другимъ, поднесли съ колѣнопреклоненіемъ монисто и ожерелье золотыя; 15 московскихъ локтей венедитскаго (венеціанскаго) бархата «темно-синь гладокъ», да сыну *первородному* великаго князя *платно* «червленый бархатъ на золотѣ, съ подкладкою синяго *чамлата*». За поминки велѣно его свѣтлости поклониться. Наконецъ съ тѣми же обрядами послу дозволено говорить отъ лица своего государя. При этомъ Иванъ Васильевичъ всталъ съ престола и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

Поппель говорилъ: «Умоляю о скромности и тайнѣ. Ежели непріятели твои, ляхи и богемцы, узнаютъ, о чемъ я намѣренъ говорить, то жизнь моя будетъ въ опасности. Мы слышали, что ты, свѣтлѣйшій всемощнѣйшій Іоаннъ, вседержавнѣйшій государь Руси, требовалъ себѣ отъ папы королевскаго достоинства (при этихъ словахъ на лицо Іоанна набѣжало неудо-

вольствіе). Но знай, что не папа, только императоръ жалуетъ въ короли, въ принцы и рыцари. Если желаешь быть королемъ (Иванъ Васильевичъ отступилъ и сѣлъ гнѣвно на престолъ,—вѣтренный Поппель, затвердивъ свою рѣчь, не перемѣнялъ ея), то предлагаю тебѣ свои услуги. Надлежитъ только скрыть это дѣло отъ польскаго короля, который боится, чтобы ты, сдѣлавшись ему равнымъ государемъ, не отнялъ у него древнихъ земель русскихъ [1])». Каждое слово доказывало, что посолъ не понималъ ни нрава государя, къ которому обращался, ни духа его народа, не зналъ и приличія мѣста и времени; каждое слово обвиняло умъ и неопытность Поппеля. На эту рѣчь нашъ Іоаннъ отвѣчалъ твердо, владычнымъ голосомъ, не вставъ съ престола.—«Ты спрашиваешь насъ, любо ли намъ отъ цезаря хотѣть кралемъ поставлену быть на нашей землѣ. Знай, лицерь Поплевъ, мы, Божіею милостію, государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей; поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, и просимъ только Бога, чтобы Онъ далъ намъ и нашимъ дѣтямъ и до вѣка въ томъ быть, какъ мы нынѣ государи на своей землѣ. А поставленія, какъ мы напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ». Дьякъ Курицынъ сдалъ эту рѣчь толмачу. Страшная минута для Бартоломея! Не передать во всей точности, слово въ слово, рѣчи своего грознаго повелителя императорскому послу онъ не смѣлъ, потому что дьякъ понималъ нѣсколько нѣмецкій языкъ; передать, — не угодить послу; однакожъ личная безопасность, ко-

---

[1]) И. Г. Р., т. VI.

торую онъ не разъ жертвовалъ для услуги другимъ, пересилила, и онъ, запинаясь и дрожа, исполнилъ обязанность переводчика. Можно было Поппелю изъ гнѣвныхъ очей Іоанна понять отчасти содержаніе рѣчи. Ужъ и эти вѣстники невзгоды встревожили его. Слушая же текстъ, онъ стоялъ смущенный, какъ школьникъ, пойманный въ проступкѣ, за который—сказали ему напередъ — будетъ онъ наказанъ. Смущеніе его еще болѣе увеличилось отъ побочнаго обстоятельства. Когда онъ, приступая къ своей рѣчи, раскланялся великому князю и дворчанамъ, замѣтилъ онъ между послѣдними лицо молодого боярина, которое его поразило. Вылитое изображеніе баронессы Эренштейнъ въ молодыя лѣта ея. Баронесса не любила Поппеля, онъ это хорошо зналъ и твердо помнилъ; ея суровый взглядъ, въ которомъ читалъ всегда явное къ нему отвращеніе, ея рѣзкія, непріятныя слова, зарублены были на сердцѣ его. Теперь, въ торжественныя минуты его жизни, казалось, она явилась сюда въ палату великокняжескую, чтобы помѣшать этому торжеству и смутить его самого. Въ молодомъ боярингѣ тотъ же строгій, гнѣвный взоръ, тотъ же видъ недоброжелательства! Рыцарь, отъ природы дерзкій, тутъ потерялся и не сыскалъ отвѣта, чтобы поправить, сколько можно, свою ошибку. Въ глазахъ Ивана Васильевича изобразилось удовольствіе побѣды, одержанной надъ почетнымъ иноземцемъ. Насладившись торжествомъ своимъ, онъ спѣшилъ однакожъ ободрить посла милостивымъ словомъ: ему не хотѣлось разорвать дружбу свою съ нѣмецкими землями, которая только-что возникла, тѣмъ болѣе, что извѣстны ему были другія предложенія посла, льстившія его само-

любію.—«Это не помѣха — сказалъ Іоаннъ — нашему пріятельству съ цесаремъ римскимъ. Потому мы и вѣрющій листъ и дары его свѣтлости и высочества приняли съ любовію». Слова эти, переданныя по порядку черезъ дьяка и переводчика, ободрили Поппеля.

Извѣстно, что въ этой аудіенціи посолъ «именемъ Фридриха предложилъ Іоанну выдать дочь свою, Елену или Феодосію, за Альбрехта маркграфа баденскаго, племянника императорскаго, и желалъ видѣть невѣсту». Великій князь благосклонно принялъ предложеніе и соглашался, для разсужденій по этому дѣлу, отправить къ императору, вмѣстѣ съ рыцаремъ Поппелемъ, своего посла. Чтожъ касалось до желанія видѣть невѣсту, то Иванъ Васильевичъ объявилъ, что обычаи русскіе не дозволяютъ прежде времени показывать дѣвицъ женихамъ или сватамъ. Былъ еще вызовъ Поппелевъ, чтобы Іоаннъ запретилъ псковитянамъ вступаться въ земли «ливонскихъ *нѣмцевъ*, подданныхъ имперіи». Великій князь приказалъ отвѣчать, что псковитяне владѣютъ только своими землями и не вступаются въ чужія. Такъ очищены были всѣ политическіе запросы. Лицо молодого боярина навело посла на дѣла домашнія. Онъ вспомнилъ лекаря Эренштейна, и въ желаніи вредить однофамильцу своего дяди и названному сопернику, заносчивое сердце его нашло скоро источникъ изобрѣтенія, какой бы, конечно, не подарили риторическіе курсы, чреватые этими источниками. Онъ передалъ Ивану Васильевичу просьбу «святаго цесарскаго величества имѣть живыхъ звѣрей, называемыхъ по-русски лосями, если можно молодыхъ безъ рогъ или съ отпиленными рогами, чтобы они не могли вредить, и одного изъ вогулятъ,

которые ѣдятъ сырое мясо». — «Такой даръ цесарское величество почтетъ за особенное благопріятельство», говорилъ Поппель. «Въ замѣнъ же обѣщаетъ прислать тебѣ врача отъ двора своего, мейстера Леона, искуснѣйшаго въ цѣленіи всякихъ недуговъ. Не самозванецъ этотъ, а вельми мудрый, ученый, имѣющій на званіе лекаря листъ отъ самого императора, славный не только въ цесарскихъ владѣніяхъ, но и въ чужихъ земляхъ. И велѣлъ тебѣ мой свѣтлѣйшій, высокій господинъ сказать,—не довѣряйся слишкомъ пришлому къ тебѣ изъ нѣмецкой земли лекарю». — «Почему жъ такъ?»—спросилъ Іоаннъ.—«Онъ побродяга самозванецъ, неучъ».

При этихъ словахъ видвинулся было изъ ряда великокняжескихъ дворчанъ молодой бояринъ, поразившій такъ рыцаря своимъ сходствомъ съ баронессою Эренштейнъ: это былъ самъ Антонъ. Вспыхнулъ онъ и затрясся, услыхавъ обидные отзывы Поппеля. Губы его готовы были произнести во всеуслышаніе слово: «лжецъ»; но Аристотель, стоявшій подлѣ него, такъ сильно дернулъ его за руку и сжалъ ее, великій князь такъ обдалъ его своимъ огненнымъ взоромъ и грозно поднялъ перстъ, что онъ удержался... Богъ знаетъ, какую бы суматоху произвело въ собраніи роковое слово Антона и какая бъ ужасная гроза разразилась тогда надъ его головой. Но когда Иванъ Васильевичъ властительски сдержалъ и разсѣялъ бурю, онъ самъ всталъ на защиту оскорбленнаго. — «Не попригожу ты, лицерь Николай Поплевъ», — сказалъ онъ, — «ведешь рѣчь о дворскомъ нашемъ лекарѣ: мастерство свое и преданность Онтонъ доказалъ намъ не разъ на дѣлѣ. Онтонъ любъ намъ завсегда: зато мы и въ ми-

лости его своей содержимъ. А другого лекаря намъ не надо, и мы не хотимъ».—Что касается до вогулятина, который ѣсть сырое мясо, и молодыхъ лосей, то Иванъ Васильевичъ съ великимъ удовольствіемъ обѣщалъ ихъ. Вмѣсто же ихъ просилъ «дѣловцевъ, копателей руды, да рудника, который умѣлъ бы раздѣлять отъ земли золото и серебро, да серебрянаго мастера хитраго, который умѣлъ бы дѣлать большіе суды и кубки, да чеканить и писать на судахъ». Этимъ размѣномъ просьбъ кончилась аудіенція. Посла проводили съ такою же честью, какъ и встрѣтили, если еще не съ бо̀льшею, потому что надо было подсластить горечь сдѣланныхъ ему возраженій.

Бѣсясь на неудачу въ своихъ дипломатическихъ попыткахъ, которыя обѣщали ему богатыя милости отъ императора и великаго князя, бѣсясь на неудачу уронить Антона Эренштейна въ мнѣніи русскаго властителя, преслѣдуемый фамильнымъ сходствомъ своего названнаго врага съ баронессою, Поппель проклиналъ себя и свою судьбу. Такъ бѣдный рыболовъ, безуспѣшно закидывая нѣсколько дней сѣти, готовъ хоть самъ броситься въ воду. Посреди черныхъ думъ застала его записка отъ Антона-лекаря; это былъ вызовъ на поединокъ за оскорбленіе личности. Дрожащею рукою Поппель отвѣчалъ:

«Рыцарь Николай Поппель, по усыновленію баронъ Эренштейнъ, опоясанный изъ рукъ самого императора, никогда не унизится до того, чтобы поднять перчатку, брошенную презрѣннымъ лекаришкой». — «Въ такомъ случаѣ» — отвѣчалъ ему Антонъ — «благородный врачъ Эренштейнъ даетъ ему, подлому трусу, своею перчаткой пощечину, которую благороднѣйшій

рыцарь можетъ предъявить у своего императора въ доказательство, какъ онъ достойно носитъ свое почетное званіе».

Поппель принялъ пощечину, какъ философъ, въ надеждѣ отплатить за нее ударомъ болѣе чувствительнымъ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СВАТОВСТВО

Ой! Ты батюшка родимый!
Ты за что, за что прогнѣвался
На свое ли дитя милое,
На свою ли дочь родимую,
Что отдать хочешь въ чужи люди,
Въ чужи люди незнакомые,
На чужу, дальню сторону?
Ужъ я ли тебѣ помѣха въ чемъ,
Изгоняешь съ очей долой?
Износила ли платье цвѣтное?
Переѣла ль кусокъ сахарный?
Выпила ли меды сладкіе?
Вытоптала ли сады зеленые?

Съ того времени какъ Анастасія посѣтила милаго иноземца, вкрадывалось иногда въ ея сердце чувство дурного дѣла, тяготила ее тайна, скрываемая отъ отца; иногда находила опять, по привычкѣ, черная мысль, что она очарована Антономъ; но это раскаяніе, эта черная мысль скоро убѣгали при воспоминаніи сладкихъ минутъ, которыми подарила ее любовь. Теперь одна разлука съ милымъ Антономъ мучила ее болѣе всего. Хотѣлось бы еще сладкаго свиданія съ нимъ, еще хмѣльного поцѣлуя!.. Только о томъ и думала, какъ Антонъ будетъ ее миловать, когда она будетъ Божья да его.

Его жъ мысли и чувства возносились выше земныхъ восторговъ. Храмовый рыцарь шелъ на освобож-

деніе гроба Господня отъ ига невѣрныхъ; дорогой заблудился въ очарованномъ лѣсу и завелъ туда жъ юнаго, неопытнаго спутника, брата крестоваго. Образумившись, ищетъ онъ вывести и себя и его на правый путь: придутъ ли тогда на умъ забавы турнира, вѣнокъ побѣдный?.. Такъ и Антонъ думалъ только, какъ бы спасти невѣсту души своей отъ погибели земной и, можетъ быть, вѣчной. Тяжко было ему иногда отъ мысли, что онъ творитъ большой грѣхъ, перемѣняя исповѣданіе отцовъ своихъ, но рядомъ съ нею являлась другая, торжествующая—о святости долга, о необходимости жертвы. Чѣмъ ближе былъ онъ къ исполненію, тѣмъ болѣе очищалось его сердце отъ нечистоты страстей. Нерѣдко, даже безъ отчетливой причины, дѣлалось ему грустно, очень грустно: тогда онъ молился—о чемъ, знаетъ только Господь; молитвы его были безъ словъ: онѣ выражались однѣми горячими слезами. Счастіе его было такъ смутно!.. къ свѣтлому току его примѣшалась нечистая струя...

Два письма, одно къ матери, другое къ воспитателю, были посланы посредствомъ Курицына. У первой просилъ Антонъ благословенія на великое дѣло, къ которому готовился, и умолялъ ее пріѣхать на Русь, хотя навѣстить его.

Вы сами желали, милая, безцѣнная матушка»,—писалъ онъ:—«чтобы я не возвращался болѣе ни въ Богемію, ни въ Италію, чтобы я нашелъ здѣсь свою осѣдлость; вы сами не разъ намекали мнѣ, что исполненіе этого желанія будетъ лучшею усладою вашей старости и успокоитъ васъ въ будущемъ свѣтѣ. Видно, Провидѣніе было заодно съ вами: Оно привело меня

ъ домъ русскаго боярина, гдѣ любовь назначила мнѣ дѣсь новое отечество. Если бъ вы знали Анастасію тутъ описывалъ онъ ея наружныя и душевныя достоинства), если бъ вы знали, какъ она меня любитъ, о, конечно, не желали бы мнѣ лучшей подруги».

Почти такого жъ содержанія было письмо къ воспитателю; въ немъ присовокуплялъ только тягостныя свои сомнѣнія насчетъ перемѣны исповѣданія и тутъ же успокоивалъ свою совѣсть тѣмъ, что принималъ постановленія церкви, не зараженной злоупотребленіями, какія унижаютъ западную. Съ увѣренностью писалъ Антонъ о будущемъ своемъ союзѣ. Имѣлъ ли это причины, мы сейчасъ увидимъ.

Какъ скоро Аристотель почувствовалъ облегченіе отъ своей болѣзни, молодой другъ его спѣшилъ открыть ему свое сердце, свои желанія, надежды и опасенія. Въ какихъ трудахъ, какъ бы думали вы, засталъ Антонъ художника? Онъ сочинялъ вновь чертежи своего огромнаго храма. Разстаться съ нимъ было все равно, что умереть. Въ немъ былъ весь онъ. Когда вошелъ лекарь, Аристотель покраснѣлъ и поблѣднѣлъ, какъ будто застигли его въ важномъ проступкѣ, и спѣшилъ кое-какъ, чѣмъ попало, накрыть чертежи. Вмѣсто того, чтобы найдти въ художникѣ усерднаго свата, Антонъ нашелъ въ немъ пламеннаго противника его дѣлу. Грозный опытъ сдѣлалъ Аристотеля опасливымъ до какой-то робости; во всемъ сталъ онъ видѣть однѣ неудачи. Онъ обѣщалъ однакожъ быть его стряпчимъ у боярина Образца, какъ самый близкій человѣкъ, какъ отецъ. Но надежды не подавалъ, угадывая неодолимыя препятствія въ ненависти воеводы къ нѣмцу, изъ рода заклятыхъ враговъ его,

хотя бъ этотъ нѣмецъ и принялъ русскую вѣру. Такое начало не предвѣщало ничего добраго; теперь, какъ водится, препятствія возбудили въ Антонѣ сильнѣйшее желаніе обладать предметомъ, который составлялъ счастіе и муку его жизни.

Не чувствуя ногъ подъ собою, весь погруженный въ грустномъ раздумьѣ, шелъ Антонъ домой; навстрѣчу ему, пыхтя, багровый отъ жара и сильнаго движенія, переводчикъ Бартоломей. Неизбѣжный сталъ поперекъ дороги его, униженно кланяясь, кивая головой и ногой, опахивая себя шапкою; онъ хотѣлъ говорить и отъ усталости не могъ. Молодой человѣкъ учтиво просилъ дать ему дорогу.

— Нѣтъ, высокопочтеннѣйшій господинъ,—сказалъ наконецъ Бартоломей, съ особеннымъ жаромъ, какъ будто пропустилъ кусокъ, стоявшій у него въ горлѣ,— нѣтъ, не сойду, пока вы меня не услышите. Убейте, прибейте меня, но выслушайте. Вы меня не любите, ненавидите, презираете, я это знаю, но я не могу отвесть отъ васъ души своей; это свыше силъ моихъ. Я таковъ же къ вамъ, какъ въ первыя минуты, когда васъ увидѣлъ... все также уважаю васъ, все также пламенно люблю и готовъ пожертвовать для васъ Богъ знаетъ чѣмъ. Сдѣлайте изъ меня... Ну, что бъ вы хотѣли изъ меня сдѣлать?.. Усерднаго слугу вашего?.. Мало? ну коня, вьючную лошадь!.. Хуже?.. Ахъ! что бы сыскать хуже?.. Ну, придумайте сами...

И началъ Бартоломей съ отчаяніемъ бить себя кулакомъ въ грудь не хуже изступленнаго, плохого актера. Съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на него Антонъ и пожалъ плечами.

— Не хотите говорить, ну, такъ выслушайте. Вы

не знаете, но я вашъ усерднѣйшій слуга, вашъ преданнѣйшій изъ людей, знаю... Молва идетъ по городу, можетъ дойти до отца... пріѣдетъ братъ... тогда смерть ваша неизбѣжна... говорятъ, вы обольстили Ан...

— Несчастный, не доканчивай, или я убью тебя здѣсь, на мѣстѣ! — воскликнулъ молодой человѣкъ, поблѣднѣвъ и весь дрожа, и какъ будто боясь, чтобы угрозы его не сбылись, бросился опрометью отъ презрѣннаго разнощика вѣстей.

— И вотъ наконецъ, — говорилъ онъ самъ съ собою,— позоръ дѣвушки, по моей милости, ходитъ изъ устъ въ уста; о немъ звонитъ ужъ въ набатъ этотъ мерзавецъ! Вѣрно, проговорилась подруга! Гдѣ жъ увѣренность спасти ее во-время отъ стрѣлъ молвы? Гдѣ жъ благородство, польза жертвы? Одно мнѣ осталось,— броситься къ ногамъ великаго князя, признаться ему во всемъ и молить его быть моимъ спасителемъ и благодѣтелемъ. Скорѣе и сейчасъ же. Онъ намекалъ мнѣ такъ благосклонно о невѣстѣ, онъ будетъ моимъ сватомъ.

Антонъ повернулъ шаги свои къ хоромамъ великокняжескимъ; но когда шелъ мимо избы Курицына, добрый духъ шепнулъ ему зайти къ дьяку, столько усердному къ пользамъ его. Онъ нашелъ его въ важныхъ занятіяхъ, можно бы прибавить затруднительныхъ, потому что Курицынъ, покровитель жидовской ереси на Руси, долженъ былъ, по приказанію великаго князя, составить списокъ еретикамъ, съ назначеніемъ имъ ссылки и другихъ наказаній, впрочемъ не жестокихъ. Въ этомъ случаѣ Иванъ Васильевичъ понималъ хорошо свои отношенія и свои обязанности къ любимому слугѣ своему, и слуга понималъ также хо-

рошо, чего желалъ его владыка, свои обязанности къ нему и отношенія къ братьямъ, еретикамъ. Какъ водится, Курицынъ составилъ списокъ тѣмъ лицамъ, которыя были малозначащи, ненадежны и простодушнѣе другихъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ, объяснивъ молодому человѣку свои занятія,—вотъ наконецъ Иванъ Васильевичъ, по убѣжденію духовныхъ лицъ, открылъ глаза!.. Гнусная ересь обнаружилась!.. Я давно говорилъ ему, — не слушалъ, не вѣрилъ!.. О, если бъ ты зналъ, господинъ лекарь, какъ много обольстительнаго, прекраснаго въ этой ереси! Отчего жъ и вѣтвится она со дня на день!.. И между тѣмъ зло ужасное, гибель народа!.. Надо искоренить, во что бъ ни стало... Да, въ этомъ случаѣ Иванъ Васильевичъ слишкомъ милостивъ, или слишкомъ упрямъ. Говоритъ: не хочу дѣлать, чего хочетъ народъ; и такъ мѣшаетъ мнѣ много! Чтожъ? присудилъ наказаніе самое легкое, дѣтское,—смѣха ради!.. Кого ссылаетъ въ дальніе города, кому готовитъ потѣху... да ты самъ увидишь...

До Антона не разъ доходили слухи, что Курицынъ принадлежитъ жидовской ереси и тѣломъ и душой. Лукавству его онъ не изумился: онъ ужъ болѣе ничему не изумлялся. Допытаться же настоящихъ его религіозныхъ мнѣній и стараться обратить его къ истинѣ было некогда, и потому молодой человѣкъ спѣшилъ открыть ему свое положеніе. Намѣренія Антона хвалили, съ надеждъ его сбросили вереги, объявивъ ему, что великій князь извѣстенъ ужъ о склонности своего дворского лекаря къ дочери Образца. Въ томъ, что государь былъ вкладчикомъ въ этой тайнѣ, хозяинъ призналъ себя виноватымъ, а какими путями

извѣстна она была самому Курицыну, этого не могъ, но смѣлъ и не долженъ былъ открывать.

— Ты это когда-нибудь узнаешь,—говорилъ дьякъ; потомъ прибавилъ:—Иванъ Васильевичъ заранѣе играетъ ужъ твою свадьбу. Окрестись, и по рукамъ, молвилъ бы я вмѣстѣ съ нимъ, да боюсь: круто повернешь властью господина нашего,—все дѣло испортишь. Мой совѣтъ: для лучшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ сыскать умнаго, ловкаго свата, не изъ владыкъ земныхъ, не изъ князей и бояръ, а простого людина, который умѣлъ бы побороть непріязнь Образца къ иноземцу. Я за это не берусь: ты знаешь, мы съ нимъ другъ другу чужіе. Постой, дай подумать, на кого ловче напасть... Да вотъ... чего лучше тверчанина Аѳони!.. Вѣдь ты знаешь его?

— Знаю, и прибавлю, сколько могу судить по его отношеніямъ ко мнѣ, онъ меня любитъ, несмотря на мое басурманство. Не разъ водилъ я его по нѣмецкимъ и итальянскимъ землямъ, и за это считаетъ онъ себя въ долгу у меня.

— Такъ съ Богомъ! Ударь ему челомъ и проси его въ сваты. Откройся, что ты полюбилъ дочь Образца, увидавъ ее только разъ въ окно, и то по пріѣздѣ изъ Твери. Разумѣется, во главу дѣла положи обѣтъ окреститься въ нашу русскую, православную вѣру; она же есть источникъ всякой благодати (еретикъ вымолвилъ это съ притворнымъ благоговѣніемъ). А затѣмъ прибавь и волю нашего всемощнѣйшаго господина, Ивана Васильевича. Только берегись сказать, что я тебя послалъ: это нужно. Теперь отъ души желаю поздравить тебя съ красоткой-женою и помѣстьемъ.

— Нѣтъ, при этомъ случаѣ не возьму богатыхъ даровъ отъ великаго князя, хотя бы пришлось заслужить и гнѣвъ его. Я не продаю себя. По крайней мѣрѣ, душа моя чиста будетъ, здѣсь и на томъ свѣтѣ, отъ упрека въ корысти. Во всемъ прочемъ послушаю тебя; чтобъ доказать это, изъ твоего дома иду прямо къ Аѳанасію Никитину.

— Идешь одинъ, пѣшкомъ, въ село Чертолино? — сказалъ Курицынъ.

— Одинъ. Чего бояться! Лошади не взялъ, чтобъ не возбудить любопытства въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ буду.

— Почему бъ не отложить до завтраго. Дорога дальняя, есть перелѣсокъ, окруженъ болотомъ... есть у тебя враги... Ты забылъ Поппеля...

— Не думаю, чтобы рыцарь покусился на дѣло разбойничье. Съ благословеніемъ Божьимъ я рѣшился. Завтра, можетъ статься, будетъ поздно.

— Хорошо, что сказалъ. Друзья твои станутъ у тебя на стражѣ.

Антону ничего не оставалось дѣлать, какъ благодарить.

Подходя къ избушкѣ, гдѣ жилъ странникъ, онъ услыхалъ льющіеся изъ нея звуки духовнаго пѣнія. Звуки были такъ легки, свободны отъ всего земного, въ нихъ отзывались миръ души, согласіе, дѣтская простота и повременамъ возмужавшая сила чувствъ, умиленіе, теплота, проникающія въ сердце, въ мозгъ костей вашихъ. Не таковъ голосъ земныхъ страстей; такъ бесѣдуютъ только съ Богомъ. Эренштейнъ остановился у воромъ и слушалъ духовную пѣснь съ восторгомъ. Пѣніе становилось тише и тише и вдругъ замолкло, какъ будто спустилось на землю, обременен-

ное тяжестью небесной ноши. Но Антонъ не успѣлъ еще образумиться отъ умиленія, его обнявшаго, какъ послышалось вновь пѣніе. Теперь это были печальные, раздирающіе душу звуки. Старецъ пѣлъ: «не рыдай меня, мати, зрящи во гробѣ». Обращеніе къ матери, гробъ, унылое пѣніе невольно навели тоску и благочестивый трепетъ на сердце молодого человѣка:— «О! что сулишь ты мнѣ, святой старецъ?.. Неужли голосъ твой вѣщій?..» — сказалъ онъ со слезами на глазахъ... и отнялъ руку отъ кольца, которымъ готовился ударить въ столбъ приворотный. Онъ хотѣлъ ужъ идти отъ воротъ, и одумался.—«Дитя, малодушный»,— говорилъ онъ самъ себѣ, — «неужли обращеніе Богочеловѣка къ Матери изъ гроба могло смутить тебя? Съ именемъ Господа иду на благое дѣло, и не побоюсь стрѣлъ, летящихъ на меня во тьмѣ».

Съ послѣднимъ словомъ онъ постучался въ ворота и на спросъ Аѳанасія Никитина: «кто пришелъ», отозвался именемъ Господнимъ. Его тотчасъ впустили; разумѣется, оградили себя крестнымъ знаменіемъ на всякій недобрый случай. Аѳоня не чуждался знакомства съ чужеземцами: съ какими и какими народами онъ не сообщался! Однакожъ во всѣхъ сношеніяхъ съ ними всегда осѣнялъ себя крестомъ Господнимъ, который, увѣренъ онъ былъ, не разъ спасалъ его отъ бѣдъ.

Жилище его было бѣдно, но чисто. Лучшимъ украшеніемъ клѣти составляла икона Божьей Матери, къ подножью которой принесъ путешественникъ все рѣдкое, что могъ принесть на Русь изъ своего дальняго странствія: ткани индійскія на подвѣски, жемчугъ и самоцвѣты на ризу, листы пальмоваго и вѣтви финиковаго

дерева, красивыя перья рѣдкихъ птицъ вмѣсто рамы. Тутъ было его прошедшее, его настоящее и будущее; сюда соединялъ онъ свое богатство земное и небесное.

— Волей или неволей жалуешь ко мнѣ?—спросилъ старикъ.

— Неволей,—отвѣчалъ молодой человѣкъ,—потому что наслало меня къ тебѣ дѣло головное, кровное; волей, потому что въ этомъ дѣлѣ избралъ тебя, Аѳанасій Никитичъ, вмѣсто отца родного. Будь же мнѣ отецъ, не откажись.

Такое вступленіе изумило тверчанина. Но когда молодой человѣкъ сталъ разсказывать ему свои намѣренія и просьбу, одинокій глазъ старика заблисталъ чуднымъ свѣтомъ, губы его растворились улыбкой. Выслушавъ челобитье, онъ съ большимъ удовольствіемъ изъявилъ готовность быть печальникомъ и сватомъ Антона, христіанскаго дѣла ради; только успѣхъ отдавалъ въ руки Господа.

— Побудь у меня часокъ,—сказалъ Аѳоня, схвативъ свою шапку и посохъ, — разомъ ворочусь. Злое дѣло откладывай со дня-на-день и молись: авось, соскучится сидѣть у тебя за пазушкой да стошнится отъ молитвы; сгинетъ въ благой часъ, аки нечистая сила отъ заутренняго звона. Съ добрымъ дѣломъ иначе. Взвидѣлъ птицу дорогую, наметывай мигомъ калену стрѣлу, натягивай лукъ тугой,—она твоя, птица небесная. Пропустишь, и потонула въ небѣ.

— Боюсь только, во-время ли пришелъ, — сказалъ Антонъ.—Я съ запросомъ къ твоему кольцу, а ты запѣлъ пѣснь надгробную. Навелъ на душу тоску невыносимую. Почему такъ скоро перешелъ къ этой пѣсни отъ возношенія Господа?

— Почему?—отвѣчалъ тверчанинъ, нѣсколько смутясь,—почему, сказать тебѣ не сумѣю. Нашелъ Божій часъ, не мой. Да не кручинься попусту: гдѣ Господь, тамъ все благо, все добро. Помолимся Ему, и возрадуется душа наша о Немъ.

И старикъ палъ тѣломъ и духомъ передъ иконою—за нимъ Антонъ.

— Теперь, помолясь, съ благословеніемъ Божіимъ, примемся за службу Ему,—молвилъ первый, и вышелъ изъ избы.

Можно судить, въ какомъ тревожномъ состояніи остался молодой человѣкъ. Всѣ шаги, всѣ слова чуднаго посредника между нимъ и судьбою были заочно взвѣшены, разсчитаны по маятнику замирающаго сердца.—«Вотъ,—думалъ Антонъ,—подошелъ старикъ къ воротамъ Образца, вотъ онъ всходитъ на лѣстницу... Онъ въ комнатѣ боярина... произноситъ имя Анастасіи, имя мое... Жребій мой положенъ на вѣсы судьбы... Господи, урони на него милостивый взоръ!»

Между тѣмъ Аѳоня быстро направлялъ свои шаги къ жилищу Образца, пріискивая въ головѣ и сердцѣ рѣчи, которыя могли бы успѣшнѣе дѣйствовать на отца Анастасьина. Странникъ былъ недавно у святого мужа, Іосифа Волоцкаго, и наслушался изъ его медоточивыхъ устъ духовной бесѣды съ однимъ бояриномъ, отъ которой сердце его таяло. Изъ нея-то источники собирался онъ употребить теперь въ дѣло. Еще впервые путь его неровенъ и грудь повременамъ требуетъ отдыха; впервые рука дрожа схватила вѣстовое кольцо и невѣрно ударила въ столбъ приворотный. Бояринъ дома, Аѳонѣ отворяютъ калитку; Аѳонѣ запрета нѣтъ, въ какіе бъ часы дня ни пришелъ онъ. Всходитъ на

лѣстницу. У сѣнныхъ дверей онъ отдохнулъ и оправился.

Василій Ѳедоровичъ лежалъ на постели въ повалушѣ; ему очень нездоровилось. Никогда еще въ жизни своей не хворалъ онъ сильно, и потому настоящая болѣзнь, вдругъ его свалившая, не таила опасныхъ признаковъ. Одръ, можетъ быть, смертный, и будущность—вотъ великія темы, которыя представлялись самородному краснорѣчію нашего странника-витіи.

Попрежнему гость, войдя въ клѣть, ставилъ посохъ у дверей, творилъ три крестныя знаменія передъ иконой и кланялся низко хозяину, пожелавъ ему здравія; попрежнему хозяинъ ласково привѣчалъ его и сажалъ на почетное мѣсто. Послѣ разныхъ оговорокъ съ обѣихъ сторонъ, тверчанинъ началъ такъ:

— Вотъ прошло и красное лѣто. Пташки свили гнѣзда, вывели дѣтокъ, выкормили ихъ и научили летать. Потянулъ вѣтеръ со полуночи,—не страшенъ пичужечкамъ; пѣстуны указали имъ дорожку по поднебесью на теплыя воды, на привольные луга. Запоздай родимые выводомъ, немудрено и снѣговой непогодѣ застать малыхъ дѣтенышей, бѣдныхъ птенчиковъ.

Бояринъ взглянулъ пристально въ око Аѳонѣ и примолвилъ:

— Ты не спросту рѣчь ведешь, Никитичъ.

— Самъ вѣдаешь, бояринъ, передъ сказкою всегда присказокъ. А веду я рѣчь къ тому, коротко лѣто и нашего житія. У кого есть дѣтки, надо подумать, какъ бы имъ теплое гнѣздышко свить, какъ бы ихъ отъ непогоды на теплыя воды.

— Птицы небесныя не сѣютъ и не жнутъ, а съ голоду не умираютъ,—возразилъ бояринъ:—обо всѣхъ ихъ

Господь равно промышляетъ, равно ихъ отъ грозы пріючаетъ, показываетъ имъ всѣмъ путь чистъ въ привольную сторону. А намъ за грѣхи ли нашихъ прародителей, или за наши, не всѣмъ одинака доля дается: кому талантъ, кому два, овому нѣтъ ничего. Заботъ и у насъ о дѣткахъ не мало, да... (тутъ онъ глубоко вздохнулъ).

— Иной летаетъ соколомъ съ руки великокняжеской, — перебилъ Аѳоня: — что ни кругъ, то взовьется выше; другой пташкѣ не та часть. Поетъ себѣ щебетуньей-ласточкой, скоро-скорехонько стрижетъ воздухъ крыльями, а далѣ дома родимаго не смѣетъ. Не все жъ по тепло на гнѣздо колыбельное; придетъ пора-времячко, надо и свое гнѣздышко свивать, и своихъ дѣтушекъ выводить.

— Опять отвѣчу: наша доля и нашъ урокъ въ рукѣ Господней, безъ него и волосъ съ головы не падетъ.

— Не взыщи, осударь Василій Ѳедоровичъ, коли я, худородный, бездомный странникъ, молвлю тебѣ не въ укоръ, не въ уразумѣніе, а въ напоминаніе. У насъ на умѣ всѣ сокровища земныя, то для себя, то для дѣтокъ, а про сокровища небесныя, ихъ же ни тля, ни червь не поѣдаютъ, и въ поминѣ нѣтъ. А тамъ придетъ часъ Христовъ, аскамитныхъ кафтановъ, ковшовъ серебряныхъ, ларцовъ кованыхъ съ собой не возьмемъ; явимся къ нему наги, съ одними грѣхами или добрыми дѣлами.

— Господь вѣдаетъ, по силамъ и по разумѣнію трудимся о спасеніи души нашей и дѣтей нашихъ.

— Трудишься? а ищешь богатыхъ, знатныхъ жениховъ осударынѣ Анастасіи Васильевнѣ?..

Не оскорбился бояринъ этимъ упрекомъ и отвѣчалъ ласково:

— Правда твоя, искалъ по немощи родительской, а болѣе человѣческой. Зато, статься можетъ, Господь и наказалъ меня сватовствомъ Мамона. Съ той поры не плодитъ мое деревцо сладкихъ яблочковъ; съ той поры жениховъ Настенькѣ словно рукой сняло, да и сама она, горемычная, сохнетъ, что былина на крутомъ яру. Я ли не ходилъ на богомолье по святымъ мѣстамъ; я ли не ставилъ мѣстныхъ свѣчъ, не теплилъ лампады неугасимой!

— Слыхалъ ты Божье слово: вѣра безъ дѣлъ мертва.

— Слыхалъ, и творилъ по Божью слову. Одѣлялъ я щедро нищую братью, помогалъ разореннымъ отъ пожара, въ голодные годы, выкупалъ изъ плѣну басурманскаго. И старался, чтобы лѣвая рука не знала, что подаетъ правая.

— Вѣстимо, и то все Господу въ угоду. Да ты давалъ свой излишекъ, чего у тебя вдоволь было. Не послѣдній ломоть дѣлилъ ты, не послѣднюю пулу отдавалъ. Вотъ дѣло иное, кабы ты для спасенія души твоего недруга отдалъ бы, чего у тебя дороже, милѣе нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, кусокъ своего тѣла, кровь свою!

Сказавъ это, старикъ выпрямился и зорко посмотрѣлъ одинокимъ, блестящимъ глазомъ на своего слушателя, какъ стрѣлокъ, желая высмотрѣть, ловко ли онъ ударилъ въ цѣль. Заставили бы его повторить, онъ не сумѣлъ бы; ему самому казалось, кто-то другой говорилъ въ немъ.

При словѣ «недруга» бояринъ поблѣднѣлъ и весь задрожалъ.

— Не о Мамонѣ ли говоришь? — воскликнулъ онъ голосомъ осужденнаго, который проситъ милости.

— Чтожъ? хоть бы о немъ. Онъ твой ворогъ.

— Аѳанасій Никитичъ, друже мой, ты хочешь безчестья моей сѣдой головѣ, безчестья сыну, дочери, всему роду нашему. Ты хочешь, чтобъ я умеръ неспокойно, чтобъ я съ того свѣта слышалъ, какъ дѣти моихъ дѣтей будутъ пенять мнѣ, можетъ статься, клясть меня за позоръ свой, чтобы я слышалъ, какъ народъ, мои вороги будутъ смѣяться надъ моей могилой и позорничать на ней. Вотъ, скажутъ, былъ добрый отецъ! радѣлъ о дѣткахъ!.. пристроилъ дочку единородную, любимую, за внука колдуньи, что сожжена на Можаѣ на лобномъ мѣстѣ! Внукъ вѣдьмы, сынъ кровнаго ворога моего, съ нимъ же долженъ мой сынъ на поле, пойметъ дочь мою... Нѣтъ, Аѳанасій Никитичъ, проси, требуй отъ меня другого. Господь видитъ, коли то для Христова дѣла, не пожалѣю крови своей.

Къ этому слову велъ Аѳанасій Никитичъ; онъ почти торжествовалъ побѣду.

— Успокойся, бояринъ, не къ Мамону рѣчь веду. Спасетъ ли его окаянную душу дочка твоя любимая, голубица чистая? Только свою погубитъ. Не ея желаетъ онъ сыну, а богатства твоего. Женихъ мой не таковъ, хочетъ одного богатства небеснаго; только съ этимъ приданымъ дорога ему Анастасія свѣтъ-радость Васильевна.

— О комъ же говоришь, и въ умъ не дается.

Аѳоня сотворилъ крестное знаменіе и сказалъ:

— Я пришелъ къ тебѣ сватомъ, осударь Василій Ѳедоровичъ, да не простымъ, обыденнымъ, хочу, да и въ день великой душа бы твоя явилась ко Христу, аки невѣста чистая, непорочная. Вотъ видишь два жениха

на примѣтѣ для Анастасіи Васильевны. За обоихъ стоитъ господинъ нашъ Иванъ Васильевичъ, за одного стою я крѣпко: оба басурманы. Одинъ татаринъ и царевичъ...

— Каракача, сынъ Касимовца Даньяра?

— Какъ сонъ въ руку.

— Ужъ были мнѣ стороной намеки о немъ. Не прочь бы я отъ него, коли онъ окрестится.

— Вѣстимо, онъ царевичъ!.. Дѣло христіанское дѣломъ, честь таки честью!..

Иронія эта глубоко потрясла религіозную душу Образца. Онъ смутился, какъ бы проговорясь передъ своимъ судьею, но оправившись отвѣчалъ:

— Такъ я за царевича не отдамъ, видитъ Господь, не отдамъ... Кто жъ другой? Не томи, ради Бога.

— Бояринъ, помни, не простую свадьбу затѣваемъ; мы готовимъ вѣнцы нетлѣнные на тебя и другого раба Божьяго.

— Говори, друже, говори.

— Другой... Онтонъ-лекарь.

— Нѣмчинъ!..—вскричалъ Образецъ помертвѣвъ.

Въ этомъ словѣ былъ цѣлый родъ латинщиковъ, ненавистный, заклятый, смерть любимаго сына, вся жизнь боярина съ ея предразсудками и вѣрованіями.

— Вѣдь я не таилъ отъ тебя, что женихъ басурманъ.

— Чернокнижникъ, слуга нечистаго! — продолжалъ бояринъ.

— Напраслина, Василій Ѳедоровичъ! Напраслина—грѣхъ великій. Кто заложитъ душу свою, скажетъ, что онъ слыхалъ его въ зазорныхъ бесѣдахъ, не только что видалъ въ дѣлахъ сатанинскихъ! Бывалъ я

у него не разъ, бесѣдовалъ съ нимъ не однажды, все рѣчь о Божьемъ дивномъ твореніи, разумная, красная, свѣтлая, словно ключъ гремучій. Скроменъ, какъ дѣвица, отваженъ, какъ твой сынъ, милостивъ до бѣдныхъ. Николи не забуду его добра. Одно только держитъ его въ когтяхъ нечистаго, только одно потянетъ его въ смолу горючую, что онъ некрещеный. Но коли приметъ нашу вѣру крещеную, очистится отъ всякой скверны, скорѣе нашего попадетъ въ обитель Бога. Подумай, бояринъ, ты заложилъ мнѣ святое слово.

Образецъ вмѣсто отвѣта залился слезами, въ первый еще разъ по смерти жены своей.

— Чего хочешь отъ меня? — произнесъ онъ наконецъ, едва не рыдая.

— Крови твоей, дорогой части твоего тѣла, ими же спасешь душу раба Божьяго Онтона отъ огня вѣчнаго, помилуешь и свою душу.

— Дай сроку дня три, хоть до пріѣзда сына.

— Дастъ ли тебѣ этотъ срокъ Іисусъ Христосъ для очищенія грѣховъ твоихъ, когда явишься къ Нему на тотъ свѣтъ? (эти слова принадлежали не Аѳанасью Никитину, а Іосифу Волоцкому) можетъ статься, заутро опоздаетъ слово твое. Откажешь Онтону, — кто поручится, что онъ тотчасъ не уѣдетъ въ свою латинскую землю? Останется тогда навѣки въ плѣну адовомъ. И когда придетъ на тотъ свѣтъ, связанный по рукамъ и по ногамъ, когда возьмутъ его, чтобы бросить въ смолу кипучую, «Господи», скажетъ онъ: «я хотѣлъ къ Тебѣ въ обитель твою, а меня не пустилъ рабъ твой Василій: онъ связалъ меня по рукамъ и ногамъ, онъ кидаетъ меня въ огонь вѣчный: свяжи его со мною, ввергни его въ огонь со мною». Спасутъ ли

тебя тогда твои подаянія, твое богомолье? Одумайся, Василій Ѳедоровичъ; повтори святое слово свое, да возрадуются ангелы, принимая въ ликъ свой новую христіанскую душу, воспоютъ: «слава, слава Тебѣ, Господи, на земли и на небеси!»

Глубоко вздохнулъ Образецъ, какъ бы вздыхало съ нимъ все его существо, взглянулъ на икону Спасителя, съ любовью и страданіемъ распятаго съ Нимъ на крестѣ, и поднялся вдругъ съ болѣзненнаго одра своего, крѣпокъ и сановитъ, и произнесъ съ умиленіемъ:

— Помолимся Господу.

За нимъ всталъ тверчанинъ. И молились они.

— Господи, Отецъ милосердый, — говорилъ Образецъ, ставъ на колѣна,—прими отъ недостойнаго раба Твоего жертву кровную, великую! Одна дочь у меня, ненаглядная моя, сокровище мое, и ту отдаю Тебѣ. Господи, Господи, помяни меня и ее во царствіи Своемъ.

И обнялись боярин со странникомъ. Кончивъ дѣло Божье, принялись за мірское. Ударили по рукамъ и условились; приготовить Анастасію, объявить чрезъ Аѳоню согласіе Антону-лекарю и сказать ему, чтобы онъ, сберегая дѣвичью стыдливость и честь отъ всякаго нареканія людского, переѣхалъ завтра жъ на другой дворъ и тотчасъ взялъ духовника боярскаго, который ввелъ бы его въ вѣру крещеную. Свадьбѣ положено быть не прежде, какъ судъ Божій рѣшитъ участь Хабара на *полѣ*. Видѣлъ ли Антонъ дочь боярина и какъ видѣлъ, не спрашивали: можетъ статься, Образецъ боялся узнать, что узнать было бы ему непріятно.

Лишь только сватъ ушелъ, Анастасію позвали къ отцу.

— Зачѣмъ?.. Недаромъ! — подумала она, и сердце затрепетало въ груди, и ноги подломились.

Когда она вошла въ повалушу отца, важное, умиленное лицо его, взоръ, глубоко павшій ей въ душу, икона, убранная свѣтомъ лампады, какъ передъ праздникомъ,—все сказало ей, что готовится для нея что-нибудь чрезвычайное.

Старикъ заговорилъ трогательнымъ голосомъ о своей болѣзни, о предчувствіи близкой смерти. Вотъ и воронъ словно впился въ кровлю дома и не хочетъ отстать отъ нея, и собака роетъ яму передъ окномъ повалуши, и мать Анастасьина во снѣ является и зоветъ къ себѣ!

— Батюшка, родимый... не умирай, не покидай меня...—едва могла сказать Анастасія, и залилась слезами.

— Радъ бы не покидать, дитя мое милое, наливное мое яблочко, да Господь позоветъ, никто не остановитъ. Пора подумать, какъ бы тебя пристроить... ты ужъ дѣвка въ порѣ... злые люди скажутъ скоро: устарокъ!..

Въ числѣ уроковъ, данныхъ мамкою своей воспитанницѣ, какъ себя вести и что, когда говорить, былъ и тотъ, что и какимъ голосомъ слѣдовало отвѣчать отцу, когда онъ молвитъ ей о женихѣ. Эпиграфъ, взятый нами для настоящей главы, съ должнымъ, мѣрнымъ причитаніемъ, затвердила на подобный случай Анастасія, но теперь было не до него. Она стояла у изголовья отцовской кровати ни жива, ни мертва; она ничего не могла вымолвить и утирала тонкимъ рукавомъ своимъ слезы, льющіяся въ изобиліи.

Отецъ продолжалъ:

– По закону Божьему выбралъ я тебѣ жениха...

— Божья, да твоя,—рыдая промолвила Анастасія, и пала въ ноги отцу своему.—Подожди... не выдавай, родной мой, солнышко мое ясное... Иль я тебя чѣмъ прогнѣвила? Иль я тебѣ не мила болѣе? Иль моя дѣвичья краса тебѣ прискучила? Не суши меня безвременно, не снимай съ меня головы...

— Не воротишь дня прошедшаго, не возьмешь назадъ слова даннаго. А я на крѣпкомъ словѣ положилъ, да и Господу обѣщалъ. Настя, выкупи грѣхи отца твоего, не поперечь моему слову.

Вмѣсто отвѣта, Анастасія рыдая прижималась къ ногамъ его.

— Инъ за басурмана... царевича?.. Мы введемъ его въ вѣру крещеную; будетъ онъ ходить подъ рукой великокняжей, — сказалъ отецъ, желая понемногу приготовить ее къ жениху-басурману.

— За кого хочешь... Я Божья, да твоя... Только не выдавай меня за татарина... Коли ты въ могилку, и я брошусь за тобою... наложу на себя руки...

— Охъ, бѣдная ты, бѣдная головушка, что сдѣлала ты?.. Прости меня, дитя мое, дочь моя милая, я помолвилъ тебя еще хуже чѣмъ за татарина, помолвилъ за басурмана-нѣмца, за Онтона-лекаря.

— Антона?.. — хотѣла произнесть Анастасія, и задушила это слово въ груди своей.

Что сдѣлалось съ ней!.. Милый другъ души, радость ея, свѣтъ очей, Антонъ — суженый ея! Не ошибся ли слухъ? Въ безпамятствѣ не проговорила ли сама это имя?.. Она силится скрыть восторгъ свой, и не сможетъ: онъ проникаетъ въ судорожномъ трепетѣ, въ движеніяхъ, даже въ слезахъ ея.

— Воля твоя, батюшка, — сказала она наконецъ, цѣлуя съ горячностью его ноги.

И больше ничего не могла вымолвить. Но зоркій взглядъ отца замѣтилъ въ тревожныхъ ласкахъ дочери чувство, котораго онъ никогда и подозрѣвать не могъ. Бояринъ благодарилъ Господа, что это чувство покрывается вѣнцомъ и вмѣстѣ искупаетъ душу басурмана отъ плѣна адова. Такъ перемѣнились обстоятельства въ палатахъ Образца.

Въ этотъ же день послалъ бояринъ отъ имени своего сына къ Мамону узнать, выздоровѣлъ ли онъ и готовъ ли на судъ Божій (были ужъ такія посылки не однажды и до этого). Мамонъ отвѣчалъ: «готовъ и жду». Съ отвѣтомъ послали нарочнаго гонца въ Тверь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПЕРЕЛѢСОКЪ

Бывало, только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ лѣсъ
Идемъ на промыселъ опасный,
За деревомъ сидимъ и ждемъ...
Пушкинъ.

Антонъ былъ счастливъ; онъ спасъ честь любимой дѣвушки; онъ будетъ обладать ею. Едва вѣрилъ счастію своему. Исполняя волю Образца и еще болѣе собственнаго сердца, рѣшился онъ переѣхать завтра къ Аристотелю, а отъ него на другой дворъ, какой ему назначатъ. Нынѣ жъ могъ еще ночевать подъ одною кровлею съ Анастасіей. Смеркалось ужъ, когда онъ, простясь съ своимъ благодѣтелемъ и сватомъ, вышелъ изъ двора его. Было идти далеко. Лошади не прислалъ Курицынъ, какъ обѣщалъ. Онъ спѣшилъ.

Въ виду Занеглинной, по спуску горы къ моховому болоту, его ожидалъ довольно большой перелѣсокъ. Становилось все темнѣй и темнѣй. Мѣсяцъ привсталъ только съ земли и свѣтилъ лѣниво, то глядя соннымъ лицомъ въ глаза путнику, то перебирая листьями деревъ, какъ блестящею гранью алмазовъ, то склоняясь за дерево, опозоренное грозой. Наконецъ и онъ, утомленный

своимъ путемъ, готовъ былъ упасть на грудь земли. Одинъ Кремль, вспрыснутый послѣднимъ его сіяніемъ, вырѣзывалъ на небѣ кровли своихъ домовъ и кресты своихъ церквей; все же кругомъ распростерлось во мракѣ у ногъ его, какъ рабы у ногъ своего падишаха.

Лишь къ перелѣску, Антона обдало холодомъ испаренія болотъ; самое небо, испещренное то облаками, то струями облаковъ, стояло надъ нимъ мраморнымъ куполомъ. Курево тумана побѣжало по рощѣ, и деревья, казалось, встрепенулись, приняли странные образы и зашевелились. Березы закивали кудрявыми головами, или пустили по вѣтру длинныя косы; черныя сосны вытянули свои крючковатыя руки, то съ угрозой вверхъ, то преграждая дорогу; зашептала осина, и кругомъ путника стали ходить тѣ причудливыя видѣнія, которыя воображеніе представляетъ намъ въ подобныхъ случаяхъ. Какъ будто вѣдьмы въ шабашъ свой, слетѣлись сюда рои летучихъ мышей и подняли воздушныя пляски почти передъ самымъ носомъ путника. Подстать имъ ночной ριѳмачъ и деревенскій лѣшій, сычъ, разсыпался своимъ адскимъ хохотомъ. Было отчего трухнуть и не робкому. Но Антонъ спѣшилъ подъ свою кровлю, въ первый еще разъ такъ прекрасную, подъ кровлю, гдѣ онъ будетъ съ своею невѣстой. Ему было тепло, ему было не страшно. На случай встрѣчи недобрыхъ людей, стилетъ у боку и кистень, оправленный въ острое желѣзо, который далъ ему Аѳоня,—все это въ рукахъ мощнаго и отважнаго молодца могло служить надежнымъ щитомъ.

Правда, подалъ было ему опасеніе какой-то всадникъ, который почти съ самаго Чертолина выѣхалъ

со стороны на его дорогу и все слѣдилъ его въ нѣсколькихъ саженяхъ.

Останавливался онъ, — и всадникъ останавливался; трогался съ мѣста,—то жъ дѣлалъ и неотвязчивый путникъ. Окликалъ, — не было отвѣта. Онъ вспомнилъ слова Курицына и, самъ третей съ двумя оружіями, ловчился на защиту свою въ случаѣ нападенія. Наконецъ ему наскучили опасенія безъ всякихъ слѣдствій.— «Вѣрно, путникъ боится меня, а я его трушу»,—подумалъ Антонъ, и пошелъ себѣ безъ оглядки, прислушиваясь къ топоту лошади, его провожавшему, какъ прислушиваетесь къ жужжанію мухи, которая около васъ безпрестанно вертится, не кусая васъ. Сладкія минуты, ожидающія его въ будущемъ съ Анастасіей, заронились въ его сердцѣ и воображеніи. Что не было она или къ ней не относилось, не занимало его. Онъ весь погруженъ былъ въ мечты свои, когда изъ дымнаго клуба тумана кто-то осторожно окликнулъ его по имени.

— Я, — отвѣчалъ онъ, и остановился.

Вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ кто-то вынырнулъ изъ куста, и прямо къ нему.

— Прага... собаки... спаситель, — проговорилъ неизвѣстный по-нѣмецки, схвативъ Антона съ необыкновенною силой за рукавъ, увлекъ въ кусты и повалилъ. Хищная птица не быстрѣе съ налета хватаетъ свою жертву. — Ради Бога, — прибавилъ онъ шопотомъ, — не шевелись и молчи.

Довольно было таинственнаго пароля, извѣстнаго одному Антону, чтобы повѣрить чудному незнакомцу. Этотъ пароль напомнилъ ему случай въ Прагѣ, когда онъ избавилъ жида Схарія отъ ожесточенныхъ живот-

ныхъ, которыя готовы были его истерзать; знакомый выговоръ изобличилъ возничаго, который привезъ Антона на Русь. Ничего не понимая и покоряясь его убѣдительной волѣ, онъ не шевелился и молчалъ.

Минуты двѣ, три... мимо ихъ проѣхалъ всадникъ, слѣдившій молодого человѣка. Тутъ Антону крѣпко пожали руку. Немного погодя, послышался свистъ; отвѣчали свистомъ въ оврагѣ.

— Теперь, поскорѣй за мной,—сказалъ вполголоса Захарій или Схарія, какъ звали его на Руси:—въ нѣсколькихъ саженяхъ ждетъ тебя разбойничья засада. Голова твоя куплена Поппелемъ.

Храбриться было безразсудно: молодой человѣкъ поспѣшилъ за Схаріемъ. Въ чащу перелѣска, въ разрѣзъ его, далѣе и далѣе, и потонули въ немъ. Только вожатый нерѣдко останавливался, чтобы дать перемежку шороху, который производили они руками и ногами, пробираясь между кустовъ и деревъ. Онъ желалъ, чтобъ этотъ шорохъ приняли за шумъ вѣтерка, бѣгающаго по перелѣску.

— Не теряй изъ вида этой звѣздочки, — говорилъ Захарій, показывая ему звѣзду, едва мерцавшую на востокѣ: — моли Бога, чтобы она не скрылась.

И шли и бѣжали они на ея утѣшительное сіяніе. Наконецъ, утомленные выбрались изъ перелѣска. Передъ ними болото. Оно показалось имъ ямою, въ которой жгутъ уголья, такъ дымилось оно изъ тумана. Въ это самое время вѣтерокъ донесъ до нихъ крики: «сгинулъ... пропалъ... разсыпся! лови окаяннаго!» И топотъ лошадей разлился по разнымъ сторонамъ, по дорогѣ въ Чертолино, по опушкѣ перелѣска. Сердце у жида хотѣло выскочить изъ груди; оробѣлъ и Антонъ.

Жаль было ему разстаться съ жизнью въ лучшее время ея; ужасно умереть подъ дубиною или ножомъ разбойника!

— Здѣсь гдѣ-нибудь близко гать, — сказалъ Захарій внѣ себя: — разойдемся, ты — влѣво, я — вправо... поищемъ ее... найдешь — кашляни; я сдѣлаю то же... Гать, — или мы пропали!

Разошлись для поисковъ. Черезъ нѣсколько мгновеній Антонъ подалъ условный знакъ. Жидъ къ нему. То мѣсто, гдѣ подъ темной полосой туманъ образовалъ сизый сводъ, указало гать. Вотъ ужъ бѣглецы на ней. Къ этой же сторонѣ, по опушкѣ перелѣска, неслись всадники... жарче и жарче топотъ коней ихъ... слышенъ паръ утомленныхъ животныхъ..

— Тише, дай мнѣ руку, или я упаду, — сказалъ жидъ задыхающимся голосомъ, схвативъ Антона за руку. — Сейчасъ мостъ черезъ ручей... а тамъ...

Онъ не могъ договорить: у него зажгло подъ сердцемъ. Еврей потерялъ ужъ присутствіе духа и физически ослабѣлъ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, готовъ былъ упасть. Его стало, чтобы начать подвигъ, но робкой его природѣ недоставало силы кончить его. Напротивъ, разумная отвага молодого человѣка только-что и развилась во всей силѣ въ минуты величайшей опасности. Онъ схватилъ Захарія, потащилъ его, перенесъ черезъ мостикъ и положилъ почти бездыханнаго на сухомъ берегу. Потомъ воротился къ мостику — одно бревешко долой, въ ручей, протекающій черезъ болото, — другое, третье — и переправа уничтожена. Туманъ скрылъ бѣглецовъ. Они были спасены; въ виду ихъ посадъ выставлялъ изъ паровъ земныхъ углы своихъ кровель. Они слышали, какъ заговорила гать подъ но-

гами лошадей и вдругъ замолкла. Раздались крики и стоны; просили о помощи, слышались увѣщанія и проклятія. Вѣроятно, лошадь попала въ прорывъ мостика и увлекла своего сѣдока.

— Туда тебѣ и дорога! — вскричалъ еврей, пришедшій въ себя, какъ скоро узналъ, что находится внѣ опасности. — Копающій другому яму въ нее и попадаетъ. Однакожъ поспѣшимъ. Въ посадѣ ожидаетъ тебя твой...

Захарій не договорилъ — что-то просвистало мимо ушей его. Это была стрѣла, пущенная однимъ изъ погони въ то мѣсто, гдѣ находился говорившій. Испуганный, онъ наклонился до земли, дернулъ своего спутника за кафтанъ и началъ нырять въ туманѣ, почти на четверенькахъ, къ сторонѣ посада. Ничего лучше не могъ сдѣлать Антонъ, какъ послѣдовать за нимъ, не отставая.

— Ну, — сказалъ Захарій, выбравшись наконецъ въ безопасную пристань, то-есть къ избѣ, ему знакомой, потому что онъ въ нее постучался условнымъ стукомъ, — ну, сдѣлалъ я по закону отцовъ своихъ жаркое омовеніе. И безъ дождя на мнѣ нѣтъ нитки сухой.

Имъ отперли и замкнули за ними калитку.

— Теперь могу вознесть благодареніе и хвалу Богу Авраама и Іакова,—сказалъ еврей, введя своего спутника въ чистую, просторную комнату: — ты спасенъ.

— Чѣмъ могу благодарить тебя, добрый Захарій!— отвѣчалъ Антонъ, пожавъ ему съ чувствомъ руку.

Это изъясненіе было сдѣлано ночью; никакихъ сокровищъ не взялъ бы молодой человѣкъ, чтобы днемъ,

при свидѣтеляхъ, дотронуться до жида, несмотря на все, чѣмъ былъ ему обязанъ, и на то, что готовъ былъ во всякое время оказать ему явную помощь, какъ человѣку.

— Чѣмъ?.. Я еще у тебя въ долгу. Ты спасъ мнѣ жизнь безъ всякихъ видовъ, не зная меня, изъ одного человѣколюбія. Мало еще? спасъ еще жида. Жида! чего это стоитъ въ глазахъ христіанъ!.. Я, твой должникъ, плачу тебѣ только, что получилъ отъ тебя. Завтра меня не будетъ здѣсь, въ Москвѣ. Богъ вѣдаетъ, удастся ли когда тебя увидѣть, еще болѣе, — поговорить съ тобою!.. Теперь могу на свободѣ дать отчетъ въ суммѣ добра, которую отъ тебя получилъ, могу тебѣ открыться... Увѣренъ въ благородствѣ души твоей, знаю, слова мои не пойдутъ далѣе тебя.

— О, конечно, ты можешь быть увѣренъ.

— Я говорилъ тебѣ, ѣхавъ на Русь, что не забуду твоего благодѣянія, что у меня здѣсь сильные друзья, которые могутъ сдѣлать тебѣ добро болѣе самого Аристотеля. Ты посмѣивался нерѣдко надо мной, ты считалъ меня хвастуномъ, однакожъ я не лгалъ. Ничтожный еврей, котораго школьники пражскіе могли безнаказанно травить собаками, извозчикъ твой—основагель обширной секты на Руси. Здѣсь я имѣю свое маленькое царство; мои слова даютъ законъ (еврей гордо выпрямился, глаза его заблистали); здѣсь отмщаю свое униженіе въ нѣмецкихъ земляхъ, беру съ лихвою то, что мнѣ тамъ ближніе мои, человѣки, мнѣ подобные, отказываютъ. Въ семьяхъ князей и бояръ, въ палатахъ митрополита, въ самой семьѣ великаго князя имѣю учениковъ и поклонниковъ. Многія женщины, черезъ которыхъ можно и здѣсь сильно дѣйствовать,

несмотря на ихъ заключеніе, самыя жаркія мои поборницы.

Молодой человѣкъ слушалъ съ ужасомъ откровеніе жида. Онъ поднялъ глаза къ небу, какъ будто молилъ его вступиться за свое дѣло...

— «О! — думалъ онъ, — когда останусь на Руси, буду отыскивать этихъ несчастныхъ, заблудшихъ овецъ, буду стараться силою религіозной діалектики приводить ихъ къ божественному Пастырю ихъ. Захарій останется въ сторонѣ».

— Вотъ черезъ этихъ сильныхъ людей, — говорилъ еврей, — дѣйствовалъ я на расположеніе къ тебѣ великаго князя. Черезъ одного изъ нихъ властитель русскій давно узналъ о склонности твоей къ дочери Образца.

— Отъ кого жъ ты узналъ мои сердечныя тайны?

— Твой слуга недокрещенецъ — мой ученикъ. Ему поручено было слѣдить твои поступки и пути, чтобы я, въ случаѣ опасности, могъ помочь тебѣ. Какъ онъ подстерегалъ твои отношенія къ дочери боярина, спроси у него. Униженіе, въ какомъ его держали у Образца, научили его лукавству. Отчего жъ и родъ нашъ такъ лукавъ!.. Слуга твой зналъ, что я желаю тебѣ добра: мнѣ повинуясь, преданный тебѣ, онъ исполнялъ должность лазутчика съ особеннымъ искусствомъ и усердіемъ. Доказательство, ты этого даже и не подозрѣвалъ.

— Никакъ, никогда.

— Прости насъ, мы слѣдили тебя для твоего жъ добра, мы опутывали тебя сѣтью, чтобы въ случаѣ, если попадешься въ пучину, легче вытащить изъ нея. Я зналъ, что Поппель твой заклятый врагъ. Недаромъ мать твоя указывала на него, какъ на человѣка, для тебя опаснаго. Дорогою вѣтренникъ намекалъ своимъ

дворянамъ о тайныхъ видахъ на тебя. Онъ говорилъ о порученіи барона Эренштейна известь тебя во что бъ ни стало: лекарь-однофамилецъ бросалъ тѣнь на баронскій щитъ его. Сейчасъ по пріѣздѣ въ Москву началъ онъ точить на тебя орудіе клеветы. Когда это ему не удалось, онъ принялся за оружіе разбойника. Черезъ боярина Мамона куплена голова твоя. Въ посольскомъ дворѣ имѣлъ я людей преданныхъ, которые давали мнѣ или Курицыну обо всемъ знать. Приставы Поппеля были выбраны изъ учениковъ моихъ. Вездѣ, во всякое время, очи и сердце мое были на твоей стражѣ. И всегда, вездѣ я старался, чтобы не узнали, не видѣли, что жидъ о тебѣ заботится; никогда меня не видали въ бесѣдахъ съ тобою, не только во дворѣ твоемъ. Я зналъ, что мои сношенія съ тобою могутъ тебѣ повредить, особенно въ домѣ Образца; я берегъ твое имя отъ пятна этого, какъ будто берегъ честь дочери. Ты не упрекнешь меня въ противномъ.

Жидъ говорилъ съ особеннымъ чувствомъ; на глазахъ его навернулись слезы.

— О, конечно, нѣтъ! — воскликнулъ тронутый молодой человѣкъ.—Я не подозрѣвалъ тебя и въ Москвѣ.

— Все это шло хорошо до нынѣшняго дня. Нынче далъ мнѣ знать Курицынъ, что ты пошелъ къ Аѳанасію Никитину, несмотря на его увѣщанія отложить твое путешествіе до завтраго. Онъ поджидалъ твоего возврата въ удобномъ мѣстѣ, но ты не возвращался. Вслѣдъ за тѣмъ одинъ изъ подкупленной шайки извѣстилъ меня о томъ же съ прибавкой, что если ты замѣшкаешься, тебя выждутъ въ оврагѣ моховомъ, между Занеглинной и Чертолиномъ. Я разсчелъ время. Собрать преданныхъ людей на защиту твою было поздно; по-

слать тебѣ твою лошадь съ слугою — безполезно. Ни лошадь, ни слуга не помогли бъ въ тѣсномъ оврагѣ, гдѣ тебя окружилъ бы десятокъ разбойниковъ. Курицынъ пошелъ хлопотать, чтобы лошадь твоя съ слугою поспѣли по крайней мѣрѣ сюда, въ домъ одного изъ преданнѣйшихъ моихъ учениковъ. Долженъ тебѣ признаться, я не имѣю постояннаго жилища; нынѣ ночую у одного изъ своихъ, завтра у другого.

«Незавидна жъ участь твоя, царекъ еретиковъ!» — подумалъ Антонъ.

— Я же рѣшился отсюда, прямо черезъ гать болота, пробраться перелѣскомъ на дорогу въ Чертолино и тамъ въ опушкѣ дожидаться тебя. Извѣстно мнѣ было, что одинъ изъ разбойниковъ будетъ тебя слѣдить. Въ случаѣ, если бъ не удалось мнѣ высвободить тебя изъ-подъ его опеки, мы бъ двое остановили его и съ нимъ потягались. Слава Богу, я прибѣжалъ вовремя, — ты спасенъ. Благодарю Всевышняго, что Онъ даровалъ мнѣ нынѣ возможность оказать тебѣ услугу. Случись это завтра, Господь знаетъ, чѣмъ бы это кончилось. Завтра чѣмъ свѣтъ меня здѣсь не будетъ; обстоятельства заставляютъ меня выѣхать отсюда ранѣе, чѣмъ я думалъ. Я оставлю Русь — навсегда. Но скажи мнѣ, какой успѣхъ имѣло сватовство Никитина? Не нужна ли тебѣ грозная воля великаго князя?

— Теперь она лишняя. Моя судьба рѣшена; Анастасію отдаетъ мнѣ самъ отецъ, я остаюсь на Руси.

— Радуюсь, что *мой* Курицынъ указалъ тебѣ вѣрнаго свата, что и тутъ, если не я, то одинъ изъ ревностнѣйшихъ моихъ учениковъ помогъ тебѣ. Отъѣзжая, сдаю тебя его попеченіямъ... по крайней мѣрѣ до того времени, пока здѣсь будетъ оставаться усыновленный

баронъ Эренштейнъ. Объ одномъ умоляю, не показывай дьяку, что ты знаешь о его... пожалуй, по вашему назову... отступничествѣ.

Молодой человѣкъ это обѣщалъ. Однакожъ ему непріятно было оставаться подъ опекою еретиковъ, и онъ давалъ себѣ обѣтъ какъ можно скорѣе освободиться отъ нея.

— Буду въ Прагѣ, увижу если не мать твою, по крайней мѣрѣ ея слугъ... Что прикажешь сказать?

— Скажи, добрый Захарій, что я счастливъ... какъ можно быть только счастливому на землѣ. Передай ей все, что ты обо мнѣ знаешь, и любовь мою къ Анастасіи, и согласіе ея отца, и милости ко мнѣ русскаго государя. Въ довольствѣ, въ чести, любимъ прекрасною, доброю дѣвушкою, подъ рукою и окомъ Божьимъ,—чего мнѣ недостаетъ! Да, я счастливъ. Сказалъ бы—вполнѣ, да только мнѣ недостаетъ присутствія и благословенія матери! Попроси, чтобы она довершила мое благополучіе, пріѣхала хоть взглянуть на мое житье въ Москвѣ.

«И ее назовутъ басурманкой, и ей будетъ не легко здѣсь, въ семьѣ русскихъ!»—подумалъ еврей,—но не сказалъ, чтобъ не огорчить Антона.

— Прибавь, что ты видѣлъ меня въ лучшія минуты моей жизни, когда я готовился въ первый разъ ночевать подъ одною кровлей съ своей невѣстой. Эти минуты мнѣ принадлежатъ, этотъ день мой; завтра, будущее—въ рукѣ Божьей.

— Теперь мы все объяснили другъ другу, что намъ нужно было знать,—сказалъ Захарій покраснѣвъ.—Позволь, на прощаніи... еврею... здѣсь никто не увидитъ... я потушу свѣчку... позволь обнять тебя,

прижать къ своему сердцу въ первый и послѣдній разъ.

Молодой человѣкъ не допустилъ, чтобы Захарій потушилъ свѣчу; онъ обнялъ его при свѣтѣ... съ чувствомъ любви и искренней благодарности.

Они простились. Когда Антонъ выѣзжалъ со двора, слуга его, недокрещенецъ, подошелъ къ нему, чтобы также проститься: онъ ѣхалъ съ своимъ наставникомъ и покровителемъ въ дальнія земли. Молодой человѣкъ умѣлъ и въ этомъ случаѣ оцѣнить тонкое чувство еврея. Не легко было въ имѣть въ услугахъ еретика, отступника отъ Христова имени! Возвращаясь домой, онъ разбиралъ благородныя чувства жида съ особенною благодарностью; но обѣщалъ себѣ сдѣлать приличное омовеніе отъ нечистоты, которою его отягчили руки, распинавшія Спасителя.

Ночь слабо спорила съ зарей, когда молодой человѣкъ подошелъ къ своимъ воротамъ. Онъ оставилъ лошадь во дворѣ Аристотеля, куда заѣзжалъ сказать о своемъ счастіи. Боже! какія чувства волновали его, когда онъ входилъ на дворъ Образца, когда онъ ступилъ на крыльцо свое! Какъ въ бывалые дни, окно въ терему Анастасьиномъ отворено (мамка это ей позволила, узнавъ, не безъ удивленія, о помолвкѣ своей питомицы за Антона-лекаря, котораго ужъ запрещено было называть басурманомъ: она хотѣла этимъ угодить своему будущему боярину); какъ въ бывалые дни, Анастасія сидитъ у окна и ждетъ своего милаго очарователя. Она бросила ему цвѣтокъ; цвѣтокъ былъ теплый, только-что съ груди ея. Любовники дождались зари. Попрежнему вели они нѣмую бесѣду; долго говорили другъ съ другомъ любовно, краснорѣчиво-стра-

стно взорами, движеніями. Утро раздѣлило ихъ. Анастасія закрыла было окно и опять открыла его; Антонъ ушелъ было къ себѣ и опять воротился. Еще разъ простились они. У ней глаза были заплаканы: время, которое они будутъ разлучены, покажется ей вѣчностью.

И во снѣ видѣлъ Антонъ... О, чѣмъ сны его лелѣяли, того не могъ передать словами!

«Нѣтъ,» — сказалъ онъ самъ себѣ просыпаясь: — «нѣтъ, я слишкомъ счастливъ!.. Когда бъ мнѣ не просыпаться!.. Видѣлъ я разъ, какъ пчелу, опьянѣвшую въ ароматической чашѣ цвѣтка, вѣтерокъ сорвалъ вмѣстѣ съ нимъ и бросилъ въ пылающій костеръ, зажженный прохожимъ. Почему бъ мнѣ не такая участь?.. Безумное желаніе, достойное язычника!» — прибавилъ онъ, взглянувъ на образъ Спасителя: — «смерть христіанина не такова должна быть... есть блага выше земныхъ».

Аристотель засталъ его еще въ постели, погруженнаго то въ сладкія мечты, то въ религіозныя думы. Дружескія привѣтствія одного, ласки другого довершили его счастіе. Больше всѣхъ радовался этому счастію Андрюша: онъ столько содѣйствовалъ ему; крестная мать и другъ были давно его обрученники.

— Вотъ, помнишь, — говорилъ онъ своему молодому другу: — я предсказывалъ тебѣ, что будете съ моей милой, прекрасной Настей стоять въ церкви подъ вѣнцами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НАКАЗАНІЕ ЕРЕТИКОВЪ

«Да по та мѣста, господине, мнѣ князь великой велѣлъ престати говорить, и мнѣ, господине, мнится, кое государь нашъ блюдется грѣха казнити еретиковъ».

Письмо Іосифа Волоцкаго къ духов. Іоанна III.

Не мало честили Іоанна духовные и народъ за то, что онъ, украшая стольный городъ свой, ломалъ церкви *извѣчныя* и переносилъ кладбища за посады. И нечестивымъ называли, и гробокопателемъ. Дѣйствовали противъ него словомъ Святаго Писанія и сарказмами. «А что вынесши церкви, да и гробы мертвыхъ», писалъ новгородскій архіепископъ Геннадій къ митрополиту Зосимѣ: «да и на томъ самомъ мѣстѣ садъ посадити, и то какова нечесть учинена! Отъ Бога грѣхъ и отъ людей соромъ. Здѣсь пріѣзжалъ жидовинъ новокрещенный, Даніломъ зовутъ, а нынѣ христіанинъ, да мнѣ за столомъ сказывалъ во всѣ люди:— Понарядился есми изъ Кіева въ Москвѣ, ино де мнѣ почали жидова лаяти: собака-де ты, куды нарядился? князь-де великой на Москвѣ церкви всѣ выметалъ вонъ!» Долетали эти стрѣлы до Ивана Васильевича; но отъ нихъ не было ему больно: онъ надъ ними смѣялся, и продолжалъ дѣлать свое.

Представленія, нерѣдкія и убѣдительныя, голосъ народа, покорный, но докучливый, насчетъ жидовской ереси, возбудили живѣе его вниманіе. Онъ приказалъ нарядить соборъ изслѣдовать ересь. Хотѣли пытать обвиненныхъ,—онъ запретилъ, хотѣли казни,—не позволилъ. Государь «соблюлъ себя отъ грѣха казнить ихъ». Согласно съ волею его, соборъ проклялъ всенародно ересь; кому назначили ссылку, кому народное поруганіе. Наказаніе стыдомъ примѣрно въ царствованіе государя грознаго и въ XV вѣкѣ.

Мы видѣли, что составленіе списка еретикамъ было поручено ихъ покровителю; замѣтили также, кому составлялся списокъ. Великій князь, въ угожденіе нѣкоторымъ духовнымъ лицамъ, прибавилъ отъ себя нѣсколько явныхъ отступниковъ, ему указанныхъ. Назначенныхъ въ ссылку немедленно отослали въ дальніе города; другіе взяты подъ стражу: изъ нихъ готовили потѣху народу. По этому-то случаю Схарію было не безопасно въ Москвѣ. Иванъ Васильевичъ и не подозрѣвалъ его въ своемъ стольномъ городѣ; но когда бъ навели на него гнѣвный взоръ великаго князя, не миновать бы ему участи Мамоновой матери. Конечно, жида бъ не поберегли. Благоразумнѣй было ему убраться во-время изъ Москвы. Онъ это и сдѣлалъ, увезя съ собою богатую дань, собранную съ легковѣрія, глупости и любви ко всему чудесному, ко всему таинственному, этой болѣзни вѣка. Въ своей фурѣ везъ онъ чѣмъ на будущее время выкупить себя съ семействомъ отъ гоненій нѣмецкихъ гражданъ и князей.

Днемъ потѣшнымъ не замедлили. Мѣстомъ зрѣлища назначены Красная Площадь и прилегающія улицы.

нынче не гонятъ народъ, какъ на посольскій ходъ: самъ бѣжитъ къ мѣсту зрѣлища. Тамъ было для него дѣло стороннее, кромѣ ротозѣйнаго удовольствія: везли какого-то нѣмца къ господину ихъ, а зачѣмъ, про что, Владыка небесный вѣдаетъ! Сюда приходитъ онъ на свой праздникъ, на рѣшеніе своего дѣла, затѣяннаго по его тяжбѣ, за предметъ, близкій его сердцу, почти согласно съ его желаніемъ, по его приговору конченнаго; здѣсь онъ зритель казни и вмѣстѣ заплечный мастеръ. Ему даютъ вволю наругаться надъ высшими себя, и онъ спѣшитъ воспользоваться этой потѣхой, да и приготовить себѣ сладкія воспоминанія о ней въ будущіе горькіе часы.

Торжища опустѣли, лавки заперты, работы кончились. Жители Москвы и окрестностей, старъ и молодъ, съ ранняго утра сторожатъ свои мѣста на площади, на главныхъ улицахъ. Дальніе люди, пѣшіе и конные, прибывъ въ Москву за нуждами своими, лишь услыхали о потѣхѣ, забываютъ усталость, нужды, сворачиваютъ съ дороги своей и спѣшатъ причалить къ мѣсту общаго любопытства. Сюда прискакало и множество дворчанъ великокняжескихъ, въ томъ числѣ царевичъ Каракача и товарищъ его Андрей Аристотелевъ. Площадь ощетинилась зрителями. Не съ такою жадностью слетаются вороны на добычу, приготовленную чужимъ трупомъ, какъ стеклись сюда люди посмотрѣть на униженіе людей; не тѣсно колышатся маковицы на полосѣ, куда земледѣлецъ положилъ въ ростъ обильныя сѣмена, какъ тѣснятся головы человѣческія на этой площади. Деревья въ садахъ государевыхъ, которыя не успѣли еще огородить, ломятся отъ движенія тысячей, получившихъ первый толчокъ

отъ одного двигателя въ первыхъ рядахъ. Поденщики, обливающіе трудовымъ потомъ кусокъ хлѣба, забыли, что они въ одинъ мигъ уничтожаютъ годовые труды своихъ братій (чернь объ этомъ никогда и не думаетъ); государевы слуги забыли, что они губятъ утѣшеніе своего князя и пуще грознаго властителя; христіане,— что они попираютъ святыню: землю церковную и прахъ своихъ предковъ, за которые такъ жарко вступались. Палки недѣльщиковъ суетятся о порядкѣ; но и палица тутъ не могла бы ничего сдѣлать.

Ѣдетъ наконецъ бирючъ; въ обнаженной по локоть рукѣ его сѣкира. Передъ этимъ знакомъ разступается народъ на широкую улицу. — «Вотъ, православные, идетъ воинство сатаны!» — закричалъ бирючъ громогласно: — «такъ государь нашъ, великій князь всея Руси, наказываетъ еретиковъ, отступниковъ отъ имени Христова».

И вслѣдъ за нимъ, какъ будто сдѣлался взрывъ ракетнаго снопа, отъ одного конца площади поднялся смѣхъ, гамъ, крики восторга, ругательства; шумъ этотъ постепенно разливается по массѣ народа и наконецъ затопляетъ всю площадь.

Странный, чудный поѣздъ! Стоитъ посольскаго! Издали не поймешь, что такое ѣдетъ. Видишь лошадей, вожаковъ, всадниковъ, но все это такъ уродливо, такъ сликовано, такъ окутано шерстью и убрано соломой, что вдругъ не объяснишь себѣ предметовъ. Ближе, ближе... А, вотъ что! Ѣдутъ всадники попарно, чинно, стройно. Клячи въ первыхъ рядахъ, на подборъ взятыя съ той конной, гдѣ цѣнятъ ихъ только по кожѣ, очень годныя для анатомическаго театра, едва передвигаютъ ноги. Это машина, которой движе-

ніе дала сила вожаковъ и старается поддержать: остановите ее, не легко опять заставить двинуться. Въ среднихъ и заднихъ рядахъ лошади побойчѣй и красивѣй—вѣроятно, съ цѣлью. Всѣ онѣ наряжены въ соломенную золотистую сбрую. Вожаки оборваны, запачканы, но могучи, ведутъ коней съ важностью и ловкостью искуснѣйшаго конюшаго или медвѣжьихъ учителей изъ Сморгони. Смотря на ихъ усилія, такъ и думаешь, что кони готовы у нихъ вырваться. Всадники сидятъ лицомъ къ хвосту, въ вывороченныхъ шубахъ. На головахъ шлемы берестовые, остроконечные, съ мочальными кистями, въ какіе наряжаетъ бѣсовъ творчество нашихъ суздальскихъ художниковъ. Чело тріумфаторовъ украшено пышнымъ вѣнцомъ изъ соломы съ надписью: «Сатанино воинство». Лица выписаны изъ страшнаго пришествія, такъ они блѣдны, смущены, скомканы. Мудрено-ль? осужденные не знаютъ еще, какой конецъ будетъ имѣть ихъ торжественное шествіе посреди народа, который обнялъ ихъ своими воплями и, можетъ статься, готовъ закидать каменьями. Они съ трудомъ держатся на лошадяхъ. Кто старается удержать равновѣсіе какъ искусный балансеръ, и сидитъ на своей клячѣ, будто на протянутой веревкѣ; кто киваетъ головой, какъ маятникъ, или безпрестанно ныряетъ. Вотъ оступился конь, и сѣдокъ съ нимъ погружается: только сила вожака поднимаетъ ихъ. Одинъ, оборотивъ руки назадъ, держится искусно за холку; другой ухватился превѣжливо двумя, тремя пальцами за верхушку хвоста, какъ искусный парикмахеръ за тупей своего паціента. Сыскался однако-жъ отчаянный, который, согнувъ ногу на крестецъ лошади, сидитъ, какъ на подушкѣ, раскланивается на-

роду своимъ шлемомъ и уморительно кривляется. Это удальство награждено смѣхомъ и пощадой зрителей.

Зато другимъ достается порядкомъ. Сначала встрѣчаютъ ихъ насмѣшками, ругательствами. Кричатъ: «собаки!.. Христа распяли! жидовины! бѣсы! Куда собрались въ походъ?.. Къ своему князю—сатанѣ!» Поѣздъ все-таки трогается порядкомъ. Скоро не довольствуются бранью, начинаютъ плевать осужденнымъ въ глаза. Потомъ и этого мало. Ребятишки хватаются за хвосты лошадей, надувшись, удерживаютъ ихъ, стегаютъ кнутиками, украшаютъ пучками и вѣнками репейника, которыми успѣли запастись. Иные кричатъ: «чтожъ мы бояръ и князей его милости—сатаны встрѣчаемъ безъ хлѣба и соли?.. развѣ у насъ не достало его?.. И вслѣдъ затѣмъ сыплется на несчастнаго каменный градъ. Тутъ и скоты, хотя долго терпѣли, однакожъ вышли изъ себя. Одинъ четвероногій Боливаръ отчаянно лягнулъ, вырвался, выскакалъ изъ рядовъ и тѣмъ разстроилъ все чиноуложеніе шествія. Сигналъ къ возмущенію поданъ: оно сообщается какъ огонь соломѣ. Самыя тѣ животныя, которыя всю жизнь свою безпорочно ходили тихимъ, ровнымъ шагомъ, заржали невѣсть что и потеряли всякое уваженіе къ своимъ вожакамъ. Кто прядаетъ, кто лягаетъ, кто кусается, кто ложится; избранныя, въ крови которыхъ кипитъ жаръ привольныхъ степей, понесли. Тогда суматоха дѣлается общею. Нѣкоторые вожаки бросаютъ поводья. Всадники повѣряютъ душу Богу. У котораго шлемъ сползъ на глаза, и онъ, справляясь то съ нимъ, то съ лошадью, дѣлаетъ эквилибристическія штуки, которыхъ не сдѣлалъ бы въ другое время ни закакія деньги. У другого шлемъ летитъ въ сторону,

и онъ наклоняется, словно падающая въ Пизѣ башня. Иной схватилъ хвостъ лошади, и преуморительно держитъ этотъ букетъ передъ своимъ носомъ; другой обнялъ страстно станъ своей четвероногой подруги. Многіе упали. На лежачихъ, вопреки пословицѣ, сыплются удары: плохой изъ плохихъ развѣ не кладетъ на нихъ печать своего минутнаго самовластія.

Это что мчится навстрѣчу возмутившейся ордѣ быстрѣе птицы, быстрѣе вѣтра?.. Кровный аргамакъ безъ сѣдока! Онъ будто несется по воздуху, и только клубы пыли, катящіеся подъ нимъ, означаютъ его путь по землѣ. Ноздри его горятъ, какъ раскаленный уголь; и богатая узда, и черкасское сѣдло, изукрашенныя золотой чеканью, и черный атласъ его шерсти, все пылаетъ огнемъ отъ лучей солнца, и весь онъ огонь. Нѣтъ ему препятствій, — валитъ, топчетъ, перелетаетъ, что ему на пути ни попадется. Народъ забылъ свою потѣху; всѣхъ глаза несутся за конемъ; кто ближе къ нему, суетится только о своей безопасности. Кричатъ: «лови! лови!.. конь царевича!.. конь Аристотелевъ!..» Но никто не думаетъ ловить: поймайте птицу на лету!.. Въ бѣшенствѣ аргамакъ несется прямо на рогатки, что стоятъ у Пушечнаго двора, и—грудью о высокія иглы ихъ. Лишь разъ вздохнуло благородное животное и пало.

Чей же это конь?.. Какого сѣдока сбилъ онъ съ себя?.. Господи! ужъ не Андрюшу ли, сына Аристотелева?..

Нѣтъ, это конь царевича Каракачи, сына государева любимца. Рьяный и пылкій, онъ однакожъ слушался до сихъ поръ своего ловкаго и могучаго господина. Царевичъ, едва не родившійся въ сѣдлѣ, умѣлъ

всегда управлять имъ по своей волѣ. Оба азіатцы, они хорошо понимали другъ друга. Чтожъ сдѣлалось нынѣ съ несчастнымъ животнымъ? Отъ криковъ ли народа, отъ суматохи ли поѣзда, онъ вдругъ взбѣсился, сбросилъ своего всадника и помчался, какъ будто овладѣлъ имъ ужасный духъ. Разсказываютъ, что какой-то человѣкъ, вытѣснясь изъ первыхъ рядовъ народа, только погладилъ его сзади... Кто былъ такой, каковъ собою, никто не можетъ порядочно разсказать. Вѣрно колдунъ, чародѣй!..

Царевичъ лежалъ безъ движенія на площади,—настоящее бронзовое изваяніе, сброшенное съ своего подножья! Блѣдность мертвизны выступаетъ даже изъ смуглаго лица его, губы побѣлѣли, голова разбита, что онъ живъ, видно только по струямъ крови, которая окрашиваетъ пурпуромъ своимъ его земное изголовье.

Народъ сдѣлалъ около него кружокъ, охаетъ, разсуждаетъ; никто не думаетъ о помощи. Набѣгаютъ татары, продираются къ умирающему, вопятъ, рыдаютъ надъ нимъ. Вслѣдъ за ними прискакиваетъ самъ царевичъ Даньяръ. Онъ слѣзаетъ съ коня, бросается на тѣло своего сына, бьетъ себя въ грудь, рветъ на себѣ волосы и, наконецъ, почуявъ жизнь въ сердцѣ своего сына, приказываетъ своимъ слугамъ нести его домой. Прибѣгаетъ и Антонъ, хочетъ осмотрѣть разбитаго,—его не допускаютъ.

Въ нѣсколько мгновеній долетаютъ вѣсти объ этомъ происшествіи до самаго великаго князя. Онъ любилъ Даньяра, и Богъ знаетъ чѣмъ бы пожертвовалъ, чтобы возвратить ему сына, единственнаго, страстно любимаго сына, послѣднюю вѣтвь его рода. Призванъ Ан-

тонъ. Велѣно ему тотчасъ ѣхать во дворъ татарскаго царевича, осмотрѣть больного и возвратиться къ великому князю съ донесеніемъ, будетъ ли онъ живъ и можно ли ему помочь. Съ нимъ вмѣстѣ отправлены дворецкій и другой бояринъ: они везутъ слово Ивана Васильевича къ Даньяру, чтобы онъ допустилъ лекаря до осмотра сына.

Грозной волѣ великаго князя не смѣетъ противиться татаринъ; Антонъ допущенъ къ одру молодого царевича. Кровь унялась, но обнаружился жаръ, хотя и не въ сильной степени. Лекарь не ограничился свидѣтельствомъ; онъ переступилъ даже приказъ великаго князя. Сдѣланы необходимыя перевязки, а потомъ ужъ изслѣдованъ приступъ болѣзни.

Иванъ Васильевичъ ожидалъ лекаря съ такимъ нетерпѣніемъ, что вышелъ къ нему на переходы.

— Каковъ?—спросилъ онъ тревожнымъ голосомъ.

Богъ милостивъ, — отвѣчалъ лекарь. — Силенъ ушибъ, оказалась горячка, но раны и болѣзнь не смертельны. Если позволишь мнѣ лечить царевича, онъ будетъ здоровъ.

— Спаси его, ничего не пожалѣю для тебя; будешь всегда ходить у меня въ милости и въ чести. Только смотри... поднимешь ли его?

— Ручаюсь, государь.

— Проси тогда отъ меня чего хочешь.

Не успѣлъ еще Иванъ Васильевичъ это выговорить, какъ прискакалъ ко двору великокняжескому самъ царевичъ Даньяръ.

— Недаромъ,—воскликнулъ великій князь, поблѣднѣвъ и смотря съ подозрѣніемъ на своего лекаря, — ужъ не умираетъ ли?

— Не можетъ быть... я тебѣ не солгалъ, государь,—отвѣчалъ Антонъ съ твердостью.

Даньяръ вошелъ къ великому князю, упалъ ему въ ноги и завопилъ:

— Батька Иванъ, не вели ходить лекарю къ моему дѣткѣ. Помочилъ ему голову зельемъ, сталъ Каракаченька благимъ матомъ кричать, словно бѣлены покушалъ. Татары, русскіе, всѣ говорятъ: уморитъ лекарь. Уморитъ,—и я за дѣткой. Посолъ цесарскій сказалъ, онъ много народу...

— Антонъ?—перебилъ великій князь, грозно посмотрѣвъ на него.

— Глупцы, злые люди, тутъ же и посолъ, не знаютъ, что́ говорятъ, или говорятъ по ненависти!—отвѣчалъ Антонъ.—Когда я пришелъ къ больному, онъ лежалъ въ безпамятствѣ. Отъ моей перевязки и лекарства очнулся: слава Богу, въ немъ пробудилась жизнь! Покричитъ и перестанетъ. Если же не станутъ его лечить, или отдадутъ на руки знахарямъ татарскимъ или русскимъ, такъ не ручаюсь, чтобъ онъ завтра или послѣ-завтра не умеръ.

— Мой татаринъ хочетъ его вылечить, — сказалъ Даньяръ.

— Врутъ твои татары!.. Полно валяться, какъ баба!—отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ, давая знать царевичу, чтобы онъ всталъ; потомъ, обратясь къ лекарю, примолвилъ,—опять спрашиваю, ручаешься ль, коли ты станешь лечить, что царевичъ будетъ здоровъ?

— Я сказалъ тебѣ уже разъ, государь; никогда не лгу и никогда отъ своего слова не отступаюсь.

—Отдашь ли голову свою въ залогъ? — спросилъ

великій князь, вскинувъ на него свои огненные взоры.

Ужасныя, роковыя минуты для Антона!.. Слова Ивана Васильевича были какъ сѣкира, поднятая надъ головой. Великое «быть или не быть» Гамлета!.. Съ одной стороны не опасность болѣзни, въ которой не обнаруживалось никакихъ отчаянныхъ признаковъ, честь, оскорбленная посломъ императорскимъ въ глазахъ великаго князя и всей Москвы... Надо было оставаться съ именами неуча, невѣжи, коновала, или побѣдить противника своимъ искусствомъ, своимъ знаніемъ, выиграть навсегда довѣріе русскаго властителя и народа его, вырвать изъ рукъ невѣжества и зависти вѣнокъ и для науки, для пользы человѣчества... Не за тѣмъ ли и пріѣзжалъ Антонъ въ страну необразованную? Вотъ прекрасный случай для цѣли его!.. Съ другой стороны, бездѣлица, противная ходу болѣзни, одна неблагопріятная минута, посланная свыше и... прощай, Анастасія, прощай, мать,—прощай, все, что еще такъ сильно привязывало къ жизни, что жизнь эту дѣлало такою прекрасной!

Но... честь и опять честь взяла верхъ. Антонъ посмотрѣлъ на небо, какъ бы говоря: «неужели Ты отступишься отъ меня?» и потомъ сказалъ вслухъ голосомъ, въ которомъ отзывалось сердечное содроганіе:

— Отдаю свою голову въ залогъ. Только условіе...

— Вотъ видишь образъ Спаса нашего, — перебилъ Иванъ Васильевичъ своимъ владычно-роковымъ голосомъ:—беру Господа во свидѣтели, коли ты уморишь царевича, голова твоя слетитъ долой. Слышь? Слово мое не мимо идетъ. Вылечишь,—любая дочь боярская твоя, съ нею любое помѣстье на всей Руси.

— О наградѣ не думаю, — сказалъ Антонъ, — думаю о словѣ своемъ. Только требую, чтобы всѣ мои приказанія насчетъ больного были исполняемы въ точности, слово въ слово, не отступая ни на волосъ, чтобы мои лекарства давали разъ въ разъ, какъ я прикажу, чтобы меня впускали къ больному царевичу во всякіе часы дня и ночи. Еще требую, чтобы одинъ изъ твоихъ довѣренныхъ кого самъ укажешь,—кромѣ Мамона,—наблюдалъ за этимъ строго, когда меня не будетъ при больномъ. Вотъ мои условія, государь; безъ нихъ и моя наука, и мое усердіе ничто, безъ нихъ не берусь лечить.

— Буди по твоему. Слышишь, друже мой? — сказалъ радостно Іоаннъ.—Мое слово заложено за твоего сына; я за него отвѣчаю. Ступай къ себѣ домой, не слушай пустыхъ рѣчей и не кручинься попусту. Но коли послѣ того не сдѣлаешь по моему слову, не дашь лекарю дѣлать съ сыномъ, что онъ знаетъ, такъ я тебѣ не другъ.

— Когда такъ, батька Иванъ, послушаю тебя, — сказалъ Даньяръ.

И всѣ, болѣе или менѣе утѣшенные, разошлись къ своимъ обязанностямъ.

Скоро узналъ и Мамонъ объ ушибѣ царевича, будто бы смертельномъ. Одинъ изъ слугъ донесъ ему, что царевичъ ужъ и умеръ.

— Ай да пріятель! услужилъ!.. заплатилъ за серебряную суду!..—говорилъ Мамонъ сыну съ восторгомъ, котораго скрыть не могъ,—слышалъ?..

— Слышалъ, — отвѣчалъ равнодушно сынъ.

— Ну.. не бывать ей за царевичемъ татарскимъ; не бывать ей замужемъ!.. Я сказалъ... Радуйся, сынъ!

Сынъ отвѣчалъ ему глухимъ, предсмертнымъ кашлемъ.

Еще не дошла до нихъ тайна, что Образецъ отдаетъ дочь свою за Антона-лекаря. Хотя и потревожило Мамона извѣстіе, что басурмана выжилъ старый воевода изъ своего двора, но вѣсть о смерти царевича покуда вознаградила его.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОЛЕ

Не бойтесь ничего, есть средство пособить,
Я, право, отъ души готовъ вамъ услужить.
Хмельницкій.

Искалъ соперника слѣдовъ;
Нашелъ, настигъ, но прежня сила
Питомцу битвы измѣнила...
Пушкинъ

Съ первою вѣстью, что его зовутъ на судъ Божій, Хабаръ прискакалъ изъ Твери, загнавъ подъ собою нѣсколько лошадей. Что встрѣтило его въ дому родительскомъ? Умирающій отецъ, сестра, сосватанная за басурмана... Едва вѣритъ послѣдней вѣсти: не повѣрилъ бы, если бъ не слышалъ отъ самого отца, Онт любилъ искренно Антона, и порадовался, что такому молодцу, съ которымъ всегда готовъ былъ породниться крестовымъ братствомъ, достанется его сестра. Одобряя согласіе отца, разсказываетъ ему о прекрасныхъ качествахъ Антона-лекаря, о его отвагѣ, привязанности къ русскимъ и желаніи, вѣроятно давнишнемъ, обрусѣть *закономъ* и обычаями. Во время похода не разъ заставалъ онъ его въ молитвахъ; онъ далъ ему, по усильной просьбѣ его, вмѣстѣ съ одеждою и тѣльникъ: всѣмъ этимъ побѣждено басурманство Антона; русскій *законъ*

очиститъ его отъ всякой нечистоты, которая могла бы оставаться на душѣ отъ латинства. Тутъ же къ одру умирающаго отца Хабаръ-Симской возвратилъ обѣтъ свой исправиться, безъ пятна, безъ укоризны. Пламенной, но твердой душѣ его стало силъ совершить этотъ обѣтъ. Чистъ отъ всякаго упрека въ разгулѣ и буйствѣ, единственныхъ порокахъ его, вступилъ онъ въ ту божницу, гдѣ сердцу его такъ убѣдительно сказался голосъ природы и религіи, гдѣ совершилось его обращеніе. Какъ это исправленіе и вѣсти объ Антонѣ утѣшили больного старца! какъ радовался Хабаръ, что доставилъ ему такое утѣшеніе, можетъ быть въ послѣдніе часы его жизни.

Готовясь на *поле*, Хабаръ желалъ примириться со всѣми, кого обидѣлъ, разумѣется, кромѣ Мамона, съ которымъ споръ долженъ былъ рѣшить судъ Божій. Однакожъ у сына его просилъ онъ таки прощенія, черезъ своего стряпчаго, въ томъ, что въ игрѣ кулачной изувѣчилъ его. И къ Селиновой явился, принесъ ей повинную голову и умолялъ развязать душу отъ всѣхъ оскорбленій, которыя волею и неволею сдѣлалъ ей. Молодая вдова могла ль не простить того, для кого губила свою душу? Одно слово, одинъ взглядъ, и она попрежнему его рабыня. Не думая завязывать вновь былыхъ связей, Хабаръ говорилъ ей о святости своихъ обязанностей передъ отцомъ земнымъ и Отцомъ небеснымъ, передъ сестрою, увѣрялъ ее клятвенно (безъ клятвы не повѣрила бъ), что навсегда оставилъ Гаиду и полюбитъ только ту суженую, безпорочную дѣвицу, которая можетъ быть его женою по выбору родителя и благословенію Божью. Онъ и Селиновой совѣтовалъ подумать объ отношеніяхъ ея къ добрымъ людямъ, по-

думать о стыдѣ, о Богѣ, о будущей жизни. Такими увѣщаніями поставилъ между собой и ею святую ограду, за которую желанія ея не смѣли ужъ переступить. Болѣе всѣхъ краснорѣчивыхъ доводовъ этого молодого чернобровaго проповѣдника съ огненными очами подѣйствовало на нее обѣщаніе Хабара не видать болѣе опаснѣйшей изъ ея соперницъ. Они разстались, довольные другъ другомъ, помирившись, какъ братъ и сестра, бывшіе въ ссорѣ Чувства брата и сестры сохранили они одинъ къ другому до самой смерти.

Что молодая вдова не поминала его болѣе «*лихомъ*», доказала она вскорѣ самымъ убѣдительнымъ образомъ: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышла за молодого, красиваго монаха, августинова ордена, Ивана (прозваннаго у насъ, неизвѣстно почему, *спасителемъ*), котораго умѣла своими зажигательными глазками свести съ ума, заставить скинуть бѣлую рясу и окреститься въ русскую вѣру. Съ рукой ея новокрещенецъ получилъ отъ великаго князя помѣстье, и оба взысканы были отъ русской Кліо слѣдующими строками [1]): «Мая въ 17, Иванъ спаситель Фрязинъ, капланъ постриженный августинова закона бѣлыхъ чернцовъ, закона своего отрекся и чернечество оставилъ, женился и понялъ за себя..... Селинову, князь великій его пожаловалъ селомъ».

Вы помните, что Мамонъ бралъ у дворянина изъ нѣмецкаго посольства уроки, какъ биться на мечахъ. Выздоровѣвъ отъ своего похожденія за разрывомъ-травой, онъ съ особеннымъ усердіемъ принялся за боевое ученіе, отъ котораго ожидалъ торжества болѣе вѣрнаго.

---

[1]) И. Г. Р., т. VI, примѣч. 629, годъ 1492.

Успѣхи его были надежны: глазъ, рука, сердце — наводили удары мѣткіе. Объ этомъ зналъ Бартоломей. Къ Бартоломею благоволилъ, и словомъ и дѣломъ, старый воевода, отецъ его крестный. Посудите сами, какъ же хоть изъ благодарности не угодить новою, важною вѣстью покровителю своему! Ни за какія деньги не измѣнилъ бы онъ тайнѣ Мамона и цесарскаго посла, но долгъ, великій, священный долгъ повелѣвалъ сорвать съ нея печать, и онъ, съ сокрушеніемъ сердца, отрывая часть своего тѣла, принесъ дань свою къ одру Образца. При этомъ случаѣ былъ и Хабаръ.

— Видитъ Господь,—говорилъ всесвѣтный переводчикъ или переводитель вѣстей, — только изъ горячей любви, изъ глубоковысочайшей преданности, передаю вамъ великую тайну. Умоляю о скрытности. Если узнаютъ посолъ цесарскій и Мамонъ, ходя ощупывай то и дѣло голову.

Онъ пародировалъ рѣчь императорскаго посла великому князю.

— Не бойся, не выдадимъ,—отвѣчалъ бояринъ. — Да не взыщи, крестный сынокъ, хоть и помолчишь, такъ не потеря.

— Изъ твоихъ вѣстей, Варѳоломей Васильевичъ,— примолвилъ Хабаръ,—немного добра выжнешь, словно на полѣ, гдѣ колосъ отъ колоса — не услышишь и голоса. Не взыщи.

— Пожалуй, коли такъ... бывшій великій вождь и вы, настоящій вождь грозныхъ силъ вашего свѣтлѣйшаго господина, пеняйте на себя, если побѣда на *полѣ* останется за вашимъ непріятелемъ... Чтожъ дѣлать? моя жертва не въ угоду... Коли такъ, я за...

Онъ хотѣлъ сказать: «я замолчу», но не договорилъ. Силъ не стало совершить ужасный подвигъ скромности. Онъ поворочалъ на груди Сизифовъ камень, и разомъ свалилъ его. Все было передано, что хотѣлъ онъ передать.

— Чтожъ изъ этого?—спросилъ отецъ, глядя зоркими очами на сына, по лицу котораго пробѣжала легкая тѣнь задумчивости.

— Какъ что? Развѣ забыли вы, какого молодца побѣдилъ литвинъ мастерствомъ? Да, вы забыли, почему съ того времени запрещено биться съ чужеземцами!.. Но время еще не ушло и для вашего сына. Въ два-три дня даровитый воинъ, какъ онъ, можетъ выучиться нѣмецкой наукѣ биться на мечахъ. Фить, фить, фить! (тутъ переводчикъ, пріосанясь, началъ показывать руками, какъ будто выступалъ на противника) и пуфъ! прямо въ сердце; не жалѣйте, бейте, колите, вонзайте безъ пощады, по локоть руки вашей, прямо въ это кровожадное сердце, откуда истекло такъ много горечи на домъ, почивавшій подъ благословеніемъ Божіимъ.

Отецъ и сынъ невольно улыбались.

— Поучите, поучите, господинъ переводчикъ, — сказалъ Хабаръ,—можетъ статься, случай будетъ подраться съ сосѣднимъ пѣтухомъ.

— Смѣйтесь! Можно смѣяться; теперь я устарѣлъ,—возразилъ Бартоломей, тяжело вздохнувъ, будто старый левъ, который не въ силахъ болѣе обороняться.—Посмотрѣли бъ на меня въ былые годы! Повѣрите ли?.. конечно, теперь, глядя на меня, хромоногого, трудно повѣрить... я бился разомъ съ тремя такими молодцами, какъ вы. Одинъ цѣлилъ мнѣ въ

глазъ, другой въ сердце, третій въ мѣсто болѣе чувствительное, положимъ... въ колѣно. Но я былъ не промахъ, тотчасъ замѣтилъ ихъ уловки, и пифъ, пафъ!.. кто мѣтилъ мнѣ въ глазъ, тому я вырѣзалъ глазъ, воткнулъ его на конецъ меча и прямо съ нимъ другому въ сердце такъ, что послѣ смерти этого нашли ужъ у него глазъ, оправленный въ сердце. Вотъ каково, господине!

— Чтожъ третій, ускользнулъ?—спросилъ Хабаръ.

— Третьему... ха, ха, ха!.. этотъ ударъ долго ходилъ по нѣмецкимъ землямъ, какъ чудо искусства. Но теперь я мирный гражданинъ; мой мечъ — языкъ.

— Часто на твою жъ голову, Варѳоломеюшка, — сказалъ бояринъ.

— Часто и на благо моего ближняго. Вотъ, хоть бы и теперь, веду рѣчь къ спасенію вашего сына. Нѣмцы сказывали мнѣ, Мамонъ бьется на вѣрную смерть. Почему бъ не поучиться и вашему сынку у ловкаго бойца, хоть бы, недалеко ходить, у господина Антона-лекаря.

— Не ты ль говаривалъ, что онъ боится и тѣни своей? — возразилъ Хабаръ.

— Тогда языкъ мой прильнулъ бы къ моей гортани! Развѣ я потерялъ разумъ! Вѣрно, говорилъ я о какомъ-нибудь другомъ Антонѣ-нѣмцѣ, только не о вашемъ будущемъ родственникѣ. О, глазъ мой далеко видитъ!.. Дѣло въ томъ, что господинъ Антонъ бьется на славу.

— Слыхалъ и я, да дѣло въ томъ, что я въ эту школу не гожусь, — сказалъ Хабаръ. — Надѣюсь на свой глазъ и руку, а болѣе всего на правый судъ Господа. Въ своей же чести и безчестьѣ дольщиковъ

не прошу и не принимаю, за свою голову никому не кланяюсь.

Глаза Образца, доселѣ мутные, необыкновенно заблистали. Онъ приподнялся съ своего ложа и произнесъ тронутымъ голосомъ:

— Такъ было всегда въ роду нашемъ. Сынъ мой не измѣнитъ завѣту прародителей; Хабаръ, да все-таки Симской. Что Господъ положитъ на судѣ Своемъ, тому и быть.

— О, коли такъ, коли мой совѣтъ не угоденъ вамъ, — перебилъ Бартоломей воспламеняясь, — такъ знайте: я имѣю еще одно средство вамъ услужить... Но этого не скажу, воля ваша, не скажу, хоть бы самъ великій князь приказывалъ... Голову свою положу на плаху, не скажу... Можетъ статься, Всевышній, любя васъ, выбралъ меня орудіемъ... Шелъ мнѣ навстрѣчу юродивый, видно святой человѣкъ, и молвилъ мнѣ такія слова... Нѣтъ, воля ваша, не скажу... скрѣплю сердце, замкну уста... Прощайте, прощайте.

И Бартоломей, боясь самого себя, боясь проговориться, выбѣжалъ безъ оглядки изъ палатъ боярскихъ.

Разумѣется, и этой тайнѣ, конечно, изобрѣтенной усердіемъ всеобщаго угодника, посмѣялись отецъ и сынъ.

Окольничимъ назначенъ день, часъ суда Божьяго. Объ этомъ объявлено *поручникамъ* той и другой стороны. Между тѣмъ спрошены они, будутъ ли польщики сами биться или наемными бойцами. Поручники обязались самихъ тяжущихся представить на поле къ назначенному дню. Потомъ спрошены они, на какихъ оружіяхъ будутъ биться польщики, верхами или пѣшіе. Объявлено, что на мечахъ и пѣшіе.

День великій наступилъ. И Мамонъ и Хабаръ исполнили свои христіанскія обязанности, какъ передъ смертнымъ часомъ, разумѣется, каждый съ разными чувствами. Образецъ велѣлъ перенести себя въ божницу и тамъ, усердно, со слезами молясь, ожидалъ рѣшенія Божьяго суда.

На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ церковь Троицы-въ-Поляхъ, на Никольской, низенькая, въ полчеловѣка, каменная ограда, пустившая изъ себя новую, живую ограду изъ деревъ, захватывала тогда между своими стѣнами четвероугольный лоскутъ земли. На немъ стояла деревянная церковь во имя Георгія-Побѣдоносца, такая ветхая, что переходы ея опускали по сторонамъ свои крылья, а кровли источены были ржавчиною времени. Между храмомъ и стѣнами оставалась площадка, можетъ быть саженъ въ десятокъ, на которой мурава изорвана была лошадиными копытами. Иногда зелень, окропленная слѣдами крови, въ полночь вздохи и стенанія, прогулка мертвецовъ, свѣчи, горящія въ церкви кровавымъ свѣтомъ,—всѣ эти явленія не могли бы дать повода къ удивленію, когда бы прибавить, что мѣсто, гдѣ они происходили, называлось *полемъ*, то есть мѣстомъ судебныхъ поединковъ.

Рано поутру, едва свѣтло установилось, толпа всадниковъ прискакала къ оградѣ съ разныхъ сторонъ. Одни предупредили другихъ двумя-тремя мгновеніями. Это были окольничій, дьякъ Курицынъ, подъячій, Мамонъ отецъ, Хабаръ-Симской, двое поручниковъ, двое стряпчихъ и нѣсколько недѣльщиковъ. Провожавшіе ихъ дворчане, отобравъ коней у своихъ господъ и вручивъ польщикамъ оружія, удалились на нѣкоторое разстояніе отъ ограды. Поручниковъ и стряпчихъ осви-

дѣтельствовали, нѣтъ ли при нихъ доспѣховъ, дубинъ и ослоповъ, что строжайше было запрещено законами. Всѣ чрезъ калитку вошли въ ограду, кромѣ недѣльщиковъ, которые остались за ней для наблюденія, чтобы никто изъ постороннихъ не смѣлъ къ ней подходить. Въ случаѣ же ослушанія, недѣльщики обязаны были, забравъ виновныхъ, отсылать въ тюрьму. Правда, за однимъ угломъ ограды, въ кустахъ крапивы, послышался шелестъ; но онъ или не возбудилъ подозрѣнія тогдашнихъ полицейскихъ чиновъ, или оставленъ ими умышленно безъ слѣдствія. Можетъ статься, вѣсы правосудія были покривлены на этотъ разъ серебромъ, дружбою, покровительствомъ, кто знаетъ чѣмъ!

Калитку заперли на твердый желѣзный крюкъ, оставшіеся подъ этимъ замкомъ вышли на паперть церкви. Здѣсь окольничій спросилъ польщиковъ, кто «за ними поручники и стряпчіе». Когда они указаны были, Мамону и Хабару, а за ними поручникамъ и стряпчимъ велѣно приложиться ко кресту, вдѣланному въ церковную дверь. Отъ всѣхъ нихъ потребована клятва, что они съ оружіями, «къ чародѣямъ и звѣздочетцамъ волховать не ходили, къ полю чародѣевъ не приводили и у поля ихъ не будетъ, при чемъ подтверждено цѣловавшимъ крестъ, что если они «накривѣ» это дѣлали и достовѣрные свидѣтели обличатъ ихъ, то имъ быть по градскимъ законамъ отъ господина всея Руси въ великой опалѣ, а отъ святителей, по священнымъ правиламъ, въ духовномъ запрещеніи».

Съ паперти всѣ сошли на *поле*. Отмѣрили роковой кругъ, можетъ быть смертный для одного изъ противниковъ. Польщики стали на немъ. Поручникамъ и стряпчимъ указано, гдѣ имъ стоять за бойцами. Тутъ

стряпчій Хабара доложилъ окольничему и дьяку, что бой, вопреки закону, *неравенъ*, и потому не можетъ начаться. Потребовали объясненія. Оказалось, что у Мамона колонтари были длиннѣе Хабаровыхъ и слѣдственно защищали его болѣе отъ ударовъ.

— Оставь! — вскричалъ Хабаръ. — Чѣмъ тяжеле доспѣхи, тѣмъ дороже добыча.

— Торгашу думать о корысти! — возразилъ Мамонъ, — я и безъ мѣры и вѣсу приму тѣло вражье.

— Пожалуй, я торгашъ! Мечомъ своимъ смѣрю твои доспѣхи, кровью твоей же куплю ихъ.

Мамонъ поклонился.

— Коли пришло по обычаю, и безъ покупки кланяемся ими на упокой души твоей, хоть нынче поставимъ на твою могилку.

— Трудъ лишній вашей милости!.. Возьму лучше живой на память друга. Зачѣмъ мѣшкать! Теперь же надѣну дорогой боярскій подарокъ. Стало, мои доспѣхи лишніе.

Сказавъ это, Хабаръ скинулъ шлемъ и колонтари и перебросилъ ихъ за ограду, будто камешекъ.

— Не уступлю, — вскричалъ Мамонъ, и сбросилъ свои доспѣхи. — Тратимъ слова, а не кровь. Тянешь, голубчикъ, время: видно, жаль разстаться съ бѣлымъ свѣтомъ.

— За мое добро съ меня же пеня!.. Скажи лучше спасибо. Даю тебѣ лишній часъ Божьимъ міромъ покрасоваться. Но мѣра есть и добру. Пора Мамону туда, гдѣ живутъ мамоны. Выступай!

И выступили они: Хабаръ — пригожъ, свѣтелъ, какъ Божій красный день, Мамонъ — угрюмъ, съ лицомъ, исписаннымъ кровавыми швами, съ лѣсомъ во-

лось, вставшихъ на дыбы, какъ будто адскій гнѣвъ и ихъ вооружилъ на бой, съ глазами, выбѣгающими изъ своихъ круговъ; Хабаръ, полонъ справедливости своего дѣла, природной отваги и надежды на Бога, Мамонъ, исполненъ мщенія и зла, не менѣе отваженъ, одушевленъ сверхъ того увѣренностью на свое искусство.— «Ты побѣдишь», сказали ему его учители, дворяне Поппеля и самъ Поппель. Эти слова окрыляютъ духъ его, придаютъ рукѣ необыкновенную твердость, глазу необыкновенную вѣрность. Въ самомъ дѣлѣ, бой скоро становится неравенъ Хабаръ все нападалъ, Мамонъ только и дѣлалъ, что защищался и отражалъ удары противника, но этимъ самымъ и утомилъ его. Сынъ Образца понимаетъ ужъ, хотя и смутно, превосходство своего противника; первый еще разъ въ жизни сердце знакомится съ тревогою. Мамонъ растетъ передъ нимъ и ширится. Пригнанный почти къ завѣтной чертѣ, гдѣ полшага назадъ ждетъ гибель его и позоръ всего рода Симскихъ, Хабаръ ищетъ средствъ выиграть хоть одинъ шагъ впередъ. Разъ его ранили въ плечо, разъ едва не обезоружили. Вотъ ужъ нанесенъ ударъ, который перегнулъ его назадъ, какъ сильная рука молодую березу.

Часъ твой наступилъ, молодецъ! Широко, раздольно, весело погулялъ ты по красной улицѣ жизни; красавицы расчесывали твои черныя кудри, горячо цѣловали тебя въ очи и въ уста, нѣжили на пуховыхъ персяхъ, товарищи низко кланялись тебѣ; отецъ, Русь тобою радовались. Пожилъ, потѣшилъ свою бѣлую грудь! Часъ твой приспѣлъ сложить молодецкую головушку на сыру землю. Зачѣмъ не положилъ ея въ чистомъ полѣ, въ честномъ бою съ татарами или русинами,

врагами матушки Москвы, золотой маковки Руси? Умеръ бы, оплаканный ратными товарищами, но живъ бы остался въ памяти народной. А теперь долженъ умереть съ позоромъ... И погребенія христіанскаго не дадутъ.

Стряпчій его поблѣднѣлъ; дьякъ, окольничій душою хотѣли бы отвесть ударъ... это видно по глазамъ ихъ, по наклоненію головы... тяжело имъ, какъ будто на нихъ нанесенъ мечъ.

Въ это самое время кто-то изъ-за угла ограды закричалъ: «Орлы летятъ! орлы!» Мамонъ затрясся, поблѣднѣлъ, взглянулъ на небо и невольно отступилъ. Не ожили ль его крылатые враги? Не летятъ ли принять участіе въ бою противъ него? Ударъ былъ потерянъ. Видно, самъ Господь сталъ на сторонѣ Хабара. Этотъ спѣшитъ воспользоваться нечаяннымъ страхомъ своего противника и занять выгодное положеніе. — «Оправься», — кричитъ онъ ему. — Но Мамонъ растерялся и дѣйствуетъ какъ ребенокъ. Скоро мечъ выбитъ изъ его рукъ, кисть и лицо порублены. Противникъ, чувствуя, что обязанъ своею побѣдой случаю, даритъ ему жизнь. Изуродованный, едва не ослѣпленный, Мамонъ клянетъ все и всѣхъ, себя, свидѣтелей, Провидѣніе, богохульствуетъ. — «Хочу ли я жить?» — кричитъ онъ Хабару: — «хочу, буду жить на пагубу твою, твоего рода. Ошибся, пріятель!.. Убилъ бы, концы въ воду».

Недѣльщики ищутъ, или притворяются, что ищутъ, кто кричалъ объ орлахъ, и не находятъ. (Въ этомъ виновата была власть Курицына, можетъ быть, и дары). Судьи и свидѣтели побоища, самъ дьякъ съ ужасѣ смотрятъ другъ на друга, какъ бы спрашивая:

откуда жъ чудный голосъ, чудныя вѣсти объ орлахъ? почему орлы смутили польщика? Тутъ что-нибудь не спусту; чародѣйство, или насланье Божье!

А кричалъ кто бъ, думали вы? — Бартоломей Переводчикъ исполнилъ свое слово, — услужилъ, и подъ щитомъ кустовъ, заглушавшихъ околицу, выбрался цѣлъ и здравъ изъ своей добровольной засады. Не то бъ, ему въ тюрьму. О, чтобы услужить, онъ готовъ и въ желѣза.

Судъ Божій рѣшенъ. Стряпчій побѣжденнаго призываетъ его дворчанъ; Мамона окровавленнаго уносятъ домой; поручникъ его выплачиваетъ окольничему и дьяку пошлины; подъячій составляетъ дѣло о побоищѣ, дьякъ подписываетъ его.

Между тѣмъ Хабаръ на паперти молился Георгію-Побѣдоносцу, поднявшему мечъ за него. Наконецъ въ оградѣ воцарилась пустота. Однѣ хищныя птицы налетѣли, поглядывая, нѣтъ ли для нихъ добычи.

Отца засталъ Хабаръ въ божницѣ. Тамъ Образецъ, стоя на колѣнахъ, молился и вдругъ впалъ въ предсмертное усыпленіе. Съ одной стороны поддерживала его Анастасія, обливая его слезами, съ другой—старая мамка. Вдругъ онъ встрепенулся... «Идетъ» — произнесъ онъ, обратя на икону Спасителя глаза, необыкновенно заблиставшіе.

Въ сосѣдней клѣти кто-то украдкою пробирался. Анастасія не слыхала, онъ слышалъ... Дверь отворилась.

— Вошелъ Хабаръ.—Было поле? — спросилъ умирающій.

— Было. Не я, а Господь побѣдилъ — отвѣчалъ сынъ, и разсказалъ, какъ бились польщики, не утаивъ

ни своей неудачи въ началѣ боя, ни случая, которому обязанъ былъ за побѣду.

— Много милостивъ Ты до меня, Господи... Ты спасъ родъ мой отъ позора... могу съ честью умереть... Иванъ... Анастасія... Ант... буди надъ вами благосло...

Онъ не договорилъ, далъ знакъ, чтобы его подносли къ иконамъ и сталъ отходить на рукахъ дѣтей своихъ. Лицо мертвеца просіяло улыбкою праведника: знать, ангелы встрѣчали у себя гостью земную, возвратившуюся домой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СПОРЪ ЗА НЕВѢСТУ

И мрачно вѣдьма повторила:
«Погибнетъ онъ! погибнетъ онъ!»
Потомъ три раза прошипѣла,
Три раза топнула ногой
И чернымъ змѣемъ улетѣла.
«Русланъ и Людмила».

На кровати сидѣлъ царевичъ Каракача. Голова его была еще въ перевязкахъ; на лицѣ оставались еще слѣды болѣзни, но видно было, что явленія жизни мощной, огненной, изглаживали ихъ. Коварная усмѣшка подергивала губы его; по-временамъ онъ отъ души смѣялся.

Чтожъ было причиной его смѣха?—Шутки, которыми забавлялъ его Русалка. Дворецкій умѣлъ такъ угодить ему, что сдѣлался для него необходимымъ собесѣдникомъ. Если эта сидѣлка мужескаго рода сначала очень не нравился Антону, который хорошо зналъ его лукавую душу, зато впослѣдствіи онъ самъ сталъ просить его чаще посѣщать больного, видя, какъ старикъ своими шутками успѣшно помогалъ леченію. А леченіе было трудно по припадкамъ бѣснованія, которымъ избалованный татаринъ былъ подверженъ.

Чего не дѣлалъ Русалка, чтобы доставить удовольствіе молодому царевичу! То потѣшалъ его музыкою ко тячьей, пуская ее по воздуху на концѣ змѣинаго хвоста, то услаждалъ его доброе сердце, принося ему въ жертву птицъ, которыхъ этотъ разрубалъ мечомъ или ослѣплялъ. И нѣмцевъ, съ ихъ посломъ, уморительно представлялъ, какъ они являлись ко двору великаго князя, и русскихъ, когда подносили басму татарскимъ ханамъ, и отца своего и себя въ видѣ козла. Со времени ушиба царевичъ не могъ безъ сильнаго содроганія слышать топотъ, даже ржаніе лошади. Татарину бояться коня—все равно, что мореходцу воды. Это убивало Даньяра. Какъ помочь горю, какъ излечить сына отъ конобоязни, взялся дворецкій. Успѣхи оправдали вскорѣ обѣщанія и труды Русалки. Онъ часто игралъ въ игру Генриха IV, то есть превращался въ лошадку, бѣгалъ на четверенькахъ, ржалъ, брыкалъ. Разница была только та, что добрый король дѣлался дитятею для своихъ маленькихъ дѣтей, а дворецкій становился четвероногимъ изъ угожденія восемнадцатилѣтнему татарскому царевичу. Игра кончилась однакожъ тѣмъ, что Каракаченька сталъ садиться на него верхомъ и погонять его добрымъ кнутикомъ. Зато нѣжный узкоглазый папа не зналъ, какъ отблагодарить умнаго, услужливаго дворчанина.

Всѣмъ ужъ извѣстно сдѣлалось, что Образецъ до своей смерти благословилъ дочь на бракъ съ Антономъ-лекаремъ. Это неожиданное обстоятельство повергло въ необыкновенное уныніе Мамона, и безъ того истерзаннаго тѣломъ и душой. Онъ искалъ вновь случая мстить Образцу и въ гробѣ, и на дѣтяхъ его. — «Ты вовсе забылъ меня»,—говорилъ онъ своему другу-дво-

рецкому: — «гдѣ жъ твое слово? гдѣ твой крестъ? Такъ-то платишь мнѣ за услуги мои! Не я ли выручилъ твою голову въ дѣлѣ князя Лукомскаго?.. Сокруши мнѣ лекаря, какъ хочешь... Я обѣщалъ цесарскому послу... Я поклялся, что Обращихѣ не бывать замужемъ... Ужъ коли этого не сдѣлаешь для меня, такъ и я на томъ свѣтѣ не дамъ тебѣ отдыха».

Совѣстливость, если не совѣсть, дворецкаго пробудилась этимъ упрекомъ: она вспомнила и то, чего скромность друга не досказала — богатые дары, которые Мамонъ черпалъ для него щедрою рукою изъ своей сокровищницы. Были ль сдѣланы вновь подарки, или подѣйствовала одна благодарность, намъ неизвѣстно; знаемъ только, что Русалка обѣщалъ своему больному другу стараться разстроить новый союзъ.

Для достиженія своей цѣли, вкравшись въ довѣріе Каракачи, началъ выхвалять ему красоту Анастасіи и успѣлъ возбудить въ молодомъ азіатцѣ, съ пылкими, необузданными чувствами, желаніе обладать ею во что бъ ни стало. Царевичу никогда ни въ чемъ не отказывали; потребовалъ бы птичьяго молока, и того послали бы отыскивать: такъ избаловалъ его отецъ. Но басурману безъ околичностей получить дѣвицу русскую, дочь боярскую, нельзя было и думать. Между ними на дорогѣ стояло важное условіе, передъ которымъ надо было подклонить голову — именно перемѣна вѣры; находились и препятствія — благословеніе Образца на бракъ дочери съ Антономъ-лекаремъ, и согласіе самого великаго князя Условіе можно было скоро устранить, исполнивъ его; объ уничтоженіи вторыхъ хлопоталъ теперь Русалка.

— Она была сужена тебѣ самимъ великимъ княземъ,—говорилъ между прочимъ хитрый дворецкій: — на этомъ господинъ Иванъ Васильевичъ положилъ свое слово отцу твоему, какъ шли походомъ во Тверь. Жаль, коли достанется другому! Зазорно, коли невѣста царевича достанется нѣмчину-лекарю! Скажетъ народъ: «пилъ медъ царевичъ, по устамъ текло, да въ ротъ не попало; выхватилъ стопу дорогую изъ его рукъ иноземный дѣтина!»

— Не отдамъ никому,—воскликнулъ Каракача, ударивъ кулакомъ по кровати.—Посулилъ Иванъ Васильевичъ, такъ она моя. Не на смѣхъ же сулилъ! Отецъ мой далъ ему своихъ богатырей, не взялъ назадъ.

И Каракаченька началъ метаться, вопить, какъ избалованный ребенокъ, которому не даютъ любимой игрушки.

— Утѣшь сынка,—говорилъ дворецкій Даньяру наединѣ, — обѣщай ему дочь Образца, хоть и не въ правду! Бѣдному дитяткѣ она и во снѣ грезится. Выздоровѣетъ, такъ сладишь, какъ знаешь. А теперь хворому хоть себя отдашь.

Нѣжный родитель поспѣшилъ успокоить сынка, подтвердивъ слова дворецкаго, что Анастасія точно обѣщана ему великимъ княземъ и что нѣтъ силъ на свѣтѣ, которыя бы ее отбили. «Лекаря же можно — прибавлялъ онъ — откинуть отъ нея угрозами и дарами. Не велика птица! За счастье почтетъ уступить царевичу»

Въ такомъ разгарѣ засталъ Антонъ своего паціента и его попечителей. Осмотрѣвъ его, онъ, по всѣмъ признакамъ, могъ поздравить себя съ скорымъ его выздоровленіемъ, только находилъ въ немъ легкій жаръ,

и потому просилъ, чтобы дали съ нимъ вѣрнаго татарина, съ которымъ обѣщалъ прислать лекарства.

— Зелья-то горькія мнѣ даешь, — сказалъ съ сердцемъ Каракача,—а невѣсту, лучшій цвѣтъ моего сада, у меня изъ-подъ носу хватаешь.

— Какую невѣсту? — спросилъ Антонъ смутясь, какъ будто не понималъ, на кого онъ намекаетъ.

— Какую? дочь Образца! Она моя суженая. Мнѣ самъ Иванъ Васильевичъ ее посулилъ. Волею или неволею отдашь мнѣ.

Антонъ засмѣялся, какъ смѣялся бы просьбѣ ребенка, который просилъ бы у него мѣсяцъ съ неба.

— Батька, дай ему горсть серебра, пускай отступится добромъ.

Даньяръ пошелъ было исполнять волю сына.

Ужъ это не походило на шутку. Продажа невѣсты возмутила Антона; онъ остановилъ старика и сказалъ ему съ негодованіемъ:

— Напрасный трудъ, царевичъ! Насыпь мнѣ груды твоего серебра, хотя въ уровень съ палатами великаго князя, и тогда не промѣняю на нихъ своей невѣсты.

— Каракаченькѣ полюбилась; уступи, лекарь!

— Мнѣ самому полюбилась,—иронически возразилъ Антонъ: — не отдамъ и за царство.

— Отнимемъ силою,—закричалъ Даньяръ воспламеняясь.

— Отнимемъ силою, — повторилъ Каракача, привставъ съ постели.

— Для этого нѣтъ силы на свѣтѣ. Вспомните, вы не въ Касимовѣ.

— Мой Касимовъ тамъ, гдѣ я съ своими богатырями, — сказалъ Даньяръ; — и въ Москвѣ я царевичъ.

Мало тебѣ этого, такъ я на дѣвку возьму дарный листъ отъ моего благопріятеля Ивана Васильевича.

— Великій князь обѣщалъ мнѣ любую дочь боярскую за леченіе твоего жъ сына. Твой сынъ здоровъ, такъ я выбираю дочь Образца

— Мой сынъ былъ бы здоровъ и безъ тебя. Мы звали тебя только въ угоду Ивану Васильевичу

— Что съ нимъ долго толковать, батька, — закричалъ Каракача.—Я здоровъ, мнѣ онъ не нуженъ болѣе. Позови татаръ нашихъ, да и въ кнутья его до воротъ.

— Кто до меня дотронется, не останется живъ,— сказалъ съ твердостью Антонъ, хватаясь за стилетъ, съ нимъ неразлучный.—Господинъ дворецкій, неужли ты, довѣренное лицо великаго князя, поставленный здѣсь для того, чтобы исполняли мои приказанія, допустишь оскорбить меня въ домѣ безумныхъ татаръ!

Видя, что пламя, которое зажегъ, готово было превратиться въ неугасимый пожаръ, Русалка началъ его тушить. Прорветъ безъ него, тѣмъ лучше, лишь бы себя вывести изъ бѣды! Онъ подходилъ то къ отцу, то къ сыну, умолялъ ихъ укротить гнѣвъ свой, завѣрялъ, что дѣло обойдется и безъ насилія, что онъ, усердный ихъ слуга, потеряетъ голову, если государеву лекарю будетъ нанесена обида, что онъ лучше совѣтуетъ просить лекаря отступиться отъ своей невѣсты въ пользу царевича. И къ Антону обращался съ моленіемъ не сердить татаръ, и хоть для виду, для часу обѣщать уступку. Выздоровѣетъ поганый татарченка, все опять придетъ на свое мѣсто.

Но Каракача не слушалъ, бѣсился, топалъ ногами, хваталъ себя за голову, отъ чего перевязки на ней

сползли и показалась кровь; судороги начали его корчить.

«Лекарь колдунъ, вогналъ опять хворость въ сына, чтобы отмстить за невѣсту», — подумалъ Даньяръ, и палъ въ ноги Антону, умоляя его спасти Каракаченьку и клянясь, что они за невѣстой не погонятся.

Такъ дикари переходятъ въ страстяхъ своихъ отъ одной крайности къ другой.

Могъ ли Антонъ сердиться на этихъ дикарей, тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ выздоровленія царевича было заложено все, чего дороже не имѣлъ онъ въ жизни: Анастасія, жизнь и честь его. Онъ спѣшилъ подать помощь Каракачѣ, и въ этомъ скоро успѣлъ.

Сильное сложеніе татарина, помогавшее леченію, поставило его опять на ноги такъ, что онъ черезъ два дня, попрежнему, отъ души смѣялся потѣхамъ дворецкаго и предавался невиннымъ забавамъ своего добраго сердца. Объ успѣшномъ леченіи извѣстенъ былъ и великій князь.

Съ лекаремъ заключенъ миръ, къ нарушенію котораго Даньяръ не подавалъ ужъ ни малѣйшаго повода. Нѣмчинъ-волхвъ нагонялъ болѣзнь и скоро исцѣлялъ ее: какъ же его не бояться и не уважать! Только сынокъ, вѣроятно, подбитый дворецкимъ, вздумалъ было опять предъявить свои требованія на Анастасію.

— Перестань,—сказалъ ему угрюмо Антонъ:—будетъ опять худо и хуже прежняго. Скорчу разомъ!

Испугался царевичъ этой угрозы и замолчалъ.

Въ тотъ же день Антонъ прислалъ царевичу съ вѣрнымъ служителемъ, татариномъ, новое лекарство, которымъ думалъ заключить леченіе. Пора было полу-

чить и награду, обѣщанную великимъ княземъ. Для нея терпѣлъ онъ такъ много.

Онъ стоялъ ужъ у цѣли своихъ желаній и обѣтовъ. Враги его и семейства Образца были побѣждены, честь и голова его — выручены изъ ужаснаго залога, въ который заключило ихъ слово Іоанна, рука Анастасіи скрѣпляла его союзъ съ людьми и судьбою. Никто и ничто не оспаривали ужъ его счастія; самая совѣсть замолчала, чтобы, казалось, дать ему вполнѣ имъ насладиться. Милый, дорогой мертвецъ отнялъ было у него сердце и мысли Анастасіи; съ трудомъ могли отрывать ее отъ могилы отца; но черезъ нѣсколько времени живой другъ, очарователь ея, ея суженый, снова занялъ всѣ ея помыслы и чувства. Недолго могла она выдержать, чтобы не видать его. Потворщица мамка сберегла имъ подъ кровомъ осенней ночи, у калитки двора, сладкое, упоительное свиданіе. Съ братомъ Анастасіи дружба Антона скрѣплялась болѣе и болѣе. Верхъ его счастія былъ такъ близокъ отъ него.

Осеннія сумерки сгущались надъ городомъ. Въ избѣ царевича Даньяра все было погружено въ глубокій сонъ. Каракача спалъ, отецъ его дѣлалъ то же, въ сосѣдней клѣти татары слѣдовали примѣру своихъ повелителей; все это сипѣло и ворковало такъ, что слушателю надо было твердыя уши, чтобы не бѣжать изъ дома. Однакожъ въ горницѣ Каракачи находился слушатель, для котораго эта музыка была усладительнѣй всѣхъ гармоній на свѣтѣ. Онъ лежалъ на лавкѣ и притворялся спящимъ; говорю, притворялся, потому что онъ, среди самого усерднаго акомпанемента, привсталъ съ лавки и осторожно, затая дыханіе, сталъ прокрадываться къ

полкѣ, надъ самымъ ухомъ Даньяра. Старый царевичъ, какъ змѣй-горынычъ, хранилъ тутъ живую воду для своего сына. Пользуясь его сномъ, тотъ, который прокрался къ полкѣ, одною рукой что-то схватилъ отгуда, а другою что-то поставилъ на мѣсто похищенной вещи. Исполнивъ это, возвратился къ своей лавкѣ, легъ на нее и опять захрапѣлъ, будто ни въ чемъ не бывало.

Даньяръ проснулся первый и велѣлъ служителю подать свѣточъ. Когда это было исполнено, онъ съ трудомъ разбудилъ Русалку, спавшаго на лавкѣ. Тутъ же проснулся и молодой царевичъ.

— Пора Каракаченькѣ зелья, — молвилъ Даньяръ, снявъ склянку съ завѣтной полки.

Съ того времени, какъ лекарства видимо помогли сыну отъ послѣдняго припадка, онъ съ величайшею точностью исполнялъ приказанія Антона. Нынѣшній день велѣно было вновь начать присланную склянку, какъ скоро огни зажгутся въ домахъ, и потому старикъ-царевичъ спѣшилъ не пропустить назначеннаго часа.

— Эхъ, — примолвилъ Русалка, — я давно бъ всѣ склянки за заборъ, а нынче и подавно Что-то косо смотрѣлъ лекарь...

— Не смущай, дворецкій, — возразилъ Даньяръ, — ты и такъ дѣтку наводишь на сердце. Выпей, Каракаченька, не слушай... лекарь сказалъ: сладко будетъ... въ послѣдній разъ...

И Каракача, боясь ужъ не исполнить приказаній врача всемогущаго, выпилъ изъ серебряной чары жидкость, въ нее налитую. Питье показалось ему очень вкусно, и онъ попросилъ еще. Дали еще...

Лекарь говорилъ: «хоть разомъ выпьетъ все, тѣмъ лучше!»

Былъ одинъ человѣкъ въ комнатѣ, который перемѣнился въ лицѣ, — именно Русалка. Смущенія его никто не замѣтилъ. Онъ скоро оправился и началъ потѣшать молодого царевича шуточками, которыя вновь изобрѣлъ. Всѣ были веселы, Каракача болѣе другихъ. Но не прошло четверти часа, какъ онъ сталъ жаловаться на боль въ желудкѣ, въ груди... Губы его посинѣли, лицо дѣлалось то багрово, то мертвѣло. Сначала онъ стоналъ, потомъ крики смѣнили стенанія.. Послали за лекаремъ. Посланный возвратился съ отвѣтомъ, что лекаря нѣтъ дома. Разослали новыхъ гонцовъ отыскивать его. Самъ дворецкій вызвался на это дѣло — только тогда, когда увидѣлъ, что царевичъ умираетъ.

Отыскали наконецъ... Бѣдный, несчастный Антонъ не засталъ царевича въ живыхъ.

Даньяръ лежалъ въ безпамятствѣ на трупѣ сына; онъ не видалъ лекаря, а то бъ убилъ его. Татары бросились было на Антона, но его освободили недѣльщики, присланные ужъ съ приказаніемъ великаго князя взять его подъ стражу и заковать въ желѣза. Антонъ не противился; онъ зналъ, что участь его рѣшена, онъ понималъ Ивана Васильевича и помнилъ, что слово грознаго владыки не мимо идетъ. Невинный, онъ долженъ былъ подклонить голову подъ топоръ палача.

Вотъ какъ и отъ кого Иванъ Васильевичъ узналъ первый о смерти царевича.

Русалка, вмѣсто того, чтобы искать лекаря, какъ обѣщалъ, поскакалъ прямо къ великокняжескимъ хоромамъ.

— Господине великій князь, — сказалъ онъ, войдя къ Ивану Васильевичу въ повалушу и трясясь всѣмъ тѣломъ, — привезъ тебѣ недобрую вѣсть.

— Не пожаръ ли? Коня!—вскричалъ великій князь, который въ такихъ случаяхъ всегда отправлялся самъ тушить огонь, хотя бы это случилось и въ полночь.

— Нѣтъ, господине, умеръ.. царевичъ Каракача.

Великій князь поблѣднѣлъ и перекрестился.

— Умеръ?.. Не можетъ статься! Каракача былъ здоровъ сегодня... лекарь сказалъ. Лжешь, аль обезумѣлъ!..

— Воистину, государь, Прикажи перевѣдать. Былъ голубчикъ здоровехонекъ. Покушалъ нынче хорошо, спалъ крѣпко, шутилъ со мною... Да... вздумалъ позадорить съ Антономъ-лекаремъ за невѣсту его, дочь Образца... Антонъ и прислалъ ему зелья... уморилъ за посмѣхъ. Я своими глазами видѣлъ, какъ отходя мучился бѣдный царевичъ. Сердце у меня отъ жалости повернулось.

— Уморилъ?.. за посмѣхъ?.. — кричалъ Иванъ Васильевичъ внѣ себя.—Слово мое было заложено... Не слыхалъ его! Развѣ у него двѣ головы!.. Въ желѣза, въ черную избу!.. Голодною смертью уморить!..

Онъ не могъ сказать слова; глаза его горѣли, пѣна била у рта. Потомъ, успокоившись немного, покачалъ головой и залился слезами:

— Уговорилъ я Даньяра лечить сына!—продолжалъ онъ. — Одно было только дѣтище, одна была утѣха старику! Хорошо заплатилъ я ему за вѣрную службу!.. Недаромъ отецъ противился лечить... Нѣтъ, надо было уговорить его!.. Уморилъ за посмѣхъ?.. Пилить его мало!.. Жечь на маломъ огнѣ мало! Отдамъ его тата-

рамъ на поруганіе, на муки... пусть дѣлаютъ съ нимъ, что хотятъ!.. И на томъ свѣтѣ будетъ помнить слово мое.

И заставлялъ онъ себѣ повторить, какъ спорилъ Антонъ за дочь Образца, когда, съ кѣмъ прислано зелье, скоро ли сталъ мучиться царевичъ, принявъ его. Русалка все повторилъ, лукаво вплетывая въ свою рѣчь прежнюю ссору Антона съ царевичемъ, и какъ онъ, дворецкій, помирилъ ихъ, и какъ грозилъ нынѣ лекарь, что отплатитъ Каракачѣ горьше прежняго, и какъ велѣлъ отцу дать ему выпить зелья, хоть все разомъ, примолвивъ: «сладко будетъ... въ послѣдній разъ...» — а лицо его такъ и подергивало. И зелье-то не самъ принесъ, какъ бывало, а прислалъ съ татариномъ, на всякій случай, для отговорки, подмѣнили-де зелье недобрые люди, вороги его.

— Совѣтъ былъ отъ меня отцу,—продолжалъ Русалка,—умолялъ его не давать лекарства: нѣтъ таки, далъ, словно изъ ума выжилъ, аль бѣлены объѣлся... Знать, нечистый понуждалъ.

Выслушавъ эту коварную повѣсть, великій князь повторилъ строжайшій приказъ держать Антона въ черной избѣ, въ желѣзахъ, пока не сдастъ его татарамъ на поруганіе и казнь. Приказалъ было онъ заключить Анастасію въ монастырь, но одумался. Вѣроятно, вспомнилъ заслуги отца и брата. — «Дѣвка не виновата», — молвилъ онъ, и велѣлъ отмѣнить приказъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЧЕРНАЯ ИЗБА

Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,
Измѣны, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдругъ... что я, гдѣ я? Стою,
Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынѣ
И все передо мной затмилось.

Пушкинъ

Казенный дворъ намъ ужъ знакомъ. Въ томъ самомъ отдѣленіи черной избы, гдѣ содержались сначала *Матифасъ*, переводчикъ князя Лукомскаго, и потомъ Марѳа посадница, заключили Антона. Вчера свободенъ, съ новыми залогами любви и дружбы, почти на вершинѣ счастія, а нынче въ цѣпяхъ, лишенъ всякой надежды, ждалъ одной смерти, какъ отрады. Онъ просилъ изслѣдовать дѣло о болѣзни царевича,—ему отказано; злодѣяніе его, кричали, ясне какъ день.

«Господи, Ты одинъ мнѣ остался»,—говорилъ онъ, обливая желѣза слезами:—«не жалуюсь на Тебя. Можетъ быть, Ты наказываешь меня за преступленіе, котораго я не считалъ такимъ, можетъ быть, и любя меня... Кто знаетъ, какія горести впередъ отравили бы жизнь мою! Теперь я выпью чашу одинъ, а тогда

пришлось бы раздѣлить съ подругою, съ дѣтьми... я вдвое страдалъ бы, видя ихъ страданія. Знаю, что Анастасія меня любитъ; но въ ея лѣта впечатлѣнія бываютъ такъ преходящи... жизнь ея длинна... погорюетъ, поплачетъ о басурманѣ, и перестанетъ... Время чего не дѣлаетъ!.. А все-таки жаль мнѣ разстаться съ ея любовью, со всѣмъ, что она мнѣ подарила и что сулила еще. Если она меня истинно любитъ любовью нездѣшнею, такъ мы скоро будемъ вмѣстѣ; если Богъ сочеталъ наши души, люди не разлучатъ.—Но къ чему умирающему для міра и эти желанія?.. Она такъ молода... такъ прекрасна, такъ создана для счастія!.. Господи, дай ей насладиться упоеніями, восторгами любви, удовольствіями супруги, матери, всѣми благами жизни; вознагради хоть ее всѣмъ, что отнимаешь у меня въ лучшіе годы мои; дай мнѣ хоть въ одной изъ обителей Твоихъ порадоваться ея счастіемъ!.. Господи, Отецъ творенія, что сдѣлаешь Ты съ матерью моей? Что будетъ съ нею, когда узнаетъ мое заключеніе, мою позорную смерть!.. Объ одномъ молю для нея, устрой, чтобы до своей кончины не вѣдала объ ужасной перемѣнѣ судьбы моей, чтобы она знала меня въ живыхъ счастливымъ! Не откажи мнѣ, Боже мой, призвавшій меня самъ въ этотъ міръ и нынѣ призывающій въ другой, чтобы я душевнымъ спокойствіемъ матери хоть тамъ былъ утѣшенъ за страданія земныя».

Въ такихъ думахъ Антонъ проводилъ дни и ночи. И о воспитателѣ своемъ не забылъ въ своихъ молитвахъ; но, зная твердость его души, облегчалъ этою мыслью память о немъ. Иногда, забывшись, думалъ еще о будущности на землѣ, о блаженствѣ любить, о

днях прекраснѣйшихъ, которые обѣщалъ ему союзъ съ Анастасіей; иногда мечталъ, что все, его окружающее, сонъ, обманъ. Но скоро выводили его изъ этого очарованія холодная тяжесть и звукъ цѣпей, окно съ желѣзными ершами, въ которое свѣтъ едва проникалъ сквозь пузырную оболочку, духота и нечистота его клѣтки. На стѣнѣ уродливо начерчены были имена предмѣстниковъ его: «Matheas», «Марѳа», посадница великаго Новгорода. Какая была ихъ участь?.. Одинъ сожженъ въ желѣзной клѣткѣ, другая исчахла въ этой тюрьмѣ. Могъ ли онъ думать, въѣзжая въ Москву, за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, и смотря на пламя, обвивавшее несчастныхъ литвянъ, что самого,—мудрено ль,—постигнетъ та же участь? Могъ ли онъ воображать, посѣщая черную избу въ числѣ придворныхъ Іоанна, удостоенный его почетнаго вниманія и отличныхъ милостей,—такъ сказать,—рука объ руку съ нимъ, что онъ будетъ заключенъ въ той самой клѣти, гдѣ такъ ужасно поразила его участь новгородской посадницы? О, когда бы мечтательность не затмила его разсудка, онъ долженъ былъ видѣть, чего могъ ожидать въ странѣ, гдѣ невѣжество и предразсудки исключили было его изъ общества христіанъ и причли къ дѣтямъ сатаны. Развѣ не видалъ онъ, что самъ князь Холмскій, украшеніе и слава своего отечества, избавился отъ плахи, успѣвъ только укрыть голову подъ щитомъ случая, у него жъ, иноземца? Развѣ не остерегала его ужасная судьба князя угличскаго, брата самаго великаго князя, который позванъ имъ на дружескую трапезу и отведенъ въ тюрьму, въ которой и теперь изнываетъ? По сосѣдству, за перегородкой тюремной, слышны вздохи и

стенанія: не его ль, князя угличскаго? Рано же пріобщился къ этимъ страдальцамъ!.. Бѣдный Антонъ, онъ не имѣлъ ушей, чтобы слышать, глазъ, чтобы видѣть, онъ лишился разумѣнія. Страсть все помутила. А, между тѣмъ, если бъ начать снова жизнь на Руси зная, что кончитъ ее такъ, какъ теперь кончаетъ, — онъ опять желалъ бы встрѣтиться съ Анастасіей, повторить муки и блаженство послѣднихъ мѣсяцевъ и умереть хоть съ позоромъ Онъ насладился ужъ благами, какими только можетъ смертный насладиться на землѣ; онъ взялъ ужъ съ нея богатую дань, какою рѣдкіе изъ смертныхъ бываютъ надѣлены· онъ взялъ *свое* съ этой земли, — чего жъ болѣе? Господь видимо любитъ его, что зоветъ къ себѣ въ лучшія минуты его жизни. О, когда бъ тамъ было продолженіе здѣшнихъ былыхъ минутъ блаженства?.

Къ надеждамъ и утѣшеніямъ, мелькавшимъ въ коловоротѣ мыслей и чувствованій, присоединилось еще одно душевное услажденіе: судьба сберегла его, хоть невольно, отъ отступничества... онъ умретъ въ вѣрѣ отцовъ своихъ. Но и это услажденіе было кратковременно. Имъ овладѣла грустная мысль, что Анастасія, послѣ смерти его, будетъ сердцемъ чуждаться басурмана, не посѣтитъ могилы латинщика, и, можетъ быть, чернокнижникъ, слуга нечистаго, опять заступитъ въ ея мысляхъ мѣсто Антона, жениха ея. Трупъ его бросятъ гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ болото, воронамъ на съѣденіе. Эта мысль до того овладѣла имъ, что единственнымъ его желаніемъ сдѣлалось имѣть русскаго духовника, который могъ бы напутствовать его въ другой міръ словомъ и властью Спасителя.

Чего не перепытывала душа его въ первые дни

заключенія! Не говорю о лишеніяхъ физическихъ. Каждый день убавляли пищи его, наконецъ стали давать ему по кусочку черстваго хлѣба и по кружкѣ воды. За трапезой его строго наблюдалъ самъ дворецкій великаго князя. Лишенія такого рода сносилъ онъ съ твердостью; но что болѣе всего сокрушало его, такъ это неизвѣстность о друзьяхъ и объ Анастасіи. Хоть бы повѣяло на него отрадою ихъ воспоминанія, ихъ участія и любви къ нему; хоть бы вѣсточку объ нихъ услыхалъ.

Подъ смертною казнью запрещено было впускать къ нему кого-либо, кромѣ попечителей объ его тюремномъ содержаніи. Но воля человѣка, въ соединеніи съ умомъ или съ любовью, сильнѣе желѣза, прозорливѣе всякаго аргуса.

Въ день Покрова Богородицы, сквозь рѣшетку его клѣти, изъ перехода тюремнаго, сухощавая рука женщины бросила ему калачъ. Хлѣбъ былъ надломанъ. Антонъ поднялъ его, и чтожъ увидалъ? Въ этомъ подаяніи скрывалось сокровище, — тѣльникъ Анастасіи. Онъ не могъ не узнать его. Тѣльникъ осыпанъ горячими поцѣлуями, облитъ слезами и поспѣшно спрятанъ на груди, глубоко, у сердца. Боже сохрани, чтобы сторожа не увидали святого товарища, не отняли его! Лучше самую смерть. Теперь Антонъ не одинъ: съ нимъ Спаситель, умирающій на крестѣ, съ нимъ она, его невѣста, его супруга на этомъ свѣтѣ и въ другомъ. Она вновь обручилась съ нимъ навѣки...

Вдобавокъ къ его благополучію, на слѣдующую ночь посѣтилъ его Курицынъ, отперевъ тюрьму золотымъ ключомъ, тоже всемогущимъ, подъ щитомъ пре-

данныхъ людей. Онъ помнилъ и спѣшилъ исполнить завѣтъ своего учителя Схаріи, принеси подкрѣпленіе тѣлу и душѣ узника. Пища, болѣе обильная и вкусная, припасы для письма на случай переписки съ друзьями при первомъ удобномъ случаѣ, вѣсти о тѣхъ, о комъ такъ хотѣлось знать несчастному, и надежды умилостивить властителя, — вотъ что принесъ добрый Курицынъ. Надеждамъ худо вѣрилъ Антонъ; но участіе и любовь друзей вознаградили его за всѣ прошедшія муки.

— Въ тюрьмѣ, въ несчастіи, узнаю истинную цѣну дружбѣ, любви,—говорилъ онъ дьяку,—могу ли роптать послѣ всего, чѣмъ Господь наградилъ меня, могу ли жаловаться на судьбу свою? Вотъ, подлѣ меня, князь вѣнчанный, а — слышишь ли его стенанія? —изнываетъ, заброшенный всѣми!.. Съ сокровищемъ, которое ты мнѣ принесъ, могу умереть безъ ропота, въ послѣднія минуты мои долженъ благословить пройденный путь и цѣловать руку, которая вела меня по немъ.

Какъ Антонъ благодарилъ ночного посѣтителя за то, что доставилъ ему припасы для письма! Онъ просилъ его только объ одномъ предсмертномъ одолженіи, посѣтить его еще разъ и взять отъ него нѣсколько посланій къ матери.

— Добрый Захарій доставитъ ихъ, если найдешь случай переслать къ нему,—говорилъ заключенный.— За то на томъ свѣтѣ, у престола Бога, буду молить о спасеніи его души. Увидишь Захарія, скажи, что я, передъ смертью, со слезами благодарилъ его и тамъ не забуду.

И посвятилъ онъ всѣ часы, въ которые могъ

укрыть себя отъ зоркаго взгляда сторожей, на то, чтобы написать нѣсколько писемъ къ матери. Письма были отъ разныхъ чиселъ и могли служить на годъ, на два. Въ нихъ изображалъ Антонъ свою счастливую жизнь съ прекрасною, обожаемою супругой, милости государя, надежду пріѣхать современемъ въ Богемію въ русскомъ посольствѣ, все, все, что могъ прибрать для утѣшенія матери. Душа его раздиралась; онъ глоталъ слезы, чтобѣ онѣ не падали на бумагу, когда начертывалъ на ней строки, въ которыхъ все было неправда, кромѣ увѣреній въ любви сыновней.

Съ какимъ восторгомъ Поппель и Мамонъ торжествовали свою побѣду! Первый былъ въ восхищеніи, что избавился отъ человѣка, котораго боялся дядя его, котораго онъ самъ ненавидѣлъ за сходство фамилій, за физіономію, наружныя и душевныя качества и еще по какому-то смутному, непонятному чувству. Тайный голосъ ужъ, конечно, недаромъ всегда вооружалъ его противъ Антона Эренштейна А Мамонъ? Израненный, изуродованный, онъ оживился, будто вспрыснули его живою водой. Онъ позвалъ къ себѣ свое домашнее привидѣніе, которое являлось къ нему, словно изъ гроба, для того только, чтобы выслушивать радостную вѣсть о чьемъ-нибудь несчастіи.

— Слышалъ? — сказалъ онъ сыну: — жениха той, знаешь... нѣмчина Антона, посадили въ черную избу; головѣ его не уцѣлѣть на плечахъ. А! каково! я сказалъ: дочери Образца не бывать замужемъ. Не бывать-таки, не бывать!. Кто возьметъ ее послѣ басурмана?.. Радуйся, господине Хабаръ-Симской, въ своихъ каменныхъ палатахъ! Радуйся и батька въ своей земляной норѣ! Слышишь, друже мой, Василій Ѳедоровичъ?

Бьемъ тебѣ челомъ этимъ хлѣбомъ-солью, кланяемся тебѣ на сладкомъ да пьяномъ меду. Шибнетъ тебѣ въ носъ и подъ парчевою окуткой!.. (И Мамонъ адски захохоталъ). Чтожъ не говоришь ничего, сынъ?

Какъ жилецъ другого міра, дающій знать о своемъ присутствіи между здѣшними только вѣяніемъ могильнаго тлѣнія, молодой Мамонъ не выказывалъ ужъ на лицѣ ни радости, ни печали. По обыкновенію, на восторги отца онъ отвѣчалъ глухимъ, предсмертнымъ кашлемъ.

— Чтожъ не говоришь ничего? — повторилъ старый Мамонъ.

— Батюшка, я умираю, — произнесъ жалобно сынъ.

— Умирай, да радуйся, что отплатили ворогу своему.

Ничего не зная, не подозрѣвая ничего, Анастасія думала только о восторгахъ любви. Самая память объ отцѣ посѣщала ея душу, какъ сладкое видѣніе. Не въ гробу мертвецомъ представлялся онъ ей, а живой, съ улыбкою, съ благословеніемъ, какъ бы говорилъ: «видишь, Настя, я отгадалъ, что ты любишь Антона; живите счастливо, буди надъ вами благословеніе Божье!» Добрый отецъ, онъ веселится теперь между ангелами и любуется благополучіемъ дѣтей своихъ.

И въ это самое-то время мамка, завопивъ, заголосивъ, какъ по мертвомъ, упала въ ноги къ своей питомицѣ.

— Что сталось? — спросила встревоженная Анастасія.

— Ахъ, родная ты моя, сиротинушка горемычная, — завопила мамка: — жениха твоего посадили въ

черную избу; лечилъ татарченку-царевича, да уморилъ. Не снести ему головушки.

Ударъ былъ неожиданъ. Анастасію вся задрожала и помертвѣла. Не произнося ни слова, она впала въ какую-то глубокую думу, уставивъ глаза на одинъ предметъ. Казалось, она окаменѣла въ этой думѣ и стала изваяннымъ выраженіемъ ея. Мамка умоляла ее опомниться, толкала, — она осталась все въ прежнемъ положеніи. Вдругъ глаза ея страшно заблистали, она повела ихъ кругомъ себя, судорожо захохотала и примолвила:

— Тебя подучили на смѣхъ сказать, не обманете!.. На зло вамъ, не разстанусь съ Антономъ: онъ мой суженый, мой полюбовникъ!..

Потомъ опять стала задумываться и опять впала въ прежнее окаменѣніе. Испугалась мамка. Кого не призывала она на помощь? и небесныя силы, и старушекъ-вѣдей. Шептали надъ ней, спрыскивали ее, отчитывали, — ничто не помогало. Вздумали курить ей подъ носъ, колоть ее гвоздемъ, жечь пятки — насилу очнулась.

Пришелъ братъ. Анастасія узнала его и бросилась ему со слезами на шею

— Милый, родной ты братецъ мой, — могла она голько сказать рыдая.

Она не смѣла произнести имени жениха, не только что просить о немъ; стыдъ дѣвическій, а болѣе строгій обычай запрещалъ говорить ей то, что у ней было на душѣ. Ей, дѣвицѣ, позволено было только плакать объ отцѣ или братѣ; слезы, посвященныя другому мужчинѣ, хоть бы и жениху, сочли бы за преступленіе. Но въ немногихъ словахъ ея было столько скорби,

столько моленія, что братъ не могъ не понять, о чемъ такъ крушилась Анастасія.

Хабаръ велѣлъ мамкѣ и всѣмъ постороннимъ выйти изъ свѣтлицы. Когда это было исполнено, сталъ пенять ей, что предается такому отчаянію при людяхъ, представлялъ, что дворчане могутъ заключить о ней худое.

— Горько тебѣ? скрѣпи сердце. Умирай подъ клещами, да молчи: такъ всегда дѣлалось въ роду нашемъ,—говорилъ онъ сестрѣ.—А тебѣ, дѣвицѣ, и подавно непристойно крушиться о женихѣ, который еще и нашего закона не принялъ.

Сдѣлавъ ей это отеческое наставленіе, началъ ласкать и утѣшать ее.

Есть надежда спасти Антона Посланъ гонецъ въ отчину къ князю Холмскому, который просилъ, въ случаѣ какой-либо невзгоды для Антона, дать ему знать съ нарочнымъ Сынъ Холмскаго женатъ на дочери великаго князя. Тутъ дожны помочь и заслуги воеводы, и родственныя связи... У Хабара самого лошади въ упряжи. Онъ скачетъ въ Тверь къ княжичу Ивану; княжичъ любитъ лекаря и заступится за него. Княгиня Елена Волошанка обѣщаетъ, во что бъ ни стало, спасти несчастнаго. За него хлопочутъ сильные люди: любимецъ Ивана Васильевича — дьякъ Курицынъ, самъ митрополитъ Зосимъ. Этотъ вступается за Антона, какъ за агнца, котораго теряетъ стадо Христово. Уже готова купель очищенія, а его хотятъ оторвать отъ нея и бросить въ огонь вѣчный. Всѣ надѣются умилостивить Ивана Васильевича. А если просьбы, ходатайства и убѣжденія не подѣйствуютъ, такъ есть другія средства...

Вотъ что передалъ братъ сестрѣ, а Анастасія, крѣпко обнявъ его, умоляла ѣхать скорѣе въ Тверь.

Черезъ нѣсколько дней, именно въ день Покрова Богородицы, старая женщина, готовившая скудную пищу для заключенныхъ, бросила нѣмчину въ его отдѣленіе калачъ. Мы ужъ знаемъ, что въ немъ заключалось. Это было стряпанье Анастасьиной мамки. Зато чего стоило дочери Образца склонить свою воспитательницу на такой подвигъ! Слезы, колѣнопреклоненія, обѣщанія богатыхъ даровъ и милостей по гробъ, угрозы, что себя изведетъ, — все было употреблено, чтобы достигнуть своей цѣли. Сто разъ легче сдѣлалось ей, когда она узнала объ исполненіи ея желанія. Завѣтный крестъ на груди Антона; онъ спасетъ его.

Прискакалъ князь Холмскій; умоляли онъ, сноха его — дочь великаго князя, Іоаннъ младой *листомъ*, который присланъ съ Хабаромъ, Елена, митрополитъ; многіе изъ нихъ падали грозному властелину въ ноги,— ничто не помогло.

— Коли бъ хотѣлъ я самъ, не могу,—отвѣчалъ имъ великій князь, — я далъ слово Даньяру, другу и слугѣ моему, я клялся передъ образомъ Спасителя. Ни для родного сына не отступлюсь.

Аристотеля и Андрюшу не велѣлъ пускать къ себѣ и на глаза. Чтобы не встрѣтиться съ ними, онъ нѣсколько дней не выходилъ изъ дому. Постройка Успенскаго собора остановилась. Художникъ велѣлъ сказать великому князю, что «церковь не будетъ кончена, если не освободятъ Антона, что онъ только по просьбѣ Антона и началъ постройку ея». Ивана Васильевича отвѣтъ былъ — грозное молчаніе.

Между тѣмъ Анастасію увѣряли, что дѣла идутъ хорошо, что есть надежда...

Друзья несчастнаго не переставали однакожъ дѣйствовать, какъ могли, всѣми средствами, которыя только имѣли, чтобы спасти его. Въ этой битвѣ противъ людей и судьбы, не менѣе, если не болѣе другихъ, принималъ участіе сынъ Аристотелевъ.

Жаль было смотрѣть на Андрюшу! Онъ почти не ѣлъ, не пилъ и не спалъ. Его не иначе могли заставить подкрѣпить себя пищею, какъ напомнивъ ему, что его защита для Антона нужнѣе, чѣмъ другого кого. Онъ только дѣлалъ, что бродилъ около тюрьмы своего друга или около хороминъ великокняжескихъ. Здѣсь сторожилъ, не выйдетъ ли Иванъ Васильевичъ, не взглянетъ ли хоть въ окно. И подсмотрѣлъ-таки его разъ. Тогда, ставъ на колѣна, клалъ земные поклоны, и билъ себя въ грудь, и указывалъ на небо, на храмы Божьи, на слезы свои. Чтожъ Иванъ Васильевичъ? Спѣшилъ отворотиться.

Бродя днемъ и ночью около черной избы, какъ страстный любовникъ около жилища своей любовницы, которую содержитъ строгій отецъ или опекунъ за тридевятью замками, Андрюша думалъ иногда, что въ отверстіи одного изъ пузырныхъ оконъ тюрьмы уловилъ взглядъ милаго, драгоцѣннаго узника. Отверстіе,— сталъ онъ замѣчать,—становилось день-ото-дня больше. Наконецъ можно было различать сквозь него черты лица, столько знакомыя и любезныя. Тогда какую трогательную, краснорѣчивую бесѣду знаками завелъ онъ съ своимъ другомъ! А мѣшать этой бесѣдѣ кому была нужда! Кто хотѣлъ, могъ бы разбить себѣ голову въ виду черной избы, въ знакъ своей любви къ

одному изъ заключенныхъ, лишь бы узнику не прибавилось отъ того ни на волосъ свободы. Мальчика же и подавно не опасались.

Могъ ли не принимать живое участіе въ судьбѣ Антона добрый тверчанинъ, его мечтательный спутникъ по западнымъ землямъ и сватъ? Онъ не разъ провожалъ малютку въ его тайныхъ путешествіяхъ и вмѣстѣ съ нимъ радовался открытію сообщенія съ милымъ узникомъ. Въ одинъ вечеръ удалось даже Андрюшѣ, ставъ на плеча старику, подсмотрѣть въ тюремное окно, что никого не было въ клѣти, кромѣ самого заключеннаго. Тутъ онъ осмѣлился протянуть ему руку сквозь желѣзную рѣшетку и отверстіе въ пузырѣ окна, осчастливленъ пожатіемъ дружеской руки, и успѣлъ сказать ему: «завтра день великій... жди меня». Болѣе ничего не имѣлъ онъ времени сказать и ничего услышать отъ Антона въ отвѣтъ. Кто-то вошелъ въ тюремную клѣть.

Да, завтра былъ день великій для Антона. Друзья его знали, что старый царевичъ-татаринъ вышелъ изъ ужасной летаргіи, въ которую погрузила его смерть сына, и готовился за голову его требовать у Ивана Васильевича примѣрнаго мщенія. Завтра, во что бы ни стало, надо было спасти жертву его.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РАЗВЯЗКА

Лампады тихой свѣтъ
Блѣднѣлъ предъ утренней зарею,
И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
Къ рѣшеткѣ поднялъ влажны взоры...
Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды нѣтъ.
Звучатъ ключи, замки и запоры.
Зовутъ... Постой, постой, день только, день одинъ.
«А. Шенье.» — *Пушкинъ.*

«— День великій?.. — говорилъ самъ съ сооою Антонъ. — Неужели день прощенія, милости?.. Можетъ быть и казни!.. Это скорѣй. Приговоры Іоанна роковые: громы, падающіе съ неба, не возвращаются. Можетъ быть, друзья мои рѣшились спасти мена? Но какъ? съ какими пожертвованіями, съ какими условіями? Пускай этотъ день будетъ вполнѣ великимъ», — сказалъ онъ, встрѣчая утро, и снова просилъ себѣ духовника.

Имѣли жестокость отказать, или, что все равно, молчали.

Курицынъ не приходилъ за письмами. Чтожъ помѣшало? Онъ не обманетъ, если только есть возможность. Онъ подкопается подъ основаніе тюрьмы, найдетъ дорогу хоть черезъ трубу, если не сыщетъ дру-

гихъ путей. Въ этомъ Антонъ увѣренъ. Ужъ не потому ль не приходитъ, что есть надежда на милость великаго князя?..

Надежда!.. Боже великій! какъ при этомъ словѣ сердце забилось сильнѣе, кровь живѣе заструилась! какъ при этомъ словѣ выступили изъ мрака всѣ милые люди съ ласкою, со всѣми дарами жизни, и окружили его!

О! постойте, подождите хоть немного, милые призраки, у изголовья несчастливца заставьте его забыть на этотъ день желѣза, черную избу, стоны товарищей его заключенія; очаруйте его, дорогіе гости, своими ласками, подарите его еще однимъ земнымъ праздникомъ, можетъ быть послѣднимъ на порогѣ въ вѣчность...

Нѣтъ, они пришли на мигъ, и тотчасъ убѣжали, испуганные тоскою неизвѣстности.

Какую тяжкую полосу вытянули часы до вечера.

Никто не является. Антонъ на стражѣ у окна...

Прислушивается... никого! Тихо, будто на грани міра.

Невольно взглянулъ онъ на стѣну... При слабомъ свѣтѣ ночника роковыя имена несчастливцевъ, которыхъ онъ въ этой тюрьмѣ смѣнилъ и которые ужъ исчезли съ земли, выступили изъ полумрака и бросились ему въ глаза. Краснорѣчивыя надгробныя надписи! Почему жъ и ему не поставить себѣ такого жъ памятника? Можетъ быть, въ его клѣть придетъ скоро новый жилецъ и станетъ также пробѣгать эти строки. Онъ будетъ тогда не одинъ, онъ окружитъ себя семействомъ былыхъ товарищей, и поведетъ съ ними сердечную бесѣду.

Антонъ сказалъ гвоздь и начерталъ на стѣнѣ четыре слова: «liebe Mutter, liebe A...», прощальныя съ землею слова, или, что все равно, съ тѣми, кого не было для него дороже на землѣ. Писавъ ихъ, онъ обливался слезами, какъ будто вырывался изъ объятій милой матери, милой невѣсты, чтобы никогда ихъ не увидѣть.

Впослѣдствіи надъ этими словами задумывался вѣнчанный внукъ Іоанна, заключенный въ томъ же отдѣленіи черной избы; часто искалъ злополучный Димитрій Ивановичъ ключа къ этимъ іероглифамъ. Только сказочникъ Аѳоня могъ объяснить ихъ, разсказавъ ему повѣсть о заключенномъ. Недаромъ же Антонъ написалъ четыре слова на родномъ языкѣ: они послужили къ прекрасной тризнѣ по немъ, совершенной черезъ нѣсколько лѣтъ устами добраго старца и сердцемъ юнаго узника, который не зналъ своихъ преступленій.

Вдругъ шорохъ за окномъ... Антонъ бросился къ нему... прислушивается... Кто-то осторожно цѣпляется по стѣнѣ... глазъ заблисталъ въ отверстіи окна, и потомъ смѣнила этотъ глазъ маленькая рука. Она держала пилу и свернутую бумажку. Антонъ схватилъ то и другое, спряталъ пилу за пазуху, и прочелъ съ трудомъ, въ ужасномъ волненіи, слѣдующія строки, прыгавшія и двоившіяся въ глазахъ: «Завтра хотятъ выдать тебя головою татарамъ. Нынче ночью ты долженъ бѣжать. Спили желѣзныя рѣшетки: стража тебѣ не помѣшаетъ. Въ окно, и къ занеглинной мельницѣ! Тамъ будетъ ожидать тебя лошадь и проводникъ. Отъ него получишь оружіе и деньги. Далѣе, по пути, князь Холмскій и Хабаръ разставили въ разныхъ мѣстахъ своихъ лошадей и дворчанъ. Они выпроводятъ тебя до

литовской границы. Спасайся въ свое отечество. Прощай, милый, незабвенный другъ, помни, что есть на Руси люди, которые тебя много, очень много любятъ и будутъ только тогда счастливы, когда узнаютъ о твоемъ счастіи; не забудь и маленькаго друга своего Андрея. Подай тебѣ Господи время и возможность спастись! До тѣхъ поръ не буду покоенъ. Еще прощай, милый Антонъ!»

Душа узника расцвѣла; радость заблистала въ глазахъ его. Онъ слышалъ ужъ свѣжій воздухъ, видѣлъ поля, небо, все это такое легкое, широкое, раздольное... Но лишь только мелькнули первыя минуты восторга, пробужденнаго мыслью о спасеніи, о свободѣ, эгоизмъ далъ мѣсто другому чувству. Куда бѣжитъ онъ? Въ Богемію. Правда, онъ найдетъ тамъ свое отечество, безопасность, мать, нѣжно любимую; но найдетъ ли то, чѣмъ жизнь его красилась, найдетъ ли Анастасію? Что станется съ нимъ безъ нея? Изноетъ съ тоски. И здѣсь, въ Москвѣ, какія будутъ слѣдствія его побѣга? Не пострадаютъ ли тюремные сторожа, дѣти боярскія? Можетъ статься, и друзья его? За него будутъ казнимы, прольется невинная кровь. Нѣтъ, нѣтъ, никогда не рѣшится онъ жертвовать для своей безопасности не только друзьями, но и сторонними, хотя бы послѣднимъ изъ тюремныхъ сторожей. За него никто не долженъ страдать. Господь осудилъ его; онъ выпьетъ чашу одинъ.

Съ одной стороны, міръ звалъ его къ себѣ, съ другой — высокое христіанское чувство приказывало ему не слушать голоса этого обольстителя. Голова его горѣла, сердце замирало... Надо было однакожъ рѣшиться... Онъ рѣшился.

Первымъ его дѣломъ было сжечь письмо Андрюшино. Онъ не отдалъ ему пилы назадъ, чтобы вдругъ не огорчить его, но поспѣшилъ написать на лоскуткѣ бумаги: «Знаю, какая участь можетъ постигнуть тѣхъ, кому поручена голова моя. Совѣсть и Господь запрещаютъ мнѣ воспользоваться средствами спасенія, которыя мнѣ предлагаютъ. Я спасусь, но могутъ погибнуть мои ближніе. Благодарю друзей своихъ, благодарю тебя, милый Андрюша. Воспоминаніе о вашей дружбѣ усладитъ для меня послѣднія мои минуты. Прощайте, обнимаю васъ крѣпко, крѣпко. И *тамъ* я буду близко отъ васъ». Написавъ эти строки и схвативъ приготовленныя къ матери письма, онъ кашлянулъ у отверстія.

— Что тебѣ? — проговорилъ знакомый голосъ.

— Твою руку, — отвѣчалъ онъ.

Маленькая рука опять появилась въ отверстіи. Антонъ прижалъ ее къ губамъ своимъ и вложилъ въ нее свою посылку. Принимая посланіе, Андрюша чувствовалъ, что на руку его капали слезы.

«Что бы онѣ значили?» — думалъ онъ съ замираніемъ сердца, удерживая руку своего друга, спѣшилъ также расцѣловать ее и потомъ спустился съ плечъ добраго тверчанина, который и нынѣ служилъ ему живою лѣстницей.

Загадка, его мучившая, должна была разрѣшиться дома, при свѣтѣ огня.

Чтобы не впасть въ искушеніе, Антонъ забросилъ за окно пилу, — послѣднее орудіе спасенія!.. Кончено!.

Почти всю ночь пробылъ узникъ на молитвѣ. Грустно было ему разставаться съ этимъ міромъ; но

мысль, что онъ въ чистотѣ сдаетъ свою земную одежду, что любовь и дружба провожаютъ его такими искренними, живыми изъясненіями, облегчала для него путь креста

Въ полночь онъ началъ засыпать. Ему казалось, будто онъ во снѣ слышитъ рыданія у окна своего. (Это рыдалъ Андрюша, прочитавъ отвѣтъ узника). Но Антона такъ неугомонно, такъ сладко тянуло ко сну, что онъ не имѣлъ силъ превозмочь его и проспалъ на своемъ жесткомъ ложѣ до зари.

Вдругъ... слышитъ шумъ, тревогу...

— Гдѣ нѣмчинъ?—кричатъ голоса нечистымъ русскимъ языкомъ, — великій князь выдалъ намъ его голову. Подавайте нѣмчина.

И вслѣдъ затѣмъ вторглось въ его клѣть нѣсколько татаръ, атлеты наружностью, съ глазами, кипящими гнѣвомъ, бросились на него, повалили его и, положивъ ему колѣно на спину, связали руки назадъ.

Напрасное насиліе! Антонъ не противился.

— Иду, куда хотите, — сказалъ онъ съ твердостью, — объ одномъ только умоляю именемъ отца вашего, вашей матери, убейте меня скорѣй, только не мучьте.

— Собакѣ будетъ и собачья смерть, — кричали татары, — не жалѣлъ ты нашего царевича.

— Вотъ тебѣ за племянника.

— Вотъ за родного.

— Вотъ за царевича нашего.

И удары сыпались на несчастнаго, по чемъ попало; кто билъ его кулакомъ, кто рукоятью ножа.

Около казеннаго двора собрались во множествѣ конные и пѣшіе татары. Они встрѣтили узника руга-

тельствами, криками, хохотомъ. Такъ сонмище сатанинское привѣтствуетъ свою жертву у входа въ адъ.

Ужасная процессія потянулась по набережной, по Великой улицѣ, къ Москворѣцкому мосту. Толпы народа начали сноваться вслѣдъ за ней. Казалось, надо бы ожидать, что чернь присоединитъ свои оскорбленія къ тѣмъ, которыми татары угощали свою жертву: напротивъ, русскіе, смотря на молодость, красоту, благородный видъ Антона, слыша, что онъ готовился принять русскій законъ, жалѣли о немъ и бранили татаръ; многія женщины плакали.

Близъ Константино-еленовскихъ воротъ, князь Холмскій, Аристотель и Хабаръ встрѣтили процессію. Они бросились къ начальникамъ ея и предлагали имъ богатый выкупъ, чтобы они отпустили своего плѣнника. Къ друзьямъ Антона присоединилась молодая, прекрасная женщина: она положила въ складчину ихъ золотую цѣпь, монисты и другія богатыя женскія украшенія. Это была Гаиде.

Поколебались было нѣкоторые изъ татаръ; но родственники Каракачи не согласились. Наконецъ друзья несчастнаго, усиливая свои дары, могли только убѣдить ихъ повременить казнью хоть на нѣсколько мгновеній.

Ждали еще снова милости отъ Ивана Васильевича. Къ нему пошелъ Андрюша; Андрюшу, во что бъ ни стало, обѣщалъ Курицынъ пропустить къ великому князю.

Чтобы, въ случаѣ прощенія, скорѣй передать его распорядителямъ казни, Хабаръ поскакалъ на Константино-еленовскую улицу: тамъ онъ сталъ ожидать

вѣстника. Аристотель, между тѣмъ, пробрался къ осужденному, утѣшалъ и успокаивалъ его.

Недаромъ далъ слово Курицынъ,—Андрюша былъ ужъ у ногъ властителя, обнималъ ихъ, обливалъ слезами. Сначала не могъ онъ ничего говорить.

Какъ перемѣнился маленькій любимецъ великаго князя съ тѣхъ поръ, какъ онъ не видалъ его! Куда дѣвались румянецъ въ лицѣ, живость въ глазахъ? Все это смѣнили истома, мертвизна; глаза впали, лицо свело, губы запеклись, будто подернуло ихъ землею.

— Что тебѣ?—спросилъ властитель, невольно смущенный.

— Помилуй, государь; прости Антона-лекаря,—говорилъ Андрюша голосомъ, въ которомъ изливалась вся душа его.—Видитъ Богъ, онъ не виноватъ; злодѣи подмѣнили лекарство. Я знаю его, я ручаюсь за него, онъ не сдѣлаетъ худнго дѣла. Помилуй его, мой царь, мой отецъ! Будь великодушенъ. Пойду къ тебѣ по гробъ въ кабалу. Сдѣлай изъ меня что хочешь палатнаго мастера, каменщика, плотника; чѣмъ хочешь, всѣмъ буду для тебя. Буду служить тебѣ вѣрнымъ рабомъ, пока останется капля крови. Посылай меня на какое дѣло тебѣ только вздумается, на ратное, на смерть; заточи меня вмѣсто Антона, но только помилуй его. Буду вѣчно Господа молить за тебя!

Въ помощь краснорѣчивому стряпчему пришла Софья Ѳоминишна изъ другой горницы, изъ которой услыхала жалобныя моленія, раздиравшія душу, и также стала убѣдительно просить великаго князя о помилованіи лекаря. Въ этомъ случаѣ она не помнила зла на Антонѣ за оскорбленіе брата ея Андрея Ѳомича.

— Добро, — сказалъ тронутый властитель, — ради васъ милую Антона-лекаря. Курицинъ, — прибавилъ онъ, обратясь къ своему дьяку, — пошли боярскихъ дѣтей именемъ моимъ освободить лекаря отъ татаръ и позови ко мнѣ Даньяра. Авось, уломаю его.

Вскрикнулъ Андрюша отъ радости... всталъ... опять палъ въ ноги Ивану Васильевичу, цѣловалъ ихъ, и быстрѣе молніи полетѣлъ изъ хороминъ великокняжескихъ. Дворецкаго, который пытался было остановить его въ переходахъ, сбилъ онъ съ ногъ, забывъ гдѣ-то свою шапку, бѣжалъ съ обнаженною головой, какъ сумасшедшій, по площадямъ и улицамъ.

На Константино-еленовской улицѣ не было уже Хабара... Неужли?..

Сердце у Андрюши замерло. Испуганный, задыхаясь, онъ упалъ... старался перевести духъ, поднялся... опять побѣжалъ и опять упалъ... хотѣлъ что-то закричать, но осиплый голосъ его произносилъ непонятныя слова; хотѣлъ поползти и не смогъ... Силы, жизнь оставляли его. Онъ бился по замерзлой землѣ; казалось, онъ съ кѣмъ-то боролся... и наконецъ, изнемогши, впалъ въ безчувственность.

Въ такомъ состояніи нашелъ его Аристотель; онъ и самъ походилъ на безумнаго.

— Ужъ поздно!—сказалъ онъ гробовымъ голосомъ, поднялъ умирающаго сына, взвалилъ его себѣ на плечо и повлекся съ нимъ, — и самъ не зналъ куда. Съ этою ношей бродилъ онъ какъ тѣнь, цѣпляясь за дома и заборы. Кто-то изъ знакомыхъ сжалился надъ ними и привелъ ихъ домой.

Да, ужъ было поздно. Видѣли, какъ прискакалъ къ своимъ царевичъ Даньяръ, слышали, какъ онъ сер-

дился на нихъ и отдалъ грозный приказъ докончить несчастную жертву; видѣли, какъ татары повлекли Антона съ берега подъ мостъ, на ледъ замерзшей рѣки, видѣли, какъ Антонъ поклонился народу, освобожденный отъ узъ, перекрестился, прижалъ что-то къ груди своей, и какъ потомъ татаринъ... поднялъ высоко, торжественно за густые, свѣтлые кудри бѣловосковую голову...

И въ то же самое время солнце такъ играло на небѣ!

Собравъ смертные останки, Хабаръ и тверчанинъ Аѳоня ночью похоронили ихъ у «Антонова двора, за Лазаремъ святымъ».

Вотъ за чѣмъ пріѣзжалъ Антонъ Эренштейнъ на Русь! Да еще за тѣмъ, чтобы оставить по себѣ слѣдующія почетныя строки въ исторіи: «*Врачъ нѣмчинъ Антонъ пріѣха (въ 1485) къ великому князю; его въ великіе чести держалъ великій князь; врачева же Каракачу, царевича Даньярова, да умори его смертнымъ зеліемъ за посмѣхъ. Князь же великій выдалъ его «татарамъ»... они же свели его на Москву-рѣку подъ мостъ зимою и зарѣзали ножомъ, какъ овцу*».

Что сдѣлалось съ Анастасіей? Съ каждымъ днемъ въ глазахъ и на душѣ ея стало болѣе и болѣе темнѣть, такъ что скоро все слилось для нея въ ужасный мракъ. Антонъ сталъ являться къ ней и звать съ собою.

— Приду, скоро приду, милый, суженый мой,— говорила она въ помѣшательствѣ.

Страдала, томилась, сохла, наконецъ не выдержала... наложила на себя руки.

Не спрашивайте меня, какъ это было.

Вы знаете по исторіи, что казнь врача привела въ ужасъ всѣхъ иностранцевъ, жившихъ тогда въ Москвѣ, что Аристотель бѣжалъ было въ свою землю, что «князь великій пойма его и, ограбивъ, посади на Онтоновѣ дорѣ за Лазаремъ святымъ», что художникъ исполнилъ обѣтъ свой—докончилъ храмъ Успенія Пресвятой Богородицы. Но что послѣ сдѣлалось съ нимъ, съ сыномъ его, куда слѣдъ ихъ дѣвался,—нигдѣ не отыщете. Напрасно сердце ваше спрашиваетъ, гдѣ лежитъ прахъ ихъ... Богъ вѣсть!

Грустно, очень грустно.

Вы, конечно, не спросите меня о будущности Хафара-Симскаго. Сердцу каждаго русскаго должны быть очень знакомы освобожденіе Нижняго-Новгорода отъ враговъ, спасеніе *нашей* чести въ Рязани, осажденной татарами при Василіи Іоанновичѣ, и другіе подвиги знаменитаго воеводы.

Мы забыли сказать, что въ день казни Антоновой родился Іоанну внукъ, Дмитрій Ивановичъ.

Думаемъ, нужно еще прибавить къ заключенію нашей повѣсти, что мѣсто лекаря Антона при дворѣ великаго князя заступилъ, по рекомендаціи Поппеля, *мистра* Леонъ, родомъ жидовинъ; что этотъ мейстеръ лечилъ и залечилъ Іоанна младого и за то казненъ всенародно на Болвановкѣ, за Москвой-рѣкой. Объ этомъ никто не жалѣлъ: по дѣломъ была вору мука!

Перенесемся теперь въ нѣмецкія земли.

Поппель, возвратясь ко двору своего государя, спѣшилъ обрадовать дядю вѣстью о смерти его однофамильца.

— Несчастный!—закричалъ баронъ внѣ себя,—это

былъ сынъ мой. Я убійца его. Проклинаю тебя вмѣстѣ съ собою!

Онъ спѣшилъ разсказать встрѣчному и поперечному повѣсть о рожденіи Антона и свои злодѣянія. Вскорѣ монастырь заключилъ его въ стѣнахъ своихъ. Въ тотъ же монастырь послѣдовалъ за нимъ новый отшельникъ: это былъ Антоніо Фіоравенти. Можно судить, какова была ихъ первая встрѣча. Долго еще встрѣчались они каждый день въ переходахъ монастырскихъ, униженно кланялись другъ другу и поспѣшали у подножія креста смывать слезами глубокаго раскаянія кровь невинной жертвы, которою были запятнаны.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ОПЯТЬ ВЪ БОГЕМІИ

Не доиграна игра, не допѣта пѣсенка.

Вы помните, конечно, замокъ у Бѣлой горы, на берегу Эльбы, хоть и давно разстались съ нимъ. Вотъ безъ малаго черезъ три года, какъ мы побывали тамъ, входимъ опять на дворъ, принадлежащій этому бѣдному замку.

Прекрасный осенній день — замѣтьте въ Богеміи — склоняется ужъ къ вечеру и накидываетъ розовое покрывало на небо, на воды, на всѣ предметы. И замокъ въ огняхъ, будто праздникъ въ немъ. Все твореніе, проникнутое какимъ-то упоительнымъ спокойствіемъ, дышитъ такъ легко, такъ сладостно. На дворѣ замка маститый вязъ, еще прекрасный, несмотря, что старость и осень разубираютъ его, привлекъ къ себѣ юную виноградную лозу, которая крѣпко его обнимаетъ, вьется въ ласковыхъ побѣгахъ по вѣтвямъ и убираетъ ихъ своими гроздіями, жарко пылающими отъ послѣднихъ лучей солнца. На одномъ суку повѣшена колыбель, вся въ цвѣтахъ. Старикъ, сѣдовласый, длинный, сухощавый, съ нѣжною заботливостью ка-

чаетъ ее, сидя на скамейкѣ. Но ребенокъ закричалъ, и старикъ спѣшитъ раздвинуть занавѣски, беретъ его къ себѣ на руки, гулитъ и няньчитъ, пока не пришла мать. Вотъ молодая женщина принимаетъ сладкое бремя отъ пѣстуна, садится также подъ вязомъ и начинаетъ кормить дитя грудью. Взоры ея то смотрятъ съ любовью на ребенка, то съ умиленіемъ встрѣчаютъ двухъ милыхъ существъ, которыя подходили къ вязу и недалеко отъ него остановились. Одинъ—молодой, статный, румяный крестьянинъ или мызникъ (судя по одеждѣ его, отличающейся отъ крестьянской нѣкоторыми выгодными оттѣнками); другой—дитя, лѣтъ двухъ. Между ними завязался споръ, и мать угадываетъ, что побѣда останется на сторонѣ послѣдняго. Дитя, весь покраснѣвъ, хочетъ, во что бъ ни стало, тащить заступъ, который несъ молодой крестьянинъ, отецъ маленькаго бунтовщика, идя съ полевой работы. Отцу хотѣлось бы угодить ему, и между тѣмъ онъ боится, чтобы ноша не по силамъ не сдѣлала ему вреда. Наконецъ улаженъ миръ: малютка поставилъ на своемъ, — онъ тащитъ заступъ, но отецъ привязалъ къ нему свою подвязку, на которой держитъ всю тяжесть орудія. Этотъ споръ и побѣда чрезвычайно забавляютъ старика и молодую женщину. Вся эта картина облита розовымъ колоритомъ вечерней зари:

Здравствуйте, старинные друзья мои, Фрицъ, Якубекъ и Любуша! Вотъ и семья ваша прибыла. Видно по всему, что вы живете довольны, счастливы. Вы не искали этого счастія за морями, вы нашли его около себя. Слава Богу, даже имени страстей не знали! Не кипѣла отъ нихъ кровь ваша, не терзалось ваше сердце на части, адскія муки не отбивали васъ отъ пищи,

отъ сна и не смущали воображенія грозными привидѣніями. Славу Богу!.. Миръ и благостыня не отойдутъ и отъ вашихъ могилъ.—Здѣсь почиваютъ *добрые* люди, скажутъ, указывая на нихъ, замѣнившіе васъ жильцы,—и странникъ помянетъ васъ благословеніемъ.

Молодая женщина, накормивъ грудью свое дитя, положила его опять въ колыбель, и старикъ опять принялся убаюкивать его. Подъ вязомъ поставленъ столъ; скоро готова вечерняя трапеза. Но прежде, нежели садятся за нее, все семейство благоговѣйно творитъ молитву, и дитя, повторяя за матерью, лепечетъ благодареніе Богу за хлѣбъ насущный. Сѣли; Любуша одна не садится. Она устремила взоры на ближайшую гору, по которой идетъ дорога къ замку, и какъ-будто силится глазами поймать какой-то предметъ.

— Что ты ловишь тамъ, Любуша?—спросилъ Якубекъ.—Ужъ не корова ли сбѣжала! Пожалуй, чего добраго, отъ нея станется по прошлогоднему... дастъ мнѣ работы на ночь!

— Нѣтъ,—отвѣчала молодая женщина,—плетется съ горы какой-то странникъ, старичокъ... да, видно, очень усталъ. Не подождать ли намъ его?

Якубекъ сдѣлалъ рукою щитъ надъ глазами и, немного погодя, промолвилъ:

— И то странникъ! По одеждѣ, видно, не здѣшній. Добро, подождемъ его.

Накрыли молоко отъ мухъ, уняли нетерпѣніе малютки ломтемъ хлѣба и стали дожидаться путника. Нотакъ какъ онъ съ трудомъ тащился, то молодая женщина пошла ему навстрѣчу, привѣчала его ласковымъ словомъ и, подхвативъ за руку, помогла ему скорѣе дойти до вяза

Одежда странника была не нѣмецкая; говорилъ онъ и языкомъ, хотя понятнымъ для чеховъ, но все-таки не чешскимъ. Старикъ, прежде чѣмъ поклонился хозяевамъ, положилъ нѣсколько крестныхъ знаменій передъ иконою, вдѣланною въ небольшое дупло вяза, что очень понравилось набожнымъ чехамъ.

Они сажали его на почетное мѣсто, угощали чѣмъ только могли—и пищею тѣлесною, и ласками. Скоро все семейство очень полюбило старичка. И самъ двухлѣтній сынъ Якубка, сначала дичившійся его, вѣроятно потому, что онъ былъ кривой, черезъ нѣсколько времени подошелъ къ нему и сталъ просить у него посоха на лошадку.

И была важная причина, что жители замка особенно полюбили странника: онъ былъ русскій, онъ пришелъ изъ Москвы.

Вы угадаете, что это былъ тверчанинъ Аѳанасій Никитинъ. Онъ ходилъ въ страны на восходъ солнечный, ему хотѣлось побывать и на западѣ: вотъ и пришелъ онъ... Правда, не одно любопытство привлекло его въ Богемію; онъ несъ къ матери Антона одно изъ писемъ отъ покойника.

Когда узнали, что странникъ русскій, Фрицъ, Якубекъ и Любуша засыпали его вопросами о молодомъ ихъ господинѣ.

— Боже мой! изъ Руси, изъ Москвы!..—говорили они.—Да если бъ мы знали, что у насъ будетъ такой дорогой гость, такъ вышли бы къ тебѣ навстрѣчу въ Липецкъ и понесли бъ тебя на рукахъ своихъ!

Но странникъ, прежде нежели отвѣчалъ на ихъ многочисленные вопросы, самъ спросилъ ихъ, гдѣ же боярыня, матушка господина Антона.

— Тамъ, — отвѣчалъ Фрицъ, указывая на небо.

Старикъ перекрестился съ умиленіемъ и примолвилъ:

— Слава Богу!.. Я несъ было ей вѣсточку отъ сынка... да они ранѣе свидѣлись, ранѣе переговорили другъ съ другомъ.

Извѣстіе о смерти молодого господина глубоко тронуло добрыхъ обитателей замка. Вспоминали его прекрасную наружность, прекрасную душу, его послѣднее посѣщеніе замка, означенное разными дѣлами добра, благословляли его за счастіе, которымъ наслаждалось черезъ него все семейство Фрица, вспоминали и отъѣздъ молодого господина въ Московію...

— Какъ-будто чувствовалъ, что не воротится,—говорилъ Якубекъ, прерывая свои слова рыданіями:— «придется ли намъ свидѣться», молвилъ онъ въ Липецкѣ, когда я провожалъ его... Недаромъ сердце у меня тогда оторвалось! Хотѣлъ бы еще одинъ разикъ взглянуть на него! Кажись, легче бы было.

— Благодареніе Богу, что госпожа баронесса умерла прежде его, — сказалъ Фрицъ, — а то бъ измучилась, бѣдная, при концѣ своемъ!..

— А когда барыня кончила вѣкъ свой? — спросилъ странникъ.

— Вотъ будетъ скоро два года,—отвѣчалъ Фрицъ.— Была здоровехонька и спокойна... весела нельзя сказать, потому что веселья она не видала давно, очень давно... Вдругъ, безъ всякой причины, стала грустить, да задумываться, да метаться... видишь, добрый человѣкъ, съ того только, что приснился ей нехорошій сонъ о сынкѣ... «Недаромъ!» говорила она: «что-нибудь да худое съ нимъ дѣется». Я уговаривать ее, какъ зналъ мой умишка, а пуще любовь и предан-

ность къ ней; я къ ней отца Лаврентія съ церковными увѣщаніями, нѣтъ, милостивая госпожа стояла только на одномъ, что съ сынкомъ сдѣлалось худо. Томилась да томилась, да и сама слегла въ постель. Вотъ разъ, утромъ, приносятъ къ ней черезъ жида Захарія—чай, знаешь, видалъ его на Руси? — вотъ приносятъ къ ней письмо отъ молодого господина. Надо было видѣть, что съ нею тогда сдѣлалось. Прежде и руку-то поднимала съ трудомъ, а тутъ сама поднялась на постели, да стала прижимать письмо къ сердцу и плакать... О, это были слезы, какими и не на этомъ свѣтѣ дай Богъ намъ плакать! Всѣхъ насъ позвала къ себѣ, и всѣмъ показывала письмо, а радость такъ и блистала въ глазахъ ея, щеки такъ и пылали, какъ будто у молодой дѣвушки. Вотъ убралась она въ свое лучшее платье — тутъ были и соболи, что прислалъ ей господинъ Антонъ — и позвала отца Лаврентія читать письмо. И читалъ онъ ей, какъ счастливо живетъ молодой господинъ, и какъ любитъ его молодая, прекрасная супруга, и какъ государь-король московскій жалуетъ его своими милостями. Чтожъ, добрый человѣкъ? не снесла долго своей нечаянной радости... черезъ три дня отдала Богу душу. И какъ стала умирать, все держала письмо у груди. Такъ съ нимъ и похоронили ее.

Разрывалась грудь странника при слушаніи этого разсказа; нерѣдко утиралъ онъ кулакомъ слезы, катившіяся невольно одна за другою. Онъ не разочаровалъ обитателей бѣднаго замка насчетъ благополучія Антона; онъ не хотѣлъ принять на душу этого грѣха. Напротивъ, старался еще болѣе скрасить счастливую жизнь дворскаго лекаря на Руси, и прибавилъ, что

онъ еще недавно и умеръ. А самъ, разсказывая все это, не могъ не плакать...

Онъ прогостилъ недѣли съ двѣ у своихъ новыхъ друзей, словно въ родной семьѣ, хотѣлъ было идти еще далѣе на западъ, да не пошелъ... что-то сгрустнулось по Руси.

Обитатели замка провожали его, какъ будто вновь провожали на Русь своего молодого господина. Долго стояли они на перекресткѣ дорогъ, пока онъ совсѣмъ скрылся изъ виду; долго еще были рѣчи о немъ въ благословенной семьѣ.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТАГО ТОМА

стр.

БАСУРМАНЪ

Часть третья и четвертая 1

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 056666487